10/11
15/R

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ-ПОЛИТИКИ-ЛИТЕРАТУРЫ.

СОРОКЪ-ШЕСТОЙ ГОДЪ. — КНИГА 8.

АВГУСТЪ, 1911.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

КНИГА 8-я. — АВГУСТЪ, 1911.

стр.

I.—ЯНТАРОВЪ.—Повѣсть.—I-X.—**А. Тырковой** 3

II.—ИЗЪ КАЗИМІРА ТЕТМАЙЕРА.—Стихотвореніе **Н. Л.** 76

III.—ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.—XI-XIV.—**Е. Ѳ. Юнге** 78

IV.—НА ИТАЛЬЯНСКІЙ МОТИВЪ.—* * *.—* * *.—Стихотворенія **М. Ватсонъ.** 109

V.—ЖЕРТВА МОРЯ.—Легенда.—**С. Лаврентьевой** 111

VI.—ИСКАНІЕ.—Стихотвореніе **Конст. Диксонъ** 119

VII.—РЕЛИГІОЗНЫЯ ГОНЕНІЯ ПРИ ОБНОВЛЕННОМЪ СТРОѢ.—**А. С. Пругавина** 121

VIII.—ПЕРЕМѢНА.—Разсказъ.—**Виктора Гофмана** 137

IX.—ВЕСНОЙ.—Стихотвореніе **Алексѣя Липецкаго** 144

X.—ОТРИЦАТЕЛЬНЫЯ ТЕНДЕНЦІИ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ.—I-VI.—**В. В.** 146

XI.—ПИСЬМА И. С. ТУРГЕНЕВА КЪ ПОЛИНѢ ВІАРДО.—Перев. **М. Славинской** 175

XII.—ОЧЕРКИ СОЦІАЛЬНАГО БЫТА ФРАНЦІИ.—**Максима Ковалевскаго** . 240

XIII.—УЗУРПАТОРЪ.—Романъ Уильяма Дж. Лока.—XIX-XXI.—Перев. съ англ. **З. Журавской** 256

XIV.—ХРОНИКА.—ЖИЛИЩНЫЙ ВОПРОСЪ НА ЗАПАДѢ И ВЪ РОССІИ.—**К. Пажитнова** 286

XV.—БЕРЛИНЪ ВЕСНОЮ И ЛѢТОМЪ.—Письмо изъ Берлина.—**Р. Стрѣльцова** 299

XVI.—ПИСЬМО ИЗЪ АМЕРИКИ.—**П. А. Тверского** 313

XVII.—ВОСПОМИНАНІЯ ФРАНЦУЗСКАГО ЖУРНАЛИСТА.—**Л. З. Слонимскаго.** 323

XVIII.—КРИТИЧЕСКІЕ НАБРОСКИ.—**С. А. Адріанова** 329

XIX.—ПАМЯТИ ВАСИЛІЯ ОСИПОВИЧА КЛЮЧЕВСКАГО.—**А. Лаппо-Данилевскаго** 337

XX.—ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Поспѣшное введеніе западнаго земства.—Борьба націоналистовъ съ чехами.—Націоналистическая дѣятельность архимандрита Виталія.—Услуги, оказываемыя духовенствомъ.—Особая политика Почаевской лавры и архіепископа волынскаго Антонія.—Благодарное вниманіе предсѣдателя совѣта министровъ къ духовенству.—Сомнительные успѣхи націоналистовъ на выборахъ.—„Націонализмъ“ и любовь къ родинѣ.—**И. В. Жилкина** 354

XXI.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Историческія параллели.—Отношеніе власти къ земскимъ выборамъ прежде и теперь.—Массовое исключеніе слушательницъ женскаго медицинскаго института.—Министерство народнаго просвѣщенія и совѣтъ петербургскаго университета.—Новыя правила о родительскихъ комитетахъ.—Post-scriptum. 369

XXII.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Международные кризисы и дипломатія.—Конфликты и волненія изъ-за Марокко.—Французскія ошибки и германскія увлеченія.—Британскія рѣчи и франко-германскіе переговоры.—Балканскія и персидскія дѣла.—Возобновленіе англо-японскаго союза . . 381

XXIII.—РУДОЛЬФЪ ГАНСЪ БАРЧЪ.—**Н. Вилькъ** 392

XXIV.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Письма Л. Н. Толстого, собр. и редакт. П. А. Сергѣенко, т. II.—С. Ашевскій. „Бѣлинскій въ оцѣнкѣ его современниковъ“.—**Ч. В—скій.**—В. Анучинъ, „Разсказы и сказанія“, кн. первая, „Сказанія“.—**Е. Колтоновской.**—Х. Н. Бяликъ. „Пѣсни и поэмы“, авторизированный перев. съ еврейскаго языка и введеніе Вл. Жаботинскаго.—**М. Славинскаго.**—Борисъ Веселовскій. „Исторія земства“, т. III и IV.—**В. К.-К.**—Н. М. Цитовичъ, проф. универ. св. Владимира. „Сельское общество, какъ органъ мѣстнаго управленія“.—**Д. К.**—Л. Дымша. Холмскій вопросъ, съ прил. 6 стат. табл. и 1 карты.—**П. М.**—Новыя книги и брошюры 399

XXV.—ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.—Текущая статистика смертныхъ казней.—Оппозиціонность слѣва и революціонныя проявленія справа.—Іеромонахъ Иліодоръ.—„Нажимъ“ на законъ и факты одного съ нимъ порядка.—Сознанная и признанная надзаконность.—Ея кровавые результаты.—„Потѣшные“.—Отъ сокольской гимнастики возвратъ къ кантонистамъ.—Столкновеніе между директоромъ кіевскаго корпуса и г. Юзефовичемъ.—Изъ курьезовъ губернаторской литературы 417

XXVI.—ИЗВѢЩЕНІЯ 434

XXVII.—ОБЪЯВЛЕНІЯ. 439

XXVIII.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ-ПОЛИТИКИ-ЛИТЕРАТУРЫ,

основанный М. М. Стасюлевичемъ въ 1866 году.

2Д539
49 р.

СОРОКЪ-ШЕСТОЙ ГОДЪ

АВГУСТЪ

Библиотека Русскаго Политическаго Общества

Редакція и Главная Контора журнала: Моховая, 37.

Экспедиція журнала: Пет. ст., Кронверкская ул., 21.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1911

Журнальный фонд Московской обл. библиотеки

4230

ЯНТАРОВЪ

ПОВѢСТЬ

I.

— А, Янтаровъ, садись ко мнѣ!

Молодой человѣкъ въ бѣломъ, фланелевомъ костюмѣ, свободно и нарядно облегавшемъ стройное, худощавое тѣло, прищурившись обѣгалъ глазами столики. По голосу онъ не могъ догадаться, кто его зоветъ. Потомъ нашелъ. Изъ угла ему привѣтственно дѣлала знаки крупная, бѣлая, мужская рука. На густо-синемъ фонѣ неба рѣзко выдѣлялись широкія, тоже одѣтыя въ свѣтлую фланель, плечи и бѣлокурая голова съ краснымъ, потнымъ отъ жары лицомъ.

— Лукутинъ! Ишь ты... Всегда самое лучшее мѣсто себѣ найдешь. Надъ самымъ моремъ, гдѣ вѣтерокъ. Ну и жара...

Янтаровъ нацѣпилъ крючокъ своей палки на полотняный барьеръ, сѣлъ къ столу и ногтемъ постучалъ о мраморъ.

— Человѣкъ, чего-нибудь пить... Самаго холодного.

— Давай мороженое съ лимонадомъ. Хорошо. Меня въ Гамбургѣ нѣмочка научила.

— Идетъ!

Отъ моря, отъ камней, отъ самаго воздуха, отъ всей бѣлой, пыльной Ялты дышало такимъ зноемъ, что лѣнь было не только говорить, но даже смотрѣть, точно размякла внутренняя пружина, направляющая поступки и желанія.

Янтаровъ, вытянувъ ноги, обутые въ свѣтлые башмаки, сдвинувъ на затылокъ заломленную спереди панаму, скользнулъ гла-

зами по просторной верандѣ. Все было занято. Мужчинъ было мало. Колыхались перья дамскихъ шляпъ. Изъ-за батистовъ и прошивокъ просвѣчивало тѣло. Кудрявились локоны париковъ. Осторожно улыбались несвѣжія губы. Что-то покорное и выжидающее было въ этой подтянутой, намазанной и, несмотря на неподвижность, напряженной женской толпѣ.

— Какъ это онѣ могутъ? И жаръ ихъ не беретъ,—лѣниво сказалъ Янтаровъ, и слегка понизивъ голосъ, прибавилъ:—ужъ и уроды-же. Молодыхъ почти нѣтъ.

Лукутинъ улыбнулся. Изъ-за рѣдкихъ бѣлокурыхъ усовъ выглянули крѣпкіе красивые зубы. Эти зубы, да высокій, умный лобъ только и красили грубое, не по лѣтамъ пухлое лицо. Улыбка сбѣжала, зубы спрятались. Лукутинъ, внимательно соображая что-то, смотрѣлъ на Янтарова.

„Красивый парень", завистливо мелькнуло въ головѣ Лукутина. И по какой-то смутной связи, точно подыскивая себѣ утѣшеніе, онъ спросилъ:

— Ну что, Янтаровъ, какъ работается? Ты знаешь, мы съ тобой почти рядомъ живемъ.

— Развѣ ты въ нашемъ городѣ?

— Нѣтъ. Я на узловой. Подъѣздной путь строю.

— Неужели? Это не въ твоихъ привычкахъ такими мелочами заниматься.

Лукутинъ опять улыбнулся. И эта тонкая, лукавая улыбка сразу напомнила Янтарову все, что раздѣляетъ ихъ.

Когда-то они учились въ одной гимназіи, вмѣстѣ играли за городомъ и ловили въ маленькой рѣченкѣ мелкихъ ершей. Но уже студенчество раздѣлило ихъ и только курортное чувство безпечности и отрѣшенности отъ будней заставили, Янтарова такъ просто откликнуться на зовъ Лукутина. Да и теперь лѣнь было очень вдумываться, или отодвигаться. Только любопытство проснулось. До Янтарова доходили слухи, что Лукутинъ ведетъ большія работы, деретъ съ живого и мертваго. Разсказывали, что при постройкѣ какого-то моста рабочіе посадили его въ тачку и чуть не сбросили въ воду. Зачѣмъ-же онъ теперь берется за какую-то 10-верстную подъѣздную вѣточку?

— Ты что-же, въ ожиданіи какого-нибудь другого дѣла?

Изъ-подъ толстыхъ вѣкъ сѣрые глазки Лукутина испытующе заглянули въ глаза Янтарова. Это длилось одно мгновеніе. Но изъ глубины зрачковъ встало все то противоположное, чуждое, враждебное, что жизнь и характеръ выростили въ душѣ каждаго изъ нихъ.

Лукутинъ, цѣльный и внутренно жесткій, такъ формулировалъ это для себя.

„Ну, съ этимъ молодчикомъ мы еще посчитаемся...“

Янтаровъ, открытый и безпечный, вслухъ сказалъ:

— А изъ тебя, говорятъ, большой дѣлецъ вышелъ?

— Говорятъ? Ну, я радъ, что такъ говорятъ,—все съ той-же лукавой улыбкой отвѣтилъ Лукутинъ, — а изъ тебя что вышло?

Ему показалось, что тѣнь тревоги и печали налетѣла на красивое, подвижное лицо. Злорадно ждалъ онъ отвѣта. До него тоже доходили слухи о бывшемъ товарищѣ—и ему казалось, что Янтаровъ до сихъ поръ не сумѣлъ оправдать тѣхъ яркихъ ожиданій, съ которыми смотрѣли на него и въ школѣ, и въ институтѣ.

Но отвѣта Лукутинъ не дождался.

Янтаровъ вдругъ улыбнулся широкой, привѣтливой улыбкой. Дамы за сосѣдними столиками, уже давно, съ большей или меньшей откровенностью, поглядывавшія на него, тоже невольно улыбнулись и повернули головы, чтобы понять, кому онъ такъ радъ.

— Я ее сюда приведу, Лукутинъ. Больше мѣстъ нѣтъ...— на ходу бросилъ Янтаровъ и пошелъ навстрѣчу молодой дѣвушкѣ, нерѣшительно стоявшей у входа въ кафе.

Она была маленькая и тоненькая, въ синемъ холщевомъ платьѣ и бѣлой войлочной шляпѣ. Неправильное смуглое личико сіяло веселой увѣренностью.

Лукутинъ и Янтаровъ сразу подтянулись и ожили. Съ сосѣднихъ столиковъ нѣсколько паръ подведенныхъ женскихъ глазъ съ ревнивымъ неодобреньемъ слѣдили за смуглой дѣвушкой, но она даже не замѣчала этого.

— Мы сегодня уже въ горы успѣли слазить, — быстрыми глотками поѣдая мороженое, сказала она.

— Пѣшкомъ?—съ неподдѣльнымъ ужасомъ спросилъ Лукутинъ и даже вытеръ лобъ платкомъ, точно отъ одной мысли о такой прогулкѣ его ударило въ жаръ.

— Ну, конечно, — съ насмѣшливымъ любопытствомъ разглядывая его, отвѣтила молодая дѣвушка.

— Кто это мы, Надежда Сергѣевна?—спросилъ Янтаровъ.

— Я, да Мика Смирнова, ну и...—она немного запнулась,— и Цито, конечно.

— Какая еще Мика? Тоже строгая учительница вродѣ васъ?— съ ласковой ироніей спросилъ Янтаровъ и вдругъ засмѣявшись прибавилъ:—Кстати, Надежда Сергѣевна, вы должны подковать Лукутина. Онъ богатый буржуй. Тащите съ него на ваши школы или на что вы тамъ тащите.

Молодая дѣвушка засмѣялась.

— Ну, Янтаровъ, точно я всегда тащу...

Но быстрые темные глаза пристальнѣе и острѣе взглянули на широкое, пухлое лицо Лукутина, на всю его крупную, сильную фигуру. Ему показалось, что въ глубинѣ этихъ глазъ блеснуло что-то высокомѣрное и неодобрительное. Его это кольнуло. Эта маленькая, стройная, простая и изящная дѣвушка принесла подъ душный парусинный навѣсъ кофейни такую лѣсную свѣжесть.

— Что вы такъ строго смотрите, барышня? Конечно, я буржуй. Конечно я живу на счетъ прибавочной стоимости. А развѣ Янтаровъ иначе живетъ? Чего онъ притворяется. Тоже, кажется, не изъ толстовцевъ.

Лукутинъ засмѣялся и чуткое женское ухо уловило въ грубоватомъ смѣхѣ скрытое мужское соперничество. Это польстило Грахотской, хотя бѣлокурый инженеръ совсѣмъ ей не нравился.

— Толстовецъ? Нѣтъ,—добродушно, но уже принимая вызовъ, отозвался Янтаровъ, — но разница, между тобой и мной большая.

— Какая?—спокойно спросилъ Лукутинъ.

Глаза у него потемнѣли и все лицо стало тоньше и благообразнѣе, точно онъ обрадовался возможности борьбы, поединка, хотя-бы словеснаго. Янтаровъ, счастливый радостью горячаго южнаго неба, не замѣтилъ этого. Мечтательно глядя на узкую, чуть блестѣвшую серебромъ изъ-за перилъ, полоску моря, онъ продолжалъ:

— Ты, по всему складу твоему, долженъ быть съ тѣми, на чьей сторонѣ сила.

— Это вѣрно,—также спокойно подтвердилъ Лукутинъ.

— А я не люблю хозяевъ,—презрительно сжавъ красивыя розовыя губы, сказалъ Янтаровъ.

Опять, какъ въ началѣ разговора, они на мгновенье глубоко заглянули другъ другу въ глаза. И оттого-ли, что теперь между ними была молодая хорошенькая дѣвушка, или оттого, что въ самыхъ словахъ было больше договоренности, но теперь изъ ихъ глазъ глядѣла уже откровенная непріязнь.

— Полно, — небрежно сказалъ Лукутинъ, — ты и самъ хотѣлъ-бы быть хозяиномъ...

— А что-же мнѣ мѣшаетъ, — задорно спросилъ Янтаровъ.

Лукутинъ пренебрежительно повелъ плечами.

— Не знаю. Можетъ быть то, что принято называть художественной натурой, а можетъ быть... просто предразсудки. Смѣлости не хватаетъ.

Маленькая и горячая, смуглая рука неожиданно и быстро коснулась его рукава. Темные глаза сердито смотрѣли на него.

— Послушайте. Что вы говорите... Да неужели вы воображаете, что смѣлы только тѣ, кто съ эксплуататорами? Это же Богъ знаетъ что...

Съ сосѣднихъ столиковъ съ любопытствомъ прислушивались къ ея звонкому голосу.

Какая-то дама, съ пышными бѣлокурыми локонами, съ тупымъ лицомъ старѣющей овцы, осторожно и презрительно улыбнулась. Надя поймала эту улыбку и еще больше разсердилась на Лукутина.

— Ты говоришь, предразсудки,—уже умышленно равнодушнымъ голосомъ сказалъ Янтаровъ.—Да, я увѣренъ, что для тебя все, чѣмъ мы—онъ подчеркнулъ это слово,—все, чѣмъ мы живемъ, только предразсудки. Объ этомъ-то я и говорю. А смѣлость... ну, батенька, ее словами не измѣришь.

— Вотъ вы гдѣ, Надежда Сергѣевна, а мы-то васъ ищемъ.

Высокій гибкій студентъ съ маленькой гордой головой и гибкимъ станомъ кавказца, стоялъ рядомъ съ ними. Въ пылу спора они не замѣтили, какъ онъ подошелъ. То, что загорѣлось въ глазахъ молодой дѣвушки, доставило Лукутину злорадное удовлетвореніе. Значитъ хоть тутъ Янтаровъ ни при чемъ. Круглые, горячіе глаза студента строго и подозрительно оглядывали сидѣвшихъ.

— Какъ хорошо, что вы пришли, Цито,—сказала молодая дѣвушка, и смутилась, и покраснѣла, и почему-то встала. — А гдѣ Мика?

— Марья Петровна тутъ.

Всѣ обернулись. У входа стояла высокая дѣвушка въ простомъ и элегантномъ бѣломъ платьѣ. Размѣры широкой свѣтлой шляпы дѣлали круглое, розовое лицо тоньше. Изъ-подъ темнорусыхъ бровей глядѣли открытые сѣрые глаза.

— Это и есть Смирнова?—въ полголоса спросилъ Янтаровъ.

— Да, да. Она славная. Ѣдемте съ нами,—вдругъ пригласила его Надя, и наскоро, небрежно попрощавшись съ Лукутинымъ, ушла, уводя съ собой студента и Янтарова.

Лукутинъ проводилъ ихъ глазами, замѣтилъ, какъ хорошо и ясно въ отвѣтъ на поклонъ Янтарова, улыбнулась высокая дѣвушка въ бѣломъ и неуютное чувство одиночества кольнуло его.

„Мика Смирнова“,—мысленно повторилъ онъ и вдругъ рѣшилъ, что сегодня же поѣдетъ къ тому Смирнову. Нечего откладывать. Такія дѣла не валяются на улицѣ. Того и гляди другой подберетъ.

Пять минутъ спустя онъ уже ѣхалъ въ удобной крытой коляскѣ вдоль пыльной, бѣлой дороги и, щурясь отъ блеска камней и моря, быстро и точно собиралъ и стягивалъ въ умѣ данныя, подробности, цифры и аргументы, всѣ тѣ привычныя дѣловитыя соображенія и мысли, которыми всегда была полна его ясная, практическая голова. Только изрѣдка мелькали за этими цифрами двѣ дѣвичьи головки, одна смуглая и измѣнчивая, другая—розовая и спокойная. А между ними ласковая и безпечная улыбка Янтарова. И эта улыбка вызывала въ Лукутинѣ желаніе еще глубже окунуться въ привычный, подчиняющійся его волѣ міръ точныхъ техническихъ и денежныхъ соображеній.

II.

Поздно вечеромъ Смирновы, мужъ и жена, сидѣли въ глубокихъ плетеныхъ креслахъ на терассѣ своего сада... За черными уступами деревьевъ блестѣло лунное море.

Два молодыхъ кипариса вытягивались, какъ часовые. Ихъ лиловыя тѣни густо ложились на песокъ, уходили подъ колонаду просторной плоской виллы. Дорожки, обсаженныя щеткой низкаго буксуса, сбѣгали по откосу. На высокихъ, круглоголовыхъ розовыхъ кустахъ смутно виднѣлись крупные цвѣты, похожіе на спящихъ, пушистыхъ птичекъ. Простирались корявыя руки развѣсистыхъ дубовъ; мертвенно блестѣли листья высокой магноліи. Пахло соленой водой и тонкимъ прянымъ запахомъ, которымъ вѣетъ ночью отъ камней и земли, вбиравшихъ въ себя днемъ жаръ южнаго солнца.

Изрѣдка мужъ и жена перебрасывались отрывистыми словами.

Отъ моря, отъ сада, отъ того наряднаго дорогого дома, который они такъ удачно и умѣло устроили, вливалась въ нихъ спокойная вѣра въ ясность завтрашняго дня.

— Дѣти поправились здѣсь,—сказала жена.

— Да... цвѣтъ лица у Мики отличный, — отвѣтилъ мужъ.

Жена вздохнула. Онъ понялъ, что ей тяжело, что онъ думаетъ только объ одной изъ дочерей.

— Что-жъ дѣлать, Маша, у каждаго свой крестъ.—Лѣниво потянувшись, онъ погладилъ ея руку.

— Знаешь, Петя... — она понизила голосъ, — мнѣ ее такъ жаль... А иногда... Я просто ея боюсь...

Онъ всталъ. Высокій, грузный, съ широкой бородой, спускавшейся на грудь, онъ все еще казался ей красивымъ и все еще радовало ее сознанье, что онъ ея мужъ.

— Какіе пустяки, Маша... Мнѣ кажется, ты Вѣру портишь...

Смирновъ прошелся по терассѣ, тяжело вдавливая большими, бѣлыми башмаками хрупкій морской песокъ.

— Можетъ быть, Петя,—мягко согласилась она.—Но вѣдь это такъ ужасно.

Она не сказала—такъ ужасно быть горбатой. Даже мысленно старалась она обходить это слово.

Смирновъ круто остановился передъ женой.

— У меня сегодня былъ одинъ господинъ: Лукутинъ. Кажется дѣльный...

— Кто же онъ? — разсѣянно спросила Марья Филипповна.

Она думала о дѣтяхъ, о томъ, какъ съ ними трудно и также о томъ, что мужчины всетаки никогда ничего не понимаютъ. Вотъ и съ Микой. Ея зоркіе материнскіе глаза уже подмѣчали въ дочери неуловимые признаки, заставлявшіе Смирнову съ досадой смотрѣть на неинтересную, безцвѣтную молодежь, бывавшую у нихъ. А мужъ этого не понимаетъ.

— Инженеръ. Пріѣхалъ съ очень интереснымъ проектомъ. Довольно умно все придумано. Только...

— А онъ молодой?—спросила Смирнова, слѣдя не за мыслями мужа, а за своими собственными.

Мужъ расхохотался и опять заходилъ по терассѣ.

— Экъ тебѣ нетерпится съ Микой. Молодой, и на мой взглядъ красивый...

Больше онъ ничего не сказалъ.

Онъ относился къ женѣ съ нѣжностью и уваженіемъ, цѣнилъ ея дѣловитость, ея преданность себѣ и дому. И всетаки, съ невольнымъ чувствомъ превосходства, подсмѣивался, а порой и сердился, наблюдая напряженную мелочность, съ которой Марья Филипповна хлопотала и тревожилась о своемъ гнѣздѣ, объ удобствахъ, цѣнахъ, вещахъ, обо всемъ, что наполняло ея жизнь матери и хозяйки. Мужъ былъ увѣренъ, что дальше этихъ маленькихъ подробностей жизни она не умѣетъ смотрѣть. Изъ его дѣлъ она знала только окончательныя цифры барыша. Да и то не очень точно. Но иногда, когда задуманное выходило изъ предѣловъ его обычной работы крупнаго архитектора-подрядчика, онъ совѣтовался съ ней, какъ бывало въ первые годы женитьбы, когда Марья Филипповна была молодой, гибкой и вливала свою веселую энергію въ работоспособность мужа. Но это было такъ давно. Съ тѣхъ поръ, какъ они разбогатѣли, все рѣзче становилась грань между его жизнью добытчика денегъ и ея ролью домашней распредѣлительницы этихъ денегъ.

Смирнову не хотѣлось говорить о Лукутинѣ. Нужно еще все обдумать и взвѣсить. И когда жена ушла, онъ былъ доволенъ, что остался одинъ.

Воздухъ, искристый рисунокъ волнъ, мѣсяцъ, огромнымъ серебрянымъ рублемъ повисшій на высокомъ небѣ, все доставляло Петру Петровичу неторопливое наслажденье. Своими руками, своимъ упорствомъ, находчивостью, ловкостью создалъ онъ зданіе своего благополучія. Съ лукавой затаенностью, съ пріятнымъ презрѣніемъ къ людской глупости вѣрилъ онъ въ свой умъ, въ свою волю, въ свое счастье. Даже на теплую, таинственную южную ночь смотрѣлъ онъ съ покровительственнымъ снисхожденіемъ собственника.

А въ мозгу росли, и развивались, и выявлялись подробности новаго, на этотъ разъ не шутя крупнаго и богатаго предпріятія.

Когда Лукутинъ заговорилъ объ этой концессіи, Петръ Петровичъ сдержанно и не безъ недоумѣнія остановилъ его:

— Позвольте, при чемъ же я тутъ. Я не путеецъ, я—архитекторъ, и никогда такими дѣлами не занимался.

— Я знаю, Петръ Петровичъ,—спокойно отвѣтилъ гость.— Зато я инженеръ. Всю путейскую сторону я беру на себя. Я уже произвелъ кое-какія развѣдки и затраты. Если вамъ угодно, я вамъ все это потомъ доложу...

— Почему же мнѣ?—еще разъ возразилъ Смирновъ.

— Почему? Я уже годъ изъ-за этой линіи живу около вашего города. Она у меня давно намѣчена. Я присматривался къ мѣстнымъ людямъ. Я думаю, Петръ Петровичъ, мы съ вами легче всего споемся.

Смирновъ пристальнѣе вглядѣлся въ лицо молодого инженера. Онъ былъ бѣлокурый, толстощекій и блѣдноватый. Рѣдкіе усы надъ добродушнымъ ртомъ. А выпуклый лобъ и умный, и упрямый. И глаза изъ-подъ толстыхъ вѣкъ смотрятъ внимательно и насмѣшливо. Смирновъ раньше встрѣчалъ Лукутина и зналъ, что онъ подрядами быстро увеличилъ крупное отцовское наслѣдство.

„Тоже долженъ быть жмотъ“,—подозрительно подумалъ онъ.

Лукутинъ, точно читая его мысли, весело улыбнулся и сказалъ:

— Видите ли, Петръ Петровичъ, я прямо скажу... Въ дѣлахъ я больше всего не люблю сантиментальности. И я полагаю, ни во мнѣ, ни въ васъ ея нѣтъ.

Ихъ взгляды встрѣтились. Смирновъ понялъ, что Лукутинъ тоже знаетъ, какъ онъ, Смирновъ, умѣетъ, не пренебрегая ничѣмъ, идти отъ денегъ къ деньгамъ. Лукутинъ быстро продолжалъ, не дожидаясь возраженій:

— Мнѣ надоѣли мелкія дѣла. Можетъ-быть вамъ тоже? Вѣдь вы по натурѣ крупный человѣкъ. Оттого я и пришелъ къ вамъ. Это не шуточная затѣя. Пятьсотъ верстъ... У меня уже есть опытъ. Если взяться какъ слѣдуетъ, на нашу долю придется не менѣе нѣсколькихъ милліоновъ. Надо только, чтобы во главѣ стали люди съ головой. Вотъ мы и станемъ...

Онъ расхохотался, добродушно и заразительно, и Смирновъ отвѣтилъ ему невольной улыбкой. Лукутинъ начиналъ ему нравиться. Высокій, плечистый, статный, говоритъ о милліонныхъ дѣлахъ такъ просто.

Но всетаки Смирновъ осторожно помалчивалъ, хотя внутри его что-то закипало.

— Вы подумаете, а я опять къ вамъ пріѣду. Я увѣренъ, что мы сговоримся.

Голосъ, глаза, вся фигура подкрѣпляли эти слова: я увѣренъ.

— Пріѣзжайте, пріѣзжайте, — привѣтливо отвѣтилъ Смирновъ, — я васъ съ своими дамами познакомлю.

Лукутину хотѣлось спросить, не его ли дочь эта высокая, спокойная дѣвушка въ бѣломъ, но что-то его удержало. Можетъ-быть затаенное желанье, чтобы именно она была дочерью человѣка, съ которымъ онъ надѣялся заключить новый и смѣлый денежный союзъ.

Смирновъ задумчиво ходилъ по терассѣ. Онъ еще не зналъ, надо ли толкнуть свою энергію на это заманчивое и трудное дѣло, но мозги уже работали надъ цифрами, планами и комбинаціями, и уже ощущалось то первое, холодное и завлекательное волненье, которое онъ испытывалъ на порогѣ каждаго крупнаго предпріятія.

Отъ калитки, скрытой въ тѣни старыхъ деревьевъ, донеслись молодые голоса и смѣхъ. Потомъ съ легкимъ свистомъ стукнули воротца и изъ темной чащи показалась высокая, свѣтлая фигура.

— Папа, ты еще не спишь?.. — раздался молодой, низкій голосъ.

— Ну, что, весело было? — онъ взялъ ея руку и ласково смотрѣлъ на нее.

— Ужасно! Ночь... Это прямо... Мы съ Надей гуляли въ горы... Просто сказка... Правда, папа, Крымъ лучше Швейцаріи?

— А какъ же раньше?...

— Ну да! ну да!.. — перебила она. — Раньше я была глупая. А теперь вижу...

Отецъ слушалъ, счастливый ея голосомъ, ея присутствіемъ,

ея веселостью. Изъ всего, что пріобрѣлъ онъ въ жизни, онъ больше всего гордился Микой. Ему казалось, что она и тѣломъ, и душой похожа на него, что въ ней, въ ея розовомъ лицѣ, въ ея золотистыхъ глазахъ, изъ которыхъ уже свѣтилась твердость, непонятно и чарующе продолжается его личная жизнь, его я. И потомъ онъ просто любилъ ее.

— Садись... тутъ хорошо...

Онъ повелъ ее къ креслу, но она, ласковымъ, кошачьимъ жестомъ, потянулась назадъ.

— Нѣтъ, папа, нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!—балуясь и незамѣтно прячась, отказывалась дочь.—Устала. Сегодня мы весь день бродили. Сколько камней облазили. Спать, спать, спать...

Она пропѣла послѣднія слова. Низкій, мягкій голосъ такъ хорошо звучалъ въ голубомъ, мглистомъ воздухѣ.

Уже уходя, молодая дѣвушка остановилась.

— Да, папа. Ты знаешь Янтарова? Отчего я никогда не слыхала? Онъ нашъ и тоже архитекторъ...

— Нашъ?—отецъ пожалъ плечами.—Онъ недавно откуда-то вылѣзъ. Пустой мальчишка.

— Развѣ?

Отцу захотѣлось увидать ея лицо. Но Мика уже вошла въ тѣнь терассы. Сухо, скрывая внезапное раздраженье, Петръ Петровичъ отвѣтилъ:

— Ну, конечно. Позеръ и очень безтактный.

— Покойной ночи, папа.

Дверь за ней закрылась. Смирновъ почувствовалъ, что поздно, что день былъ длинный и жаркій. А теперь сыровато. И мѣсяцъ ужъ слишкомъ мертво свѣтитъ. Не уютно. Казалось, что черезъ высокую ограду, которую такъ тщательно, годъ за годомъ, выводилъ онъ вокругъ своего дома, своей семьи, вокругъ всего, что считалъ своимъ, черезъ эти стѣны, созданныя его умѣньемъ и хотѣньемъ, глянули насмѣшливые, знакомые глаза.

Смирновъ ушелъ къ себѣ и досталъ изъ стола двѣ золотыя монетки, тщательно завернутыя въ тонкую бумажку. Онъ взялъ лупу и, придвинувъ лампу, сталъ всматриваться въ полустертыя надписи, въ тонкія линіи древней чеканки. Онъ подозрѣвалъ, что одна изъ монетъ поддѣльная. Смирновъ считалъ себя хорошимъ нумизматомъ и не хотѣлъ дать себя надуть добродушному и лукавому коллекціонеру, который предложилъ ему обѣ монетки. Онъ раскрылъ толстый иллюстрированный томъ, нашелъ снимокъ съ этой рѣдкой греческой деньги и съ большимъ чувствомъ удо-

влетворенья увидалъ, что жезлъ въ рукѣ Меркурія долженъ имѣть на концѣ двѣ, а не одну змѣиную голову.

„Этакій жуликъ“,—подумалъ онъ про коллекціонера съ улыбкой, въ которой было что-то похожее на одобренье...

Зато другая монета, съ растрепанной, тяжелой и могучей головой Пана, была отличная и несомнѣнная. Это будетъ третья въ его коллекціи. И, пожалуй, самая красивая. Да и цѣна все-таки ниже того, что̀ проситъ флорентійскій торговецъ, черезъ котораго Смирновъ пополнялъ свою коллекцію. Хорошая будетъ покупка.

Нумизматическія мысли опять вернули ему спокойствіе и ясность. За это именно онъ и любилъ свои плоскіе ящики, съ аккуратно завернутыми въ бумажки монетами. И можетъ быть еще за то, что, кромѣ любви къ Микѣ, это былъ единственный уголъ его жизни, гдѣ царилъ не расчетъ, а какія-то безцѣльныя, безполезныя желанья, хотя Смирновъ и увѣрялъ себя, а въ особенности жену, что его коллекція—это тѣ же процентныя бумаги, и даже еще выгоднѣе.

Мика зажгла свѣчи передъ большимъ зеркаломъ и, слегка сдвинувъ русыя брови, смотрѣла на себя. Широкое лицо съ мягкимъ, неправильнымъ носомъ и полными, чуть-чуть скуластыми щеками, было совсѣмъ не такимъ, какъ ей хотѣлось. Она отошла къ окну.

Скалистая линія берега, темная чаща парковъ, море, слабо теплившаяся серебряными звѣздами глубина неба, все было полно призывовъ и обѣщаній.

Бездумное ликованье зажглось въ груди молодой дѣвушки. Хотѣлось протянуть руки и прижать къ себѣ эту ночь, почувствовать ее, какъ живое, любимое существо. Медленно вынула Мика шпильки изъ тяжелыхъ косъ и съ тихимъ смѣхомъ опять обернулась къ зеркалу. Теперь, окруженная золотистымъ сіяньемъ волнистыхъ косъ, озаренная жадной радостью жизни, она показалась себѣ другой.

— Посмотримъ, — съ лукавымъ вызовомъ въ свѣтло-карихъ глазахъ, прошептала она.

Неторопливо, по прежнему стоя передъ зеркаломъ, начала она раздѣваться. Блѣдно-розовымъ шелкомъ отливала обнажившаяся кожа рукъ и плечъ, и груди. Тѣло здоровое, красивое и нѣжное, говорило о жизни, о счастьи, о чемъ-то близкомъ, доступномъ и неизбѣжномъ.

Тихо отворилась дверь въ сосѣднюю комнату и Мика круто отвернулась отъ зеркала.

На порогѣ стояла дѣвочка въ просторной, обшитой кружевами ночной рубашкѣ, падавшей до самаго пола. Подъ тонкой тканью отчетливо обрисовывался выбѣгавшій впередъ горбъ. А надъ нимъ виднѣлась слегка закидывавшаяся назадъ маленькая, дѣтски хорошенькая головка. Но не дѣтская улыбка, подозрительная и злая, мелькала на этомъ лицѣ.

— Извини, Мика, я кажется помѣшала?

Серебристый голосокъ звучалъ насмѣшкой. На мгновенье глаза сестеръ встрѣтились, и Мика первая отвернулась.

— Помѣшала? Нѣтъ,—она слегка повела бѣлыми, круглыми плечами и, чувствуя на себѣ острый взглядъ, быстро накинула блузку.

— Нѣтъ, не помѣшала,—повторила она.—Но всетаки надо стучать.

— Я стучала. Ты не слыхала. Я и вошла. Отъ меня море хуже видно. Но я уйду...—Не то печаль, не то далеко затаенная мольба послышались въ ея голосѣ.

Но старшая сестра не замѣтила этого, и дверь затворилась также тихо, какъ и открылась.

III.

Поѣздъ мчался, быстро и мягко. Степи, бурыя, съ оголенными сжатыми полями, съ черными рытвинами безконечныхъ дорогъ, съ бѣлыми церковками, примостившимися на холмахъ. Кое-гдѣ темнѣла щетина густого, уже безлистнаго помѣщичьяго сада, вился дымъ надъ темно-красной крышей. Тихо, уютно и ласково катится тамъ чья-то полная, замкнутая жизнь.

Вѣра припала щекой къ гладкой, холодящей поверхности деревяннаго столика и смотрѣла въ окно. На лицѣ, всегда насмѣшливомъ и остромъ, лежало задумчивое, милое выраженье. Маленькія, красивыя губы тихо шептали что-то. Она была одна въ большомъ купэ. Отецъ, и мать, и Мика ушли въ ресторанъ обѣдать. Вѣра отказалась. Тяжело проходить черезъ вагоны, чувствуя на себѣ жалостливо-любопытные взгляды скучающихъ пассажировъ. Дѣти, пугаясь, открываютъ круглые глаза и выскакиваютъ въ корридоръ, чтобы досыта насмотрѣться на колдунью, какъ мысленно называла Вѣра себя. Дѣтскіе взгляды не тяготятъ ее. Еслибы она не знала, что имъ страшно, она со-

брала бы около себя дѣтей и разсказала бы имъ сказки, пестрыя, занятныя, хитрыя сказки, мелькающія, точно стаи птицъ, въ ея головѣ.

Но большихъ людей она не хочетъ видѣть. Пусть сидятъ тамъ, за столиками, и важничаютъ, и притворяются, и хвастаютъ, и завидуютъ. Ничего другого они не умѣютъ дѣлать.

Она представила себѣ, какъ толстый генералъ въ бѣломъ жилетѣ жадно ѣстъ цыпленка—и даже прищурила глаза, чтобы поскорѣе отогнать его отъ себя.

Такъ хорошо стучали колеса, отчетливо выговаривая давно знакомую, зовущую мелодію, въ отвѣтъ которой въ мозгу мѣрно кружились слова, и строки, и рифмы. Розовое кружево хрупкаго дыма торопливо цѣплялось за колючія руки кустовъ, прилѣпившихся къ обрыву. Золото листьевъ стлалось по землѣ. Кто-то раскинулъ громадную тигровую шкуру и ждетъ царицу, еще невидимую, давно желанную. Небо, голубое, поблѣднѣвшее, шлетъ ей навстрѣчу несмѣлую, задумчивую улыбку.

Вотъ уже мелькаетъ край шитаго покрывала, блеститъ корона на головѣ феи. Или это сверкаетъ, змѣится лукавая, чарующая улыбка? Поѣздъ летитъ и летитъ, съ грохотомъ проносится по мосту—и нѣтъ уже стройныхъ березъ, а только пласты темной жирной земли, на которой тяжело стоитъ четверка желтыхъ воловъ. Пахарь въ свѣтлой свиткѣ и рядомъ съ нимъ женская фигурка, тонкая, молодая.

Зависть тяжелымъ комкомъ поднимается къ горлу горбуньи. Но она осторожно встряхиваетъ головой. Не надо... Лучше слушать, что настукиваютъ колеса. Первыя строчки уже есть. Надо кончить и записать, пока никого нѣтъ... Одна мысль, что кто-нибудь можетъ догадаться, или увидать ея стихи, темнитъ гнѣвомъ длинные, темные глаза Вѣры.

Въ корридорѣ раздаются шаги, тяжелые, спотыкающіеся отъ толчковъ. Поѣздъ идетъ подъ гору и вагонъ качаетъ изъ стороны въ сторону. Вѣра знаетъ, что это отецъ и Ниловъ. Она слышитъ знакомое звяканье неуклюжихъ брелокъ. Она не любитъ ни этотъ тихій лязгъ, ни толстую золотую цѣпочку, ни крупную отцовскую руку, играющую съ жетонами. Она вообще его не любитъ...

Стиснувъ зубы, сдвинувъ тонкія, точно кистью нарисованныя брови, она отчетливо выговариваетъ сама себѣ:

— Я его не люблю...

Сейчасъ они придутъ и наполнятъ купэ запахомъ сигаръ, вина, шумомъ скучныхъ, мертвыхъ словъ. Быстрымъ движеніемъ,

отъ котораго еще выше поднимаются ея острыя плечи, молодая дѣвушка поворачивается и ложится, лицомъ къ спинкѣ дивана. Можетъ быть увидятъ, что она спитъ и уйдутъ.

Но они входятъ и садятся въ другой половинѣ отдѣленія. Слышно какъ тяжело дышетъ чугунный Ниловъ.

— Спитъ ваша барышня,—говоритъ онъ.

— Да устала... Вѣрно укачало...

— Слабенькая она у васъ... Большое это вамъ испытанье...

— Что жъ дѣлать,—съ покорнымъ вздохомъ отвѣчаетъ отецъ.

Все нѣжное, красивое, сладкое, что пѣло, росло и клубилось въ душѣ Вѣры, скошено. Злоба, темная, слѣпая, непримиримая, жжетъ сердце. Какъ они смѣютъ такъ говорить о ней... Зачѣмъ этотъ человѣкъ притворяется. Вѣдь она знаетъ, что онъ ее не любитъ, что онъ тяготится ею, что ему стыдно показываться съ ней. Богъ вѣсть въ который разъ проносится въ мозгу отрывокъ разговора, подслушанный когда-то ночью въ дѣтской. Слабо горѣлъ ночничекъ. Няня поила свою сестру чаемъ и, думая, что дѣти спятъ, шопотомъ разсказывала:

— Какъ барыня письмо прочитала, такъ у нихъ Вѣрочка съ рукъ и вывалилась. Съ тѣхъ поръ и приключилось... А баринъ...

Голосъ няни еще понизился и дальше дѣвочка ничего не могла разслышать. Но съ той ночи непріязнь къ отцу начала сплетаться съ унизительнымъ сознаніемъ своего уродства.

— Петръ Петровичъ, надо дѣйствовать энергично,—понижая голосъ до глухого гула,—произнесъ Ниловъ.

— То-есть, Иванъ Митрофановичъ?

Отецъ спрашивалъ небрежно, но тонкое ухо Вѣры уловило въ привычномъ голосѣ притворство.

— Вѣрно нагрѣть кого-нибудь хочетъ... Буржуи,—презрительно подумала она.

Ей разъ попалась на глаза обличительная статья противъ ловкаго и неуловимаго дѣльца П. П. С., который одной рукой выжимаетъ изъ пролетарія десятки тысячъ, а другой милостиво жертвуетъ сотни рублей на библіотеки. Она догадалась, что это про отца, и показывала тогда статью Микѣ.

— Какъ тебѣ не стыдно, Вѣра? Вѣдь это же папа,—сказала Мика.

Дѣвочка презрительно расхохоталась.

— Папа... Велика штука...

— Какая ты грубая, Вѣра...

— Не всѣмъ же быть ласковыми телятами.

Разговоры сестеръ всегда такъ обрывались.

Не безъ злого любопытства старалась дѣвочка понять, о чемъ говорятъ Ниловъ съ отцомъ.

— Генералъ ѣдетъ въ Питеръ. Жирное животное не станетъ даромъ безпокоиться—гудѣлъ Ниловъ.—Онъ въ этомъ дѣлѣ единственный серьезный конкурентъ.

— Ну?

Слышно было, какъ грузно заворочалось тяжелое тѣло Нилова по бархатной обивкѣ.

— Петръ Петровичъ, нельзя такое дѣло упускать.

— По правдѣ сказать, Иванъ Митрофановичъ, дѣло мнѣ не кажется такимъ соблазнительнымъ. Если будутъ конкуренты, придется слишкомъ много смазывать. А эта смазка можетъ все слопать.

— Ну знаете, Петръ Петровичъ, я этого просто не понимаю. Вѣдь мы можемъ каждый заработать...

Онъ съ суетливостью, непривычной и неожиданной для его толщины, прикрылъ дверь, еще понизилъ голосъ и сталъ разсказывать что-то, что Вѣра плохо понимала. Профиль. Насыпь. Суглинокъ. Поверстные расходы. Князь Иванъ, которому сейчасъ только сунуть 10.000—и онъ будетъ молчать. Все это не задѣвало вниманья Вѣрочки. Она ожидала чего-то болѣе понятнаго и болѣе страшнаго, и ей стало просто скучно. Лежать было неудобно, горбъ слишкомъ давалъ себя чувствовать. Молодая дѣвушка повернулась и проворно встала съ дивана.

Темное, тяжелое, чернобородое лицо Нилова отразило что-то похожее на изумленье.

— Сейчасъ пойду къ толстому генералу и ему все разскажу,—съ кривой улыбкой, переводя злые, темные глаза съ отца на Нилова и съ Нилова на отца, сказала Вѣра.

Петръ Петровичъ хмуро пожалъ плечами.

— Вѣра! Тебѣ уже шестнадцать лѣтъ. Пора бросить такія выходки.

— Почему выходки? — вызывающимъ смѣхомъ настаивала дѣвочка.—Вы—враги народа. Я хочу васъ обличить. Вы хотите давать кому-то взятки, а я не позволю.

Она закидывала назадъ голову и шишка на груди такъ и лѣзла на глаза. Маленькая, длиннорукая, изуродованная, она была похожа на злого духа, внезапно явившагося передъ этими трезвыми, самоувѣренно реальными людьми. Отецъ съ опасливымъ и тяжелымъ раздраженіемъ смотрѣлъ на безобразное существо, въ которомъ никогда не могъ признать свою дочь.

Журнальный фонд Московской обл. библиотеки

225-39

— Полноте, Вѣрочка,—съ дѣланнымъ смѣхомъ отвѣтилъ Ниловъ,—мы не враги, мы друзья народа. Мы ему работу даемъ. Мы организуемъ трудъ.

Голосъ гудѣлъ, наставительно и вѣско. Молодая дѣвушка засмѣялась тихимъ, острымъ смѣхомъ, точно змѣйка зашипѣла.

— Зачѣмъ вы это говорите? Или вы думаете, я дура?

Марья Филипповна поймала это слово, входя въ купэ и укоризненно покачала головой.

— Вѣруся!

Потомъ, извиняясь, сказала Нилову:

— Вы не обращайте на нее вниманія, Иванъ Митрофанычъ. Она у насъ добрая, только притворяется звѣрькомъ.

Сверху внизъ, съ состраданіемъ и нѣжностью, смотрѣла мать на дѣвочку. Отъ этого взгляда что-то таяло и дрожало въ груди горбуньи. Но самыя слова, да еще сказанныя въ присутствіи чужого, злили и оскорбляли. Грубо уклонилась она отъ ласковаго поглаживанья бѣлой, сладко пахнувшей руки и вышла въ корридоръ. Тамъ было пусто. Только Мика стояла у окна. Вѣра вдругъ замѣтила на лицѣ сестры новое, мягкое и разсѣянное выраженіе.

„Можетъ быть и она стихи сочиняетъ“, мелькнуло у ней въ головѣ.

Вся ихъ молодая, еще не долгая, но уже полная сложныхъ и важныхъ дѣтскихъ и юношескихъ переживаній жизнь, развертывалась въ общей атмосферѣ семейныхъ заботъ, и вниманія, и баловства. Но чужими и ненужными другъ другу, выросли онѣ, и ни радость, ни тревога, ни веселье, ни горе, никогда еще не сближали сестеръ, ниразу не заставили золотистые, круглые глаза старшей внимательнѣе и глубже заглянуть въ измѣнчивые зрачки младшей. Мика тяготилась ихъ пристальностью, за которой она ничего не сумѣла разсмотрѣть, кромѣ неудержимой зависти.

Поѣздъ бѣжалъ, раскачиваясь и вздрагивая, точно кольчатое животное, спасающееся отъ настигающей погони. Настойчиво и упорно повторяли колеса непонятныя слова печальной пѣсни. Лиловой и таинственной стала степь.

Дымъ, охваченный холодомъ вечернихъ сумерекъ, уже не разбѣгался по лѣсу, а тянулся тяжелыми, сѣрыми клубами, въ которыхъ мелькали красные глазки искръ. Небо темнѣло. Только на зенитѣ свѣтилось бѣлое облачко.

— Оно похоже на гондолу... А лебеди ее тащутъ... Вонъ какъ шея гнется,—тихо сказала Вѣра и робко улыбнулась.

Мика съ удивленіемъ повернула голову къ сестрѣ.

Розовое лицо, обрамленное пышной, волнистой прической, осталось разсѣяннымъ и далекимъ.

— Какая лодка? Ты о чемъ?

Вѣра густо покраснѣла и ничего не сказала. Обычное чувство одинокости и обиженности наполнило ее и горечью, и уязвленной сладостью.

Мика опять отвернулась къ окну и крѣпко стоя на стройныхъ гибкихъ ногахъ, чуть чуть покачиваясь въ тактъ поѣзда, вернулась къ мечтамъ, наполнявшимъ ее съ тѣхъ поръ, какъ она встрѣтилась съ Янтаровымъ.

Сквозь мечущіеся за окномъ клочки сѣраго дыма, она съ волнующей ясностью видѣла всѣ мелочи первой встрѣчи, лунную прогулку въ горахъ, лицо Янтарова, разрѣзъ его глазъ, слышала его голосъ, насмѣшливый и бархатный. Почти весь день тогда они провели вмѣстѣ. Потомъ Надя уѣхала, и Мика одна бродила то надъ моремъ, то по горнымъ тропинкамъ. Все острѣе становилось желанье видѣть Янтарова. И съ каждымъ часомъ все кругомъ мѣнялось: небо, море, песокъ подъ ногами, даже лица людей, попадавшихся навстрѣчу. Хотѣлось тихо идти, съ бьющимся сердцемъ прислушиваться къ шагамъ невидимаго прохожаго и ждать его. Но его не было.

Она возвращалась утромъ съ купанья. Солнце разогрѣло кипарисы. Аллея была полна смолистымъ, церковнымъ запахомъ. Между темнозеленымъ бархатомъ густыхъ вѣтокъ узкая дорожка сѣрѣла, горячая и зыбкая. Мика, въ голубомъ халатѣ, съ мохнатымъ полотенцемъ, наброшеннымъ на золотистые волосы, шла, опустивъ голову, еще обвѣянная лаской морской волны, вся полная лѣнивой истомы. И вдругъ почувствовала, что Янтаровъ близко. Онъ шелъ навстрѣчу ей. Мягкая соломенная шляпа открывала выпуклый, загорѣлый лобъ. Голубые, смѣющіеся глаза, красивое лицо, съ короткой темной бородкой и полными розовыми губами, все сіяло радостью жизни.

— Солнце-то какое! — быстро сказалъ онъ, точно боялся, что она можетъ не замѣтить солнца.—Я прямо пьянъ отъ этого солнца.

— А я отъ моря, — такимъ же радостнымъ, праздничнымъ голосомъ, отвѣтила она.

По ея голосу, по ея лицу, по неудержимой улыбкѣ, раздвигавшей крупныя, алыя губы, горѣвшей въ глубинѣ посвѣтлѣвшихъ, золотистыхъ глазъ, по крѣпкому пожатію прохладной руки, Янтаровъ понялъ, что она рада ему.

На яркомъ полдневномъ солнцѣ ея пушистая кожа казалась еще нѣжнѣе и прозрачнѣе. Темная щетка кипарисовъ, густо-синій цвѣтъ моря въ глубинѣ, горячій вѣтерокъ, свѣжее, сіяющее дѣвичье лицо,—все сливалось въ одну пѣсню. Онъ на мгновенье задержалъ ея руку и глубже заглянулъ въ глаза.

— Вы любите море?

— Ну еще бы! Больше всего на свѣтѣ... Впрочемъ, нѣтъ.

Вышло по дѣтски, и оба разсмѣялись. Тонкій румянецъ залилъ лицо дѣвушки, и лобъ, и уши, и круглую, слегка открытую шею. Но глазъ передъ нимъ она не опустила и онъ увидалъ въ глубинѣ смѣющихся зрачковъ что-то настойчивое и твердое.

— Я не зналъ, что вы дочь Петра Петровича Смирнова,— вдругъ произнесъ онъ и слегка закусилъ конецъ праваго уса, точно досадуя на что-то.

— Да, дочь. А что?

— Рѣшительно ничего! Вашъ отецъ,—онъ запнулся и быстро закончилъ:—Вашъ отецъ умный человѣкъ.

Какая-то неловкость поднялась въ ней, но она подавила ее и мысленно подыскивая слова, чтобы позвать его къ себѣ, спросила:

— А вы еще долго здѣсь пробудете?

— Сегодня уѣзжаю.

И они разошлись.

Теперь, вспоминая эту встрѣчу, она старалась какъ можно яснѣе увидать его лицо, понять его улыбку, глаза, голосъ. Что онъ думаетъ о ней? Что значатъ эти слова объ отцѣ?

Она знала, что у отца много враговъ и привыкла относиться къ этому пренебрежительно. Но мысль, что онъ — она еще не нашла для Янтарова имени — тоже среди враговъ, вызывала въ ней малодушное желаніе отодвинуться, думать о себѣ, какъ можно отдѣльнѣе отъ отца. Она рѣшила не звать Янтарова къ себѣ. Женскимъ чутьемъ угадывала она, что внѣ дома ей легче будетъ привлечь его къ себѣ.

Въ ней было отцовское, отчетливое упорство. И она впервые сознавала свою волю въ одномъ сладкомъ желаньи—заставить полюбить себя.

Поздно вечеромъ, когда они подъѣзжали къ своему городу, Петръ Петровичъ вполголоса разговаривалъ съ женой. Она слушала внимательно, немного возбужденно, и около полнаго, еще свѣжаго рта вздрагивала складка, точно ей показывали вкусное блюдо.

— Конечно, надо ѣхать, — громко сказала Марья Филипповна,—хотя ты знаешь, какъ мы не любимъ, когда тебя нѣтъ. Дѣти, папа насъ бросаетъ. Ему нужно въ Петербургъ.

Дочери сидѣли напротивъ, каждая въ своемъ углу дивана и каждая съ книгой въ рукахъ. На минуту онѣ подняли глаза.

— Можетъ быть Мика со мной хочетъ? Хочешь побѣгать по петербургскимъ лавкамъ?

— Нѣтъ, папа, зачѣмъ? Я домой хочу.

Мать засмѣялась.

— Это хорошо, что мои дѣвочки такъ любятъ домъ.

Она пожала руку мужа и ласково посмотрѣла на него. Онъ отвѣтилъ и на пожатіе и на взглядъ съ той спокойной, небрежной нѣжностью, которую привычка вырабатываетъ въ людяхъ, прожившихъ вмѣстѣ долгую и дружную супружескую жизнь.

Изъ-за края книги на нихъ смотрѣли колючіе, темные глаза Вѣры. Ей казалось, что и отецъ, и мать лгутъ, и движеньями, и взглядами, и словами. Она не понимала ихъ отношеній и не вѣрила въ нихъ... Съ юношескимъ простодушіемъ она думала, что тамъ, гдѣ разъ ложь и обманъ оставили свои грязные слѣды, уже нѣтъ мѣста подлинной привязанности и нѣжности. Она еще не знала, какъ тѣсно въ сложной ткани человѣческой жизни сплетены нити лжи и правды.

Когда дамы сѣли въ экипажъ и носильщики почтительно разложили вокругъ нихъ мелкіе саки, чемоданчики и подушечки, съ широкой лѣстницы вокзала сошелъ тяжелый, темный Ниловъ. Съ угрюмой галантностью онъ приподнялъ шляпу.

— Мое почтеніе. А гдѣ же супругъ? Неужели заставляетъ дамъ ждать?

— Папа въ Петербургъ поѣхалъ,—сказала Мика и вдругъ почувствовала, что этого не надо было говорить.

— Въ Петербургъ?

При бѣломъ свѣтѣ мигавшихъ и шипѣвшихъ фонарей темное лицо Нилова отливало металлическимъ оттѣнкомъ.

— Да, да, Иванъ Митрофановичъ, развѣ онъ вамъ не сказалъ?—любезно и поспѣшно объясняла Смирнова.—Его вызвали телеграммой. До свиданья, Иванъ Митрофановичъ. Егоръ, пошелъ!

Кучеръ тронулъ и коляска покатилась, огибая полукруглый скверъ.

— Стоитъ на крыльцѣ, точно слонъ, потерявшій вожака,— со смѣхомъ сказала Вѣра. — Что это еще за сказка про телеграмму, мама?

— Оставь, пожалуйста, Вѣра! Тебя эти дѣла не могутъ интересовать.

IV.

У Мики своя отдѣльная гостиная, рядомъ со спальной. Обои, коверъ, блѣдно-розовая шелковая обивка, сѣрое дерево столовъ, шкаповъ и карнизовъ, все въ обѣихъ ея комнатахъ одинаковое. Годъ тому назадъ Мика старательно и дѣловито отдѣлывала свой уголъ. Отецъ помогалъ ей съ нѣжнымъ, веселымъ баловствомъ. Они вмѣстѣ ѣздили по магазинамъ, разсматривали образчики, рылись, заказывали и выбирали. Мать ворчала на ихъ расточительность, а они прятались, скрывали отъ нея счета, какъ заговорщики или дѣти. Вся эта суматоха, возможность окружить дочь дорогими, обдуманными вещами, тѣшила отца и усиливала его гордость Микой.

Только годъ прошелъ съ тѣхъ поръ, но теперь она равнодушными, далекими глазами смотрѣла на свои комнаты. Слишкомъ много рѣзьбы, мелочей. Загромождено. Только бѣлыя клавиши рояля попрежнему манили къ себѣ.

И всетаки она рада, что вернулась. Улицы, дома, тяжелый куполъ собора, виднѣвшійся изъ-за голыхъ деревьевъ бульвара, все было пріятно, все успокаивало, все говорило о томъ, что Янтаровъ гдѣ-то здѣсь, близко.

Микѣ было уже двадцать три года. Въ ней была спокойная, трезвая разсудочность отца, умѣнье устраиваться такъ, какъ ей было удобно, какъ ей хотѣлось. Съ тѣхъ поръ, какъ она повѣрила въ свой голосъ и начала, неторопливо и упорно работать надъ нимъ, вся ея жизнь стянулась къ этому, еще только пробивающемуся, художественному честолюбію, которое усиливалось полнымъ отсутствіемъ жизни вокругъ Смирновскаго дома. Друзей не было; были знакомые, съ которыми надо было поддерживать отношенія. Отцовская работа шла гдѣ-то внѣ дома, или во всякомъ случаѣ въ сторонѣ отъ его жены и дѣтей. А своего дѣла у женской половины Смирновской семьи не было, такъ какъ скучная благотворительность Марьи Филипповны никому не была нужна.

Когда Мика кончила гимназію, въ нее влюбился офицеръ. Онъ былъ красивъ и сантименталенъ, декламировалъ нараспѣвъ то Надсона, то Ленау, и говорилъ о безсмысленности жизни. Его кузина разсказала Микѣ, что онъ хочетъ стрѣляться, что товарищи слѣдятъ за нимъ и прячутъ отъ него револьверъ.

Это волновало и занимало Мику и, когда въ старомъ саду,

густо обступившемъ городской домъ Смирновыхъ, офицеръ осторожно обнялъ Мику за талію и неловко поцѣловалъ въ щеку, молодая дѣвушка покорно подчинилась, хотя прикосновенье его мягкихъ губъ было ей непріятно. Но то, что онъ говорилъ, огонь, загоравшійся въ его глазахъ, сознаніе власти надъ нимъ, тѣшили ее. Они считали себя женихомъ и невѣстой и офицеръ все спрашивалъ, когда она позволитъ ему поговорить съ Марьей Филипповной. А она не позволяла. Ей нравилась таинственность и было почему то стыдно, особенно, когда онъ становился передъ ней на колѣни и говорилъ:

— Вы моя богиня...

Потомъ онъ ушелъ на войну, и она тосковала, начала даже читать газеты. Издали ей иногда казалось, что она его любитъ. А когда онъ вернулся безногимъ калѣкой, она съ трудомъ заставила себя навѣстить его. И потомъ забыла о немъ.

Теперь, глядя въ темное окно, за которымъ виднѣлся садъ, она вспоминала осенній вечеръ и крѣпкую руку, охватившую ея плечи. Это мѣшало думать объ Янтаровѣ, застилало, отдаляло его. Молодая дѣвушка провела рукой по щекѣ, стирая слѣды былыхъ, ненужныхъ поцѣлуевъ. А въ глубинѣ кипѣло и крѣпло жуткое любопытство къ новымъ возможностямъ жизни.

Ей захотѣлось крѣпче связать себя съ тѣми, кого она считала друзьями Янтарова. Надю Грохотскую она всегда любила. Еще съ гимназіи началась эта дружба двухъ, ни въ чемъ несходныхъ, дѣвушекъ. Но теперь Мика думала о своей маленькой, тоненькой, темноволосой пріятельницѣ съ новой, покровительственной нѣжностью. Она вспоминала ея квартиру, съ облѣзлой мебелью и растопыренными фикусами, стоявшими прямо на полу, ея неизмѣнное черное платье, съ узкимъ бѣлымъ воротникомъ, разношенныя галоши, спадавшія съ маленькихъ ногъ, и едва ли не въ первый разъ подумала, какъ должно быть трудно ей перебиваться.

За завтракомъ Марья Филипповна заговорила объ учительницѣ для Вѣры. Она уже озабоченно погрузилась въ хозяйственныя мысли о прислугѣ, новыхъ платьяхъ, о томъ, не придется ли мѣнять коверъ въ гостиной, о цѣломъ рядѣ домашнихъ мелочей, всегда тучей кружившихся надъ ея искусно причесанной головой. Она гордилась тѣмъ, что никогда ни моды, ни визиты, ни заботы о домѣ не отодвигали отъ нея самаго главнаго— мыслей о воспитаніи дѣтей. Къ какой жизни она ихъ готовитъ, какія цѣли должны стоять передъ ея дѣвочками, зачѣмъ имъ знать все, что такъ старательно втискивалось въ ихъ молодыя

головы—объ этомъ Марья Филипповна не думала. Она просто знала, что все должно быть не только какъ у другихъ, но въ десять разъ обильнѣе и лучше. Выборъ учителей, распредѣленіе занятій, наблюденіе за ними—все было поставлено въ домѣ Смирновыхъ широко и щедро. Языки, пѣніе, музыка, все было самаго лучшаго сорта. А у Вѣры былъ цѣлый штатъ учителей, такъ какъ мать не хотѣла посылать ее въ гимназію. Тамъ засмѣютъ. При одной мысли объ этомъ сердце матери пронизывалось болью и негодованіемъ. Вѣра только издали видѣла веселую дѣтскую толпу. Зависть и любопытство сжимали ея душу; усиливалось чувство одинокости и непроходимой оторванности отъ всѣхъ остальныхъ людей. А такъ хотѣлось подойти ближе.

— Надо намъ обсудить, какъ въ этомъ году съ Вѣрусей...

Марья Филипповна наливала кофе въ маленькія голубыя чашки. Опущенныя, уже морщинистыя вѣки придавали всему лицу недовольное выраженіе. Полная грудь, высоко приподнятая корсетомъ, придавала ея прямому стану что-то воинственное и самоувѣренное. Вѣрѣ казалось, что и лицо матери, и складки шелковой блузки и кольцо на рукѣ говоритъ: „Вотъ это я. Вотъ это мои дѣти. У насъ все особенное, прочное, дорогое“. Злоба обожгла грудь Вѣры. Съ утра она была не въ духѣ. Къ ней подступила черная тоска, порой окутывавшая ее невыносимой духотой. Тогда хотѣлось уйти, убѣжать, спрятаться, не видать опротивѣвшихъ человѣческихъ лицъ, не слыхать ихъ голосовъ, не трогать ихъ рукъ, быть одной и скрытой.

— Что еще съ Вѣрусей?—рѣзко спросила она.—Пожалуйста оставьте меня въ покоѣ...

Мать подняла на нее близорукіе, выпуклые, слинявшіе голубые глаза и, встрѣтивъ колючій, недобрый взглядъ, опять опустила сухія вѣки.

— Ничего мнѣ не надо... И вообще пора мнѣ... пора меня начать возить по ярмаркамъ... Пусть смотрятъ...

Нѣжный голосокъ раскатился нервнымъ, непріятнымъ смѣхомъ.

Мика взглянула на сестру изъ-подъ широкихъ, спокойныхъ бровей. Столько холодной далекости было въ золотистыхъ зрачкахъ старшей, что Вѣрусѣ хотѣлось бросить въ нее чѣмъ-нибудь, вскочить, закричать, выкинуть одну изъ тѣхъ нелѣпостей, которыми иногда она нагоняла явную тревогу и скрытое отвращеніе на весь домъ. Но на этотъ разъ она не успѣла. Что-то болѣе внимательное и мягкое вдругъ разлилось по лицу Мики.

— Отчего бы Вѣрѣ не заняться русской литературой? У

нея есть и интересъ, и вкусъ. Надя Грохотская могла бы съ ней заняться. Она очень хорошая учительница.

Волна тепла хлынула въ душу младшей. Когда же это Мика успѣла замѣтить, что у нея есть вкусъ? Значитъ она для нея не только противный, мозолящій глаза уродъ. Заниматься съ Надей... Къ подругѣ сестры она относилась съ затаеннымъ обожаніемъ, упорно пряча его подъ внѣшней хмуростью. Ей нравился въ Грохотской и веселый смѣхъ, и завитки темныхъ волосъ, и быстрота сужденій, и даже то, какъ она, здороваясь на ходу, по мальчишески встряхивала руку. Вѣрѣ чудилось, что эта торопливая, небрежно одѣтая дѣвушка живетъ какой-то особой, большой и важной жизнью, и хотѣлось заглянуть въ этотъ незнакомый, манящій міръ.

Но она молчала и даже отвернулась, точно разговоръ ее не интересовалъ. Ей всегда казалось, что подлинныя, острыя желанія надо таить отъ близкихъ.

— Грохотскую?—переспросила Марья Филипповна, и полныя, слегка подкрашенныя помадой губы, неодобрительно подобрались.—Развѣ она что-нибудь знаетъ? Столько въ ней апломба...

Мика перебила, спокойно и внушительно.

— Она окончила курсы одной изъ первыхъ, мама. Теперь работаетъ. И очень способная...

Полныя плечи подъ туго натянутымъ шелкомъ слегка колыхнулись.

— Не знаю... конечно, ты съ ней теперь дружишь. И ты знаешь, Мика, я тебя не стѣсняю. Но этой... барышнѣ я не очень довѣряю. Всегда приходитъ съ такимъ видомъ, точно снисхожденье намъ дѣлаетъ.

— Надя?!

Мика засмѣялась, и ея лицо съ крупными, бѣлыми зубами стало по-дѣтски милымъ.

— Какіе пустяки, мама! Ты просто ее не любишь.

— Ну и не люблю, — согласилась мать. — И не понимаю, что ты въ ней находишь.

— То, что всѣ наши знакомыя барышни скучныя и глупыя. А она умница,—рѣшительно заявила Мика и встрѣтила неожиданно просіявшій, лукавый взглядъ Вѣры. Въ другое время она оборвала бы сестру, если не словомъ, то глазами, но на этотъ разъ мягко сказала.

— Значитъ такъ, Вѣруся? Я поговорю съ Грохотской. Хочешь?

Опять пахнуло тепломъ, но Вѣра не выдала себя. Равнодушно и неторопливо отвѣтила она:

— Да что-жъ, пожалуй.

Мика была рада придти къ Грохотской не съ пустыми руками. Этимъ прикрывалась поспѣшность ея визита. Еще съ лѣстницы услыхала она быстрый веселый голосокъ Нади, и съ новымъ чувствомъ близости вошла въ тѣсноватую столовую съ простенькой висячей лампой, съ неизмѣннымъ самоваромъ на потертой клеенчатой скатерти. Надя, гибкая, проворная, похожая на дѣвочку, быстро поцѣловала ее, точно клюнула.

— Вотъ хорошо! Тебя-то намъ и надо.

Голубые глаза Янтарова ласково смѣялись навстрѣчу Микѣ. Но она скользнула глазами мимо него.

На диванѣ лежала мать Нади и, близко держа книгу передъ близорукими глазами, читала. На мгновенье она оторвалась отъ страницъ и поздоровалась.

— Здравствуйте, Марья Петровна. Ну что, конечно, процвѣтаете?

Въ голосѣ была лѣнивая иронія, на которую Мика давно не обращала вниманія. Грохотская-мать днемъ уходила куда-то на службу, потомъ возвращалась, надѣвала темный халатъ, ложилась на диванъ и читала романы. Она глотала ихъ, какъ прожорливыя дѣти глотаютъ леденцы, безъ счета и безъ мѣры, не разбирая ни авторовъ, ни стилей, ни содержанія.

— Мамочка, что же ты будешь дѣлать, когда всѣ романы, на всѣхъ языкахъ перечитаешь? — смѣясь спрашивала иногда Надя.

— А тогда я умру,—невозмутимо отвѣчала мать.

Она никогда не дѣлилась съ другими тѣмъ, что прочла. Всѣ эти ворохи печатной бумаги, куда сотни людей вложили свое дарованіе, сомнѣнія, муки, радость, мудрость, пережитое, перевидѣнное или пригрезившееся, проходили черезъ ея сознаніе, какъ проходятъ люди черезъ улицу, ничего не мѣняя, ничего не внося. Но и живая, настоящая жизнь не вызывала въ ней отклика. Когда Надины друзья поднимали шумъ, или приносили съ собой слишкомъ пряный запахъ улицы, она лѣниво поднималась съ дивана и перебиралась на постель. Никто не замѣчалъ ея отсутствія, какъ никто не замѣчалъ цвѣта ея глазъ. Только Надя, наливая чай, брала стаканъ, несла его къ матери, торопливо расплескивая на блюдечко, и опять живо возвращалась въ столовую.

— Садись скорѣе. У насъ коммиссія. Ну, Ольга Ивановна, вы что предлагаете?

Ольга Ивановна ничего не предлагала, а только краснѣла, путалась и что-то бормотала про „планъ дѣйствій“.

Мика сѣла между Янтаровымъ и высокимъ смуглымъ студентомъ съ влажными черными глазами и красивымъ, орлинымъ носомъ.

— Это мы насчетъ рабочаго клуба,—сказалъ Янтаровъ и слегка наклонившись посмотрѣлъ на нее.—Примете участіе? Или не позволятъ?

— Кто не позволитъ?—съ улыбкой спросила Мика.

Смуглый студентъ ухмыльнулся широко и простодушно.

— Георгій Александровичъ думаетъ, что вамъ семейство не позволитъ,—съ гортаннымъ, восточнымъ выговоромъ обстоятельно пояснилъ онъ.

— Цито, не болтать!—повелительно прикрикнула Надя. Ея подвижное, розовато-смуглое личико, съ неправильными мелкими чертами старалось быть строгимъ, но улыбка уже морщила губы.—Время дорого, право...

Перебивая другъ друга, смѣясь и путаясь, они никакъ не могли разобраться, говорили всѣ сразу и о разномъ. Хмурый гимназистъ въ большихъ, круглыхъ очкахъ басомъ предлагалъ поставить Эсхила.

— Но чтобы въ туникахъ... И съ разрѣзами. И все прочее. Такъ и попрутъ буржуи...

Онъ презрительно оттопыривалъ толстыя губы, точно сдувалъ буржуевъ, какъ пухъ съ насиженныхъ гнѣздъ. Маленькая лупоглазенькая барышня, похожая на бѣленькую лягушечку, тихо ворковала:

— Пузыревъ правъ... Нужно что-нибудь эротическое... Необходимо.

Янтаровъ, глядя на лягушечку, хохоталъ дѣтскимъ захлебывающимся смѣхомъ и повторялъ:

— Эротическое? Великолѣпно. И вы въ туникѣ?

Надя вдругъ разсердилась и стукнула по столу.

— Янтаровъ! Это невозможно. И вы, Олечка, не говорите глупостей. Намъ завтра надо представить комитету нашъ планъ, а вы дурите.

Молодой, рыжеусый, хорошо одѣтый господинъ, сидѣвшій въ концѣ стола, разсказывалъ тихимъ, вѣжливымъ голосомъ:

— Я ходилъ къ этому старому чорту Нилову. Онъ меня всего точно медомъ обмазалъ... Молодой человѣкъ... молодой че-

ловѣкъ... какъ это пріятно... культура... народныя массы... и, конечно, ни гроша. Устройте, тогда дадимъ.

— Нашли къ кому ходить,—пренебрежительно пожалъ плечами Янтаровъ.—Отъ этой шайки лучше подальше.

Мика мѣшала чай и пристально смотрѣла, какъ расходятся въ стаканѣ маленькія волны. Но сбоку, украдкой, успѣла взглянуть на Янтарова. Что-то сухое, враждебное, мелькнуло около его веселыхъ губъ. Странная жуткость кольнула ея сердце.

Послѣ долгихъ споровъ рѣшили просто устроить концертъ. Мика, волнуясь и краснѣя, предложила не только помогать, но и пѣть.

— Голубушка, какой ты молодчина!

Надя взмахнула обѣими руками и взвизгнула, что было у нея выраженьемъ крайняго восторга. И въ первый разъ съ дивана раздался насмѣшливый и невозмутимый голосъ:

— Дѣти мои, какіе вы глупые!

На минутку всѣ обернулись туда, гдѣ стоялъ диванъ. Худая женщина въ темномъ платьѣ лежала на немъ.

Это никому не было интересно и ея слова замерли, точно ихъ и не было.

Когда стали уходить, Мика отвела Надю въ сторону и сказала объ урокѣ.

— О, это ловко! У насъ, какъ всегда, нехватки,—сказала молодая дѣвушка, потомъ вдругъ спохватилась, нахмурилась и пытливо взглянула на пріятельницу.—А это надо? Или ты просто выдумала?

Мика спокойно выдержала ея взглядъ.

— Конечно надо. Ты-жъ это умѣешь. И потомъ сестра такая несчастная. А не глупая. Я думаю, она тебѣ понравится.

Хорошо было идти по ночнымъ улицамъ, рядомъ съ Янтаровымъ. Слова были ничтожныя и сразу забывались. Но его голосъ, его рука, поддерживавшая ее, его смѣхъ, этотъ заразительный дѣтскій смѣхъ, все было радостно. Въ ней обострялась и росла напряженность женщины, ищущей власти надъ понравившимся ей человѣкомъ. Если бы онъ бывалъ у нихъ! Ей казалось, что у себя, въ своей комнатѣ, около своего рояля, въ своей привычной обстановкѣ, она скорѣе всего могла бы опутать его тѣми невидимыми паутинками, изъ которыхъ ткется привязанность, изъ которыхъ плетется узелъ, связывающій двухъ людей.

Около дома она сказала:

— Мы плохо составили списокъ артистовъ. Надо бы провѣрить. Можетъ-быть вы завтра вечеромъ зайдете къ намъ? Мы пересмотримъ. Я и Надю позову,—осторожно добавила она.

Пальцы, сжимавшіе ея руку повыше кисти, слегка разжались.

— Завтра? Завтра?.. Нѣтъ, простите, не могу.

Она поняла, что онъ не хочетъ приходить къ нимъ.

Неуклюжей и неуютной показалась ей и передняя съ золотымъ зеркаломъ, и слабо освѣщенная, широкая, крытая ковромъ лѣстница, по которой она поднималась къ себѣ. Голосъ матери, поджидавшей дочь въ небольшой, съ претензіей на восточный стиль убранной гостиной, звучалъ непріятно.

— Мика, какъ поздно. Я тревожилась. Отчего ты не велѣла пріѣхать за тобой?

— Какіе пустяки, мама! Я не ребенокъ. Покойной ночи.

У себя въ спальной она опять почувствовала себя полной силъ и надеждъ. Она знала, чего хочетъ и знала, что всѣми путями пойдетъ на встрѣчу желанному.

V.

Янтарову не хотѣлось домой. Тамъ ждала работа, подстерегали дѣловыя, непріятныя мысли. Какъ-то такъ вышло, что за нимъ накопились и выросли и денежные, и рабочіе долги. Еще со студенческой скамьи онъ научился засовывать въ дальній уголъ то, что̀ казалось скучнымъ или труднымъ. Его вывозила удача, способности и какая-то особая, счастливая легкость характера.

— Янтаровъ перескакиваетъ черезъ черные дни, какъ гончая черезъ канаву,—острили товарищи.

Онъ въ отвѣтъ только улыбался, и веселымъ тщеславіемъ свѣтились ласковые глаза.

Его проекты бросались въ глаза, вызывали въ студенческихъ кругахъ тотъ предварительный шумъ, который иногда бѣжитъ впереди настоящей славы. Онъ любилъ набросать общій планъ, съ широкими линіями, съ смѣлымъ замысломъ. Но все дальнѣйшее, все кропотливое выполненіе задуманнаго—этого онъ не любилъ, дѣлалъ спустя рукава, сбывалъ помощникамъ, десятникамъ, а самъ, стоя на краю лѣсовъ, смотрѣлъ на шаршавое, пестрое море крышъ и болталъ съ рабочими.

Товарищеское и простое отношеніе къ нимъ онъ вывезъ изъ деревни, гдѣ въ дѣтствѣ по цѣлымъ днямъ бѣгалъ съ шустрыми, пол-

ными жизни и интересовъ крестьянскими мальчишками. Рабочіе его любили, а подрядчики опасливо косились на наряднаго, вѣчно зубоскалившаго инженера. Этотъ баринъ, простой и обходительный, иногда впадалъ въ бѣшеную ярость. Они никогда не знали, что именно можетъ вызвать опасный припадокъ, такъ какъ Янтаровъ, по безпечности, много разъ спускалъ имъ мелкія жульничества, а потомъ, неожиданно для другихъ и для себя, готовъ былъ изъ-за какой-нибудь мелочи схватить за горло подрядчика. Но именно эта невозможность разсчитать, сообразить, что сойдетъ съ рукъ и что̀ не сойдетъ, заставляли быть осторожнѣе, и около Янтарова рабочимъ жилось сравнительно легче, чѣмъ на другихъ постройкахъ. Онъ гордился этимъ, хотя смутно понималъ, что очень мало дѣлаетъ для огражденія тѣхъ, съ кѣмъ такъ ласково перекидывается шутками, что настоящей заботы о нихъ нѣтъ въ его сердцѣ. Онъ и о самомъ себѣ мало заботился. Но за послѣднее время какія-то сѣрыя тѣни заползли въ его жизнь. И тѣмъ болѣе не хотѣлось быть одному.

Ночь была темная и теплая. Вечеромъ шелъ дождь и съ черныхъ вѣтокъ, торчавшихъ изъ-за палисадниковъ, падали тяжелыя капли. Въ тишинѣ уже спящаго города кто-то шептался, отрывисто и непонятно. Влажный воздухъ липъ къ лицу, ласково и тревожно.

Янтаровъ еще чувствовалъ прикосновенье стройнаго, быстраго дѣвичьяго тѣла. Тогда, въ кипарисовой аллеѣ, когда она стояла передъ нимъ, подставляя подъ утреннее солнце свою пушистую кожу, онъ понялъ, что нравится ей. Она не показалась ему красивой. Лицо почти вульгарное. Но отличная линія тѣла. И одѣта хорошо. Онъ это любилъ и цѣнилъ, и былъ доволенъ, что женщины и дѣвушки того разночиннаго, радикальнаго круга, въ которомъ онъ жилъ, все больше и больше заботятся о своихъ рукахъ, волосахъ, о покроѣ платья, обо всемъ, въ чемъ сказывается женственное желаніе быть красивой и привлекательной.

Влекло еще и то, что она дочь Смирнова.

Молодой архитекторъ съ неподдѣльной, органической ненавистью смотрѣлъ на тяжелые, громоздкіе дома, которыми старый строитель наполнилъ улицы города. Выступы, завитушки, карнизы, кое-гдѣ толстоногія статуи, скрывавшія убожество общаго плана, окна, въ которыя какъ будто никогда не заглядывало солнце, тѣсныя угрюмыя двери, — все было для Янтарова ненавистнымъ.

Они уже раза два столкнулись въ засѣданіи мѣстнаго общества архитекторовъ. Въ послѣдній разъ Янтарова точно что-то

подстегнуло. Онъ произнесъ цѣлую рѣчь, полную символовъ, цитатъ, широкихъ эстетическихъ лозунговъ. Быстро и властно рождались мѣткія слова. Онъ забылъ, передъ кѣмъ говоритъ, забылъ, что всѣ эти люди—смирновцы, какъ уже давно презрительно окрестилъ онъ ихъ. Имъ овладѣло негодованье на этихъ людей, не умѣющихъ цѣнить красоту и тѣхъ, кто способенъ ее создать.

Но когда онъ кончилъ, опустился на свое мѣсто и оглядѣлся, ему стало смѣшно и неловко. Съ едва прикрытымъ вѣжливымъ недоумѣньемъ сидѣли въ креслахъ главари. Лица у нихъ были такія, какъ бываютъ у взрослыхъ, когда ребенокъ скажетъ глупость. Но изъ рядовъ раздались апплодисменты. А славные, свѣтлые глаза сидѣвшей рядомъ съ Янтаровымъ женщины сіяли восторгомъ и гордостью. Съ какимъ откровеннымъ отвращеніемъ смотрѣла Катя на Смирнова, когда онъ всталъ и поглаживая широкую русую бороду, стараясь скрыть раздраженье, прорывавшееся сквозь обычную увѣренность, сталъ разбивать противника.

— Я привѣтствую прекрасный полетъ воображенія. Но мы практики...

Янтаровъ и сейчасъ нервно дернулъ плечами, вспоминая этотъ вечеръ. Охота была соваться. Конечно онъ остался въ дуракахъ и городъ предоставилъ Смирнову строить больницу. Еще одной архитектурной низостью будетъ больше. Ну и пусть.

Но самолюбіе заныло и враждебность противъ Смирнова переплеталась съ новымъ интересомъ къ его дочери. Она скрылась за дубовыми дверями Смирновскаго дома, оставивъ послѣ себя пустоту и желаніе тепла.

Янтаровъ повернулъ въ узкую боковую улицу, прошелъ сквозь калитку на темный дворъ, гдѣ пахло осенними прѣлыми листьями и терпкимъ запахомъ мокрой, древесной коры. Маленькій домъ тускло бѣлѣлъ въ глубинѣ. Изъ-за завѣшаннаго окна пятномъ ложился на сырую землю яркій квадратъ свѣта.

Не спитъ. И конечно будетъ рада. Съ яснымъ, ласковымъ лицомъ вошелъ онъ въ просторную комнату съ низковатымъ потолкомъ и бѣлыми, штукатуренными стѣнами.

— Катюша, какъ у тебя хорошо.

Онъ обнялъ ее за плечи и подвелъ къ диванчику, на которомъ такъ удобно было сидѣть вдвоемъ.

— Такъ хорошо, совсѣмъ дома, — повторилъ онъ и въ голосѣ прозвучали неподдѣльно теплыя нотки. Блѣдно-смуглое лицо дѣвушки покрылось румянцемъ и помолодѣло.

— Ну, конечно. Это твой домъ, — сказала она, положила темноволосую голову на его плечо и сбоку смотрѣла на него счастливыми, преданными глазами.

Полки съ книгами, цвѣты, аккуратно разставленные на скамейкѣ, простой бѣлый столъ, на немъ портретъ Янтарова и нѣсколько большихъ тетрадей. Небольшая кровать, покрытая бѣлымъ. Все прибрано, чисто до педантизма. Сама Катя, въ простомъ темно-синемъ прямомъ платьѣ, съ туго заплетенными косами, обвитыми вокругъ небольшой головки, съ узкими желтоватыми руками, такая же прибранная и аккуратная. Хорошо около нея.

— Катя, отчего ты не хочешь переѣхать ко мнѣ?

Она быстро отодвинулась и встала.

— Опять, Гога... Вѣдь я тебя просила.

Въ ея сѣрыхъ глазахъ,—они были свѣтлѣе смуглой кожи, и это придавало всему лицу странную выразительность,—въ глазахъ проступило упорство и затаенная тоска.

— Не надо, Гога... Я такъ рада, что ты пришелъ. Три дня не видала... Хочешь чаю?

Она говорила и отворачивала лицо, и двигалась по комнатѣ, точно прячась.

— Нѣтъ, Катя, я ничего не хочу. Иди сюда! — балованно и властно приказалъ онъ.

Она подошла, слегка опустивъ голову. Краска сбѣжала съ ея лица. Онъ замѣтилъ ея блѣдность, складки, проложившія себѣ путь отъ маленькаго носа къ угламъ рта, легкую блеклость губъ и чуть темнѣвшія впадины на щекахъ.

— Ты устала? Какъ ты выглядишь! Катя, ты слишкомъ много работаешь. Какая ты упрямая!

Въ голосѣ, а еще больше въ длинныхъ, голубыхъ глазахъ она уловила недовольство. И лицо ея сразу стало твердымъ и яснымъ.

— Полно, Гога...—она сама придумала ему это имя и такъ любила его произносить, точно эти четыре буквы ближе придвигали, привязывали его къ ней. — Полно, Гога, чего ты безпокоишься? Мнѣ такъ хорошо... Ты знаешь, я не боюсь работы... Даже не могу безъ нея... А ты... ты...

Она замолчала и стыдливая улыбка застѣнчиваго ребенка сморщила ея губы. Онъ зналъ, какъ она скупа на слова, какъ трудно ей говорить о той глубокой, неисчерпаемой нѣжности, которая до краевъ наполняетъ ея душу. Но была въ немъ ненасытимая жажда, потребность знать себя любимымъ, и не только

знать, но видѣть, осязать, слышать эту любовь. Сильнымъ, грубымъ и уже страстнымъ движеніемъ онъ посадилъ ее къ себѣ на колѣни и крѣпкимъ, долгимъ поцѣлуемъ, поцѣловалъ въ губы. Потомъ, совсѣмъ близко глядя въ ея затеплившіеся глаза, тихо спросилъ:

— А я... Что я?

— Ты...—она не отрывалась отъ этихъ потемнѣвшихъ глазъ, точно всматриваясь въ глубь какого-то живительнаго источника, и также тихо отвѣтила:

— Ты моя радость, и счастье, и все что ты свѣтло... И я такъ счастлива, такъ... Въ больницѣ, и вездѣ, я вижу столько горя, что мнѣ бываетъ стыдно, что я такъ счастлива... Но вѣдь это ничего, Гога? А? Я вѣдь для нихъ все дѣлаю. Даже гораздо больше, чѣмъ безъ тебя... Я отъ тебя сильная.

Отъ этихъ словъ, отъ ея взволнованнаго голоса на него пахнуло очарованіемъ безконечной доброты и тихой, крѣпкой внутренней силы, которую онъ съ гордостью и изумленіемъ ощутилъ въ ней ужъ послѣ того, какъ они сошлись. И, замѣтивъ, тогда же устыдился, понялъ, что есть въ этой блѣдной, малозамѣтной фельдшерицѣ, такъ просто и быстро отдавшейся ему, какая-то тайна, мимо которой слѣпо и равнодушно идутъ люди. Да и самъ онъ въ рѣдкія минуты понималъ это, а потомъ опять забывалъ, и былъ съ ней также ласковъ и милъ, какъ былъ ласковъ съ десятками женщинъ до нея, какъ смутно разсчитывалъ ласкать десятки женщинъ послѣ нея. Но въ этотъ вечеръ, усталый, возбужденный какими-то еще неуловимыми новыми скрещиваніями жизни, нароставшими вокругъ него, онъ съ жуткой остротой почувствовалъ превосходство Кати и, какъ всегда непосредственный и искренній, крѣпко сжалъ ее въ своихъ объятьяхъ.

— Гога, тише, ради Бога тише!—закричала она, со страхомъ.

Онъ разжалъ руки и съ испугомъ посмотрѣлъ на ея встревоженное лицо.

— Что ты, Катя? Давно ли ты меня боишься? — въ голубыхъ глазахъ замелькали нѣжные огоньки и розовыя губы, такъ сладко умѣющія цѣловать, улыбнулись съ лукавымъ вызовомъ. Но она не отвѣтила, а упершись руками въ его плечи, закусила нижнюю губу, и молчала.

— Что такое? Какая ты сегодня!—почти съ досадой сказалъ Янтаровъ и вдругъ, ея опущенныя вѣки, ея строгія и

мудрыя губы, все ея тѣло, насторожившееся и точно прислушивающееся, поразили его.

— Катя! Да неужели!?

Она подняла вѣки и съ непривычной суровостью взглянула на Янтарова. Но такой дѣтской радостью сіяло его лицо, губы, глаза, ставшіе влажными и блестящими, что радостный вздохъ вырвался изъ груди женщины.

— Гога, родной...

Она заплакала и прижалась къ нему, тихая, безпомощная, нѣжная, счастливая, и сквозь слезы шептала едва слышныя, безсвязныя слова, гдѣ была гордость, и смущеніе, и радость, пугливая радость перваго материнства.

— Вѣдь это мы... это твоя любовь... Это ты... Господи, какое счастье, что ты полюбилъ меня.

Онъ цѣловалъ ея руки, съ бережной нѣжностью проводилъ ладонью по груди, бокамъ, по животу. Это не была прежняя страсть, когда-то пробужденная ея покорнымъ, дѣвичьимъ тѣломъ. Это было глубже и казалось имъ крѣпче.

Опять онъ настойчиво звалъ ее къ себѣ. Если она не хочетъ его заботъ, то онъ имѣетъ же право заботиться о своемъ ребенкѣ, объ ихъ ребенкѣ. Она не должна уставать, чтобы ребенокъ былъ здоровымъ, и сильнымъ, и счастливымъ.

Катя отбивалась короткими словами. Потомъ сѣла рядомъ съ нимъ на диванъ, взяла его руку въ свою, крѣпко сжала ее и, глядя передъ собой похорошѣвшими отъ слезъ глазами, спокойно и твердо сказала:

— Слушай, Гога, я не хотѣла тебѣ говорить...—она улыбнулась своей наивности. — Теперь я рада, что ты знаешь. Я хотѣла молчать, чтобы ты не думалъ, что ты связанъ. Ты также свободенъ теперь, какъ и раньше. Если ты будешь его любить, это будетъ счастье для меня и для него. Если нѣтъ, я сама его вырощу. Все равно это такая радость, что онъ есть, что онъ будетъ. И ты ничего, ничего не долженъ... Когда мы... когда я полюбила тебя, я знала какой ты... И всетаки было все, что было.

Опять на ея лицѣ онъ увидалъ новую мудрость и въ тоже время горечь. Онъ понялъ, что эта женщина полюбила его какимъ онъ былъ, что идя на праздникъ ихъ любви она приняла его всего, со всѣмъ, что было въ немъ слабаго, измѣнчиваго и порочнаго. Онъ соскользнулъ на полъ, положилъ голову ей на колѣни и затихъ, пристыженный и умиленный.

Быть можетъ, въ ихъ общей жизни, это была самая счастливая ночь.

VI.

Смирновъ вернулся изъ Петербурга по виду спокойный, какъ всегда, но внутренно напряженный и насторожившійся. Онъ сдѣлалъ все, что могъ, побывалъ у нужнымъ людей, а главное договорился о дѣлежѣ. Если концессія будетъ отдана ему, придется раздать столько-то. Но пока онъ не представитъ болѣе точнаго проекта, пока не намѣтитъ яснѣе направленія, и возможной доходности, ничего опредѣленнаго сказать нельзя.

Острые глаза Смирнова уловили на любезномъ лицѣ правителя дѣлъ что-то затаенное и уклончивое. Смирновъ не могъ понять, что это значитъ? Онъ зналъ, что его собесѣдникъ держится на ниточкѣ, что кто-то поднялъ противъ него походъ, что многолѣтніе широкіе „коммиссіонные" доходы грозятъ привести ловкаго и сытаго чиновника на скамью подсудимыхъ. Можетъ быть только тревога, страхъ за цѣлость своей шкуры вызываютъ необычную сдержанность? Или уже кто-нибудь другой успѣлъ раньше Смирнова побывать у всесильнаго правителя и тотъ просто взвѣшиваетъ, съ кѣмъ выгоднѣе идти?

Въ тотъ же день Смирновъ сдѣлалъ визитъ его женѣ. Строго элегантная, съ смуглымъ лицомъ, красивымъ и нервнымъ, съ узкими, измѣнчивыми глазами, изъ которыхъ холодкомъ поблескивала крѣпкая воля, она умѣла быть неприступной и далекой съ одними, простой и вкрадчивой съ другими. Смирновъ всегда предпочиталъ имѣть дѣло съ ней, а не съ ея мужемъ. Она была умнѣе, тверже, и та смѣсь ненасытимой жадности къ деньгамъ и столь же ненасытимаго распутства, которая составляла весь смыслъ жизни этой благовоспитанной, хрупкой на видъ женщины, втайнѣ волновала Смирнова.

Она не скрыла отъ него, что ея мужъ находится въ тяжкомъ положеніи. Съ спокойнымъ цинизмомъ,—она давно уже не церемонилась со Смирновымъ,—она пояснила:—Самъ виноватъ. Не сумѣлъ во время подѣлиться. Ну и влетѣлъ. Тѣ играютъ на благородство. Ну, да еще можетъ уладится. И ваше дѣло мы успѣемъ провести. Передъ нами нѣсколько мѣсяцевъ. Только не тяните. И вы знаете, придется...

Обстоятельно и точно перечислила она всѣхъ, кому и сколько придется дать. Смирновъ также обстоятельно торговался. А на слѣдующій день нашелъ у ювелира, у котораго покупалъ дорогія игрушки для Мики, красивую старую брошь, съ чуть

голубоватыми брилліантами, оправленными въ серебро и послалъ ее своей смуглой пріятельницѣ. Онъ хорошо зналъ, какъ эти маленькіе подарки укрѣпляютъ дѣловую дружбу.

Было еще нѣсколько человѣкъ, поддержка которыхъ была необходима. Но положеніе заставляло ихъ быть осторожнѣе. Съ ними приходилось долго разговаривать о пользѣ края, о томъ, какъ новая линія разовьетъ и подниметъ благосостояніе и культуру ихъ родной губерніи. А потомъ, какъ будто мимоходомъ, разспросить въ какомъ уѣздѣ и въ какой волости лежатъ ихъ наслѣдственныя десятины.

— Около васъ кажется много природныхъ богатствъ? Можетъ быть руда? Кажется огнеупорная глина? Я буду вамъ очень благодаренъ, если вы дадите мнѣ указанія. Намъ, людямъ, любящимъ свой родной уголъ, надо сплотиться...

И они сплотились. Особенно послѣ того какъ узнали, что самъ Иннокентій Веселовъ обѣщалъ помочь Смирнову.

Они давно были друзьями, поскольку можно было дружить съ этимъ молчаливымъ, полумертвымъ человѣкомъ. Уже въ сѣняхъ просторнаго, тяжеловатаго, замысловатаго особняка, притаившагося въ глубинѣ стараго сада, Смирновъ почувствовалъ, какъ тягостный, больничный холодокъ сочится изъ стѣнъ роскошнаго дома. Лакей, въ шелковой рубашкѣ и русской безрукавкѣ, велъ его черезъ длинный рядъ большихъ комнатъ. Китайскія ширмы, расшитыя драконами и золотыми цвѣтами, смѣнялись старыми французскими тканями, натянутыми на стѣны. Тяжелыя вазы скучали на высокихъ подставкахъ. Изъ темныхъ рамъ выглядывали толстыя лица старыхъ фламандскихъ мужиковъ. Кое-гдѣ, среди дорогихъ уродствъ, мелькалъ нѣжный мраморъ красивой женской головы. И казалось, что въ каменныхъ глазахъ жило тоскливое недоумѣнье: зачѣмъ она попала въ это застывшее царство голыхъ денегъ?

Страннымъ диссонансомъ прорѣзалъ угрюмую тишину взрывъ смѣха. Они шли мимо громадной, уставленной рѣзными, темными шкапами столовой. Въ глубинѣ, освѣщенныя солнцемъ, зеленѣли широкія листья латаній, вставали пышными букетами утонченные оранжерейные цвѣты. Сквозь стеклянный потолокъ свѣтъ падалъ на столъ, дробился въ хрустальныхъ графинахъ, дрожалъ на серебрѣ посуды. Какая-то женщина въ ярко-красной кофточкѣ и трое мужчинъ сидѣли за столомъ.

По ихъ позамъ, по звуку голосовъ, по тому, какъ безпорядочно были разставлены бутылки, было ясно, что завтракъ давно

длится. Человѣкъ, провожавшій Смирнова, презрительно покосился и пробормоталъ:

— Тоже, доктора считаются...

— Какіе доктора?

— Да при баринѣ. Домашніе. Двое по пять тысячъ получаютъ. А третьяго такъ сегодня пригласили, вродѣ какъ на бенефисъ... Сосутъ...

Его пожилое, степенное лицо выражало неодобренье.

— Я еще при папашѣ ихъ мальчикомъ служилъ. Вотъ мнѣ и обидно. Извольте здѣсь обождать. Я доложу.

Ждать пришлось недолго. Черезъ минуту открылась небольшая дверь, полускрытая блѣднымъ гобэленомъ. Смирновъ вошелъ въ знакомый кабинетъ. Окна, какъ всегда, плотно завѣшаны темными шестяными занавѣсками. Мебель просторная и простая. На стѣнахъ пусто. Только съ одной стороны виситъ большая картина, вся пропитанная радостной солнечностью жаркаго лѣтняго дня. Одно изъ лучшихъ произведеній тонкаго и мечтательнаго русскаго пейзажиста. А на противуположной стѣнѣ портретъ молодой женщины. На ней гладкое платье, какъ носили въ шестидесятыхъ годахъ. Кружевной воротникъ оттѣняетъ нѣжную линію шеи и подбородка. Глаза голубые и ясные, улыбаются ласково и печально. Тонкая рука лежитъ на плечѣ кудряваго, розоваго мальчика.

Подъ портретомъ, за большимъ, некрашеннымъ, бѣлымъ столомъ, сидѣлъ Веселовъ.

— Радъ, всегда радъ тебя видѣть...

Онъ протянулъ гостю костлявую руку, съ длинными холодными пальцами. Встать онъ не могъ. Коварныя, неподдающіяся врачебной наукѣ болѣзни уже много лѣтъ терзали тѣло этого богача, имя котораго вызывало въ большинствѣ людей представленье о праздничной, блестящей, счастливой жизни, о широкой власти надъ денежнымъ потокомъ, надъ этимъ вѣрнѣйшимъ источникомъ власти.

Холодъ, который Смирновъ почувствовалъ въ передней, еще сильнѣе охватилъ его въ темномъ кабинетѣ, гдѣ безвыходно мѣсяцами жилъ хозяинъ дома. Электрическій свѣтъ падалъ на картины, большимъ кругомъ ложился на столъ, освѣщая кипу бумагъ, и правильными рядами разложенныя, замусленныя, игральныя карты. Углы комнаты тонули въ полумракѣ.

— Ты, Петръ, меня извини, я кончу пасьянсъ...

Костлявые пальцы начали медленно раскладывать карты. Веселовъ, маленькій и высохшій, былъ спеленутъ въ желтенькій

заношенный, бѣличій халатъ. Тонкая, жилистая шея далеко высовывалась изъ отложного, бѣлаго воротника рубашки. Голова, съ яйцевиднымъ черепомъ, была совсѣмъ голая. Крючковатый носъ выдвинулся надъ тонкими, одного цвѣта съ зеленоватымъ лицомъ губами.

„Мертвецъ",—подумалъ Смирновъ.

Ему стало непріятно и захотѣлось поскорѣй уйти. Но мягкій, тихій голосъ Веселова не спѣша разспрашивалъ о семьѣ, о дѣлахъ.

— Спасибо, все хорошо. А у тебя какъ? Какъ здоровье?

Больше его не о чемъ было спрашивать. Жена давно его бросила. Дѣтей не было. И никого не было. Только онъ и деньги. А между ними, какъ зловѣщій, неотступный спутникъ, безжалостный недугъ, годъ за годомъ, часъ за часомъ высасывающій изъ милліонера послѣднія капли жизни.

— Здоровье? Какъ видишь...—улыбка скривила тонкій ротъ, открыла ровный, слишкомъ молодой для этого измореннаго лица рядъ крѣпкихъ зубовъ.

Веселовъ на мгновеніе оторвался отъ пасьянса, взглянулъ на гостя. И глаза у него были неожиданно ясные, печальные и голубые, какъ у той женщины, портретъ которой висѣлъ надъ нимъ.

— Вотъ въ этой книгѣ, — онъ крѣпко постучалъ пальцами по синему сафьяному переплету большой книги, лежавшей недалеко отъ него на столѣ, — вотъ здѣсь записаны отзывы 137 врачей. Я хочу набрать коллекцію до 200... Если успѣю.

Улыбка стала еще высокомѣрнѣе и горше. Смирновъ перебилъ его, желая скорѣе перевести разговоръ на дѣло.

— Ты все еще этого не бросилъ, Иннокентій? Мнѣ кажется, ты самовнушеньемъ занимаешься. И зачѣмъ ты позволяешь этимъ господамъ пьянствовать въ твоей столовой?

Острыя плечи презрительно приподнялись подъ желтымъ халатомъ.

— Чортъ съ ними! Пусть лакаютъ. Денегъ хватитъ. Двое мнѣ нужны. Они мнѣ морфій вспрыскиваютъ. Одного одну ночь бужу, другого другую. Надо же и имъ выспаться.

— А еще кто съ ними?

— Еще? — онъ прищурился, точно вспоминая, — ахъ да, этотъ кругленькій... Тоже докторъ. Мнѣ его нашъ бухгалтеръ рекомендовалъ. Ничего себѣ. Такой же дуракъ какъ всѣ. Тоже сюда свое мнѣніе и рецепты вписалъ. Небось лестно, съ европейскими свѣтилами въ одну книгу попалъ. Ну да и сто рублей пригодятся.

— А ты, конечно, его совѣты также не исполнишь, какъ и всѣ остальные...

Веселовъ только повелъ острыми плечами. Холодные, тощіе пальцы раскладывали карты и перерѣзанныя пополамъ дамы покорно ложились на грудь длиннобородыхъ королей. Веселовъ внимательно слѣдилъ за ними. Синія, глубокія тѣни дрожали около блеклаго рта, углубляли глазныя впадины, сжимали виски, дѣлали костлявое лицо еще меньше. Когда Смирновъ началъ разсказывать о концессіи, онъ ничего не могъ уловить на этомъ лицѣ.

— По моему, дѣло вѣрное и большое. Я хочу, чтобы ты помогъ мнѣ, заинтересовалъ тѣ банки, гдѣ ты состоишь въ правленіи. Надо заручиться ими и тогда мы съ Лукутинымъ быстро двинемъ все остальное. У него уже кое-что сдѣлано.

Веселовъ молча докончилъ пасьянсъ, аккуратно расправилъ стопки картъ, потомъ собралъ ихъ также аккуратно, отложилъ колоду въ сторону, прихлебнулъ молока изъ стакана, закусилъ сухаремъ, — это была его единственная ѣда, — и только тогда поднялъ глаза на гостя.

— Лукутинъ? Я зналъ отца и мать. Отецъ рвалъ съ живого и мертваго. А мать изъ прачекъ попала въ барыни. Хорошая кровь для дѣльца.

Тонкія губы плотно сжались. Голубые глаза остро смотрѣли на Смирнова, точно опредѣляя, достаточно ли въ немъ хороша кровь.

— Да, онъ кажется не промахъ, — отвѣтилъ Смирновъ, спокойно выдерживая этотъ взглядъ. — Дѣла дѣлать, вѣдь это не стихи сочинять.

— Ну, это не скажи!—Веселовъ прищурился и молнія лукавства на мгновенье оживила его лицо.—Пожалуй, что и похоже. Дѣлецъ тоже изъ ничего строитъ замки, и крѣпости, и твердыни, мѣняетъ вещи, природу, цѣлую страну, даже людей. Все мѣняетъ... Захочетъ—оживитъ, захочетъ—убьетъ.

Длинные пальцы, какъ паучьи лапы, бѣгали по столу, кого-то нагоняя, улавливая, удерживая, выстукивая какую-то таинственную и властную мелодію.

Они еще долго совѣщались. Веселовъ обѣщалъ помочь. Дорога должна была пойти по богатымъ черноземнымъ полямъ, на которыхъ голодало бѣдное, жалкое населеніе, маячили безтолковые, раззорившіеся помѣщики. Смирновъ уже разузналъ, что въ одной изъ волостей есть руда. Значитъ и на скупкѣ земель можно дѣло сдѣлать.

Выходя изъ этого дома, похожаго на пышный саркофагъ, Смирновъ въ первый разъ почувствовалъ, что новая затѣя начинаетъ вростать въ землю. И всетаки невольно подумалъ, вспоминая блѣдный, голый черепъ и проворные, длинные пальцы:

— Паукъ. Надо смотрѣть въ оба. А то онъ и меня съѣстъ.

Смирновъ вернулся въ свой городъ съ сознаньемъ, что основа заложена.

Уже давно не испытывалъ онъ такого остраго и цѣльнаго дѣлового волненья. Что-то похожее переживалось, когда молодымъ архитекторомъ онъ только-что пріѣхалъ въ этотъ городъ. Онъ былъ уже женатъ и Мика, бѣленькая и улыбающаяся, наполняла маленькую квартирку своимъ требовательнымъ существованіемъ. А жить было нечѣмъ. Никто не зналъ Смирнова. Марья Филипповна достала черезъ пріятельницу уроки музыки. Эти нѣсколько десятковъ рублей, заработанныхъ женой и безъ которыхъ пришлось бы почти голодать, вызывали въ Смирновѣ язвительное ощущеніе безсилія. Копилась молодая потребность въ работѣ, а работы не было. Было только тягостное и озлобляющее сознаніе своей, никому ненужной, силы и напряженное, навязчивое, неотступное стремленье разбогатѣть во что бы то ни стало.

Тогда-то и пришла ему въ голову эта простая и смѣлая мысль. Вокругъ города начинала зарождаться сложная промышленная жизнь, но самый городъ, населенный тяжелыми, опасливыми людьми, лежалъ неподвижно и лѣниво. Смирновъ одинъ изъ первыхъ почуялъ запахъ богатства, приносившійся изъ окрестныхъ просторныхъ степей. Но сначала онъ и самъ не понималъ своихъ смутныхъ предчувствій. И это тревожило, безпокоило, раздражало его. Минутами Марьѣ Филипповнѣ казалось, что мужъ боленъ. А онъ бродилъ по городу, всматриваясь въ дома, въ улицы, въ безобразные пустыри, тянувшіеся за заборами. Въ одинъ ясный вечеръ, когда розовая пыль стояла надъ рабочимъ предмѣстьемъ, раскинувшимся около самой станціи, Смирновъ остановился и сердце его забилось быстро и побѣдно.

Надъ нимъ, по желѣзнодорожной насыпи, тяжело катились платформы, нагруженныя блестящимъ, жирнымъ, каменнымъ углемъ. Смирновъ хорошо понималъ его оплодотворяющую силу и вдругъ какъ на ладони увидалъ передъ собой весь городъ. Но не сонный и косный, а живой и мѣняющійся. Точно это было раскидистое дерево и онъ, Смирновъ, подсмотрѣлъ, какъ наливаются на немъ

почки, какъ тянутся во всѣ стороны молодые побѣги. На его глазахъ грязная, убогая слободка, среди которой онъ стоялъ, обращалась въ нарядный дѣловой кварталъ, съ широкими, прямыми улицами, съ крѣпкими каменными домами, съ богатыми, цѣпкими товарными складами.

Это былъ миражъ, своего рода видѣніе, вставшее передъ нимъ среди бѣла дня; но молодой дѣлецъ влюбился въ него и силой напряженнаго желанія облекъ мгновенную мечту въ реальную конкретную оболочку.

Съ этого вечера Смирновъ пересталъ нервничать. Каждой мыслью, каждымъ поступкомъ, всей устремленностью твердой и жадной воли, шелъ онъ навстрѣчу такъ ясно вставшей передъ нимъ цѣли. Труднѣе всего было достать первыя сотни. Марьѣ Филипповнѣ весь планъ казался безуміемъ. Какая скупка земель, когда въ домѣ часто нѣтъ и рубля. Но она любила мужа, вѣрила въ него и, несмотря на женскій страхъ передъ долгами, заняла у старой тетки пятьсотъ рублей.

Планы, кипѣвшіе и рождавшіеся въ головѣ Смирнова, не только придали ему силы, но точно подкупили судьбу въ его пользу. Подвернулась работа у стараго Нилова, отца Ивана Митрофановича. Смирновъ разсказалъ ему свои планы, и старикъ быстро взвѣсилъ, сколько можно выжать денегъ изъ этой чужой мысли. Вспоминая теперь свои первые дѣлецкіе шаги, Смирновъ улыбался. Какъ ловко обошелъ его старикъ. Всѣ сливки онъ взялъ себѣ, а на долю Смирнова выкинулъ нѣсколько жалкихъ тысячъ. Хорошо еще, что Смирновъ сумѣлъ сохранить за собой одинъ изъ земельныхъ участковъ, гдѣ тогда медленно догнивали черные, кривые и слѣпые мѣщанскіе домишки, а теперь тянется бойкая торговая улица.

Сознанье, что его не только обсчитали, но и обошли, какъ мальчишку, испортило радость полученія этихъ первыхъ тысячъ. Откладывая деньги въ банкъ, Смирновъ пренебрежительно думалъ, что это только тысячи, а не десятки. Потомъ, когда стало постепенно увеличиваться количество нулей, когда онъ почувствовалъ, какъ растущее благосостояніе начинаетъ приподнимать его, въ немъ развилась спокойная увѣренность, что деньги должны идти къ нему. Онъ привыкъ къ своей удачѣ и наживался почти безъ риска, спокойными, испытанными средствами, и какъ архитекторъ, и какъ подрядчикъ. Все шире забирая дѣла, онъ думалъ только о нихъ. Соображенія о справедливости, равенствѣ, честности никогда не волновали его. Это просто его не касалось, какъ не касается живописца математика, или музыканта—поли-

тическая экономія. Себя онъ конечно считалъ честнымъ человѣкомъ, хотя если бы можно было однимъ словомъ опредѣлить его уравновѣшенное и твердое самосознаніе, оно скорѣе всего вылилось бы въ двухъ словахъ: Смирновъ есть Смирновъ.

Онъ и самъ бралъ, и другимъ давалъ коммиссіонныя, отчисленія, проценты, считая это не только необходимой, естественной, но и самой жизненной потребностью дѣлечества. Когда при немъ говорили о взяткахъ и хищеньяхъ, онъ равнодушно пропускалъ это мимо ушей, какъ что-то ненужное и неинтересное. Но за послѣдніе годы почему-то стало непріятно слушать эти слова. Особенно съ тѣхъ поръ, какъ японская война перемѣнила всѣ очертанія русской жизни и расшатала маленькую цѣпкую кружковую сплоченность и замкнутость, подъ прикрытіемъ которой такъ просто и удобно было вести свои дѣла. Первыя вспышки политической жизни разбудили и въ Смирновѣ любопытство, смѣшанное съ честолюбіемъ. Вмѣстѣ съ другими онъ повѣрилъ, что колеблется чаша вѣсовъ, что на смѣну прежнимъ хозяевамъ идутъ новые распорядители жизни. Но, при первой же попыткѣ ближе подойти къ этимъ новымъ людямъ, онъ встрѣтилъ высокомѣрный и безпощадный отпоръ. Онъ и не замѣчалъ раньше, что въ большомъ и, казалось бы, послушномъ городѣ давно уже копилась враждебная и мѣткая наблюдательность, что давно уже десятки умныхъ и острыхъ глазъ слѣдили за каждымъ поступкомъ тѣхъ, въ чьихъ рукахъ были всѣ жизненныя нити города. И если онъ не зналъ ихъ до этихъ дней, то они-то хорошо его знали.

Смирновъ затаилъ въ себѣ обиду, отвѣтилъ высокомѣріемъ на высокомѣріе „этихъ мальчишекъ", среди которыхъ были люди старше его самого, и еще упрямѣе сталъ возводить крѣпкую стѣну своего благополучія. Только хотѣлось сдѣлать ее еще выше и еще крѣпче.

Все чаще думалось Смирнову, что пора расширить дѣла, пора перешагнуть завѣтную грань, послѣ которой деньги перестаютъ быть капризными, требующими вниманья и поклоненья возлюбленными, а сами, какъ послушныя одалиски, льнутъ къ хозяину.

Новая желѣзнодорожная линія возбудила въ немъ юношескую остроту желаній, захватила, очертила волшебнымъ кругомъ.

Надо было такъ много взвѣсить, сообразить, узнать, понять, намѣтить людей, отстранить однихъ, привлечь другихъ, опутать третьихъ. И нельзя было ждать. Не только потому, что смуглая красавица была незамѣнимой помощницей и необходимо дѣй-

ствовать, пока она въ силѣ, но еще и потому, что Ниловъ, и вѣроятно не онъ одинъ, гонятся за той же концессіей. Смирновъ зналъ, что выгодныя дѣла обладаютъ таинственной силой притяженья, что есть въ нихъ особый запахъ, манящій и предательскій, заставляющій чуткихъ дѣльцовъ кружиться около возможной добычи.

Петръ Петровичъ отстранилъ отъ себя мысли, заботы, дѣла, не связанныя съ концессіей. Всѣ прежнія, очередныя работы вели теперь его помощники. По утрамъ, выслушивая, съ обычнымъ быстрымъ вниманьемъ, ихъ доклады, онъ мысленно взвѣшивалъ этихъ людей. Какая-то въ нихъ тупость. Все какъ заведено, никакой выдумки. Ничего своего.

Смирновъ забылъ, а быть можетъ и не замѣчалъ, что онъ самъ окружилъ себя безличными, покорными людьми, что онъ раздражался, сталкиваясь съ чужой личностью, съ чужой мыслью или волей. Не легко ему было привыкнуть къ независимости Лукутина. Но молодой инженеръ крѣпко держалъ въ рукахъ всѣ главныя дѣловыя нити и Смирновъ былъ достаточно уменъ, чтобы считаться съ силой.

Съ домашними Петръ Петровичъ мало говорилъ о своихъ планахъ. Лучше пока помолчать. Когда все уладится, тогда и узнаютъ. Это подсказывалось и практической сдержанностью, и своеобразнымъ кокетствомъ дѣльца. Хотѣлось сразу раскрыть передъ женой и Микой широкія перспективы. Вѣруся не шла въ счетъ. О ней онъ вообще старался не думать. Минутами, глядя на жену и на Мику, Смирновъ думалъ:

„Вѣдь это все для нихъ“...

Самъ вѣрилъ, что дѣлаетъ дли нихъ, что автомобили, камни, драпировки, всѣ вещи изъ желѣза, золота, шелка, вся новая, неиспытанная роскошь, которая можетъ вырости изъ четырехъ стальныхъ полосъ, прорѣзающихъ край, сдѣлаетъ его семью не только важной, но и счастливой.

Онъ волновался и гордился тѣмъ, что придется поставить на карту почти все состояніе. Давно не испытанное чувство большого риска не останавливало его, но дѣлало острѣе его нѣжность къ семьѣ.

Марья Филипповна знала, что мужъ затѣваетъ что-то большое, денежное, радовалась этому, и тревожилась, и вѣрила, и боялась. Ей было досадно, что нельзя совѣтоваться съ нимъ обо всѣхъ мелочахъ домашняго культа, которому она такъ усердно и утомительно служила. Хотѣлось поговорить о дѣвочкахъ, но мужъ отстранялъ ее:

— Маша, не теперь. У меня въ головѣ ни одного мѣста свободнаго нѣтъ. Дѣлай какъ знаешь.

— Но, Петя, съ Микой что-то странное. И Вѣруся, съ тѣхъ поръ, какъ эта Грохотская ходитъ къ ней...

— Какая Грохотская? Ахъ да, Микина. Ну, Господи!.. Откажи.

— Нельзя, Петя. Я не хочу ссориться съ дѣвочками.

— Ну такъ пусть ходитъ. Я радъ, если это Вѣру забавлятъ. А за Мику я не боюсь. Она крѣпкая. Въ меня.

Мать качала бѣлокурой, хитропричесанной головой и съ нѣкоторой высокомѣрной горечью думала, что мужчины никогда, ничего не понимаютъ.

VII.

Былъ праздникъ. Въ столовую Грохотскихъ смотрѣлось солнце, вдругъ проглянувшее послѣ нѣсколькихъ дней холода и дождя. Оно наполнило воздухъ золотой пылью, вспыхивало на грани дешевенькаго стакана, точно это былъ доподлинный хрусталь, придало листьямъ корявыхъ фикусовъ нѣжные оттѣнки лѣсной листвы, сдѣлало всю комнату просторной и милой. Только темно-красный шершавый, не по комнатѣ широкій диванъ, хмурый и видавшій виды, не поддавался чарамъ солнечныхъ лучей. Они скользили мимо него, заливая своимъ теплымъ, все отмѣчающимъ свѣтомъ круглое лицо Мики. И отъ этого, а еще больше отъ того, что противъ нея сидѣлъ Янтаровъ, въ углахъ ея крупнаго рта и въ золотистыхъ глазахъ, что-то смѣялось, вздрагивало, двигалось.

Они часто встрѣчались у Грохотской. Между ними установились шутливо-дружественныя отношенія, какія бывали у Янтарова почти со всѣми молодыми дѣвушками и женщинами. Мика ясно видѣла, что она для него, какъ всѣ. Это усиливало ея влеченіе къ нему. Гордость и женское лукавство заставляли ее таиться, поддерживать внѣшнюю легкость встрѣчъ. Но желанье привлечь его, удержать, подчинить себѣ крѣпло, застилало всѣ остальныя мысли и желанья. Незамѣтно для Мики всѣ вещи, поступки, мысли, желанья, люди, все, понемногу, но съ каждымъ днемъ сильнѣе, раскололось на-двое. Съ одной стороны она, Мика, и Янтаровъ. Съ другой все остальное, т.-е. ненужное, далекое, если не враждебное. Ея воля уже стягивала и усиливала все, что могло приблизить его и отталкивала все, что его

отдаляло. Каждый разъ, когда они встрѣчались, сердце вспыхивало и радовалось. Пока онъ былъ близко, радость оставалась. Но потомъ, вспоминая насмѣшливую улыбку, всегда дрожавшую на его лицѣ, она опять становилась одинокой и острѣе становилась жажда власти надъ любовью.

Наканунѣ Мика пѣла при Янтаровѣ. Пѣла безъ рояля,—у Грохотскихъ его и не было,—пѣла даже не во весь голосъ, но когда она кончила, она почувствовала, что въ первый разъ насмѣшка ушла изъ его глазъ. Какія-то тѣни легли на щекахъ. Тонкое лицо стало задумчиво, почти строго.

— Чертовская это штука музыка,—вполголоса сказалъ онъ.

Когда онъ, по привычкѣ, провожалъ ее домой, Мика съ гордостью ловила въ его голосѣ новыя, болѣе глубокія, болѣе близкія ноты. Сила била въ ней ключомъ, молодая, буйная, требующая исхода и простора.

Сидя въ солнечной столовой, они говорили о концертѣ, о музыкѣ, объ искусствѣ. Слова текли, отрывистыя и понятныя. Изъ сосѣдней комнаты, куда дверь была плотно прикрыта, доносился минутами раскатистый смѣхъ Надюши и шмелиный басокъ Цито. Тогда Мика и Янтаровъ смотрѣли другъ другу въ глаза и лукаво улыбались. Явная, нестѣсняющаяся, шумная и страстная влюбленность красиваго грузина давно уже была на виду у всего кружка. Капризно, и въ тоже время ревниво, Надя, то приближая, то отталкивая, мучила его, доводила до настоящихъ пароксизмовъ отчаянія, послѣ которыхъ наступали для нихъ тоже похожія на пароксизмы полосы счастья.

По глазамъ Янтарова Мика давно поняла, что и онъ все видитъ. Любовь Нади и Цито, ихъ взгляды, ссоры, поцѣлуи, неосторожно звучавшіе за дверью, волновали молодую дѣвушку, обостряли ея собственное чувство ожиданья и напряженья, которымъ она жила съ тѣхъ поръ, какъ встрѣтила Георгія. Такъ звала она его мысленно, а разъ назвала и при Вѣрусѣ. Правда, только разъ—и сейчасъ же поправилась, и подозрительно впилась глазами въ темные, печальные глаза горбуньи. Но не было въ нихъ ни тѣни усмѣшки: только мягкое, нѣжное вниманье.

Сестры сами не замѣтили, какъ сблизились. Первый толчокъ дала неугомонная Надя. Отрывистыми словами, шуткой, какой-то скрытой укоризной соединила она ихъ.

Теперь обѣимъ молодымъ Смирновымъ сталъ тѣсенъ ихъ домъ. Вѣруся воспользовалась первымъ пустымъ недомоганьемъ своей учительницы, чтобы перенести уроки къ Грохотскимъ. Марья Филипповна, сначала пришла въ негодованье, пробовала

даже прибѣгнуть къ авторитету мужа, но Мика съ молодымъ высокомѣріемъ заявила:

— Мама, вѣдь Вѣра не маленькая. Зачѣмъ вы держите ее въ ватѣ. Надо и ей привыкать къ жизни.

Съ непривычной мягкостью Вѣра прибавила:

— У меня, мать, не слишкомъ много удовольствій. У Грохотскихъ мнѣ очень, очень нравится. Ты же должна быть рада, когда мнѣ гдѣ-нибудь хорошо.

— Да что же тамъ хорошаго, у этихъ Грохотскихъ?—не то брезгливо, не то ревниво удивилась Смирнова.

И еще больше удивилась, когда увидала, что ея дочери переглянулись и улыбнулись другъ другу непривычной для нихъ и какъ будто сходной улыбкой.

— Ну, мама, какъ же это объяснить? Они милые люди. И тамъ молодежи много,—сказала Мика.

— А мнѣ мать Грохотской нравится,—дополнила Вѣра.

Смирнова пожала плечами, вздохнула, потомъ нагнулась и поцѣловала гладкій, нѣжный лобъ горбуньи.

— Я боюсь, что вы, дѣвочки, слишкомъ довѣрчивы. Но все равно...

Она хотѣла сказать, что теперь молодыя барышни дѣлаютъ еще худшія глупости, но удержалась. Она не хотѣла казаться старомодной матерью.

Вѣруся часто по вечерамъ бывала теперь у Грохотскихъ. Она здоровалась съ молодежью и проходила дальше, въ узкую спальню, гдѣ на пролежанной кровати лежала мать Нади.

— Здравствуйте, Варвара Павловна,—говорила Вѣруся своимъ серебристымъ, нѣжнымъ голоскомъ.

Темное, застывшее лицо Грохотской расправлялось.

— Здравствуйте, волшебница. Видѣли сны?

Вѣруся взбиралась на постель, и вся собравшись въ комочекъ, охвативъ острыя колѣни длинными, блѣдными руками, усаживалась около ногъ лежавшей. Она опиралась острымъ подбородкомъ о колѣни, и ея голова, красивая и нѣжная, напоминала голову высѣченную рукой художника надъ еле намѣченной глыбой мрамора.

— Ну конечно, видѣла, — неторопливо отвѣчала горбунья, вглядываясь темными, прекрасными глазами въ уголъ комнаты, гдѣ на стѣнѣ висѣла старая, Богъ вѣсть какъ попавшая сюда гравюра, изображавшая танцующую дѣвочку въ длинныхъ и вышитыхъ панталончикахъ.

— Разсказывайте...

Грохотская откладывала книгу, удобнѣе упиралась локтемъ въ подушку и съ ласковой усмѣшкой ждала. Тихо звучалъ серебристый голосъ горбуньи. Она приносила сюда всѣ сказки, грезы, мысли, надежды, образы, всѣ сладкіе и манящіе напѣвы, которыми была полна ея тонкая, тревожная душа, по чьей-то жесткой прихоти заключенная въ злое, несчастное тѣло. Была въ ея рѣчахъ и радость, и печаль, и солнце, и тьма, и безграничная тоска по невиданнымъ просторамъ, и горделивая увѣренность, что стоитъ только напречь, натянуть какую-то струну, поющую въ сердцѣ—и міръ станетъ покорнымъ и радостнымъ.

По цѣлымъ вечерамъ сидѣли онѣ такъ, и трудно было понять, кому больше несутъ эти бесѣды облегченья: самой сказательницѣ, или женщинѣ, которая, пресытивъ свою разбитую жизнью душу мудростью и воображеньемъ далекихъ, неживыхъ для нея поэтовъ, нашла наконецъ въ маленькой, похожей на колдунью дѣвушкѣ, сладость неизсякаемыхъ, живыхъ источниковъ небывальщины.

Въ этотъ праздничный, полный солнца день Вѣруся сразу прошла въ спальню. Тамъ было темно и угрюмо. Единственное окно выходило на какую-то стѣну, отъ которой въ комнату тянулись сѣрые, все безобразившіе блики. Лицо Варвары Павловны было желтымъ и блѣднымъ, въ глубоко запавшихъ глазахъ стояла мутная усталость.

— Это хорошо, что вы пришли...

Она чуть приподняла костлявую руку, точно всякое движенье стоило ей непосильнаго напряженья.

— Это хорошо... Сегодня мой день.

Голосъ былъ у нея глухой, неподвижный, далекій. Какъ будто на него налегъ тяжелый грузъ многихъ тусклыхъ, злыхъ дней и безрадостныхъ мѣсяцевъ, сплетавшихся въ бурый комокъ ненужныхъ, тягостныхъ лѣтъ.

Вѣруся уже взобралась на кровать. Ея нѣжныя, дѣтскія губы полуоткрылись. Чуть розовѣющее фарфоровое личико стянуло къ себѣ весь скупой свѣтъ, брезжившій въ этой комнаткѣ, такой же неуютной и безрадостной, какъ ея хозяйка. Вѣруся не спрашивала. Она ждала. Она знала, что сейчасъ Грохотская разскажетъ ей какой-нибудь уголокъ изъ своего угасшаго, всѣми забытаго прошлаго. Сердце дѣвочки замирало и билось сладостнымъ и жалостливымъ любопытствомъ. Робко и нѣжно смотрѣла она въ лицо Грохотской, на ея опущенныя вѣки, темныя и морщинистыя. Что-то въ нихъ смутно напоминало Вѣрусѣ лицо ея

матери. Но она сейчасъ же отогнала эту мысль, какъ непріятную и ненужную.

— Да, мой день... — все тѣмъ же мертвеннымъ голосомъ продолжала Варвара Павловна.—Тридцать пять лѣтъ тому назадъ... Вокругъ больницы росли дубы... Большіе... И всѣ листья на нихъ стали темные. А на солнцѣ золотые. Тогда тоже было солнце... Можетъ быть я его съ тѣхъ поръ и не люблю.

Морщинистыя вѣки вдругъ поднялись и Вѣруся, съ жадной, кошачьей, зоркостью слѣдившая за каждымъ словомъ, за каждой тѣнью, пробѣгающей по этимъ худымъ, впавшимъ щекамъ, увидала, что глаза Грохотской прояснились, стали молодыми и тоскующими.

Острѣе влились въ душу дѣвочки и жалость, и любопытство. А вѣки опять упали и голосъ опять затуманился.

— Меня нарядили молочницей. Бѣлая рубаха и кафтанъ... Кушакъ красный... И кувшинчики черезъ плечо... Насъ съ Ивинымъ они больше всего занимали... И наряжали меня точно на маскарадъ... Хохочемъ... Придетъ толстая Гапка изъ кухни, подберетъ щеку и смотритъ: То-то голубочки... Она думала—мы мужъ и жена... Такой паспортъ у насъ съ Ивинымъ былъ... И костюмъ намъ Гапка достала... Я ей говорила, что для театра, и все пѣла... голосъ у меня хорошій былъ...

Какое-то подобіе улыбки задрожало на сѣромъ лицѣ. Отблески давно забытаго, погребеннаго, засыпаннаго женскаго самодовольства и тщеславія пробѣжали по увядшимъ, землистымъ губамъ, на минуту остановились на щекахъ, гдѣ можетъ быть прежде ложились милыя, соблазнительныя ямочки.

Вѣрусѣ стало страшно. Но лицо женщины опять замерло.

— Когда моего Сашу перевезли изъ крѣпости въ больницу, я ходила со своими кувшинчиками черезъ плечо, мимо сада и громко пѣла. Я знала, что онъ слышитъ...

Она замолчала. Такъ ясно, точно во снѣ увидала она своего перваго мужа, его яркую, коротковатую верхнюю губу, изъ-за которой влажно блестѣли мелкіе зубы.

Только мѣсяцъ прожили они вмѣстѣ, пьяные и своей молодой, веселой страстью, и героическимъ опьяненьемъ террористовъ-заговорщиковъ. Это было такое безумное счастье, что она никогда не знала, на самомъ-ли дѣлѣ пережила она этотъ мѣсяцъ, существовалъ-ли этотъ домикъ надъ обрывомъ, гдѣ она жила съ Сашей или все это пригрезилось ей? Когда его арестовали на улицѣ — она не могла сразу понять, что случилось.

— Все было устроено для побѣга. Былъ у насъ хохолъ одинъ.

Грицко. Весельчакъ. Молодецъ. Онъ все устроилъ. И когда я шла мимо больницы, дубовые листья хрустѣли подъ моими красными сапогами, и я видѣла, что стоитъ пролетка, какъ было условлено, а на козлахъ сидитъ нашъ Грицко. А за рѣшеткой въ саду Саша шелъ въ халатѣ. Солдатъ сзади, солдатъ спереди. Я должна была остановиться и перевязать свой кушакъ. Значитъ все готово. Надо бѣжать. Ну вотъ, онъ и побѣжалъ. Совсѣмъ близко былъ отъ воротъ. Еще только вотъ дорожку перебѣжать и мостовую, а тутъ Грицко ждетъ. А я...

Она опять остановилась. Углы рта оттянулись внизъ и сквозь тусклую безцвѣтную кожу заалѣла темная медлительно текущая кровь.

Вѣруся сидѣла притаясь, только крѣпче сжимая колѣни длинными пальцами, боясь спугнуть черныхъ птицъ, рѣявшихъ надъ головой Грохотской—и въ тоже время, съ непонятной для самой себя жадностью, вбирая въ себя не только каждое слово, но каждый отблескъ, мѣнявшій лицо разсказчицы. Точно молодая дѣвушка, сама еще не зная зачѣмъ, торопилась спрятать, сохранить въ себѣ подробности всего, что происходило передъ ней.

— Я... Вѣруся!.. Я закричала, закричала!.. — она подняла глаза и дѣвушка прочла въ нихъ ужасъ, тоску, отчаяніе. — И Саша остановился. Только минуту... Одну... А солдатъ уже догналъ и ударилъ его, сначала штыкомъ, потомъ прикладомъ по головѣ...

Она поднялась и сѣла, худая и темная, и ея глаза впивались въ свѣтлѣвшее личико горбуньи. Но врядъ ли Грохотская видѣла ее. Глухо и отрывисто шептала она, быть можетъ повторяя все тѣ же слова оправданья, которыя столько разъ раньше съ болью повторяла себѣ въ одинокія, тюремныя ночи.

— Я не знаю... Я не думала... Я была какъ безъ памяти... Кровь текла по лицу... И глаза у него уже не было... Только кровь... Все лицо въ крови. Я подбѣжала, когда ужъ онъ упалъ... И кричалъ онъ... Боже мой!.. Это былъ не его голосъ... Это звѣрь кричалъ... Раненый звѣрь... Они не дали мнѣ дотронуться до него... Схватили. И били меня. Зачѣмъ они не убили меня тогда? Вѣруся!

Она протянула впередъ руки, съ крѣпко сжатыми пальцами, моля о пощадѣ, точно передъ ней сидѣла не жалкая горбатая дѣвочка, а строгій и всесильный судья.

Вѣрочка схватила ея руку и припала къ ней щекой. Теплота ея жалости тихо, тихо вливалась въ Грохотскую и утишала больную остроту воспоминаній.

Варвара Павловна, съ неожиданной мягкостью, положила еще вздрагивавшую руку на плечо дѣвушки и пригнувшись къ ней, чуть слышно прошептала:

— Вѣра, вотъ у васъ горбъ и вы думаете, какіе счастливые тѣ, у кого его нѣтъ. Не думайте такъ. Счастливыхъ нѣтъ, всѣ несчастные. Каждаго, каждаго, каждаго стережетъ солдатъ съ прикладомъ. Я была прямая и красивая, и меня любили. И вотъ, ничего... Только помню, какъ хрустѣли дубовые листья подъ красными сапогами...

Горбунья подняла голову. Маленькое, тонкое личико было мягко и строго.

— Варвара Павловна... А развѣ вашъ Саша не былъ счастливъ. Я знаю... я понимаю... онъ хотѣлъ умереть за другихъ... Я много, много думала объ этомъ... Мнѣ кажется... Горбъ, вѣдь это все равно?.. Надо только, чтобъ здѣсь...

Она положила руку на свою выпуклую грудь и остановилась, и закусила острыми, бѣлыми зубами нижнюю губу и пробормотала...

— А можетъ быть у меня здѣсь ничего нѣтъ? Я даже не знаю, люблю ли я людей? Я иногда всѣхъ, всѣхъ ненавижу... Даже...

Она не сказала—даже мать,—но Грохотская поняла ее, и материнская жалость наполнила больное, затупившееся сердце. Неужели эта одинокая дѣвочка, такая тонкая, полная выдумки и неожиданности, тоже пойдетъ по туманной тропинкѣ героизма, и самопожертвованья, и слѣпой готовности отдать себя на растоптанье? Сколько людей прошло уже по этой дорогѣ, то обгоняя, то отставая отъ Грохотской. И что же они сдѣлали? Къ чему все это было? Развѣ міръ сталъ красивѣе, развѣ сколько нибудь поколебалась глыба зла?

— Вотъ и Надя, такъ какъ вы... Не знаю, Вѣрочка... Я не отговариваю... У меня уже давно туманно на душѣ... Если вы меня спросите, гдѣ правда и гдѣ ложь, я скажу: не знаю. Прежде думала, что знаю. А теперь нѣтъ. Только жаль мнѣ васъ...

— Варвара Павловна, вы думаете, я могу быть какъ Надежда Сергѣевна? Правда? Вы, правда, такъ думаете?—съ горячимъ волненьемъ спросила Вѣра и вся просіяла гордостью.

Грохотская улыбнулась и легла. Все опять стало далекимъ. И лицо Вѣры, и голоса Мики и Янтарова, раздававшіеся за дверью, и собственное тѣло, усталое, состарившееся, никому ненужное.

— Хоть бы скорѣе смерть пришла,—встала въ головѣ самая ея близкая, самая привычная мысль.

Но вмѣсто смерти жизнь опять врывалась въ комнату. Входила Надя, веселая, съ блестящими, радостными глазами.

— Чего мать хочетъ?—дурачливо спрашивала она и гибко наклонившись чуть коснулась горячими губами холоднаго лба Варвары Павловны.

Мика стояла на порогѣ, красиво выдѣляясь на свѣтломъ фонѣ сосѣдней комнаты. На ней было гладкое, синее платье. Высокая и статная, она дышала жадностью жизни. Глубже стали глаза, иначе складывались губы; что-то нетерпѣливое и страстное было разлито по розовому, нѣжному лицу. Она чувствовала на себѣ взглядъ Янтарова—и легкій холодокъ, опьяняющій и жуткій, пробѣгалъ по спинѣ, щекоталъ шею, уходилъ подъ золотистыя пряди тяжелыхъ волосъ.

— Вѣруся, мы съ Георгіемъ Александровичемъ немножко пройдемся. Ты подождешь меня здѣсь? Я недолго. Хорошо?

— Конечно, пусть ждетъ. Онѣ будутъ съ мамой другъ другу сказки расказывать.

Вѣруся смѣялась и была рада, что можетъ остаться въ этой узкой, нескладной комнатѣ, около печальной, опять вобравшейся въ себя женщины.

Улицы тянулись, то широкія и простодушныя, то кривыя и лукавыя, съ безчисленными впадинами оконъ, откуда тускло подглядывала и подмигивала чужая, непонятная, незамѣтная и все-таки подстерегающая жизнь. Ни Янтаровъ, ни Мика не думали о ней. Солнце свѣтило. Срѣзанный домами кусочекъ небеснаго свода синѣлъ надъ ними. Мѣстами темная морщинистая рука стараго дерева простиралась надъ улицей и послѣдніе, ярко желтые листья праздничнымъ золотомъ трепетали въ прозрачномъ воздухѣ. Тонкіе голоса играющихъ дѣтей птичьимъ гомономъ врѣзались въ слитный гулъ города. Прохожіе, такіе разные, такіе сходные, шли мимо. Но молодые люди чувствовали себя одиноко и просторно, точно вокругъ разстилалось широкое поле.

— Вчера я ѣхалъ въ трамваѣ. Дождь такъ и хлесталъ. Вѣтеръ прямо чертовскій. Я сѣлъ впереди, знаете это хорошее мѣсто около перваго окна...

Мика молча кивнула головой. Янтаровъ шелъ совсѣмъ рядомъ и ихъ шаги звучали дружно. За его словами ей видѣлся еще какой-то другой, самый важный, самый сближающій ихъ смыслъ.

— Дождь облѣпилъ всѣ стекла впереди. Точно сѣтка изъ дымчатаго жемчуга раскинулась кругомъ вожатаго,—продолжалъ Янтаровъ, — а онъ сидѣлъ на своей табуреткѣ, важный, какъ

римскій сенаторъ. Затылокъ крутой, подбритый. Изъ-за щеки кусочекъ рыжаго уса торчитъ. Рука, такая красная, широкая, спокойная и чуть поворачиваетъ золотую ручку. Мнѣ казалось, что прямо отъ этой руки льется сила. Что это его воля мчитъ насъ съ побѣднымъ, дерзкимъ гуломъ мимо площадей, церквей, и домовъ. Тамъ, гдѣ мы проносились, люди отбѣгали въ сторону, деревья гнули и качали свои длинныя вѣтки, точно тоже хотѣли бы сорваться и убѣжать. Очень было хорошо... Хотѣлось взять кусочекъ жизни, схватить его, какъ этотъ рыжій человѣкъ схватилъ золотой рычагъ и мчаться впередъ...

Мика на ходу, сбоку, посмотрѣла на него. Край темно-сѣрой шляпы затѣнялъ его лобъ и глаза, придавая мягкому, безпечному лицу что-то задумчивое и устремленное. Онъ отвѣтилъ взглядомъ на ея взглядъ и опять его улыбка, тихая и милая, не была похожа на него...

— Видите ли,—какъ бы оправдываясь продолжалъ онъ,— я совсѣмъ не умѣю жить. Я слышу, я просто всей кожей чувствую, какъ часы, и дни, и люди, и мелочи дробятъ меня, обворовываютъ, издѣваются надо мной. Я хочу остановиться, одуматься и не могу. У меня нѣтъ рычага. Вы понимаете? Если бы у меня въ рукахъ была вотъ такая желтая, крѣпкая рукоятка, какъ у того... Деревья, люди, все бы кланялось мнѣ. Нѣтъ, не мнѣ, а какимъ-то... я не знаю... мыслямъ, образамъ, линіямъ... Чему-то, что̀ я долженъ сдѣлать. И сдѣлаю. Правда?

Они переходили улицу. Янтаровъ взялъ Мику подъ-руку, и слегка прижалъ эту руку къ себѣ. Она подняла на него глаза, и онъ увидалъ въ нихъ любовь и твердость.

— Я думаю — правда. Сдѣлаете. И я вообще понимаю. Иногда смотришь: вотъ люди и жизнь, искусство и власть. И думаешь—если я захочу, я поднимусь и стану отдѣльно, не буду, какъ песчинка. Я очень вѣрю въ мое хочу. А вы?

— И я...

Они теперь шли еще ближе. Онъ держалъ ея локоть. Было легко и ловко идти и думать вслухъ.

— Только у васъ еще есть фантазія... А у меня нѣтъ. Я вижу все просто, какъ есть. Вотъ вы говорили тогда, что для васъ есть дома-друзья и дома-враги, мимо которыхъ вы идете, сжимая кулаки. Я потомъ шла по улицѣ и старалась понять и не могла.

Съ дѣтской довѣрчивостью взглянула она на него изъ-подъ узкаго края черной шляпы, и въ немъ поднялось мужское чувство превосходства и покровительства.

— Это ничего,—тихо сказалъ онъ;—вы еще поймете.

Эти слова точно раздвигали будущее передъ ними. Сердце Мики стучало: она боялась, что его локоть услышитъ этотъ стукъ сквозь нетолстую ткань ея одежды. Она торопливо заговорила.

— Но хотѣть я умѣю. Это у меня съ дѣтства. Вѣрно наслѣдственное. Мой отецъ такой. Онъ самъ пробилъ себѣ дорогу. И чего захочетъ, того добьется.

Передъ Янтаровымъ встала грузная, самоувѣренная фигура Смирнова. Онъ подумалъ, что между свѣжимъ, розовымъ лицомъ дочери и отяжелѣвшимъ, заросшимъ густой бородой лицомъ отца, есть несомнѣнное сходство. Холодокъ прокрался въ его душу. Но голосъ молодой дѣвушки, ея запахъ, тепло ея тѣла, обволакивали его ласковой баюкающей волной. Отъ ихъ близости шла та первая, неторопливая, покоряющая радость, которую Янтаровъ любилъ задержать, любилъ насытиться, проникнуться ею. Еще ближе придвинулся онъ къ ней. Мика поняла, что̀ въ этомъ таится, и заговорила довѣрчивѣе и проще.

— Это время отецъ весь полонъ какихъ-то грандіозныхъ плановъ. Вчера онъ пришелъ ко мнѣ вечеромъ и говорилъ, что если это дѣло удастся, тогда вся наша жизнь перемѣнится. Я видѣла, что это не только деньги; въ немъ честолюбіе. Ему, конечно, здѣсь тѣсно. Вамъ тоже? Знаете, вамъ нужно познакомиться съ папой.

Она кончила неувѣренно и просьбой звучалъ голосъ.

— Познакомиться? Да я уже знакомъ. А какое дѣло?

Онъ спросилъ разсѣянно. Онъ вдругъ вспомнилъ, что сегодня праздникъ и можетъ-быть Катя сидитъ у него. Какъ это будетъ глупо. Да нѣтъ, она обыкновенно приходитъ вечеромъ. Онъ успокоился и повторилъ:

— Какое же дѣло?

— Не знаю хорошенько. Желѣзнодорожная линія. Она свяжетъ нашъ городъ съ...

Она назвала другой крупный центръ.

— Вотъ какъ?—Въ немъ вдругъ проснулся инженеръ. Онъ представилъ себѣ растянувшуюся на сотню верстъ линію полотна. Стальныя ленты блестятъ на солнцѣ, а по бокамъ, въ степи, около большихъ селъ, въ мелкихъ и крупныхъ городахъ встаютъ новыя уродливыя зданія, похожія на все, что̀ строилъ до сихъ поръ Смирновъ.

— Да, это большое дѣло,—сказалъ онъ, и Мика уловила въ его голосѣ сухость.

— Большое... Оттого бы я и хотѣла, чтобы вы пришли къ намъ. Отецъ всегда сердится, что нѣтъ талантливыхъ людей.

Это слово, завѣтное слово, которое онъ и боялся, и жаждалъ примѣнить къ себѣ, разогнало тучу, откуда-то налетѣвшую, затемнившую яркій осенній день. Янтарову захотѣлось смѣяться и дурачиться, и не думать, и не завидовать.

— Бросимъ это... Вашъ отецъ—дѣлецъ. А я... Если бы я хотѣлъ чѣмъ-нибудь быть, такъ развѣ только улучшеннымъ изданіемъ строителя Сольнеса.

— Нѣтъ...—такъ же весело отвѣтила она,—я хочу, чтобы вы были строитель Янтаровъ.

— Хотите? А почему вы не сказали имъ, что идете ко мнѣ? Гильда сказала бы. Крикнула бы. Прямо изъ окна закричала бы. А вы нѣтъ. Почему?

Мика вдругъ остановилась и онъ увидалъ, какъ подъ чернымъ кружевомъ вуали густо покраснѣли ея щеки, виски, подбородокъ, даже узкая полоска бѣлой шеи, виднѣвшейся надъ воротникомъ. Ему захотѣлось тутъ же, на улицѣ обнять ее, поцѣловать эту розовую, нѣжную кожу около маленькаго уха. Онъ ближе подвинулся къ ней и тихо, хотя никого около не было, шепталъ:

— Милая, не сердитесь. Я просто балаганю. Ну, не сердитесь, хорошая...

Что-то въ голосѣ, бархатное и нѣжное, обвивалось вокругъ нея, обнимало, ласкало, наполняло новымъ, еще неиспытаннымъ страхомъ передъ чужой властью. Ей вдругъ ребячески захотѣлось уйти отъ него, сейчасъ, сію минуту очутиться въ своей тихой, розовой комнатѣ около любимаго Бехштейновскаго рояля. Она замедлила шагъ и, скрывая смущеніе за улыбкой, сказала:

— Спасибо за урокъ. Я не пойду къ вамъ. Вы принесете то, что нарисовали, къ Грохотскимъ. Я у нихъ посмотрю.

Онъ набросалъ рисунокъ стильнаго платья, который хотѣлъ предложить молодой Ниловой. Но пѣнье Мики что-то сдвинуло, перемѣстило въ немъ, вызвало и тревогу, и любопытство. Обсуждая подробности концерта, онъ мелькомъ предложилъ ей показать свой набросокъ.

— Для артистки платье, это очень важно,—полушутя сказалъ онъ.

Потомъ позвалъ ее къ себѣ, точно шутя, поддразнивая Мику робостью благовоспитанной дѣвушки, которая, конечно, не посмѣетъ пойти въ квартиру человѣка, не принятаго въ домѣ ея родныхъ. Мика поддалась на это, и Янтарову даже стало чуть-чуть досадно. Точно была въ этомъ согласіи нежданная легкость.

Но теперь, когда Мика повернула въ первую людную, боковую улицу, ему захотѣлось во что бы то ни стало привести ее къ себѣ, усадить ее въ свое кресло, показать ей свои книги и картины, видѣть ее въ своемъ кабинетѣ.

— Марья Петровна, вы куда? Вѣдь я здѣсь живу...

— Я знаю...

Она подмѣтила его волненье—и это вернуло ей и самообладанье, и упорство. Сразу стало легко, точно она избѣжала какой-то опасности. Сильная и быстрая, она шла впередъ, улыбаясь, лукаво и увѣренно. Ни она, ни Янтаровъ не замѣтили, какъ по другой сторонѣ улицы проѣхалъ Смирновъ. Увидавъ дочь, онъ хотѣлъ остановить кучера, потомъ пристальнѣе вглядѣлся въ нихъ и раздумалъ.

Янтаровъ вспылилъ. Ноздри тонкаго, съ горбинкой, носа вздулись. Ласковые, голубые глаза стали сердитыми.

— Это ребячество. Вамъ угодно издѣваться надо мной? Тогда прощайте. У меня есть дѣла и помимо этого дурацкаго концерта.

Онъ церемонно поклонился. Мика протянула ему кончики пальцевъ и слегка склонила голову, отчего блеснули камни и закачались перья на ея шляпѣ. Ей стало грустно и пусто. Но она не сдалась. А когда онъ быстро вскочилъ на извозчика и уѣхалъ, Мика почувствовала, что эта первая ссора сблизила ихъ больше, чѣмъ всѣ прежнія встрѣчи.

VIII.

Янтарову послѣднее время не везло. Работы было мало, да и та, что попадалась, была какая-то сѣрая, повседневная, какъ разъ та, которую онъ хуже всего умѣлъ дѣлать. Ремонты, которыхъ онъ терпѣть не могъ—зачѣмъ ставить заплаты на старыя лохмотья? — окончаніе постройки, начатой другимъ; маленькій флигелекъ на мрачномъ фабричномъ дворѣ. Зачѣмъ ему все это? Зачѣмъ сознавать въ себѣ красивыя мысли, широкій размахъ, что-то сильное и настоящее, имѣющее право на просторъ, если все это остается безсильнымъ и безплоднымъ?

Да и вообще, зачѣмъ все? Къ чему обманывать себя идеями. Что такое эти идеи? Облака на далекомъ небѣ. А земля, вотъ эта грязная, тяжелая, неподвижная, жесткая земля принадлежитъ вся цѣликомъ и безъ раздѣла подрядчикамъ. Конечно—имъ.

Янтаровъ вонзилъ циркуль въ чертежный столъ, надъ кото-

рымъ работалъ. Все въ немъ кипѣло безсильной, жалкой злостью. Какъ можно было себя поставить въ такое положеніе. Подлый, дурацкій характеръ. И все эти бабы, чортъ бы ихъ побралъ.

Опять, при мысли объ утреннемъ посѣтителѣ, кулаки сжимались. Савелій Ивановичъ вошелъ, какъ всегда, съ улыбкой. Протянулъ потную, жесткую руку и заигралъ толстой, серебряной цѣпочкой.

— Извините, Егорій Александровичъ, что безпокою... Но такая у насъ съ народомъ выходитъ прокламація.

— Что̀ такое?—сухо спросилъ Янтаровъ.

Этотъ Савелій, недавно пробравшійся изъ десятниковъ въ подрядчики, жадно рвалъ и собиралъ гроши, съ напряженіемъ умнаго хищника шелъ въ люди, полный честолюбія и сластолюбія. Рабочіе, съ добродушно-грубыми шуточками, разсказывали Янтарову, какъ „Савёлъ“ по праздникамъ съ утра идетъ въ церковь, чинно слушаетъ обѣдню, а къ вечеру закатывается въ пригородные притоны и продѣлываетъ тамъ гнусности, о которыхъ мужики разсказывали съ простодушнымъ омерзѣніемъ. А съ понедѣльника до субботы наверстываетъ убытки на спинахъ каменщиковъ, плотниковъ, чернорабочихъ.

— Онъ у насъ дошлый, знаетъ, какъ съ нашего брата шкуру спустить.

— А вы, дураки, зачѣмъ позволяете,—укорялъ ихъ молодой архитекторъ.

На лицахъ рабочихъ мелькали угрюмыя улыбки.

— Дураки-то оно точно мы дураки,—соглашался невысокій, жилистый, уже немолодой каменщикъ Андріанъ, — только эта дурость не нами, Егорій Александровичъ, заведена, не нами и кончится. Мужицкое-то счастье, баютъ, далеко у Господа закинуто, въ море-окіанъ, на самое дно. И не народилась еще та рыба-китъ, что его изъ-подъ камня отроетъ.

— То-то и есть, что вы все на кита надѣетесь, а сами...

— А сами только потѣемъ, да съ того поту живодеровъ выращиваемъ,—съ неожиданной злобой сказалъ высокій, рыжій малый, у котораго сквозь потную рубашку проступали могучіе мускулы.—Э-э-хъ, кабы мнѣ слободу...

— Да она, слобода-то, у насъ и сейчасъ есть... Оченно намъ слободно,—все такъ же лукаво морща и безъ того морщинистое лицо, отвѣтилъ Андріанъ.—Вѣдь и то сказать: не крѣпостные. Вольные хлѣбопашцы. Хошь рядчиковъ откармливай, хошь самъ съ голоду дохни...

— Вѣрно...—засмѣялись кругомъ.

Янтарову нравились эти калужскіе каменщики, дружные, умѣлые, съ какой-то особой философской складкой. Они ходили изъ города въ городъ и камень за камнемъ, сводъ за сводомъ выращивали театры и церкви, кабаки и больницы, маленькіе дома для отдѣльныхъ, замкнутыхъ въ себѣ семей и громадныя зданія, куда судьба загоняла рядышкомъ, стѣна къ стѣнѣ, самыхъ разнообразныхъ людей, умныхъ и тупыхъ, великодушныхъ и злыхъ. Какъ, чѣмъ, зачѣмъ будутъ жить въ этихъ новыхъ стѣнахъ всѣ эти чужіе, непонятные, далекіе люди—объ этомъ каменщики не думали. Не наше это дѣло. И все-таки отъ непрерывно крутящейся человѣческой панорамы ложились на темныя души рабочихъ отблески смутной, примиряющей мудрости.

Иногда отдѣльное слово, шутка, лукавая усмѣшка показывала Янтарову, что они не такъ просты, какъ кажется тѣмъ, кто брезгливо проходитъ мимо громады лѣсовъ, неряшливыхъ, неприбранныхъ, окутанныхъ облаками строительной пыли, среди которой копашатся грязные, лохматые, потные, двуногіе муравьи.

При послѣднемъ разсчетѣ Савелій Ивановъ ужъ слишкомъ безцеремонно сдѣлалъ скидку съ двухнедѣльнаго выработка. Янтаровъ послалъ ему черезъ десятника сказать, чтобы расчетъ былъ немедленно исправленъ.

Подрядчикъ самъ пришелъ объясниться. У него было широкое лицо, громадный мясистый носъ, изъ-за котораго выглядывали впавшіе глазки, маленькіе и злые.

— Напрасно вы, Егорій Александровичъ, этому народу довѣряете. Вѣдь у насъ тоже крестъ на вороту. Ну, а самъ себѣ кто же врагъ. Ежели они такую кладку кладутъ, что мнѣ половину передѣлать надо, то...

— Савелій Ивановичъ, вы мнѣ, пожалуйста, очки не втирайте. Я вѣдь тоже не маленькій. Я видѣлъ кладку. Самая настоящая.

— Видали-съ, Егорій Александровичъ, да не ту. Вы въ ту пору на постройкѣ не изволили бывать... Вотъ они безъ васъ...

— Ну вы, батенька, не забывайтесь...—рѣзко оборвалъ его архитекторъ.

— То-есть, чѣмъ же я забываюсь? — ужъ явно издѣваясь сказалъ Савелій, все продолжая перебирать корявыми пальцами серебро цѣпи, — мы тоже, слава Богу, не шиломъ шиты и каждому человѣку его цѣну знаемъ. Но какъ рабочій людъ за вашей спиной прячется, такъ это тоже для насъ выходитъ одно благоуханіе...

Янтарова тѣшили эти словечки. Онъ съ усмѣшкой взгля-

нулъ на этого олонецкаго мужика, который уже научился носить манишку и штиблеты, и пить Pontet-Canet, но на всю жизнь останется подъ соблазнительной властью мудреныхъ и непонятныхъ словъ. Подрядчикъ понялъ насмѣшку и его тяжелыя, слегка изрытыя оспой, ноздри дрогнули. Но голосъ зазвучалъ вкрадчиво:

— Вотъ вы, баринъ,—въ минуты волненія онъ еще возвращался къ этому слову,—все этому мужичью мирволите. А кто они? Скоты, безъ всякаго понятія. Только и умѣютъ, что потѣть, да извините меня, выражаться... Я вѣдь и самъ молоткомъ сколько лѣтъ простучалъ. А вотъ теперь, благодаря Богу, въ хозяева вышелъ... Тоже не изъ послѣднихъ. А все почему?

— Почему же?

— Потому что понялъ, гдѣ главная жила бьетъ, — не безъ гордости отвѣтилъ подрядчикъ.

— Гдѣ же?

Савелій оглянулся, точно боялся непрошенныхъ ушей. Комната съ большимъ диваномъ, обитымъ сѣрымъ сукномъ, съ книжными полками и гравюрами по стѣнамъ показалась ему пустой, почти убогой. Это придало ему смѣлости. Онъ подался впередъ и почти касаясь колѣнками колѣнъ хозяина, сидѣвшаго напротивъ него, отвѣтилъ:

— Такъ еще у пророковъ въ библіи сказано—есть пастухъ и есть пасомые...

— И кто не дуракъ, тотъ въ пастухи пролѣзетъ? Такъ, Савелій Иванычъ, что ли?

— Такъ, Егорій Александровичъ, правильно...

— А я думаю иначе — есть овцы и есть волки... Вы ужъ, конечно, не овца.

— Вѣрно! — вдругъ, тонкимъ голоскомъ, захихикалъ подрядчикъ.

Янтаровъ всталъ. Ему стало противно...

— И еще есть охотники на волковъ, Савелій Иванычъ, такъ я изъ охотничьяго рода.

Всталъ и подрядчикъ. Онъ былъ гораздо выше хозяина и, слегка опустивъ короткую, толстую шею, сверху внизъ смотрѣлъ на него, точно быкъ, приготовляющійся боднуть. Въ глазахъ мелькали и вызовъ, и наглая трусость.

— Это ужъ воля ваша, Егорій Александровичъ... Только я вотъ еще что хотѣлъ... Насчетъ росписочекъ...

Янтаровъ вспыхнулъ и какъ-то по-дѣтски растерялся...

— Да, да, конечно!—забормоталъ онъ.—Отчего вы раньше?..

я, знаете, разсѣянъ очень... я черезъ три дня, непремѣнно... Тамъ что, пятьсотъ кажется?

— Съ процентами моихъ триста пятьдесятъ, да у кума на пятьсотъ—медленно отвѣтилъ подрядчикъ, попрежнему пристально глядя въ это молодое пригожее лицо.—Да вы, баринъ, напрасно такъ себя волнуете. Я подожду. Я вѣдь не процентщикъ какой-нибудь. Это только ребята меня жидоморомъ передъ вами прославили. Право слово, зря... Я съ благородными людьми тоже обращенье знаю. А пока, мое вамъ почтенье.

Онъ осторожно коснулся жесткими пальцами ладони Янтарова и ушелъ. Каждое воспоминаніе объ этомъ разговорѣ подымало въ Янтаровѣ горькую и острую брезгливость къ самому себѣ. Опять переживалась та мутная угарная недѣля. Опять вставало лицо актрисы, простое, грубое и соблазнительное. Она играла испанскую герцогиню. Было такъ забавно смотрѣть на ея толстыя руки, слышать грудной московскій говоръ.

— Маркизъ, кровь моихъ предковъ обязываетъ меня...

Янтаровъ хохоталъ какъ ребенокъ, неудержимо и заразительно. Но во второй пьесѣ она вышла въ сарафанѣ и плавно поплыла, помахивая платочкомъ, чуть вздрагивая плечами. Янтаровъ пересталъ смѣяться.

Послѣ спектакля онъ прошелъ за кулисы. Все вышло просто и скоро. Она пила коньякъ, опрокидывая въ ротъ рюмку за рюмкой, мѣшала ласковыя, бабьи слова съ солдатскими непристойностями, и была вся безстыжая и горячая.

Уже на второй день у Янтарова не было ни гроша, но онъ еще не былъ сытъ, не могъ оторваться отъ этихъ крашенныхъ, циничныхъ губъ.

Бумажку за бумажкой вытаскивалъ онъ изъ письменнаго стола лежавшія тамъ деньги. Деньги были чужія. Первый сотенный билетъ вызвалъ въ немъ неловкость и смутную досаду, не на себя, а на кого-то другого, кто не приготовилъ ему достаточно денегъ. Слѣдующія кредитки уже распылились незамѣтно и торопливо. Точно свои. Только оказалось, что ихъ слишкомъ мало. Тутъ то и подвернулся Савелій. Онъ тогда еще опасливо приглядывался къ новому архитектору, съ которымъ въ первый разъ попалъ на постройку.

Они надстраивали второй этажъ къ небольшому старому дому. Хозяйка, пожилая, близорукая и привѣтливая барыня, вполнѣ довѣрилась Янтарову. Доходовъ съ домика ей не хватало и она прирабатывала переводами, что придавало ей доступную внѣшнюю литературность. Въ Петербургѣ, гдѣ она жила съ дочкой-сту-

денткой, у нея было много знакомыхъ, и она съ восторгомъ разсказывала имъ, что нашла въ своемъ городѣ не архитектора, а прямо чудо. Дочка сквозь очки насмѣшливо смотрѣла на мать. Она давно подмѣтила, что мать „мякнетъ“ передъ каждымъ красивымъ мужскимъ лицомъ и втайнѣ презирала ее за это. Тѣ монетки, которыя Янтаровъ съ такой веселой щедростью сыпалъ въ протянутую ладонь актрисы, выбрасывалъ ресторанным лакеямъ, портнихамъ, еще какимъ-то страннымъ женщинамъ съ шмыгающими глазами,—это и были деньги близорукой переводчицы.

Янтаровъ, прямо изъ гостинницы, гдѣ жила актриса, прилеталъ на постройку, быстро обходилъ лѣса, заглядывалъ въ начатыя комнаты, шутилъ съ рабочими и исчезалъ. Опытный глазъ Савелія сразу подмѣтилъ, что здѣсь пахнетъ бабой. Онъ угостилъ кучера холоднымъ пивомъ и тотъ разсказалъ ему, какъ загулялъ ихъ баринъ.

— Высосетъ она его. Чортъ, а не баба! — съ одобреніемъ и завистью сплевывалъ въ сторону краснорожій кучеръ.

Янтаровъ пріѣхалъ на постройку хмурый. По тому, какъ онъ крутилъ и засовывалъ конецъ уса въ ротъ, какъ онъ оборвалъ десятника, Савелій понялъ, что „пѣтушекъ“, какъ онъ мысленно его прозвалъ, сидитъ безъ гроша. И когда они зашли въ пристройку, гдѣ лежали инструменты, подрядчикъ точно невзначай разложилъ толстый бумажникъ. Янтаровъ мелькомъ взглянулъ, нахмурился, испытующе посмотрѣлъ на толстоносое непріятное лицо, и вдругъ, неожиданно для самого себя, сказалъ:

— Да, Савелій Ивановичъ, вы тутъ всѣхъ знаете. Не знаете ли вы какого-нибудь гуся, который деньги бы въ ростъ давалъ? Мнѣ пустяки, пятьсотъ рублей. Черезъ мѣсяца три отдамъ.

Въ эту минуту ему дѣйствительно казалось, что это пустяки и что ему ничего не стоитъ ихъ отдать.

— Насчетъ такихъ личностей ничего мнѣ неизвѣстно,— осторожно сказалъ подрядчикъ,—и вообще съ деньгами теперь оченно серьезно.

— Ну хоть триста, что ли...—нетерпѣливо настаивалъ Янтаровъ.

Оттопыренный бумажникъ дразнилъ и возбуждалъ его. Была въ немъ какая-то связь съ грязноватой, пропитанной запахомъ помады, и вина, и японскихъ духовъ комнатой, гдѣ его ждала пьяная улыбка актрисы.

— Не знаю, положительно могу сказать, что такихъ спе-

ціалистовъ въ виду не имѣю, — все также сдержанно отнѣкивался Савелій.—Вотъ только развѣ...

— Ну?—еще нетерпѣливѣе торопилъ Янтаровъ.

Савелій помолчалъ, слегка раздувъ ноздри и разглядывая архитектора, точно хотѣлъ его взвѣсить и прощупать.

— Развѣ у меня не побрезгуете?.. Можетъ сотни три наскребемъ кое-какъ...

Онъ испытующе смотрѣлъ на молодого человѣка. Тотъ скользнулъ по немъ взглядомъ, опять заправилъ одной рукой усъ, а другой забарабанилъ по столу. Онъ отлично зналъ, что надо отправить этого жулика къ чорту. Но это знала только логика, маленькая, ослабѣвшая, вся отмякшая отъ безсонныхъ ночей, отъ которыхъ ныло и горѣло тѣло. Оно, это тѣло, не разбирало сейчасъ ни дурного, ни хорошаго, ни дозволеннаго, ни запретнаго. Надо только опять быть тамъ, около ненасытной, лѣнивой и жадной женщины, около ея наглаго и зовущаго тѣла. Только для формы, равнодушно и вяло, онъ сказалъ:

— Н-н-не знаю. Лучше бы у кого другого...

— Какъ угодно,—согласился Савелій и спряталъ бумажникъ въ карманъ лоснящагося пиджака.

Это почему-то больше всего задѣло барское самолюбіе Янтарова. Онъ чуть было не отказался, но вспомнилъ, что передъ гостинницей уже стоитъ тройка, которая должна везти ихъ за городъ и, подавивъ вспыхнувшее раздраженіе, небрежно бросилъ:

— А впрочемъ все равно, давайте. Я вѣдь черезъ три мѣсяца отдамъ. Можетъ быть раньше. Вамъ что, вексель или росписку?

— Помилуйте, Егорій Александровичъ, какіе тутъ векселя. Развѣ только росписку... Такъ только, для бухгалтеріи...

У Янтарова слегка дрожали руки, когда онъ бралъ три большія сторублевки. И было непріятно идти мимо рабочихъ. Но когда извозчикъ, распугивая ребятишекъ, помчалъ его по улицамъ, сразу стало беззаботно, весело и лихо.

Денегъ хватило не надолго. Да это ужъ ему было все равно. Въ послѣдній вечеръ она выпила слишкомъ много коньяку. Янтаровъ ясно увидалъ, что передъ нимъ не Василиса Мелентьева, какъ онъ ее называлъ, а просто немолодая, толстая, распущенная баба. Смѣшно и противно. Онъ всталъ, надѣлъ шляпу и радъ былъ на улицѣ вдохнуть въ себя свѣжій морозный воздухъ.

Постройка подошла къ концу, а денегъ въ столѣ не было. И кредита не было. Янтаровъ заметался по городу. Банки были

въ рукахъ тѣхъ, съ кѣмъ онъ съ самаго начала всталъ если не въ явно враждебныя, то во всякомъ случаѣ сдержанныя отношенія. Тѣ, кто бывалъ у Грохотскихъ, сами были бѣднѣе бѣдности; среди нихъ Янтаровъ считался богачемъ. Волей-неволей пришлось опять обратиться къ Савелію. Тотъ мялся, и усмѣхался, и отнѣкивался, но наконецъ привелъ какого-то тощаго понураго человѣка, который далъ Янтарову четыреста, а вексель взялъ на пятьсотъ, не считая процентовъ. Янтаровъ перехватилъ еще у знакомаго доктора и кое-какъ разсчитался съ рабочими.

И какъ только они ушли, съ тѣмъ веселымъ, благодарнымъ гуломъ, съ которымъ уходитъ рабочій рой, когда въ карманѣ лежитъ получка, а въ душѣ маячитъ предчувствіе дома и отдыхъ „около своихъ щей", когда они ушли, бросая на прощанье Янтарову свою благодарность и пожеланья, онъ сразу пересталъ думать обо всѣхъ этихъ счетахъ. Онъ былъ увѣренъ, а можетъ быть просто увѣрялъ себя, что вотъ пройдетъ мѣсяцъ или два— и онъ заплатитъ и переводчицѣ, и Савелію, и куму.

Изрѣдка, особенно по утрамъ, что-то скребло на душѣ, но Янтаровъ умѣлъ отгонять непріятныя мысли. Это выходило у него само собою. А тутъ принесла же нелегкая этого Савелія. И какъ разъ теперь, когда работа не клеится. Надо поскорѣе набросать молодому Нилову проектъ и взять у него денегъ. Чортъ бы побралъ эти деньги! Какіе-нибудь Смирновы и Ниловы жирѣютъ какъ черви, а онъ, Янтаровъ...

Онъ нѣсколько дней не видалъ Мики. И даже не зналъ, хочетъ ли ее видѣть. Мысль о ней волновала и раздражала. Тѣмъ охотнѣе проводилъ онъ вечера съ Катей. Онъ читалъ вслухъ, а она работала, шила какія-то маленькія, кукольныя вещи. И онъ чувствовалъ, что проворныя, смуглыя руки уже источаютъ потоки нѣжности и заботы, уже ткутъ воздушный пологъ вокругъ еще нерожденнаго, но уже страстно любимаго существа. Въ комнатѣ Кати было тихо, чисто и скучновато. Ему, а не ей. Ей было просто хорошо. Она поднимала отъ работы гладко причесанную голову и свѣтлые, правдивые глаза смотрѣли на Янтарова съ такой нѣжностью, что ему становилось неловко. Нѣсколько разъ мелькала мысль разсказать ей объ этихъ злосчастныхъ деньгахъ, о проклятой Савёловской роспискѣ. Но что то мѣшало. Онъ увѣрялъ себя, что его удерживаетъ забота о ней. Катѣ нельзя волноваться. Такъ и уходилъ, ничего не сказавъ.

IX.

Молодой Ниловъ ничѣмъ не былъ похожъ на отца. Его высокое, тонкое тѣло двигалось лѣниво и гибко. Гладко выбритое, бѣлое лицо было красиво и породисто. И руки у него были нѣжныя и родовитыя. Также какъ у его жены. Онъ нашелъ ее въ глухомъ углу уѣзда, въ громадномъ, дырявомъ дворянскомъ домѣ. Этотъ домъ да кусокъ парка только и уцѣлѣли отъ когда-то просторныхъ Толбугинскихъ владѣній. Зиновія, маленькая, съ нѣжной какъ у куклы кожей и большими, выпуклыми, прозрачно-зелеными глазами, была похожа на причудливый оранжерейный цвѣтокъ. Странно было видѣть ее съ мужемъ въ большомъ, топорномъ домѣ Нилова, гдѣ они устроили себѣ отдѣльный, свой уголъ. Кириллъ былъ единственный наслѣдникъ большого водочнаго и лѣсопильнаго завода, и многихъ тысячъ десятинъ земли, не считая многихъ сотенъ тысячъ, лежавшихъ и въ банкѣ, и въ дѣлахъ. Но всѣ въ городѣ знали, что онъ не сынъ Ивана Митрофановича. Многіе еще хорошо помнили и кроткую, миловидную жену Нилова, и титулованнаго красавца генерала, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ добродушно и безтолково управлявшаго губерніей. Досужіе провинціальные догадчики пытались проникнуть въ тайники Ниловской психологіи. Но напрасно. Чугунный, тяжелый, многословный, онъ умѣлъ дать отпоръ непрошеннымъ наблюдателямъ. А Кирилла любилъ робкой, почти собачьей любовью. И боялся, какъ боятся существа другой породы, и баловалъ, и тѣшилъ. Молодой Ниловъ никогда не заглядывалъ въ контору и только молча полировалъ свои ногти, когда старикъ разсказывалъ ему о дѣлахъ.

Чтобы крѣпче привязать своего наслѣдника къ городу, гдѣ еще Ниловъ-дѣдъ изъ маленькихъ трактирщиковъ, мало-по-малу, выкарабкался въ видные коммерсанты, Иванъ Митрофановичъ затѣялъ построить молодымъ отдѣльный домъ. Мѣсто было отличное, на холмѣ, откуда виднѣлись тускло-золотыя головки старыхъ церквей и изгибъ рѣки, блестѣвшей лѣтомъ точно горсть самоцвѣтныхъ камней, брошенныхъ на бархатную зелень луговъ. Старикъ сантиментально готовилъ сюрпризъ и въ день имянинъ невѣстки поднесъ ей готовый планъ маленькаго, каменнаго особнячка, съ фронтончиками, завитушками и пузатыми балконами.

Зеленые выпуклые глаза взглянули на него съ спокойнымъ и откровеннымъ презрѣньемъ:

— Это что̀, Иванъ Митрофановичъ? Новую гостинницу хотите строить?

Кириллу стало жалко старика. Онъ улыбнулся своей пріятной, немного усталой, улыбкой:

— Мысль, отецъ, недурна. Но Зиновія Михайловна права. Планъ никуда не годится. Посмотри на насъ съ ней? Развѣ мы въ такомъ домѣ съумѣемъ жить?

Иванъ Митрофановичъ медленно обвелъ ихъ взглядомъ и густо вздохнулъ, точно на старые, пересохшіе мѣхи нажалъ. То, что они оба должны жить въ какихъ-то особенныхъ домахъ, и тревожило его, и льстило его самолюбію. Было бы проще и удобнѣе имѣть около себя такое же простое, крѣпкое, тяжелое потомство, какимъ былъ до сихъ поръ весь Ниловскій родъ. Можно было бы тогда идти къ смерти съ сознаньемъ, что вся эта хитрая дѣловая сѣть, вылавливающая деньги чуть не со всей губерніи, перейдетъ изъ рукъ въ руки къ слѣдующему, болѣе молодому Нилову. Но въ то же время лѣнивая утонченность Кирилла и его жены придавала фирмѣ Нилова особый блескъ, возвышала ее надъ остальными, обыкновенными купеческими семьями.

Въ глубинѣ души Ивана Митрофановича мелькала туманная надежда, что въ этомъ новомъ, по вкусу молодыхъ свитомъ гнѣздѣ можетъ, наконецъ, зародиться новый птенецъ, и потянется опять нить поколѣній, которыя для него все-таки будутъ Ниловскими.

Но и тутъ невѣстка, тонкая, проницательная и злая, постаралась поглубже ударить свекра.

— Ужъ если строить, надо деревянный,—небрежно сказала она, дорисовывая акварелью рисунокъ стараго кружева.

— Но Зиночка, это вѣдь не прочно... Каменный вѣка простоитъ. Правнуки спасибо скажутъ.

— Ахъ, милый Иванъ Митрофановичъ, бросьте... Какіе правнуки? Это прежде люди были дураки. Изъ кожи вонъ лѣзли для дѣтей, для внуковъ, для правнуковъ. Мы поумнѣли и для себя живемъ. Да и не будетъ у насъ дѣтей, никогда. Такъ и знайте. Хотите, берите внука изъ воспитательнаго. Не все ли равно?

Ниловъ опять молча вздохнулъ и покрутилъ шеей, точно воротникъ сталъ тѣсенъ... Онъ никогда не могъ понять, нарочно ли издѣвается надъ нимъ невѣстка, или просто по-женски распускаетъ языкъ.

Мало-по-малу Кириллъ заинтересовалъ жену постройкой дома.

У нихъ былъ общій вкусъ къ старинѣ, къ ручнымъ, неповторяющимся вещамъ, къ тому, что не носитъ печати рынка,

фабрики, безличнаго. Они ѣздили въ далекія, дремлющія въ глубинѣ лѣсовъ села, въ усадьбы, гдѣ вымирающіе роды охотно мѣняли на деньги то, что считали старымъ хламомъ. Веселые и довольные, какъ охотники послѣ хорошаго лова, возвращались они съ добычей. Иногда, къ удивленью гостиннодворцевъ, рылись у старьевщиковъ. И прозрачные, разсѣянные глаза отлично умѣли находить въ грудѣ лома кусочекъ Александровской бронзы, рѣдкую вышивку, запачканный и цѣнный старый коверъ, вытканный искусными и покорными руками крѣпостныхъ ткачихъ.

Въ одинъ изъ такихъ обходовъ они и познакомились съ Янтаровымъ. Онъ торговалъ громадный, пузатый, облупившійся краснаго дерева шкапъ, весь полный ящичковъ, и отдѣленій, и полочекъ, и потайныхъ пружинъ. При видѣ этой старины у молодой Ниловой глаза заблестѣли, какъ у котенка. Она даже повела маленькимъ остренькимъ носикомъ, вбирая въ себя затхлый, пряный, таинственный запахъ, исходившій отъ этого нѣмого свидѣтеля столькихъ угасшихъ жизней. Кириллъ, неотступно внимательный и чуткій къ ней, понялъ, что въ ней загорѣлось одно изъ тѣхъ капризныхъ, бурныхъ желаній, которыми только и скрашивалась ея безцѣльная, холодная, скептическая жизнь. Онъ зналъ, кто такой Янтаровъ, заговорилъ съ нимъ, познакомилъ его съ женой, и устроилъ такъ, что Янтаровъ самъ уступилъ свою находку этой забавной маленькой барынькѣ. Хотя, какъ женщина, она ему сразу не понравилась и даже вызвала въ немъ для него самого не вполнѣ понятную мужскую смутную враждебность.

Ниловы прямо отъ старьевщика провели его къ себѣ. Въ городѣ мало было людей, умѣющихъ цѣнить изысканность и красоту, и они рады были найти человѣка, который съ подлиннымъ наслажденьемъ разсматривалъ блѣдно-голубой сарафанъ Елизаветинскаго двора, старый темный бронзовый дверной молотокъ, привезенный изъ Флоренціи, маленькую чашку съ блеклыми розами и пастушками. Конечно онъ и долженъ выстроить ихъ домъ. Но за послѣднее время выдумка Янтарова отяжелѣла и притупилась. И теперь, додѣлывая широкое крыльцо, съ пологой лѣстницей, спускавшейся въ садъ, Янтаровъ съ раздраженьемъ, почти съ отвращеньемъ, смотрѣлъ на свой проектъ.

Въ самомъ началѣ что-то мелькнуло передъ нимъ своеобразное и уютное. Но когда пришлось выводить линіи, вся идея дома показалось ему плоской и скудной. Это проклятый, трусливый городъ съ своей плоской, скудной жизнью опуталъ, окрасилъ его своимъ убожествомъ. Надо прочь отсюда, а то ста-

нешь нищимъ, такимъ же нищимъ, какъ Смирновъ, какъ всѣ эти подрядчики и заказчики, захватившіе жизнь въ свои лапы.

Молодымъ Ниловымъ проектъ понравился. Особенно глубокое крыльцо съ низкими скамейками, идущими вдоль стѣнъ и угловая диванная съ большимъ полукруглымъ окномъ, откуда будетъ видъ на зарѣчный просторъ. Пришелъ съ своей половины и старикъ Ниловъ. Онъ сопѣлъ, вздыхалъ и помалчивалъ. Только придвинулся ближе, когда дѣло дошло до смѣты. Потомъ приподнялъ косматыя, похожія на сухую траву, брови и прогудѣлъ:

— А вы не ошибаетесь, молодой человѣкъ? Что-то дешево выходитъ...

Кириллъ досадливо поморщился, но Янтаровъ не далъ ему заговорить. Онъ повернулся къ Нилову и тѣмъ увѣреннымъ, слегка высокомѣрнымъ голосомъ, которымъ всегда говорилъ съ тѣми, кого называлъ презрительнымъ словомъ „заказчики", отвѣтилъ:

— Не безпокойтесь, почтеннѣйшій Иванъ Митрофановичъ... я ничего потомъ прикидывать не буду. Но и казенныхъ расцѣнокъ я придерживаться не умѣю. На моихъ постройкахъ все стоитъ столько, сколько стоитъ. Процентовъ у меня не полагается.

Мохнатыя брови еще приподнялись и изъ-за нихъ глянули мутноватые глаза:

— Очень радъ, очень радъ, молодой человѣкъ. Хотя проценты—вещь обыкновенная и даже необходимая. Вы еще, конечно, молоды, и думаете, что всѣ эти старые порядки можно сразу вымести. Напрасно. Не нами они выдуманы, не нами кончатся. Надо чтобы деньги къ рукамъ шли. А руки крѣпкія только у сильныхъ бываютъ. Вотъ когда сильный на сильнаго нарывается, тогда проценты и вообще смазочка, — это очень, повѣрьте мнѣ, полезная штучка...

Что-то похожее на улыбку поползло по толстымъ одутловатымъ щекамъ. Чего этотъ инженеришка чванится? Ничѣмъ еще себя не показалъ.

— Это по крайней мѣрѣ цѣльное міросозерцаніе, — тоже съ улыбкой отвѣтилъ Янтаровъ.—Это мнѣ нравится. Безъ сантиментальностей, безъ позы. Сегодня я читалъ въ газетѣ, что Смирновъ пожертвовалъ 5.000 на народный домъ. Скажите мнѣ, на кой чортъ ему это дѣлать?

Лицо Нилова опять стало неподвижно и сумрачно. Послѣ того разговора въ вагонѣ, онъ все время слѣдилъ за Смирновымъ и видѣлъ, что тотъ что-то затѣваетъ. Неужели хочетъ выр-

вать концессію? Но при этомъ мальчишкѣ ему нечего себя выдавать. И онъ осторожно отвѣтилъ:

— Отчего же нѣтъ? Вы думаете, богатые люди не интересуются просвѣщеньемъ? А откуда же деньги берутся на библіотеки, и музеи, и университеты? Вѣдь не мужики же жертвуютъ. Вотъ вы, молодой человѣкъ, противъ всякихъ предразсудковъ, а не хотите понять, что люди, умѣющіе создавать богатство, умѣющіе организовать трудъ, умѣютъ и позаботиться о культурѣ. Посмотрите на западѣ...

— Отецъ, — полусмѣясь, полусердито перебилъ Кириллъ, — пощади. Ты вѣдь не рѣчь на торжественномъ обѣдѣ говоришь. Георгій Александровичъ, а вы не думаете, что мезонинъ будетъ наползать на фасадъ?

Они наклонились надъ планомъ и Янтаровъ сталъ объяснять почему ему нуженъ этотъ мезонинъ и башенька сбоку. Онъ задумалъ весь домъ въ богатомъ помѣщичьемъ стилѣ начала XIX вѣка, и если Зиновія Михайловна захочетъ его послушать, онъ посовѣтуетъ ей отдѣлать всѣ комнаты ситцемъ, какъ въ загородныхъ дворцахъ.

— Ситцемъ? Это не будетъ наивно?—колеблясь и взвѣшивая спрашивала молодая женщина.

Ниловъ смотрѣлъ на эти три головы, склоненныя надъ бумагами и думалъ, какія у Кирилла узкія плечи, какая у него не по-мужски тонкая и бѣлая шея. Это усиливало всегдашнее, настороженное чувство соперничества со Смирновымъ. У того, правда, только дочь, но за то кровь съ молокомъ. Вслухъ онъ сказалъ:

— Это всетаки умно съ его стороны, выбросить столько денегъ.

— Особенно теперь, — неожиданно откликнулся Янтаровъ.

— Почему теперь?

— Да изъ-за концессіи...

Не успѣлъ онъ бросить это слово, какъ ему стало непріятно и досадно, точно онъ выдалъ дѣвушку, такъ довѣрчиво говорившую съ нимъ. Но было уже поздно.

— Какая концессія?—прогудѣлъ Ниловъ.

— Не знаю хорошенько... Слышалъ однимъ ухомъ, что Смирновъ что-то маклачитъ. А, можетъ быть, пустяки.

Ниловъ всталъ и заходилъ по комнатѣ. Тяжелая спина, широкая и длинная, съ трудомъ пробиралась между столиковъ, и креселъ, и маленькихъ витринъ съ дорогими игрушками. Глухо кипѣла въ немъ самолюбивая обида дѣльца, котораго такъ

просто обошли. Точно щенка отбросили отъ тарелки съ кормомъ. Ну погоди, Петька, еще посмотримъ, чья возьметъ. Онъ, Ниловъ, тоже успѣлъ кое-что устроить въ московскихъ банкахъ. Посмотримъ, чья возьметъ. Онъ остановился за спиной Янтарова и слегка осипшимъ басомъ спросилъ:

— А какъ же говорятъ? Ужъ на мази дѣло-то?

Янтаровъ, не оборачиваясь, отвѣтилъ:

— Не знаю. Кажется нѣтъ. Но я, право, ничего не знаю. Меня эта стряпня не интересуетъ.

— Такъ вотъ отчего этотъ пройдоха Лукутинъ тамъ околачивается. А я то, дуракъ, думалъ это они своей Марьѣ жениха приваживаютъ. Позасидѣлась она у нихъ.

Ниловъ продолжалъ стоять, заложивъ большую правую руку за жилетъ. Мутные глаза внимательно смотрѣли въ затылокъ архитектора. И опять загудѣлъ басъ:

— Не интересуетесь? Напрасно. Вотъ, я слышалъ, вы тутъ съ моими чуть не весь городъ срыли, а на его мѣстѣ новый, по своему вкусу. А вы подумайте, если большая линія. Въ двухъ городахъ вокзалы. Сколько тутъ вамъ было бы простора. А теперь все по Смирновски будетъ.

Янтаровъ живо обернулся къ нему. Что онъ, смѣется что ли? И зачѣмъ онъ про Мику? Случайно или знаетъ что-нибудь? Но на хмуромъ, темномъ лицѣ Нилова трудно было прочесть его настоящія мысли.

— О деньгахъ я не говорю. Вы считаете, что это пустяки. Ребячество.... Развѣ сила можетъ быть пустяками? Но и сила вся пойдетъ Смирнову. Онъ давно подбирается весь край забрать... Хозяиномъ будетъ...

— Ну, и пусть, — Янтаровъ сказалъ это съ высокомѣрнымъ раздраженьемъ. — Все равно такіе, — онъ хотѣлъ сказать такіе какъ вы и онъ, но удержался, — такіе какъ онъ, еще долго хозяевами будутъ.

— Вамъ это не нравится? Такъ боритесь...

Янтаровъ окинулъ его взглядомъ—и вдругъ почувствовалъ что-то похожее на уваженіе къ этому человѣку, который всегда казался ему просто разжирѣвшимъ кулакомъ. Онъ знаетъ, чего хочетъ, умѣетъ быть сильнымъ, умѣетъ крѣпко доводить свои желанья до конца. Немудрено, что Ниловы и Смирновы остаются хозяевами положенья.

X.

Изъ-за этихъ пяти тысячъ у Смирнова вышелъ раздражившій его споръ съ дочерьми. Всѣ сидѣли въ гостиной, допивая послѣобѣденный кофе. Лукутинъ игралъ съ Вѣрой въ шахматы. Онъ быстро приручилъ къ себѣ этого звѣрька. Было въ немъ веселое добродушіе, которое придаетъ что-то общее всѣмъ физически сильнымъ людямъ самыхъ разнообразныхъ соціальныхъ положеній и воззрѣній. Когда онъ, съ высоты своего большого тѣла, слегка разставивъ ноги и наклонивъ голову, разговаривалъ съ дѣвочкой, ей казалось, что это какой-то заколдованный, охраняющій ее звѣрь. Ее это забавляло и они болтали, дразнили другъ друга, говорили всякій вздоръ, точно два школьника.

Съ Микой Лукутинъ держался сдержанно. Ея женское самолюбіе было даже слегка задѣто этой, какъ ей казалось, недоброжелательной отчужденностью. Въ другое время она вѣроятно постаралась бы подойти ближе, притянуть къ себѣ молодого инженера, такъ быстро ставшаго для ея отца чѣмъ-то вродѣ младшаго товарища. Но онъ явился слишкомъ поздно. Янтаровъ владѣлъ всѣми ея мыслями, желаніями, хотѣньями. Ей стоило усилія проявлять хотя бы внѣшній интересъ ко всему, что не было связано съ нимъ. Она предоставила матери поддерживать всѣ тѣ мелкія и требовательныя свѣтскія отношенія, которыя въ провинціи пріобрѣтаютъ еще болѣе тошный, затхлый характеръ. И на всѣ укоры отвѣчала:

— Надоѣли они мнѣ... Пыжатся и важничаютъ... точно лягушки.

Мать ворчала. Отецъ, если это случалось при немъ, смѣялся.

— Да, Мика, пора намъ отъ этихъ лягушекъ подальше...

Отецъ и дочь обмѣнивались взглядомъ, въ которомъ была своеобразная взаимная гордость. Мика любила отца и считала его крупнымъ, непохожимъ на другихъ.

— У меня сегодня былъ очень дорогой визитеръ,—сказалъ Петръ Петровичъ.

Мика лѣниво спросила:

— Почему, дорогой?

— Да мнѣ его визитъ обошелся въ пять тысячъ. Попечитель пріѣзжалъ. Они народный домъ перестраиваютъ. Я и далъ. Я думаю, мои дѣвочки ничего не имѣютъ противъ? У насъ вѣдь еще довольно останется...

Вопросъ для приличія былъ поставленъ во множественномъ числѣ. А глаза отца смотрѣли только на Мику. Къ его удивленью она неодобрительно повела широкими бровями. Отъ шахматнаго стола раздался нѣжный голосокъ Вѣруси:

— Вотъ такъ фунтъ!.. Мы для нашего клуба гроши собираемъ, а ты этимъ господамъ тысячи отвалилъ...

— Какой вашъ клубъ? Гдѣ вы собираете?—съ недоумѣньемъ спросилъ отецъ.

— Да я же тебѣ говорила, папа. Клубъ для рабочихъ. Мы концертъ устраиваемъ. Я буду пѣть. Развѣ ты забылъ?

— Что будешь пѣть, не забылъ. А для кого, ей Богу забылъ,—сразу успокоиваясь отвѣтилъ Смирновъ.

Въ зеленой гостиной было уютно и дѣловито. Умѣло разставленныя лампы освѣщали какъ разъ тѣ столы и кресла, которыя надо было освѣтить, и оставляли въ темнотѣ тѣ углы, которые должны были остаться темными. Марья Филипповна, поблескивая пальцами, неторопливо тянула шелковую нитку маленькаго вышиванья. Смирнову было хорошо. Онъ вѣрилъ, что въ будущемъ будетъ еще лучше, что концессія еще раздвинетъ и украситъ стѣны его жизни, дастъ ему и семьѣ возможность приподняться еще выше.

— Мнѣ, дѣвочки, совсѣмъ не нравится ваша возня съ концертомъ,—осторожно замѣтила мать.

Она уже нѣсколько разъ пробовала бороться со всѣми этими затѣями и теперь хотѣла заставить мужа ей помочь.

— Ну, мой пріютъ для васъ скученъ. Вѣруся говоритъ — старушечье дѣло. Такъ вотъ народный домъ. Тамъ по крайней мѣрѣ люди нашего круга. А эти Грохотскіе... Я когда-то встрѣчала мать... Она во всѣхъ тюрьмахъ перебывала. Да и всѣ они...

Мика черезъ столъ увидала, какъ въ глазахъ Вѣруси загорѣлись злые огоньки. Она торопливо встала и заговорила:

— Перестаньте, мама, вы не знаете ихъ. Они отличные... И пожалуйста не бойтесь. Мы никакой политикой не занимаемся. Клубъ—это чисто культурная и безпартійная работа.

— Мика, откуда у тебя такія товарищескія слова?

Она улыбнулась отцу.

— Но, папа, это слова общечеловѣческія. И мнѣ жаль твоихъ пяти тысячъ...

— Еще бы не жаль!—перебила ее Вѣруся.—Очень нужно помогать промозглымъ чинушамъ, къ которымъ порядочные рабочіе и пойти не захотятъ. Вѣдь это...

— Что это?—сухо остановилъ ее отецъ. Его начиналъ не

на шутку сердить этотъ разговоръ.—Вы даже не узнали, на что эти деньги. Онѣ нужны на библіотеку и на гимнастическій залъ. Что же, по вашимъ новымъ принципамъ, этого не нужно?

— Воображаю, какая это будетъ библіотека!—презрительно воскликнула Вѣра.—Будутъ кормить всякой казенной тухлятиной... Точно рабочіе такіе же идіоты, какъ они сами...

Лукутинъ вдругъ расхохотался веселымъ, неподдѣльнымъ смѣхомъ и положилъ свою большую теплую руку на длинные, похолодѣвшіе отъ волненія пальцы Вѣры.

— Голубушка вы моя, чего вы пѣтушитесь? И что̀ вы знаете о рабочихъ? Съ чего вы взяли, что имъ книги нужны? Водка имъ нужна. Это правда. Покажите штофъ, съ руками оторвутъ. А книжку навязывать надо. Ходятъ за ними разные чудаки и пристаютъ: ради Бога почитай, ради Бога поучись... Розовый мармеладъ.

— Вотъ и неправда! Ничего вы сами не знаете...

Она хотѣла сказать, что она была въ вечерней школкѣ, сама занималась съ пожилыми рабочими грамотой, и они совсѣмъ-совсѣмъ не такіе. Но Мика уже стояла рядомъ и, положивъ руку на плечо сестры, тихо сказала:

— Вѣруся!

Сестры переглянулись. Обѣ слишкомъ дорожили всѣмъ, что связывало ихъ съ Грохотскими и предпочитали пока поменьше объ этомъ разсказывать. Но въ словахъ Лукутина было что-то, что задѣло Мику. Она обратилась къ нему:

— Неужели вы думаете, что рабочіе—это стадо? Что ничего лучше своей теперешней жизни они не заслуживаютъ? И вообще, вы довольны теперь жизнью? Все идетъ отлично, по вашему. Да?

Онъ спокойно принялъ вызовъ. Они стояли другъ передъ другомъ, оба стройные, крупные, молодые. Одна и та же мысль пришла старшимъ Смирновымъ, отцу и матери:

„Славная пара“...

— Что значитъ отлично, Марья Петровна? Вы хотите сдѣлать мнѣ политическій экзаменъ...

— Да, да, хотимъ, — живо вмѣшалась Вѣруся. — Вы все шутки, да прибаутки, а кто-же вы такой? Ну-ка?!.

Лукутинъ сбоку взглянулъ на маленькое тонкое личико, смутно бѣлѣвшее въ глубинѣ кресла и улыбнулся ей широкой, доброй улыбкой. Потомъ обернулся къ Микѣ.

— Я прежде всего практикъ. Я терпѣть не могу никакихъ отвлеченностей. Кромѣ математики. И политику поэтому не люблю. Мнѣ не интересно. Толку никакого. То есть теперь. А когда

была забастовка, я самъ остановилъ на своей дистанціи все движенье.

— Вы?—съ удивленіемъ спросилъ Смирновъ.

— Ну да, ужъ это были не слова. И мнѣ это понравилось. Помните, какое это время было...

Какая то задумчивость на минуту обволокла бѣлокурое, толстощекое, веселое лицо. Мика съ любопытствомъ наблюдала за этимъ новымъ, незамѣченнымъ раньше Лукутинымъ.

— Но теперь, чортъ съ ней, съ политикой!

— И съ рабочими тоже чортъ?—вставила опять Вѣруся, улыбаясь своей острой, злой улыбкой.

— И да, и нѣтъ, Вѣруся. Няньчиться съ ними я не хочу... Да и ни съ кѣмъ не хочу.

„Ну еще бы ты сталъ няньчиться, не таковскій",—подумалъ Смирновъ, слѣдившій за Лукутинымъ съ смѣшаннымъ чувствомъ одобренія и подозрительности, которое молодой инженеръ все время вызывалъ въ немъ.

— Каждый за себя. А тѣ, кого надо тащить, это ужъ не люди. Но вы, пожалуйста, не думайте, что я черносотенецъ. Я не люблю пятиться назадъ. И потомъ,—онъ улыбнулся своей широкой улыбкой,—пусть себѣ жизнь расширяется. Тѣмъ больше будетъ простору для всякихъ дѣлъ. А я люблю дѣла...

Микѣ показалось, что подъ рѣдкими свѣтлыми усами мелькнула плотоядная улыбка. Это было непріятно, но что-то въ словахъ и голосѣ Лукутина внушало ей уваженіе. Ей, но не Вѣрусѣ:

— Ахъ Лукутинъ, Лукутинъ, я думала, вы другой. Значитъ вы только то и любите, что есть? А я только то, чего нѣтъ. Я больше не буду съ вами въ шахматы играть...—и она проворно смѣшала фигуры.

— Ухъ, какая вы строгая,—шутливо отвѣтилъ Лукутинъ.—Я свои дѣла веду, а чужимъ не мѣшаю. И неужели вы думаете, Марья Петровна,—ужь другимъ, почти рѣзкимъ голосомъ сказалъ онъ, обращаясь къ старшей,—что Грохотская или Янтаровъ полезнѣе для народа, чѣмъ я, или вашъ отецъ? Вѣдь они соблазнители. Они сыплютъ несбыточныя обѣщанія, а мы, мы даемъ работу. Это не такъ красиво, зато вѣрнѣе.—Онъ засмѣялся рѣзкимъ, злымъ смѣхомъ. Потомъ прибавилъ:

— Но, кому охота, пусть донкихотствуетъ. Клубы и всякая тамъ канитель. Надѣюсь, Марья Петровна не откажется дать мнѣ билетъ на концертъ. Вотъ моя жертва на пользу русскаго пролетаріата.

Онъ вынулъ крупную бумажку и положилъ на столъ.

— Мика, а не проще ли вмѣсто концерта дать имъ просто денегъ? Мнѣ тоже эта затѣя что-то не нравится,—сказалъ Смирновъ.—Мать права. Это не для васъ.

Вѣруся остановилась у двери, полускрытая темной портьерой. Только глаза блестѣли. Да сердце билось точно птица, зачуявшая близость клѣтки.

Мика разсмѣялась тѣмъ милымъ, дѣтскимъ, задорнымъ смѣхомъ, который такъ любилъ отецъ. Она присѣла на ручку его кресла и лукаво сказала:

— Ого! Теперь и ты. Я думала только мама ревнива. Успокойся, пожалуйста. Никто насъ не съѣстъ, и не обидитъ, и въ революцію не заманитъ. Это не для меня...

Она покачала золотистой, пышно причесанной головой. Смѣхъ и внутреннее волненіе, которое она прикрыла шуткой, и мысль объ Янтаровѣ, почему-то особенно остро вставшая передъ ней, освѣтили и прикрасили ея свѣжее дѣвичье лицо. Она встрѣтила пристальный взглядъ Лукутина и въ первый разъ замѣтила, какъ онъ любуется ею. Это придало ей еще больше увѣренности и, цѣлуя отца въ лобъ, она попросила:

— Ты дай намъ денегъ, и побольше. А въ концертѣ мнѣ ужасно, ужасно хочется пѣть. И страшно...

Послѣднее слово она бросила уже Лукутину и онъ улыбнулся, понявъ, что теперь она кокетничаетъ передъ нимъ.

Отецъ взялъ ея руку, поцѣловалъ и вдругъ спросилъ:

— А этотъ... какъ его... Янтаровъ, тоже съ вами орудуетъ?

Послѣ того, какъ онъ видѣлъ ихъ на улицѣ, онъ нѣсколько разъ хотѣлъ заговорить о немъ съ Микой—и все какъ то не выходило. Но мысль объ этой встрѣчѣ занозой сидѣла въ душѣ отца.

— Янтаровъ? Да, и онъ...

Отецъ сразу понялъ, что именно въ Янтаровѣ все дѣло.

Черезъ нѣсколько дней въ мѣстной газетѣ появилась маленькая замѣтка.

„Мусорные дѣльцы".

„Наша буржуазія остается вѣрна сама себѣ. Она готова на почвѣ открытой филантропіи благодѣтельствовать народу. А за кулисами стряпать свои неблаговидныя дѣлишки.

„Такъ, одинъ видный нашъ дѣлецъ, выбросившій на-дняхъ нѣсколько тысячъ на одно культурное дѣло, старается наверстать

эти деньги, выводя не кирпичныя, а мусорныя стѣны въ общественномъ зданіи, которое городъ неосмотрительно сдалъ ему съ подряда.

„Бѣдный городъ! Бѣдные больные!

„При этомъ говорятъ, что этотъ субъектъ мѣтитъ захватить одно еще болѣе апетитное дѣло.

„Больше мы, пока, ничего не скажемъ...“

Смирновъ пришелъ въ ярость, прочтя эту замѣтку. Мусорныя стѣны его мало безпокоили. Всѣ такъ строятъ. Но скверно то, что слухи о концессіи уже ходятъ по городу. Еще только полъ-дѣла сдѣлано. Неужели выхватятъ? При одной мысли объ этомъ у него сжимались кулаки и кровь тяжело приливала къ затылку. Кто могъ сдѣлать эту гадость? Почему-то онъ прежде всего подумалъ объ Янтаровѣ—и враждебность, давно зрѣвшая, еще обострилась.

Рѣзко, почти грубо, говорилъ онъ по телефону съ редакторомъ.

— Я не обязанъ давать вамъ отчетъ, — тихо шипѣлъ въ отвѣтъ глухой голосокъ.

„Хочетъ побольше взять“, пренебрежительно рѣшилъ Смирновъ.

Газета была бѣдная и глупая, перебивавшаяся мелкими скандалами. Редакторъ-издатель, молодой и анекдотически невѣжественный, получилъ ее вмѣстѣ съ типографіей отъ дяди въ наслѣдство. Онъ мало отличалъ статьи отъ объявленій и откровенно предпочиталъ послѣднія первымъ.

— Хоть доходишко какой есть,—говорилъ онъ заунывнымъ голосомъ неизлѣчимо больного, хотя на самомъ дѣлѣ былъ совершенно здоровъ.

Но когда задохлась подъ грудой штрафовъ другая, живая и неугомонная газета, его листокъ вдругъ сталъ своего рода выразителемъ общественнаго мнѣнія. И редакторъ-издатель листка понялъ, что и статьи могутъ приносить доходъ.

Разговоръ между нимъ и Смирновымъ вышелъ короткій.

— Кто далъ вамъ эту статью?

— Это—редакціонная тайна.

Редакторъ теребилъ жидкую, бурую бороденку, старался держаться независимѣе и съ трудомъ скрывалъ робость передъ широкими плечами Смирнова.

— Сколько?

Сѣрые глаза посѣтителя съ нескрываемымъ презрѣньемъ смотрѣли на хозяина.

— Я васъ не понимаю...—началъ тотъ, потомъ отвернулся и прошепталъ своимъ тусклымъ голосомъ. — Странно такъ разговаривать. Конечно, пресса у насъ... За что собственно сколько? За опроверженье?

— На кой оно мнѣ чортъ. Мнѣ надо знать, кто вамъ это далъ. Хотите двѣсти? Больше не дамъ.

Онъ вынулъ двѣ бумажки и держалъ ихъ между пальцами. Изъ-подъ очковъ глаза редактора метнулись и опять спрятались.

— Триста. У меня вексель.

— Врете. Я знаю, что вы вчера выкупили за триста. Значитъ тотъ далъ триста? Съ меня довольно двѣсти. Не хотите?

Смирновъ всталъ. Рѣденькая борода редактора приподнялась и вытянулась, какъ у собаки, дѣлающей стойку.

— Мнѣ очень непріятно, что вы со мной... Конечно, я стѣсненъ.

Онъ быстро вытянулъ неожиданно длинную руку и схватилъ бумажки.

— Ниловъ. Иванъ Митрофановичъ... Онъ попросилъ. А я отговаривалъ. Право...

— Онъ и написалъ?

— Нѣтъ. Я самъ.

Тутъ уже была авторская гордость. Смирновъ смотрѣлъ на него и взвѣшивалъ, что этотъ мозглякъ еще знаетъ? Но тотъ, обрадованный, что чувствуетъ подъ пальцами гладкую поверхность сторублевокъ, самъ выдалъ себя:

— А какое же это вы дѣло затѣваете, Петръ Петровичъ? Онъ мнѣ такъ и не сказалъ.

— Хорошо сдѣлалъ. Прощайте.

И, не подавъ руки, ушелъ.

А. Тыркова.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ИЗЪ КАЗИМІРА ТЕТМАЙЕРА

I.

Надломлены крылья у мысли. Захочетъ
Въ поднебесье взвиться, горда и вольна, —
Напрасно! И крылья по грязи волочитъ,
Какъ птица усталая, снова она.

Вотъ съ мѣста сорвется, печальная, съ кликомъ,
Чтобъ въ чистыя сферы направить полетъ.
Тамъ щедрое солнце въ сіяньѣ великомъ,
Тамъ тучи бушуютъ въ веселіи дикомъ...
Напрасно! Безъ силы—опять упадетъ.

И падаетъ грудью на скалы, на выступъ.
Кровь льется изъ ранъ ея. Но и тогда
Готова она на свой дерзостный приступъ,
Чтобъ снова упасть. И такъ будетъ всегда.

II.

Отдавъ себя одной заботѣ,
Одной мечтѣ,—послушный магъ,
Я жду на каждомъ поворотѣ
Твой встрѣтить взглядъ, услышать шагъ.

Пусть мнѣ тебя—я это знаю —
Не суждено совсѣмъ найти,

Пусть къ заколдованному раю
Мнѣ всѣ заказаны пути;

Пусть ты—созданье тьмы и бреда,
Едва мелькнувшее во снѣ, —
Но надо мной твоя побѣда,
Рабомъ твоимъ быть сладко мнѣ.

И хоть тебя нигдѣ, нигдѣ нѣтъ,
А все-жъ я твой, навѣки, весь.
Мечта далекая замѣнитъ
Все, что искать напрасно здѣсь.

Н. Л.

ИЗЪ
МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ

XI *).

... Онъ находилъ все равно прекраснымъ: міръ древній, шевелившійся изъ-подъ темнаго архитрава, могучій средній вѣкъ, положившій вездѣ слѣды художниковъ-исполиновъ и великолѣпной щедрости папъ, и, наконецъ, прилѣпившійся къ нимъ новый вѣкъ съ томящимся новымъ народонаселеніемъ. Ему нравилось это чудное сліяніе ихъ въ одно...

Гоголь.

„И вотъ я въ Римѣ! Такъ недавно меня занимали мелочи флорентійской и моей собственной жизни, а теперь я отдѣлалась отъ этого всего, я сижу на балконѣ гостинницы въ Via Condotti, прямо противъ скалиноды. Лѣстница широкая, широкая, идетъ террасами, раздѣляясь вверху на двѣ стороны; надъ нею церковь; все необыкновенно красиво, граціозно, какъ и вся площадь. Однако, на первый взглядъ Римъ менѣе характеренъ, чѣмъ Флоренція; я ожидала видѣть его старымъ, темнымъ, похожимъ на Москву оригинальностью и характерностью, а тутъ новыя улицы, прекрасные магазины... Впрочемъ я вѣдь нахожусь въ Римѣ новомъ; тамъ, гдѣ-то, есть Римъ другой. Я чувствую себя хорошо, потому что у меня здѣсь нѣтъ еще никакихъ впечатлѣній, ни хорошихъ, ни дурныхъ; все впереди, а это самое пріятное“.

*) См. іюль, стр. 174.

Таково было мое первое впечатлѣніе. На другой или третій день я уже восклицала: „что за прелесть Римъ! Мнѣ кажется, что разъ увидѣвъ его, нельзя больше разстаться съ нимъ“!

Вскорѣ начался карнавалъ. Говорили, что въ томъ году онъ былъ менѣе оживленъ, чѣмъ когда бы то ни было, такъ какъ итальянскій національный комитетъ издалъ воззваніе къ римлянамъ, гдѣ говорилось, что увеселеніями имъ хотятъ золотить цѣпи, чтобы они помнили, что они находятся хотя и въ обширной, но всетаки темницѣ; вмѣсто того, чтобы быть на Корсо, да идутъ они на форумъ, мѣсто ихъ прежняго величія. Демонстрація на форумѣ однако не состоялась. Прежде карнавалъ имѣлъ значеніе: тутъ выбирались невѣсты, завязывались знакомства, влюбленные могли свободно видѣться: всѣ двери, всѣ квартиры были для всѣхъ отперты, все превращалось въ одинъ общій, шумный праздникъ; забывались заботы, возникала на время сказочная жизнь. Теперь такой характеръ, конечно, утратился, но для насъ и то зрѣлище, которое мы имѣли передъ собой, было достаточно оживленно и весело. И необычность жизни въ эту недѣлю тоже веселила: съ утра забирались мы на свой балконъ или „ложу“, какъ это называлось, сидѣли въ домино, держа въ рукахъ сѣтку для охраны лица отъ иногда очень больно ударявшихъ confetti, брали съ собой завтракъ, возвращались при закатѣ, обѣдали поздно. Я сначала настраивала себя на либеральный ладъ, говорила, что тутъ одни иностранцы, что это папскій карнавалъ, что глупо тутъ быть — но молодость брала свое, я заражалась беззавѣтной радостью моей сестры и тоже начинала принимать участіе въ общемъ оживленіи и перебрасываться цвѣтами и конфетти. Нашъ балконъ былъ въ нижнемъ этажѣ; противъ насъ, вдоль всей улицы, были устроены въ нѣсколько рядовъ скамейки, гдѣ возсѣдали женщины изъ народа — крестьянки изъ Фраскати и Альбано въ ихъ живописныхъ блестящихъ нарядахъ, римскія натурщицы, между ними красавицы Стелла и Анунціата, съ которыми мы съ сестрой уже успѣли познакомиться. Съ ними любезничали проходившіе парни и оттуда раздавался несмолкаемый смѣхъ. Меня поражало количество цвѣтовъ, которое было погублено за эти дни. Эта роскошь букетовъ была бы восхитительна, еслибъ и тутъ не примѣшивалось варварство: на букетахъ часто были привязаны живыя птицы, трепетавшія разноцвѣтными крыльями. Ихъ съ букетами бросали на высокіе балконы, до которыхъ онѣ рѣдко долетали и падали на землю, гдѣ дѣлались добычей дравшихся изъ-за нихъ уличныхъ

мальчишекъ. Можно себѣ представить, что за страданія испытывали при этомъ птицы.

Все, что только напоминало итальянскіе національные цвѣта, было строго запрещено, поэтому ко всѣмъ букетамъ, составленнымъ изъ красныхъ и бѣлыхъ камелій съ зелеными листьями, были присоединены желтые цвѣточки. Мы съ сестрой начали выбирать изъ гуляющихъ молодыхъ итальянцевъ, которые всѣ были безъ масокъ и костюмовъ, кого-нибудь болѣе понравившагося и вступать въ безмолвные разговоры. Возьмешь изъ высокихъ корзинъ, наполнявшихъ нашу ложу, букетикъ фіалокъ и бросишь въ избраннаго, чтобы обратить его вниманіе, затѣмъ выберешь красную и бѣлую камелію съ зеленью, перевьешь ниткой и бросишь ему. Если онъ папистъ, онъ съ презрѣніемъ отшвырнетъ цвѣты и пройдетъ мимо; если же патріотъ, то ласково улыбнется, тутъ же купитъ у мальчика большой букетъ, тщательно вырветъ изъ него желтые цвѣты и броситъ или подастъ въ ложу. Если молодой человѣкъ покажется симпатичнымъ, то въ слѣдующій разъ, когда увидишь его, опять бросишь ему цвѣты; если и онъ ничего не имѣетъ противъ завязывающихся отношеній, то онъ съ новымъ букетомъ, въ который иногда вложитъ бонбоньерку, остановится около ложи. Начинается настоящій разговоръ и карнавальное знакомство. Въ послѣдній день карнавала, когда толпа людей, на улицѣ, въ ложахъ и прилегающихъ къ нимъ комнатахъ, тушитъ другъ у друга зажженныя восковыя свѣчи и оглашаетъ воздухъ крикомъ: „senza moccoli“, настоящіе и карнавальные наши знакомые наполнили нашу ложу— и пошелъ хохотъ, возня и веселье. Во всю масляничную недѣлю, гдѣ бы вы ни встрѣтились съ карнавальнымъ знакомымъ, онъ будетъ разговаривать, идти съ вами; но разъ карнавалъ кончился, временный знакомый вновь дѣлается чужимъ и поклониться вамъ на улицѣ считалъ бы непозволительной дерзостью.

Кто-то изъ нашихъ художниковъ подалъ мнѣ на Корсо букетъ съ птицей, еще не очень помятой; я принесла ее домой, думала, что она не будетъ жива, и такъ заботилась объ ней, что даже видѣла ее двѣ ночи во снѣ. На третій день она оправилась на столько, что рвалась и клевала меня, пока я несла ее на Пинчьо. Когда я открыла руки, она съ крикомъ вылетѣла на свободу и какъ стрѣла скрылась изъ глазъ. Долго не могла я забыть отчаянно радостнаго звука этого крика.

По прошествіи шумной масляничной недѣли, на меня снова напала невыразимая тоска. Во Флоренціи я знала, чѣмъ наслаждаться; все мнѣ было ясно, я знакомилась съ небольшимъ

періодомъ исторіи, болѣе или менѣе мнѣ знакомымъ. А тутъ! Исторія цѣлыхъ вѣковъ должна была пройти передо мной. Передъ этимъ я стояла безоружной. Болѣе чѣмъ въ Парижѣ нуждалась я въ руководствѣ, болѣе чувствовала свое невѣжество. Отецъ часто хворалъ, я рѣдко говорила съ нимъ, книгъ, о которыхъ онъ упоминалъ, я не могла достать; мать знала немногимъ больше меня и сердилась, что я постоянно всѣмъ недовольна. Наши художники? Отъ нихъ я не ждала помощи. Мнѣ бы надо Костомарова, Благовѣщенскаго... Взявъ съ собой служанку и альбомъ, я отправлялась въ свои одинокія и безлюдныя странствованія. Моя спутница портила мнѣ послѣднее удовольствіе; немолодая и довольно тучная, она еле поспѣвала за мной и все время ворчала. Съ каждымъ шагомъ, съ каждой открывавшейся передо мной прекрасной картиной, росло мое раздраженіе. Вотъ узенькая, темная улочка: красивыя, въ отрепьяхъ, женщины расчесываютъ на порогѣ свои волосы; проходитъ продавецъ броколи; стоятъ высокіе закопченые дома. И вдругъ бросятся въ глаза вдѣланные въ стѣну дома античный фронтонъ или колонна. Что̀ это? Откуда? Почему? Какого времени? Вотъ Campo Vacino — древній форумъ: колонны, арки, храмы, тарпейская скала, полузаваленные мусоромъ: гдѣ начало чего, гдѣ конецъ? Что̀ происходило здѣсь, что̀ тамъ? Почему Колизей такъ великъ, а форумъ такъ малъ? Что̀ еще остается тамъ подъ землей? Неужели этотъ храмъ, крошечный какъ бесѣдка, дѣйствительно тотъ храмъ Весты, гдѣ хранился очагъ города Рима? Мои слабыя историческія знанія здѣсь окончательно спутывались, ничего не входило въ опредѣленныя рамки, все было хаосъ... „И неужели никто и ничто не поможетъ мнѣ? Какая му́ка!“—думала я и уходила въ Колизей, гдѣ, съ горя, рисовала разныя его подробности. Куда бы я ни шла, вездѣ царила такая красота, что въ моей душѣ съ тоскою смѣшивался восторгъ, граничившій съ болью. Чѣмъ болѣе я знакомилась съ Римомъ, тѣмъ болѣе чувствовала, что въ немъ отражается цѣлый міръ, идетъ непрерывная связь между жизнью античною, средневѣковою, времени возрожденія и настоящей. Всѣ зданія, все искусство, народные костюмы, эти босоногіе капуцины, богатые экипажи кардиналовъ, черный аббатикъ, мужикъ, живописно драппирующійся въ изорванный плащъ—все вытекаетъ изъ прошлаго, соединяется съ нимъ. Здѣсь нѣтъ cessation de continuité, нѣтъ перерывовъ; двѣ тысячи лѣтъ какъ на одной плоскости, какъ на одной картинѣ лежатъ передъ зрителемъ. Все близко и съ окружающей природой, органически сливается съ нею. Въ другомъ

мѣстѣ можетъ не придти въ голову мысль, что та же природа сіяетъ на прошлыя и настоящія человѣческія страданія и радости— а здѣсь не отгонишь отъ себя мысли, что вотъ это самое небо глядѣло и на Цезаря, и на папу Юлія, и на Микель Анджело, что это самое море съ тѣмъ же шумомъ катило римскія триремы, крутогрудые корабли викинговъ, Венеціанскія галеры. Какъ мысль ученаго приводитъ къ единству закона пестроту событій, какъ пестроту красокъ приводитъ въ гармонію кисть художника, такъ дуновеніе высшаго покоя легло на Римъ и все противорѣчивое слило воедино. Да, вотъ что значитъ *вѣчный* Римъ! Я все это чувствовала, но не могла ясно оформить; мнѣ казалось, что недостаетъ мнѣ чего-то, какого-то звена, чтобъ понять сейчасъ смыслъ жизни человѣчества... Фрикенъ и Ростовцевъ, могли бы разъяснить мнѣ многое, особенно Фрикенъ, который занимался исторіей искусства, но я была очень застѣнчива и самолюбива, не хотѣла выказать передъ ними моего невѣжества и не обращалась къ нимъ, тѣмъ болѣе, что поочереди *интересовалась* ими обоими. Къ недовольству моими малыми познаніями, къ жаждѣ знанія, примкнула вновь проснувшаяся, внутренняя тоска. Хотѣлось читать, знать, понимать и вмѣстѣ съ тѣмъ, хотѣлось и еще чего-то, или, какъ я начинала уже сознавать, *кого-то*. Этотъ *кто-то* никогда не былъ тѣмъ, кѣмъ я *интересовалась* въ данную минуту; *онъ*—это было нѣчто совсѣмъ *другое*, онъ былъ грядущій, ожидаемый, туманный...

Уставъ терзаться, я перестала бродить по Campo Vacino и принялась за музеи. Въ Ватиканѣ лучшимъ произведеніемъ его чудныхъ коллекцій показался мнѣ „торсъ". До сихъ поръ высшими явленіями въ античной скульптурѣ остаются для меня фронтоны Парѳенона, Венера Милосская и ватиканскій торсъ. Какъ ни былъ плохъ здоровьемъ и слабъ мой отецъ, но онъ непремѣнно самъ хотѣлъ въ первый разъ показать мнѣ всѣ столь дорогія ему античныя произведенія скульптуры, объяснить мнѣ ихъ красоты и насладиться моими восторгами. Ему доставляло великую радость, что мои сужденія о нихъ были, по его мнѣнію, правильны, что онъ могъ передавать мнѣ тутъ же, показывая на оригиналы, свои сужденія. Исполнилась его завѣтная мечта увидѣть все это со своею дочерью, съ будущей, какъ онъ надѣялся, художницей. Милый, добрый отецъ мой! Какъ мало я сумѣла вознаградить его за его любовь!.. Весь этотъ античный міръ заставлялъ жить въ атмосферѣ красоты. И опять чувствовалось единство Рима: отъ античнаго искусства нетрудно было переходить ко времени начала христіанства—къ катаком-

бамъ, къ стариннымъ церквамъ VII и VIII вѣковъ,—затѣмъ къ искусству возрожденія. Микель Анджело и Рафаэль не могли бы существовать безъ античной скульптуры; послѣдователи ихъ, которые только повторяли и утрировали одни ихъ недостатки, и тѣ были тутъ необходимы, и безъ Бернини нельзя себѣ представить Рима. Изъ Рима ничего нельзя вынуть. Рядомъ съ термами и мавзолеями естественны всѣ эти великолѣпные дворцы, со статуями и фонтанами на дворикахъ, съ плафонами работы Гверчино и Гвидо Рени, съ зеркальными расписными стѣнами залъ, гдѣ находятся избранныя меценатами работы современныхъ имъ художниковъ. А виллы! Если внутренняя отдѣлка домовъ представляетъ разницу съ устройствомъ древнихъ жилищъ, то сады навѣрно сохранили тотъ же характеръ: они навѣрно были такіе же, когда по нимъ гулялъ Марціаль и когда отдыхалъ въ нихъ Бокаччіо. Да и эти люди по крови были родные. Когда по узкимъ улицамъ города проѣзжаетъ карета папы и народъ повергается передъ нею ницъ, невольно вспоминаешь, какъ проносили по тѣмъ же мѣстамъ носилки римскихъ императоровъ. Да развѣ папа и не былъ наслѣдникомъ цезарей?

Когда я съ народомъ готова была кричать: „abasso, il papa rè!“, я не предвидѣла, что паденіе этого кесаря повлечетъ за собой уничтоженіе той гармоніи, которою я восхищалась, введетъ въ мой милый старый Римъ art nouveau, трамы и автомобили... Впрочемъ, онъ не даромъ *вѣчный* Римъ: можетъ быть, онъ переваритъ и наше мѣщанство и сумѣетъ примирить антагонизмъ между современной цивилизаціей и красотой. Надо надѣяться, что такъ—а все же лучше было бы не трогать Римъ и Венецію, оставить ихъ какъ живые музеи, чтобъ они существовали, какъ говоритъ нашъ величайшій поэтъ Гоголь, „для того, чтобы будить міръ, чтобы жителю Сѣвера, какъ сквозь сонъ, представлялся иногда этотъ Югъ, чтобы мечта о немъ вырывала его изъ среды хладной жизни, преданной занятіямъ, очерствляющимъ душу,—вырывала бы его оттуда, блеснувъ ему нежданно уносящею вдаль перспективой, колизейскою ночью при лунѣ, прекрасно умирающей Венеціей, невидимымъ небеснымъ блескомъ и теплыми поцѣлуями чудеснаго воздуха, чтобы хоть разъ въ жизни былъ онъ прекраснымъ человѣкомъ“... Но я отклонилась отъ того времени, когда я не думала о будущемъ Рима. Невозможно передать словами ту страстность, съ которой я теперь наслаждалась искусствомъ. Въ молчаніи Сикстинской капеллы я какъ бы жила съ Микель Анджело. Гнѣвъ, разочарованіе, неудовлетвореніе его жизни отражались для меня въ

его ужасномъ „Страшномъ судѣ“; въ плафонѣ, въ Сивиллахъ и Пророкахъ я видѣла грусть и нѣжность его почти никѣмъ не понятой души. Какъ я жалѣла его, какъ я любила его!.. Моисей, силой произведеннаго впечатлѣнія, на время затмилъ во мнѣ все и нѣсколько дней положительно стоялъ передъ моими глазами. „Выраженіе ужасное—писала я,—передъ которымъ все погнется; дикая, желѣзная воля. Взглядъ мраморныхъ глазъ прожигаетъ васъ насквозь, заставляетъ пробѣгать морозъ по кожѣ. Становится страшно: кажется онъ живетъ, сейчасъ привстанетъ, заговоритъ и міръ потрясется отъ звука этого голоса. Еслибы онъ сказалъ горѣ: двинься! она бы двинулась. Я не осталась бы съ нимъ одна ни за что на свѣтѣ; я знаю, онъ ожилъ бы и я бы умерла... Не даромъ Буанаротти, окончивъ статую, сказалъ ей: говори! Она и говоритъ о безсмертіи ея создателя. Моисей есть то, чѣмъ могъ бы или желалъ бы быть Микель Анджело; статуѣ онъ передалъ идеализованныя черты своего характера и своего лица. Да, одинъ онъ могъ создать этого Моисея“.

Чтобы оцѣнить по достоинству Рафаэля и поставить его около Микель Анджело и Леонардо, надо — это я поняла въ Ватиканѣ, отрѣшиться отъ его Мадоннъ и судить о немъ по Станцамъ: не можетъ нравиться „Мадонна di Faligno“ послѣ „Аѳинской школы“ и „Диспута“. Смотря на стѣнную живопись въ Станцахъ и на Сивиллъ въ церкви della Pace, нельзя не преклониться передъ геніемъ Рафаэля. Когда подумаешь о его молодости, о массѣ произведеній, созданныхъ имъ въ столь короткій срокъ, о его техникѣ, то совѣстно становится критиковать его. Описывая впечатлѣнія моей молодости, я должна, однако, признаться, что, стоя передъ „Преображеніемъ“, мнѣ было противно смотрѣть на эту картину. Она возмутила меня своею театральностью; я находила, что главныя дѣйствующія лица „танцуютъ балетъ на воздухѣ“ и что „всѣ остальные не соотвѣтствуютъ изображаемому событію. Вотъ гдѣ все для внѣшней красоты, а ничего для правды, ничего духовнаго!“ Послѣдняя фраза могла бы казаться нѣкоторымъ переходнымъ шагомъ къ пониманію Quattrocentist'овъ, къ которымъ я, однако, во все время своего пребыванія въ Италіи относилась очень странно: я положительно любила ихъ, особенно Джіотто, Масканьи и Мазачьо, менѣе сильно чѣмъ Микель Анджело или Леонардо, но любила—только не могла объяснить себѣ почему. Въ нихъ не было того, что мы привыкли считать красотой въ картинѣ; у насъ въ академіи ихъ съ презрѣніемъ называли

„Византійщиной“. О прерафаэлитахъ я не слыхала, и потому свое безсознательное влеченіе къ примитивамъ я считала дурнымъ вкусомъ и стыдилась громко выражать его. Какъ жалко мнѣ теперь, что, увлеченная Микель Анджело, я не обратила даже вниманія на находящіяся тамъ же, въ Сикстинской капеллѣ, дивныя вещи Ботичелли!.. Часто ходила я изъ одной церкви въ другую; вездѣ было что-нибудь замѣчательное и глубоко-интересное. Особенно симпатична была мнѣ церковь св. Климента, потому что построена она, повидимому, еще до раздѣленія церквей: въ ней сохранилась мраморная стѣна, отдѣлявшая алтарь. Нѣкоторымъ диссонансомъ въ общей окружающей красотѣ, были неизбѣжныя въ католичествѣ суевѣрія: комнаты, гдѣ стулья и люстры сдѣланы изъ человѣческихъ костей, гдѣ по стѣнамъ сидятъ скелеты въ монашескихъ одѣяніяхъ, лѣстница дома Пилата съ каплей крови Христа подъ стекломъ, мѣрка роста Христа, колодецъ Самаритянки, мраморная мадонна, у которой просверлены уши для серёгъ, знаменитый Bambino. Послѣдній находился въ церкви Aracoeli въ Капитоліи; это—деревянный нерукотворный младенецъ, „приплывшій“ изъ Іерусалима въ Римъ, исцѣляющій больныхъ; ѣздитъ онъ по домамъ въ раззолоченной каретѣ; хорошій знакъ для больного, если, поднесенный къ его постели, младенецъ покраснѣетъ, плохой—если поблѣднѣетъ. Монахъ, который намъ его показывалъ, нѣсколько разъ присѣдалъ прежде чѣмъ открылъ шкафъ и вынулъ ящикъ съ Бамбино. Онъ зажегъ передъ нимъ свѣчи и тогда только открылъ покрывало: передъ нами на парчевой подушкѣ, увѣшанная драгоцѣнными камнями, лежала грубо размалеванная кукла, точно такая, какою играютъ дѣти. Монахъ и моя служанка опустились на колѣни, громко прочитали молитву и приложились къ ножкѣ младенца.

Изъ ближайшихъ окрестностей Рима, мнѣ болѣе понравились S'Pietro in Montorio и Ponte rotto. Церковь св. Петра построена на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, былъ распятъ апостолъ Петръ; въ маленькомъ храмѣ, работы Браманте, показываютъ дыру, въ которую былъ воткнутъ крестъ во время распятія. Наивный монахъ объяснилъ намъ, что въ этомъ мѣстѣ лежатъ кости Ноя; „это по книгамъ знаютъ“—важно прибавилъ онъ. Мнѣ захотѣлось подразнить монаха и я сказала: „а вѣдь нѣкоторые люди увѣряютъ, что св. Петръ не былъ распятъ въ Римѣ?“ Монахъ пришелъ въ ярость: „такъ гдѣ-же?—возопилъ онъ,—развѣ на это нѣтъ тысячи доказательствъ? Что же означаютъ эти барельефы, представляющіе его казнь? Да если бы онъ не былъ

здѣсь, развѣ построили-бы этотъ храмъ?" Негодованіе бѣднаго монаха тронуло меня и я поспѣшила увѣрить его, что я лично вполнѣ вѣрю въ присутствіе и казнь Петра въ Римѣ. Въ эту минуту я взглянула на бѣлую, пыльную дорогу идущую вдоль храма, и вспомнила, что по этой дорогѣ, будто-бы, шелъ Петръ, когда встрѣтился ему Спаситель и спросилъ: „quo vadis?". И что-то поэтичное шевельнулось во мнѣ... Что бы мы были безъ легендъ и преданій!.. Съ церковной горы чудный видъ на Римъ. Еще красивѣе видъ на Тибръ съ находящагося недалеко оттуда Ponte rotto (сломанный мостъ). Подъ нимъ въ водѣ виднѣются остатки древняго палатинскаго моста; съ одной стороны неровные дома спускаютъ свои арки прямо въ воду, съ другой — церковь св. Сабины, возвышающаяся надъ густой массой зелени.

XII.

Veder Napoli e poi morir.

Я поставила въ эпиграфѣ фразу, которую постоянно повторяютъ, говоря о Неаполѣ, но съ которою я несогласна. По моему не только Римъ, Венеція, но и Ривьера—по крайней мѣрѣ какъ она была, еще не испорченная людьми,—лучше Неаполя. Неаполитанская природа имѣетъ въ моихъ глазахъ тотъ-же недостатокъ, что и Швейцарская: въ ней также все картинно, закончено, почти банально. Нѣтъ въ ней никакой неожиданности: всегда синее небо, синее море и непремѣнно на самомъ подходящемъ мѣстѣ рисуется въ воздухѣ кипарисъ, пинія или развалина. Удивительно красиво, слова нѣтъ, но надоѣдаетъ. Не знаю, поймутъ-ли меня, если я скажу, что Неаполь по сравненію съ Римомъ—то же, что паркъ по сравненію съ лѣсомъ. Неаполь, какъ городъ очень оживленъ, Римъ передъ нимъ пустыненъ; въ Неаполѣ весело, весело какъ на балу, но на балу не живутъ. Неаполь надо видѣть, тамъ можно интересно и пріятно провести время, но онъ къ себѣ не привязываетъ.

Переѣздъ нашъ въ Неаполь былъ прелестенъ. Было совершенно тихо, забывалось, что мы на пароходѣ, я даже обыкновеннаго дрожанія его не чувствовала. Какое все время было солнце! Какая луна! Такое путешествіе — благодать. Видъ на Везувій и Неаполь, несмотря на небольшой туманъ, былъ очень эффектенъ. Въѣзжая въ портъ, Ольга [1]) закричала: „Катя, видишь трехцвѣтный флагъ?"—„Вижу и радуюсь."

---

[1]) Младшая сестра моя.

Неаполь показался мнѣ оживленнѣе даже Парижа и веселѣе. „Въ самыхъ отдаленныхъ переулочкахъ кишитъ народъ: на улицахъ ѣдятъ, пьютъ, варятъ, жарятъ, чешутся и бреются, сапоги шьютъ и спятъ, а пѣсни и гимнъ Гарибальди звучатъ непрерывно. Улица Толедо очень красива, ширина ея особенно какъ-то пришлась въ пропорцію. Въ праздникъ Гарибальди она была вся убрана флагами, также какъ и маленькіе переулки, которые находятся черезъ домъ и идутъ часто вверхъ ступенями, гдѣ разставлены лотки съ фруктами и котлы съ дымящимися броколи. Все это было прелесть какъ живописно. Неаполитанцы еще горячѣе и живѣе, чѣмъ другіе итальянцы. Если неаполитанецъ вамъ разсказываетъ, какъ кто-нибудь молился, онъ бросается на колѣни и крестится; если что-нибудь страшное, то такъ вращаетъ глазами и размахиваетъ кулаками, что невольно отодвигаешься; если говоритъ о поѣздкѣ на лодкѣ, то складываетъ плашмя одну руку на другую, а большими пальцами изображаетъ движеніе веселъ при греблѣ. Что было въ циркѣ, гдѣ давалась пантомима, изображавшая изгнаніе Австрійцевъ изъ не знаю какого мѣста! Сраженіе на лошадяхъ, стрѣльба, Гарибальди въ апоѳеозѣ на бѣлой лошади, окруженный мужчинами и женщинами въ красныхъ гарибальдійкахъ, при бенгальскомъ огнѣ! Народъ свистомъ, неистовымъ крикомъ восторга, выраженіемъ лицъ, принималъ участіе въ дѣйствіи, какъ будто тутъ совершалось настоящее дѣло, а не представленіе. Ужасно только нищенство. Всѣ просятъ: мужикъ, который пашетъ, мальчишка, который ѣдетъ мимо на своемъ ослѣ. Ѣдешь по городу—вдругъ какой-нибудь мальчишка сядетъ на козлы у ногъ кучера или прицѣпится сзади коляски и потомъ проситъ на чай, говоритъ: я съ вами ѣхалъ. Это особенно непріятно при поѣздкахъ за городъ. Послѣ того, какъ мы осматривали „собачью гротту", сѣрные источники, паровыя бани и пр., насъ, положительно, осадила цѣлая куча народа. Откуда они высыпали, Богъ ихъ знаетъ, и всѣ оказались custodi (сторожа); одинъ увѣрялъ, что показывалъ намъ одну вещь, другой — другую, третій, что у него ключъ отъ гротты, четвертый, что его собака, пятый, что онъ все время ходилъ съ нами и т. д. Мужики, бабы, мальчишки, все кричало, визжало, угрожало. Рѣшительно не знаю, чтобы съ нами было безъ курьера. Мы дали имъ болѣе, чѣмъ слѣдовало—и тѣмъ не менѣе они еще долго бѣжали за экипажемъ съ ругательствами. Когда пріѣзжаешь куда-нибудь, они такъ ласковы, услужливы, дѣвочки подносятъ букеты, думаешь: что за милый народъ! А уѣзжаешь всегда съ проклятіями. Разъ такимъ образомъ одинъ

оборванецъ вспрыгнулъ къ намъ на козлы; курьеръ изъ другой коляски закричалъ ему, чтобы онъ слѣзъ, тотъ отвѣчалъ: „niente, niente, non pensate, signor curiere“ [1]. Потомъ запросилъ съ насъ піастръ за то, что ѣхалъ съ нами. Другой больше версты шелъ за нами, умоляя, чтобъ его взяли, увѣряя, что онъ что-то намъ покажетъ. „Что жъ ты бѣжишь за коляской? Сказано, что не надо“, крикнулъ, наконецъ, разсерженный курьеръ. „Что жъ— отвѣчалъ онъ,—развѣ дорога не для всѣхъ?“ и снова жалобно сталъ просить, чтобъ курьеръ не отбивалъ у него хлѣбъ. Оба они провожали насъ невозможными проклятіями. „Отчего они всѣ такъ бранятся?“ спросила я курьера. „C'est la mode dans ce pays“, отвѣчалъ онъ.

Восхитительны были поѣздки въ Пуццуоли, въ Баіи. „Сколько древностей—писала я,—разбросано вездѣ: амфитеатръ въ Puzzuoli лучше сохранился, чѣмъ Колизей; тутъ озеро, гдѣ Агриппа давалъ морскія представленія; тамъ Piscine Mirabile, великолѣпное, хорошо сохранившееся до сихъ поръ древнее сооруженіе для снабженія флота прѣсной водой; на каждомъ шагу слѣды домовъ, храмовъ, подземныхъ ходовъ и бань. Сюда пріѣзжали римляне наслаждаться: море, плескавшее у подножья жилищъ, тѣнистые сады, журчащіе фонтаны навѣвали лѣнь, нѣгу, dolce far niente. А сколько преступленій покрывали здѣсь розы! Смотришь на окружающее и не можешь повѣрить, чтобы тутъ, съ этимъ чудно яркимъ небомъ, при видѣ спокойнаго лазурнаго моря, подъ сѣнью пальмъ и померанцевъ, въ объятіяхъ любимой женщины, сынъ могъ отдать приказаніе утопить свою мать! Правда, эта жгучая природа, накаленный воздухъ, насыщенный всякими ароматами имѣетъ также опьяняющее, мѣшающее думать дѣйствіе; говорятъ, здѣсь прощаютъ преступленія, совершенныя во время ширòкко. Гдѣ природа сама все даетъ человѣку, тамъ онъ погружается въ бездѣйствіе, мельчаетъ и искажается“. Около Баіи есть одна баня, съ сохранившимися нѣкоторыми барельефами, которую почему-то называютъ храмомъ Меркурія; туда приходятъ женщины плясать тарантеллу подъ звукъ бубенъ и кастаньетъ, повторяемый эхомъ. У нихъ часто повороты тѣла и движенья платьевъ помпейскихъ танцовщицъ. Но, прелестно плясавшія, граціозныя помпейскія фигурки пришли просить на чай, ничѣмъ не были довольны и ругались.

Наисильнѣйшее впечатлѣніе произвела на меня Помпея. Наши всѣ, осмотрѣвъ, что могли, отправились на Везувій, я отъ этой

---

[1]) Ничего, не подозрѣвайте меня, господинъ курьеръ.

поѣздки отказалась. Оставшись одна со старичкомъ гидомъ, я предалась новымъ ощущеніямъ. Я бродила, бродила по старому городу, какъ бы нарочно засыпанному, чтобы дать понятіе грядущимъ поколѣніямъ о кипѣвшей тутъ когда-то жизни. Послѣ того, какъ я видѣла въ неаполитанскомъ музеѣ принадлежавшія жителямъ погибшаго города украшенья, орудія, посуду, хлѣбъ и зерно, мнѣ не трудно было мысленно поставить все это на мѣста: посуду—на плиту съ такими же конфорками, какъ и у насъ, лары—въ триклиніумъ, статуи—въ театръ, ипподромъ и храмы, живопись—на стѣны, и получить полное понятіе о жизни и обычаяхъ римлянъ. Скажу болѣе: дома, гдѣ сохранились и на мѣстѣ статуэтки, части фресокъ и мозаикъ, лавки, пекарни, форумы, театры, мостовыя со слѣдами колесъ—все оживало для меня до полной иллюзіи. Иногда, сидя гдѣ-нибудь около дороги, я забывалась до того, что почти ждала шума приближающейся колесницы, готова была увидѣть толпу на улицахъ, поваровъ, суетящихся около печей, слугъ, льющихъ вино изъ амфоръ, дѣвушекъ, играющихъ съ павлинами на дворикѣ у фонтана. Всѣ эти образы, безъ всякаго усилія мысли, сами навязывались моему воображенію. Я провела этотъ блаженный день какъ во снѣ, не замѣтила, какъ прошло время, проведенное мною въ дѣйствительности — въ полномъ одиночествѣ, а мысленно — въ суетѣ широкой жизни.

Мы собственно выбрали плохое время для нашего путешествія въ Неаполь. Наступали бури: забравшись въ Сорренто, мы пробыли тамъ нѣсколько дней, выжидая возможности отправиться на Капри и въ голубую гротту, но такъ и не дождались. Погрустивши, мы съ сестрой вознаградили себя за это лишеніе поѣздкой на ослахъ въ горы. Погода, послѣ дождя, была великолѣпная; небо блестѣло, море переливалось всѣми оттѣнками, отъ свѣтлой бирюзы до темнаго lapis lazuli; подъ нами разстилался Неаполь со всѣми окрестностями, виднѣлся Капри и надо всѣмъ поднимался воздушный Везувій. Около насъ виды мѣнялись: то являлся заборъ, надъ которымъ свѣшивались спѣлые апельсины, то оврагъ, заросшій лимонами и розами, то оливковая роща, сквозь темную зелень которой еще лазурнѣе кажется море—вся эта неизъяснимая прелесть южной природы, которая такъ манитъ и чаруетъ насъ, жителей сѣвера. Спустившись съ горъ, мы заѣхали въ гостинницу, гдѣ жилъ Тассо. Она новая, какъ и комната Тассо, но насъ увѣряли, что послѣдняя на томъ же мѣстѣ, такая же размѣромъ, съ такимъ же окномъ на море, какъ та, въ которой дѣйствительно жилъ поэтъ. Я жалѣла, что

мы остановились въ другомъ отелѣ и говорила, что желала бы провести ночь въ этой комнатѣ. Насъ водили также въ огромный апельсинный садъ, гдѣ мы ѣли апельсины прямо съ дерева, они не были очень сладки, но такъ сочны, что, падая на землю, расплющивались. Уѣзжая изъ Сорренто мы взяли корзину съ этими фруктами, но не довезли ихъ до Неаполя: они стали течь, мы съѣли сколько могли, остальное бросили.

Въ Неаполѣ мы осмотрѣли еще нѣкоторыя церкви, которыхъ не успѣли видѣть раньше, и еще разъ посѣтили музей. Про Фарнезскаго Геркулеса я всегда слышала, что у него слишкомъ утрирована мускулатура; я не нашла этого, мнѣ казалось, что такъ и должно быть въ изображеніи идеала физической, животной силы. Но въ этой статуѣ есть и духовная сторона—именно необыкновенный покой, выраженный всей ея позой, покой силы.

XIII.

Люби меня безъ размышленій,
Безъ тоски, безъ думы роковой.
Майковъ.

Вернулась я въ Римъ, какъ на свою родину и начала болѣе непосредственно отдаваться окружающей жизни. Наша квартира находилась на via Porta Pinciana, небольшой улицѣ съ маленькими домами, на самомъ высокомъ мѣстѣ Пинчьо. Это былъ не особенно старый кварталъ, но тутъ жили Сальваторъ Роза, Пуссенъ, нашъ Гоголь, тутъ и въ мое время жили художники; по угламъ стояли натурщицы въ пестрыхъ костюмахъ; было много солнца, и зелени, слышно пѣнье птицъ, во всемъ патріархальность и простота. Напротивъ нашей квартиры былъ тупичекъ, кончавшійся стѣной, надъ которой виднѣлась зелень кустовъ и жиденькая пальма; на углу была мадонна, съ неугасаемой лампадой. Сюда часто приходили изъ Кампаньи одѣтые въ бараньи шкурки pifferari, чтобы играть передъ святой Дѣвой на своихъ волынкахъ.

Вотъ одинъ изъ моихъ наиболѣе праздныхъ римскихъ дней. Просыпаюсь поутру: солнце свѣтитъ на мою постель, стало быть ужъ восемь часовъ. А сладкая дремота объемлетъ меня, разныя грёзы, большею частью глупыя, лѣзутъ въ голову. И зачѣмъ вставать? Развѣ день обѣщаетъ принести мнѣ что-нибудь особенное? Вдругъ раздается раздирающій душу крикъ осла нашего сосѣда, зеленьщика. Подъ эти нѣжныя звуки я не могу вздремнуть. Собравшись съ духомъ, поднимаюсь, но еще долго сижу,

скрестивъ руки на колѣняхъ, и думаю, что мы будемъ смотрѣть сегодня? Наконецъ, сердясь на себя, встаю, еще не одѣвшись берусь за гидъ, но тотчасъ же бросаю его и подхожу къ окну. Тамъ, напротивъ, стоитъ мой пріятель осликъ, привязанный съ обѣихъ сторонъ; онъ поднимаетъ свою круглую, бѣлую мордочку, навостряетъ мохнатыя уши и, завидѣвъ хозяина, начинаетъ свой отчаянный вопль. Зеленьщикъ крикнулъ на него, и онъ уже не реветъ, а только всхлипываетъ. На порогѣ сидятъ дочери зеленьщика; одна шьетъ, другая чешется, около нихъ лежатъ рядомъ желтая собака и желтая кошка. Какая-то собаченка, съ множествомъ колокольчиковъ на шеѣ, бѣжитъ съ такой поспѣшностью, точно хочетъ скрыться отъ звона, раздражающаго ей нервы; она какъ-то бокомъ подскочила съ добродушной черной дворняжкѣ, которая тотчасъ же завиляла хвостомъ. Третья собака, важно проходя со своимъ господиномъ, посмотрѣла на нихъ съ презрѣньемъ. Девятый часъ—самый оживленный для нашей улицы: проходятъ художники, отправляющіеся въ свои студіи, проходятъ толпы чёчаровъ съ вышитыми бѣлыми полотенцами на головахъ. Въ тупичкѣ на самомъ припекѣ стоятъ дѣвушки съ открытыми головами,—какъ только у нихъ не сдѣлается солнечнаго удара! Ребятишки возятся на улицѣ, одинъ изъ нихъ уморительный: маленькій, рыжій, въ одной рубашенкѣ, и зовутъ его Орестомъ. Напившись чаю, я иду на Скалинаду. Формы изгибовъ и очертаній лѣстницы граціозны, цвѣтъ ея похожъ на розовую матерію, которая мѣстами выгорѣла отъ солнца, мѣстами запачкалась и потеряла свой непріятно-новый, чистый цвѣтъ, а пріобрѣла тонъ нерукотворенный. На скалинадѣ толпой сидятъ нищіе и удивляютъ меня живописностью, такъ отличающею ихъ отъ нищихъ другихъ странъ. Опершись на баллюстраду, стоитъ Поскучья, крутитъ свои кораллы и смотритъ въ небо. Этой дѣвушкѣ тринадцать лѣтъ, но по лицу ей можно дать больше двадцати. Она собственно не красива, но лицо ея въ высшей степени характерно: сросшіяся черныя брови, большіе черные глаза, съ выраженіемъ грусти и скуки, оливковый цвѣтъ лица, прямой римскій носъ. Художники дорожатъ ею главнымъ образомъ изъ-за ея волосъ: это цѣлая копна перепутавшихся и перевившихся, какъ змѣи, другъ около друга прядей черныхъ съ синимъ отливомъ кудрей: совсѣмъ голова Горгоны. Поскучья съ гордостью говоритъ: „отъ рожденья гребенка не коснулась моихъ волосъ!“

„Здравствуй, Поскучья. Неужели ты мнѣ не дашь хоть одного сеанса?“ Она протягиваетъ мнѣ книжку: „Запишитесь. Черезъ

два мѣсяца можно".—„О, тогда меня вѣрно уже и въ Римѣ не будетъ". Она молча прячетъ книжку за пазуху. „Ты занята сегодня?"—„Какъ же".—„Что-жъ ты нейдешь? Уже поздно".—„Я иду". Она спускается съ двухъ-трехъ ступенекъ и, снова облокотившись, вперяетъ свои глаза въ небо.

Дома ждетъ меня моя спеціальная натурщица Лизетта, веселенькая дѣвочка двѣнадцати лѣтъ, ласковая, услужливая, привязавшаяся ко мнѣ. У нея живое, дѣтское личико; красивой ее нельзя назвать, зато у нея единственный по красотѣ тона желтый передникъ. Съ нею часто приходитъ ея маленькая сестра Фортуната, съ большими, синими, какъ васильки, глазами, что̀ между римлянками большая рѣдкость.

„Слушай, Лизетта,—говорю я,—въ такой чудный день я не могу сидѣть въ комнатѣ; пойдемъ въ виллу Медичи".—„Вотъ хорошо придумали, синьорита",—отвѣчаетъ она, хлопая въ ладоши. Мы быстро собираемъ завтракъ въ корзинку, зовемъ Ольгу и Фортунату и почти бѣгомъ отправляемся на мѣсто назначенія.

Подъ густою сѣнью дубовъ располагаюсь я писать Лизетту. Наши сестры забрались на деревья и дразнятъ насъ оттуда, Лизетта развлекается, я также. Передо мной просвѣтъ между деревьями, гдѣ за парапетомъ террасы видѣнъ кусочекъ Рима; глициніи обвиваютъ какой-то трельяжъ; мнѣ хочется нарисовать это мѣстечко, но въ тоже время меня тянетъ въ темный старый садъ съ подстриженными аллеями и мраморными скамейками, мнѣ хочется тутъ читать Данта и забыть весь міръ. Но Лизетта, успѣвшая убрать мои вещи, слазить на деревья, побѣгать съ дѣвочками, ходитъ за мной и болтаетъ, какъ сорока. „Терпѣть не могу нѣмецкихъ художниковъ; то ли дѣло русскіе! вотъ хорошіе, вотъ славные, я ихъ такъ люблю, а нѣмцы противные, скучные!.. О, brutti!"—„Почему они тебѣ противны?"—наконецъ спрашиваю я.—„Потому что съ ними надо все время работать, sempre lavorare, sempre lavorare!"—„А у русскихъ развѣ не работаютъ?"—„О, tanto poco!" [1]) „Что же у нихъ дѣлаютъ?"—„Eh, si mangia, si beve, si balla, si diverta!.." [2]) „Лизетта,—перемѣняю я разговоръ,—когда же ты покажешь мнѣ костюмъ, который продаетъ твоя мать?" „Да я хоть сейчасъ сбѣгаю за нимъ". Она скоро приноситъ костюмъ, разстилаетъ его на мраморной ступенькѣ, и у насъ начинается торгъ. „Ну, а свой передникъ не продашь?"—спрашиваю я. Она срываетъ

---

[1]) Такъ мало.

[2]) Ѣдятъ, пьютъ, танцуютъ, веселятся.

съ себя свой желтый передникъ, разстилаетъ его передо мной и спрашиваетъ за него цѣну бо̀льшую, чѣмъ за полный хорошій костюмъ. „Почему же этотъ такъ дорогъ?"—замѣчаю я. Она смотритъ на меня съ настоящимъ негодованіемъ, съ презрѣніемъ къ моему невѣжеству и просунувъ три пальца въ большую дыру передника, отвѣчаетъ: „Ma perché e molto antico!" [1]).

Почти весь день прошелъ; объ осматриваніи чего-нибудь нечего и думать, надо пообѣдать, показать Лизеттѣ и Фортунатѣ обезьяну на нашемъ дворѣ, а къ Ave Maria поспѣть на Пинчьо, чтобы смотрѣть на закатъ солнца. Хозяинъ нашего дома былъ извѣстный фотографъ Канова; онъ самъ былъ прежде живописцемъ и снималъ виды очень художественно. Онъ былъ въ Китаѣ, привезъ оттуда много интереснаго, а русскимъ былъ дорогъ еще своей дружбой съ Брюлловымъ. Послѣдняго въ то время хорошо помнили и очень цѣнили въ Римѣ; къ намъ пришла благообразная старушка Маріучья, съ единственною цѣлью похвастаться, что служила ему моделью для его картины „Утро". У Кановы была замѣчательная физіономія: большая окладистая черная борода, съ нѣсколькими серебряными волосками, орлиный носъ и глаза, блестѣвшіе какъ зажженные угли. Этому господину и принадлежала довольно большая,—вѣроятно чимпанзе,—обезьяна Джиджи, съ первой минуты нашего знакомства почувствовавшая ко мнѣ симпатію. Она начала качать головой, прижимать руки къ груди и пищать,—это, какъ мнѣ пояснили, она „fa dei complimenti"; потомъ она подала мнѣ руку для shake hands и полѣзла ко мнѣ въ карманъ. Поданный орѣхъ Джи-джи не грызла, а разбивала какимъ-нибудь тяжелымъ предметомъ и аккуратно выбирала зерно пальцами. Въ римскіе внутренніе дворы выходятъ идущіе кругомъ по всѣмъ этажамъ широкія деревянныя галлереи, куда открываются двери кухонь и болѣе бѣдныхъ жилищъ. У хозяина жила прачка, стиравшая и на насъ, а на галлереѣ постоянно находилась обезьяна, избравшая себѣ, повидимому, ту же спеціальность. Ей была поставлена лоханка, протянуты веревки и пожертвовано нѣсколько тряпокъ; и вотъ, Джиджи работала надъ стиркой съ утра до ночи: съ самымъ важнымъ видомъ она терла тряпки бѣлымъ камнемъ вмѣсто мыла, выжимала ихъ, встряхивала, развѣшивала на веревки, немного погодя срывала ихъ, бросала въ корыто и начинала сначала. Иногда принималась гладить бѣлье камнемъ. Мы подолгу засматривались на нее, такъ комично она все это производила.

---

[1]) Потому, что онъ очень старинный.

Къ закату солнца на Пинчьо собирается публика, не grand monde, а такъ—путешественники, художники, мѣстное среднее сословіе. Подъ густыми, подрѣзанными снизу каменными дубами—фонтанчикъ и скамейки. Видъ на залитый пурпурнымъ закатомъ Римъ, съ блестящимъ куполомъ Петра—великолѣпенъ. А вотъ у парапета стоитъ мой красавецъ и дополняетъ картину Рима. Въ Италіи не стѣсняются смотрѣть людямъ въ лицо—а юноша знаетъ, какъ онъ красивъ, немного рисуется и позволяетъ любоваться собой. Не говоря о правильности, тонкости и изяществѣ чертъ его лица, врядъ ли можно увидѣть два раза въ жизни такіе глаза: это огонь въ черномъ бархатѣ. По выраженію лица онъ долженъ быть глупъ, но это ничего не значитъ: онъ ослѣпительно прекрасенъ! На него надо смотрѣть, смотрѣть, какъ смотришь на красоту природы.

Наступаетъ дивная южная лунная ночь. Я сижу на своемъ балконѣ, ни о чемъ больше не думаю; только безсознательное желаніе временами стѣсняетъ грудь, наполняя ее сладкой тоской и истомой. Вдругъ вдали раздаются приближающіеся звуки мандолины; это—серенада, которую почти каждую ночь даютъ живущей на углу тупичка, какъ разъ противъ Мадонны, первой натурщицѣ Рима ея поклонники.

Натурщики—очень уважаемое сословіе въ Римѣ; по крайней мѣрѣ такъ было въ то время, о которомъ я пишу. Особеннымъ почетомъ пользовались натурщицы, позирующія для тѣла. Онѣ вели себя безукоризненно и всѣ выходили замужъ за людей солидныхъ, съ хорошимъ положеніемъ.

Чудно звучатъ молодые голоса подъ искусно перебираемыя струны мандолинъ и гитаръ. Натурщица показывается на балконѣ и раскланивается. „O bella!"—кричатъ ей. Дѣвушка нѣсколько разъ благодаритъ съ балкона, но молодежь не расходится, шумно требуя, чтобъ красавица вышла на улицу. Наконецъ она сдается—и вотъ, при ослѣпительной лунѣ, при красноватомъ огонькѣ лампады, прекрасная какъ Венера женщина, при крикахъ восторга, пляшетъ тарантеллу.

Не всѣ дни проводила я праздно: я находила время и работать. Писала этюды фигуръ у себя и, вмѣстѣ съ г-жей М., у одного итальянскаго художника, который не могъ быть преподавателемъ и получалъ отъ насъ деньги главнымъ образомъ за помѣщеніе; приходилъ же намъ помогать совѣтами хорошій русскій художникъ и очень милый человѣкъ—Филипповъ.

Карандашемъ я много рисовала съ натуры въ окрестностяхъ и въ самомъ городѣ, при чемъ меня обыкновенно обступала толпа народа. Мнѣ было непріятно и смѣшно; непріятно—потому что съ непривычки, было совѣстно быть предметомъ вниманія, а смѣшно—потому, что публика громко дѣлала всевозможныя замѣчанія. Къ сожалѣнію у меня въ дорогѣ пропала папка, полная этихъ рисунковъ.

Посѣтили мы нѣсколько мастерскихъ художниковъ. Обратили на себя мое вниманіе два колориста: венгерецъ Поллакъ и нѣмецъ Ридель. У перваго тѣни были или почти бѣлыя, или лиловыя, но это не мѣшало солнцу горѣть на его картинахъ; такой способъ живописи былъ для меня большой новостью. Второй писалъ необыкновенно ярко, на этюдахъ съ натуры дѣлалъ только пятна, безъ всякихъ контуровъ; онъ говорилъ, что эффекты освѣщенія въ природѣ такъ быстро мѣняются, что надо схватывать тона какъ можно скорѣй, не думая ни о чемъ другомъ, что съ натуры только и можно дѣлать такія маленькія pochade'ы сразу, этюдъ вообще можно писать только въ одинъ сеансъ. Это мнѣніе и способъ работы также заинтересовали меня. Оба художника пользовались въ то время репутаціей новаторовъ; теперь мало кто ихъ знаетъ. Сколько мнѣ помнится, они были довольно слащавы, особенно послѣдній.

Были мы и у нѣсколькихъ пейзажистовъ, изъ которыхъ я смутно помню неаполитанца Картези и римлянина Вертуни, у котораго моя мать купила понравившуюся ей картинку, и у знаменитаго тогда скульптора Розетти. Его работы были банальны, хотя нѣкоторыя вещи, какъ „Офелія", „Закованная рабыня", были выразительны. Онъ обладалъ въ высшей степени тѣмъ, что называется „красивостью". Техника и отдѣлка малѣйшихъ подробностей, какъ кружевъ, атласа, цвѣтовъ, были изумительны; но и въ этомъ отношеніи вещи его были слишкомъ „зализаны", если можно такъ выразиться про ваяніе. Ходили слухи, что работы эти не всецѣло принадлежатъ рѣзцу самого Розетти, что лучшія его вещи сочинялъ ему Брюлловъ, а исполнялъ его пріятель Амичи. Онѣ вообще нравились въ первую минуту, но не оставляли впечатлѣнія.

Когда подумаешь, какая я была тогда невѣжда! Вѣдь уже давно были написаны „Modern painters" Рёскина!.. Въ одно время съ нами жилъ въ Римѣ Бёклинъ, а мы ходили смотрѣть какихъ-то Риделей?!. Неужели и отецъ не зналъ обо всѣхъ этихъ теченіяхъ? Или онъ не сочувствовалъ имъ? Скорѣе не зналъ: онъ всегда былъ такимъ чуткимъ ко всему новому.

Про нашихъ русскихъ художниковъ было распространено въ обществѣ мнѣніе, что необразованіе—причина ихъ малыхъ успѣховъ за границей. Въ Россіи они еще приходятъ въ соприкосновеніе съ людьми образованными, но за границей, безъ знанія языковъ, они живутъ въ своемъ узкомъ кружкѣ, кутятъ, лѣнятся и потому не даютъ того, что отъ нихъ ожидали. Это мнѣніе справедливо только отчасти; я думаю, что истинный талантъ и при такихъ условіяхъ не пропадетъ и найдетъ свою дорогу. Кажущуюся утрату таланта можно объяснить скорѣе тѣмъ, что въ русскомъ человѣкѣ вообще очень много *талантливости:* чѣмъ бы онъ ни занялся, ему легко дается дѣло, онъ увлекается, творитъ что-нибудь настолько хорошее, что подаетъ надежду на бо̀льшее, потомъ охладѣетъ, залѣнится—и станетъ ясно, что онъ уже далъ все, что могъ его маленькій талантъ. Въ мое время были въ Римѣ и такіе художники. Одинъ изъ нихъ оправдывалъ свою лѣнь словами: „никто вѣдь ничего не дѣлаетъ. И министръ ничего не дѣлаетъ". Но были и усердно работавшіе. Изъ болѣе старыхъ художниковъ жили въ Римѣ архитекторъ Ивановъ, показавшій намъ свои интересныя работы по реставраціи нѣкоторыхъ древнихъ зданій, и жанристъ Орловъ. Послѣдній былъ милѣйшій человѣкъ, но большой оригиналъ. Его постоянно дразнили. „Вы графъ Орловъ?"—заставляли спрашивать у него всякаго новаго знакомаго. „Какой же я грахвъ,—отвѣчалъ онъ съ своимъ малорусскимъ акцентомъ,—у меня и хвизіономія-то питтòрская."—„Спросите его, зачѣмъ онъ купилъ кольцо",—шептали мнѣ. Я спросила. „А чтобы было что заложить, когда понадобится". Такія шутки повторялъ онъ всякій разъ очень добродушно. Онъ часто мѣшалъ въ свою рѣчь перековерканныя итальянскія слова. „Знаете, что̀ я теперь пишу?" сказалъ онъ какъ-то. „Дѣвочку съ бестіей, вотъ что". Bestie по итальянски значитъ животное, а онъ писалъ дѣвочку съ козой.

Первое мѣсто между молодыми художниками занимали, по общему мнѣнію, Боткины. Собственно Боткинъ былъ одинъ, Михаилъ Петровичъ, но съ нимъ жилъ его другъ Постниковъ, съ которымъ онъ былъ неразлученъ, почему ихъ и называли коллективно „Боткиными". Михаилъ Петровичъ писалъ хорошія вещи и былъ очень милымъ и любезнымъ молодымъ человѣкомъ; Постниковъ же былъ такой скромный и застѣнчивый, что рѣдко былъ слышенъ его голосъ. Нашъ петербургскій знакомый Страшинскій былъ въ дурномъ настроеніи, ничего не дѣлалъ, все бранилъ, всѣхъ въ чемъ-то винилъ и изрѣдка только развеселялся немного. Кабановъ писалъ четыре громадныхъ зеркала для ве-

ликой княгини Маріи Николаевны, съ прекрасно исполненными амурами и цвѣтами. Мнѣ этотъ родъ живописи очень понравился; зеркало служитъ живымъ фономъ, заставляющимъ фигуры и цвѣты выступать очень рельефно, какъ будто они дѣйствительно висятъ въ воздухѣ. Когда впослѣдствіи художникъ послалъ ихъ въ Петербургъ, одно изъ зеркалъ разбилось и ему, бѣдному, кажется за него такъ и не заплатили. Посѣтили мы также мастерскую Сухово-Кобылиной, которая очень много работала.

Изъ семейныхъ людей мы видались съ Ростовцевыми и Милютиными; съ послѣдними мы были знакомы еще въ Петербургѣ. Молодежь толпилась у насъ постоянно; по вечерамъ играли въ карты, ужинали, болтали. Тутъ были, кромѣ названныхъ уже художниковъ, Корниловъ, Мартыновъ, Филипповъ, Бочаровъ, будущій декораторъ, архитекторъ Щедринъ; изъ не художниковъ— Бларомбергъ, Фрикенъ. Послѣднимъ я „интересовалась", но онъ мною *не* „интересовался", что̀ мнѣ очень нравилось. Я воображала, что онъ цѣнитъ меня, какъ человѣка, ставитъ выше другихъ знакомыхъ барынь и дѣвицъ, говоритъ со мной иначе, чѣмъ съ ними, смотритъ на меня, какъ на равную—и это льстило моему самолюбію, такъ какъ я считала его очень умнымъ человѣкомъ. Однако въ своей интимной тетради, выложивъ все выше сказанное, я прибавляю: „онъ не говоритъ мнѣ комплиментовъ, но всегда имѣетъ видъ, что хотѣлъ бы сказать, будто что-то хочетъ вырваться у него изъ души, да онъ удерживается; онъ иногда говоритъ что-нибудь самое простое, да говоритъ такъ, что мнѣ лестно". Все это было, конечно, плодомъ моей фантазіи или моего желанія, чтобы это было такъ. Фрикенъ, занятый серьезными изслѣдованіями по исторіи искусства, увлекавшійся кромѣ того политической жизнью Италіи, навѣрно очень мало думалъ о такой дѣвченкѣ, какъ я, и вовсе не былъ намѣренъ со мной флёртировать.

Много говорили въ нашемъ кружкѣ о разныхъ новыхъ вѣяніяхъ въ русскихъ дѣлахъ, многія изъ которыхъ вовсе не соотвѣтствовали нашимъ надеждамъ. Эти разговоры не могли быть веселыми и вносили иногда серьёзную ноту въ нашу вообще безпечную жизнь. Студенческія исторіи, ссылка Павлова, „Отцы и дѣти" Тургенева страшно волновали насъ и возбуждали безконечные споры. Меня до глубины души огорчило, что студенты, еще такъ недавно носившіе Костомарова на рукахъ, теперь освистали его на публичной лекціи. Какъ я ни сочувствовала молодёжи, но этотъ поступокъ считала нелѣпымъ и неблаговиднымъ. Развѣ тотъ человѣкъ, кого они освистали былъ другой, а не

тотъ самый, которому они только что дѣлали оваціи? Что бы ни произошло, Костомаровъ, со всѣми его взглядами и убѣжденіями, не могъ не остаться тѣмъ же, чѣмъ былъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Какая муха ихъ укусила? Я глубоко жалѣла Николая Ивановича, я хорошо его знала и какъ открытую книгу читала то, что должно было теперь происходить въ его душѣ. Дѣйствительно письмо, полученное отъ него, несмотря на всю его сдержанность, было тяжело читать. Описавъ подробно все событіе, онъ замѣчалъ по поводу обидѣвшихъ его студентовъ: „слава Богу, однако, ихъ до сихъ поръ не арестовали“ и кончалъ письмо словами: „скажу вамъ, что здоровье мое что-то не хорошо. Каждый день болитъ голова и рѣдко бываютъ свѣтлыя минуты. Умереть мнѣ очень хочется“. Да, на короткое время улыбнулась ему судьба! И кто же бросилъ въ него камень? Та молодёжь, которую онъ такъ любилъ! Это трудно было пережить.

Кромѣ политики, о разныхъ высокихъ и невысокихъ матеріяхъ спорили у насъ по вечерамъ безконечно. Н. Ростовцевъ былъ большой идеалистъ и его мысли были мнѣ въ высшей степени симпатичны. Разъ, возражая на высказанное кѣмъ-то мнѣніе, что всѣ люди—эгоисты, что человѣкъ можетъ любить только себя,—изреченіе, входившее тогда въ моду,—онъ сказалъ: „любовь къ себѣ есть только мѣрка, вѣсы, по которымъ человѣкъ взвѣшиваетъ любовь къ другимъ; онъ не можетъ понять любовь внѣ себя иначе, какъ сравнивая съ любовью къ себѣ самому. Потому-то Христосъ и сказалъ: „любите ближняго, какъ *самого себя*. Сказавъ такъ, онъ опредѣлилъ, какая это должна быть любовь, иначе это понятіе было бы слишкомъ туманно. „Въ человѣкѣ есть *одна* любовь, какъ святой огонь въ душѣ; дѣло только въ томъ, куда ее направить... Мы должны, какъ весталки охранять и поддерживать этотъ огонь...“ Такія слова были совсѣмъ мнѣ по душѣ. Были и другого рода споры, которые смѣшили меня, напр. вѣчныя пререканія между Ф. и П. Послѣдняя упрекала его за безбожіе, за свободомысліе, за дружбу съ m-lle А. и пр. и пр. Онъ дразнилъ и задѣвалъ ее; споръ разгорался... Вдругъ П. останавливалась и вперяла въ своего противника гордый, уничтожающій взглядъ, который тотъ прекрасно выдерживалъ. Они оставались нѣсколько секундъ неподвижными, молча глядя другъ на друга. Нельзя было не расхохотаться.

Я сильно либеральничала въ то время. Разъ какъ-то одинъ нашъ знакомый сказалъ мнѣ, что это хорошо здѣсь, а какъ пріѣду въ Россію, то протяну руки по швамъ. Замѣчаніе было справедливо, потому что либерализмъ, выражавшійся въ ношеніи

трехцвѣтнаго галстуха и брошки съ надписью „Viva Garibaldi“, былъ совершенно безопасенъ, особенно для иностранки; но оно меня крайне обидѣло, ибо, въ глубинѣ души, я была твердо убѣждена, что я родилась не даромъ, что мнѣ предстоитъ великая роль спасительницы отечества. Какъ и когда это должно было произойти и какая будетъ эта роль—въ такія далекія соображенія я не вдавалась; эта мечта была изъ тѣхъ, часто противорѣчившихъ другъ другу, которыя жили въ душѣ моей. Къ моему счастью я никогда ничего подобнаго не высказывала передъ „равнодушными людьми“, такъ что разговоры мои были всегда разумнѣе моихъ мечтаній.

XIV.

C'est bon d'avoir dans sa vie des points clairs qui dessipent le brouillard de la vie quotidienne.

Изъ частнаго письма.

The love of beauty is an essential part of all hearthy human nature.

Ruskin.

Много оживленія придавала нашимъ вечерамъ М. А. М., которая своимъ умомъ и юморомъ могла привести все общество въ самое веселое настроеніе. Мы были давно знакомы съ М. А., но только въ Римѣ я сошлась съ ней и полюбила ее. Она была вдвое старше меня, но ея увлеченія, горячность, подвижность дѣлали ее часто моложе меня. Прилетитъ она, бывало, къ намъ и, несмотря на гостей, ни съ кѣмъ не поздоровавшись, начинаетъ выливать, что у нея на душѣ: „а я отъ своихъ *улепетнула!* Еслибы вы знали, что у нихъ тамъ дѣлается!.. А сейчасъ что̀ со мной случилось“... и т. д. Выложивъ все, она успокоится, обернется и скажетъ: „ахъ, здравствуйте“.

М. А. была некрасива, но въ ея блѣдномъ лицѣ было столько подвижности, насмѣшливости, что она не могла не остановить на себѣ вниманія. Она посѣдѣла въ двадцать лѣтъ, теперь волосы ея были совершенно серебряные, вились, и она причесывала ихъ очень эффектно. Она была высока ростомъ, одѣвалась не по модѣ, а по своему: ея платья были драппированы, какъ-то ниспадали, что очень шло къ ея гибкой фигурѣ. На головѣ и около шеи она носила дымчатые газы или кусочки старыхъ кружевъ. Она вообще ничего не дѣлала, какъ другіе, а все по своему, и нисколько этимъ не стѣснялась. М. А. выдали замужъ

чуть не пятнадцати лѣтъ за ненавистнаго ей старика. Много испытала она горя, но не относилась къ нему пассивно, а всегда реагировала. Въ ней была рѣдкая сила жизненности. Здоровье ея было не важное; про нее именно можно было сказать, что она жила нервами. Въ характерѣ ея была масса противорѣчій. Она страстно любила своего второго мужа, но ей все-таки нравилось,—такъ, для passe-temps,—кружить головы другимъ мужчинамъ, которые, дѣйствительно, часто увлекались ею. Свѣтская женщина, она имѣла много мелочныхъ свѣтскихъ предразсудковъ, но любила рисоваться своимъ свободомысліемъ и откровенностью. Всякія сплетни, всякія перетиранія косточекъ ближнему были ей чужды. За то она часто говорила людямъ правду въ глаза; попасться ей на зубокъ было не особенно пріятно. Ея остроуміе и свойственныя ей одной словечки были мѣтки и быстро являлись на ея устахъ. Она любила послушать вольный анекдотъ, но если кто-нибудь при этомъ позволялъ себѣ лишнее, она умѣла остановить его такимъ взглядомъ, что ему становилось нехорошо. Она, казалось, презирала людей, а между тѣмъ была довѣрчива и часто ошибалась въ людяхъ, перенося на нихъ свое собственное внутреннее благородство. М. А. постоянно чѣмъ-нибудь увлекалась, то живописью, то картами, то литературой; каждую минуту мѣняла свои планы—то улетала за границу, то возвращалась въ Петербургъ, то уѣзжала въ деревню, все совершенно внезапно, когда никто этого не ожидалъ. Ей всегда хотѣлось быть тамъ, гдѣ ея не было. Надо сознаться, что она была достаточно взбалмошна, но всѣ странныя выходки у нея были изящны и шли къ ней. Сдѣлай то же самое другая, вышло бы нехорошо—а у нея выходило только оригинально. Она очаровывала и ей все прощалось. Въ обществѣ ее называли, улыбаясь, toquée и смотрѣли на нее какъ на enfant terrible. Посторонніе могли судить о ней строго, но, зная ее дѣйствительно, какъ я знала, нельзя было не любить эту женщину: она была добра, чутка, глубоко благородна, любила все высокое, прекрасное, вся ея натура была проникнута чѣмъ-то художественнымъ. Я сдѣлалась неразлучной съ нею, ея капризы нисколько не смущали меня; я знала, что это *только такъ*, а она знала, что я понимаю ее. Никакихъ тайнъ души я не повѣряла ей и сантиментальностей не разводила, но она была моимъ товарищемъ по наслажденію природой и искусствомъ, возбуждала во мнѣ бодрость и радость жизни, пріучала пользоваться всѣмъ хорошимъ, что̀ даетъ настоящая минута, беззавѣтно отдаваться окружающей красотѣ. Съ нею началась та моя чуд-

ная римская жизнь, вспоминаніе о которой доставляетъ мнѣ грустное и сладкое чувство.

Пришла весна, внезапно, какъ на сѣверѣ, не постепенно, какъ въ средней Европѣ. Запахло сиренями и розами. „Можетъ ли быть больше блаженства, какъ дышать!"—воскликнула я. Мы ходили съ М. рисовать въ виллу Волконскую, нашу любимую виллу въ Римѣ. Садъ этотъ совершенно заброшенъ и одичалъ; въ немъ масса сирени и весь онъ положительно засыпанъ розами. Онѣ обвиваютъ блестящими гирляндами старыя арки акведуковъ, проходящихъ въ саду, окутываютъ столѣтніе кипарисы, поднимающіеся мрачными пятнами изъ ихъ свѣтлыхъ объятій, стелятся по полянкамъ, превращая ихъ въ одноцвѣтно-розовые ковры, тянутся аллеями, висятъ надъ головой, путаютъ ноги... Ароматъ неподвижно стоитъ въ воздухѣ...

Хороши всѣ римскія виллы, но, послѣ Волконской, самое лучшее впечатлѣніе произвела на меня вилла Памфили Доріа: подъ лѣсомъ пиній тамъ большія поляны, гдѣ скошено было сѣно. Эта прогулка была для меня совсѣмъ особенная и потому осталась у меня ярко въ памяти: запахъ сѣна напомнилъ мнѣ родину, о которой я было совсѣмъ забыла. Мнѣ и не хотѣлось вспоминать о ней: тамъ все сѣро и холодно, здѣсь солнце горитъ, блеститъ, играетъ, линіи и колоритъ горъ нѣжны, воздухъ упоителенъ! Какъ я понимала Гёте, когда онъ, вернувшись изъ Италіи, говорилъ, что *нельзя жить* въ странѣ, гдѣ все сѣро и нѣтъ солнца. Но совсѣмъ не эту сѣрость и не этотъ мракъ напомнилъ мнѣ запахъ сѣна въ виллѣ Памфили, а повѣялъ чѣмъ-то неопредѣленно-роднымъ, чѣмъ-то „былымъ и какъ-будто еще предстоящимъ", какъ бы присутствіемъ не отдѣльныхъ лицъ, а вообще близкихъ мнѣ по душѣ людей... И вдругъ стало какъ-то дѣтски весело и захотѣлось поваляться на сѣнѣ. Со мной не разъ было потомъ въ жизни, что какой-нибудь звукъ или запахъ подниметъ въ душѣ цѣлый міръ смутныхъ ощущеній и воспоминаній.

Ѣздили мы, конечно, по всѣмъ окрестностямъ, всегда съ компаніей нашихъ художниковъ. Отецъ мой принималъ участіе въ этихъ поѣздкахъ, часто и М., безъ которой всякая прогулка казалась скучнѣе. Зато сборы ея были невозможны: къ ней даже пословица, что надо ковать желѣзо пока горячо, была непримѣнима, ибо у нея желѣзо остывало прежде, чѣмъ можно было поднять молотъ. Но и это мнѣ нравилось въ ней; это было что-то порывисто-живое. Уговоримся мы, напримѣръ, ѣхать на другой день, положимъ во Фраскати, оповѣстимъ желавшихъ

сопутствовать намъ; вдругъ М. А. присылаетъ сказать, что ѣхать не можетъ. Поѣздка откладывается. Вечеромъ получаемъ отъ М. записку, что ѣдемъ непремѣнно, что у нея готова кулебяка, чтобъ мы все устроили. Начинается переполохъ, разсылка писемъ... Мы сообща рѣшаемъ ѣхать по желѣзной дорогѣ; утромъ М. заявляетъ, что она иначе не поѣдетъ, какъ въ экипажѣ. Убѣждаемъ ее, что нельзя обмануть компанію, которая будетъ насъ ждать и ѣдемъ на вокзалъ. Пріѣзжаемъ раньше знакомыхъ; М. А. настаиваетъ, чтобы ѣхать въ экипажѣ. Собственно она права: погода дивная, жалко сѣсть въ поѣздъ. Мы оставляемъ записку на станціи и ѣдемъ съ привезшимъ насъ извозчикомъ, который *божится*, что доставитъ насъ на мѣсто *раньше* желѣзной дороги.

Слишкомъ извѣстны осмотрѣнныя нами мѣста, чтобы ихъ описывать. Кто не любовался дивными садами Фраскати, виллой Фальконьере, дикой, темной, виллой Альдобрандини, роскошной и великолѣпной, Альбанской аллеей, съ ея густымъ зеленымъ сводомъ, съ подпертыми каменными колоннами вѣковыми сучьями, Тиволи съ его водопадами, гротами и храмами, Росса di papa, Monte Cavo?.. Одинъ разъ мы даже ночевали въ Альбано и утромъ совершили восхитительную прогулку на ослахъ къ озеру Неми, этому „зеркалу Венеры", какъ его называютъ, которое такъ спокойно, какъ вода на блюдечкѣ, лежитъ на днѣ бывшаго кратера. И разнообразная зелень была кругомъ, и море виднѣлось вдали, и солнце пылало, и соловей гдѣ-то пѣлъ, и кукушка куковала... „Эта зелень, воскликнула я, это небо, этотъ воздухъ, эти пѣсни! И о какомъ еще раѣ можетъ мечтать человѣкъ!" А на обратномъ пути М. всегда выдумывала какія-нибудь шалости: или запѣвала русскія пѣсни, или въ то время, какъ кучеръ еще не успѣлъ сѣсть на козлы, вскакивала на нихъ и, схвативъ возжи, уѣзжала отъ ругавшаго ее vetturino; другая коляска уже совсѣмъ безъ возничаго трогалась за нами, — визгъ, хохотъ... Кучеръ выговаривалъ нашему спутнику: „вы-то чего смотрѣли? Она баба, разума у нея и быть не можетъ,—а вы мужчиной называетесь, а не могли глупую дѣвчонку остановить!" И онъ все время называлъ М. А. дѣвчонкой. Иногда я утромъ еще спала, когда меня будили запиской отъ М., чтобы я была готова, что она сейчасъ зайдетъ. Мы отправлялись съ ней въ странствованіе, иногда на цѣлый день. Я больше всего любила быть съ ней вдвоемъ; никто тогда намъ не мѣшалъ и я поддавалась всѣмъ ея фантазіямъ. „Поѣдемъ на такую-то виллу. Ей, веттурино! Нѣтъ, не сюда. Пойдемъ пѣшкомъ туда-то". Мнѣ

все равно: вездѣ чудесно. Мы располагаемся гдѣ-нибудь рисовать, рисуемъ молча, увлекаемся работой... „Фу, какъ жарко!— восклицаетъ, наконецъ, М. А. — Пойдемъ въ галлерею, тамъ прохладно". И дѣйствительно, пріятно послѣ жгучаго солнца войти въ свѣжую, тихую комнату, гдѣ со стѣнъ смотрятъ на тебя произведенія искусства. Наслажденіе только переносится на другое, но не прекращается. А при закатѣ или въ лунныя ночи мы часто сидѣли съ ней на ступенькахъ скалинады, тихо разговаривая и блаженствуя. Сюда приходили къ намъ знакомые; тогда М. начинала балагурить и молчаливый вечеръ оглашался нашимъ смѣхомъ. У М. А. былъ странный, смѣшной романъ: какой-то красивый юноша, итальянецъ и повидимому художникъ, преслѣдовалъ ее своею любовью. Онъ неукоснительно каждое утро становился у стѣны противъ ея окошка и стоялъ тамъ до тѣхъ поръ, пока она не покажется въ окнѣ. Если она не показывалась, онъ стоялъ цѣлый день. Когда она отодвигала занавѣсъ окна, онъ становился на колѣни среди улицы и обращалъ къ ней взоръ любви; потомъ, удовлетворенный этимъ, уходилъ. Куда бы она ни шла, онъ слѣдовалъ за ней; куда бы мы ни поѣхали рисовать—и онъ былъ тамъ со своимъ альбомомъ. Иногда мы нарочно измѣняли свой маршрутъ, чтобы обмануть его—но не успѣвали мы пріѣхать, какъ и онъ былъ на мѣстѣ. Какъ онъ узнавалъ, Богъ его знаетъ. Это насъ крайне забавляло, а его удивительное упорство и выдержка удивляли. Только итальянецъ способенъ на что-нибудь подобное. Мы съ М. А. были увѣрены, что онъ дѣлаетъ это не изъ любви, а изъ какого-нибудь расчета, можетъ быть хочетъ пристроиться къ богатой русской барынѣ; но эта якобы любовь была *красива*, и мы играли въ нее, какъ дѣти играютъ въ охоту, *зная*, что убитая ими изъ деревяннаго ружья птица—не настоящая птица, но воображая, что она настоящая. Мы то обманывали этого молчаливаго обожателя, то поджидали его, и это намъ было смѣшно и весело.

Я много каталась верхомъ, но обыкновенно это были довольно однообразныя прогулки; зато наши поѣздки втроемъ съ М. и Фрикеномъ были восхитительны. М. А. ѣздила такъ лихо и хорошо, какъ настоящая наѣздница, да и я была не менѣе ея смѣла и сидѣла на лошади такъ же свободно, какъ на своемъ креслѣ; мы скакали прямо по полямъ, безъ дороги, выбирали самыя живописныя и красивыя мѣста для отдыха, возвращались разрумяненныя, загорѣлыя и радостныя.

Наступала страстная недѣля; надо было думать о посѣщеніи службъ въ Ватиканѣ, заказывать напередъ экипажъ, отправляться рано, чтобъ достать мѣсто. На одну изъ службъ мы экипажа достать не могли и уже отказались отъ присутствія на ней, когда, проходя по улицѣ, увидѣли извозчика, ѣдущаго порожнемъ; мы его окликнули и спросили, не можетъ ли онъ завтра повести насъ въ Ватиканъ? Онъ какъ-то небрежно отвѣчалъ: „хорошо!“ „По лицу видно, что не пріѣдетъ!“ — сказалъ кто-то. Было похоже на то, но тутъ опять помогло мое знаніе итальянцевъ. Я остановила отъѣзжавшаго уже извозчика и сказала: „Знаете ли, что мнѣ сейчасъ сказали про васъ? Что вы насъ непремѣнно обманете“. Кучеръ вспыхнулъ, крикнулъ, ударилъ себя въ грудь „son galantuomo, signora!“ и, злобно стегнувъ лошадь, умчался. „Нѣтъ никакой надежды!“ — говорили мои спутники. „Пари, что онъ пріѣдетъ, — возразила я.—Если ужъ итальянецъ сказалъ: son galantuomo, то можно на него положиться“. Дѣйствительно, въ указанный часъ извозчикъ былъ у нашего подъѣзда.

Ватиканскія церемоніи, послѣ всѣхъ слуховъ о нихъ, разочаровали меня. Чтобы церковная служба трогала, умиляла и приводила въ молитвенное настроеніе, вѣроятно надо быть приготовленнымъ къ ней наслѣдственностью и воспитаніемъ. Православныя службы очень мало производятъ впечатлѣнія на иностранцевъ, но я въ длинныхъ мантіяхъ монашества, въ бѣлыхъ ризахъ священнослужителей, въ зажженныхъ свѣчахъ, въ духовныхъ напѣвахъ, въ наклоненіи главъ молящихся при словахъ: миръ всѣмъ, не вижу ничего театральнаго, а много трогательнаго и торжественнаго. Католическія церемоніи произвели на меня обратное впечатлѣніе чего-то грубо театральнаго и даже профанирующаго религію. „Несутъ папу, какъ китайскаго мандарина, подъ пестрымъ балдахиномъ, обмахиваютъ павлиньими перьями, какъ одалиску, посадятъ какъ идола, вложатъ въ руки раскрашенную деревяшку, вмѣсто нашей вербы, которая хотя и не пальма, но все-же живое весеннее растеніе, а самое противное: подымутъ полы его рясы, покадятъ подъ нее и опять закроютъ“. Такъ я выражалась. Одна только служба въ Сикстинской капеллѣ показалась мнѣ торжественной. Сильное впечатлѣніе производитъ тушеніе, по одной, свѣчей на алтарныхъ свѣтильникахъ послѣ каждаго пѣснопѣнія: когда тухнетъ послѣдняя свѣча и весь храмъ остается во тьмѣ, какъ-бы умираютъ и дрожатъ въ немъ только звуки мрачнаго, страшнаго miserere, и невольный холодъ пробѣгаетъ по спинѣ. Музыка была строгая, старинная, но пѣніе

папской капеллы мнѣ не понравилось; голоса стариковъ, пѣвшихъ дискантомъ, показались неестественными и дребезжащими, но можетъ быть это было предубѣжденіе. Въ капеллу въ этотъ день впускали только тѣхъ дамъ, которыя были въ черныхъ платьяхъ и безъ шляпъ, съ чернымъ вуалемъ или кружевомъ на головѣ. Сильнѣе папскихъ церемоній дѣйствуетъ на душу, когда случайно зайдешь въ какую-нибудь пустую старую церковь: со стѣнъ смотрятъ произведенія великихъ мастеровъ, кругомъ гробницы, саркофаги, лампады; какой-нибудь церковнослужитель вдали поправляетъ свѣчку; передъ мадонной стоитъ на колѣняхъ женщина или странникъ съ длиннымъ посохомъ,—такъ тихо, чудно... Что было необыкновенно красиво, такъ это иллюминація: сначала весь храмъ освѣщался по линіямъ зданія маленькими бѣлыми фонариками, какъ бисеромъ; потомъ, когда колокола ударятъ часъ ночи [1]), вдругъ въ одно мгновеніе все воспламеняется большими огнями и весь Петръ пылаетъ какъ костеръ. Эта перемѣна эффектна, но первая часть освѣщенія гораздо художественнѣе, куполъ при ней кажется совсѣмъ легкимъ и воздушнымъ. Фейерверкъ на Пинчьо былъ великолѣпенъ.

Странно отъ священнодѣйствій переходить къ театрамъ, но я вспомнила, что въ Римѣ въ посту, какъ и у насъ въ Россіи, разрѣшены были въ то время только живыя картины, не такія, положимъ, фривольныя какъ у насъ. Я была на одномъ такомъ вечерѣ, посвященномъ Рафаэлю: всѣ живыя картины были копіи съ его произведеній—нѣсколькихъ Мадоннъ и Преображенія. Это было такъ художественно сдѣлано, до того похоже, что производило полную иллюзію; казалось, что видишь знакомую во всѣхъ подробностяхъ картину. Стояли участвующіе дотого неподвижно, что даже страшно становилось. Однажды коснувшись театра, скажу, что въ Римѣ я его почти не посѣщала: такая была красота въ природѣ, что просто грѣшно казалось сидѣть въ душной залѣ. Мы были разъ на представленіи подъ открытымъ небомъ, устроенномъ не помню въ какомъ изъ древнихъ зданій; но пьеса Гальдони не шла къ античному амфитеатру. Очень смѣшно и странно было на нашъ глазъ то, что, когда раздавался колокольный звонъ, актеры останавливались, молитвенно складывали руки, а актрисы даже становились на колѣни—и потомъ продолжали, какъ ни въ чемъ не бывало, прерванный монологъ или объясненіе въ любви.

Къ концу апрѣля настало жаркое лѣто; зной легъ бѣлой

---

[1]) По нашему $8^1/_4$ ч. вечера.

пеленой на поля, и розы поблѣднѣли. Солнце такъ пекло, что иногда подумаешь два раза, прежде чѣмъ перейти раскаленную имъ улицу. Часто дулъ широкко, этотъ бичъ юга, затягивая грязнымъ флеромъ небо и городъ, мѣшая дышать и причиняя головныя боли. М., какъ ей ни жалко было покидать Римъ, собралась уѣзжать. Наканунѣ отъѣзда она пожелала поѣхать со мной вдвоемъ верхомъ, чтобы проститься съ вѣчнымъ городомъ. Нельзя забыть эту чудную, характерную поѣздку! Мы отправились въ Кампанью наудачу, безъ дороги; случалось въѣзжать въ овраги, подниматься на холмы, спускаться по ступенькамъ лѣстницъ. Насъ окружала римская пустыня, съ ея грустнымъ, поэтическимъ характеромъ; вѣтеръ съ полей дулъ намъ въ лицо, глазъ ласкали граціозныя арки древнихъ водопроводовъ. Мы останавливались вздохнуть и полюбоваться. Мы одинаково чувствовали въ эти минуты всю прелесть Рима. Мать моя очень безпокоилась, что мы уѣхали вдвоемъ, и послала за нами Фрикена, который, зная наши вкусы, скоро отыскалъ насъ. Сначала мы были недовольны присутствіемъ третьяго лица, но онъ не помѣшалъ намъ, насъ соединило однородное чувство. Долго мы катались, наконецъ выѣхали къ цирку Ромула и поднялись въ священную рощу „Bosco sacro", остатокъ древнихъ священныхъ лѣсовъ, единственную рощу въ Римѣ. Есть что-то особенно пріятное для насъ, жителей сѣвера, въѣхать въ лѣсъ, особенно на югѣ. Мы сѣли на склонѣ горы на траву. Кругомъ разстилались поля съ ихъ серебристыми зелено-лиловыми тонами; двухтысячелѣтній городъ, такъ много пережившій, теперь лежалъ передъ нами всетаки юный и прекрасный, съ его воздушнымъ, отовсюду виднымъ, куполомъ. Блаженство было смотрѣть, блаженство втягивать въ себя этотъ уму непостижимый воздухъ, который заставляетъ васъ желать, вмѣстѣ съ Гоголемъ, чтобъ у васъ „вмѣсто ноздрей были ведра". Ни передать, ни понять,—можно только чувствовать эту благодать!.. Мы спустились къ источнику нимфы Эгеріи и, чрезъ Via Appia, вернулись въ Римъ.

Я проѣхала къ М. А. Мнѣ было грустно войти въ ея комнату: все пусто, убрано, бумага валяется на полу, сундуки открыты... Въ послѣдній разъ проводили мы сумерки въ этой комнатѣ, въ послѣдній разъ прошелъ передъ окномъ ея юноша, который вѣрно давно ожидалъ тутъ нашего возвращенія. Какъ будто и солнце свѣтило въ послѣдній разъ! Когда мы стояли обнявшись и смотрѣли на закатъ его, у М. А. на глазахъ навернулись слезы. Позднѣе она потащила меня на Треви. Есть повѣрье, что тотъ, кто передъ отъѣздомъ выпьетъ воды этого фонтана

изъ новой посуды и тутъ-же разобьетъ ее, тотъ непремѣнно вернется въ Римъ. Обожатель ея былъ уже тамъ. М. А., отпивъ немного воды, поставила свою чашку на край бассейна и взглянула на юношу; онъ выпилъ остатокъ воды, а она взяла чашку и разбила ее. Потомъ испугалась своего поступка и быстро увлекла меня домой. Молодой человѣкъ не послѣдовалъ за нами; съ нимъ простились, оставивъ надежду на будущее. Это была шутка со стороны М., но она всетаки была растрогана, что не помѣшало ей въ тотъ-же вечеръ смѣшить насъ до слезъ. На другой день мы разстались, и для меня Римъ опустѣлъ.

Я стала посѣщать тѣ мѣста, которыхъ раньше не успѣла осмотрѣть, и уже прежде видѣнныя, но особенно мнѣ дорогія, между прочимъ иностранное кладбище, гдѣ покоятся Брюлловъ, Ставассеръ и другіе, менѣе ихъ извѣстные русскіе художники. Нѣкоторымъ изъ нихъ Кабановъ сдѣлалъ на свои скудныя средства памятники. Посѣтила я еще разъ palazzo Farnese, Farnesina и много другихъ. Ѣздила прощаться съ знакомыми, такъ какъ намъ тоже предстояло скоро покинуть Римъ. Ходила съ сестрой, Лизеттой и Фортунатой снимать нашу фотографическую группу. Лизетта плакала при упоминаніи о нашемъ отъѣздѣ; также очень огорчался имъ нашъ лакей Джіозеппе. Это была очень симпатичная личность. Прислуга въ Италіи держала себя совершенно свободно. Когда наша кухарка приходила съ рынка, она входила въ гостинную, садилась въ кресло, со словами: „дайте отдохнуть“, и, отдышавшись, начинала докладывать о своихъ покупкахъ. Джіозеппе былъ превосходный слуга, всегда корректный и вѣжливый; онъ чисто держалъ комнаты, могъ сготовить обѣдъ; накрывая столъ, онъ обходилъ его со всѣхъ сторонъ и любовался, когда все было на немъ красиво разставлено. Онъ былъ большой патріотъ, приносилъ мнѣ всѣ прокламаціи, много говорилъ со мной о политикѣ и, когда мы оба были свободны, читалъ мнѣ вслухъ либеральныя газеты.

Мысль, что мы должны покинуть Римъ, была просто невыносима для меня; я не хотѣла вѣрить, что это возможно, мнѣ тогда казалось, что я въ другомъ мѣстѣ *не могу жить*. Римъ опуталъ мою душу и приковалъ ее къ себѣ. „Италія—писала я—какъ хорошая картина, нравится тѣмъ болѣе, чѣмъ дольше смотришь на нее. Надо сжиться съ ней, надо, чтобы грубыя чувства наши распустились, размякли, сдѣлались способными воспринять вполнѣ ея прелесть“. „Ф. говоритъ, что воздухъ Италіи развиваетъ зависть, ревность, вообще сильныя страсти. Дѣйствительно въ южномъ воздухѣ есть что-то разслабляющее мысль, лишающее

нервы упругости, такъ что малѣйшее прикосновеніе радости или печали чувствуется живѣе. Потому въ итальянцахъ все горячо, живо, пьяно, какъ ихъ воздухъ. Про себя я знаю, что никогда такъ не наслаждалась *чувственнымъ*: дышаніемъ, созерцаніемъ, наслажденіемъ для наслажденія, никогда такъ не жаждала наслажденія солнцемъ, красками, ароматами...“ Посреди цѣлаго потока моихъ лирическихъ изліяній, встрѣчаются слѣдующія фразы: „можетъ быть у меня нѣтъ таланта, но что во мнѣ душа художника, въ этомъ я увѣрена по тому трепету, по замиранію сердца, которыя я чувствую при видѣ красотъ природы, по желанью остановить движущееся, схватить мѣняющееся, обнять, втянуть, вдохнуть въ себя, отпечатлѣть на полотнѣ... Въ эти минуты я забываю, что я ничего не могу, не умѣю; мнѣ кажется, что возсоздать видимое мнѣ мѣшаетъ только отсутствіе красокъ или времени...“

Наканунѣ нашего отъѣзда я съ знакомой молодежью также отправилась къ Треви, выпить воды и разбить стаканъ, не вѣря, но желая, чтобъ примѣта подѣйствовала, и я когда-нибудь вернулась сюда. Какъ хорошо освѣщался луной фонтанъ съ его отовсюду текущей, падающей и брызжущей водой! Я любила этотъ фонтанъ; съ его завитками и затѣями, съ дворцомъ, служащимъ ему фономъ, съ манерной Берниньевской статуей, онъ былъ живой иллюстраціей роскоши папскаго Рима. Про послѣднія минуты въ Римѣ я писала: „Мнѣ не вѣрилось, что мы уѣзжаемъ. Казалось невозможнымъ, что я оставлю все мнѣ такъ знакомое, не услышу крика ослика, итальянской рѣчи людей на улицѣ, не буду имѣть передъ собой жидкую пальму и мадонну на углу... Только когда мы сѣли на поѣздъ и стали исчезать изъ вида мои возлюбленныя горы, я поняла, что это правда, и поняла еще сильнѣе прежняго, какъ хороши и Кампанья, и небо, которое не сводомъ лежитъ надъ нами, а будто начинается тутъ близко и отъ насъ уже идетъ вглубь, и воздушная перспектива облаковъ, которыя не кажутся вертикальной плоскостью, какъ у насъ на сѣверѣ, а какъ нѣчто живое, удаляясь, становятся мельче, тѣснѣе. Съ какимъ *отчаяньемъ* я наслаждалась всѣмъ этимъ! Мнѣ-бы хотѣлось увеличить глаза, расширить легкія, чтобъ насмотрѣться, надышаться послѣдній разъ“...

Е. Юнге.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

НА ИТАЛЬЯНСКІЙ МОТИВЪ

Мое бѣдное сердце, мое сердце больное,
Отчего такъ грустишь, такъ тревожишься ты?
Иль въ тиши все еще ты ласкаешь мечты,
Все еще для отчизны ждешь счастье иное?

Мое бѣдное сердце, мое сердце больное,
Пережито такъ много и горя, и слезъ,
Нѣтъ ужь мѣста для свѣтлыхъ, для радостныхъ грезъ,
И такъ горько за все дорогое, родное.

Мое бѣдное сердце, мое сердце больное,
Кто усталъ, тотъ во снѣ сладкій отдыхъ найдетъ,
Кто душой изболѣлъ,—крѣпко-крѣпко заснетъ
И навѣки покинетъ скитанье земное.

* * *

Когда день ясенъ и такъ прекрасенъ,
Что будто сказкой
Повсюду вѣетъ: кругомъ все зрѣетъ
Подъ солнца лаской,
Алѣютъ розы, кружатъ стрекозы,
Рѣка сверкаетъ,
Въ блаженствѣ дивномъ и непрерывномъ
Все утопаетъ, —

Свои я годы и всѣ невзгоды
Въ мигъ забываю,
Лишь жизни радость, ея всю сладость
Я ощущаю.

---

* * *

Какимъ пустыннымъ и холоднымъ
Весь міръ намъ кажется въ тѣ дни,
Когда отчаяньемъ безплоднымъ
До дна души потрясены,
Узримъ, какъ бѣденъ міръ любовью,
Какъ много въ немъ и зла, и бѣдъ,
Какъ онъ залитъ слезами, кровью,
И какъ нигдѣ въ немъ правды нѣтъ...

Но пусть хоть лучъ одинъ проглянетъ
Сквозь тьму и холодъ—тотчасъ вновь
Съ могучей силой духъ воспрянетъ
И ярко вспыхнетъ въ немъ любовь.
Съ надеждой пламенной и страстной,
Отвергнувъ міра нищету,
Въ немъ вновь узримъ въ мечтѣ прекрасной
Добра и правды красоту!

М. Ватсонъ.

ЖЕРТВА МОРЯ

ЛЕГЕНДА.

Она пріѣхала въ прибрежное мѣстечко на пароходѣ, что проходилъ мимо разъ въ недѣлю, но приставалъ къ берегу только тогда, когда на немъ былъ кто-нибудь изъ пассажировъ, что было явленіемъ очень рѣдкимъ и возбуждало любопытство и пересуды маленькаго мѣстечка надолго.

Пріѣзжая пассажирка возбудила еще бо́льшій интересъ: она заявила о желаніи остановиться въ мѣстечкѣ надолго и искала пристанища. Она нашла маленькую, чистую комнатку у стараго рыбака Пьетро, одного изъ наиболѣе зажиточныхъ старожиловъ мѣстечка, такъ сказать—аристократа между рыбаками, всѣми уважаемаго, считавшагося и наиболѣе образованнымъ, сдѣлавшаго не одно кругосвѣтное путешествіе на большомъ, купеческомъ суднѣ.

Пріѣзжая скоро перестала занимать воображеніе жителей и особенно жительницъ мѣстечка, не представивъ много рессурсовъ для разговора. Она оказалась очень скромной, съ крошечнымъ багажемъ и очень не разговорчивой, удалялась въ свою каморочку, послѣ длинныхъ прогулокъ вдоль моря, или просиживала часами на выдававшемся въ море утесѣ, не отрывая глазъ отъ туманной дали. Никто не зналъ, кто она, откуда и зачѣмъ пріѣхала и долго ли останется. Никто не зналъ даже ея имени; и если разговоръ касался ея, она слыла подъ названіемъ „пріѣзжей“—и только.

За свою каморочку она заплатила за мѣсяцъ впередъ; питалась самой простой пищей, приготовляемой ей старою сестрою

Пьетро, которая убирала и ея комнату. Къ убогому убранству каморки она не прибавила ничего изящнаго изъ своихъ вещей, ничего такого, чѣмъ такая еще молодая женщина или дѣвушка (кумушки мѣстечка рѣшили, что она должна быть дѣвушкой) захотѣла бы скрасить это убожество. На простомъ некрашенномъ столѣ, на одномъ концѣ котораго старуха накрывала короткую, всегда грязную салфетку и ставила приборъ для обѣда, лежала только стопочка бумаги и стоялъ пузырекъ съ чернилами. Она много писала и всегда сама относила письма на почту, никому ихъ не довѣряя; но ниоткуда писемъ не получала. А какъ она ждала этихъ писемъ, оставивъ на почтѣ только адресъ дома Пьетро, гдѣ кромѣ нея никто писемъ и не ждалъ! Какъ волновалась, завидя еще издали почтальона, разъ въ день обѣгавшаго дома мѣстечка—и съ какимъ грустнымъ взглядомъ вновь обманутаго ожиданія провожала его, быстро шагавшую фигуру, не остановившуюся передъ дверью домика!

Еще тревожнѣй становилась она въ тотъ день, когда еженедѣльный пароходъ шелъ мимо берега. Она рано, гораздо раньше назначеннаго времени, взбиралась на свой любимый утесъ и застывала на немъ, судорожно сжавъ руки на колѣняхъ и вперивъ глаза въ голубую даль. Вотъ вдали показывалась черная точка, быстро подвигаясь съ длиннымъ флагомъ чернаго дыма и все болѣе выростая... Всего чаще пароходъ, не останавливаясь, шелъ мимо. Иногда онъ приставалъ къ берегу и тогда она стремительно вскакивала съ земли и вся превращалась въ статую ожиданія, нервно подавшись впередъ, будто готовая броситься навстрѣчу тому, кого ожидала... Но съ парохода сбрасывали въ подъѣхавшую къ нему лодку какіе-то кули и онъ шелъ дальше, а она снова безсильно опускалась на землю и долго, судорожно, рыдала...

Такъ прошелъ мѣсяцъ, два. Жизнь текла монотонно, однообразно, какъ пущенная въ ходъ машина. Рано утромъ рыбаки выѣзжали въ море, почти всегда тихое въ это время года, а послѣ трудового дня часто собирались кружками, дружно бесѣдуя и попыхивая короткими трубочками. Чаще всего собирались передъ домомъ стараго Пьетро, всегда готовые послушать его росказней. А какъ онъ умѣлъ разсказывать, старый Пьетро! Откуда только у него слова брались? Ну, просто будто по-писанному! *Она*, „пріѣзжая“, тоже иногда, послѣ длинной прогулки вдоль моря, подсаживалась къ своему окошечку, какъ разъ выходившему на то мѣсто, гдѣ собирались рыбаки вокругъ стараго Пьетро, и слушала его разсказы и ихъ болтовню.

Это было ея единственнымъ развлеченіемъ. Сначала разнообразіе въ ея жизнь вносило воскресное посѣщеніе церкви мѣстечка. Она входила туда рано и, занявъ мѣстечко на краю одной изъ скамеекъ, опускалась на колѣни и застывала. Трудно было угадать, молилась ли она, или погружалась въ глубокую думу, устремивъ глаза на распятіе? Надъ алтаремъ, выше распятія, парила граціозная Мадонна; въ сторонѣ, изъ маленькой ниши, кротко улыбался св. Францискъ. Патеръ въ полъ-голоса читалъ молитвы. Кругомъ шелестили листками молитвенниковъ; яркое солнце пробивалось сквозь росписныя стекла верхнихъ оконъ... Обѣдня кончалась; пріѣзжая вставала съ колѣнъ и медленно, за говорливой толпой, выходила изъ церкви, съ тѣмъ же застывшимъ, не просвѣтленнымъ молитвой лицомъ...

Послѣднее время она перестала ходить въ церковь и все дольше просиживала на своемъ утесѣ, устремивъ въ даль глаза...

Погода круто перемѣнилась и море забушевало раньше времени, темно-бурое, непривѣтливое, вздымавшее крутыя волны, съ бѣшенымъ ревомъ выбрасывавшее на низкій берегъ пѣнистые потоки. Рыбаки застряли на берегу, недовольные, почти со злобой посматривая на бурную стихію, по которой нечего было и думать пускаться даже въ большихъ баркахъ! Холодный вѣтеръ нагонялъ черныя тучи и дождь хлесталъ по стекламъ домовъ и домишекъ. По вечерамъ собирались уже не передъ домомъ стараго Пьетро, а въ самомъ домѣ, въ довольно обширной, темноватой комнатѣ, стѣны которой были увѣшаны сѣтями и разными трофеями хозяина изъ его далекихъ плаваній.

Такъ шли дни; цѣлая недѣля бурной погоды.

— Плохо!—протоворилъ въ одинъ, наиболѣе бурный вечеръ старый Пьетро собравшимся гостямъ.—Сильно забушевало море. Точно проситъ жертвы королевы Замòры!

Этихъ словъ было довольно, чтобы возбудить общій интересъ. Всѣмъ улыбнулась перспектива новаго разсказа неистощимаго Пьетро. Всѣ приблизились къ нему поближе; только пріѣзжая, зашедшая послушать розсказней стараго Пьетро, осталась у окна, въ которое яростно свистѣлъ вѣтеръ и хлесталъ крупный дождь.

— Разсказать вамъ о королевѣ Заморѣ?—повторилъ старый Пьетро, въ отвѣтъ на просьбы гостей.—Что-жъ, это можно! Это легенда такая живетъ средь народа одного африканскаго побережья; а какого, признаться, забылъ! Мудреное имя... Ну, да вамъ на него наплевать!

Разсказываютъ такъ: было тамъ, когда-то, царство такое,

и правила имъ королева Замора, красоты непомѣрной, а чистоты такой, что самъ Архангелъ Михаилъ съ ней бы не сравнялся! И держала та королева при своемъ дворѣ и дѣвъ все такихъ же чистыхъ, что о любви и не думали; а не то, чтобъ тамъ съ кавалерами амуры заводить. Но кавалерамъ дорога во дворецъ не запиралась: сама отъ искушеній бѣги, а ихъ не гони! Вся жизнь этого царства, все его, такъ сказать, богатство, въ морѣ было. Все имъ, значитъ, море давало; все черезъ море къ нимъ шло. И даже они, такъ какъ сами-то нехристи были, въ Бога-Христа, значитъ, не вѣровали, такъ этому морю вмѣсто Бога покланялись, въ честь его храмы строили, и на алтаряхъ тѣхъ храмовъ жертвы этому Богу—морю, значитъ,—приносили. Ну, тамъ, козлятъ, овецъ, барановъ...

И такъ это море было милостиво къ королевѣ Заморѣ, что въ чистотѣ себя соблюдала и кругомъ себя чистоту блюла! Лежало оно скатертью голубой! Только паруса кораблей понадуетъ, когда надо имъ въ путь идти, чтобъ скорѣй доплыть. У другихъ сосѣднихъ королей буря реветъ, корабли въ щепки треплетъ, а у Заморы — тишь да гладь! И кичилась королева: „Я-ль, не я-ль?! Какъ меня богамъ не любить, если я такъ чиста, какъ боги сами?“

Хотя это еще бабушка на-двое сказала, каковы эти боги-то ихніе были? Слыхали мы слухи-то и про нихъ! Какъ они тамъ, въ поднебесьѣ-то своемъ, кутили; какъ имъ нектары разные подносили! Ну, да о томъ я вамъ въ другой разъ разскажу, когда васъ въ другое царство поведу, гдѣ эти разные, тамъ, Юпитеры да Марсы куда какъ весело съ бабами пировали!.. Ну, вотъ, такъ-то королева Замора кичилась, а сама зорко за дѣвками-то своими слѣдила, и развился у ней нюхъ такой, что хоть бы любой гончей! Какъ начнетъ, иной разъ, и у ней море поваркивать, такъ и знаетъ она, что которая-нибудь изъ ея дѣвокъ согрѣшила: силенъ врагъ человѣческій, и святыхъ отцовъ, не то что дѣвокъ совращалъ! И вотъ тогда Замора только бровью поведетъ, глазомъ на всѣхъ глянетъ, и въ самый разъ угадаетъ, которая—и той нѣтъ пощады! Созоветъ весь свой королевскій синклитъ: „такъ и такъ“,—скажетъ,—„взбунтовалось море; безчестія не терпитъ, около меня, владычицы чистой; жертвы проситъ!“ И тотчасъ эту самую грѣшницу, что взгляда ея не стерпитъ и во всемъ сознается—въ море! Оно и затихнетъ. И опять тишь да гладь; пока снова кого-нибудь не прорветъ: силенъ врагъ человѣческій!.. Вотъ, такъ-то, разъ забурлило море сильно. Глянула Замора на своихъ дѣвокъ и видитъ, что одна и глазъ

поднять на нее не можетъ; стоитъ, дрожитъ, да блѣднѣетъ! И видитъ королева, что это самая ея первая любимица, которую еще мать ея младенцемъ-сиротой взяла во дворецъ и вмѣстѣ съ Заморой, какъ бы съ сестрой, воспитала. Жалость такая взяла королеву, что и не сказать! Выспросила у нея все. „Не могу, — говоритъ, — тебя погубить! Будь, что будетъ, а я тебя спасу и помогу тебѣ съ милымъ твоимъ тихонько изъ дворца бѣжать. Бѣгите подальше, тамъ повѣнчайтесь и живите мирно!“

Думала Замора, что этотъ кавалеръ изъ придворныхъ; такъ легко было той съ нимъ убѣжать. Анъ оказалось, что онъ пришлый, во дворецъ не вхожъ, что онъ пѣвецъ заморскій!..

„Ну, погоди,—говоритъ королева:—скажу я, что захотѣлось мнѣ пѣнье послушать и узнала я, что пѣвецъ заморскій прибылъ; такъ чтобъ привели его ко мнѣ во дворецъ, чтобъ онъ на пиру моемъ пѣлъ, меня потѣшалъ! А тамъ, разъ онъ сюда войдетъ, такъ съ тобой и выйдетъ; а я распущу слухъ, что пѣвецъ тебя похитилъ. А тамъ—будь что будетъ; какъ ужъ тамъ боги разсудятъ!“

Такъ все и вышло, какъ по писанному. Привели къ королевѣ пѣвца... Какъ увидѣла она его, такъ у ней, что-то, на сердцѣ будто ёкнуло; что-то такое непривычное!.. И не то, чтобы тошно или тяжко ей стало, а такъ, какъ будто и не безъ пріятности... Будто кто ее по сердцу-то погладилъ, или мягко такъ по шеѣ пощекоталъ!.. Глаза-то у пѣвца очень ужъ мягкіе были, хоть и черные. Самые это бѣсовскіе черные глаза! Хоть и мягкіе, искръ не сыплютъ, стрѣлъ не мечутъ, а всетаки бѣсовскіе: возьмутъ, такъ не отпустятъ! Такъ вотъ и тутъ; у пѣвца-то этого такіе же глаза были; и ими онъ на королеву такъ прямо и смотрѣлъ, прямо въ ея очи ясныя, прозорливыя. „Не я тебя боюсь, а ты меня бойся!“ — казалось глаза эти говорили. И точно: не онъ, а она передъ его глазами глаза свои опустила и гордость даже свою королевскую забыла... А все-жъ пѣть его попросила. Ударилъ онъ по струнамъ,—а чортъ его знаетъ, какой у него инструментъ былъ,—и запѣлъ... У насъ эту пѣсню на нашъ языкъ перевели и такъ пѣли:

Море бушуетъ, но сердце бушуетъ сильнѣй...
Жизнь прожить невозможно безъ жгучихъ страстей...
Рано ли, поздно ли—вспыхнетъ горячая кровь,
Рано ли, поздно ль—пробудится въ сердцѣ любовь!
Море затихнетъ и снова лазурная гладь:
Но въ пробудившемся сердцѣ любви невозможно унять...

Такъ не гордись, не кичись ты своей чистотой, —
Сердце не властно вернуть свой бывалый покой!..

Слушаетъ королева, а сама глазъ съ пѣвца не сводитъ; и голосъ его, будто медъ сладкій къ ней въ сердце льется... Сама не своя стала! И съ ума у нея не идетъ, что она этому пѣвцу сестру свою отдастъ, а сама съ чистотой своей останется! Такъ сказать: чистота-то эта теперь ей поперекъ горла стала; сама бы она отдала ее ему, за очи его черныя, мягкія, да за голосъ сладкій!

„Приходи,—говоритъ она пѣвцу,—ужо ко мнѣ вечеркомъ; я долго заснуть не могу, такъ ты меня пѣньемъ усыпишь“...

Онъ только поклонился; вечеромъ пришелъ, а она ему, сразу:

„Полюбила,—говоритъ,—я тебя такъ, какъ и не думала, что любить могу! Хочешь полюбить меня, такъ я весь законъ царства моего измѣню, и будешь ты со мной жить и власть мою дѣлить!“

Посмотрѣлъ онъ на нее пристально своими мягкими черными глазами, усмѣхнулся тихой улыбкой и говоритъ:

„А вѣдь у пѣсни той конецъ есть!“—И запѣлъ:

Дѣва хотѣла взаимной любовью любить,
Но не могла она сердце его покорить...
„Мнѣ остается,—сказала,—могила одна...
„Саванъ готовитъ мнѣ съ бѣлой опушкой волна“...

Вспыхнула гнѣвомъ королева!

„Дерзкій рабъ! Не знаешь ты развѣ, что коли я прикажу, такъ не только ее, твою возлюбленную, но и тебя въ море бросятъ?!“.

„Такъ и тебя туда же...“—тихо прибавилъ пѣвецъ. „Ты еще больше преступила обѣтъ, данный богамъ; ты не только сама согрѣшила, полюбивъ меня, но и меня на грѣхъ наводишь, искушаешь“...

Вздрогнула королева, поблѣднѣла вся...

„Иди,—говоритъ.—Мой слуга, что ждетъ тебя въ саду, съ твоей возлюбленной, проводитъ васъ на корабль, что, вонъ, стоитъ подъ бѣлымъ флагомъ... Плывите скорѣй, прочь отъ этихъ береговъ“...

А сама отвернулась. Вышелъ онъ. Подошла королева къ окну—а окно надъ пучиной морской было... Ждетъ. Видитъ—отплылъ корабль подъ бѣлымъ флагомъ; отплылъ—и скрылся... Подождала королева съ минуту—да прямо изъ окна въ море бросилась... И тотчасъ море затихло...

Съ той поры, говорятъ, какъ сильно разбушуется море,

выплываетъ на волнѣ королева Замора, и манитъ къ себѣ кого-то, будто зоветъ жертву моря, и поетъ ту пѣсню, что пѣлъ ей пѣвецъ...

Старый Пьетро замолчалъ. Всѣ тоже сидѣли молча, а вѣтеръ яростно свистѣлъ за окномъ и море ревѣло, какъ дикій звѣрь...

— Ну, добираться до своихъ норокъ! — проговорилъ одинъ изъ гостей, вставая.—Хорошо бы намъ тоже жертву, что усмирила бы море, а то очень ужъ оно разбурлилось; плохи наши дѣла!

— Ну,—замѣтилъ другой, еще попыхивая трубочкой:—у насъ-то, пожалуй, столько этихъ жертвъ бы набралось, что и морю тошно бы стало, и оно еще бы громче завыло!

Другіе подхватили со смѣхомъ его слова и стали расходиться.

Пьетро оглянулся по сторонамъ и тутъ только замѣтилъ все такъ же неподвижно сидѣвшую у окна пріѣзжую. Смертная блѣдность покрывала ея лицо, всегда грустное выраженіе котораго стало еще болѣе страдальческимъ, а широко раскрытые глаза неподвижно уставились на черное стекло окна, за которымъ ревѣло бурное море. Пьетро попробовалъ крякнуть. Она слегка вздрогнула и обернулась. Потомъ, проведя рукою по глазамъ, медленно встала.

— Мнѣ очень понравилась ваша легенда... — проговорила она, не глядя на Пьетро.—Особенно пѣснь этого... пѣвца... Я бы просила васъ повторить мнѣ ее...

Пьетро исполнилъ ея желаніе.

„Саванъ готовитъ мнѣ съ бѣлой опушкой волна“...

Машинально повторила она послѣдній стихъ и остановилась, будто что-то обдумывая...

— А вамъ бы, право, надо бы было „жертву моря“...— добавила она, минутку помолчавъ, и съ слабой улыбкой подняла глаза на старика.—Прощайте, Пьетро; всего вамъ хорошаго...

И она быстро пошла къ себѣ.

Буря попрежнему ревѣла. Старикъ улегся на своей койкѣ и задремалъ. Сквозь ревъ бури ему послышалось, какъ стукнула дверь рядомъ. Онъ лѣниво приподнялся. Мимо него, къ выходу, промелькнула тѣнь... Не можетъ быть?

— Синьорина, вы?—окликнулъ онъ.—Куда? Въ такую бурю?

— Я сейчасъ... тутъ... только освѣжиться... Душно... сейчасъ! — быстрымъ шопотомъ проговорила она и скрылась за дверью.

— Чудачка!—пробормоталъ старикъ, и повернулся на другой бокъ.

Къ утру море стихло и лежало голубой скатертью. Рыбаки встрепенулись и принялись снаряжать сѣти и лодки. Только не весело встрѣтилъ утро старый Пьетро: пріѣзжая такъ и не вернулась съ ночной прогулки! И когда эта вѣсть разнеслась по всему мѣстечку, то рыбакъ Гвидо разсказалъ, что, возвращаясь ночью изъ трактира, мимо утеса, онъ видѣлъ на немъ какую-то тѣнь; видѣлъ и то, что тѣнь эта какъ-то закачалась, а потомъ вдругъ исчезла... Но такъ какъ Гвидо въ трактирѣ съ товарищемъ выпилъ немного болѣе обыкновеннаго, то и не могъ рѣшить навѣрное: былъ ли то на утесѣ настоящій человѣкъ, или у него мелькали тѣни въ глазахъ?..

Подождали еще. Но пріѣзжая такъ и не вернулась... Кто она? Откуда? Куда можно было заявить объ ея исчезновеніи, не зная даже ея имени—рѣшить было, конечно, невозможно. А потому положили, что такъ тому и быть надлежало; что сама судьба послала имъ „жертву моря“, снова лежавшаго лазурной гладью.

С. Лаврентьева.

ИСКАНІЕ

Какъ вѣчный пилигримъ я снова въ путь-дорогу!
Въ далекій край отъ здѣшнихъ береговъ.
Я уношу съ собой опять мою тревогу,
Наслѣдство старое отвергнутыхъ боговъ,
  Какъ вѣчный пилигримъ, я снова въ путь-дорогу!..

Они ушли, разгнѣванные боги,
Когда погасли въ храмахъ алтари.
И сбились мы съ знакомой намъ дороги
При блескѣ трепетномъ мерцающей зари...
  Они ушли, разгнѣванные боги,
  И пыль вѣковъ легла на алтари!..

Среди колоннъ заброшеннаго храма
Завился плющъ зеленою стѣной.
И не клубится дымъ съ кадильницъ фиміама
Молочно-синею душистою волной,
  И нѣтъ толпы молящихся у храма...

Туда, въ далекій край, гдѣ горные отроги
Преградой высятся обманчивымъ морямъ,
Я васъ иду искать, разгнѣванные боги,
Молить хочу я васъ вернуться къ алтарямъ.
  Я васъ иду искать на горные отроги!..

Быть можетъ тамъ, высоко надъ землею,
Воздвигнутъ снова храмъ отвергнутымъ богамъ,

И служатъ имъ жрецы и юноши толпою,
И дымъ идетъ отъ жертвы къ небесамъ
  И тянется туманной полосою...

Какъ вѣчный пилигримъ я снова въ путь-дорогу!
Въ далекій край отъ здѣшнихъ береговъ,
Я уношу съ собой опять мою тревогу,
Наслѣдство старое отвергнутыхъ боговъ...
  Какъ вѣчный пилигримъ я снова въ путь-дорогу!..

Конст. Диксонъ.

РЕЛИГІОЗНЫЯ ГОНЕНІЯ

ПРИ ОБНОВЛЕННОМЪ СТРОѢ

Въ Россіи снова начались религіозныя гоненія...

Не стѣсненія, не ограниченія, которыя въ сущности почти никогда у насъ и не прекращались, а именно гоненія, т.-е. суровыя и систематическія преслѣдованія, нерѣдко соединенныя съ разореніемъ многихъ семействъ и даже цѣлыхъ селъ и деревень, преслѣдованія, которыя заставляютъ сотни и тысячи людей бросать родину и бѣжать, какъ въ былыя времена, на далекія окраины, въ надеждѣ укрыться тамъ отъ миссіонерскихъ и полицейскихъ скорпіоновъ.

Недавнія, всѣмъ памятныя обѣщанія „объ укрѣпленіи началъ вѣротерпимости и свободы совѣсти" повидимому забыты самымъ основательнымъ образомъ. Этотъ пессимистическій выводъ неотвязчиво преслѣдуетъ васъ при видѣ того, что совершается вокругъ.

Несмотря на представительныя учрежденія и „обновленный строй", несмотря на то, что мы вступили уже во второе десятилѣтіе XX-го вѣка, снова выплываетъ мрачный, зловѣщій призракъ средневѣковья, снова начинаются „гоненія за вѣру".

Буквально каждый день приноситъ все новые и новые факты религіозныхъ преслѣдованій. Загляните въ сектантскіе журналы— баптистовъ, духовныхъ христіанъ и т. д.—и вы въ каждомъ изъ нихъ найдете многочисленныя сообщенія о разнообразныхъ стѣсненіяхъ, которымъ подвергаются теперь у насъ послѣдователи самыхъ различныхъ сектъ. И не только сектанты, но и старообрядцы, тѣ самые старообрядцы, по адресу которыхъ пред-

ставители правительства еще такъ недавно и такъ охотно расточали похвалы замѣчательному патріотизму, „вѣками испытанной преданности престолу и отечеству“.

Но всѣ эти стѣсненія и преслѣдованія совершенно блѣднѣютъ передъ тѣмъ, что̀ приходится испытывать послѣдователямъ тѣхъ сектъ, которыя, по настоянію духовныхъ властей, признаны „изувѣрными и безнравственными“. Между тѣмъ число такихъ сектъ, благодаря энергіи и настойчивости господъ и отцовъ миссіонеровъ, все болѣе растетъ и увеличивается.

Такъ напримѣръ, въ концѣ прошлаго года къ числу „изувѣрныхъ и безнравственныхъ“ сектъ отнесенъ „Новый Израиль“,— секта, насчитывающая десятки тысячъ послѣдователей.

Теперь православные миссіонеры, вдохновляемые „Колоколомъ“, употребляютъ всѣ усилія для того, чтобы доказать „безнравственный и изувѣрный“ характеръ руководителей („братцевъ“) и участниковъ („трезвенниковъ“) того религіозно-этическаго движенія, которое совершается въ низахъ петербургскаго и московскаго населенія.

Московскіе миссіонеры уже объявили „братцевъ“ и ихъ приверженцевъ хлыстами, послѣдователями изувѣрной и безнравственной секты, „самая принадлежность къ которой наказуема въ уголовномъ порядкѣ“. Чѣмъ разрѣшится это „дѣло“, суждено ли будетъ дойти ему до суда, какой оборотъ приметъ оно на судѣ,—все это теперь „покрыто мракомъ неизвѣстности“; но пока что, а „братцы“ и ихъ ближайшіе послѣдователи и послѣдовательницы продолжаютъ сидѣть въ тюрьмѣ, за желѣзными рѣшотками, какъ тяжкіе уголовные преступники.

Такимъ образомъ предъ нами воскресаетъ во всей своей неприкосновенности старая-престарая, практиковавшаяся еще во времена Николая Павловича система: какъ въ доброе старое время духовенство всячески старалось каждую секту зачислить въ разрядъ „особенно вредныхъ“, чтобы тѣмъ самымъ поставить ее внѣ закона, такъ и теперь оно употребляетъ всѣ усилія для того, чтобы возможно большее число сектъ объявить „изувѣрными и безнравственными“.

А какъ далеко можно пойти по этому пути, ясно, конечно, для каждаго, особенно если имѣть въ виду, что экспертами для опредѣленія степени „нравственности“ или „безнравственности“ религіознаго ученія являются такіе спеціалисты этики, какъ г. Скворцовъ или протоіерей Восторговъ.

Мною только что полученъ цѣлый рядъ сообщеній изъ разныхъ мѣстностей Россіи о тѣхъ гоненіяхъ, которымъ подвергаются теперь послѣдователи „Новаго Израиля". Эта секта въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій получила широкое распространеніе на югѣ Россіи, на Кавказѣ, а также во многихъ центральныхъ губерніяхъ.

До 1906-го года новоизраильтяне, какъ и многія другія секты, жили въ подпольѣ, тщательно скрываясь отъ взоровъ властей. Съ изданіемъ закона 17 октября 1906-го года они получили возможность выйти на божій свѣтъ и легализироваться. Этимъ правомъ поспѣшили воспользоваться очень многіе изъ сектантовъ, но далеко не всѣ и не вездѣ. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, напримѣръ, въ Воронежской и Ставропольской, всѣ общины „Новаго Израиля" были зарегистрированы, въ другихъ, напримѣръ, въ Рязанской и Екатеринославской—лишь нѣкоторыя, немногія изъ общинъ, такъ какъ большинство сектантовъ въ этихъ губерніяхъ отнеслись съ недовѣріемъ къ провозглашенной властями свободѣ и остались на старомъ положеніи.

Со времени регистраціи новоизраильтяне жили болѣе или менѣе спокойно, пользуясь свободой вѣроисповѣданія вплоть до осени прошлаго года. Съ этого момента условія рѣзко мѣняются, и противъ послѣдователей „Новаго Израиля" вновь возбуждаются систематическія гоненія.

Въ нѣкоторыхъ кругахъ нашего общества распространено убѣжденіе, что всѣ преслѣдованія, которымъ подвергаются у насъ сектанты, всегда исходятъ отъ *мѣстныхъ* властей, еще не успѣвшихъ-молъ проникнуться гуманными воззрѣніями, заложенными въ основу новыхъ вѣроисповѣдныхъ законовъ, — но что центральная власть стоитъ на стражѣ и принимаетъ со своей стороны всѣ мѣры къ огражденію „инако вѣрующихъ" отъ незаконныхъ стѣсненій.

Подобныя представленія, къ сожалѣнію, далеко не всегда соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Такъ, въ частности, по отношенію къ „Новому Израилю", центральной власти несомнѣнно принадлежитъ руководящая роль въ дѣлѣ преслѣдованій, которыя возбуждены теперь противъ этой секты. Явнымъ доказательствомъ этого служитъ тотъ фактъ, что гоненія противъ новоизраильтянъ начались немедленно вслѣдъ за тѣмъ, какъ появился министерскій циркуляръ о признаніи „Новаго Израиля" „изувѣрной и безнравственной сектой". Циркуляръ этотъ появился въ концѣ лѣта прошлаго 1910-го года. Результаты его сказались очень быстро.

Уже въ августѣ мѣсяцѣ прошлаго года была закрыта и разорена большая община новоизраильтянъ въ Бугурусланскомъ уѣздѣ, Самарской губерніи. Община эта образована была лѣтъ восемь тому назадъ крестьянами Воронежской губерніи, бѣжавшими оттуда вслѣдствіе постоянныхъ преслѣдованій со стороны мѣстныхъ властей и тѣхъ избіеній, которымъ они подвергались со стороны православнаго населенія, возбуждаемаго противъ нихъ миссіонерами. Поселившись въ Бугурусланскихъ степяхъ, среди мордвы и чувашей, они съ помощью крестьянскаго банка купили тысячу десятинъ земли, которыя и послужили источникомъ ихъ благосостоянія.

Съ изданіемъ закона 17 октября 1906-го года община поспѣшила легализироваться и такимъ образомъ освободилась отъ гнета духовенства, пріобрѣла самостоятельность, получила право вести метрическія книги для записи браковъ и рожденій. Община, состоявшая изъ трезвыхъ, упорныхъ въ трудѣ людей, начала очень быстро развиваться и вскорѣ достигла замѣтнаго благосостоянія. Разбогатѣвъ, члены общины первымъ дѣломъ выстроили прекрасный общественный домъ, въ которомъ были устроены школы для дѣтей и особый залъ, гдѣ происходили религіозныя собранія.

Но „врагъ позавидовалъ нашему благополучію“, — пишутъ сектанты. Какъ всегда, первыми ополчились на сектантовъ миссіонеры и священники. Начались придирки и стѣсненія сначала со стороны духовенства, а затѣмъ и администраціи. Упомянутый нами министерскій циркуляръ положилъ конецъ самому существованію общины: она была закрыта, членамъ ея было строжайше запрещено собираться для богомоленій, метрическія книги были отобраны. Словомъ, сектантовъ сразу вернули къ тому безправному, печальному положенію, въ какомъ они находились въ дореформенное время.

Но и этимъ дѣло не ограничилось. Въ довершеніе несчастья всѣ члены общины были преданы суду по обвиненію въ богохульствѣ и кощунствѣ, которыя власти усмотрѣли въ ихъ „сіонскихъ пѣсняхъ“; отъ нихъ были отобраны подписки о невыѣздѣ. Репрессіи эти произвели подавляющее впечатлѣніе на новоизраильтянъ. Нѣсколько оправившись, они бросились объясняться, просить, хлопотать объ отмѣнѣ принятыхъ противъ нихъ мѣръ; но это ни къ чему не повело. Куда они ни обращались — вездѣ имъ было отказано.

Многое могли перенести новоизраильтяне, но ни при какихъ условіяхъ они не могли примириться съ запрещеніемъ

устраивать общественныя собранія для моленій, проповѣдей и пѣнія „сіонскихъ пѣсней". Доведенные до отчаянія, они рѣшаютъ бѣжать, бросить насиженныя мѣста и идти туда, „гдѣ еще не отобрана свобода". Такой страной въ ихъ воображеніи рисовался Кавказъ.

И вотъ, распродавъ за безцѣнокъ землю и все свое имущество, сколоченное тяжелымъ, упорнымъ трудомъ, они двинулись на югъ и послѣ разнаго рода мытарствъ поселились—одни въ Кубанской области, другіе въ Закавказьѣ. На мѣстѣ прежняго жительства въ Бугурусланскомъ уѣздѣ сейчасъ осталось не болѣе 10—12 семействъ, на обязанность которыхъ возложено такъ или иначе ликвидировать все имущество общины. Но и тутъ они встрѣчаютъ всевозможныя препятствія со стороны властей. Такъ напримѣръ, имъ запрещаютъ продать ихъ общественный домъ утверждая, что онъ подлежитъ конфискаціи въ пользу казны.

Нужно ли прибавлять, что это невольное, вынужденное переселеніе въ высшей степени тяжело отозвалось и на матеріальномъ положеніи членовъ Бугурусланской общины, которые изъ вполнѣ зажиточныхъ крестьянъ обратились теперь въ круглыхъ бѣдняковъ, чуть не въ нищихъ... Но политика „ставки на сильныхъ" развѣ можетъ останавливаться передъ такими пустяками, какъ разореніе цвѣтущаго села, какъ обнищаніе нѣсколькихъ сотъ или тысячъ крестьянскихъ душъ?

И дѣйствительно, послѣдующія событія вскорѣ показали, что разгромъ Бугурусланской общины былъ только первымъ актомъ, первымъ пробнымъ шаромъ гоненій, разразившихся вслѣдъ за нимъ надъ головами послѣдователей „Новаго Израиля" въ разныхъ концахъ Россіи.

По мѣрѣ того, какъ министерскій циркуляръ о признаніи „Новаго Израиля" изувѣрной и безнравственной сектой проводится въ жизнь мѣстными властями, положеніе послѣдователей этой секты становится все болѣе и болѣе тягостнымъ и невыносимымъ.

Прежде всего они всѣ огуломъ отдаются подъ строжайшій надзоръ полиціи. Начальники губерній и областей, исполняя министерскій приказъ, сочли нужнымъ учредить „тщательный надзоръ за вредною и соблазнительною дѣятельностью послѣдователей Новаго Израиля". Если мы примемъ во вниманіе то почти полное самовластіе, тотъ почти безграничный произволъ, какими отличается при обновленномъ строѣ дѣятельность полиціи въ провинціи, то для насъ хоть отчасти будетъ понятно, что̀ приходится терпѣть, что̀ приходится испытывать людямъ,

вдругъ, однимъ почеркомъ пера, лишеннымъ самыхъ элементарныхъ гражданскихъ правъ и отданнымъ во власть становыхъ приставовъ, урядниковъ и стражниковъ.

Конечно, эти господа не замедлили использовать свои широкія полномочія по надзору за дѣятельностью многочисленной секты, согласно полицейскимъ традиціямъ и „стариннымъ обычаямъ", унаслѣдованнымъ отъ дореформенныхъ временъ. Такъ напримѣръ, въ Купянскомъ уѣздѣ Харьковской губерніи, сопровождаемый урядниками и стражниками, разъѣзжаетъ становой приставъ, который производитъ настоящія облавы на сектантовъ, подвергаетъ ихъ допросамъ, при чемъ „кричитъ, ругается и бьетъ", а затѣмъ сажаетъ ихъ въ тюрьму. Особенно много новоизраильтянъ посажено имъ въ селеніи Поповка. Примѣру своего начальника слѣдуютъ урядники и стражники, которые хватаютъ сектантовъ, арестовываютъ ихъ, но затѣмъ за взятку въ три рубля или въ пять рублей отпускаютъ „на волю"... до новаго ареста.

„Вотъ тебѣ и конституція, вотъ тебѣ и обновленный строй",— говорятъ по этому поводу сектанты.

Въ Воронежской губерніи во многихъ селахъ, какъ напримѣръ въ Давыдовкѣ, Аношкинѣ, Лѣвой Россоши и другихъ, послѣдователи „Новаго Израиля" подвергаются постояннымъ массовымъ или — какъ они говорятъ — „повальнымъ" обыскамъ и арестамъ. Здѣсь, какъ и повсюду, полиція и миссіонеры ищутъ „хлыстовскихъ рубахъ", а за неимѣніемъ таковыхъ отбираютъ у сектантовъ всѣ письма и фотографическія карточки В. С. Лубкова, который считается „вождемъ" новоизраильтянъ. Полицейскіе чины, производящіе обыски,—по словамъ моего корреспондента,—„кричатъ, шумятъ и выражаются, какъ бироновскіе завоеватели".

Особенно сурово расправляются съ наставниками и руководителями сектантскихъ общинъ. Въ селѣ Давыдовкѣ, Коротоякскаго уѣзда Воронежской губерніи, судебный слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ харьковской судебной палаты, г. Сушильниковъ, арестовалъ и посадилъ въ тюрьму восемь человѣкъ крестьянъ, руководителей тамошнихъ общинъ „Новаго Израиля": Павла Ивановича Чуева, Павла Яковлевича Завалкина, Данила Лущилина, Леонтія Молтикова и другихъ. Всѣ они обвиняются въ принадлежности къ изувѣрной сектѣ.

Арестованные считаются въ сектантской средѣ лучшими людьми и пользуются общимъ уваженіемъ за честность и умъ. Вслѣдствіе этихъ арестовъ цѣлыя восемь общинъ остались безъ

руководителей и наставниковъ. Такіе же аресты производятся и въ Харьковской губерніи, тѣмъ же г. Сушильниковымъ. Въ селеніи Красной Поповкѣ имъ арестовано трое наиболѣе выдающихся сектантовъ, въ селеніи Кремянномъ—пять человѣкъ и т. д. Г. Сушильниковъ грозитъ пересажать въ тюрьму всѣхъ главныхъ руководителей „Новаго Израиля".

Это сажанье въ тюрьмы при данныхъ условіяхъ является мѣрой совершенно непонятной и ничѣмъ не вызываемой, такъ какъ думать, что эти люди убѣгутъ и скроются, нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній. Между тѣмъ, вслѣдствіе арестовъ крестьянскія семьи лишаются нерѣдко единственныхъ своихъ работниковъ, впадаютъ въ страшную нужду, оказываются въ безвыходномъ положеніи.

Нѣкоторые изъ новоизраильтянъ, на основаніи усиленной охраны, высылаются властями въ административномъ порядкѣ. Такая судьба,—по словамъ сектантовъ,—обыкновенно постигаетъ тѣхъ изъ нихъ, которые особенно сильно „донекаютъ православныхъ миссіонеровъ" во время публичныхъ собесѣдованій.

Въ Екатеринославской губерніи общины „Новаго Израиля" совершенно разгромлены. „Старшій братъ по вѣрѣ, крестьянинъ Василій Бахмутскій, посаженъ въ тюрьму за распространеніе вреднаго ученія", причемъ ему предъявлено обвиненіе по 102 ст., „которая съ религіознымъ преступленіемъ несовмѣстима". Сидя въ тюрьмѣ, В. Б. „отъ пережитаго горя заболѣлъ психическимъ разстройствомъ".

Гоненіе на новоизраильтянъ происходитъ также въ Орловской и Смоленской губерніяхъ. Здѣсь ихъ общинамъ отказываютъ въ легализаціи. Запрещаютъ всякія собранія. Полиція, духовенство и миссіонеры донимаютъ сектантовъ всевозможными стѣсненіями. И здѣсь сектанты, доведенные до отчанія, также начинаютъ выселяться и бѣгутъ въ Закавказье, думая почему-то, что „тамъ не преслѣдуютъ людей за вѣру". Разумѣется, эта вынужденная эмиграція, помимо всего другого, самымъ разорительнымъ образомъ отзывается на экономическомъ положеніи сектантовъ.

Такихъ невольныхъ переселенцевъ скопилось теперь въ Закавказьѣ значительное количество. Насколько велико ихъ число, можно, между прочимъ, видѣть изъ того, что они устроили въ Закавказьѣ цѣлый рядъ селеній, напримѣръ Елизаветинское и Таузы въ Елисаветпольской губерніи, Катасоново въ Тифлисской губерніи, три селенія, по сту душъ въ каждомъ, въ Сигнахскомъ уѣздѣ. Они занимаются распашкой земли подъ хлопковую куль-

туру, а также разведеніемъ виноградниковъ, устройствомъ фруктовыхъ садовъ и т. п.

Во всякой другой странѣ эти трезвые, честные, трудолюбивые люди несомнѣнно встрѣтили бы полную поддержку, всяческое содѣйствіе со стороны мѣстной администраціи, дѣйствительно озабоченной культурнымъ развитіемъ края. Въ данномъ случаѣ такое содѣйствіе даже съ точки зрѣнія чисто націоналистической политики представляется не только желательнымъ, но прямо обязательнымъ, въ видахъ укрѣпленія русской народности на глухой, отдаленной окраинѣ, населенной инородцами, нерѣдко совершенно чуждыми Россіи и русскимъ интересамъ.

Сейчасъ, однако, мы увидимъ, что послѣдователямъ „Новаго Израиля" даже на Кавказѣ, даже въ Закавказьѣ не удалось укрыться отъ тѣхъ преслѣдованій, которыя вынудили ихъ бросить родину и бѣжать за тысячи верстъ...

„Послѣ закрытія общины въ Самарской губерніи,—пишетъ мнѣ мой кавказскій корреспондентъ,—стали носиться слухи, что вотъ-вотъ закроютъ всѣ наши общины, вездѣ и повсюду. Появились газетныя замѣтки, что намѣстникомъ сдѣлано распоряженіе не допускать дѣятельности секты Новаго Израиля на Кавказѣ. Однако мы все еще не теряли надежды, думали, можетъ хоть Кавказъ пощадятъ, но вышло другое". Осенью 1910-го года намѣстникомъ былъ изданъ циркуляръ, который послужилъ сигналомъ для возбужденія преслѣдованій противъ послѣдователей Новаго Израиля на Кавказѣ. Въ виду той роли, какую сыгралъ этотъ циркуляръ въ дѣлѣ религіозныхъ репрессій на Кавказѣ, мы считаемъ необходимымъ привести его здѣсь цѣликомъ, тѣмъ болѣе, что изъ содержанія его совершенно ясно видно, что иниціатива репрессій, возбужденныхъ противъ Новаго Израиля, исходила не отъ намѣстника, а отъ министра внутреннихъ дѣлъ.

„По собраннымъ въ послѣднее время министромъ внутреннихъ дѣлъ въ разныхъ мѣстностяхъ Имперіи даннымъ о дѣятельности послѣдователей секты „Новый Израиль" — сказано въ этомъ циркулярѣ, — вполнѣ обнаружился изувѣрный и безнравственный характеръ этой секты, внѣ зависимости отъ ея вѣроученія, изложеннаго въ „Краткомъ катехизисѣ основныхъ началъ вѣры Ново-Израильской общины", составленномъ съѣздомъ этой общины въ 1905-мъ году въ городѣ Ростовѣ-на-Дону и изданномъ въ 1906-мъ году въ томъ же городѣ. При такихъ условіяхъ я прошу установить за вредною и соблазнительною дѣятельностью послѣдователей названной выше секты тщательный надзоръ на предметъ обнаруженія совершаемыхъ ими дѣяній, воспре-

щенныхъ закономъ, возбужденія противъ такихъ лицъ судебнаго преслѣдованія, въ порядкѣ ст. 96 уголовнаго уложенія 1903-го года, и закрытія, на основаніи ст. 6 Именнаго Высочайшаго указа 17 октября 1906 г., дѣйствія тѣхъ изъ легализованныхъ общинъ помянутой секты, противъ членовъ которыхъ возбуждается судебное преслѣдованіе. Что же касается послѣдователей вышеназванной секты, не входящихъ нынѣ въ составъ легализованныхъ общинъ, то неукоснительно должны приниматься мѣры къ воспрепятствованію имъ открытаго исповѣданія ихъ вѣроученія и отправленія религіозныхъ обрядовъ по правиламъ послѣдняго, а равно и къ недопущенію образованія ими новыхъ религіозныхъ общинъ, въ порядкѣ правилъ помянутаго Высочайшаго указа".

Начальники областей и губерній, входящихъ въ составъ кавказскаго намѣстничества, получивъ этотъ циркуляръ, сдѣлали распоряженіе о напечатаніи его въ мѣстныхъ офиціальныхъ изданіяхъ и о прочтеніи его „на полныхъ станичныхъ, хуторскихъ и сельскихъ сходахъ".

Этого, разумѣется, было вполнѣ достаточно, чтобы тотчасъ же возникли „поголовныя преслѣдованія" противъ Новаго Израиля. Прежде всего эти преслѣдованія начались въ Терской области, которая впрочемъ, по словамъ моего корреспондента, и ранѣе „почти совсѣмъ не видѣла свободы совѣсти". Хотя послѣ 1906-го года собранія сектантовъ въ этой области кое-гдѣ допускались, но „они происходили частнымъ образомъ, безъ легализаціи общинъ". Во многихъ мѣстахъ этой области собранія Новаго Израиля „совершенно воспрещались и были случаи составляли протоколы и зуботычинами кормили".

Теперь, послѣ циркуляра намѣстника, во всей Терской области строжайше воспрещены всякія собранія новоизраильтянъ; пріѣздъ проповѣдниковъ этой секты со стороны ни въ какомъ случаѣ не допускается. „Какъ только кто пріѣдетъ, такъ и бѣгутъ казаки, все думаютъ поймать Лубкова во что бы то ни стало, чтобы сослать административно, на основаніи усиленной охраны. Но это имъ пока не удается".

Въ сосѣдней Кубанской области общины новоизраильтянъ ранѣе были зарегистрированы и существовали открыто и свободно, но теперь, послѣ циркуляра намѣстника, ихъ начали закрывать и переходъ изъ православія въ эту секту воспрещенъ. Всѣ права, которыми до сихъ поръ пользовались послѣдователи Новаго Израиля, теперь отняты у нихъ, въ томъ числѣ и право регистраціи браковъ и рожденія дѣтей. Затѣмъ по всей области

объявлено, чтобы „никакихъ молитвенныхъ собраній не допускать, подъ угрозою казачьихъ плетей“.

Тоже самое происходитъ и въ Черноморской губерніи: тамъ также всѣ общины новоизраильтянъ теперь закрыты, всякія собранія послѣдователей этой секты съ религіозными цѣлями воспрещены самымъ категорическимъ образомъ. Становые пристава, атаманы, урядники грозятъ избіеніями всѣмъ тѣмъ, кто осмѣлится принять участіе въ религіозныхъ собраніяхъ.

Атаманы отдѣловъ Пятигорскаго, Владикавказскаго и другихъ, ни мало не стѣсняясь, отдаютъ приказы объ избіеніи новоизраильтянъ, которые явятся на собраніе, при чемъ рекомендуютъ казакамъ „не щадить нагаекъ“.

Одновременно съ преслѣдованіями, какъ на Кавказѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ Россіи, начались избіенія сектантовъ православными односельчанами. Куда дѣвалась извѣстная всѣмъ религіозная терпимость русскаго народа, всегда мирно уживавшагося съ людьми самыхъ различныхъ вѣроисповѣданій?

Какъ только циркуляръ намѣстника былъ прочитанъ на сходахъ, немедленно начались погромы въ разныхъ мѣстностяхъ Кавказа. Въ станицѣ В—ской, Кубанской области, „сейчасъ же послѣ прочтенія циркуляра толпа разгромила лавку съ товарами Семена Филиппова, старшаго брата по вѣрѣ той общины, и все растащили“. Погромы и избіенія происходили и въ другихъ мѣстахъ Кавказа.

Тоже самое происходитъ и въ центральной Россіи. Такъ напримѣръ, изъ Харьковской губерніи мнѣ сообщаютъ, что въ селеніи Поповкѣ, Купянскаго уѣзда, „всѣхъ новоизраильтянъ перебили до полусмерти“.

Спасаясь отъ погромовъ, избіеній и всякаго рода преслѣдованій, новоизраильтяне центральныхъ губерній, какъ мы уже сказали,—бросаютъ родину и бѣгутъ на Кавказъ. Но и тутъ они наталкиваются на серьезныя препятствія и тормазы: мѣстныя власти зачастую отказываютъ имъ въ выдачѣ паспортовъ. Тѣ, которымъ такъ или иначе удается бѣжать, стараются теперь пробраться въ Кахетію, гдѣ новоизраильской общиной недавно куплено двѣ тысячи десятинъ земли для такого рода бѣглецовъ. Сейчасъ въ одномъ Сигнахскомъ уѣздѣ находится болѣе ста семействъ новоизраильтянъ, бѣжавшихъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи.

Разоренными и обнищавшими приходятъ эти бѣглецы въ далекую Кахетію. Но, благодаря замѣчательной солидарности, которая сплачиваетъ послѣдователей Новаго Израиля, они даже

на этой далекой окраинѣ находятъ помощь и поддержку со стороны своихъ единовѣрцевъ.

Читатель пожелаетъ, конечно, знать—что же это за люди, которые вызываютъ противъ себя столь ожесточенныя преслѣдованія?

Вѣдь если дѣйствительно они „изувѣры", если ученіе ихъ „безнравственно", если ихъ жизнь „соблазнительна", если вся ихъ дѣятельность носитъ явно „вредный" характеръ, то какъ же ихъ не преслѣдовать? Какъ не ограждать остальное населеніе отъ пагубнаго вліянія столь вредныхъ и опасныхъ элементовъ?

Въ самомъ дѣлѣ, обвиненія, которыя взведены на новоизраильтянъ, нельзя не признать очень серьезными. Ихъ обвиняютъ, *во-первыхъ*, въ пропагандѣ и распространеніи революціонныхъ идей, *во-вторыхъ*, въ половомъ распутствѣ и развратѣ и, *въ-третьихъ*, въ томъ, что они своего вождя и руководителя секты Лубкова почитаютъ Богомъ, законодателемъ и судьей.

Обвиненія эти возведены православными миссіонерами, которые давно уже взяли на себя роль прокуроровъ и судей въ интимной области религіозныхъ вѣрованій. Уже кіевскій миссіонерскій съѣздъ призналъ Новый Израиль сектой вредной, допускающей „гнусныя и противонравственныя дѣйствія", — сектой, къ которой не должны быть примѣнены правила о легализаціи сектантскихъ общинъ по закону 17 октября 1906-го года.

Новоизраильтяне горячо протестовали противъ подобныхъ обвиненій, называя ихъ злостной и бездоказательной клеветой. Въ этомъ смыслѣ они подавали разныя заявленія и прошенія во всевозможныя учрежденія, но все это ни къ чему не повело. Синодъ, основываясь на постановленіи кіевскаго съѣзда и на донесеніяхъ синодальныхъ миссіонеровъ, призналъ Новый Израиль сектой вредной, изувѣрной, безнравственной.

Постановленіе это явилось обязательнымъ для духовенства, которое должно было проводить его въ жизнь. Тогда-то и начались со стороны духовныхъ властей разныя придирки и стѣсненія, которыя съ каждымъ годомъ все болѣе возрастали. Тѣмъ не менѣе *систематическихъ* преслѣдованій противъ Новаго Израиля еще не было.

Этотъ характеръ преслѣдованія, какъ мы уже сказали, пріобрѣтаютъ съ конца лѣта прошлаго 1910 года, т.-е. съ того момента, когда министерство внутреннихъ дѣлъ „по собраннымъ въ разныхъ мѣстностяхъ Имперіи даннымъ о дѣятельности по-

слѣдователей секты Новый Израиль", констатировало „изувѣрный и безнравственный характеръ этой секты".

Но сектантамъ, очевидно, неизвѣстна позиція, занятая министерствомъ внутреннихъ дѣлъ въ дѣлѣ ихъ преслѣдованій; поэтому они попрежнему во всѣхъ своихъ невзгодахъ обвиняютъ однихъ миссіонеровъ. Получаемыя мною письма новоизраильтянъ переполнены горькими жалобами на миссіонеровъ, которые всячески вооружаютъ администрацію и подстрекаютъ населеніе противъ сектантовъ, вызывая погромы и преслѣдованія.

„Вы, прошу васъ, не вѣрьте",—пишетъ мнѣ главный руководитель Новаго Израиля. „Ничего мы не проповѣдуемъ, какъ только, чтобы тутъ, на землѣ, теперь же облегчить горе и страданіе людей, чтобы на землѣ ничто не господствовало надъ людьми, окромя Его святой разумной воли и чтобы люди стали братьями—всѣ, всѣ безъ исключенія! ...Нѣтъ Бога нигдѣ, какъ только въ людяхъ. Поэтому люди должны олицетворять Его. Къ этому мы стремимся всей душой"...

Такъ формулируетъ стремленія и взгляды Новаго Израиля его признанный учитель и вождь. Что можно сказать по поводу этихъ стремленій? Развѣ одно, что они прекрасны, возвышенны, религіозны въ лучшемъ смыслѣ этого слова, и потому заслуживаютъ не гоненія, а глубокаго сочувствія.

Но, разумѣется, съ этимъ никогда и ни въ какомъ случаѣ не согласятся наши миссіонеры, которымъ во что бы то ни стало нужно представить Новый Израиль вредной, опасной, изувѣрной, безнравственной и революціонной сектой.

Между тѣмъ лица, имѣвшія случай наблюдать новоизраильтянъ въ жизни, обыкновенно отзываются о нихъ съ самой лучшей стороны. Авторъ книжки „Ищущіе Бога", А. С. Панкратовъ, будучи въ Ростовѣ на Дону, познакомился тамъ съ послѣдователями Новаго Израиля, которыхъ—по его словамъ—„всѣ очень хвалятъ". „Честный, трудолюбивый народъ. Съ ними пріятно имѣть дѣло"—вотъ тѣ отзывы о новоизраильтянахъ, которые приходилось слышать г. Панкратову съ разныхъ сторонъ.

В. Д. Бончъ-Бруевичъ, наблюдавшій новоизраильтянъ на Кавказѣ и недавно выпустившій цѣлый томъ съ рукописями и духовными стихами этихъ сектантовъ, съ негодованіемъ отвергаетъ упорно распространяемые слухи о развратѣ новоизраильтянъ, называя всѣ подобныя обвиненія „чудовищной клеветой и ложью". Онъ даетъ не только лестные, но, можно сказать, самые восторженные отзывы о жизни и нравственности послѣдователей этой секты, категорически заявляя, что среди общинъ Новаго

Израиля не только „нѣтъ мѣста разврату“, но что „здѣсь отношенія между людьми глубоки, чисты, нравственны и свободны“.

Наконецъ многіе представители православнаго духовенства отзываются о новоизраильтянахъ также самымъ лучшимъ образомъ. И такіе отзывы можно слышать не только отъ рядовыхъ священниковъ, но даже отъ высшихъ представителей духовной іерархіи. Такъ напримѣръ, архіепископъ воронежскій Анастасій еще недавно заявлялъ, что „Новый Израиль есть общество разумныхъ, трезвыхъ и честныхъ людей, объединенныхъ Господомъ Богомъ“. Этотъ отзывъ архіепископа Анастасія имѣетъ тѣмъ большее значеніе, что онъ, очевидно, основанъ на личномъ изученіи секты, которая въ его епархіи имѣетъ широкое распространеніе.

Какія же основанія имѣлъ министръ внутреннихъ дѣлъ объявить секту Новаго Израиля „изувѣрной и безнравственной?“ Какими данными, какими доказательствами пользовался онъ, признавая эту секту „вредной“ и лишая ея послѣдователей всѣхъ правъ, какими они пользовались въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, согласно закону 17 октября 1906 года?

Что-то не было слышно о томъ, чтобы министерство внутреннихъ дѣлъ производило какія-нибудь изслѣдованія, имѣющія цѣлью выяснить истинный характеръ этой секты, сравнительно еще новой, молодой и мало обслѣдованной. А между тѣмъ подобныя изслѣдованія считались правительствомъ необходимыми даже въ дореформенную эпоху, въ „доброе старое время“, когда не разъ организовывались спеціальныя научныя экспедиціи для изученія какъ раскола и сектантства вообще, такъ и отдѣльныхъ сектъ, которыя почему-нибудь привлекали къ себѣ вниманіе властей. Такъ напр., при Николаѣ Павловичѣ, въ началѣ 50-хъ годовъ, были произведены, чрезъ особыя „статистическія экспедиціи“, подробныя изслѣдованія секты бѣгуновъ или странниковъ, послѣдователи которой были обнаружены въ то время въ цѣломъ рядѣ губерній. Къ участію въ этихъ „экспедиціяхъ“ были привлечены наиболѣе способные и образованные изъ чиновниковъ министерства, а также лица, заявившія себя въ литературѣ, какъ напримѣръ Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ.

Но министерство П. А. Столыпина, прежде чѣмъ установить отношеніе правительства къ новой, мало извѣстной сектѣ, сочло совершенно излишнимъ изслѣдовать ее и вполнѣ положилось на тѣ свѣдѣнія, которыя ему обязательно предлагались столь безпристрастными „знатоками“ сектантства, какъ г. Скворцовъ съ

одной стороны и о. Восторговъ—съ другой, вмѣстѣ съ союзомъ русскаго народа и палатой Михаила Архангела.

Какъ сказались на самыхъ первыхъ порахъ результаты подобной политики—мы уже видѣли. Объявленные внѣ закона нетолько духовными, но и свѣтскими властями, многочисленные послѣдователи Новаго Израиля почти повсюду подвергаются сейчасъ жестокимъ преслѣдованіямъ.

„Положеніе наше теперь невыносимо тягостное, — пишетъ мнѣ вождь новоизраильтянъ, В. С. Лубковъ. — Раньше, когда мы жили подпольною жизнью, не вкусивши свободы, не знали о ней, намъ было легче терпѣть. Терпѣніе, страданіе—это ореолъ мученичества — считалось неизбѣжнымъ на семъ пути. *Но теперь, поживши на свободѣ, мы совсѣмъ преобразились. Люди выросли,* окрѣпли въ сознаніи *и не могутъ уже мириться съ попраніемъ человѣческихъ правъ*".

Это указаніе не слѣдовало бы упускать изъ виду современнымъ хозяевамъ положенія, желающимъ во что бы то ни стало оказать давленіе на народное сознаніе, на совѣсть человѣка, путемъ разныхъ репрессій. Отношеніе самихъ сектантовъ къ преслѣдованіямъ, которыя имъ приходится переносить, теперь совершенно иное, чѣмъ было прежде.

— „Мы не боимся суда, которымъ намъ угрожаютъ,—говорятъ сектанты, — такъ какъ увѣрены въ томъ, что на судѣ скорѣе можетъ раскрыться истина. Не зная за собой никакой вины, мы твердо вѣримъ въ вѣчно сіяющую правду Божію. Поэтому мы смѣло пойдемъ въ судъ и будемъ тамъ стойко отстаивать наши вѣрованія".

Но, относясь съ глубокимъ уваженіемъ и довѣріемъ къ суду, послѣдователи Новаго Израиля проявляютъ совершенно иное отношеніе къ мѣрамъ административнаго характера, которыя они считаютъ дѣйствіями произвольными, нарушающими ихъ права, дарованныя имъ свыше. Въ постановленіи совѣта одной новоизраильской общины мы находимъ, напримѣръ, вполнѣ опредѣленныя указанія относительно того, какъ должны поступать въ подобныхъ случаяхъ сектанты.

Въ началѣ постановленія совѣтъ убѣждаетъ членовъ общины „не бояться суда", „смѣло идти въ судъ", въ увѣренности, что на судѣ „раскроется истина", а затѣмъ говорится: „Но если мѣстная администрація пожелаетъ на почвѣ... [1]) клеветъ и до-

[1]) Опускаемъ слишкомъ рѣзкій эпитетъ.

несеній духовенства закрыть новоизраильскія собранія, то вы, слѣдуя завѣту Христа-Спасителя, не должны оставлять святого собранія, а какъ собирались по воскреснымъ днямъ, утромъ, такъ и собирайтесь, если бы вамъ и не позволяли". И дальше: „Пусть составляютъ протоколы, пусть примѣняютъ насиліе, пусть берутъ, арестуютъ кого,—но вы, какъ одинъ человѣкъ, идите всѣ до единаго, какъ равные члены общины, не исключая женщинъ и дѣтей. Скажите: мы всѣ — члены Тѣла Христова, мы всѣ есть единое цѣлое, мы всѣ собой олицетворяемъ безсмертное божество. Поэтому страдая одинъ, должны страдать всѣ. Если заберутъ и арестуютъ старшихъ братьевъ, главныхъ и важныхъ проповѣдниковъ, то вы всѣ требуйте ареста и надъ собой. Смѣло, настойчиво заявляйте объ этомъ кому слѣдуетъ и отъ кого это зависѣть будетъ. Однимъ словомъ, какъ одинъ человѣкъ, скажите, что мы умремъ за сію истину, но не отступимъ отъ нея, какъ трусы, какъ измѣнники. Поэтому собранія должны быть, какъ и всегда, въ свое время; въ одномъ домѣ не дадутъ—идите въ другой, но не позволяйте кому либо вдираться въ свою совѣсть. Скажите: мы сыны свободы; носимъ въ сердцѣ воплощеннаго въ насъ Христа, Который говоритъ: стойте въ свободѣ, которую Я даровалъ вамъ и не подвергайтесь игу рабства".

Очевидно, здѣсь уже звучатъ такія ноты, такіе мотивы, которые въ прежнее время не были слышны среди „людей Божіихъ". Тѣмъ не менѣе „невыносимо тягостное" положеніе, въ которомъ теперь очутились десятки тысячъ послѣдователей Новаго Израиля, остается на лицо. Испытываемыя ими преслѣдованія заставляютъ ихъ съ сожалѣніемъ вспоминать о томъ времени, когда у насъ не была еще объявлена свобода вѣроисповѣданія, когда не появлялись еще манифесты съ обѣщаніями утвердить эту свободу на незыблемыхъ началахъ и когда они жили подпольной жизнью, тщательно скрываясь и таясь. „Тогда насъ не знали власти, — пишетъ В. С. Лубковъ; — мы жили тогда подпольно, а теперь всѣхъ насъ знаютъ, всѣхъ переписали и всѣхъ хотятъ судить, всѣмъ грозятъ уголовщиной... Да, хорошо подвели насъ. Мы всей душой повѣрили манифесту. Какъ мышки, рискнули мы вылѣзть изъ подполья, но матушка конституція оказалась съ кошачьими когтями".

И сейчасъ эти люди полны глубокой тревоги. Они смущены и колеблются. „Не знаемъ, что и дѣлать?—пишутъ они.—Хотимъ собраться, обсудить. Прошенія писать, думаемъ, безполезно. Послать депутацію, но куда? къ кому?.. Не посовѣтуете ли вы намъ: какъ намъ держать себя въ этихъ условіяхъ?.."

Въ этихъ полныхъ тревоги вопросахъ такъ и слышится растерянность, безпомощность людей, которыхъ бьютъ и гонятъ, которые близки къ отчаянію. Эти мирные люди, такъ долго, такъ терпѣливо сносившіе всевозможныя притѣсненія, утратили наконецъ всякую вѣру въ ту политику, которая до сихъ поръ не можетъ вступить на путь творческой, культурной работы, не можетъ отказаться отъ репрессій, отъ усиленныхъ и чрезвычайныхъ охранъ, отъ административной ссылки, отъ преслѣдованій за религіозныя и этическія убѣжденія.

И вотъ, чувство мрачной безнадежности овладѣваетъ этими людьми, и среди нихъ все чаще и чаще начинаютъ высказываться горькія и скорбныя мысли о необходимости „поступить по духоборчески", т.-е. бросить родину, которая становится имъ „не матерью, а мачихой", и бѣжать, бѣжать туда, гдѣ свобода вѣроисповѣданія, свобода совѣсти не въ однихъ только словахъ, но и въ жизни.

Самъ Лубковъ недавно писалъ своему знакомому: „Предполагаемъ пока обратиться съ петиціей къ намѣстнику и министру внутреннихъ дѣлъ съ просьбой возвратить намъ дарованную Государемъ свободу. Если этого не послѣдуетъ, мы навѣрное уберемся отсюда въ свободное государство, какъ духоборы. Насъ и теперь зовутъ туда".

Въ томъ же письмѣ (напечатанномъ въ „Рѣчи") сообщается, что кромѣ послѣдователей Новаго Израиля, о переселеніи въ Америку начинаютъ думать молокане, а также сектанты, извѣстные подъ именемъ прыгуновъ. Оказывается, что многіе изъ этихъ сектантовъ уже уѣхали туда изъ Карса, Тифлиса и другихъ мѣстъ, другіе же готовятся къ переселенію въ Америку.

Такимъ образомъ очень возможно, что Россія находится наканунѣ огромной, массовой эмиграціи и что вскорѣ мы будемъ свидѣтелями такого движенія, предъ которымъ извѣстная, вызванная политикой покойнаго Побѣдоносцева духоборческая эпопея совершенно поблѣднѣетъ.

А. Пругавинъ.

ПЕРЕМѢНЫ

РАЗСКАЗЪ

Безпутинъ мнѣ, повидимому, очень обрадовался.—Вотъ неожиданно-то... Дѣйствительно, рѣдкій гость. Давно мы не видались. Очень радъ. Когда-же ты сюда пріѣхалъ?—Онъ говорилъ поспѣшно, слегка даже взволнованно. Но голосъ его казался мнѣ сухимъ и рѣзкимъ.—Здравствуй, здравствуй.—И онъ даже потянулся цѣловаться. На минуту мы довольно неловко коснулись другъ друга щеками и углами губъ.—Какъ же ты не разыскалъ меня?

Безпутинъ—мой другъ юности, и не видѣлись мы съ нимъ очень давно. Когда-то цѣлыхъ пять лѣтъ дружно просидѣли мы рядомъ на школьной скамейкѣ. Тогда многое, повидимому, насъ связывало и мы искренно любили другъ друга. Но уже въ университетѣ, поступивъ на различные факультеты, мы стали видѣться значительно рѣже. По окончаніи оказались въ разныхъ городахъ.

— Ну, раздѣвайся скорѣе, да пойдемъ бесѣдовать, — дружески-нетерпѣливо торопилъ меня Павелъ.—Давай, помогу.—Довольно неумѣло онъ сталъ стягивать съ меня пальто. Потомъ широко распахнулъ дверь въ сосѣднюю комнату, пропуская меня впередъ:—Пожалуйте.

Онъ очень пополнѣлъ, Павелъ. И хотя носъ, глаза и губы, все оставалось прежнимъ, но странно и почему-то слегка непріятно было смотрѣть на эти округлившіяся щеки и отяжелѣвшій подбородокъ. Бѣлокурая бородка тоже казалась чужою. Хотѣлось все это снять, удалить съ лица, чтобы стало оно опять прежнимъ, любимымъ.

— Однако, ты сильно измѣнился,—въ свою очередь принялся меня разсматривать Павелъ. Мнѣ было это слегка непріятно. — Постарѣлъ замѣтно... Рѣзкій голосъ его зазвучалъ мягче и участливѣй.—И ужъ лысѣешь, кажется,—вдругъ громко захохоталъ онъ, съ притворнымъ ужасомъ разводя руками.

Дверь гостиной отворилась.—Вотъ позвольте васъ познакомить.—Павелъ, а вслѣдъ за нимъ и я, поднялись съ креселъ.—Моя жена, Софья Михайловна.—Передо мною стояла высокая, довольно красивая брюнетка съ энергичнымъ лицомъ.—Вѣдь вы еще не встрѣчались... Соня, это тотъ самый Андрюша Люксъ, о которомъ я тебѣ такъ много разсказывалъ. Прикатилъ изъ своего захолустья... Она тебя хорошо знаетъ,—успокоительнымъ тономъ опять обратился онъ ко мнѣ.—А ты слышалъ, что я женатъ?

— Да, слышалъ. Кто-то говорилъ мнѣ. Кажется, Шаповленко. Вѣдь онъ былъ у насъ въ Могилевѣ, работалъ тамъ въ мѣстной газетѣ.

— Ахъ, вотъ что... А теперь онъ гдѣ?

— Не знаю. Кажется, въ Одессѣ. Одно время ѣздилъ въ Туркестанъ, затѣвалъ тамъ собственное изданіе.

— Пересаживайтесь поближе,—привѣтливо предложила мнѣ хозяйка, указывая на мѣсто за круглымъ столикомъ у окна.—Ну что, многое здѣсь перемѣнилось? Вѣдь вы сейчасъ изъ Могилева?

Меня слегка удивило, что и она заговорила о перемѣнахъ. У нея были рѣшительныя, нѣсколько мужскія манеры.

— Погоди,—прервалъ насъ Павелъ.—Шаповленко: я вѣдь слышалъ о немъ. Да, онъ въ Одессѣ и странными дѣлами тамъ занялся. Черносотенную газету, говорятъ, редактируетъ. Тоже карьера.

— Да, что-то въ этомъ родѣ...—неохотно протянулъ я.

— Менѣе всего, кажется, можно было ожидать отъ него этого... Помнишь его въ гимназіи? Талантливый былъ мальчишка.

Я ничего не отвѣтилъ, но вспомнилъ не бойкаго, смуглаго мальчика въ гимназіи, а послѣднюю нашу встрѣчу въ Одессѣ: его вызывающую заносчивость, за которою чувствовалась боязнь быть презираемымъ и униженнымъ.

Павелъ не унимался:—Съ чего это онъ такъ? Интересно бы знать подробности...

— Выгоднымъ навѣрно оказалось,—презрительно усмѣхнулась Софья Михайловна.

Мнѣ захотѣлось перемѣнить разговоръ. Почему въ самомъ

дѣлѣ, едва встрѣтясь, столько говорить о Шаповленко? Я повернулся къ Павлу.

— Ну, а ты какъ живешь? Разскажи теперь о себѣ. Устроился ты, я вижу, прекрасно...

Вслѣдъ за мною и Павелъ невольно окинулъ взоромъ свою комнату. Это былъ кабинетъ, обставленный удобно и богато. За внушительно-солиднымъ письменнымъ столомъ чернѣли зеркалами стеколъ два большихъ книжныхъ шкапа съ рѣзьбой наверху. Красные шелковистые обои были завѣшаны картинами въ золотыхъ рамахъ. Одинъ изъ угловъ занимала мягкая мебель нѣсколько вычурнаго вида. Къ ближайшей изъ картинъ я подошелъ. Она изображала охотниковъ, склонившихся надъ добычей среди снѣжныхъ сугробовъ, обагренныхъ отсвѣтомъ костра...

— Какъ живу?—вспомнилъ мой вопросъ Павелъ.—Да, ничего себѣ. Работаю понемножку. Вотъ женился...

Картина мнѣ не понравилась. Я вернулся на свое мѣсто, чтобы слушать Павла, постепенно разговорившагося.

Сначала онъ коснулся себя, своей жизни, дѣлъ—у него была недурная адвокатская практика,—потомъ принялся разсказывать о Петербургѣ, здѣшнемъ обществѣ, театрахъ. Временами я вглядывался въ него, и опять каждый разъ меня удивляла его бѣлокурая бородка, чужая полнота щекъ, незнакомый подбородокъ. Говорилъ онъ совсѣмъ по адвокатски—громко, плавно и многословно, съ искусственными переходами, варьированіемъ одного и того же и прислушиваніемъ къ собственнымъ словамъ.

Въ дверяхъ показался бѣлый передникъ горничной. Завидѣвъ его, Софья Михайловна поспѣшно встала и вышла. До тѣхъ поръ она внимательно слушала мужа.

Павелъ остановился. Совсѣмъ не такимъ былъ этотъ разговоръ, не такою была вся наша встрѣча, какъ мнѣ хотѣлось, какъ я надѣялся, идя сюда. Я ждалъ чего-то прежняго, свѣтлаго, дорогого. Не воспоминаній, которыя могли быть мучительны, но чтобы просто воскресло на минуту прежнее, свободное отъ перемѣнъ.

— Знаешь, я волновался, когда шелъ къ тебѣ,—признался я Павлу.—Нахлынуло прошлое. Вѣдь столько связано у меня съ тобою.

— Да, конечно...—Павелъ произнесъ это довольно равнодушно: онъ казался чѣмъ-то отвлеченнымъ.

— Помнишь Мэри?—Я спрашивалъ съ робостью.—Бѣлокурую нашу любовь?

На лицѣ его появилась улыбка.—Какъ-же... Она умерла.

— Я знаю. Давно уже. Помнишь, какъ клялись мы другъ другу никого не любить въ жизни, кромѣ нея? Вѣрили, что никогда не разлюбимъ Мэри. И вѣдь едва знакомы съ ней были. Ты еще, кажется, бывалъ у нихъ, я же лишь на каткѣ ее видѣлъ.

Въ сосѣдней комнатѣ, повидимому, столовой, слышался сдержанный разговоръ и шаги. Софья Михайловна отдавала какія-то распоряженія прислугѣ, накрывавшей столъ. Вотъ заварили тамъ чай, поставивъ его на камфорку. Донесся стукъ ножей и тарелокъ.

— А дѣтей у тебя нѣтъ?—послѣ нѣкотораго молчанія нерѣшительно спросилъ я Павла, осматриваясь въ комнатѣ.

— Какъ же, двое,—мальчикъ и дѣвочка. Спятъ уже.

Портьера у двери зашевелилась: вошла Софья Михайловна.— Пожалуйте чай пить,—обратилась она къ намъ. Мы тотчасъ же встали.

За столомъ разговоръ держался все около того же. Говорили объ общихъ знакомыхъ, главнымъ образомъ опять о школьныхъ товарищахъ. Я разсказывалъ о жизни своей въ Могилевѣ, о своей семьѣ. Опять чувствовалось — все это не то; говорить какъ прежде мы уже не можемъ. Глядя на Павла, опять мнѣ хотѣлось снять съ его лица эту откуда-то появившуюся бороду и чужую полноту щекъ. Весь онъ казался неуловимо, но странно измѣнившимся. Почему-то слегка раздражало присутствіе его жены. Не отъ нея ли въ немъ эти перемѣны? Искоса я поглядывалъ на Софью Михайловну. У нея очень энергичное лицо и она совсѣмъ не похожа на Мэри. Нѣсколько минутъ было даже ревниво жаль, что Павелъ отдалъ себя этой женщинѣ, такой обыкновенной, понятной, вотъ этой самой, сидящей здѣсь за столомъ.

— А она художникъ, — говорилъ Павелъ о женѣ.—Курсы живописи окончила. Хочетъ скоро выставлять.

Софья Михайловна слегка конфузилась. Говорила, что не работаетъ теперь, что дѣти отнимаютъ все время. Но все же обѣщала какъ-нибудь показать свои этюды.

Къ чаю были яйца, сыръ, холодный ростбифъ, ветчина. Все сервировано прекрасно. По стѣнамъ столовой висѣли какіе-то эстампы.

— Это что у тебя такое?—спросилъ я.

— Такъ, пустяки. Снимки случайные. А вотъ это съ плакатной выставки: вмѣсто обоевъ—ничего себѣ.—Павелъ подошелъ къ стѣнѣ.—Это Стенленъ. А тамъ Жоссо и Шере. Но у меня есть хорошіе альбомы; если интересуешься, потомъ покажу.

Павелъ оставался все тѣмъ же любителемъ искусства и литературы, какъ и прежде. Въ гостиной на столѣ я успѣлъ замѣтить у него послѣдній модный альманахъ и французскій томикъ Поля Адана. Но и въ этой области плохо ладился разговоръ. Постепенно это становилось ясно намъ обоимъ, придавая всей бесѣдѣ оттѣнокъ тягостной принужденности.

Подъ конецъ опять заговорили о товарищахъ.

— Герценбергъ? Онъ со мною. Тоже присяжный. Недурно зарабатываетъ, имѣетъ дѣла. Растолстѣлъ невѣроятно. Юрисконсультомъ при Лепехинской мануфактурѣ.

— Съ кѣмъ же еще ты встрѣчался? Золотовъ, не знаешь гдѣ?

— Нѣтъ, не знаю. Даніэль застрѣлился, ты слышалъ?

— Да. Не знаешь, изъ-за чего?

— Трудно сказать. Кажется, онъ боленъ былъ...—Затѣмъ подумавъ, Павелъ тихо и многозначительно добавилъ:—сифилисъ.

Замолчали. Я смотрѣлъ на портретъ Софьи Михайловны, висѣвшій на стѣнѣ. Переведя затѣмъ взоръ на Павла, я замѣтилъ, что у нихъ схожіе подбородки. Теперь мнѣ уже казалось несомнѣннымъ, что это она такъ измѣнила его. Кто знаетъ, насколько приспособляетъ насъ къ себѣ женщина, отдаваясь намъ? Но вѣдь и я женатъ, и я, слѣдовательно, во власти чужой жизни, чужого тѣла и души... Вѣдь вотъ воскликнулъ же Павелъ при встрѣчѣ, что я сильно измѣнился. Я сталъ думать о своей женѣ; старался ясно себѣ представить ее возлѣ себя. Прежде, невѣстой, она была чуть похожа на Мэри.

— Ахъ, вотъ что я могу тебѣ разсказать,—вдругъ словно обрадовался Павелъ.—Алексѣевъ-то; помнишь Алексѣева? Представь себѣ, какъ я его встрѣтилъ...

Павелъ былъ талантливый адвокатъ и умѣлый разсказчикъ. Въ юности писалъ даже стихи. Можетъ быть, поэтому онъ ничего не могъ повѣдать просто и непосредственно, всему любя придать искусственныя формы. Такъ же поступилъ онъ и теперь.

— Иду я однажды изъ Окружнаго Суда. Часа четыре. Падаетъ снѣгъ: знаешь, мокрый такой, липкій, тяжелый. Словно отягощенъ онъ воспоминаніями. Дѣйствительно, этотъ снѣгъ всегда напоминаетъ мнѣ прошлое. Такъ же падалъ онъ, когда мы были съ тобою влюблены въ Мэри—Павелъ съ улыбкой посмотрѣлъ на жену.—Такъ же облѣплялъ меня, когда бѣгалъ я въ библіотеку, работая надъ кандидатскимъ сочиненіемъ. И еще многое другое неожиданно вспоминается тогда.

Мнѣ вступленіе это показалось излишнимъ и какъ-то непріятно сочиненнымъ. Но я слушалъ, не перебивая.

— Вдругъ на углу Манежнаго переулка, вижу, какой-то высокій господинъ въ форменной фуражкѣ и весьма потертомъ пальто странно стоитъ посреди тротуара и обращается ко всѣмъ прохожимъ, немного даже провожая ихъ. Нѣтъ, не провожаетъ, но лишь склонится къ подошедшему и затѣмъ обратно, — откачивается къ стѣнѣ. Я скоро понялъ, что онъ попрошайничаетъ. Когда я приблизился, онъ наклонился и ко мнѣ. „Будьте добры, обратите вниманіе“, услышалъ я. „Потерялъ службу изъ-за убѣжденій,—не поможете ли... Уволенъ за забастовку“. Я съ удивленіемъ взглянулъ наверхъ—продолжалъ Павелъ, — ибо проситель былъ очень высокъ. Лицо его показалось мнѣ знакомымъ. Конечно, я видѣлъ эти толстыя губы и выпуклый, неумный лобъ. „Алексѣевъ“, припомнилъ я почти мгновенно. Онъ не узнавалъ меня. Я сдѣлалъ видъ, что не замѣтилъ, чѣмъ онъ занимается, и протянулъ ему по товарищески руку—Павелъ дѣйствительно протянулъ впередъ руку.—„Ахъ, я сразу и не узналъ тебя“, говорю. „Да и ты, кажется, меня тоже. Безпутинъ я, помнишь по гимназіи“.

Павелъ на минуту остановился.

— Онъ, знаешь, смутился немного, но находчивостью моей воспользоваться не съумѣлъ. Опять повторилъ просьбу и политическія убѣжденія снова припомнилъ. Я тогда былъ еще въ университетѣ. Самъ, значитъ, не богатъ. Ну, отвернулся, далъ ему какой-то пустячокъ.—Павелъ дѣйствительно отвернулся и затѣмъ поспѣшно протянулъ впередъ руку.—Вотъ какой ужасъ! А вѣдь когда-то вмѣстѣ сидѣли на гимназической скамьѣ!

Мнѣ все время не нравился голосъ Павла. Въ его рѣзкости было что-то веселое. Почему-то ужасно хотѣлось спросить, сколько далъ онъ своему бывшему товарищу? Не двугривенный ли?

— Потомъ—продолжалъ Павелъ,—я его еще разъ видѣлъ на улицѣ. Опять просилъ. Но на этотъ разъ онъ узналъ меня и поспѣшно отвернулся. Я, конечно, прошелъ мимо.—

На меня разсказъ этотъ произвелъ самое тягостное впечатлѣніе. Даже захотѣлось поскорѣе уйти отъ Безпутиныхъ. Они меня не очень задерживали, хотя и звали придти опять. Софья Михайловна еще разъ обѣщала показать свои этюды. Павелъ повторялъ, что былъ очень радъ со мною встрѣтиться.

Когда я вышелъ на улицу, падалъ тяжелый, мокрый снѣгъ. Рыхлые хлопья, казалось, отягощены воспоминаніями. Я шелъ, не оглядываясь, намѣренно поспѣшно. Зачѣмъ бередить прошлое? Все равно—я не прежній. Измѣнился Павелъ, измѣнились товарищи, измѣнился и я. Узнала бы меня Мэри на улицѣ? А

улица такъ знакома. Здѣсь ходилъ я когда-то, — часто, каждый день. Здѣсь я жилъ, думалъ и волновался. Казалось, сейчасъ встрѣтится все прошлое: бѣлокурая Мэри, застрѣлившійся Даніэль, продавшійся Шаповленко. Кто это высокій стоитъ тамъ на углу? Не Алексѣевъ ли проситъ подаянія у бывшихъ товарищей? Что за непріятный, толстый господинъ идетъ мнѣ навстрѣчу? Не Герценбергъ ли, товарищъ Павла, адвокатъ, какъ и онъ?..

Странно захватывала тревога. Все болѣе ускорялъ я шаги. Не надо оглядываться, не надо думать.

Придя домой, въ свой посуточно занимаемый непривѣтливый номеръ, я поспѣшилъ со свѣчею къ зеркалу. Съ нѣкоторой робостью взглянулъ на свое лицо. Не измѣнилось ли оно еще больше? Что осталось въ немъ прежняго и что неизмѣнно во мнѣ? Неожиданно я вдругъ потрогалъ свой лобъ, щеки, подбородокъ. Если все мѣняется, что—есть?

За тонкой номерной стѣной женскій звонкій голосъ пѣлъ все одно и то же: „То, что было не вернется, о быломъ зачѣмъ грустить“... И опять сначала. Потомъ звонкоголосая сосѣдка кашляла, затѣмъ чему-то смѣялась, хотя, была, повидимому, одна. Смѣхъ ея былъ непріятный и тоже походилъ на кашель.

За окномъ все еще падалъ снѣгъ.

Викторъ Гофманъ.

ВЕСНОЙ

Опять они горятъ надъ прудомъ—
Весны румяной вечера,
Опять сегодня грежу чудомъ,
Какъ грезилъ цѣлый день вчера.

Вокругъ—веселый птичій гомонъ.
Подъ свѣтлымъ кровомъ тишины
Поетъ безъ умолку о томъ онъ,
Что въ дверь стучатся счастья сны.

Все—какъ и было, но упрямо
Твердитъ влюбленная мечта,
Что старый садъ—подобье храма
И каждый кустикъ—красота.

Объятъ весь міръ какой-то смутой,
Какой-то буйною тоской,
И сердце отдано кому-то,
Кто выше мудрости людской.

* * *

Падалъ листъ въ одинокой аллеѣ
Золотымъ шелестящимъ дождемъ.
Было грустно, но грусти свѣтлѣе
Мы уже никогда не найдемъ.

Намъ не жаль было радостей лѣта,
Безразсудно измятыхъ цвѣтовъ...
Ты ждала равнодушно отвѣта,
Я былъ выслушать правду готовъ.

Знали мы, что потомъ не повѣримъ,
Какъ была намъ разлука легка.
А вдали, словно сказочный теремъ,
Розовѣя, цвѣли облака.

И хотѣлось съ листомъ торопливымъ
Къ золотому подножью скользнуть,
Чтобы сердцемъ когда-то счастливымъ
Навсегда въ тишинѣ утонуть.

Алексѣй Липецкій.

ОТРИЦАТЕЛЬНЫЯ ТЕНДЕНЦІИ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

I.

Я имѣю намѣреніе напомнить въ этой замѣткѣ о нѣкоторыхъ явленіяхъ современной жизни, давно обратившихъ на себя вниманіе моралистовъ, философовъ и публицистовъ, но не вполнѣ разъясненныхъ въ отношеніи ихъ связи съ господствующими соціальными порядками и ихъ значенія для духовнаго развитія общества. Выясненіе этихъ явленій съ указанныхъ сторонъ представляется весьма важнымъ не только для пониманія того, что совершается въ области духовной культуры, но и для принятія цѣлесообразныхъ мѣръ противодѣйствія вреднымъ ея тенденціямъ.

Явленія, о которыхъ идетъ рѣчь, представляются мнѣ тѣсно связанными съ порядками господствующаго хозяйственнаго строя. Съ точки зрѣнія принциповъ послѣдняго я и попытаюсь освѣтить ихъ. Какое вліяніе оказываетъ современный, такъ называемый капиталистическій строй на характеръ духовной культуры?

Съ перваго взгляда можетъ показаться, что приписывать сколько нибудь значительную въ данномъ отношеніи роль хозяйственнымъ порядкамъ—значитъ противорѣчить самому понятію духовной культуры, которая болѣе всего должна подчиняться духовнымъ же, а не матеріальнымъ вліяніямъ, и что опредѣляющимъ факторомъ является здѣсь наука, развивающаяся по собственнымъ, логическимъ законамъ. Я не буду долго останавливаться на этомъ вопросѣ, и только замѣчу, что непо-

средственно наука доступна лишь небольшому числу лицъ. На массу общества прямое ея вліяніе распространяется черезъ посредство школы и общедоступной литературы, а косвенное—при посредствѣ техники, овеществляющей научныя открытія въ новыя формы и способы удовлетворенія потребностей и прихотей человѣка. Техника же хозяйственной жизни находится всецѣло въ рукахъ капиталистовъ, а литература (въ лицѣ періодической печати) болѣе и болѣе попадаетъ въ ихъ распоряженіе, и они, такимъ образомъ, оказываются въ числѣ сознательныхъ или безсознательныхъ руководителей культурнымъ развитіемъ общества. Каковы же результаты капиталистическихъ воздѣйствій на современную культуру?

Капиталистическая хозяйственная организація отражается опредѣленнымъ образомъ на психологіи современнаго человѣка уже общей своей конструкціей, безъ сознательнаго намѣренія ея руководителей достигать именно тѣхъ или другихъ психологическихъ результатовъ. Вопросъ этотъ разработанъ, говоря вообще, очень мало.

Могущественныя психологическія вліянія капитализма обусловливаются, по мнѣнію извѣстнаго ученаго Вернера Зомбарта, побѣдами, одержанными имъ, при помощи науки и техники, надъ матеріей, пространствомъ и временемъ. Непосредственными результатами этихъ побѣдъ были: 1) умноженіе количества и разнообразія выбрасываемыхъ на рынокъ предметовъ потребленія, сильно стимулирующихъ развитіе матеріальнаго начала въ человѣкѣ; 2) облегченіе и распространеніе сношеній между людьми, нивеллирующихъ ихъ жизненныя привычки, трудъ, вкусы, увеличивающихъ сумму и быстроту смѣны получаемыхъ ими впечатлѣній; 3) повышенная оцѣнка времени и боязнь потерять, не использовавъ ее, каждую минуту. Общимъ итогомъ является ускореніе темпа сначала экономической жизни, а затѣмъ и жизни современнаго человѣка вообще.

„Современное общество,—говоритъ Зомбартъ, находится въ центрѣ жизненнаго потока, какого не знала ни одна эпоха, и, поэтому, для отдѣльныхъ личностей становится возможной быстрота соприкосновенія съ обществомъ, о которой прежде нельзя было и думать... Съ этимъ оживленіемъ самымъ тѣснымъ образомъ связано то, что можно назвать нервозностью нашего времени, неустойчивостью, торопливостью и непрочностью всѣхъ формъ жизни“.

Начинаясь въ сферѣ дѣятельности по пріобрѣтенію денежныхъ средствъ, стремленіе „къ ускоренію или къ интенсивированію

веденія своихъ дѣлъ" распространяется затѣмъ въ другія сферы дѣятельности человѣка, и „наконецъ вся культурная жизнь охватывается лихорадкой, во всѣхъ областяхъ начинаются суета и давка, ставшія настоящимъ знаменіемъ времени". Развивается возрастающая потребность „въ болѣе сильной концентраціи какъ впечатлѣній, такъ и проявленій чувства и воли, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ большемъ расходѣ энергіи за опредѣленный промежутокъ времени". „Нагроможденіе впечатлѣній и обусловленное этимъ усиленное расходованіе жизненной энергіи стали нашими глубочайшими и настоятельнѣйшими потребностями". Но ускореніе темпа жизни „необходимо вызываетъ болѣе быстрое пресыщеніе, перенапряженіе, переутомленіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и потребность если еще не въ покоѣ, то всетаки въ перемѣнѣ рода возбудительныхъ моментовъ", а можно было бы прибавить: и потребность въ усиленіи возбудителей. „Такимъ образомъ возникаетъ эта жажда новаго ради него самого, эта страсть къ новшествамъ, которая даетъ капиталу психологическое основаніе для постройки системы непрерывнаго измѣненія формы матеріальныхъ благъ, которую онъ воплотилъ, ради самосохраненія, въ модѣ. Въ этой послѣдней, вытекающей изъ сути капиталистическихъ интересовъ, снова проявляется тенденція къ постоянному преобразованію окружающей насъ среды, которая сначала простирается лишь на міръ матеріальныхъ благъ, а затѣмъ очень скоро и на область идеальныхъ интересовъ: наши философскія системы, наши художественные стили и литературныя направленія мѣняются теперь почти также часто, какъ наша мода на галстухи и шляпы" [1]).

Это — общія вліянія капитализма, зависящія отъ его строя и обусловливаемаго имъ быстраго темпа въ оборотахъ хозяйственной жизни. Сказанное Зомбартомъ приводитъ къ заключенію, что этимъ вліяніямъ присуща тенденція ослаблять въ человѣкѣ серьезный интересъ къ содержанію духовной культуры, какъ выраженію доступной въ данное время красоты, истины и справедливости, и побуждать его искать въ ней главнымъ образомъ смѣны впечатлѣній.

Другой своей стороной—преимущественнымъ развитіемъ матеріальной культуры — капитализмъ ограничиваетъ и самое значеніе духовныхъ благъ въ жизни современнаго человѣка.

---

[1]) „Соціализмъ и соціальное движеніе" (изд. Скирмунта, стр. 13). „Современный капитализмъ" (II томъ, стр. 82—86).

II.

Капиталистъ-предприниматель заваливаетъ потребителя массою разнообразнѣйшихъ предметовъ. Современный человѣкъ въ жизненномъ обиходѣ употребляетъ гораздо больше вещей, чѣмъ его не очень отдаленный предокъ; ассортиментъ этихъ вещей гораздо разнообразнѣе, формы ихъ утонченнѣе и продолжительность употребленія короче, т.-е. обновляются онѣ гораздо чаще.

Это обиліе и разнообразіе предметовъ матеріальной культуры не есть нѣчто случайное въ современномъ обществѣ, но и нельзя его считать послѣдствіемъ настоятельныхъ требованій потребителей, побуждающихъ, будто бы, производителей изощрять свою фантазію въ угоду покупателю. Стремленіе къ быстрой смѣнѣ формъ удовлетворенія потребностей и къ увеличенію разнообразія предметовъ, служащихъ этой цѣли, быть можетъ и вошло въ природу современнаго человѣка, но культивировано оно при огромномъ, активномъ участіи, если не по иниціативѣ, капиталистовъ-предпринимателей, которымъ оно такъ же необходимо, какъ рыбѣ вода.

Въ самомъ дѣлѣ, если бы пища, одежда, домашняя обстановка оставались неизмѣнными, если бы фрукты, овощи, мясо, кожа, шерсть были теперь такіе же, какъ и 50 — 100 лѣтъ тому назадъ, если бы въ особенности тѣ формы, въ какія облекаются сырые матеріалы для удовлетворенія нашихъ нуждъ, не претерпѣвали существенныхъ измѣненій, то развитіе производительности труда—самая выдающаяся черта въ системѣ капиталистической организаціи хозяйства—сопровождалась бы пропорціональнымъ удешевленіемъ содержанія семьи и ограниченіемъ выраженнаго въ деньгахъ спроса на предметы потребленія, и этимъ создалась бы возможность посвящать меньше труда на добываніе денежныхъ средствъ. И это происходило бы въ то именно время, когда возросшая производительность труда—при капиталистической ея эксплуатаціи — побуждала бы предпринимателей выбрасывать на рынокъ бо̀льшую и бо̀льшую сумму цѣнностей. Вслѣдствіе замѣны ручного труда машиннымъ производительность труда возросла въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ въ 10—12 разъ и болѣе, и еслибы форма и качество издѣлій оставались при этомъ неизмѣненными — въ нѣсколько разъ уменьшилась бы ихъ цѣна. Это имѣло бы послѣдствіемъ огромное сокращеніе или по крайней мѣрѣ крайне медленное увеличеніе

денежнаго спроса на товары, и открывало бы возможность значительно уменьшеннаго примѣненія въ производствѣ труда человѣка, т.-е. ограниченія рабочаго дня на фабрикахъ и заводахъ. То и другое, однако, мало улыбается капиталистамъ-предпринимателямъ: замедленіе спроса на продукты быстро растущей производительности и сокращеніе предложенія труда при ускоренномъ накопленіи капиталовъ грозило бы полнымъ крушеніемъ капиталистическому строю.

Изъ сказаннаго ясно, что сохраненіе и дальнѣйшее развитіе капиталистическаго строя—при быстротѣ техническихъ изобрѣтеній, свойственной современному состоянію науки—можетъ быть обезпечено въ томъ случаѣ, если въ рядъ процессовъ производства будутъ вводимы такіе моменты, коими ослаблялось бы вліяніе техническаго прогресса на удешевленіе если не отдѣльныхъ предметовъ, то жизни въ ея цѣломъ. Это условіе окажется выполненнымъ, если вмѣстѣ съ ростомъ производительности труда будутъ измѣняться, усложняться и улучшаться способы удовлетворенія матеріальныхъ потребностей человѣка, и для приспособленія къ сему предметовъ потребленія понадобятся дополнительныя затраты труда. Это именно и происходитъ въ капиталистическомъ обществѣ. Предприниматели постоянно измѣняютъ качество матеріаловъ, изящество формъ предметовъ потребленія, расчленяютъ предметъ, исполняющій нѣсколько функцій, на рядъ предметовъ, спеціализированныхъ по назначенію, изобрѣтаютъ предметы, вызывающіе новыя потребности и т. д. [1]). Развивается та именно система заваливанія потребителя вещами, множествомъ мелочей, которая такъ характерна для современнаго быта.

Можно, поэтому, утверждать, что огромное распространеніе въ современной жизни предметовъ матеріальной культуры было послѣдствіемъ не самостоятельной и независимой эволюціи физическихъ потребностей человѣка, а эволюціи, возбуждаемой и подстегиваемой капиталистомъ-предпринимателемъ. Относительно, напр., одного изъ средствъ этого возбужденія и подстегиванія—моды—серьезный ученый (Зомбартъ) считаетъ себя вправѣ сказать, что „участіе потребителей въ процессѣ ея возникновенія сводится къ минимуму; настоящей движущей силой при созданіи современной моды является капиталистическій предприниматель“ [2]). Тоже самое, въ большей или меньшей степени, при-

---

[1]) В. В., „Производство и потребленіе въ капиталистическомъ обществѣ“ стр. 49—51.

[2]) „Современный капитализмъ“, т. II, стр. 345.

ложимо ко всей почти области производства матеріальныхъ благъ.

Капиталистическій предприниматель вынужденъ, какъ мы видѣли, выбрасывать на рынокъ больше и больше предметовъ своего производства и для привлеченія покупателя придавать имъ наиболѣе соблазнительныя формы. Поэтому-то на выставкахъ магазиновъ каждый предметъ,—по удачному выраженію одного наблюдателя—„лѣзетъ въ глаза, стремится вкрасться въ жизнь прохожаго, показать свою желанность и необходимость". Разнообразіе и многообразіе вещей, навязываемыхъ предпринимателемъ, сопровождаетъ современнаго человѣка за туалетнымъ столомъ, за столомъ обѣденнымъ, въ его одеждѣ, домашней обстановкѣ и въ тѣхъ увеселительныхъ заведеніяхъ, гдѣ онъ проводитъ часы отдыха послѣ утомительнаго труда. Каждый пользуется ими по мѣрѣ средствъ, но постепенно онѣ входятъ въ обиходъ жизни, обязательный для лицъ даннаго круга. Малоимущіе завидуютъ болѣе счастливымъ, быть можетъ страдаютъ отъ неудовлетворенности желаній, разжигаемыхъ живыми и мертвыми выставками привлекательныхъ предметовъ, мечтаютъ о времени, когда имъ удастся пріобщиться къ этимъ „благамъ" цивилизаціи, а имѣя нѣкоторыя для того средства, тратятъ ихъ даже въ ущербъ удовлетворенію наиболѣе настоятельныхъ потребностей. Возникаетъ то положеніе вещей, которое формулировано въ парадоксѣ, что — несмотря на удешевленіе отдѣльныхъ предметовъ потребленія—сводить концы съ концами среднему человѣку становится труднѣе и труднѣе.

Описанное положеніе дѣлъ въ области потребленія матеріальныхъ благъ отражается опредѣленымъ образомъ на состояніи духовной культуры современнаго человѣка. Масса предлагаемыхъ покупателю и пріобрѣтаемыхъ имъ новыхъ разныхъ привлекательныхъ предметовъ, отвѣчающихъ его потребностямъ и прихотямъ, не только существующимъ, но и возможнымъ, фиксируетъ его вниманіе на мелкихъ, чувственныхъ (въ широкомъ смыслѣ слова) желаніяхъ, безмѣрно увеличиваетъ ихъ количество, пріучаетъ его къ постоянной смѣнѣ формъ ихъ удовлетворенія, располагаетъ находить въ заботахъ о матеріальныхъ мелочахъ своеобразное удовольствіе, рано или поздно обращающееся въ нѣчто вродѣ потребности, и уже этимъ отвлекаетъ его отъ болѣе высокихъ внутреннихъ переживаній и духовныхъ наслажденій, ограничиваетъ его стремленіе къ использованію болѣе благородныхъ сторонъ человѣческой природы, придавливаетъ человѣка, какъ носителя духовнаго начала. Нѣмецкіе ученые, философы и мора-

листы формулируютъ это какъ рѣзкое противорѣчіе между матеріальной и духовной культурой въ современныхъ обществахъ.

„Нашему времени часто и справедливо ставятъ въ укоръ, что оно развило преимущественно матеріальную культуру въ ущербъ личности“—говоритъ Зомбартъ.—„Слѣдуетъ разобраться въ новыхъ хозяйственныхъ формахъ, наполнить ихъ нравственнымъ содержаніемъ, добиться новой культуры, чтобы жизнь, несмотря на блестящія условія техники и подъемъ производства, не бѣднѣла внутренно“—высказываетъ проф. Раухбергъ. Нужно „*осуществить* открывшуюся, благодаря подъему производства, *возможность* высшаго соціальнаго и культурнаго развитія, чтобы вновь отвоевать нѣмецкой народной жизни внутреннюю гармонію между матеріальною и духовной культурой“ [1]). Въ настоящее время, слѣдовательно, эта гармонія считается Раухбергомъ нарушенной. „Необычайное богатство и совершенство предметовъ, вещей культуры, созданныхъ за послѣднія десятилѣтія въ Германіи, неизмѣримо огромно, по сравненію съ медленнымъ подъемомъ культуры личности, съ ростомъ ея утонченности, съ повышеніемъ ея внутренняго богатства“—говоритъ Зиммель. Извѣстный политикъ, пасторъ Науманъ, высказывается рѣзче, полагая, что быстрое развитіе техническаго творчества въ Германіи придавливаетъ человѣка и замедляетъ развитіе его оригинальнаго, цѣльнаго, духовнаго творчества.

„Предметы и радость отъ предметовъ — говоритъ русскій наблюдатель парижской жизни—вотъ символъ вѣры современнаго Парижа. Поговоришь съ нелицемѣрнымъ парижаниномъ—и поймешь, что душа, въ его глазахъ, какая-то славянская выдумка Достоевскихъ и Тургеневыхъ. Для нихъ законъ жизни — осязательное наслажденіе“. Это заключеніе русскаго наблюдателя находитъ себѣ подтвержденіе въ выводахъ анкеты, произведенной ассоціаціею парижскихъ студентовъ. Наиболѣе характерной чертой французской молодежи—согласно этой анкетѣ—является полное отсутствіе энтузіазма. Нѣтъ прежняго романтизма, прежней молодости духа. Не любятъ тратить силъ на борьбу за идеи философскія или религіозныя. Увлеченіе какой-либо большой идеей встрѣчается очень рѣдко. Создать жизнь пріятную въ чувственномъ смыслѣ, на основѣ матеріальной обезпеченности — таковы думы и стремленія студента-типа“. Этотъ типъ современнаго потребителя продуктовъ капиталистическаго производства, крайне выгодный для капиталиста-предпринимателя, созданъ или отпо-

---

[1]) „Народное Хозяйство“, 1902 г., № 6, стр. 56—57.

лированъ имъ, какъ средство обезпеченія наростанія его прибыли. Въ области производства матеріальныхъ благъ капиталисты обратили рабочаго въ придатокъ машины, содѣйствующій росту ихъ богатствъ. Аналогичный процессъ осуществляется и въ сферѣ потребленій. И здѣсь человѣкъ болѣе и болѣе обращается въ средство накопленія того же богатства.

Вызываемыя хозяйственной необходимостью заботы капиталистовъ о возможно большемъ участіи общества въ потребленіи создаваемыми имъ продуктовъ развиваютъ, прежде и больше всего, низшіе, матеріальные, чувственные инстинкты человѣка. Чувственныя же стороны человѣческой природы тѣсно между собой связаны и поддерживаютъ другъ друга. Матеріальному характеру современной культуры слѣдуетъ, поэтому, приписать видную роль и въ происхожденіи большого зла современнаго общества — ранняго пробужденія половыхъ инстинктовъ. „Носителемъ полового соблазна—говоритъ д-ръ Блохъ,—является въ настоящее время не столько отдѣльное лицо, сколько окружающая среда. Жизнь наслажденій, какъ таковая, вся ея чувственно-раздражащая атмосфера играетъ теперь такую же роль, какую раньше игралъ „соблазнитель", Донъ-Жуанъ стараго времени. На нашихъ молодыхъ людей значительно сильнѣе вліяетъ общая погоня за удовольствіями, чѣмъ пріемъ опытныхъ соблазнителей. Общественное совращеніе доставляетъ въ настоящее время значительно больше жертвъ, чѣмъ единичное, которое наблюдалось въ прошломъ" [1]).

III.

То, что мы до сихъ поръ говорили, рисуетъ общія вліянія современнаго хозяйственнаго строя на всѣхъ лицъ, втянутыхъ въ круговоротъ мѣнового хозяйства. Но помимо этихъ общихъ вліяній, отдѣльные классы общества, въ зависимости отъ обстановки ихъ быта, подвергаются спеціальнымъ воздѣйствіямъ, создающимъ и соотвѣтствующія настроенія. Для нашей цѣли всего интереснѣе изученіе вліянія спеціальныхъ условій быта на трудящееся населеніе, какъ составляющее численно преобладающій классъ общества.

Попытка характеристики пролетарской психологіи, въ связи съ созданными капитализмомъ условіями быта рабочихъ, при-

---

[1]) „Половая жизнь нашего времени", стр. 238.

надлежитъ Зомбарту [1]). Условія эти совершенно отличны отъ тѣхъ, которыя окружаютъ земледѣльца или ремесленника стараго типа.

Прежде всего бросается въ глаза тотъ фактъ, что пролетарій растетъ внѣ соприкосновенія съ природой и лишенъ ея воспитательнаго и образовательнаго вліянія. Онъ живетъ въ искусственной обстановкѣ, утрачиваетъ инстинктъ самосохраненія и потерялся бы при такихъ обстоятельствахъ, изъ которыхъ нашелъ бы выходъ человѣкъ земли. Пролетарій постоянно мѣняетъ мѣсто жительства. У него, поэтому, не образуется связей съ опредѣленной мѣстностью, гдѣ бы онъ выросъ и укоренился, куда бы постоянно возвращались его мысли и воспоминанія родины, которая положила бы на него своеобразный отпечатокъ. У него, поэтому, отсутствуютъ—говоритъ Зомбартъ,—„всѣ тѣ нѣжныя, чувствительныя черты, которыя мы такъ часто встрѣчаемъ въ другихъ группахъ населенія. Не имѣя родины въ естественномъ смыслѣ, какъ мѣста, по которомъ бы онъ тосковалъ, пролетарій не имѣетъ родины и въ соціальномъ смыслѣ, т.-е. никакого сообщества съ своими сосѣдями, съ которыми онъ былъ бы связанъ думами и чувствами. У него нѣтъ особыхъ нравовъ, какъ нѣтъ и особой одежды, нѣтъ мѣстныхъ пѣсенъ и мѣстныхъ кушаній; всѣ его нравы и обычаи являются нравами и обычаями всего міра“. И это отражается на его индивидуальности. „Крестьянинъ и ремесленникъ, крестьянинъ болотистой мѣстности и горной, крупный крестьянинъ и мелкій или бобыль, башмачникъ и портной, рудокопъ и кожевникъ стараго пошиба—какіе представляютъ они яркіе, существенно разнообразные типы, если ихъ сравнить съ всемірнымъ пролетаріемъ, который въ Лондонѣ и Римѣ, Москвѣ и Парижѣ является почти тождественной, безцвѣтной и безхарактерной фигурой, вполнѣ одинаковымъ клише „культуры“.

Это единообразіе культурнаго типа пролетарія обусловливается, конечно, не одной, только что указанной причиной, но и цѣлымъ рядомъ другихъ условій быта, общихъ пролетаріату всѣхъ цивилизованныхъ странъ, съ нѣкоторыми, однако, особенностями въ Англіи и въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Пролетарію неизвѣстны узы родства большой родственной группы и отношенія зависимости и авторитета, характерныя для большихъ крестьянскихъ семей; въ немъ, поэтому,

---

[1]) Для нижеслѣдующаго см. Зомбарта „Пролетаріатъ“ (изданіе фирмы „Человѣкъ и общество“).

развивается индивидуализмъ, поддерживаемый еще слабостью экономической зависимости жены отъ мужа и молодого человѣка отъ своихъ родителей, такъ какъ капитализмъ создалъ возможность самостоятельнаго заработка не только для очень молодого человѣка, но и для подростка.

Еще болѣе важнымъ факторомъ образованія пролетарской психологіи Зомбартъ считаетъ тотъ фактъ, что „для пролетаріевъ теряетъ связующую силу даже тотъ тѣсный семейный союзъ—индивидуальная семья,—который еще и понынѣ образуетъ основу существованія во всѣхъ буржуазныхъ кругахъ". Пролетарій можетъ, правда, жениться и имѣть дѣтей; но этимъ не создается моральный семейный союзъ и домашній очагъ. Отецъ, а нерѣдко и мать семейства, цѣлый день проводя внѣ дома, лишены близкаго общенія со своими дѣтьми, да и квартирныя условія жизни пролетаріата не даютъ возможности созданія сколько-нибудь уютнаго, привлекательнаго домашняго очага. Въ силу этихъ условій пролетарій не можетъ уединиться отъ другихъ обитателей его дома ни со своими радостями, горемъ и дрязгами, ни въ удовлетвореніи своего желанія не видѣть дрязгъ и неустройства въ быту своихъ сосѣдей. Это всего болѣе отражается на молодомъ поколѣніи, воспитывающемся на улицѣ и обреченномъ на наблюденіе всей грязи людскихъ отношеній, систематически ихъ развращающихъ. „Добрыя чувства въ дѣтяхъ—говоритъ Зомбартъ,—до сихъ поръ зарождались на почвѣ любовныхъ отношеній между родителями и дѣтьми, братьями и сестрами. Мы можемъ себѣ представить отдѣльныя, выдающіяся, сильныя и богатыя индивидуальности, которыя совершаютъ свой жизненный путь, минуя семью; но культурнаго развитія массъ безъ воспитательнаго вліянія семьи представить себѣ не можемъ". Правъ въ этомъ заключеніи Зомбартъ или нѣтъ, но тотъ фактъ, что мы присутствуемъ при разложеніи семьи—культурнаго фактора, вліявшаго на образованіе психологіи въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій, безъ замѣны его иными организованными вліяніями, заслуживаетъ полнаго вниманія и изслѣдователя, и практическаго дѣятеля.

Жалкая квартирная обстановка гонитъ изъ дому и взрослаго рабочаго. Хорошо, если онъ пойдетъ въ мирное собраніе товарищей, въ свой политическій клубъ и т. п. Но чаще онъ предпочтетъ „мрачный, отвратительный, наполненный дымомъ, вонючій кабакъ. Или можетъ быть мрачный, отвратительный, наполненный дымомъ, вонючій кафе-шантанъ". „Въ пивныя съ садомъ на окраинахъ, а зимой—въ прокоптѣлый концертный залъ"

направляется рабочій и въ праздничный день, съ своей женой и малышами.

По словамъ Зомбарта, современный пролетарій утрачиваетъ возможность „пріобрѣсти умомъ и чувствомъ прочную, внутреннюю связь съ опредѣленной профессіей". Трудъ массы рабочихъ не требуетъ предварительнаго обученія, не связываетъ работающаго ни съ внутренней сущностью производительной дѣятельности, ни съ окончательными ея результатами, и становится для него ненавистнымъ. „Прикованный къ машинѣ, которая не даетъ ему ни секунды для размышленія и сушитъ мозгъ въ костяхъ, онъ долженъ поспѣвать за тѣмъ темпомъ, который опредѣляетъ фабрикантъ. Вся его дневная работа исчерпывается, быть можетъ, нелѣпыми частичными обязанностями, которыя хорошо исполнила бы даже обезьяна. А за нимъ съ кнутомъ—съ угрозой увольненія—стоитъ надсмотрщикъ и заставляетъ его напрягать всѣ силы. Колоссальное производство, куда отдѣльная личность включена, какъ колесико въ большомъ, безжизненномъ механизмѣ, требуетъ желѣзной дисциплины".

Какъ же должны вліять такія условія жизни пролетарія на его психику?—спрашиваетъ Зомбартъ.

„Дѣти съ ранняго возраста привлекаются къ труду; взрослые изнуряются до полусмерти дневной работой. Эта работа въ тысячѣ случаевъ не даетъ ни малѣйшей пищи уму и проходитъ въ отупляющей обстановкѣ, безъ какихъ бы то ни было живительныхъ впечатлѣній природы. Все однообразно, монотонно въ средѣ неодушевленныхъ предметовъ". Нельзя сомнѣваться — заключаетъ Зомбартъ,—что „первымъ результатомъ этого является ужасное банкротство въ духовномъ и нравственномъ отношеніи. Первое положеніе, въ какое попадаютъ массы вслѣдъ за развитіемъ капитализма, есть состояніе пустоты и отравленія всѣхъ функцій души". „Тупость или грубость—смотря по природному характеру единичной личности—вотъ тѣ первые цвѣты, которые дало дерево, посаженное капитализмомъ".

Таковъ первый и совершенно отрицательный результатъ стихійнаго воздѣйствія капитализма на массы трудящагося населенія. Но „въ мрачно-задумчивыя массы пролетаріата проглядываетъ и новая жизнь" — и въ высшихъ слояхъ пролетаріата можно найти совершенно другіе законы духовной жизни, тоже, однако, окрашенной условіями обстановки, созданной капитализмомъ.

Лишенный духовнаго содержанія, выработаннаго старыми условіями жизни, будучи свободенъ отъ чувствъ, идей и „пред-

разсудковъ" стараго времени, современный пролетарій можетъ приспособиться къ новой обстановкѣ при условіи здраваго ея обсужденія, раціональнаго къ ней отношенія. Къ той же работѣ мышленія побуждаетъ его постоянная перемѣна мѣстожительства, постоянное столкновеніе съ новыми обстоятельствами и новыми людьми и необходимость напрягать умъ, чтобы найти себѣ занятіе. Поэтому „пролетарская психика ясно характеризуется теперь сильнымъ преобладаніемъ интеллектуальной дѣятельности". „Жажда знанія существуетъ теперь во всѣхъ лучшихъ рабочихъ кругахъ"—но знаній „переработанныхъ чужимъ умомъ. Не созерцаніе вещей привлекаетъ этихъ людей, не къ инстинктивному пониманію дѣйствительности, при помощи чувства, стремятся они, не дѣйствіе и творчество сами по себѣ составляютъ предметъ ихъ страстныхъ желаній, но „познаніе", т.-е. выработка извѣстной системы понятій. Не міръ и люди привлекательны для нихъ, а теорія происхожденія міра и людей; не цвѣты, а ботаника, не животныя, а зоологіи, не душа человѣка, а психологія". Но образованіе и критика у огромной массы пролетаріевъ останавливается на полдорогѣ. „Они теряютъ свою жизненность, окостенѣваютъ въ догмы теоріи, въ догмы практики. Они становятся банальностями, которыя заполняютъ умъ. Человѣкъ, счастливо освободившійся отъ предразсудковъ и суевѣрій и считающій себя свободнымъ, попадаетъ въ неразрывную сѣть теоріи, въ которой онъ можетъ двигаться не съ большей свободой, чѣмъ прежде естественный человѣкъ двигался въ цѣпяхъ предразсудковъ и суевѣрія".

Новая и весьма важная въ практическомъ отношеніи черта, находимая Зомбартомъ въ психологіи пролетаріата, это — массовое самосознаніе, пристрастіе къ массѣ. Оторванный отъ того, что связывало прежнія поколѣнія, чувствуя себя, въ качествѣ единицы, одинокимъ, ничѣмъ, но находясь въ постоянномъ общеніи съ массою другихъ такихъ же единицъ, „съ которыми по существу его не связываетъ ничто, кромѣ общей тоски и пустоты, общей изолированности и одиночества", пролетарій привязывается къ этой массѣ, какъ къ чему-то способному заполнить образовавшуюся въ немъ пустоту, и благоговѣетъ передъ массой, какъ передъ новымъ божествомъ. Только въ единеніи съ другими, какъ часть цѣлаго, онъ представляетъ собою что-нибудь—и онъ стремится къ объединенію, въ немъ легко развивается классовое самосознаніе, классовое чувство, на почвѣ котораго укрѣпляется чувство солидарности, преданность, самопожертвованіе и подчиненность вождямъ.

Безвкусная частная жизнь, отсутствіе удовлетворенія въ работѣ и въ семейной жизни, отрицательное отношеніе къ тому строю, въ рамкахъ котораго онъ страдаетъ, въ связи съ его массовымъ или классовымъ сознаніемъ, гонитъ пролетарія въ объятія политики, и именно политики „радикальной", въ смыслѣ „отсутствія піэтета по отношенію къ прошедшему и въ смыслѣ доктринаризма, политики соціалистической, обѣщающей полный переворотъ ненавистной ему дѣйствительности.

Напомнимъ, что послѣднія черты приложимы къ тѣмъ изъ пролетаріевъ, кто стремится къ чему-то высшему. Основныя же свойства пролетарской психики — душевная пустота, отсутствіе положительныхъ впечатлѣній отъ того, что его окружало въ дѣтствѣ, впечатлѣній, которыя укоренились бы въ его сознаніи, какъ нѣчто свѣтлое, достойное внутреннихъ переживаній, и которыя вложили бы въ его душу нѣчто цѣнное и прочное. Эти основныя черты психики пролетарія обращаютъ послѣдняго въ матеріалъ, наименѣе способный сопротивляться вліяніямъ капиталистической культуры, нездоровымъ чарамъ окружающей его атмосферы.

IV.

До сихъ поръ мы имѣли дѣло съ такими вліяніями господствующаго хозяйственнаго строя, которыя исходятъ отъ матеріальныхъ его факторовъ и дѣйствуютъ на психологію человѣка черезъ посредство создаваемой имъ внѣшней для него обстановки. Но въ новѣйшее, главнымъ образомъ, время человѣкъ сдѣлался объектомъ и непосредственнаго духовнаго воздѣйствія капиталистическаго предпринимателя. Послѣдній становится, такимъ образомъ, сознательнымъ участникомъ въ созданіи той новой духовной культуры, тѣхъ вкусовъ, мнѣній и взглядовъ, которымъ предстоитъ наполнить новымъ содержаніемъ опустошенную душу современнаго пролетарія, а въ значительной мѣрѣ и душу средняго представителя надпролетарскихъ слоевъ, подвергшихся, въ свою очередь, опустошительному дѣйствію современнаго хозяйственнаго быта. Проявляетъ капиталъ такое вліяніе путемъ печатнаго слова и зрѣлищъ, которыми онъ понемногу завладѣваетъ, какъ завладѣлъ производствомъ матеріальныхъ благъ.

Девять десятыхъ грамотнаго люда въ цивилизованныхъ государствахъ читаетъ почти исключительно газеты и приложенія къ нимъ. Французскій рабочій, напр., считается очень интеллигентнымъ. Онъ знаетъ много и находится „въ общемъ курсѣ всего

міра, всей политики и культуры—говоритъ русскій наблюдатель парижской рабочей жизни.—Но напрасно бы вы стали здѣсь искать тѣхъ развитыхъ на философскій манеръ нашихъ одиночекъ, которыми насъ наградила эпоха революціи. Все, что знаетъ французскій рабочій, о чемъ онъ ожесточенно споритъ—все это почерпнуто имъ изъ бульварныхъ или революціонныхъ газетъ; нѣтъ почти ничего, что бы онъ взялъ изъ большой или даже маленькой книжки. Уличная жизнь, уличная газета, уличное чтеніе". То же слѣдуетъ сказать и о французскомъ крестьянинѣ. „Крестьянинъ не покупаетъ книгъ... Альманахи и календари — это единственныя книги, на которыя иногда раскошеливается крестьянинъ" [1]).

А газета—это важнѣйшее средство интеллектуальнаго и моральнаго, если не политическаго вліянія на массы,—почти полностью захвачена капиталомъ. Прочность этого захвата кажется тѣмъ болѣе непреложной, что онъ явился результатомъ не искусственныхъ мѣръ съ цѣлью воздѣйствія на общество, а естественнымъ послѣдствіемъ стихійнаго развитія капитализма, какъ системы личной наживы.

Газета—не только средство воздѣйствія на умы, но и болѣе или менѣе выгодное коммерческое предпріятіе. Характеръ коммерческій газетное дѣло стало пріобрѣтать преимущественно по мѣрѣ того, какъ чтеніе газетъ распространялось среди широкой городской публики, утратившей, какъ мы видѣли, старые интеллектуальные и моральные устои и не успѣвшей пріобрѣсти опредѣленнаго идейнаго, научнаго и художественнаго вкуса. Въ это время и получилъ широкое распространеніе захватъ періодической печати капиталомъ, ради наживы. Источникомъ наживы постепенно сдѣлалась, при этомъ, не выручка съ продаваемыхъ номеровъ,—которою едва покрываются типографскіе расходы,—а вознагражденіе за услуги газеты разнаго рода предпринимателямъ, дѣльцамъ и неразборчивымъ политикамъ. Всѣ эти лица платили за помѣщаемыя въ газеты объявленія, рекламы и статьи въ пользу того или другого частнаго или общественнаго предпріятія, художественнаго или литературнаго произведенія, великосвѣтскаго бала и т. д. „Сегодня мы выпускаемъ лучшій номеръ за время существованія нашей газеты—сказалъ однажды своимъ сотрудникамъ извѣстный основатель „Figaro", Вилльмесанъ,—въ

---

[1]) „Жизнь для всѣхъ". 1910, № 8—9, ст. Зорина: „Съ парижскаго завода". „Запросы жизни", 1910, № 10, стр. 604.

немъ нѣтъ ни одной неоплаченной заинтересованными лицами строчки".

Парижскій корреспондентъ журнала „Zeitschrift" сообщаетъ, что всѣ большія парижскія газеты, кромѣ четырехъ, помѣщаютъ на своихъ страницахъ статьи, взимая съ авторовъ, отъ одной до четырехъ тысячъ франковъ, за статью. Новѣйшій французскій писатель, Lysis, утверждаетъ, что, за исключеніемъ нѣкоторыхъ органовъ рабочей печати, почти вся французская пресса „куплена, продалась и поработилась владычеству денегъ. Подкупъ прессы представляетъ организованную и даже централизованную промышленность". Плата за помѣщаемыя въ газетахъ статьи, конечно, очень разнообразна. Въ Лондонѣ, говорятъ, есть общество, обѣщающее за 400 фунтовъ стерлинговъ помѣстить въ 400 газетахъ любую статью, если она не грозитъ уголовной отвѣтственностью. Наиболѣе распространенная парижская газета, „Le Petit Journal", не остановившаяся въ свое время передъ защитой турецкихъ звѣрствъ въ Арменіи, получала за нѣкоторыя статьи 50 тыс. и даже до 140 тыс. франковъ.

„Жонглированіе убѣжденіями является самой яркой характерной чертой американскаго журнализма"—пишетъ корреспондентъ „Русскихъ Вѣдомостей". Въ Вѣнѣ—по словамъ мѣстной газеты „Die Zeit"—есть только „богатыя газеты, живущія подкупомъ, и честныя, умирающія отъ истощенія". „Ежедневная печать въ Болгаріи—по характеристикѣ г. Богучарскаго—„типа почти поголовно желтой прессы, „крикливой, рекламной, безидейной, гоняющейся исключительно за сенсаціями, обвиняющей другъ друга въ подкупности... въ сущности никакого общественнаго мнѣнія не отражающей, никого не уважающей и въ свою очередь рѣшительно ничьимъ уваженіемъ не пользующейся". „Нѣкогда газета связана была съ тѣмъ или другимъ политическимъ ученіемъ, съ той или другой партіей—говоритъ новѣйшій изслѣдователь газетнаго дѣла во Франціи; теперь она принадлежитъ синдикату, пускаетъ въ ходъ или сама дѣлаетъ различныя дѣла". Многія акціонерныя газеты и теперь выкидываютъ знамя той или другой партіи, но и въ этомъ онѣ руководствуются не принципіальными соображеніями, а коммерческимъ расчетомъ [1]).

Величайшимъ зломъ капиталистической газеты, однако, кажется намъ даже не открытіе ея столбцовъ для статей, оплаченныхъ дѣльцами и спекулянтами, а то вліяніе, какое она ока-

[1]) „Періодическая печать на Западѣ" (изд. журнала „Образованіе", стр. 162, 206, 303, 316). „Рѣчь", 1910, № 335. „Современный Міръ", 1910, № 11, стр. 7. „Вѣстникъ Европы", 1911, №№ 4 и 7.

зываетъ на духовный складъ читателя статьями, за которыя сама платитъ. Статьи эти преслѣдуютъ единственную цѣль широкаго распространенія газеты (отъ котораго зависитъ плата за объявленія и инспирируемыя статьи), путемъ возбужденія интереса къ ней среди малообразованнаго населенія. Для этого нужно играть на легко возбуждаемыхъ стрункахъ человѣческой души—и такъ какъ чувственныя и болѣе низменныя стороны человѣческой природы легче поддаются воздѣйствію, то именно ихъ и культивируетъ стремящаяся къ наживѣ газета. Сенсаціонныя извѣстія, сплетни (американскія газеты подкупаютъ даже англійскую прислугу доставлять имъ свѣдѣнія о своихъ и чужихъ господахъ), смакованіе кровавыхъ преступленій и возвеличеніе ихъ героевъ, порнографическіе и бульварные романы составляютъ необходимую принадлежность ходкой газеты на Западѣ и въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Большія американскія газеты — говоритъ одно американское изданіе — „ищутъ, большею частью, лишь сокровенной тропы въ карманы публики... Ихъ руководители готовы на что угодно, лишь бы удовлетворить тому, въ чемъ они видятъ вкусъ или безвкусіе публики... Способные люди готовы проституировать свои таланты; люди, повидимому почтенные, продаютъ свою совѣсть и убѣжденія, чтобы найти эту извилистую тропу". Англійская уличная пресса, по словамъ Гобсона, служитъ для публики средствомъ „досыта насладиться рѣзней, убійствами, человѣческими страданіями и разрушеніями". Начатая на страницахъ газеты, эта система развращенія читателя продолжается въ популярной книгѣ. Одинъ нѣмецкій романъ — предназначенный, кстати сказать, для юношества — даетъ описаніе 2.293 убійствъ и нетолько обычными средствами холоднаго и огнестрѣльнаго оружія или отравленія, но и изощренными способами оскальпированія, потопленія, заколачиванія кулаками, зарытія въ землю, отдачи на съѣденіе крысамъ и т. п.

Отдѣльныя группы изъ общества обратили вниманіе на развращающее вліяніе популярной прессы, но тщетно ищутъ дѣйствительныхъ средствъ борьбы съ нею. Еще во время парижской выставки 1900 г. делегаты англійскихъ трэдъ-юніоновъ взывали къ французскимъ рабочимъ о необходимости противодѣйствія вліянію „новой силы — прессы, находящейся въ рукахъ людей безъ принциповъ, безъ совѣсти и служащей для нихъ средствомъ разжигать народныя страсти и сѣять національную ненависть". На съѣздѣ общества народнаго образованія въ Дортмундѣ въ 1909-мъ году говорилось о заполонившей германскіе книжные

рынки сенсаціонной и бульварной литературѣ, оказывающей гибельное вліяніе на литературные вкусы средняго читателя, до учащихся включительно. Въ концѣ того же года въ Германіи основалось женское общество для борьбы съ грязью и развратомъ, распространяемыми посредствомъ литературы. Въ одной изъ недавнихъ книжекъ „La Revue“ помѣщены мнѣнія извѣстныхъ французскихъ писателей о вліяніи литературы на увеличеніе числа кровавыхъ преступленій и воззваніе къ представителямъ печати не пропагандировать преступленія сенсаціоннымъ ихъ описаніемъ и симпатичнымъ отношеніемъ къ преступникамъ, а къ читателямъ—не поощрять такого рода описаній.

Нѣкоторыя принципіальныя, партійныя газеты даютъ своимъ читателямъ болѣе доброкачественный матеріалъ, но газеты эти читаются тысячами, а газеты капиталистическія — милліонами лицъ. Въ Германіи, правда, соціалъ-демократическія газеты расходятся въ совокупности въ милліонѣ экземпляровъ; но можно ли утверждать, что такая газета удовлетворяетъ не только партійнымъ, но и всѣмъ прочимъ запросамъ читателя, и рабочій-соціалистъ не обращается для развлеченія къ прессѣ, имѣющей уличный характеръ? Германія, впрочемъ, какъ молодая капиталистическая нація, не подчинилась еще въ данномъ отношеніи всецѣло господству капитала. Новѣйшая исторія ея пролетаріата имѣетъ ту особенность, что руководившая послѣднимъ, просвѣщенная соціалъ-демократическая партія поставила себѣ задачей не только проповѣдь соціализма и политическую организацію рабочаго класса, но и всестороннее умственное его развитіе. Несмотря на тенденціозность этого развитія, руководительство соціалъ-демократіи не могло не создать въ средѣ германскаго пролетаріата болѣе чистыхъ и серьезныхъ интеллектуальныхъ стремленій. Этимъ, однако, не устраняется общепризнанный фактъ всеобщаго распространенія въ массахъ передовыхъ государствъ низкопробной уличной прессы. Заставить капиталистическую дешевую газету служить высшимъ интересамъ культуры почти невозможно: это не приноситъ желательнаго дохода, да и воспитанный ею читатель потребуетъ другого содержанія. Многіе молодые, умные и образованные французы, начиная журнальную карьеру въ широкораспространенныхъ газетахъ, „пробовали обстоятельно говорить о серьезныхъ вопросахъ текущей жизни, знакомить читателей съ общественнымъ и умственнымъ движеніемъ въ другихъ странахъ; но ихъ статьи бросались въ редакціонную корзину, потому что это „скучно“, „тяжело“ „ce n'est pas drôle, потому что это не инте-

ресуетъ читателя". Въ то время, когда во главѣ бывшаго органа французской рабочей партіи „Petite République" (принадлежащаго теперь акціонерному обществу) находился одинъ депутатъ, нѣкоторые молодые журналисты, проживавшіе за границей, посылали въ газету статьи о выдающихся явленіяхъ общественной жизни въ обитаемыхъ ими странахъ, не требуя даже за нихъ гонорара. Но ни одна изъ этихъ интересныхъ корреспонденцій не была напечатана, между тѣмъ какъ „Petite République" ежедневно посвящала скабрезнымъ анекдотамъ, разсказамъ объ убійствахъ, воровствахъ и дракахъ, скачкамъ и отвратительнымъ бульварнымъ романамъ по крайней мѣрѣ три четверти своего содержанія. Эти отдѣлы газеты находились, впрочемъ, въ завѣдываніи не партійной части редакціи.

До сихъ поръ коммерческій интересъ собственниковъ газетъ не препятствовалъ тому, чтобы даже въ капиталистическихъ изданіяхъ высказывались разнообразные политическіе и общественные взгляды. Но въ послѣднее время намѣчается перспектива новой опасности для свободнаго слова, истекающая изъ идеи синдикатной организаціи печати. О такой организаціи нѣсколько лѣтъ тому назадъ заговорилъ король уличной прессы въ Англіи, Гармсвортъ, восхваляющій объединеніе печати перспективами вродѣ того, что синдикатъ „будетъ проводить въ публику опредѣленные взгляды на религію, науку, воспитаніе, финансы" и „внушать ужасъ всѣмъ злоумышленникамъ, всѣмъ сторонникамъ взглядовъ, враждебныхъ государству". Въ малыхъ размѣрахъ Гармсвортъ началъ осуществлять свою идею: ему принадлежитъ 50 лондонскихъ газетъ. А въ послѣднее время появилось извѣстіе, что въ Америкѣ составилась группа финансистовъ, съ извѣстнымъ милліардеромъ Морганомъ во главѣ, для образованія газетнаго треста и уже приступила къ скупкѣ газетъ.

Таковы стремленія современныхъ руководителей наиболѣе распространенныхъ газетъ. Начавъ съ пользованія газетой, какъ средствомъ личной наживы, и получивъ этимъ путемъ широкую возможность воздѣйствія на общественное мнѣніе въ интересахъ отдѣльныхъ лицъ, группъ и учрежденій, капиталистическіе предприниматели — въ тонъ тому, что развивается въ сферѣ капитала, орудующаго въ области производства матеріальныхъ благъ,— стремятся монополизировать производство благъ духовныхъ и въ интересахъ коммерческихъ, для систематическаго воспитанія народныхъ массъ, соотвѣтственно интересамъ плутократіи, для систематическаго порабощенія свободнаго духа человѣка. Здѣсь уже выступаетъ не одинъ мотивъ личной наживы, но и цѣль

господства надъ умами и чувствами читателя. Какъ далеко это отъ осуществленія наивной, какъ теперь оказалось, вѣры въ юридическую свободу слова, какъ средства облагороженія человѣка, и не заключается ли много правды въ словахъ изслѣдователя судебъ французской печати, Фонсгрива: „пресса является въ настоящее время рабой; хотя, повидимому, и пользуется самой широкой свободой“! [1])

Нужно-ли останавливаться на характеристикѣ зрѣлищъ для простого народа, когда организація захватывается капиталомъ? Въ лучшемъ случаѣ они безполезны, въ худшемъ — крайне вредны. Въ праздничный вечеръ, въ центрѣ рабочаго квартала въ Лондонѣ, на улицахъ толпится народъ, ищущій развлеченій. Среди различныхъ средствъ развлеченія находится панорама съ надписью: „Всѣ роды казни — гильотина, висѣлица и испанское гарротированіе“. Панорама эта „берется приступами работниками и подростками; они такъ и прилипли къ стекламъ“. Недалеко отъ нея показывается полуголая женщина съ синяками на лицѣ и на тѣлѣ, рекомендуемая, какъ „Викторина, величайшій кулачный боецъ нашего времени“, вызывающая „всѣхъ докеровъ, матросовъ и профессіональныхъ боксеровъ“ на бой и со страхомъ въ глазахъ животнаго, ожидающаго бѣды, высматривающая, какіе новые кулаки будутъ упражнять свою мощь на ея сплошь избитомъ тѣлѣ [2]).

„Нельзя себѣ представить ничего гнуснѣе комедіи“, какую въ качествѣ наблюдателя иностранной жизни, пришлось видѣть парижскому корреспонденту „Русскихъ Вѣдомостей“ и „Вѣстника Европы“, г. Бѣлорусову, въ одномъ изъ парижскихъ рабочихъ театровъ. Содержаніе ея, конечно, порнографическое. „Абсолютно нѣтъ и не можетъ быть въ другомъ мѣстѣ такого гомерическаго веселья публики. Безнравственной? Нѣтъ. Внѣ-нравственной, это — такъ. Совершенно освободившейся отъ предразсудковъ. Все глубокое, прекрасное, человѣчное, все отвѣчающее большимъ запросамъ человѣческой души, что имѣется во французскомъ театрѣ, не сходитъ на сцены, доступныя для народа. Туда, точно въ сточныя трубы, наша культура спускаетъ всю грязь улицы, оставляя для немногихъ то драгоцѣнное, чѣмъ она обладаетъ“.

Театръ есть частное предпріятіе, и его посѣщаютъ тѣ, кому нравится этотъ жанръ. Но что вы скажете, если еще болѣе

---

[1]) Періодическая печать на Западѣ, стр. 316.

[2]) Діонео, „Очерки современной Англіи“, стр. 524.

гнуснымъ характеромъ отличаются годовые праздники французскихъ интеллигентныхъ корпорацій, вродѣ врачей или художниковъ! Это — настоящій шабашъ, но не дьявольскій, а жабій. „Передъ нами — такъ характеризуетъ годовой праздникъ парижскихъ художниковъ г. Бѣлорусовъ,—жабье царство, липкое, скользкое, болотное и сладострастное, скакало въ тактъ галопа... скакали, схватившись гирляндами, слившись тѣлами и довертѣлись до низменнаго экстаза, до скотской истерики, до потребности оголяться, валяться по землѣ, искать гнусностей, которыми можно бы поразить притупленное воображеніе окружающихъ... Люди собрались, чтобы свободно, внѣ всякихъ условностей повеселиться, отдаться игрѣ чувствъ и ума. И ничего, кромѣ однообразнаго скаканія и оголенія низменныхъ инстинктовъ, не обнаружили". „Побывавъ на этомъ праздникѣ, я началъ понимать оскудѣніе современнаго искусства", заключаетъ г. Бѣлорусовъ. Но парижскіе врачи превзошли и художниковъ. Сравнительно съ ихъ баломъ балъ художниковъ—„дѣтская забава".

V.

При оцѣнкѣ духовнаго типа и психической жизни современнаго человѣка не слѣдуетъ упускать изъ вида тотъ общій фактъ, что силы, основныя потребности и способности человѣка выработались въ природномъ его состояніи; естественная его природа замѣнялась искусственной обстановкой первоначально очень медленно, и человѣкъ приспособлялся психически къ этой обстановкѣ постепенно. Въ новѣйшее время измѣненіе этой обстановки совершается крайне быстро, время приспособленія къ ней человѣка сокращается до минимума; возможность серьезной переработки массы охватывающихъ его новыхъ и новыхъ впечатлѣній, возможность согласованія ихъ съ достойными сохраненія традиціями прошлаго и переработки этихъ традицій для согласованія ихъ съ новыми условіями—ограничивается до крайности. Средній человѣкъ чувствуетъ себя, въ этомъ отношеніи, какъ въ лѣсу; онъ теряетъ наслѣдіе прошлаго и не вырабатываетъ коллективно новаго духовнаго содержанія; онъ витаетъ въ новой стихіи безъ баласта и руля, легко подчиняется капризному вліянію вѣтра и пассивно воспринимаетъ то, что ему даетъ окружающее, создаваемое, подъ преобладающимъ вліяніемъ стремленія къ личной наживѣ. Вмѣстѣ съ распространеніемъ господствующаго хозяйственнаго строя прекрасная народная пѣсня и сказка замѣщается

трактирной пѣсней, шансонеткой, въ лучшемъ случаѣ—чѣмъ-то вродѣ частушки и бульварнымъ романамъ. Въ области матеріальной культуры національныя, подчасъ весьма художественныя формы предметовъ обихода, украшеній жилищъ и т. п. забрасываются ради того, что предлагается капиталистическими предпринимателями. Рабочій считаетъ высшимъ достоинствомъ надѣть крахмальную рубаху, галстухъ или модную блузку.

Быстрота перемѣны внѣшнихъ условій народнаго быта не даетъ, повторяемъ, возможности такого усвоенія новыхъ формъ и приспособленія къ нимъ психики, чтобы своевременно выработалось прочное и достойное человѣка новое содержаніе его души. Даже высшіе представители современнаго общества — художники—„еле находятъ время для сосредоточенія, углубленія и развитія своей индивидуальности“ (Зомбартъ); средній же человѣкъ всецѣло порабощается калейдоскопической смѣной внѣшнихъ впечатлѣній, его психика перерабатывается ими на свой ладъ, и въ результатѣ „наши философскія системы, наши художественные вкусы, наши литературныя направленія мѣняются почти такъ же часто, какъ наши моды на галстухи и шляпы“. Неудивительно, что мы являемся свидѣтелями измельчанія гармоническаго творчества во всѣхъ почти областяхъ и совсѣмъ почти не замѣчаемъ творчества въ средѣ народныхъ массъ. Основатели свободнаго народнаго театра въ Берлинѣ расчитывали на то, что „онъ поведетъ за собой нарожденіе новой народной драмы“. Прошло, однако, двадцать лѣтъ; театръ пользуется большимъ успѣхомъ, общество, его основавшее, имѣетъ 38 тысячъ членовъ; онъ доказалъ, что нѣмецкіе рабочіе „обнаружили огромную способность пониманія искусства“, но народной драмы онъ не создалъ: „надежды, возлагавшіяся на пролетаріатъ, были преувеличены“ [1]). Предпринимательскіе театры для рабочихъ въ Парижѣ повторяютъ и усиливаютъ пошлости буржуазной сцены. Театръ этотъ для народа „чужой, заимствованный, родился въ другой культурной средѣ и не имѣетъ жизненныхъ корней въ народной массѣ“—говоритъ г. Бѣлоруссовъ. „Та народная масса, которая въ XX-мъ вѣкѣ обладаетъ суверенными правами и стоитъ у преддверья великихъ соціальныхъ реформъ, является не простымъ сколкомъ съ буржуазіи, а въ значительной мѣрѣ новой соціальной и психологической индивидуальностью. Зачѣмъ же питаться ей крохами съ чужого стола? Да и еще съ какого стола?“ [2]). Народная масса, повторяемъ,

[1]) „Запросы Жизни“, 1910, № 10, стр. 620.

[2]) „Вѣстникъ Европы“, 1910, № 7.

не успѣваетъ своевременно перерабатывать новыя впечатлѣнія отъ быстро мѣняющейся обстановки ея быта, и ея опустошаемая душа заполняется, творческія способности парализуются той духовной пищей, какую, въ своихъ интересахъ, предлагаетъ ей капиталистическій предприниматель. Только постепенно приспособляясь къ длительнымъ впечатлѣніямъ, масса пріобрѣтаетъ возможность самостоятельнаго къ нимъ отношенія и соотвѣтствующаго творчества. Къ такимъ сравнительно постояннымъ явленіямъ въ передовыхъ государствахъ относятся основныя начала господствующаго хозяйственнаго и политическаго порядка; и въ этихъ именно областяхъ мы находимъ нѣкоторыя проявленія самостоятельнаго творчества народныхъ массъ. Въ области экономической такими проявленіями служитъ стройная система англійскаго трэдъ-юніонизма, въ политической—попытка новой тактики французскаго синдикализма. Не случаенъ тотъ фактъ, что указанныя явленія массоваго творчества возникли въ Англіи и Франціи. Англія — первичная капиталистическая нація; она не имѣла готовыхъ образцовъ новаго строя, сама ихъ вырабатывала и осуществляла, поэтому, съ извѣстной постепенностью. У нея было, вслѣдствіе того, достаточно времени лучше и спокойнѣе осваиваться съ новыми началами, а ея рабочій классъ имѣлъ возможность выработать самостоятельныя организаціи для противодѣйствія капитализму. Попытка самостоятельной, хотя пока крайне несовершенной политической тактики рабочаго класса—синдикализмъ—не случайно зародилась во Франціи. Французскій рабочій раньше другихъ началъ борьбу за политическое освобожденіе и болѣе, чѣмъ рабочіе другихъ странъ, боролся за эту идею. Но область политической жизни не такъ элементарна, какъ сфера жизни хозяйственной, и рабочія массы—при обезпеченной политической свободѣ — не такъ сознательно въ политикѣ заинтересованы и не соприкасаются съ недостатками политическаго строя такъ близко и такъ постоянно. Постоянное активное участіе въ политической жизни свободныхъ странъ вызывается не столько чувствуемыми всѣми недостатками политическаго строя, сколько идеологическими или идеальными мотивами и холоднымъ расчетомъ. Оттого-то руководительство политической жизнью попало въ руки профессіоналовъ и небольшой группы партійныхъ дѣятелей, и установленіе самостоятельной пролетарской политической тактики представляется дѣломъ затруднительнымъ. Здѣсь нужно еще освободиться отъ вліянія буржуазныхъ политическихъ руководителей, бороться не только съ врагами, но и со вчерашними друзьями и—самое главное—не медлить съ провозглаше-

ніемъ новыхъ принциповъ, можетъ быть только еще намѣчающихся въ народномъ сознаніи. Оттого-то въ этой сферѣ наблюдается не постоянный прочный успѣхъ, не установленіе солидныхъ основаній движенія, а конвульсивныя вспышки, приливы и отливы синдикальной энергіи. Причина современнаго кризиса синдикализма лежитъ въ той диспропорціи, какая существуетъ между обширностью задачъ и функцій синдикализма и ограниченностью моральныхъ и матеріальныхъ его средствъ. Этика буржуазіи господствуетъ въ нашемъ мірѣ, и пролетаріатъ подпадаетъ подъ ея вліяніе. Приходится создавать новое при помощи людей, проникнутыхъ психикой нашего умирающаго времени. Новая психика является необходимой предпосылкой созданія будущаго. Нужны собственныя учрежденія, нужна привычка къ созиданію, необходимъ духъ иниціативы и вѣчнаго строительства. „Будемъ же творить новую жизнь промежъ себя. Пусть наши ульи, построенные и украшенные нашими собственными руками, символизируютъ собой и осуществляютъ въ то же время наше стремленіе къ эмансипаціи, выражаютъ наши наиболѣе благородныя чувства и удовлетворяютъ растущую потребность въ новой жизни, здоровой, трудовой и гармоничной“ (слова секретаря одного изъ синдикальныхъ союзовъ, Клемчинскаго [1]).

VI.

Во всѣ времена наблюдается возвеличеніе и идеализація труда, какъ средства достойнаго существованія человѣка. Въ этомъ выражается сознаніе, что, при данныхъ условіяхъ, средній человѣкъ не сумѣетъ наполнить свободное время такъ, чтобы это возвышало, а не унижало его. „Трудъ благодѣтеленъ потому— говоритъ Юліусъ Пенстеръ—что оберегаетъ насъ отъ соблазновъ и дурныхъ поступковъ. Мы—жалкія существа, неспособныя заполнить красивымъ содержаніемъ и наслажденіемъ драгоцѣнное и столь короткое время нашего существованія“.

Нужно помнить, что исторія человѣка начинается не съ райскаго состоянія внутренняго и внѣшняго совершенства, а съ животнаго міра, надъ которымъ онъ понемногу возвышается. Нужно помнить, что продолжительность историческаго, сознательнаго существованія человѣка измѣряется немногими тысячелѣтіями, а доисторическіе, зоологическіе корни его уходятъ неизмѣримо далеко вглубь вѣковъ. Низшіе, животные инстинкты

[1]) „Запросы Жизни“, 1910, № 9.

человѣка укрѣпились, поэтому, въ его природѣ всего сильнѣе; они основываются на его физіологическомъ строеніи и говорятъ въ немъ всего громче. Высшія, интеллектуальныя, моральныя и эстетическія побужденія и навыки, можно сказать, только-что народились. Развитіе этого новѣйшаго напластованія задерживалось на всемъ протяженіи исторіи человѣчества насильственнымъ порабощеніемъ народныхъ массъ. Эти стороны человѣческой природы до сихъ поръ, поэтому, нуждаются въ упражненіи и заботливомъ культивированіи, тѣмъ болѣе, что заполненіе ими продолжительнаго досуга невозможно безъ выработанныхъ сложныхъ средствъ внѣшняго ихъ проявленія. Болѣе старыя, прочныя, элементарныя, низшія стороны человѣческой природы, общія ей со всѣмъ животнымъ міромъ, звучатъ, напротивъ того, достаточно сильно сами по себѣ, легко переходятъ за границы здоровой физіологической потребности и нуждаются не въ поощреніи, а въ средствахъ ограниченія и облагороженія. Были счастливые народы (античные греки), у которыхъ эстетическія и интеллектуальныя переживанія составляли главное содержаніе жизни по крайней мѣрѣ высшихъ слоевъ общества. Но это были историческіе раритеты, оставившіе мало слѣдовъ въ психической природѣ человѣка. Обычно незанятый человѣкъ неспособенъ заполнить свободное время „красивымъ" и достойнымъ его содержаніемъ. Намъ всѣмъ хорошо извѣстно, какъ невысокъ моральный и интеллектуальный уровень тѣхъ слоевъ общества, которые имѣютъ достаточно средствъ, чтобы проводить время въ праздности. Массы населенія въ прошломъ были избавлены отъ опасности деморализаціи, вызываемой праздностью, потому что были обречены на неустанный трудъ для поддержанія существованія и самихъ себя, и высшихъ классовъ общества, и всего тяжеловѣснаго зданія государства. Въ новѣйшее время демократизаціи управленія и быстрыхъ успѣховъ въ области производительности труда, открылась возможность сокращенія рабочаго дня не только безъ ущерба для національной производительности и для накопленія капиталовъ, но — какъ показываетъ наблюденіе въ странахъ съ длиннымъ и короткимъ рабочимъ днемъ—съ прямымъ для нихъ выигрышемъ. Даже въ Россіи можно найти предпріятія съ восьмичасовымъ рабочимъ днемъ, а въ Западной Европѣ нерѣдкость встрѣтить и семичасовой. При той быстротѣ техническаго прогресса, которая составляетъ характерную черту современности, въ самомъ ближайшемъ будущемъ можно ожидать всеобщаго осуществленія восьмичасового рабочаго дня и борьбы за дальнѣйшее его сокращеніе.

Восемь часовъ работы, восемь часовъ сна, восемь часовъ бодрствованія, наполненнаго какимъ-либо содержаніемъ! Чего, кажется, лучше! Но какимъ содержаніемъ большинство трудящихся, при современномъ состояніи культуры, могутъ наполнять и уже наполняютъ свое свободное время?

То культурное воспитаніе, которое масса населенія получаетъ въ школахъ, дающихъ нѣкоторыя знанія, но не развивающихъ ни серьезной любознательности и стремленія къ дальнѣйшимъ познаніямъ, ни здороваго художественнаго вкуса, ни активнаго стремленія къ умственной работѣ; то воспитаніе, которое продолжается по выходѣ изъ школы, подъ вліяніемъ чтенія ходкихъ газетъ, въ области знанія преподносящихъ читателю не наиболѣе важное и поучительное, а занимательное и любопытное, въ легкой формѣ, отвращающей отъ самостоятельной работы мысли, съ постоянными перескакиваніями съ одного предмета на другой, отучающими читателя отъ потребности сосредоточиться и серьезно размыслить надъ явленіями жизни и мысли; воспитаніе подъ вліяніемъ газеты бульварнаго, порнографическаго, сенсаціоннаго содержанія, возбуждающаго и безъ того чрезмѣрно сильные низшіе инстинкты, подъ вліяніемъ публичныхъ зрѣлищъ, выражающихъ въ лицахъ то, что газета излагаетъ печатно,—такое культурное воспитаніе массъ не даетъ надежды на то, что послѣднія, предоставленыя стихійному теченію вещей, сумѣютъ наполнять болѣе и болѣе удлиняющееся свободное время содержаніемъ, достойнымъ идеи человѣка, какимъ его рисуетъ сознаніе. И дѣйствительно, по словамъ русскаго наблюдателя парижской жизни, французскій рабочій, даже соціалистъ, обыкновенно питается органами печати, вродѣ „Le Matin“, „Le Journal“, „Le Petit Parisien“, „хотя и плюется, читая ихъ, и ругаетъ ихъ публичными дѣвками и другими, соотвѣтственно выразительными терминами“. Партійную свою газету „L'Humanité“ (поддерживаемую, кстати сказать, главнымъ образомъ русскими) онъ пробѣгаетъ „развѣ въ случаѣ острой полемики или особаго интереса къ парламентской рѣчи Жореса или Прессансе“ [1]). И по наблюденію, напр., бывшаго христіанскаго соціалиста, нынѣ нѣмецкаго соціалъ-демократа Гере, проведшаго три мѣсяца въ качествѣ рабочаго на одной изъ фабрикъ стараго соціалъ-демократическаго округа, Хемницкаго (въ Саксоніи), большинство мѣстной рабочей молодежи, даже считающей себя соціалъ-демократической, отличалось „безграничной погоней за наслажденіями“ и имѣло „воз-

[1]) „Современникъ“, 1911 г., книга первая, стр. 237.

можность легко удовлетворить эту страсть". „Въ большинствѣ случаевъ воскресные дни и ночи они проводили въ танцовальныхъ залахъ... лучшіе же изъ нихъ были заняты въ гимнастическихъ, пожарныхъ и музыкальныхъ ферейнахъ". На танцовальныхъ вечеринкахъ „рабочая молодежъ теряетъ теперь не только заработокъ, но и лучшіе свои силы, идеалы, добродѣтели, свою чистоту". И вотъ, подобнымъ содержаніемъ будетъ, можетъ быть наполняться и то время, которое понемногу освобождается въ будни, вслѣдствіе постепеннаго сокращенія рабочаго дня!

Современное общество не представляетъ, слѣдовательно, гармоніи въ развитіи матеріальной и духовной культуры, сочетанія пропорціональныхъ успѣховъ той и другой. Гармонія эта нарушается тѣмъ, что руководительство матеріальной культурой находится въ рукахъ класса капиталистовъ, стремящихся исключительно къ личной наживѣ, заваливающихъ потребителя массою разнообразныхъ, болѣе или менѣе привлекательныхъ вещей и воспитывающихъ, такимъ образомъ, типъ потребителя, наиболѣе отвѣчающій ихъ цѣлямъ. Этотъ фактъ оказываетъ опредѣляющее вліяніе и на стихійное развитіе духовной культуры широкихъ массъ населенія. Для возстановленія естественной, казалось бы, гармоніи въ развитіи матеріальной и духовной культуры—параллельно развитію производительности труда и укороченію рабочаго дня—необходимо развитіе серьезнаго интереса къ знанію, привычки къ самостоятельной умственной работѣ, навыковъ наблюденія природы и изученія соціальныхъ вопросовъ, художественнаго вкуса и пріемовъ художественной работы—всего того, что можетъ быть источникомъ наслажденія высокими образцами научнаго и художественнаго творчества и процессомъ мыслительной и художественной дѣятельности.

Эти пожеланія не безпочвенны. Мыслительные процессы и художественные инстинкты входятъ въ содержаніе духовной природы человѣка и уже потому заключаютъ въ себѣ, какъ и мускульная система, тенденцію къ активному упражненію. Съ первыхъ дней своей жизни ребенокъ активно продѣлываетъ весьма важный процессъ составленія представленій о томъ, что его окружаетъ, а въ дальнѣйшемъ стремится выразить свои переживанія въ звукахъ, рисункахъ и т. п. „Десятки тысячъ дѣвочекъ—говоритъ одинъ писатель,—дѣлаютъ лѣтомъ куколъ изъ листьевъ, травы и цвѣтовъ; но никому не приходило въ голову, что изъ этого факта ясно, какъ тянется ребенокъ участвовать въ чело-

вѣческомъ творчествѣ, пока въ немъ не затушатъ этого стремленія" [1]).

Естественный процессъ самостоятельнаго творчества и познанія окружающаго окончательно прерывается съ поступленіемъ ребенка въ школу, гдѣ живое общеніе съ природой замѣняется книжнымъ матеріаломъ и учащагося нагружаютъ массой скучныхъ знаній, безъ заботы о развитіи активной работы ума. Годы ученія парализуютъ умственную и художественную дѣятельность ребенка и „расширяютъ—говоритъ Эрнстъ Шульце—прежде всего кругъ почитателей Натъ Пинкертона" [2]). Послѣ того человѣкъ впрягается въ тяжелую работу, не вынеся изъ школы ни серьезнаго стремленія къ знанію, ни охоты къ умственной или художественной дѣятельности, ни пріемовъ наблюденія и изслѣдованія, ни вкуса къ высокимъ художественнымъ наслажденіямъ — ничего, что служило бы для заполненія достойнымъ человѣка содержаніемъ свободнаго его времени. Высшія стремленія, при этомъ, не пропадаютъ окончательно; но господствующій классъ предлагаетъ массамъ не лучшіе, а худшіе образцы, а неразвитіе творческой способности и самостоятельности мысли мѣшаетъ народнымъ низамъ самостоятельно противупоставить культурнымъ тенденціямъ капиталистическаго міра рѣшительный отпоръ. Рабочія массы, однако, охотно слѣдуютъ и за предлагаемыми имъ лучшими образцами человѣческаго творчества. Одно время много писалось о томъ, какъ чутко относились русскіе рабочіе и крестьяне — и даже отпѣтые каторжники—къ высокимъ произведеніямъ поэтовъ, драматурговъ, музыкантовъ, при постановкѣ для нихъ пьесъ и оперъ. „Огромную способность пониманія рабочими искусства" обнаружила, какъ мы видѣли, и двадцатилѣтняя дѣятельность свободнаго народнаго театра въ Берлинѣ.

Существуетъ, несомнѣнно, и потребность въ активной духовной работѣ среди членовъ современнаго общества. Мы видимъ проявленіе этой потребности въ общественной и промышленной дѣятельности, въ партійной пропагандѣ, въ какой-нибудь полунаучной работѣ, въ диллетантскомъ занятіи художествами, въ спорахъ, наконецъ, въ играхъ, подобныхъ шахматамъ, нѣкоторымъ картежнымъ и т. д. Интереснымъ фактомъ проявленія такихъ стремленій служитъ выставка въ Берлинѣ собранныхъ д-ромъ Левенштейномъ картинъ, написанныхъ диллетантами-рабочими. Левенштейнъ собралъ нѣсколько тысячъ такихъ диллетантскихъ

[1]) „Русскія Вѣдомости", 1910 г., № 242: „На выставкѣ игрушекъ".
[2]) „Запросы жизни", 1910, № 4.

произведеній, но выставилъ лишь самыя интересныя. Однѣ изъ выставленныхъ картинъ являются простыми подражаніями; другія носятъ „печать совершенно оригинальнаго творчества и похожи на доисторическія творенія, на творенія дикихъ народовъ. Въ нихъ нѣтъ рутины, онѣ по-дѣтски величественны". Въ общемъ эта выставка открыла спеціалисту-наблюдателю „совершенно незнакомый и необыкновенно богатый міръ, міръ рѣдкой силы, обаянія и красоты, міръ страстной тоски" [1]).

Въ послѣдніе годы проявляются попытки даже массоваго творчества въ области театра. Въ 1903 г. въ англійскомъ городкѣ Шерборнѣ устроено было драматическое представленіе, въ которомъ приняло участіе чуть не все населеніе города. Примѣру Шерборна послѣдовали Оксфордъ, Дувръ, Ковентри и другіе древніе англійскіе города. Содержаніемъ поставляемыхъ пьесъ служатъ мѣстныя историческія событія и легенды, изображеніе которыхъ требуетъ множества участниковъ. Резолюція о представленіи выносится всѣми гражданами на большомъ митингѣ. Текстъ пьесы пишется мѣстными поэтами, музыка къ ней заимствуется изъ старинныхъ сборниковъ или составляется мѣстными же композиторами; костюмы приготовляются участниками; сценою служитъ открытый лугъ; представленіе продолжается нѣсколько дней; подготовленіе къ спектаклю вноситъ оживленіе въ жизнь небольшого города на цѣлый годъ. Въ текущемъ году, по случаю коронаціи, городъ Лондонъ устроилъ историческія представленія, съ участіемъ 15 тысячъ человѣкъ изъ всѣхъ классовъ общества—отъ герцоговъ до лавочниковъ и работницъ.

Еще интереснѣе примѣръ нѣмецкой деревни Обераммергау, гдѣ массовое творчество отразилось на культурномъ обликѣ всего населенія. Эта деревня въ теченіи многихъ столѣтій, разъ въ десять лѣтъ, разыгрываетъ мистерію о страстяхъ Господнихъ, причемъ музыка, обстановка и все прочее исключительно дѣло рукъ самой деревни, къ жителямъ которой принадлежатъ и нѣсколько сотъ участниковъ мистеріи. Интересно вліяніе этого обычая на характеръ населенія. Здѣсь родилась „среди простыхъ земледѣльцевъ глубокая потребность красоты, охватившая всю деревню, превратившая красоту въ культъ. Достаточно постоять на улицѣ и поглядѣть, какъ ходятъ, разговариваютъ, жестикулируютъ жители этой деревушки, чтобы убѣдиться, что вся она—необыкновенный храмъ пластики, а всѣ ея жители—отъ малышей до старцевъ—его жрецы" [2]).

---

[1]) „Запросы Жизни", 1910, № 3.

[2]) „Русскія Вѣдомости", 1910, № 199, статья Е. Ганейзера.

Всѣ эти факты даютъ основаніе полагать, что, при правильномъ образованіи, человѣкъ можетъ вступать въ жизнь съ запросами и потребностями, вводящими его въ кругъ духовной дѣятельности лучшихъ представителей человѣчества, можетъ принять въ ней участіе, по мѣрѣ силъ и свободнаго времени, и самостоятельной работой, и горячей и компетентной поддержкой начинаній и талантовъ. Научное и художественное творчество получило бы тогда коллективный характеръ и поднялось бы, можетъ быть на невиданныя высоты, подобно тому, какъ недосягаемыми для современнаго искусства остаются памятники средневѣковаго зодчества — продукты коллективной работы ремесленныхъ и художественныхъ цеховъ и религіозныхъ братствъ.

Мы указали главныя отрицательныя культурныя тенденціи современнаго общества, которыя необходимо имѣть въ виду при оцѣнкѣ того, что совершается и въ нашемъ отечествѣ, и къ чему можетъ его привести стихійный ходъ процесса эволюціи, если не будутъ приняты мѣры для предупрежденія или возможнаго смягченія вышеописанныхъ явленій. Борьба съ этими тенденціями въ Россіи легче, нежели въ другихъ цивилизованныхъ государствахъ, благодаря недоразвитію нашего капитализма и проистекающей отъ того сравнительной слабости его вліянія въ различныхъ областяхъ жизни, а также благодаря преобладанію земледѣльческаго населенія, болѣе удаленнаго отъ капиталистическихъ вліяній и труднѣе имъ поддающагося. Оно не замкнуто такъ совершенно, какъ населеніе городское, въ искусственную созданную капитализмомъ обстановку; оно находится еще подъ впечатлѣніями, исходящими отъ матери-природы, являющейся для типическаго горожанина какъ бы бабушкой или прабабушкой, извѣстной ему лишь по разсказамъ. Нужно только, чтобы просвѣщенные русскіе люди самостоятельно отнеслись къ той культурѣ, которая понемногу водворяется въ нашемъ отечествѣ, и главной задачей поставили бы противодѣйствіе отрицательнымъ ея сторонамъ и активное содѣйствіе всему, что способствуетъ воспитанію не только вкуса къ высшимъ духовнымъ наслажденіямъ, но и стремленія къ активной духовной работѣ.

„Учись, чтобы самому творить“ — эти слова Шеллинга должны сдѣлаться лозунгомъ просвѣтительной политики. „Только черезъ эту божественную способность творчества человѣкъ является истиннымъ человѣкомъ — говоритъ тотъ же философъ. — Иначе онъ представляется не больше, какъ хитро устроенной машиной“.

В. В.

ПИСЬМА
И. С. ТУРГЕНЕВА
КЪ
ПОЛИНѢ ВІАРДО *)

Тургенево, 18 (30) сентября 1850 г.

Я только-что получилъ ваше коллективное письмо изъ Куртавенеля, дорогіе друзья мои, и начинаю съ того, что прошу разрѣшенія васъ всѣхъ расцѣловать. Я такъ тронутъ вашимъ письмомъ, какъ это давно уже не случалось со мной; право, вы слишкомъ добры, вы балуете меня своимъ милымъ отношеніемъ. Будьте увѣрены, что на вашу любовь я отвѣчаю обожаніемъ и часто съ волненіемъ вспоминаю о добрыхъ и благородныхъ сердцахъ, которыя я оставилъ вдали. Спасибо за всѣ ваши слова, за всѣ ваши маленькія письма, за цвѣты,—спасибо за все! Обнимаю васъ всѣхъ и прижимаю къ своей груди. Да благословитъ васъ Богъ тысячу разъ! Я радъ за васъ, что вы собрались всѣ вмѣстѣ въ общемъ гнѣздѣ, и утѣшаю себя въ разлукѣ лишь тѣмъ, что мысленно присоединяюсь къ вашему счастью. Я васъ всѣхъ такъ люблю!

Итакъ, вы наконецъ слышали „Сафо“ [1]), дорогая, хорошая m-me Віардо. Мнѣ доставило живѣйшее удовольствіе то, что вы

*) Право перевода и напечатанія этихъ писемъ, написанныхъ на французскомъ языкѣ, пріобрѣтено нашимъ журналомъ отъ г. Гальперинъ-Каминскаго. Подробное объясненіе его о способѣ перехода ихъ въ его руки появилось или скоро появится въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“, вмѣстѣ съ другими серіями писемъ И. С. Тургенева къ Полинѣ Віардо.—*Ред.*

[1]) Опера Шарля Гуно.

говорите объ этомъ произведеніи: значитъ нашъ другъ дѣйствительно истинный, большой художникъ. Тысячу благодарностей шлю вамъ за подробное описаніе; мое воображеніе поглощено имъ. Не можете ли вы прислать мнѣ ноты къ фразѣ: „Va porter le corps d'une fidèle amante"? Клянусь вамъ, что я буду пѣть ее лишь наединѣ съ самимъ собою. О, счастливая женщина, я завидую вамъ! Впрочемъ, нѣтъ! Зависть—дурное чувство. Я бы хотѣлъ только раздѣлить съ вами испытанное вами художественное наслажденіе. А нашъ милый Шарль [1]) еще извиняется, что не пишетъ мнѣ чаще, тогда какъ настоящій лѣнтяй—это я... Скажите ему, что я очень люблю его и часто вспоминаю о немъ; чуть не каждую недѣлю вижу его во снѣ—а это у меня много значитъ. Жду съ большимъ нетерпѣніемъ перваго представленія „Сафо". Вотъ роль, надъ которой вы будете работать съ любовью. Я чувствую, какъ вы создаете ее во всѣ часы дня и ночи, и среди разговора, и тогда, когда вы чѣмъ-либо заняты, и тогда, когда вы слушаете. Я уже видалъ васъ поглощенной подобнымъ творчествомъ. Пусть небеса пошлютъ вамъ вдохновенье, пусть священный огонь вспыхнетъ въ вашей груди! Надо, чтобы это было чѣмъ-то бо̀льшимъ, нежели тріумфъ; надо, чтобы это стало откровеніемъ; надо, чтобы эта новая музыка получила освященіе и признаніе міра, съ благословенія счастливаго и мощнаго таланта. Желаю вамъ всего этого. У меня есть предчувствіе, что мои пожеланія сбудутся. Не правда ли, вы будете сообщать мнѣ о ходѣ вашей внутренней работы? Помните, что на этомъ произведеніи сосредоточились всѣ мои музыкальныя наслажденія и что въ музыкѣ ко всему, что не Гуно, я отношусь сейчасъ совершенно безразлично.

Уже около мѣсяца, — да что я говорю: гораздо больше,— какъ вы живете въ Куртавенелѣ. Дней черезъ десять вы уѣдете оттуда. Мы вернемся въ городъ одновременно. Сейчасъ на моихъ часахъ восемь; у васъ немногимъ больше шести. Сегодня воскресенье: что вы дѣлаете въ данный моментъ? Я вижу васъ всѣхъ за столомъ. Васъ много, вамъ весело, вы шумно болтаете... Быть можетъ, вспоминаете обо мнѣ; быть можетъ, произносите мое имя. Хорошо у васъ! А я сижу одинъ въ маленькой комнаткѣ и пишу вамъ это письмо; на дворѣ очень холодно; мой братъ съ женой уѣхали въ Мценскъ по дѣламъ; моя мать уѣхала сегодня въ Москву. Я былъ на охотѣ сегодня утромъ; убилъ трехъ бекасовъ и одного глухаря (кстати, я очень сожалѣю, что Сидъ

---

[1]) Очевидно—Гуно.

обманулъ надежды Віардо, но видите ли: есть только единственная въ мірѣ собака, и это—Діана)... Голова моя полна мемуарами m-me Roland, которые я читалъ въ постели прошлую ночь. И я думаю о ней, о Куртавенелѣ, о васъ въ особенности, о „Сафо", и напѣваю: „Merci, Vénus, o protectrice!" Я думаю также о маленькой Полинѣ, объ ея поѣздкѣ, а также о многихъ другихъ вещахъ. На сердцѣ у меня тяжело. Воспоминанія тѣснятся толпою, многочисленныя, ясныя, но мимолетныя; я не могу остановиться ни на одномъ изъ нихъ. Guarda e passa. Время отъ времени встаю съ мѣста; хотѣлось бы уѣхать въ Куртавенель, но не хватаетъ рѣшимости. Это такъ далеко, а срокъ моего возвращенія такъ неопредѣленъ... Ну, что-жъ, приходится терпѣть. Поговоримъ о другомъ.

Если у васъ найдется время, прочтите мемуары m-me Roland. Не пугайтесь фразеологіи à la Rousseau (не литературнаго таланта, не стиля слѣдуетъ искать у нея — она не претендуетъ на нихъ, хотя у нея и попадаются прелестныя страницы): вы будете поражены зрѣлищемъ высокой души и большого характера въ рамкахъ великой эпохи и въ борьбѣ съ нею; мужественно и съ благороднымъ достоинствомъ идетъ она до конца своего пути. Послѣднее письмо къ Робеспьеру (не отправленное)—настоящій шедевръ. Кажется, я вамъ уже говорилъ о немъ. Въ немъ чувствуется такая энергія, такое спокойное презрѣніе къ смерти, такой непобѣдимый, безъ напыщенности, энтузіазмъ, что нѣтъ словъ для выраженія восторга.

За исключеніемъ этихъ мемуаровъ, я мало что читалъ за эти два мѣсяца въ деревнѣ. Немного было у меня времени и для занятій, хотя была къ тому охота. Водворившись въ Петербургѣ, на всю зиму, въ какой-нибудь маленькой комнатѣ, я примусь за дѣло. Предполагаю мало гдѣ бывать; думаю даже, что рѣдко буду слушать итальянцевъ. Они бы только пробудили во мнѣ воспоминанія,—да и къ тому же музыка Гуно всецѣло завладѣла мною.

Вы замѣтили, что я поставилъ номеръ на этомъ письмѣ; хочу дѣлать это и дальше.

Скажите maman Garcia, что мнѣ физически невозможно было заѣхать къ ней въ Брюсселѣ: у меня былъ всего часъ времени. Передайте ей, что я искренно ей преданъ и надѣюсь, что и она чувствуетъ нѣкоторую симпатію ко мнѣ. Передайте ей, что я съ сыновнимъ уваженіемъ цѣлую ей руки. Боюсь, что отъ моего знанія испанскаго языка не останется ничего; впрочемъ, ея письмо я отлично понялъ.

Вспоминаю, что въ одномъ изъ своихъ писемъ вы спрашивали у меня, что̀ представляетъ собою воспитанница моей матери: порядочную особу или интриганку? Она ни то, ни другое— не глупа, не зла, но испорчена, мелка; манеры отвратительныя: нѣчто вродѣ жеманной гризетки, лѣнивой и вульгарной. Она только и мечтаетъ о скоромъ замужествѣ. Пошли ей Богъ эту удачу и пусть она будетъ счастлива по-своему! Моя мать сильно охладѣла къ ней; тѣмъ не менѣе мнѣ кажется, что она, какъ говорится, устроила ея судьбу. Ну что-жъ? Тѣмъ лучше.

Я хочу, чтобы не было на свѣтѣ ничего такого, чего бы вы не знали обо мнѣ. Девять лѣтъ назадъ, молодымъ человѣкомъ, я скучалъ въ деревнѣ. Я обратилъ вниманіе на довольно хорошенькую швею, нанятую моею матерью. Я ей шепнулъ два слова, она пришла ко мнѣ. Я далъ ей денегъ, а затѣмъ уѣхалъ; вотъ и все, какъ въ сказкѣ съ волкомъ. Впослѣдствіи эта женщина стала тѣмъ, чѣмъ могла стать; остальное вы знаете. Все, что̀ я могу сдѣлать для нея—это̀ улучшать ея матеріальное положеніе. Это мой долгъ, и я буду исполнять его; но видѣться съ ней я не могу. Вы — ангелъ во всемъ, что говорите и думаете, но повторяю: я могу только избавлять ее отъ нужды. И я сдѣлаю это. Что касается ея дочери, то надо, чтобы она совсѣмъ забыла свою мать, но мы еще поговоримъ съ вами обо всемъ этомъ. Боже мой! какъ вы добры! и какъ хорошо исповѣдываться вамъ! Дайте мнѣ ваши благородныя руки—я благоговѣйно покрою ихъ поцѣлуями.

Я началъ свое письмо поцѣлуями; закончу его тѣмъ же. Идите ко мнѣ всѣ, милые, хорошіе друзья мои, позвольте расцѣловать васъ. M-me Гуно, вы были очень добры, написавъ мнѣ: низко кланяюсь и благодарю. До свиданія, дорогіе, добрые мои, будьте счастливы. Благослови васъ Богъ. А что васъ касатся, то пусть все, что есть на свѣтѣ хорошаго, будетъ вашимъ. Нѣжно цѣлую ваши руки и остаюсь вашъ *И. Т.*

Тургенево, вторникъ 26 сент. (8 окт.) 1850.

Милая, добрая madame Віардо.

Пишу вамъ второпяхъ нѣсколько словъ, чтобы сообщить о своемъ завтрашнемъ отъѣздѣ (сегодня у насъ уходитъ почта). Послѣ-завтра разсчитываю быть въ Москвѣ, если все будетъ благополучно—или, въ крайнемъ случаѣ, въ пятницу.

Я получилъ ваше второе письмо изъ Куртавенеля (съ письмомъ Гуно), на которое я имѣю тысячу отвѣтовъ. Сдѣлаю это въ Москвѣ. Вы, вѣроятно, замѣтили по послѣдовательности мо-

ихъ писемъ, что я получилъ всѣ ваши, включая № 10, но за исключеніемъ № 5, которое, къ сожалѣнію, потерпѣло крушеніе.

Я не ѣздилъ въ Лабушу, хотя мнѣ очень хотѣлось. Необходимо было оставаться здѣсь, чтобы окончательно устроить дѣла моего брата. Только вчера я закончилъ ихъ. Слава Богу, теперь онъ вполнѣ независимъ и спокоенъ; я уступилъ ему свою половину Тургенева и теперь онъ — владѣлецъ очень хорошенькаго маленькаго имѣнія, которое въ хорошій годъ можетъ приносить ему до 20-ти тысячъ франковъ. Временно я поручилъ ему управленіе Лабушей. Зимой работы не Богъ вѣсть сколько: недѣли черезъ двѣ поля уже покроются снѣжнымъ пологомъ. Я послалъ тамошнимъ крестьянамъ денегъ, чтобы они могли втеченіе цѣлаго дня пить за свое и за мое здоровье. Думаю поѣхать туда въ маѣ будущаго года и остаться тамъ съ мѣсяцъ. Что̀ касается до зимы, то я ее всю проведу въ Петербургѣ, гдѣ буду черезъ недѣлю, такъ какъ въ Москвѣ предполагаю остановиться только на два дня.

Надо торопиться; послѣдній пароходъ въ Гавръ отходитъ 20-го октября стараго стиля. Я проведу зиму въ Петербургѣ, весну и лѣто въ деревнѣ и буду очень счастливъ, если... ничего, ничего, молчаніе—какъ говоритъ Гоголевскій сумасшедшій.

А теперь прощайте до Москвы. Покидаю деревню. Два мѣсяца я пробылъ здѣсь и какъ часто думалъ о васъ! Знайте, что гдѣ бы я ни былъ, у васъ нѣтъ сердца болѣе преданнаго вамъ, чѣмъ мое. Спасибо за ваши дорогія, очаровательныя письма—они дали мнѣ столько хорошаго; спасибо за ваше доброе отношеніе, спасибо за все... Съ глубокой нѣжностью и съ почтеніемъ цѣлую ваши руки, опускаюсь для этого на колѣни. Милаго Віардо цѣлую въ обѣ щеки, цѣлую Шарля, цѣлую всѣхъ. Да хранитъ васъ Богъ!—Вашъ *И. Тургеневъ.*

P. S. Мнѣ надо на многое вамъ отвѣтить. Сдѣлаю это въ Москвѣ. Я радъ, что Сидъ оказался хорошъ. Что касается Діаны, то она великолѣпна! Она ѣдетъ со мной. Вчера у меня былъ удачнѣйшій день охоты за весь годъ. Я убилъ 26 бекасовъ и двухъ зайцевъ!!...

Безъ означенія числа и мѣста [1]).

Посылаю вамъ эту работу, дорогая m-me Віардо, только оттого, что вы, можетъ быть, были бы разочарованы, не полу-

[1]) Въ переданномъ намъ сборникѣ это письмо помѣщено непосредственно за предъидущимъ, отъ 26-го сентября 1850-го г.; но изъ содержанія его слѣдуетъ заключить, что оно относится къ другому, болѣе раннему времени—вѣроятно ко второй половинѣ сороковыхъ годовъ. На это указываетъ упоминаніе объ „Иллюстра-

чивъ ее. Но, прочитавъ ее, я почувствовалъ, насколько она неполна, поспѣшна. Я поставилъ себѣ слишкомъ широкую задачу. Долженъ добавить для своего оправданія, что я не предполагалъ, что вы будете читать ее безъ меня; я опустилъ развитіе множества необходимыхъ деталей, разсчитывая на устныя дополненія (не теряю еще надежды сдѣлать это какъ-нибудь въ Петербургѣ или въ другомъ мѣстѣ). Надѣюсь на вашу снисходительность.

Мое авторское самолюбіе отдается вамъ связаннымъ по рукамъ и по ногамъ, но осмѣливается просить васъ не подвергать его ничьей критикѣ, кромѣ вашей.

Пишу вамъ наканунѣ отъѣзда въ деревню. Уѣзжаю, не зная вашего окончательнаго рѣшенія; буду ждать его съ нетерпѣніемъ. Собираюсь провести четыре мѣсяца въ полнѣйшемъ уединеніи, среди степей, которыя я такъ люблю. Беру съ собой нѣсколько хорошихъ книгъ; надѣюсь, что воспоминанія, планы на счетъ будущаго, трудъ и охота помогутъ мнѣ довольно пріятно провести время. Смѣю думать, что вы не забудете сообщать мнѣ время отъ времени что̀ у васъ дѣлается. Будьте здоровы и счастливы, насколько возможно. Работайте много и думайте немножко о тѣхъ, кто васъ любитъ. Соловой передастъ вамъ этотъ пакетъ; это—славный малый, искренно преданный вамъ; его совѣты могутъ быть лишь полезны.

Я бы столько могъ сказать вамъ, что предпочитаю молчать; да, впрочемъ, многое вы легко можете угадать. Я просилъ Соловаго написать мнѣ изъ Куртавенеля; будьте добры, припишите нѣсколько словъ къ его письму. Мнѣ кажется, что я вижу васъ въ вашемъ маленькомъ кабинетѣ. Что касается меня, то я сейчасъ затѣялъ довольно большую работу; не знаю еще, что̀ изъ нея выйдетъ. Все это время я былъ очень сосредоточенъ, иногда нѣсколько печаленъ; все-таки надѣюсь, что все устроится. Вамъ покажется вполнѣ естественнымъ, что я вѣренъ прежнимъ привязанностямъ; но я чувствую тайную радость отъ того, что могу это сказать. Повторяю еще: будьте счастливы; это пожеланіе я дѣлаю вамъ часто. Попросите, пожалуйста, вашу матушку сохранить доброе ко мнѣ отношеніе. Если вы встрѣтите Мориса Зандъ и если онъ помнитъ меня, кланяйтесь ему отъ меня. Да, еще вашему брату; онъ, вы знаете, моя слабость.

Вотъ уже скоро три мѣсяца, какъ вы уѣхали... Сколько остается еще до вашего возвращенія?.. Вернетесь ли вы?..

ціи", выходившей въ Петербургѣ въ 1845—48 гг., а также о недавнемъ отъѣздѣ Полины Віардо изъ Россіи и о возможности ея возвращенія.—*Ред.*

Прощайте пока. Возвращайтесь къ намъ такой же, какой уѣхали (за исключеніемъ здоровья, которое должно быть въ тысячу разъ лучше). Здѣсь вы найдете все такъ же, какъ вы оставили. Итакъ, до свиданія, *рано* или *поздно*.—Весь вашъ *И. Тургеневъ*.

P. S. Мой привѣтъ вашему мужу и всѣмъ вашимъ. Маленькая работа, которую я посылаю вамъ, должна остаться въ секретѣ еще по другой причинѣ: какъ она ни невинна, все же она могла бы навлечь на меня крупныя непріятности. Въ статьѣ вашего мужа (въ „Иллюстраціи") опять выбросили нѣсколько фразъ. До свиданія. Цѣлую руки у васъ и вашей матушки. Вы не забудете о 1-мъ октября?

С. Петербургъ, понедѣльникъ 23-го октября ст. ст. 1850 г.

Вотъ вамъ маленькая Полина, дорогая m-me Віардо, а записку эту вамъ передастъ m-me Роберъ, которая любезно взяла на себя попеченіе о дѣвочкѣ [1]). Я вручилъ ей 400 франковъ (100 рублей) на путевые расходы; пожалуйста, дайте ей отъ моего имени еще 50 франковъ въ видѣ благодарности. Вы будете такъ добры сообщить мнѣ объ ея пріѣздѣ. Отъ глубины сердца благодарю васъ впередъ за доброе отношеніе къ дѣвочкѣ; могу только снова повторить о моей глубокой преданности вамъ. Напишу вамъ завтра: это только записочка, которую передаю черезъ m-me Роберъ.

Будьте счастливы; пусть небо благословитъ каждый мигъ вашей жизни.—Вашъ *И. Тургеневъ*.

С. Петербургъ, четвергъ 26 окт. (7 нояб.) 1850.

Дорогая моя, хорошая m-me Віардо, theuerste, liebste, beste Frau, какъ вы поживаете? Дебютировали ли вы уже? Часто ли думаете обо мнѣ? Нѣтъ дня, когда дорогое мнѣ воспоминаніе о васъ не приходило бы на умъ сотни разъ; нѣтъ ночи, когда бы я не видѣлъ васъ во снѣ. Теперь, въ разлукѣ, я чувствую больше чѣмъ когда-либо силу узъ, скрѣпляющихъ меня съ вами и съ вашей семьей; я счастливъ тѣмъ, что пользуюсь вашей симпатіей и грустенъ оттого, что такъ далекъ отъ васъ! Прошу небо послать мнѣ терпѣнія и не слишкомъ отдалять того, тысячу разъ благословляемаго заранѣе момента, когда я васъ снова увижу!

Работа моя для „Современника" окончена и удалась лучше, чѣмъ я ожидалъ. Это, въ добавленіе къ „Запискамъ охотника"

---

[1]) Эта дѣвочка—дочь Тургенева, о которой говорится въ письмѣ отъ 18 (30) сентября 1850 г.—*Ред.*

еще разсказъ, гдѣ я въ немного прикрашенномъ видѣ изобразилъ состязаніе двухъ народныхъ пѣвцовъ, на которомъ я присутствовалъ два мѣсяца назадъ. Дѣтство всѣхъ народовъ сходно, и мои пѣвцы напомнили мнѣ Гомера. Потомъ я пересталъ думать объ этомъ, такъ какъ иначе перо выпало бы у меня изъ рукъ. Состязаніе происходило въ кабачкѣ и тамъ было много оригинальныхъ личностей, которыя я пытался зарисовать à la Teniers... Чортъ побери! какія громкія имена я цитирую при каждомъ удобномъ случаѣ! Видите ли, намъ, маленькимъ литераторамъ цѣною въ два су, нужны крѣпкіе костыли для того, чтобы двигаться.

Однимъ словомъ, мой разсказъ понравился — и слава Богу!

Суббота, 28-го октября.

Сегодня — день моего рожденія, и вы легко поймете, что я не могъ пропустить его, не протянувъ вамъ обѣ руки. Сегодня я вступаю въ тридцать второй годъ... Становлюсь старъ! Сегодня ровно семь лѣтъ, какъ я въ первый разъ встрѣтилъ вашего мужа у маіора Комарова; помните ли вы это смѣшное существо? Въ будущій вторникъ исполнится семь лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я въ первый разъ былъ у васъ. И вотъ, мы остались друзьями и, мнѣ кажется, хорошими друзьями. И мнѣ радостно сказать вамъ по истеченіи семи лѣтъ, что я ничего не видѣлъ на свѣтѣ лучше васъ, что встрѣтить васъ на своемъ пути — было величайшимъ счастьемъ моей жизни, что моя преданность и благодарность вамъ не имѣетъ границъ и умретъ только вмѣстѣ со мною. Да благословитъ васъ Богъ тысячу разъ! Молю Его объ этомъ на колѣняхъ и сложивъ руки. Вы — все что есть самаго лучшаго, благороднаго и симпатичнаго на этомъ свѣтѣ.

Сегодня вечеромъ большое сборище друзей у Тютчева [1]) для празднованія моего и его дня рожденія: мы родились въ одинъ и тотъ же день. Это—превосходный человѣкъ, отличный малый, и я люблю его всѣмъ сердцемъ, его жену — тоже. Кстати, вы не забудете справиться, возможно ли устроить то, что я просилъ васъ сдѣлать для нихъ?

Полина должна находиться въ данный моментъ на пути изъ Варшавы въ Берлинъ. Надѣюсь, что она пріѣдетъ здоровой. Объ ея характерѣ мнѣ мало остается прибавить къ тому, что я уже

---

[1]) Рѣчь идетъ, очевидно, о Николаѣ Николаевичѣ Тютчевѣ, обращавшемся, въ 50-хъ и 60-хъ годахъ, въ петербургскомъ литературномъ мірѣ и близкомъ ко многимъ изъ лучшихъ его представителей. Позднѣе онъ былъ членомъ комитета литературнаго фонда и несъ одно время обязанности его казначея.—*Ред.*

сказалъ; думаю только, что она болѣе воспріимчива, чѣмъ я считалъ раньше; за двѣ недѣли своего пребыванія у Тютчевыхъ она, повидимому, сильно измѣнилась къ лучшему. Пока я не чувствую къ ней большой нѣжности; можетъ быть, это придетъ позже. Но я твердо рѣшилъ съ этого времени дѣлать для нея все, что будетъ зависѣть отъ меня.

Надо мнѣ внести поправку въ то, что я писалъ вамъ въ послѣднемъ письмѣ. Вчера утромъ я былъ у графа Михаила Віельгорскаго и видѣлъ тамъ графа Матвѣя [1]); оба они живо интересуются вами, засыпали меня вопросами о васъ, о Фидесѣ [2]), о вашихъ намѣреніяхъ и т. д. Я много говорилъ о васъ, а также о Гуно, который можетъ теперь считать въ Россіи двумя друзьями и поклонниками больше. Графъ Михаилъ просилъ меня *умолять* его прислать имъ что-нибудь (напр. Sanctus или Requiem); они берутся исполнить присланное, при помощи всѣхъ огромныхъ средствъ, которыми они располагаютъ. Скажите объ этомъ два слова Гуно; отчего бы ему не сдѣлать этого? Онъ можетъ быть увѣренъ, что будетъ сдѣлано все для достойнаго выполненія задачи. Мнѣ кажется, что въ Англіи ничего не было сдѣлано. Вы бы мнѣ разсказали объ этомъ. Петербургъ не стоитъ Лондона въ музыкальномъ отношеніи, но тѣмъ не менѣе здѣшняя публика заслуживаетъ вниманія. Вы это хорошо знаете.

Понедѣльникъ, 31 окт. (12 ноября).

Только что получилъ ваше письмо, дорогая, добрая m-me Віардо; какъ грустно мнѣ стало отъ него! У васъ болятъ глаза и невральгическія боли въ ухѣ снова вернулись, бѣдняжка вы моя! Зачѣмъ вы страдаете? Если бы я только могъ взять на себя ваши страданія, съ какимъ удовольствіемъ, съ какою радостью я бы это сдѣлалъ! Хочу надѣяться, что это письмо застанетъ васъ уже оправившейся; но я буду спокоенъ только тогда, когда вы сами сообщите мнѣ объ этомъ. Смотрите же, успокойте меня поскорѣе! Съ сегодняшняго утра я не могу думать ни о чемъ другомъ, кромѣ этого ужаснаго дня въ Парижѣ, когда вы такъ измучились... Я бы охотно далъ себѣ отрѣзать руку, еслибъ это могло помочь вамъ; право, меня раздражаетъ, что я здоровъ въ то время, какъ вы страдаете. Оправляйтесь скорѣе, милый другъ, и сообщите мнѣ объ этомъ не медля. То, что вы разсказываете

---

[1]) Оба Віельгорскіе играли въ то время большую роль въ петербургскомъ музыкальномъ мірѣ.—*Ред.*

[2]) Въ это время Полина Віардо готовилась исполнить роль Фидесы въ „Пророкѣ“ Мейербера.—*Ред.*

въ своемъ письмѣ о пріемѣ, который вамъ сдѣлалъ оркестръ, доставило бы мнѣ гораздо больше удовольствія, если бы дурныя извѣстія о вашемъ нездоровьѣ не испортили его. Они отнимаютъ у меня мужество говорить о другомъ. Всетаки скажу вамъ, что я занятъ сейчасъ сочиненіемъ комедіи въ одномъ дѣйствіи для талантливой актрисы, Самойловой. Я не видѣлъ еще ни одной своей комедіи на сценѣ. Идутъ все бенефисы, почти безъ перерыва, и потому нужны все новыя пьесы; но одна изъ моихъ комедій объявлена на послѣзавтра. Я вамъ сообщу свое личное впечатлѣніе отъ нея. Другая комедія, въ пяти дѣйствіяхъ, посланная сюда и запрещенная цензурой, пользуется сейчасъ довольно большимъ успѣхомъ въ салонахъ [1]). Завтра я начну новое письмо, № 1, и буду просить Бога, чтобы число писемъ не дошло до 50. Но главное, выздоравливайте скорѣе. Mein Gott, ich möchte mein ganzes Leben als Teppich unter ihre lieben Füsse, die ich 1000 mal küsse, breiten [2]). Тысяча привѣтствій всѣмъ, а что васъ касается, Sie wissen, dass ich Ihnen ganz und auf ewig angehöre [3]). Цѣлую Гуно. Будьте всѣ счастливы и довольны.—Вашъ *И. Т.*

Безъ означенія времени и мѣста [4]).

Madame, я только что написалъ письмо вашей матушкѣ, гдѣ добросовѣстно передалъ ей все, что здѣсь дѣлается и говорится относительно будущаго сезона. Вы можете просмотрѣть его и будете судить сами. Я убѣжденъ напередъ, что все вами сдѣланное будетъ сдѣлано хорошо; но я долженъ вамъ сказать, что отсутствіе ваше въ эту зиму (чего я пока не хочу еще допустить) огорчитъ многихъ. Безконечно благодаренъ за вашу записку и за подробности объ устройствѣ вашей комнаты; онѣ помогутъ мнѣ живѣе представлять себѣ то, что̀ я такъ часто вспоминаю. Надѣюсь, что вы будете такъ добры сообщить мнѣ свое окончательное рѣшеніе: оно очень важно для многихъ и во многихъ отношеніяхъ. Желаю вамъ отъ всего сердца самаго лучшаго настроенія и вдохновенія для работы, которую вы пред-

---

[1]) Это, безъ сомнѣнія, „Мѣсяцъ въ деревнѣ“.—*Ред.*

[2]) Богъ мой, мнѣ бы хотѣлось всю жизнь свою, точно коверъ, разостлать подъ ваши милыя ноги, которыя цѣлую тысячу разъ.

[3]) Вы знаете сами, что я весь и навѣки принадлежу вамъ.

[4]) Къ этому письму вполнѣ примѣнима оговорка, сдѣланная выше: оно, очевидно, относится не къ пятидесятымъ, а къ сороковымъ годамъ и написано вскорѣ послѣ отъѣзда Полины Віардо изъ Россіи. Самый тонъ его свидѣтельствуетъ о меньшей, сравнительно съ позднѣйшею, близости И. С. Тургенева къ Полинѣ Віардо и ея семейству.—*Ред.*

приняли; особенно желаю вамъ добраго здоровья, спокойствія и энергіи.

Что касается меня, то я съ вашего отъѣзда веду очень спокойную жизнь; работалъ много и съ достаточнымъ успѣхомъ; маленькая вещица, посылаемая вамъ съ Соловымъ, была написана съ цѣлью служить текстомъ къ нашимъ разговорамъ, которые должны были происходить этой зимой... Вы увидите, какъ все это безсвязно. Надѣюсь, что вы осуществите этимъ лѣтомъ свой планъ занятій, и вообще *всѣ* ваши планы (поѣзжайте непремѣнно на морскія купанья, если врачи посовѣтуютъ). Если вы не пріѣдете зимой въ Россію, я надѣюсь встрѣтить васъ гдѣ-нибудь въ Европѣ въ будущемъ году, такъ какъ намѣреваюсь путешествовать. Соловой сказалъ мнѣ, что вашъ мужъ купилъ вамъ лошадь: радуюсь за васъ. Вспоминайте иногда обо мнѣ во время прогулокъ близъ Куртавенеля или когда вы входите въ оранжерею. Черезъ нѣсколько дней я ѣду въ деревню; можетъ быть, поѣду въ Одессу; но прежде чѣмъ отправиться въ путь, я окончательно устрою свои дѣла, какъ я это рѣшилъ раньше. Ich bin immer derselbe und werde es ewig bleiben [1]). У меня голова полна всякихъ литературныхъ плановъ; не знаю, что̀ изъ нихъ выйдетъ. Если позволите, я напишу вамъ письмо или два изъ деревни и изъ Одессы; ударюсь въ описанія.

То, что̀ я пишу вашей матушкѣ насчетъ вашего ангажемента—точный отголосокъ того, что говорится здѣсь. Можете разсчитывать на это и устроиться соотвѣтственно. Пріѣзжайте... Во всякомъ случаѣ будьте добры и сообщите мнѣ свое рѣшеніе. До свиданія, будьте здоровы и счастливы.

Пріѣзжайте опять; вы здѣсь найдете *все* такимъ же, какъ оставили.

Прощайте еще разъ; скажите вашей матушкѣ, какъ я ей преданъ. Цѣлую еще разъ руки матери и дочери и остаюсь

Yours for ever *И. Тургеневъ.*

Вторникъ, 1 (13) ноября 1850. С.-Петербургъ.

Willkommen, theuerste, liebste Frau, nach siebenjähriger Freundschaft, willkommen an diesem mir heiligen Tag! [2]). Далъ бы Богъ, чтобы мы могли провести вмѣстѣ слѣдующую годовщину

---

[1]) Я все тотъ же и вѣчно останусь имъ.

[2]) Привѣтъ вамъ, милѣйшая, дорогая, привѣтъ въ священный для меня день семилѣтія нашей дружбы!

этого дня и чтобы и черезъ семь лѣтъ наша дружба оставалась прежней.

Я ходилъ сегодня взглянуть на домъ, гдѣ я впервые семь лѣтъ тому назадъ имѣлъ счастье говорить съ вами. Домъ этотъ находится на Невскомъ, напротивъ Александринскаго театра; ваша квартира была на самомъ углу,—помните ли вы? Во всей моей жизни нѣтъ воспоминаній болѣе дорогихъ, чѣмъ тѣ, которыя относятся къ вамъ... Мнѣ пріятно ощущать въ себѣ послѣ семи лѣтъ все то же глубокое, истинное, неизмѣнное чувство, посвященное вамъ; сознаніе это дѣйствуетъ на меня благодѣтельно и проникновенно, какъ яркій лучъ солнца; видно, мнѣ суждено счастье, если я заслужилъ, чтобы отблескъ вашей жизни смѣшивался съ моей! Пока живу, буду стараться быть достойнымъ такого счастья; я сталъ уважать себя съ тѣхъ поръ, какъ ношу въ себѣ это сокровище. Вы знаете—то, что я вамъ говорю, *правда*, насколько можетъ быть правдиво человѣческое слово... Надѣюсь, что вамъ доставитъ нѣкоторое удовольствіе чтеніе этихъ строкъ... а теперь позвольте мнѣ упасть къ вашимъ ногамъ.

Вторникъ, 8 (20) ноября.

Дорогая, хорошая m-me Віардо, прошла цѣлая недѣля, втеченіе которой я не прибавилъ ни строки къ этому письму; прошу у васъ за это тысячу разъ прощенія; вѣдь, не извиненіе же въ самомъ дѣлѣ то обстоятельство, что я былъ (и продолжаю быть) очень занятъ все это время; всѣ занятія въ мірѣ должны отступить на второй планъ, когда вопросъ идетъ о письмѣ къ вамъ. Падаю передъ вами ницъ, прошу простить меня und mir erlauben, diese lieben Füsse, diese Füsse, denen meine ganze Seele angehört, als Zeichen der Verzeihung, auf das inbrünstigste zu küssen [1]).

Знаете ли вы, что я взялся написать маленькую комедію въ одномъ актѣ для Самойловой? [2]) Надо сдать ее въ будущій вторникъ, т.-е. черезъ недѣлю, и мнѣ придется усиленно работать, чтобы успѣть это сдѣлать. Сюжетъ я разскажу вамъ, какъ только будетъ немного больше свободнаго времени.

Жду съ нетерпѣніемъ извѣстій о вашемъ выступленіи въ „Пророкѣ“; молю небо избавить васъ поскорѣе отъ невральгіи

---

[1]) и позволить мнѣ, въ знакъ прощенія, благоговѣйно расцѣловать ваши милыя ноги, которымъ принадлежитъ вся моя душа.

[2]) Здѣсь, какъ и въ письмѣ отъ 31 окт., рѣчь идетъ, очевидно, о „Провинціалкѣ“.

и боли глазъ. Богъ долженъ былъ бы сдѣлать вашу жизнь ровной и мягкой, точно ковровая лужайка.

При послѣдней фразѣ мнѣ вспомнился Гуно: обнимаю его сердечно. Скажите ему, чтобы онъ не забылъ прислать сюда свой „Sanctus", а мнѣ лично — сдѣланныя его тонкимъ почеркомъ копіи „Trinquons", „Vieil habit", „Juif errant" и „Venise". Если онъ хочетъ, я оставлю ихъ исключительно для себя; если нѣтъ, я буду продолжать вербовать ему сторонниковъ. Графъ Віельгорскій уже *безъ ума* отъ него, благодаря „Vallon". Если бы вы еще прислали мнѣ копію „Юдиѳи" и двухъ или трехъ мексиканскихъ пѣсенъ, то я бы благодарилъ васъ, цѣлуя каждый хорошенькій пальчикъ вашей прекрасной руки столько разъ, сколько будетъ нотъ.

Маленькая Полина должна уже быть въ Парижѣ, если съ ней ничего не случилось дорогой; благодарю васъ впередъ за ласки, которыя вы подарили ей, и за всю доброту, которою вы ея окружите. Повторяю вамъ: единственное, что̀ я сказалъ ей при разставаніи, было то, что она должна обожать васъ, какъ своего бога. Въ этомъ она не будетъ одинока; но ей особенно не годится думать о васъ иначе, какъ скрестивъ руки и склонивъ колѣни. Ich bitte Sie, erlauben Sie ihr Ire Hände recht oft zu küssen. Denken sie, dass wenn es auch nicht meine Lippen sind, so sind es doch Lippen, die mir nahe stehen. Und seien sie tausendmal gesegnet [1]).

Суббота, 12 (24) ноября.

Дорогая и добрая m-me Віардо, meine theuerste beste Freundin, только что получилъ ваше драгоцѣнное письмо, писанное на другой день послѣ „Пророка". Вы не можете себѣ представить, въ какое восхищеніе привелъ меня вашъ тріумфальный выходъ; браво, господа парижане!

Упрекъ за рѣдкія письма, который вы дѣлаете мнѣ, заставилъ меня покраснѣть: обѣщаю теперь не пропускать ни одной недѣли безъ извѣстій о себѣ. Какъ? Неужели вашимъ бѣднымъ милымъ глазамъ еще не лучше? Напишите же мнѣ въ скоромъ времени, что они уже совсѣмъ поправились.

Я очень радъ, что вы дружески сблизились съ m-me Ungher; я часто говаривалъ вамъ о ней, какъ объ единственной пѣвицѣ, которая до васъ произвела на меня глубокое впечатлѣніе. Спасибо также за всѣ подробности о нашей любезной дочери „Сафо".

---

[1]) Прошу васъ, позвольте ей часто цѣловать ваши руки. Помните, что если это и не мои губы, то губы, близкія мнѣ. И будьте благословенны тысячу разъ.

Дай ей Богъ добрую судьбу. Напишу тотчасъ же Гуно, или же пусть меня называютъ неблагодарнымъ и забывчивымъ другомъ.

Надо сказать, что я никогда не былъ такъ занятъ, какъ теперь. Никогда до сихъ поръ я не зналъ, что̀ такое спѣшная, срочная работа. А между тѣмъ она должна быть исполнена: на меня разсчитываютъ... Послѣдніе два отрывка „Записокъ охотника", появившіеся въ „Современникѣ", имѣли большой успѣхъ; говорю вамъ это, зная, что это интересуетъ васъ. Я не оставляю мысли собрать всѣ эти разсказы и издать ихъ въ Москвѣ.

Вы мнѣ еще ничего не отвѣтили на мою просьбу по поводу посвященія. Надѣюсь, что вы не захотите отказать мнѣ въ этомъ счастьѣ, тѣмъ болѣе, что для публики будутъ только три звѣздочки.

Я довольно часто встрѣчаю обоихъ графовъ Віельгорскихъ, которые оба очень васъ любятъ. Здѣшняя итальянская опера дышетъ на ладонъ. Маріо капризничаетъ и почти не поетъ; m-lle Персіани фальшивитъ больше обыкновеннаго. Тамберликъ здѣсь не въ голосѣ (кажется, причиной этому является почти постоянное разстройство желудка), Тамбурини *лаетъ*, а другіе еще того хуже. Я ходилъ слушать „Вильгельма Телля", котораго они изуродовали: особенно плохъ и слабъ количественно хоръ. Но что̀ за музыка!..

Вотъ я дошелъ до конца страницы и некогда уже начинать новую. Но какъ только стану свободнѣе, а это случится въ началѣ будущей недѣли, клянусь послать вамъ огромное письмо. Пока будьте всѣ здоровы. Тысяча привѣтствій всѣмъ. Und Ihnen küss, ich die Füsse *stundenlang*. Tausend Dank für die lieben Nägel [1].—Вашъ *И. Тургеневъ*.

Es ist schon lange her, dass sie mir *schriftlich* ihre Hände zu küssen nicht geben... Warum? Bitte, im nächsten Brief lassen sie mich ihre Füsse küssen [2]).

Четвергъ, 16 (28) ноября, 1850.

Дорогая и добрая m-me Віардо!

Могу вамъ написать второпяхъ только эти два слова: я только что получилъ письмо съ извѣстіемъ, что моя мать въ агоніи — сегодня же вечеромъ ѣду въ Москву. Напишу вамъ въ день пріѣзда. Придется, вѣроятно, пережить очень тяжелыя минуты и разрѣшить много трудныхъ вопросовъ. Дайте мнѣ обѣ ваши

[1]) Цѣлую ваши ноги долго, долго, *цѣлые часы*. Тысяча благодарностей за милые ногти.

[2]) Вы уже давно не давали мнѣ *письменно* цѣловать ваши руки... Отчего? Пожалуйста, въ слѣдующемъ письмѣ позвольте мнѣ цѣловать ваши ноги.

руки, чтобы я могъ почерпнуть бодрость въ ихъ крѣпкомъ, дружескомъ пожатіи. Прощайте! Благослови васъ Богъ. Черезъ три дня напишу вамъ изъ Москвы.—Вашъ *И. Тургеневъ.*

P. S. Пишите мнѣ по тому же адресу: контора Языкова.

Москва, 22 ноября ст. ст. 1850.

Дорогая, добрая m-me Віардо!

Пріѣхалъ сюда вчера вечеромъ и не засталъ уже мать въ живыхъ; она умерла въ прошлый четвергъ, въ тотъ самый день, когда меня извѣстили объ ея болѣзни. Мой братъ здѣсь со своей женой. Напишу вамъ завтра; сегодня я слишкомъ взволнованъ. Хотѣлось только сообщить вамъ это извѣстіе и пожать вамъ руку крѣпко, крѣпко. До завтра! Пусть небо благословитъ и хранитъ васъ.—Вашъ *И. Тургеневъ.*

Москва, пятница 24 ноября (6 декабря), 1850.

Вотъ уже три дня какъ я здѣсь, дорогая, добрая m-me Віардо, но я едва нашелъ время, чтобы взяться за перо и впопыхахъ черкнуть вамъ нѣсколько словъ. Не то, чтобы намъ съ братомъ много приходилось *дѣлать,*—печати будутъ сняты только черезъ недѣлю,—но намъ столько вещей надо обсудить, подготовить... На наши плечи легла ужасная отвѣтственность. Мать моя умерла, не оставивъ никакихъ распоряженій; множество людей, зависѣвшихъ отъ нея, остались, можно сказать, на улицѣ; мы должны сдѣлать то, что она должна была сдѣлать. Ея послѣдніе дни были очень печальны. Да хранитъ насъ всѣхъ Господь отъ такой смерти! Она старалась только оглушить себя; наканунѣ смерти, когда уже начиналось хрипѣніе агоніи, въ сосѣдней комнатѣ, по ея распоряженію, оркестръ игралъ польки. Къ умершимъ подобаетъ относиться съ уваженіемъ и сожалѣніемъ; поэтому не скажу больше ничего. Но такъ какъ я не могу не подѣлиться съ вами всѣмъ, что я знаю и чувствую, я прибавлю еще одно слово: мать моя въ послѣднія свои минуты не думала ни о чемъ другомъ, какъ (стыдно сказать) о раззореніи насъ — меня и брата. Въ послѣднемъ письмѣ, написанномъ ею своему управляющему, она давала ему ясный и точный приказъ продать все за безцѣнокъ, поджечь все, если это было бы нужно, чтобы... Все равно, все надо забыть, и я сдѣлаю это отъ души теперь, когда вы, мой исповѣдникъ, знаете все. А между тѣмъ я чувствую, что ей было такъ легко заставить насъ любить ее и сожалѣть о ней! Да, пусть Богъ хранитъ насъ отъ подобной смерти! Избавляю васъ отъ множества другихъ подробностей; зачѣмъ? Пусть Богъ пошлетъ ей миръ.

Мой братъ, его жена и я остаемся здѣсь до Новаго года, чтобы попытаться устроить возможно лучше наши дѣла.

Имѣнія, оставленныя моей матерью, находятся въ очень незавидномъ состояніи, а урожай нынѣшній былъ почти совсѣмъ ничтожный. Приходится намъ, насколько возможно, ограничить себя до августа будущаго года. Я предложилъ брату тотчасъ уплатить всѣ частные долги матери (которые невелики), вознаградить всѣхъ служащихъ и истратить на это всѣ наличныя деньги. Снявъ разъ навсегда съ плечъ эту обузу, мы будемъ дѣйствовать лучше и скорѣе. Разсчитываю вернуться въ Петербургъ черезъ шесть недѣль, а въ апрѣлѣ уѣхать въ деревню и оставаться тамъ до ноября. Потомъ увидимъ. Я, какъ вы знаете, вовсе не дѣловой человѣкъ; я намѣренъ поручить управленіе своимъ имѣніемъ моему хорошему другу, Тютчеву. Конечно, мой братъ вполнѣ честный человѣкъ, и для меня было бы очень удобно взвалить на него все это, но я боюсь недоразумѣній: онъ очень экономенъ, почти скупъ и захочетъ копить для меня. Онъ никогда бы не согласился на продажу имѣнія, какъ бы необходима она ни была. Вотъ всѣхъ этихъ семейныхъ неурядицъ хочется избѣжать.

Я пришелъ къ рѣшенію раздѣлить наши имѣнія, т.-е. дѣлить будетъ, конечно, онъ и сдѣлаетъ это, безъ сомнѣнія, въ тысячу разъ лучше моего. У меня будетъ не меньше 25 тысячъ франковъ ренты, а это уже богатство. Я еще напишу вамъ обо всемъ этомъ; но скажите мнѣ, что̀ вы и вашъ мужъ думаете о моемъ рѣшеніи. Дорогой, добрый другъ, какъ часто я думаю о васъ!

Воскресенье. Здравствуйте, дорогой другъ, meine theuerste, liebste Freundin! Контора Языкова только что переслала мнѣ ваше милое, очаровательное письмо; опускаюсь на колѣни, чтобы поблагодарить васъ за него. Маленькая Полина пріѣхала, понравилась вамъ, и вы ее уже полюбили. Дорогой, дорогой другъ, вы—ангелъ! Каждое слово вашего письма дышетъ неизъяснимой нѣжностью, добротой, мягкостью. Какъ мнѣ не полюбить эту дѣвочку до безумія?

У васъ такая веселая и ясная манера дѣлать добро, что чувствуешь себя счастливымъ, какъ ребенокъ, когда благодаришь васъ. Выходитъ такъ, словно оказываешь вамъ большую услугу, когда доставляешь вамъ случай сдѣлать кому-нибудь одолженіе. Не знаю, право, какъ передать вамъ то, что̀ я чувствую и насколько меня взволновало и растрогало ваше дорогое письмо... Я ищу словъ... Мнѣ ничего не остается, какъ повторить вамъ снова, что я съ

обожаніемъ падаю передъ вами ницъ. Будьте благословенны тысячу разъ. Боги, какъ она счастлива, эта дѣвочка! Вѣдь она сейчасъ живетъ какъ у Христа за пазухой, какъ говоритъ русская пословица о людяхъ, которымъ везетъ. При ея умѣ, надо было бы предположить ужъ очень дурную натуру, чтобы она, живя возлѣ васъ, не заразилась немножко вашей добротой. Я все-таки надѣюсь, что эта большая перемѣна въ ея жизни спасетъ ее. Пожалуйста, поцѣлуйте ее отъ меня. Теперь, когда я сталъ богаче, я не боюсь дойти до тысячи франковъ въ годъ: пусть она учится играть на роялѣ. Пошлю вамъ деньги дней черезъ десять. Я очень счастливъ, что вы нашли въ ней сходство со мной и что это сходство вамъ доставило удовольствіе. Набросайте карандашемъ маленькій ея портретъ. Еще разъ повторяю: я кончу тѣмъ, что окончательно привяжусь къ ней съ того момента, когда узнаю, что вы ее любите... Вашъ успѣхъ въ „Гугенотахъ" безконечно обрадовалъ меня; съ нетерпѣніемъ ожидаю подробностей.

Вторникъ. Guten Morgen, theurste, liebste, beste Freundin! Ich küsse mit Anbetung Ihre schönen Hände [1]). Здравствуйте, дорогая m-me Віардо! Наши дѣла начинаютъ немного выясняться. Моя мать назначила 50.000 рублей молодой особѣ, которую она воспитала. Мы поспѣшили признать этотъ долгъ; до замужества она останется у моей belle-soeur, и мы будемъ ей платить, не считая ея содержанія, 8% въ годъ. Въ моментъ замужества она получитъ свои 50 тысячъ. Моя мать не сдѣлала оффиціально никакихъ другихъ распоряженій, но мы съ ея волей считаемся и, я думаю, нами останутся довольны.

Дорогой другъ, все это время не перестаю думать о васъ и о маленькой Полинѣ. Чувствую, что она становится мнѣ дорога, потому что она у васъ. Не знаю, сколько разъ я перечиталъ ваше письмо. Не могу выразить все, что̀ я чувствую, когда вашъ дорогой образъ, не покидающій меня никогда, встаетъ живымъ передо мною. Будьте благословенны тысячу разъ! Напишите мнѣ подробности о дѣвочкѣ. По-прежнему ли вы довольны ею и что̀ говоритъ m-me Ренаръ? Вотъ ужъ скоро мѣсяцъ, какъ она въ Парижѣ. Какую фамилію вы ей дали? Благодарю отъ всего сердца добрую m-me Гарсіа и mi guerida M-me Sitchès за ихъ милое отношеніе къ ней. Однимъ словомъ: вы всѣ ангелы, и я васъ всѣхъ люблю до безумія.

---

[1]) Добраго утра, дорогой, милый, лучшій другъ мой! Съ благоговѣніемъ цѣлую ваши прекрасныя руки.

Здѣсь всѣ принимаютъ меня съ распростертыми объятіями, особенно милѣйшій папаша Щепкинъ. Я не могу дѣлать много визитовъ; тѣмъ не менѣе за недѣлю моего пребыванія здѣсь я уже былъ два или три раза у него и у графини Саліасъ, очаровательной женщины, съ большимъ умомъ и талантомъ, которая, будучи писательницей, все же не принадлежитъ къ „синимъ чулкамъ". Къ несчастью, она очень хвораетъ.

Послѣдняя вещь, которую я написалъ—„Пѣвцы"—имѣетъ здѣсь большой успѣхъ. Кончаю письмо, чтобы можно было его отправить сегодня. Начну завтра новое. Скажите Віардо, что я его цѣлую отъ всей души и что уже нѣсколько дней я все перечитываю томикъ Монтеня, который онъ мнѣ подарилъ въ Петербургѣ. Поцѣлуйте отъ меня Гуно и не забудьте разсказать мнѣ о „Сафо". Тысячу добрыхъ пожеланій всѣмъ, а передъ вами падаю ницъ. Bei Ihren lieben Füssen will ich leben und sterben. Ich küsse sie stundenlag und bleibe auf ewig Ihr Freund [1].—*И. Тургеневъ.*

Москва, пятница 1 (13) декабря, 1850 года.

Здравствуйте, дорогая, добрая m-me Віардо!

Воскресенье. Никакъ не удавалось мнѣ всѣ эти дни продолжать это письмо. Продолжать? Нечего сказать—хорошее продолженіе! Но я могу сказать это безъ преувеличенія, такъ какъ ни на одну минуту не переставалъ думать о васъ, благородный, хорошій другъ мой, и о маленькой Полинѣ. Повторяю, сознаніе, что она находится на вашемъ попеченіи, дѣлаетъ ее дорогой для меня; она имѣетъ основаніе называть васъ maman — вѣдь это вы сдѣлаете изъ нея настоящую мою дочь. Жду съ нетерпѣніемъ слѣдующаго письма,—письма очень запаздываютъ въ Москву, — чтобы видѣть, удержалось ли у васъ первое благопріятное впечатлѣніе. Лишь бы только скорѣе развилось ея сердце... Я люблю представлять себѣ ея сердце въ вашихъ рукахъ. Sie wissen, warum. Mein Leben und mein Herz sind auch da wie früher. Sie haben es nicht fallen lassen, nicht wahr? [2]). Богъ да благословитъ вашу дорогую голову. А какъ ваши глаза?

Въ этомъ году въ Москвѣ всѣ чрезвычайно любезны, и если бы я хотѣлъ, я могъ бы бывать повсюду; но у меня нѣтъ никакой къ тому охоты. Вижусь съ немногими: прежде всего—

---

[1]) У вашихъ милыхъ ногъ я хотѣлъ бы жить и умереть. Цѣлую ихъ долгіе часы и остаюсь вашимъ другомъ навѣки.

[2]) Вы знаете, почему. Моя жизнь и мое сердце тамъ же, гдѣ и прежде были. Вы его не уронили—не правда ли?

съ графиней Саліасъ, съ Щепкинымъ и его сыномъ. Эта графиня—русская, замужемъ за французомъ, который послѣ одной дуэли вынужденъ былъ вернуться къ себѣ на родину. Она остроумна, искренняя, добра; въ ея манерахъ есть что-то напоминающее васъ. Мы съ ней большіе друзья. Она вращалась въ свѣтскомъ обществѣ, но потомъ отдалилась отъ него. Она не молода, нехороша собой, но внушаетъ симпатію, такъ какъ съ нею сразу чувствуешь себя непринужденно. Это, какъ вы знаете, очень хорошій признакъ; а къ тому же она и вправду обладаетъ талантомъ.

У насъ еще не сняты печати, но это произойдетъ въ скоромъ времени. Расчитываю вернуться въ Петербургъ черезъ три недѣли.

Чувствую настоящую музыкальную жажду, а утолить ее здѣсь невозможно. Чего бы я не отдалъ за вечеръ, проведенный съ Гуно! Пожмите ему отъ меня обѣ руки и скажите ему, что я люблю его, какъ отца. Сдѣлаетъ ли онъ то, о чемъ я его просилъ? Напомните обо мнѣ его милой матери; скажите всѣмъ моимъ парижскимъ друзьямъ, что я храню воспоминаніе о нихъ въ моемъ сердцѣ.

Я увѣренъ, что m-lle Berthe очень добра съ дѣвочкой, и я ей за это весьма благодаренъ. Но надо, чтобы Полина васъ обожала; ея спасеніе—только въ этомъ чувствѣ; оно ее возродитъ, и если только у нея есть добрые задатки, она не избѣжитъ того, чтобы обожать васъ. Умоляю васъ: когда вы получите это письмо, позовите къ себѣ Полину и дайте ей поцѣловать обѣ ваши руки,—слышите ли: обѣ ваши руки,—и думайте обо мнѣ, пока она будетъ наслаждаться этимъ счастьемъ. Затѣмъ напишите мнѣ, что вы это сдѣлали. Скажите мнѣ, дѣлаетъ ли она успѣхи въ французскомъ языкѣ? Надо, не теряя времени, начать учить ее на рояли. Господи, Боже мой, зачѣмъ я говорю все это?! Я знаю хорошо, что все для нея будетъ сдѣлано ангеломъ; я говорю это только затѣмъ, чтобы имѣть лишній поводъ упасть еще разъ передъ вами на колѣни.

Дорогой, дорогой, добрый другъ мой! Пусть все, что есть хорошаго на свѣтѣ, будетъ вашимъ! Не забывайте самаго преданнаго и вѣрнаго изъ вашихъ друзей.

Понедѣльникъ 4 (16) декабря.

Только что получилъ ваше дорогое письмо, theuerste, liebste, angebetete Freundin [1]), въ которомъ вы мнѣ сообщаете столько

[1]) Дорогой, милѣйшій, обожаемый другъ мой.

подробностей о Полинѣ. Боже, какъ вы добры! Какой вы ангелъ! Это письмо взволновало меня до глубины души. Ну, что-жъ, если *наша* дочь славная и любящая дѣвочка, тѣмъ лучше. Видите: я вамъ говорилъ, что она васъ обожаетъ. Да, она васъ обожаетъ,— чувствую это всѣмъ сердцемъ. Да и не могло это быть иначе,— думается мнѣ теперь: sie ist ja meine Tochter [1]).

Спѣшу отвѣтить на ваши вопросы. Да, ей привита оспа, но у нея не было ни одной дѣтской болѣзни. Пришлю вамъ метрическую выпись о крещеніи, какъ только получу ее. *Вы понимаете, конечно*, что она должна быть воспитана ни въ какой другой религіи, кромѣ нашей. Пожалуйста, пришлите мнѣ ея портретъ, сдѣланный вами, и пусть она внизу напишетъ: „Pauline; мама рисовала". Поцѣлуйте ее отъ меня; я чувствую, чувствую, что начинаю ее въ самомъ дѣлѣ любить. Тысячу привѣтствій милѣйшему Гуно за его нѣсколько словъ въ вашемъ письмѣ. Онъ вполнѣ правъ, говоря о „вліяніи ангельскихъ ручекъ, которымъ ввѣрена дѣвочка". О, да, ангельскихъ, и прекрасныхъ, и творящихъ доброе, и любимыхъ!.. Позвольте мнѣ прильнуть къ нимъ губами. Спасибо также за то, что вы мнѣ говорите о „Гугенотахъ" и о „Сафо". А когда пойдетъ „Сафо"? Вы ничего не говорите мнѣ о фамиліи, какую вы дали дѣвочкѣ. Если еще нѣтъ никакой, дайте ей фамилію Michel; у меня есть предразсудокъ, связанный съ этимъ именемъ,—я часто говорилъ вамъ объ этомъ, и вы знаете, о чемъ идетъ рѣчь. D-r Miguela. Пришлите мнѣ что-либо изъ его мазни. Я такъ доволенъ, я бы охотно расцѣловалъ всѣхъ друзей изъ улицы Дуэ, начиная съ маленькаго Лу, расцѣловалъ бы его въ обѣ щеки, которыя, я надѣюсь, теперь толстыя и большія.

Вы говорите, что Полина начала рыдать, увидѣвъ, что вы плачете послѣ операціи: я ей этихъ слезъ не забуду.

Вторникъ, 5 (17) декабря.

Здравствуйте, дорогой, благородный другъ мой! Сегодня ровно шесть мѣсяцевъ, какъ я видѣлъ васъ въ послѣдній разъ. Полгода! Это было—помните ли вы?—17 іюня... Сколько еще пройдетъ времени, прежде чѣмъ я буду имѣть счастье увидѣть васъ снова? Богъ знаетъ... Можетъ быть, еще годъ. Я долженъ сказать, что какъ ни безконеченъ будетъ этотъ годъ, это было бы такъ прекрасно, что я едва смѣю вѣрить... Впрочемъ, увидимъ, увидимъ... Я перечелъ первое письмо, которое вы мнѣ написали послѣ моего отъѣзда...

[1]) Вѣдь, она моя дочь.

Что касается писемъ, то я опять забываю номеровать ихъ. Теперь возобновляю. Это будетъ № 1.

Знаю наизусть ваше послѣднее письмо; не знаю, сколько разъ я перечиталъ его.

Наконецъ сняты печати. Мы нашли только бумаги, неимѣющія значенія, да и то въ небольшомъ количествѣ. Ни одного цѣннаго документа—ничего, нѣтъ даже письма къ намъ; она все сожгла передъ смертью. Но все же мы нашли дневникъ, писанный карандашемъ и относящійся къ послѣднимъ мѣсяцамъ ея жизни. И я просмотрѣлъ его сегодня ночью. Всѣ интриги не привели ни къ чему, но сколько ихъ было, этихъ интригъ! Оскорбленное самолюбіе и желаніе свалить вину на другихъ мало-по-малу развязало всѣмъ языки. Какой хоръ обвиненій, какія низости раскрылись здѣсь! Надо поскорѣе положить этому конецъ, щедро расплатившись со всѣми этими жадными существами, и освободить отъ нихъ домъ. Благодаря всѣмъ этимъ непріятностямъ я сдѣлалъ одно пріобрѣтеніе: типъ Тартюфа-женщины, смѣсь почти дѣтскаго добродушія и дьявольской хитрости, типъ очень оригинальный и очень отталкивающій. Если мы съ вами увидимся — т. е. я хочу сказать, *когда* мы съ вами увидимся,—мнѣ можно будетъ многое разсказать вамъ. Кстати, надо вамъ сообщить о своемъ горѣ. Вообразите себѣ, эта маленькая Асенька,—этотъ прелестный, странный ребенокъ, о которомъ я вамъ разсказывалъ, — вдругъ сразу выросла, подурнѣла и поглупѣла. Природа вступила въ свои права; если бы эта перемѣна не произошла, то она, вѣроятно, умерла бы, какъ всѣ рано развившіяся дѣти. А всетаки жалко. Это превращеніе болѣе естественно, болѣе здорово, но гораздо менѣе интересно. Тѣмъ не менѣе жена моего брата будетъ ее воспитывать, какъ дочь. Моя belle soeur очень славная, хорошая женщина, и я ее очень люблю.

Двѣнадцать съ половиной часовъ ночи. Только что вернулся отъ графини С.(аліасъ?) и не хочу лечь спать, не пожелавъ вамъ спокойной ночи. Сегодня передъ обѣдомъ я читалъ свою послѣднюю маленькую комедію, недавно написанную мною въ Петербургѣ, у другой графини (чортъ возьми!)—у жены брата графа Соллогуба, съ которымъ вы были знакомы въ Вѣнѣ. Вообразите себѣ, что онъ сошелъ съ ума, сталъ почти идіотомъ.

Моя маленькая комедія имѣла большой успѣхъ. Я уже читалъ ее графинѣ Саліасъ и Щепкину. Да, кстати, я снова встрѣтилъ Солового и его жену, которая приходится сестрой этой самой графинѣ Саліасъ. Онъ сталъ разспрашивать меня

о васъ. Онъ произвелъ на меня впечатлѣніе зайца, впавшаго въ меланхолію. Писалъ ли я вамъ, что за два дня до своего отъѣзда изъ Петербурга, я у графа Віельгорскаго встрѣтилъ Гулевича; онъ горячо расцѣловалъ меня и закидалъ вопросами о васъ. Право, онъ славный малый и искренно любитъ васъ; зайду къ нему, какъ только вернусь въ Петербургъ. Завтра я долженъ быть въ театрѣ: даютъ мою пьесу въ трехъ актахъ: „Холостякъ", съ Щепкинымъ. Я сяду въ ложѣ, скрытой отъ публики. Мнѣ кажется, что я буду бояться: второй актъ холоденъ, какъ ледъ. Эта пьеса шла уже нѣсколько разъ.

Покойной ночи—надо ложиться. Прежде чѣмъ заснуть, буду читать дневникъ моей матери, который только случайно избѣжалъ огня. Еслибъ я могъ видѣть васъ во снѣ!.. Это случилось со мною четыре или пять дней тому назадъ. Мнѣ казалось, будто я возвращаюсь въ Куртавенель во время наводненія. Во дворѣ, поверхъ травы, залитой водою, плавали огромныя рыбы. Вхожу въ переднюю, вижу васъ, протягиваю вамъ руку; вы начинаете смѣяться. Отъ этого смѣха мнѣ стало больно... Не знаю, зачѣмъ я вамъ разсказываю этотъ сонъ.

Покойной ночи, Богъ да хранитъ васъ... Кстати, по поводу смѣха. Все тотъ же ли онъ у васъ очаровательно-милый, искренній и ироническій? Какъ бы я хотѣлъ хоть на мгновеніе услышать его вновь! Покойной ночи, покойной ночи!

Пятница, утро, 8 (20) декабря.

Съ прошлаго вторника у меня было много разныхъ впечатлѣній. Самое сильное изъ нихъ было вызвано чтеніемъ дневника моей матери... Какая женщина, другъ мой, какая женщина! Всю ночь я не могъ сомкнуть глазъ. Да проститъ ей Богъ все... Но какая жизнь...

Право, я совершенно потрясенъ. Да, да, мы должны быть добры и справедливы, хотя бы для того, чтобы не умереть такъ, какъ она... Когда-нибудь я вамъ покажу этотъ дневникъ; меня тяготитъ самая мысль скрыть отъ васъ хотя бы и тяжелую, но интересную вещь. Вамъ извѣстно все, что было до сихъ поръ; вы будете знать все до конца, если только вы сами не скажете мнѣ, чтобы я молчалъ. Дорогой, добрый другъ! Одна мысль о васъ въ эту минуту дѣйствуетъ на меня какъ мягкое сіянье чистыхъ лучей; простираю къ вамъ руки и благословляю васъ отъ глубины души.

Третьяго дня я пережилъ ощущеніе совсѣмъ иного порядка: присутствовалъ въ закрытой ложѣ на представленіи моей ко-

медіи. Публика приняла ее очень горячо; особенно третій актъ имѣлъ чрезвычайно большой успѣхъ. Сознаюсь, это пріятно. Щепкинъ былъ великолѣпенъ, полонъ правды, вдохновенія и чуткости; его вызвали одинъ разъ послѣ второго акта, два раза въ теченіе третьяго и два раза послѣ него. Одна старая актриса была великолѣпна въ роли кумушки. Другой актеръ, Живокини, былъ очень хорошъ въ роли добраго провинціала. Jeune première была посредственна, немного неловка, но естественна; другіе актеры были плохи. Но какъ поучительно для автора присутствовать на представленіи своей пьесы! Что тамъ ни говори, но становишься публикой, и каждая длиннота, каждый ложный эффектъ поражаютъ сразу, какъ ударъ молніи. Второй актъ несомнѣнно неудаченъ, и я нашелъ что публика была слишкомъ снисходительна. Тѣмъ не менѣе, въ общемъ—я очень доволенъ. Опытъ этотъ показалъ мнѣ, что у меня есть призваніе къ театру и что со временемъ я смогу писать хорошія вещи.

Вотъ что: мы можемъ дойти до тысячи двухсотъ франковъ въ годъ для Полины. Передъ отъѣздомъ изъ Москвы вышлю вамъ восемьсотъ. Напишите мнѣ, какого цвѣта ея самое красивое платье. Чувствую въ себѣ нѣжность къ этому ребенку, который васъ любитъ. Но вы не забудете дать ей цѣловать ваши руки, не правда ли? Въ теченіе цѣлой минуты? Если она еще не понимаетъ по-французски, скажите ей по-русски: „еще". О, какъ она счастлива, эта маленькая соплячка!

Пришлите мнѣ ея волосъ, у меня ихъ нѣтъ.

Вы получите это письмо уже въ 1851-мъ году... Что, еслибы мы увидались въ этомъ году? Aber wénn ich es auch könnte, ich komme nur, wenn Sie mich rufen [1]). Писалъ ли я вамъ, что Полина родилась 13 мая 1842 года? Я все возвращаюсь къ этому ребенку. Но вы знаете, почему.

Пятница, вечеромъ. Этотъ дневникъ не выходитъ у меня изъ головы... Но не надо больше думать о немъ. Я одинъ въ комнатѣ; уже очень поздно; чудесно свѣтитъ луна; блескъ снѣга смягченъ, почти ласкаетъ глазъ. Діана со мною; она очень пополнѣла, и если Богъ продлитъ ея жизнь, то она меньше, чѣмъ черезъ мѣсяцъ, произведетъ на свѣтъ дѣтенышей, похожихъ на нее, потому что я нашелъ здѣсь собаку, точь въ точь похожую на Діану и отличающуюся талантами. Я хочу положить основаніе новой расѣ великолѣпныхъ собакъ; я хочу, чтобы современемъ

---

[1]) Но еслибы я и могъ это сдѣлать, я пріѣду только тогда, когда вы меня позовете.

говорили: „Видите ли эту собаку? Это внукъ знаменитой Діаны". Я только что спросилъ у Діаны, помнитъ ли она еще Султана. Она насторожила уши и мигнула глазами чрезвычайно многозначительно.

Суббота, часъ дня. Папаша Щепкинъ пришелъ ко мнѣ съ утра; мы много болтали... Его приходъ доставилъ мнѣ удовольствіе, но онъ укралъ у меня одну страницу письма къ вамъ. Надо отправить письмо сейчасъ же, чтобы оно еще сегодня ушло. Имѣю только время склониться къ вашимъ ногамъ и пожелать вамъ всякаго возможнаго счастья. Тысяча поцѣлуевъ Луи, Гуно и всѣмъ.

Будьте всѣ счастливы и благословенны. Люблю васъ всѣхъ.

Цѣлую ваши дорогія, добро творящія руки. До свиданія.— Вашъ *Тургеневъ.*

Москва, понедѣльникъ, 1 (13) января 1851 г.

Здравствуйте, дорогая, добрая m-me Віардо, theurste, liebste Freundin! [1]). Не хочу начинать новый годъ, не обратившись къ моей ласковой и дорогой патронессѣ и не призвавъ на нее благословеніе неба. Увы, неужели возможно, что пройдетъ весь этотъ годъ, и я не буду имѣть счастья васъ видить? Это очень тяжелая мысль, но мнѣ приходится привыкать къ ней...

Вчерашній вечеръ мы провели у одного изъ моихъ друзей, и когда пробила полночь — вы легко можете себѣ представить, къ кому я мысленно отнесъ свой тостъ. Все мое существо рвалось къ моимъ друзьямъ, къ дорогимъ, далекимъ друзьямъ... Да хранитъ ихъ небо! Мое сердце всегда тамъ, съ ними — я чувствую это.

До завтра. Сейчасъ мнѣ надо сдѣлать нѣсколько визитовъ. Я хотѣлъ бы многое разсказать вамъ. Я не безъ основанія оставался такъ долго въ Москвѣ. Я привелъ къ благополучному концу одно довольно трудное и щекотливое дѣло. Обо всемъ этомъ разскажу вамъ завтра. Сегодня вечеромъ у графини Соллогубъ будетъ разыграна свѣтскими любителями одна изъ моихъ маленькихъ комедій. Меня пригласили присутствовать на представленіи, но я постараюсь уклониться отъ этого. Я слишкомъ боюсь, что буду играть тамъ смѣшную роль. О результатѣ напишу. До завтра. А сейчасъ позвольте мнѣ склониться къ вашимъ ногамъ и поцѣловать край вашего платья. Дорогой, дорогой, добрый, благородный другъ мой, пусть небеса покровительствуютъ вамъ!

---

[1]) Вѣрный, милый другъ.

Среда, 3 января.

Моя комедія имѣла третьяго дня, по видимому, очень большой успѣхъ; ее повторяютъ сегодня, и я получилъ настойчивое приглашеніе явиться. На этотъ разъ я пойду; я не хочу казаться много о себѣ воображающимъ человѣкомъ. Вчера я давалъ прощальный обѣдъ своимъ друзьямъ. Всего насъ было двадцать человѣкъ. Долженъ сознаться, что къ концу вечера мы всѣ были какъ нельзя болѣе оживлены. Среди другихъ былъ одинъ комическій актеръ, человѣкъ большого таланта, Садовскій; мы умирали со смѣха, слушая импровизированныя имъ сценки, діалоги изъ крестьянской жизни и пр. У него много воображенія, а правдивость игры, интонаціи и жеста такая полная, какой я раньше никогда не встрѣчалъ. Нѣтъ ничего болѣе пріятнаго чѣмъ искусство, ставшее природой.

Вчера я обѣщалъ вамъ разсказать, почему я остался въ Москвѣ гораздо дольше, чѣмъ предполагалъ. Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ причина этому: надо было удалить изъ нашего дома двухъ женщинъ, которыя вносили въ жизнь ежеминутную неурядицу. По отношенію къ одной изъ нихъ это было не трудно (она—вдова лѣтъ сорока, которая была при матери въ послѣдніе мѣсяцы ея жизни). Ее мы щедро оплатили и попросили искать себѣ иное мѣстопребываніе. Другая — молодая дѣвушка, воспитанница моей матери: истинная m-me Lafarge [1]), фальшивая, злая, хитрая и безсердечная. Невозможно изобразить вамъ все зло, которое сдѣлала эта маленькая гадюка; она опутала моего брата, который по своей наивной добротѣ принялъ ее за ангела; она дошла до того, что гнусно оклеветала своего родного отца. Потомъ, когда мнѣ совершенно случайно удалось уловить нить всей интриги, она созналась во всемъ, но держалась съ такимъ апломбомъ и съ такой наглостью, что я не могъ не вспомнить Тартюфа, который, съ покрытой головой, велитъ Оргону удалиться изъ его дома. Невозможно было оставлять ее у насъ, но не могли же мы ее выгнать на улицу. Ея родной отецъ отказался взять ее къ себѣ (онъ женатъ, имѣетъ большую семью). Наше положеніе было весьма затруднительно; но, къ счастью, нашелся человѣкъ—докторъ, другъ ея отца,—который взялъ на себя это бремя, предупредивъ ее напередъ, что она будетъ подъ надзоромъ. Мы съ братомъ выдали ей заемное письмо на шестьдесятъ тысячъ изъ 6%, съ уплатою въ три года, затѣмъ весь

---

[1]) Madame Lafarge—героиня процесса, надѣлавшаго много шума въ Франціи, въ сороковыхъ годахъ; она обвинялась въ отравленіи своего мужа.—*Ред.*

гардеробъ моей матери и пр. и пр. Она намъ выдала расписку, и теперь мы квиты! Ухъ, это была трудная задача! Не знаю, что вышло бы изъ ея пребыванія у моего брата; знаю только, что лишь теперь, когда ея нѣтъ больше, мы вздохнули свободно. Такая скверная, ненормальная натура въ семнадцать лѣтъ! Она обѣщаетъ многое. Правда, она получила отвратительное воспитаніе. Однако, не будемъ говорить больше о ней: теперь она довольна, и мы тоже.

Признаюсь вамъ всетаки, что я не рожденъ для подобныхъ перипетій! Я вкладываю въ нихъ довольно много хладнокровія и рѣшительности, но все же онѣ ужасно разстраиваютъ мнѣ нервы. Я слишкомъ привыкъ жить съ хорошими и порядочными людьми. Я не боюсь злобы и особенно коварства, но они возмущаютъ мою душу. Я совершенно не могъ работать въ теченіе послѣднихъ двухъ недѣль.

До завтра. Уѣзжаю въ пятницу, или самое позднее—въ субботу. Дайте мнѣ ваши дорогія, милыя, ласковыя руки, я ихъ прижму къ своимъ глазамъ и губамъ, и пусть вашъ чистый, благородный образъ отгонитъ прочь отъ меня всѣ эти скверныя и тяжелыя воспоминанія...

Пятница, 5 января.

Да, дѣйствительно, успѣхъ мой третьяго дня былъ очень большой; актеры были отвратительны, особенно jeune première (княжна Черкасская), что однако не помѣшало ни публикѣ апплодировать до чрезвычайности, ни мнѣ пойти за кулисы благодарить ихъ съ большой экспансивностью. Несмотря на все это, я былъ очень доволенъ, что присутствовалъ на представленіи; мнѣ кажется, что пьеса моя будетъ имѣть успѣхъ на сценѣ, разъ она понравилась, хотя ее и уродовали диллетанты (ее даютъ въ Петербургѣ 20-го, здѣсь—18-го). Я получилъ много лестныхъ комплиментовъ, привѣтствій и пр., и пр. Всетаки это странно—видѣть свою вещь на сценѣ.

Уѣзжаю завтра, но напишу вамъ еще разъ до отъѣзда. Мнѣ уже невтерпежъ: хочется имѣть письмо отъ васъ. Мнѣ больше не посылаютъ писемъ въ Москву; они ждутъ меня въ Петербургѣ.

До завтра. Tausend Küsse den lieben Füssen [1]).

Понедѣльникъ, 8 января.

Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ, дорогая m-me Віардо. Долженъ былъ уѣхать въ субботу, и вотъ я еще до сихъ

[1]) Тысяча разъ цѣлую ваши милыя ноги.

поръ въ Москвѣ. Схватилъ кашель, и пока онъ не пройдетъ, мнѣ нельзя будетъ выходить изъ комнаты. Надѣюсь, что онъ пройдетъ черезъ нѣсколько дней. Эта задержка мнѣ довольно непріятна, но надо покориться.

Вчера Діана произвела на свѣтъ семь щенковъ, бѣлыхъ и желтыхъ, какъ она сама: шесть—мужского пола и одну—женскаго. Нѣжность матери доходитъ до свирѣпости: она дѣлаетъ страшные глаза, какъ только я прикасаюсь къ одному изъ ея дѣтенышей. Кромѣ меня, никто не осмѣливается даже приблизиться къ ней.

Отошлю вамъ это письмо сегодня; напишу еще разъ до отъѣзда. Надѣюсь, что смогу сдѣлать это въ четвергъ. Уже больше двухъ мѣсяцевъ, какъ маленькая Полина въ Парижѣ. Какъ она поживаетъ, дѣлаетъ ли она успѣхи? Я увѣренъ, что найду подробности о ней въ вашихъ письмахъ, ожидающихъ меня въ Петербургѣ; увѣренъ, что ихъ тамъ не меньше двухъ. Люблю и обнимаю васъ всѣхъ. Ахъ, вотъ идея: напишу Гуно, вмѣсто того, чтобы писать вамъ передъ отъѣздомъ. Такъ и сдѣлаю. Значитъ, прощайте, до Петербурга.—Вашъ *И. Тургеневъ.*

Москва, 17 (29) января 1851 года, среда.

Оправляюсь отъ болѣзни, какъ Jodelet въ Précieuses ridicules, дорогой, добрый другъ. У меня былъ катарръ съ довольно сильной лихорадкой, уложившій меня въ постель на четыре дня. Мнѣ особенно непріятно то, что пришлось отложить поѣздку. Эта задержка лишаетъ меня вашихъ писемъ, ожидающихъ меня въ Петербургѣ. Я имѣлъ глупость распорядиться, чтобы ихъ не высылали сюда, такъ какъ все надѣялся, что смогу уѣхать. Очень возможно, что останусь здѣсь еще недѣлю. Вы не повѣрите, какую пустоту создаетъ вокругъ меня отстутствіе вашихъ писемъ: я такъ давно уже лишенъ извѣстій о васъ. Это меня приводитъ въ полное смущеніе. Питаю надежду, что вы здоровы и вспоминаете иногда человѣка, который любитъ васъ всѣми силами своей души. Вы знаете, о комъ идетъ рѣчь?

Завтра состоится представленіе комедіи, которую я написалъ для петербургскихъ артистовъ, но по просьбѣ Щепкина далъ ему для его бенефиса. Я не могу ни въ чемъ отказать этому великолѣпному, достойному человѣку. Если я не буду чувствовать себя слишкомъ плохо, пойду на первое представленіе. До сихъ поръ не ощущаю ни малѣйшаго волненія. Посмотримъ, что будетъ завтра. Повидимому jeune première очень плоха; впрочемъ, увидимъ. Прощайте до завтра, дорогой, добрый другъ.

Четвергъ, часъ дня. Итакъ, сегодня вечеромъ. Это начинаетъ производить на меня нѣкоторое впечатлѣніе. Къ несчастью, чувствую себя хуже вчерашняго, и докторъ только что посовѣтовалъ мнѣ не выходить сегодня вечеромъ. Но это было бы непріятно. Мой братъ идетъ со своей женой. Это маленькая комедія въ одномъ дѣйствіи, озаглавленная: „Провинціалка". Фабула ея довольно проста; все зависитъ отъ игры двухъ главныхъ актеровъ. Одинъ изъ нихъ, какъ говорятъ, хорошъ, другой — или вѣрнѣе другая—очень плоха. Театръ будетъ полонъ. Щепкинъ прислалъ мнѣ ложу наверху. Я думаю, что пойду, хотя чувствую себя скверно: лихорадитъ дьявольски.

Семь часовъ вечера. Пульсъ 80 въ минуту, и я иду въ театръ. Не могу оставаться дома. Крѣпко пожимаю вамъ руки и ѣду. Что-то напишу я вамъ, вернувшись?

11 часовъ. Вотъ ужъ точно: я ждалъ всего, но только не такого успѣха! Вообразите себѣ, меня вызывали такъ неистово, что я наконецъ совершенно растерялся, словно тысячи чертей гнались за мной. Мой братъ только что разсказалъ мнѣ, что въ театрѣ шумъ продолжался добрую четверть часа и прекратился только тогда, когда Щепкинъ вышелъ объявить, что меня нѣтъ въ театрѣ. Я очень жалѣю, что удралъ, такъ какъ могли подумать, что я манерничаю. Пьеса была довольно хорошо разыграна всѣми, за исключеніемъ jeune première, которая была невыносима; за то актеръ, игравшій главную роль, былъ восхитителенъ. Это молодой актеръ, по фамиліи Шумскій; онъ сегодня сильно выигралъ въ мнѣніи публики, и я въ восторгѣ, что далъ ему къ тому случай. Въ моментъ поднятія занавѣса я тихо произнесъ ваше имя: оно мнѣ принесло счастье. Но надо лечь въ постель: у меня лошадиная лихорадка.

Пятница, два часа. Мой вчерашній выходъ не особенно повредилъ мнѣ. Правда, я провелъ скверную ночь, но сегодня чувствую себя довольно хорошо. Нѣсколько моихъ друзей пришли сегодня поздравить меня. Повидимому, успѣхъ мой былъ дѣйствительно очень великъ; залъ былъ переполненъ, и было замѣчено, что нѣкоторые изъ моихъ враговъ (литературныхъ) апплодировали, не щадя силъ. Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше. Милый Щепкинъ пришелъ обнять меня и побранить за бѣгство. У меня явилась мысль послать Шумскому маленькій подарокъ; это будетъ ему пріятно. Завтра ту же пьесу ставятъ въ Петербургѣ. Всетаки пріятно имѣть успѣхъ; хорошо было бы, чтобы онъ пришпорилъ меня.

Представьте себѣ, я только что узналъ отъ одного госпо-

дина, пріѣхавшаго изъ Петербурга, что въ конторѣ Языкова лежитъ нѣсколько писемъ на мое имя; ихъ не посылаютъ въ Москву, такъ какъ ежечасно ждутъ моего пріѣзда... Не могу вамъ описать, какъ это мнѣ досадно. Боже, Боже, Боже, какъ я глупъ!

Позвольте мнѣ поблагодарить васъ за мой вчерашній успѣхъ; мнѣ кажется, что не произнеси я вашего имени, дѣло приняло бы иной оборотъ. Я такъ счастливъ, связывая все въ моей жизни съ дорогимъ и милымъ воспоминаніемъ о васъ, съ вашимъ вліяніемъ. Цѣлую ваши руки съ нѣжностью и благодарностью. Да хранитъ васъ небо! До завтра.

Понедѣльникъ. Не писалъ вамъ ни въ субботу, ни въ воскресенье; я былъ въ эти дни никуда не годенъ, чтобы не сказать глупъ. Сегодня повторяютъ мою пьесу. Здѣсь комедіи ставятся только три раза въ недѣлю. Расчитываю сегодня покататься; погода чудная. У щенятъ Діаны глаза наконецъ открылись. Они очень смѣшные, очень славные и очень здоровые.

Это было бы чортъ знаетъ что, еслибы мнѣ пришлось еще остаться здѣсь больше недѣли. У меня были очень многіе съ визитомъ, мнѣ пришлось выслушать нескончаемые комплименты, и пр., и пр. Говорю вамъ объ этомъ, такъ какъ знаю, что это доставитъ вамъ удовольствіе. Увѣренъ, что въ вашихъ письмахъ вы разсказываете мнѣ о „Сафо", о начавшихся репетиціяхъ (я надѣюсь, что онѣ уже начались). И подумать только, что я ничего до сихъ поръ объ этомъ не знаю,—и по собственной винѣ! Но я буду имѣть ваши письма черезъ четыре дня. Тогда я вамъ напишу цѣлый томъ. А что касается Гуно, то повторяю: я не уѣду изъ Москвы, не написавъ ему большого письма. Что дѣлаетъ Полина? Послушна ли она, учится ли по-французски и на роялѣ?

Прощайте, обнимаю васъ всѣхъ, всѣхъ, съ невыразимой нѣжностью. Начинаю съ васъ; затѣмъ Віардо; затѣмъ Гуно; затѣмъ m-me Гарсіа; затѣмъ m-me Гуно; затѣмъ m-lle Berthe; затѣмъ el marenero Espanolo y su majer; затѣмъ Мануэля; затѣмъ Луизу; затѣмъ всѣхъ, всѣхъ друзей и кончаю опять вами. Дорогіе друзья мои, мое сердце съ вами. Прощайте, будьте здоровы, счастливы, довольны и не забывайте вашего вѣрнаго друга

И. Тургеневъ.

Постойте-ка, я замѣтилъ, что въ перечисленіи я забылъ о маленькой Полинѣ; скажите ей, что цѣлую ее дважды.

P. S. Пошлю вамъ 1.200 франковъ, какъ только пріѣду въ Петербургъ.

Перев. М. Славинская.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ОЧЕРКИ
СОЦІАЛЬНАГО БЫТА
ФРАНЦІИ

Общинныя пользованія во Франціи стараго порядка и обязательный раздѣлъ мірскихъ угодій, предписанный Конвентомъ *).

Средневѣковое французское село имѣло то общее съ малороссійскимъ, что крестьянинъ владѣлъ въ немъ пахатью и сѣнокосомъ на началахъ двороваго пользованія, а пастбищемъ, лѣсомъ и пустошью, какъ мірскими угодьями. Слѣды этихъ порядковъ уцѣлѣли еще во многихъ мѣстностяхъ наканунѣ революціи. Но это были только слѣды. Присвоеніе нераздѣльной площади, остававшейся въ совладѣніи крестьянъ и помѣщиковъ, началось уже давно. По соображеніямъ хозяйственнаго характера сеньёры объявляли запретными (mettaient en défense) все большее и большее число лѣсныхъ участковъ, поднимали новь въ пустошахъ и огораживали пастбища, желая обезпечить ростъ молодыхъ побѣговъ и защитить ихъ отъ потравъ сельскаго стада. Въ XVI и XVII-мъ столѣтіяхъ правительство пришло одно время на помощь крестьянству своимъ предложеніемъ разбить угодья на двѣ неравныя части: одну треть оставить помѣщику, а двѣ трети сохранить за крестьянами. Но и послѣ производства такихъ triages, помѣщичьимъ захватамъ не настало конца. Приходскіе наказы

*) См. іюль, стр. 96.

1789-го года не оставляютъ на этотъ счетъ ни малѣйшаго сомнѣнія.

Можно было бы думать, что процессъ упраздненія мірского пользованія всего менѣе коснулся горныхъ долинъ теперешняго департамента Верхнихъ Альпъ, далеко расположенныхъ отъ всякихъ торговыхъ и промышленныхъ центровъ и потому жившихъ въ условіяхъ болѣе или менѣе самодовлѣющаго хозяйства. Но неприспособленность ихъ почвы къ земледѣлію и наличность въ нихъ богатыхъ альпійскихъ пастбищъ и лѣсовъ, въ связи съ уцѣлѣвшимъ въ нихъ феодальнымъ правомъ,—причина тому, что помѣщики особенно ревниво охраняли свои древесныя богатства отъ крестьянскаго въѣзда и выпаса.

Двѣ трети строевого лѣса—жалуется наказъ селенія Абошъ, въ рукахъ сеньёра, принадлежащая крестьянамъ третья часть объявлена запретной по приказамъ мѣстной администраціи водъ и лѣсовъ. Все остальное состоитъ въ пользованіи крестьянъ, доставляя имъ матеріалъ для топлива и построекъ, а также для выпаса ихъ скота. Еслибы эти угодья—прибавляетъ составитель документа — были хорошо администрированы, ихъ бы оказалось болѣе чѣмъ достаточно для удовлетворенія крестьянскихъ нуждъ [1]).

Другая община, Брюисъ, тягается съ сеньёромъ изъ-за того, что послѣдній не допускаетъ выпаса сельскаго стада на протяженіи всей пустоши. Третья община, Сельякъ, жалуется на то, что ей не хватаетъ горныхъ пастбищъ и что она принуждена вытравлять своимъ скотомъ луга послѣ уборки съ нихъ сѣна. Четвертая община, Шатору, страдаетъ такой задолженностью, что принуждена была сдать въ наемъ часть своихъ общинныхъ земель, а это разумѣется, вызываетъ сокращеніе въ ней числа рогатаго скота. Въ пятой общинѣ, Монжэ, сеньёръ всячески старается присвоить себѣ пустошь, которою крестьяне пользуются для выпаса своихъ стадъ. Въ шестой, Озъ, крестьяне десять лѣтъ тому назадъ пасли свои стада на островѣ, прилегающемъ къ водяной мельницѣ, но графъ де-Ру, сеньёръ помѣстья Шабестанъ, насильственно присоединилъ эту землю къ своему домену, очевидно—какъ владѣлецъ вотчинной мельницы. Въ седьмомъ приходѣ, Рамбо, епископъ Гапа не даетъ крестьянамъ извлекать изъ лѣса дважды въ годъ, какъ они дѣлали прежде, матеріалъ для земледѣльческихъ орудій. Въ приходѣ Ларошъ общинные лѣса пришли въ запустѣніе, такъ какъ жители не только поль-

---

[1]) См. изданіе Аббата Гильома, стр. 66.

зуются ими для топлива и построекъ, но продаютъ дрова въ Гапъ. Они истребляютъ также весьма нехозяйственно лозу, идущую на выдѣлку корзинъ. Наказъ настаиваетъ на той мысли, что необходимо произвесть разверстку мѣстныхъ кустарныхъ насажденій между жителями. Каждый дворъ слѣдуетъ принудить къ производству новыхъ насажденій и лишать всякаго права пользованія тѣхъ, кто не будетъ соблюдать этихъ условій [1]).

Очевидно, говоря это, наказъ отражаетъ на себѣ вліяніе сельско-хозяйственной литературы того времени и дѣятельности комитетовъ земледѣлія. Онъ дѣлаетъ это и тогда, когда нападаетъ на рубку крестьянами молодого лѣса и требуетъ, чтобы деревья, имѣющія въ обхватѣ не болѣе трехъ футовъ, были защищены отъ истребленія.

Общинныя угодья, какъ я старался показать въ первомъ томѣ моего „Происхожденія современной демократіи", при изображеніи судебъ французскаго крестьянства наканунѣ паденія стараго порядка, были распространены на протяженіи всей страны. И столь же всеобщимъ было стремленіе помѣщиковъ сократить крестьянскія пользованія и извлекать непосредственный доходъ изъ пастбищъ и лѣсныхъ дачъ, то объединяя ихъ со своими доменами или землями въ личномъ завѣдываніи, то сдавая ихъ въ аренду.

Въ сенешоссеѣ Ренна, приходскіе наказы котораго изданы въ 1909-мъ году Сэ и Лессоромъ, не разъ поднимается рѣчь о томъ, что сеньёры стараются обратить свои феоды въ частныя имѣнія и прибѣгаютъ къ огораживанію мірскихъ земель. Крестьяне протестуютъ, требуя упраздненія загородей и поступленія пастбищъ и лѣсовъ въ пользованіе мѣстныхъ жителей (riverains) [2]).

Другая причина недовольства—сдача въ наемъ лицамъ, неживущимъ въ общинѣ и неимѣющимъ въ ней земельныхъ участковъ, права пользованія ея угодьями. Арендаторы, разумѣется спѣшатъ огородить заборами поступившіе къ нимъ участки. Особенно развилась эта практика за послѣднія 20—30 лѣтъ, такъ, что крестьянамъ некуда выгонять больше свой скотъ. Если—разсуждаютъ жители Шатильона,—такія аренды очень выгодны для сеньёровъ, получающихъ благодаря имъ ежегодно платежи или ренты овсомъ и деньгами, то онѣ крайне убыточны для вассаловъ, лишенныхъ, такимъ образомъ, законнаго права на мірскія угодья, за которыя раньше они несли слабые феодальные

---

[1]) Ibid., стр. 88, 95, 124, 275, 320, 349 и 393.

[2]) Cahiers de Combourtille, § 26, стр. 216, de Parée, стр. 228.

поборы въ пользу сеньёровъ. Это допущеніе чужеземцевъ къ съему участковъ общинной пустоши, нерѣдко подвергаемыхъ ими расчисткѣ, причина тому, что жители нѣкоторыхъ селеній настаиваютъ на томъ, чтобы къ корчеванію недопускаемъ былъ никто, помимо мѣстныхъ уроженцевъ. „Да будетъ запрещено сеньёрамъ сдавать ланды, т.-е. пустошь, прибрежную къ морю, и другія мірскія земли въ наемъ кому бы то ни было, если онѣ лежатъ на болѣе близкомъ разстояніи, чѣмъ двѣсти шаговъ отъ сосѣдняго жилья"—читаемъ мы въ наказѣ Ле-Тейль [1]).

Жители другого прихода—Домашенъ—жалуются, что сеньёры не допускаютъ ихъ къ поднятію нови въ предѣлахъ мірскихъ земель иначе, какъ подъ условіемъ высокихъ платежей, значительно превышающихъ тотъ размѣръ въ 100 су единовременно и въ 10 су ежегодно, который установленъ обычнымъ правомъ или кутюмомъ Бретани.

Въ виду сказаннаго легко понять, почему, расходясь съ большинствомъ приходскихъ наказовъ Бретани [2]) нѣкоторыя, „тетради жалобъ" ея общинъ настаиваютъ на раздѣлѣ мірскихъ земель, видя въ этомъ прямое поощреніе корчеваніямъ и препятствіе къ дальнѣйшему истребленію лѣсовъ взятыми со стороны арендаторами. Объ общинныхъ земляхъ этотъ наказъ говоритъ какъ о землѣ проклятой небомъ (terre maudite). Необходимо принять во вниманіе исключительныя условія, въ какія попадаютъ по отношенію къ мірскимъ землямъ крестьяне при наймѣ ихъ сеньёромъ-чужеземцемъ, чтобы понять причины, по которымъ въ самой крестьянской средѣ появляется желаніе положить конецъ нераздѣльности. Такимъ образомъ ранѣе 1793 г. и законодательной дѣятельности Конвента уже ставится вопросъ объ упраздненіи общинныхъ пользованій.

Недавно обнародованные матеріалы и здѣсь только подкрѣпляютъ тѣ выводы, къ которымъ я пришелъ уже давно.

Въ тѣсной связи съ постепеннымъ сокращеніемъ крестьянскаго землевладѣнія стоитъ начавшійся задолго до 1793 г. и проведенія Конвентомъ закона объ обязательномъ раздѣлѣ общинныхъ земель процессъ ограниченія района мірскихъ пользованій. Приходскіе наказы, недавно обнародованные, и въ этомъ отношеніи подкрѣпляютъ тѣ выводы, которые мнѣ удалось установить въ первыхъ двухъ изданіяхъ „Происхожденія современной демократіи". Въ окрестностяхъ столицы и королевской резиденціи,

---

[1]) Ibid., стр. 232, 303 и 466.

[2]) Lefèvre, Les Communes en Bretagne à la fin de l'ancien régime, стр. 128—146.

въ центральныхъ провинціяхъ и наполовину германской Лотарингіи, наконецъ въ Севеннахъ нимской сенешоссеи общинныя земли поступаютъ въ раздѣлъ между помѣщиками и крестьянами; право свободнаго выпаса скота на нивахъ послѣ уборки урожая упраздняется въ законодательномъ порядкѣ; право въѣзда въ лѣсные участки или вполнѣ отмѣняется, или подлежитъ серьезнымъ ограниченіямъ въ интересахъ правильнаго лѣсоразведенія. Крестьянскій скотъ не допускается болѣе въ предѣлы лѣсныхъ дачъ; самое право корчеванія крестьянами участковъ, заросшихъ деревьями и кустарникомъ, подлежитъ существеннымъ ограниченіямъ и обставляется полученіемъ предварительнаго разрѣшенія со стороны не однихъ помѣщиковъ, но и государственной администраціи водъ и лѣсовъ. Подтвержденіе всему сказанному можно найти при разборѣ недавно отпечатанныхъ наказовъ отдѣльныхъ приходовъ Франціи. Но тѣ же наказы раскрываютъ картину продолжающагося во многихъ мѣстностяхъ мірского пользованія и лѣсомъ, и лугами, и выпасомъ на пустопорожнихъ земляхъ, на парѣ и на пахатной землѣ въ промежутокъ времени отъ жатвы до новаго посѣва.

Возьмемъ для примѣра наказы нѣкоторыхъ приходовъ округа Сансъ. Обыкновеннымъ предметомъ жалобъ служитъ насильственное удаленіе помѣщикомъ крестьянскаго скота съ собственныхъ выгоновъ и обремененіе въ то же время общинныхъ угодій помѣщичьимъ скотомъ. Сеньёръ или его фермеръ—заявляетъ наказъ Этиньи,—мѣшаетъ намъ посылать на его пастбище нашихъ воловъ и въ то же время держитъ помѣщичій скотъ на нашихъ выпасахъ [1]). То же подтверждаютъ на всѣ лады наказы другихъ приходовъ, указывая, между прочимъ, на то, что такое поведеніе несогласно съ кутюмомъ Sens (титулъ 15, столб. 47), предписывающимъ совмѣстное пользованіе выпасомъ помѣщика съ крестьянами [2]).

Въ тѣхъ же документахъ не разъ упоминается захватъ сеньёромъ тѣхъ или другихъ участковъ, ранѣе находившихся въ общинномъ пользованіи. Архіепископъ Санса мѣшаетъ крестьянамъ, по ихъ словамъ, вступать въ обладаніе общинными лѣсами, имъ искони принадлежавшими въ предѣлахъ прихода Saint-Martin du Tertre. „Подъ разными предлогами сеньёры завладѣли нашими мірскими землями“, жалуются крестьяне Fontaine-la-Galliarde. Въ приходѣ Этиньи сеньёръ присвоилъ себѣ пастбище, ранѣе состоявшее въ мірскомъ пользованіи. Въ такихъ захватахъ по-

---

[1]) Cahiers de Sens, стр. 26.

[2]) См., напр., наказъ Ditmont, стр. 198.

видимому, лежитъ причина, по которой въ нѣкоторыхъ приходахъ не осталось ни общинныхъ земель, ни мірскихъ луговъ, ни лѣсовъ, подлежащихъ праву въѣзда крестьянъ. Но это далеко не общее правило. Такъ, въ Marsilly-le-Hayer и въ Molinos имѣются общинные лѣса, ежегодно поступающіе въ опредѣленномъ порядкѣ подъ рубку, при чемъ каждый крестьянскій дворъ получаетъ свой паекъ. Въ первой изъ этихъ общинъ 240 арпановъ лѣса подлежатъ правильной рубкѣ и дѣлятся между всѣми жителями. Доходъ съ нихъ оцѣнивается ежегодно въ 750 ливровъ или франковъ, поступающихъ, такимъ образомъ, въ карманы мірскихъ пользователей. Сверхъ того 187 ливровъ и 10 солидовъ служатъ резервомъ [1]).

Гдѣ нѣтъ у общинъ мірскихъ выпасовъ, тамъ онѣ принуждены довольствоваться посылкой скота на земли сеньёра и въ его лѣса. Такъ напримѣръ, въ Pony. Крестьянство не мирится съ начавшимся процессомъ огораживанія участковъ и закрытія доступа къ нимъ для сельскаго стада. „Да дозволено будетъ нашему скоту гулять по полямъ сеньёровъ и другихъ частныхъ владѣльцевъ“, настаиваютъ жители прихода Ditmont. Мы желаемъ войти снова въ обладаніе общинными лѣсами—заявляютъ крестьяне St.-Martin du Tertre. Въ другихъ приходахъ крестьяне настаиваютъ съ тою же цѣлью на выдачѣ имъ изъ архивовъ необходимыхъ документовъ для удостовѣренія своихъ правъ на мірскія угодья [2]).

Въ Нормандіи, гдѣ земледѣліе приняло болѣе или менѣе интенсивный характеръ, уже раздаются голоса въ пользу раздѣла общинныхъ земель. Такъ наказъ La Hay-Bellefond, въ бальяжѣ Cotentin, высказываетъ пожеланіе, чтобы всѣ общинныя имущества (biens communaux) подверглись окончательной разверсткѣ поголовно между всѣми жителями прихода. Это признается необходимымъ ради того, чтобы земли могли быть хозяйственно эксплуатируемы и стали бы доходными для ихъ собственниковъ [3]).

Такому же раздѣлу должны подлежать, по мнѣнію составителей наказа мѣстечка Carentan, ланды, пустоши и болота; они поступаютъ въ частное обладаніе земельныхъ собственниковъ прихода. Въ томъ же бальяжѣ администрація водъ и лѣсовъ (въ Нормандіи), особымъ приказомъ отъ 5-го января 1788-го года, кладетъ конецъ дальнѣйшему пользованію правомъ въѣзда и выпаса въ лѣсныхъ дачахъ, принадлежащихъ казнѣ. Въ одной изъ нихъ

[1]) Ibid., стр. 48, 61 и 264.
[2]) Ibid., стр. 317, 198 и 34.
[3]) Cahiers du Cotentin, стр. 363.

жители Megnil Bonnant въ теченіе 400 лѣтъ осуществляли такія права пользованія [1]).

Запреты повторяются и въ другихъ бальяжахъ, напримѣръ въ Орлеанэ. „Администрація водъ и лѣсовъ—значится въ наказѣ одного изъ сельскихъ приходовъ, Marigny—собирается отнять у туземнаго населенія право не только выпаса, но и сбора валежника въ рощахъ, извѣстныхъ подъ простонароднымъ прозвищемъ „пользованій Мариньи“ (les usages de Marigny). Прихожане настаиваютъ на томъ, что лѣсъ подаренъ былъ имъ сеньёромъ и дареніе это подтверждено было рядомъ французскихъ королей. Въ виду сказаннаго, крестьяне единогласно ходатайствуютъ о томъ, чтобы прилегающимъ къ лѣсу жителямъ дозволено было собирать въ немъ сухія вѣтки и косить траву [2]). Съ подобнымъ же ходатайствомъ обращаются и жители другихъ приходовъ. Одни хотятъ пасти свой скотъ въ сосѣднемъ лѣсу, оговариваясь, что пользованіе имъ какъ пастбищемъ должно наступать только послѣ достиженія молодою порослью шестилѣтняго возраста. Другіе готовы сдѣлать изъятія для парка Шамбора и лѣса Булонь, прибавляя, что право выпаса будетъ ограничено по отношенію къ такъ называемымъ grands bois, да еще къ участкамъ, заросшимъ папоротникомъ и кустарниками. Кромѣ выпаса, крестьяне желаютъ пользоваться еще травою и валежникомъ (bois sec). Крестьянство Солони страдаетъ отъ запрета не только сеньёра, но и правительственныхъ властей, не желающихъ пускать крупный скотъ и овецъ въ предѣлы лѣса, отказывающихъ крестьянству въ правѣ получать изъ него матеріалъ для топлива и построекъ. „Да дозволено будетъ нашимъ стадамъ пастись, какъ прежде, въ лѣсахъ, несмотря на то, что сеньёры упразднили старый обычай, тѣмъ самымъ нанесли большой вредъ нашимъ стадамъ, да и всему сельскому хозяйству. Вѣдь земли Sologne таковы, что не могутъ обойтись безъ удобренія“. Такъ разсуждаютъ жители St.-Syr en Vol. Къ этому ходатайству они прибавляютъ еще одно: право бѣднаго люда (menu peuple) собирать валежникъ. Это исконное право не признается лѣсными стражниками, ежедневно возбуждающими преслѣдованія въ судахъ противъ тѣхъ, кто желаетъ воспользоваться имъ [3]).

Крестьяне настаиваютъ повсюду на своемъ правѣ выпаса и сбора валежника. Такъ, прихожане Chatenay, заявляютъ такія притязанія на лѣсъ орлеанскій (forêt d'Orléans). Въ подтвер-

---

[1]) Ibid., стр. 425 и 721.

[2]) Bloch, Cahiers du bailliage d'Orléans, т. I, стр. 35.

[3]) Ibid., стр. 43, 475 и 212.

жденіе своихъ правъ они ссылаются на постановленія Франциска I, Франциска II, Людовика XII и Генриха III. Права пользованія въ Орлеанскомъ лѣсу признаны были за ними—говорятъ они,—въ награду за даровое тушеніе лѣсныхъ пожаровъ. Крестьяне хотѣли бы попрежнему посылать въ лѣсъ свиней и уносить изъ него валежникъ (bois sec et mort). Прихожане Saint Aignan особенно настаиваютъ на правѣ держать въ крупныхъ лѣсахъ своихъ овецъ. Генеральные Штаты должны запретить стражамъ составленіе протоколовъ каждый разъ, когда они застанутъ въ лѣсу пасущееся стадо. Вѣдь отъ этихъ протоколовъ нельзя ждать ничего, кромѣ разоренія на судебныя издержки всѣхъ сосѣднихъ къ лѣсу поселенцевъ. Если не положатъ конца этимъ страшнымъ злоупотребленіямъ, мѣстному населенію придется отказаться отъ разведенія овецъ, а слѣдовательно и прекратить эксплуатацію своихъ земель, болѣе пріуроченныхъ къ скотоводству, чѣмъ къ земледѣлію [1]).

Въ другомъ бальяжѣ, также входящемъ въ составъ Нормандіи, бальяжѣ Neufchatel en Bray, составляющемъ подраздѣленіе бальяжа Caux, на право выпаса скота и на пользованіе валежникомъ въ лѣсахъ Bray мѣстное населеніе смотритъ какъ на эквивалентъ тѣхъ платежей овсомъ, какіе ему приходилось дѣлать въ пользу сеньера Gournay, герцога Monmorancy [2]). Все богатство крестьянъ въ этой части Франціи, говорятъ составители сельскихъ наказовъ, заключается въ разведеніи овцы и крупнаго рогатаго скота. Для него необходимы мірскія пастбища (les communes, отвѣчающіе современному понятію communaux). Они доставляютъ обильную пищу для громадныхъ стадъ, посылаемыхъ на нихъ сосѣдними жителями.

Но въ сѣверной Нормандіи интенсификація сельскаго хозяйства сказалась уже распространеніемъ луговодства. Жители прихода Bochion жалуются на большое число искусственныхъ луговъ [3]). Они кажутся имъ вредными въ двоякомъ отношеніи: во-первыхъ, тѣмъ, что сокращаютъ районъ посѣва, что въ свою очередь увеличиваетъ цѣну на хлѣбъ, а во-вторыхъ потому, что дѣлаютъ невозможнымъ дальнѣйшій выпасъ овецъ — а между тѣмъ овцеводство и составляетъ наиболѣе прибыльное занятіе. Въ свою очередь размноженіе стеклянныхъ фабрикъ, увеличивая запросъ на дрова въ виду отсутствія минеральнаго топлива, за-

[1]) Ibid., стр. 280, 293 и 294.

[2]) Cahiers de doléances des paroisse du bailliage de Neufchâtel en Bray, secondaire du baillage de Caux, publié par le Pasquier, Rouen, 1908.

[3]) Ibid., стр. 37 и 63.

ставляетъ охранять лѣса съ бо́льшей строгостью, чѣмъ прежде. Крестьянъ не допускаютъ болѣе къ пользованію валежникомъ, къ рубкѣ деревьевъ для домашней постройки, къ посылкѣ въ лѣсныя насажденія своего рабочаго скота и своихъ овецъ [1]).

Разрывъ съ вѣковыми порядками сельско-хозяйственной дѣятельности заставляетъ самихъ составителей приходскихъ наказовъ задуматься надъ тѣмъ, не выгоднѣе ли будетъ перейти къ раздѣлу мірскихъ земель, такъ называемыхъ communes или landes, тѣмъ болѣе, что пользованіе ими, несмотря на свою исконность, оспаривается нынѣ людьми могущественными [2]). Въ этомъ случаѣ,—говорятъ жители общины Bellozanne,—если будетъ признано болѣе полезнымъ перейти къ раздѣлу мірскихъ земель, необходимо было бы въ интересахъ справедливости не допускать сеньёра графства Gournay къ производству этой разверстки и къ выбору того участка, который долженъ поступить въ его исключительное обладаніе.

Въ пользу раздѣловъ высказываются также жители бальяжа Cany, въ той же сѣверной Нормандіи. Крестьяне Hantot-l'Auvray желали бы получить право отчужденія въ собственность пустопорожнихъ земель, называемыхъ communes, дабы каждый изъ пріобрѣтателей имѣлъ возможность утилизировать ихъ съ пользою (les mettre à leur valeur), тогда какъ въ настоящее время эти земли ничего не даютъ или почти ничего [3]).

Не менѣе нормандскихъ крестьянъ, крестьяне Beaujolais расходятся между собою по вопросу о томъ, желателенъ или нежелателенъ раздѣлъ общинныхъ угодій. По мнѣнію прихожанъ Belleville, такъ называемыя communes совершенно непроизводительны. Ихъ надо или продать, съ тѣмъ, чтобы выручка пошла на пользу мѣстнаго населенія, или раздѣлить между очагами. Но Belleville—городское поселеніе; въ сельскихъ же приходахъ господствующей является обратная точка зрѣнія. Наказъ ставитъ на видъ депутатамъ, что они должны воспротивиться раздѣлу и продажѣ общинныхъ земель, хотя бы въ пользу самихъ общинъ; они должны подать голосъ за ихъ сохраненіе [4]).

Протяженіе общинныхъ земель значительно сокращается и

---

[1]) Cahier de Bezancourt, ibid., стр. 44.

[2]) Cahier de Bellozanne, ibid., стр. 36. Les communes ou landes, qui de tout temps ont fait l'unique ressource des plus indigents d'entre eux, leur sont aujourd'hui disputées par la puissance.

[3]) Cahiers du bailliage de Cany, publiés par C. Romain, стр. 82.

[4]) Fayard, Les Cahiers Beaujolais (Revue historique de Lyon, 1904 г.; отд. оттискъ стр. 66).

отъ корчевокъ. Въ Севенахъ мірскія пользованія становятся рѣдки по указанной причинѣ. Приходъ Générac жалуется, что, вслѣдствіе очистокъ и поднятія нови, населеніе осталось безъ выпаса и безъ топлива. Въ его распоряженіи нѣтъ мірскихъ земель (aucun communal), а между тѣмъ рабочаго скота въ немъ не менѣе 80 паръ, при наличности 250 дворовъ и 1.400 душъ населенія [1]).

Въ Шампани еще не мало уцѣлѣло мірскихъ пользованій. Часть ихъ сдается въ наемъ. Приходъ Абланкуръ не прочь удлинить срокъ ихъ аренды; разъ съемщики пріобрѣтаютъ увѣренность въ возможности пользоваться ими въ теченіе ряда лѣтъ, ихъ собственная выгода подскажетъ имъ пользу унаваживанія участковъ [2]). И въ этой провинціи, однако, начался захватъ мірскихъ земель сеньёрами и частными собственниками, а кое-гдѣ и отчужденіе ихъ самими пользователями. Жалобы на этотъ счетъ и содержитъ въ себѣ наказъ Bergère les Vertus. Онъ ходатайствуетъ о томъ, чтобы вновь были подтверждены и подлежали строгому исполненію законы, направленные къ предохраненію общинныхъ земель отъ всякихъ захватовъ. „Да будетъ запрещено жителямъ продавать ихъ луга, пахатныя земли и лѣса, разъ перечисленныя владѣнія состоятъ въ общинномъ пользованіи“ [3]). Наказъ Margerie озабоченъ даже тѣмъ, чтобы признаны были недѣйствительными уже произведенныя отчужденія общинныхъ имуществъ, подъ условіемъ, разумѣется, возвращенія покупателямъ уплаченной ими цѣны [4]). Возможность такого заявленія станетъ понятна, если мы примемъ во вниманіе, что, начиная съ XV-го столѣтія, королевскіе эдикты и декларацiи выговаривали такое право въ пользу общины. Такъ напр., эдиктъ, изданный въ мартѣ 1600-го года, упоминая о томъ, что приходы королевства поставлены были въ необходимость продать свои communes за ничтожную плату, для своевременнаго внесенія прямой подати (taille) и другихъ крупныхъ суммъ, исторгнутыхъ силою, уполномочиваетъ ихъ вернуть проданное возвращеніемъ покупщикамъ полученной съ нихъ суммы. Болѣе полувѣка спустя, декларація отъ 22 іюня 1659 г. признаетъ незаконными всѣ отчужденія правъ пользованія безъ предварительнаго разрѣшенія короля. Запретъ такихъ отчужденій возобновленъ эдиктомъ отъ апрѣля 1667 г., заявляющимъ въ тоже время, что нѣтъ земель,

---

[1]) Cahiers de la sénéchaussée de Nimes, publiés par Bligny, т. I, стр. 360.
[2]) Cahiers de doléances, du département de la Marne, т. I, стр. 26.
[3]) Ibid., стр. 84.
[4]) Ibid., стр. 84.

болѣе подверженныхъ захвату сильныхъ, чѣмъ общинныя, особенно въ эпоху междоусобій и войны, когда каждый считаетъ себя господиномъ и повелителемъ [1]).

Права пользованія крестьянъ страдаютъ не отъ одного захвата ихъ мірскихъ земель сеньёрами, но и отъ законодательныхъ мѣропріятій, принятыхъ въ интересахъ земледѣлія и ограничивающихъ, а то и просто упраздняющихъ, право свободнаго прогона скота по нивамъ и лугамъ послѣ осенней уборки. Эдиктъ отъ марта 1769 г. принялъ мѣры къ огораживанію луговъ, полей и наслѣдствъ, расположенныхъ въ предѣлахъ Шампани, и объявилъ отмѣненнымъ для нея право одного селенія высылать свой скотъ на земли другого (droit de parcours de village à village). Крестьяне нѣкоторыхъ приходовъ чувствуютъ неудобство для нихъ вновь созданныхъ порядковъ. Отмѣна стараго права свободнаго выгона стадъ—заносятъ они въ свой наказъ—причинила большой вредъ мѣстному населенію, очевидно—тѣмъ, что затруднило для него занятіе скотоводствомъ. Число скота—жалуется наказъ—соотвѣтственно значительно уменьшилось за послѣднія двадцать лѣтъ [2]).

Въ восточныхъ провинціяхъ Франціи, отошедшихъ отъ Германіи въ царствованіе Людовика XIV, вопросъ объ общинномъ землевладѣніи ставится особенно остро. Послѣ изслѣдованій Ганауэра распространенность мірскихъ земель или альмендъ, въ областяхъ, заселенныхъ аллеманами и, въ частности, въ Эльзасѣ и Лотарингіи, можетъ считаться доказанною. Немудрено, поэтому, если въ приходахъ, расположенныхъ въ бальяжахъ Меца и Нанси, при составленіи наказовъ отводится большее вниманіе, чѣмъ въ другихъ частяхъ Франціи, оцѣнкѣ тѣхъ послѣдствій, какія можетъ имѣть для крестьянскаго землевладѣнія упраздненіе и даже простое сокращеніе мірскихъ угодій. Вышеприведенный эдиктъ, рекомендовавшій огораживаніе частныхъ земель съ цѣлью освободить ихъ отъ невыгодныхъ послѣдствій, какія для земледѣлія имѣетъ свободный прогонъ стадъ по снятіи урожаевъ, вызвалъ въ крестьянскомъ населеніи Лотарингіи рѣшительный отпоръ. Выразителемъ его служатъ такія заявленія наказовъ, какъ напримѣръ слѣдующее: эдиктъ объ огораживаніяхъ крайне вреденъ для селъ. Одни сеньёры могутъ воспользоваться имъ, такъ какъ ихъ земли лежатъ въ одномъ мѣстѣ. Частныя же

---

[1]) Ibid., стр. 49.
[2]) Ibid., стр. 49.

лица, владѣя разбросанными на значительномъ разстояніи участками, не могутъ извлечь изъ него никакой выгоды для себя [1]).

Эта разбросанность явилась естественнымъ послѣдствіемъ существовавшей въ странѣ мірской собственности и надѣльной системы, при которой одному и тому же двору выдѣлялись полосы въ разныхъ „конахъ" и поляхъ одного и того же помѣстья. Черезполосица неизбѣжна въ такихъ условіяхъ, и она, разумѣется, не исчезаетъ одновременно съ упраздненіемъ самого мірского характера пользованія.

Составители наказа считаютъ нужнымъ указать и на другое невыгодное послѣдствіе эдикта объ огораживаніяхъ: они препятствуютъ дальнѣйшему существованію такъ называемаго Flurzwang, или поступленію земли подъ общій выпасъ. А съ его упраздненіемъ—жалуются мѣстные жители,—они лишены возможности держать необходимое имъ количества скота. Оно и безъ того уже терпитъ отъ частыхъ корчевокъ (défrichements), сокращающихъ районъ пастбищъ какъ въ открытомъ полѣ, такъ и въ лѣсахъ [2]).

Другой приходъ того же бальяжа присоединяется къ этому протесту, распространяя его и на право производить раздѣлъ общинныхъ имуществъ. Съ тѣхъ поръ—говоритъ онъ,—какъ оба правила нашли примѣненіе на практикѣ, цѣна на мясо возрасла на одну треть, такъ какъ послѣдовало необходимое уменьшеніе въ количествѣ скота. Но какъ примирить дальнѣйшее сохраненіе свободнаго прогона стадъ съ требованіемъ болѣе интенсивной культуры? Составители нѣкоторыхъ приходскихъ наказовъ настаиваютъ на той мысли, что обведеніе участковъ рвомъ, съ цѣлью освободить его отъ права свободнаго выпаса, имѣетъ то невыгодное послѣдствіе, что изсушаетъ его почву. Луга перестаютъ давать прежнее количество травы [3]). Было бы выгоднѣе не упразднять выпаса, а только отсрочить моментъ его наступленія до второго покоса [4]).

Страдаютъ мірскія пользованія и отъ притязаній сеньёровъ посылать свой скотъ на выпасъ вмѣстѣ съ крестьянскимъ. Наказъ настаиваетъ на томъ, что помѣщичье стадо не должно заключать въ себѣ болѣе трети всего количества рогатаго скота, посылаемаго на выпасъ [5]).

Очевидно, что составители приходскихъ наказовъ готовы рас-

---

[1]) Cahiers des bailliages de Metz et Nancy, publiés par Ch. Etienne, стр. 2.
[2]) Cahiers d'Azaincourt, стр. 2.
[3]) Cahier de Barchais. Ibid., стр. 24.
[4]) Cahier d'Avricourt, стр. 45.
[5]) Cahier de Besange-la-petite, стр. 136.

пространить на право пользованія помѣщика постановленія королевскихъ эдиктовъ о тріажахъ при раздѣлахъ общинныхъ угодій между сеньёрами и виланами. Согласно этимъ эдиктамъ, помѣщикъ могъ выйти изъ совладѣнія, сохраняя за собою только треть общей ему нѣкогда съ крестьянами собственности. На практикѣ сеньёры обходили эти постановленія слѣдующимъ образомъ. Наказъ прихода Bey говоритъ о томъ, что, оградивъ третью часть communes, т. е. bien communaux, въ свою пользу, сеньёръ посылаетъ свой скотъ на оставшіяся у крестьянъ двѣ трети, удерживая, такимъ образомъ, пользованіе на всемъ протяженіи общинныхъ земель. Не участвуя въ несеніи издержекъ общины, онъ требуетъ отъ нея трети дохода, полученнаго отъ общинныхъ земель. Даже тогда, когда жители поставлены въ необходимость продать часть этихъ общинныхъ земель для оплаты своихъ долговъ или падающихъ на нихъ налоговъ, сеньёръ не отказывается отъ требованія въ свою пользу третьей части вырученной суммы [1]). Въ собственные же лѣса сеньёры, вопреки вѣковому обычаю, не разрѣшаютъ болѣе посылать ни свиней, ни рогатаго скота [2]).

36 лѣтъ тому назадъ, читаемъ мы въ наказѣ прихода Bistroff, жители общинъ имѣли возможность извлекать изъ помѣщичьяго лѣса весь валежникъ и всѣ высохшія деревья (les bois morts et abattus). Нынѣ же намъ разрѣшаютъ брать изъ лѣса только деревья, сваленныя вѣтромъ. Недостатокъ средствъ не позволяетъ общинѣ искать въ судебномъ порядкѣ признанія ея исконныхъ правъ [3]).

Въ приходѣ Bermering отношенія сеньёра къ крестьянамъ еще болѣе обострились вслѣдствіе того, что за послѣднія 50 лѣтъ онъ не позволяетъ мѣстнымъ жителямъ забирать изъ лѣса ни топлива, ни матеріала для построекъ. Правомъ же этимъ они пользовались искони. Въ другомъ селеніи помѣщикъ отказываетъ крестьянамъ въ пользованіи стоящимъ на стволу сухимъ лѣсомъ (bois mort) [4]).

Помѣщики не сразу отняли у крестьянъ всѣ права пользованія на принадлежащія имъ лѣсныя угодья. Наказъ Аврикура такъ разсказываетъ скорбную повѣсть постепеннаго сокращенія крестьянскихъ правъ въ лѣсу Решкуръ: „Наши предки имѣли свои лѣсныя дачи (leur bois d'affouage) среди сеньёріальныхъ

---

[1]) Ibid., стр. 27.
[2]) Blonville. Ibid., стр. 139.
[3]) Ibid., стр. 147.
[4]) Ibid., стр. 94 и 98.

лѣсовъ. Существованіе такъ называемыхъ affouagements предполагаетъ періодическую разверстку рубокъ между отдѣльными дворами и полученіе каждымъ своего пая. Графы Решкуръ отняли у насъ это право и взамѣнъ его позволили намъ вывозить изъ своего лѣса le bois mort et mort bois (стоящій на стволу сухой лѣсъ и валежникъ). И это право было затѣмъ отнято. Но мы все еще могли брать изъ лѣса связки хворосту (quelques branchages de fagots); теперь съ насъ требуютъ платы за это и рѣчь идетъ о томъ, чтобы вовсе лишить насъ этого преимущества. Такимъ образомъ наши исконныя права скоро сойдутъ на ничто" [1]).

И законодательными мѣрами крестьянскія пользованія въ помѣщичьихъ лѣсахъ вводятся постепенно въ узкія границы. Наказъ Альберштровъ жалуется, что регламентомъ 1746-го года и постановленіемъ государственнаго совѣта 1756-го года прежнія права жителей сведены къ полученію изъ лѣса помѣщика по двѣ связки дровъ и по сту полѣнъ на батрака [2]) (manoeuvre). Особенно протестуетъ крестьянство противъ признанія права мірского пользованія за сеньёрами, не живущими на мѣстахъ. Оно дѣйствительно противорѣчитъ основнымъ принципамъ общиннаго владѣнія, согласно которому и по настоящій день всюду, гдѣ сохранились альменды, ушедшій изъ селенія теряетъ всякое право на ихъ утилизацію. Вотъ почему наказъ Attilloncourt считаетъ возможнымъ выставить слѣдующее требованіе: не живущій на мѣстахъ сеньёръ не можетъ претендовать на выдѣлъ ему трети communaux [3]). Размѣръ послѣднихъ сокращается и отъ частыхъ корчевокъ. Къ нимъ постоянно прибѣгаютъ помѣщики, отчасти потому, что, какъ свидѣтельствуютъ жители Bertnichamp, общинные лѣса [4]) (forêts communales) находятся въ жалкомъ видѣ и плохо содержатся [5]), а отчасти, разумѣется, и по той причинѣ, что свобода вывоза хлѣба повела къ росту цѣнъ на него и сдѣлала утилизацію земли подъ посѣвъ болѣе выгодною. Приходъ Bechy ходатайствуетъ, поэтому, чтобы крестьянство не было лишено выгодъ, связанныхъ съ поднятіемъ почвы плугомъ, и чтобы треть сдѣланныхъ помѣщикомъ корчевокъ поступала въ обладаніе мѣстнаго населенія [6]).

Самый характеръ вопросовъ таковъ, что предполагаетъ воз-

---

[1]) Ibid., стр. 46.
[2]) Ibid., стр. 46.
[3]) Ibid., стр. 40.
[4]) Ibid., стр. 40.
[5]) Ibid., стр. 120.
[6]) Ibid., стр. 84.

можность лишь незначительнаго числа рѣшеній. Немудрено, поэтому, если въ отдѣльныхъ частяхъ Франціи высказываются болѣе или менѣе тѣ же жалобы и предлагаются тѣ же средства противъ дальнѣйшихъ злоупотребленій. Воспроизводить всѣ эти заявленія—значило бы впадать въ нескончаемыя повторенія.

Но обойти молчаніемъ цѣлыя области Франціи, не сказавъ ни слова о томъ отношеніи, въ какое жители сельскихъ приходовъ становятся къ общиннымъ пользованіямъ и ихъ постепенному упраздненію, значило бы дать поводъ думать, что вопросъ, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, затрогивалъ интересы далеко не всего французскаго крестьянства, а только жителей отдѣльныхъ провинцій и округовъ. Такое предположеніе совершенно не отвѣчало бы дѣйствительности, такъ какъ нѣтъ рѣшительно ни одного приходскаго наказа, мало того, ни одного писаннаго заявленія, исходящаго отъ крестьянъ и излагающаго ихъ нужды, въ которомъ бы такъ или иначе не упоминалось о правѣ въѣзда и выпаса, о свободномъ прогонѣ стадъ по нивамъ послѣ уборки и о всякаго рода мірскихъ пользованіяхъ вообще, какъ о насущныхъ вопросахъ, отъ которыхъ зависитъ матеріальное благосостояніе крестьянъ, возможность сохранить ихъ вѣковой союзъ съ землею или, наоборотъ, необходимость покинуть деревню и искать заработка на сторонѣ. Непризванные исчерпать этотъ вопросъ приведеніемъ всѣхъ тѣхъ данныхъ, которыя имѣются въ распоряженіи изслѣдователя, мы удовольствуемся сопоставленіемъ того, что говорятъ приходскіе наказы сенешоссеи Ренна, обнародованные не далѣе какъ въ 1909 г., съ тѣми письменными докладами, какіе сдѣланы были провинціальнымъ штатамъ Дофинэ нѣкоторой частью его общинъ, всего за два-три года до революціи. Мы закончимъ, наконецъ, нашъ очеркъ сопоставленіемъ всѣхъ вышеприведенныхъ свидѣтельствъ съ тѣми, какія содержатъ въ себѣ источники позднѣйшаго времени, а именно донесенія, сдѣланныя въ эпоху Учредительнаго и Законодательнаго собранія выборной администраціей округовъ, на которые, какъ извѣстно, раздѣлены были на первыхъ же порахъ вновь установленные департаменты. Всѣми этими данными, столь разнообразными по самому источнику ихъ происхожденія, мы обязаны той коммиссіи, которая по почину французскихъ палатъ была учреждена при министерствѣ народнаго просвѣщенія и ежегодно обогащаетъ экономическую и соціальную исторію Франціи въ высшей степени цѣнными и раньше недоступными для большинства документами, извлеченными какъ изъ департаментскихъ архивовъ, такъ и изъ главнаго архива, помѣщающагося въ Парижѣ.

Крестьяне Бретани не упускаютъ случая довести до свѣдѣнія Генеральныхъ Штатовъ о томъ радикальномъ переворотѣ, какой сеньёры замышляютъ произвести или стали уже производить на протяженіи своихъ феодовъ. Этотъ переворотъ долженъ сказаться, по выраженію одного изъ наказовъ, въ обращеніи феода въ доменъ или, что приблизительно то же, помѣстья въ вотчину. Феодъ или помѣстье въ глазахъ крестьянства, какъ это было и въ дѣйствительности, построенъ на совладѣніи крестьянъ съ помѣщиками: отсюда мірскія пользованія на протяженіи всѣхъ земель помѣстья, лежащихъ открытымъ полемъ и незнающихъ загородей. Чтобы сдѣлать изъ помѣстья вотчину или изъ феода — доменъ, помѣщики остановились на мысли объ установленіи загородей и о насильственномъ прекращеніи мірскихъ пользованій. Другими словами, они вознамѣрились провести тоже, что достигнуто было на практикѣ англійскими помѣщиками, начиная съ XVI-го столѣтія и въ особенности въ теченіе XVIII-го. Крестьяне Бретани заявляютъ рѣшительный протестъ противъ такихъ новшествъ. Ограды должны быть ниспровергнуты (les clôtures rabattues), мірскія угодья возстановлены безвозмездно или сданы за плату мѣстному населенію [1]). Мѣстное населеніе не можетъ помириться съ такими порядками, при которыхъ его общинныя земли, подвергшись предварительно огораживанію со стороны сеньёра, сдаются затѣмъ участками мѣстнымъ арендаторамъ. „Да положенъ будетъ конецъ такимъ злоупотребленіямъ“ [2]). Процессъ обращенія феодовъ въ домены начался, по словамъ бретонскихъ крестьянъ, не болѣе 20-ти — 30-ти лѣтъ назадъ, т.-е. во второй половинѣ XVIII ст., и тѣмъ не менѣе онъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ достигъ такихъ размѣровъ, что почти всѣ ланды или приморскія пустоши и всѣ прочія мірскія угодья огорожены и отняты у прежнихъ пользователей: крестьянству негдѣ больше пасти своего скота. Сеньёры роздали участками все ими захваченное подъ корчеваніе и облагаютъ съемщиковъ этихъ земель денежными рентами или рентами овсомъ. Для нихъ такіе порядки, разумѣется, выгодны, но за то крестьяне лишены тѣхъ земель, какими они пользовались прежде, какъ подданные сеньёра, обложенные феодальными поборами за эти преимущества. Справедливость требуетъ, поэтому, чтобы сданное въ наемъ арендаторамъ (affouagement) было все соединено съ мірскими

---

[1]) Наказъ Комбуртилье, § 26. — Наказъ Жавене, стр. 216. — Наказъ Парсе, стр. 228.

[2]) Ibid., стр. 232.

угодьями [1]). Если помѣщики предпочитаютъ сдавать пустопорожнія земли подъ обработку то, очевидно, потому, что успѣхи земледѣлія и личная выгода побуждаютъ ихъ къ этому; но почему въ такомъ случаѣ не обращаться имъ за поднятіемъ нови къ мѣстному населенію, почему не предоставлять этого права крестьянамъ, владѣющимъ уже землею въ предѣлахъ тѣхъ приходовъ, въ которыхъ лежатъ пустоши? Число ихъ значительно, но помѣщики даютъ свое согласіе только подъ условіемъ чрезмѣрныхъ платежей. Они лишаютъ насъ возможности поднять землю. Такіе поборы не согласны съ мѣстнымъ кутюмомъ, который установилъ для нихъ опредѣленный размѣръ — 100 су единовременно и 10 ежегодно съ каждаго „денного" участка (journel). Крестьяне не видятъ другого выхода, какъ добиться признанія, что любой изъ „пахарей" (laboureurs) прихода вправѣ возводить ограды на мірскихъ земляхъ и пустошахъ, прилегающихъ къ его владѣніямъ, но этому препятствуетъ сдача участковъ сеньёрами пришлымъ людямъ. Да будетъ поэтому запрещено надѣленіе ихъ изъ ландъ и мірскихъ угодій, лежащихъ на разстояніи менѣе 200 шаговъ отъ ближайшаго жилища [2]).

Такъ какъ крестьяне не всюду разсчитываютъ на возможность обезопасить себя вышеуказанными мѣрами отъ дальнѣйшаго захвата ихъ вѣковыхъ пользованій сеньёрами, то кое-гдѣ они останавливаются на мысли произвесть окончательный раздѣлъ общинныхъ земель между собой. Эта тенденція далеко не преобладаетъ во всѣхъ приходахъ Бретани.

Одинъ изъ недавнихъ изслѣдователей этого вопроса, Лефевръ, доказываетъ противное цѣлымъ рядомъ данныхъ, почерпнутыхъ изъ первоисточниковъ [3]). Но въ нѣкоторыхъ селахъ проповѣдь сельскохозяйственныхъ писателей и комитетовъ земледѣлія о вредѣ нераздѣльности и о преимуществахъ частной собственности нашла благодарную почву, въ виду тѣхъ стѣсненій, какія, какъ мы видѣли, помѣщики ставили поднятію нови самими крестьянами. Приходскіе наказы прямо указываютъ на это обстоятельство въ слѣдующихъ выраженіяхъ, которыя мы приведемъ цѣликомъ: „Да будетъ разрѣшено общинамъ произвести раздѣлъ ихъ мірскихъ земель. Нельзя придумать закона болѣе вреднаго для земледѣлія, болѣе противорѣчащаго интересамъ какъ частныхъ лицъ, такъ и государства, какъ тотъ, который препятствуетъ такому раздѣлу. При немъ невозможны очистки или по-

[1]) Ibid., стр. 303.
[2]) Ibid., стр. 321.
[3]) Ibid., стр. 466.

днятіе нови и онъ же является причиной истребленія лѣсовъ". Приведенный отрывокъ заканчивается словами, въ которыхъ легко увидѣть вліяніе ходячей экономической доктрины и слѣды того, что рукою крестьянскаго писца водилъ какой-нибудь мѣстный интеллигентъ: „Несчастныя мірскія земли, вы точно проклятыя кѣмъ-то!" [1])

И въ другихъ мѣстностяхъ Франціи сказывается также желаніе произвести раздѣлъ общинныхъ земель: чѣмъ болѣе мы подходимъ къ эпохѣ революціи, тѣмъ сильнѣе и сильнѣе сказывается это желаніе. Чтобы понять причину, вызывающую къ жизни это стремленіе, надо имѣть въ виду разслоеніе французской деревни на классъ „пахарей", бывшихъ, какъ мы видѣли, не всегда собственниками своихъ земель, но во всякомъ случаѣ наслѣдственными ихъ пользователями, и классъ „батраковъ", обыкновенно владѣвшихъ только усадьбой и прилегающимъ къ ней огородомъ. Эти батраки представляли собою въ строгомъ смыслѣ слова сельскій пролетаріатъ. Какъ въ Англіи середины XVII ст. изъ его рядовъ вербовались тѣ „диггеры" (въ буквальномъ смыслѣ „копатели"), которые, подъ вліяніемъ проповѣди наиболѣе радикальной части „левеллеровъ" или „уравнителей", обнаружили притязанія и приступили къ захвату общинныхъ пустошей и пастбищъ, такъ и французскіе батраки XVIII-го в. все громче и громче стали высказывать желаніе, чтобы мірскія земли поступили въ поголовный раздѣлъ между всѣми жителями селенія. Это дало бы имъ возможность, путемъ корчеванія, обратить ихъ въ пахоти и сѣнокосы. Взамѣнъ упраздненнаго пастбища крестьяне стали бы высылать свой скотъ на нивы и луга послѣ уборки. Будучи противниками общиннаго владѣнія, батраки, въ то же время, являлись сторонниками изнурительной для земледѣлія системы „открытыхъ полей" и связанной съ ней vaine pâture, т.-е. свободнаго выгона скота на паръ.

Эта система находила въ лицѣ экономистовъ XVIII вѣка во Франціи рѣшительныхъ противниковъ. Въ комитетѣ земледѣлія и торговли знаменитый Лавуазье, указывая на распространенность такой практики въ нѣкоторыхъ провинціяхъ и на выгоду, какую лишенные земли поденщики могутъ извлечь отъ свободнаго прогона скота, въ то же время справедливо заявлялъ, что такіе порядки ложатся тяжкимъ бременемъ на классъ собственниковъ. Они препятствуютъ огораживанію „земель и наслѣдствъ", при нихъ невозможно упраздненіе пустошей, воздѣлыватели ста-

---

[1]) Ibid., стр. 326 и 327.

вятся ими въ необходимость отказаться отъ вторичнаго сѣнокоса и теряютъ часть навоза, необходимаго для удобренія; наконецъ, самыя земли терпятъ отъ вытаптыванія ихъ скотомъ, а общность стада, какую предполагаетъ такое поступленіе всей воздѣлываемой площади подъ общій выпасъ,—лучшее условіе для распространенія эпизоотій [1]).

Если батраки находили свой разсчетъ въ упраздненіи мірскихъ земель то „пахари", наоборотъ, желали ихъ сохраненія. Въ интересахъ большей производительности своихъ полей, они настаивали на правѣ огораживать ихъ и противились дальнѣйшему поступленію „пара" или „толоки" подъ общій выпасъ. Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ правительство шло на встрѣчу ихъ желанію, отмѣняя практику свободнаго выгона и разрѣшая возведеніе загородей. Такъ было, напримѣръ, въ Русильонѣ — провинціи, пограничной съ Каталоніей: въ ней еще въ 1764-мъ году отмѣнена была въ законодательномъ порядкѣ такъ называемая vaine pâture. Это обстоятельство, по словамъ одного изъ членовъ комитета земледѣлія и торговли при Учредительномъ собраніи, имѣло то благодѣтельное послѣдствіе, что содѣйствовало увеличенію числа рабочаго скота [2]). Въ кутюмье Пуату проникло правило, по которому луга подлежали защитѣ путемъ обведенія ихъ канавой съ сѣнокоса—по Благовѣщеніе, т.-е. по 25 марта. Въ Лотарингіи и въ провинціяхъ, отошедшихъ отъ Бельгіи (Артуа и Фландрія), обычное право сохраняло за владѣльцами луговъ возможность произвесть второй и третій сѣнокосы, подъ условіемъ огораживанія. Въ концѣ стараго порядка и въ самомъ началѣ революціи не разъ возникали препирательства изъ-за того, необходимо ли возвесть ограду или прорыть канаву, чтобы сдѣлать свое поле запретнымъ—défensable, т.-е. чтобы помѣшать посылкѣ на него сельскаго стада.

Комитету земледѣлія при Учредительномъ собраніи не разъ приходится имѣть дѣло съ ходатайствами вродѣ слѣдующихъ: жители селенія Фербахъ заявляютъ жалобу на своихъ сеньёровъ, съ которыми у нихъ возникло препирательство изъ-за того, нужно ли имъ огораживать свои участки, чтобы защитить ихъ отъ выпаса чужаго скота. Буквально о томъ же ходатайствуетъ и другая община въ той же Лотарингіи—Тентелингъ. Приступивъ къ обсужденію обоихъ ходатайствъ, члены комитета выска-

---

[1]) См. изданіе Пижонно: „Протоколы Комитета Земледѣлія и Торговли". Засѣданіе 31 іюля 1787 г.

[2]) Procès verbaux du comité d'agriculture et de commerce, изд. Gerbaux et Schmit, стр. 21.

зали слѣдующія соображенія: большинство приходскихъ бальяжей Лотарингіи — сказалъ одинъ изъ членовъ совѣщанія — высказываются противъ того, чтобы лицамъ, желающимъ огородить свои поля отъ потравъ, необходимо было устанавливать особыя защиты; достаточно опредѣленнаго знака, по которому владѣльцы скота могли бы судить о нежеланіи собственниковъ или пользователей пустить ихъ на свое поле. Другой членъ комитета настаивалъ на удовлетвореніи предъявленныхъ претензій, чтобы дать каждому возможность пользоваться своимъ достояніемъ и распоряжаться продуктами своего поля подъ охраной закона и не прибѣгая къ установленію особыхъ защитъ. Но послышались и другія мнѣнія. Есть провинціи—сказалъ одинъ изъ участниковъ этихъ дебатовъ,—въ которыхъ три четверти года рабочій скотъ и въ частности лошади пасутся на свободѣ, получая сѣно и овесъ только въ періодъ посѣва. Во Франціи существуетъ столько же обычаевъ касательно vaine pâture, сколько въ ней кантоновъ. Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ требуется возведеніе плетня или вырытіе канавы, чтобы обезопасить поле отъ потравъ; въ другихъ та же цѣль достигается простымъ опахиваніемъ. Нельзя, поэтому, спѣшить съ рѣшеніемъ и лучше отложить его до тѣхъ поръ, пока мы запасемся нужными данными касательно разныхъ провинцій.

Вопросъ дѣйствительно былъ отложенъ и рѣшенъ болѣе двухъ лѣтъ спустя, когда Учредительнымъ собраніемъ изданъ былъ декретъ 28 сентября 1791 года, неблагопріятный дальнѣйшему сохраненію vaine pâture, т.-е. свободному прогону стадъ [1]).

Рознь между пахарями и батраками по вопросу о дальнѣйшемъ сохраненіи мірскихъ земель, или, наоборотъ, о раздѣлѣ ихъ въ частную собственность, весьма наглядно выступаетъ въ тѣхъ ходатайствахъ, которыя комитету земледѣлія при Учредительномъ собраніи приходится разсматривать въ теченіе всего 1790-го года. Такъ, 31 марта 1790 г. въ комитетъ поступаетъ ходатайство отъ „пахарей“ общины Гранъ-Фальи въ Лотарингіи, направленное противъ раздѣла общинныхъ земель. 24 апрѣля тому же комитету приходится разсматривать однохарактерное ходатайство „пахарей“ общины Бильи, расположенной около Вердена въ той же Лотарингіи. Нерѣдко раздѣлъ уже произведенъ, и ходатайство „пахарей“ ограничивается въ этомъ случаѣ только тѣмъ, чтобы уцѣлѣвшія еще въ селеніи мірскія земли были сохранены, такъ какъ опытъ доказалъ весь вредъ раздѣловъ“ [2]).

---

[1]) Ibid., стр. 20, 21, 22.

[2]) Ibid., стр. 210, 238, 239. Мемуаръ, присланный пахарями Beuville (Лотарингія).

Въ то время, какъ „пахари“ шлютъ мемуары въ пользу нераздѣльности, „батраки“ настаиваютъ, наоборотъ, на необходимости произвести окончательную разверстку мірской собственности. Такъ изъ того же Бильи приходитъ вторичное ходатайство опять-таки отъ „пахарей“, въ которомъ упоминается о сильныхъ препирательствахъ, поводъ къ которымъ далъ вопросъ о раздѣлѣ мірскихъ земель между ними и „батраками“. Раздѣлъ этотъ задержанъ былъ постановленіемъ комитета 18 іюня 1790 г., гласившимъ, что Національное собраніе еще не приняло окончательнаго рѣшенія насчетъ общинныхъ земель и что все до поры до времени должно остаться постарому. Необходимо, поэтому, возстановить, нераздѣльность тамъ, гдѣ она была нарушена [1]). Въ противовѣсъ мемуарамъ, присланнымъ „пахарями“ „батраки“ Бильи—доводятъ письменно до свѣдѣнія комитета о тѣхъ серьезныхъ безпорядкахъ (troubles), которые возникли изъ-за раздѣла общинныхъ земель. Этимъ раздѣламъ, пишутъ они, противятся наиболѣе зажиточные жители и „пахари“. Наоборотъ, большая часть населенія, бѣднота (le clan pauvre), поддерживаемая муниципалитетомъ и встрѣчая отпоръ въ жадныхъ собственникахъ, настаиваетъ на раздѣлѣ. Парламентъ уже сталъ на ихъ сторону и приговоромъ отъ 3-го марта 1790 г. утвердилъ раздѣлъ. Но по настояніямъ „пахарей“, опиравшихъ свои требованія на томъ, что при производствѣ разверстки не соблюдены нѣкоторыя правила, парламентъ отмѣнилъ прежнее свое рѣшеніе. Просители настаиваютъ на томъ, чтобы Національное собраніе не отказало имъ въ своей защитѣ, и жалуются, что имъ приходится охранять свои урожаи отъ „пахарей“, желающихъ овладѣть ими. Очевидно, рѣчь идетъ о вновь выкорчеванныхъ участкахъ, о нови, поднятой на прежнихъ общинныхъ земляхъ. „Пахари“ не хотятъ знать о произведенной уже разверсткѣ и отрицаютъ права новыхъ собственниковъ [2]).

И въ другихъ мѣстностяхъ Франціи идетъ между пахарями и „батраками“ тотъ же споръ о пользѣ или вредѣ раздѣловъ. Такъ, комитету въ іюнѣ 1790 г. приходится разбирать мемуары, присланные ему тремя общинами одною—лотарингской и двумя—изъ окрестностей Монтобана; онѣ настаиваютъ на раздѣлѣ мірскихъ земель на равныя части между всѣми поселянами соотвѣтствующихъ селеній. Если участки слишкомъ малы, чтобы

[1]) Ibid., стр. 389 и 349.

[2]) Любопытный документъ, содержаніе котораго приведено въ текстѣ, помѣченъ 25 іюня 1790-го года; онъ хранится въ Національномъ архивѣ въ связкѣ F^{10} 332. Извлеченіе изъ него помѣщено въ протоколахъ комитета, ibid., стр. 391.

сдѣлать возможнымъ дѣлежъ ихъ между жителями, то слѣдуетъ продать ихъ и обратить полученную сумму въ капиталъ общины. Въ числѣ причинъ, приводимыхъ въ пользу окончательной разверстки, мы находимъ и слѣдующія соображенія: человѣку свойственно болѣе заботиться о принадлежащемъ ему полѣ, чѣмъ о томъ, что состоитъ въ общемъ пользованіи [1]). Это тотъ самый мотивъ, какой приводился и доселѣ приводится экономистами противъ существованія нераздѣльной собственности. Его можно уже найти у Монтескьё, утверждавшаго, что земли приносятъ большій или меньшій доходъ не столько въ силу ихъ плодородія, сколько благодаря большей или меньшей свободѣ ихъ воздѣлывателя. Монтескьё не говоритъ намъ прямо, какая свобода имъ разумѣется — политическая или гражданская, вѣроятно потому что въ своей сентенціи онъ имѣлъ въ виду оба вида свободы. Памфлетная литература XIX вѣка, не менѣе приходскихъ наказовъ и коллективныхъ ходатайствъ отдѣльныхъ селеній, отражаетъ на себѣ вліяніе защищаемой экономистами точки зрѣнія. Она тѣмъ охотнѣе принимаетъ ее, что видитъ въ раздѣлѣ общинныхъ земель возможность надѣлить участками безземельныхъ. „Батракъ—читаемъ мы въ одномъ изъ произведеній этого рода—умираетъ съ голоду; я не знаю другого средства помочь его бѣдѣ, кромѣ раздѣла общинныхъ земель или сдачи ихъ въ аренду по очень дешевой цѣнѣ и небольшими участками“.

По разсчету, сдѣланному Тюрго, министромъ-реформаторомъ, во Франціи имѣлось 8 милліоновъ гектаровъ земель, лежавшихъ въ нераздѣльности и не подвергаемыхъ обработкѣ. Онѣ дали бы возможность просуществовать 4 милліонамъ семей. Какъ городской ремесленникъ, такъ и сельскій рабочій, не находятъ заказовъ и мрутъ отъ голода. „Вотъ уже три года, какъ ихъ содержатъ милостынею или поставкой имъ труда въ своего рода національныхъ мастерскихъ, извѣстныхъ подъ названіемъ ateliers de charité“ [2]).

Мѣстныя административныя власти также проникаются мыслью о необходимости допустить сельскій пролетаріатъ къ корчеванію общинныхъ земель, чему предшествовалъ бы раздѣлъ ихъ на равныя части между всѣми жителями общины. Въ этомъ смыслѣ высказывается, между прочимъ, мемуаръ, присланный въ комитетъ администраторомъ департамента Верхней Гаронны, Форестье. Онъ видитъ въ такой мѣрѣ средство положить конецъ нищенству и

---

[1]) Ibid., стр. 452.
[2]) Ibid., стр. 736.

вернуть, какъ онъ выражается, жизнь несчастнымъ жителямъ деревень [1]).

И патріотическія общества, какъ напримѣръ „Друзья конституціи“ въ Лиллѣ (въ Сѣверномъ департаментѣ), становятся рѣшительно на сторону тѣхъ, кто желаетъ расширить площадь посѣва производствомъ новыхъ корчевокъ. Ихъ симпатіи, такимъ образомъ, на сторонѣ поденщиковъ или сельскихъ батраковъ. Они желали бы обнародованія Національнымъ собраніемъ декрета, по которому лица, производящія очистки на протяженіи ландъ и невоздѣланныхъ земель, получили бы права активныхъ гражданъ, т.-е. могли бы участвовать въ выборахъ [2]).

Но если такимъ образомъ на протяженіи всей Франціи сельскій пролетаріатъ расходится съ зажиточнымъ крестьянствомъ въ оцѣнкѣ выгодъ общиннаго пользованія, то въ горныхъ мѣстностяхъ всѣ жители безъ различія сходятся въ признаніи необходимости сохранить мірскія пользованія. Такъ въ наказахъ сенешоссеи Кагора и „пахари“, и „поденщики“ (иначе „батраки“), въ одно слово ходатайствуютъ о томъ, чтобы запрещены были ежедневно совершающіяся корчевки пастбищныхъ земель. Онѣ, читаемъ мы въ наказѣ Беаръ и Бузи, лишаютъ собственниковъ земли возможности прокармливать свои стада. Отсюда дороговизна мяса и недостаточное производство на мѣстахъ шерстяныхъ тканей [3]). Община Каніасъ, сообщая о томъ, что сверхъ уплаты directe, т.-е. ежегодныхъ взносовъ сеньёру, какъ верховному собственнику ея земель, она „платитъ еще такъ называемую bovade за право высылать свой скотъ на общее поле, именуемое devese (difesa), иначе защитное поле“. Это право держать свой скотъ на подножномъ корму составляетъ единственный источникъ дохода для жителей, но они все болѣе и болѣе теряютъ его, вслѣдствіе расчистокъ, производимыхъ въ этомъ полѣ частными лицами, которыхъ не пугаютъ приговоры судовъ. Жители Каніаса просятъ заступничества Генеральныхъ штатовъ. Если мы сопоставимъ эти ходатайства съ мемуарами, посланными комитету земледѣлія при Національномъ собраніи изъ департамента Восточныхъ Пиреней или изъ департамента Обы, то мы найдемъ между ними большое сходство. Въ послѣднемъ изъ названныхъ департаментовъ жители общины Камюранъ настаиваютъ на сохраненіи своего права выпаса на горахъ Маріаль и Ла-Фажаль; они просятъ, чтобы къ такому выпасу допускаемъ былъ

[1]) Засѣданіе комитета 31 декабря 1790 г. Ibid., стр. 36.

[2]) Ibid., стр. 416.

[3]) Cahiers de la sénéchaussée de Cahors, стр. 31.

скотъ, взятый ими во временное пользованіе у лицъ постороннихъ для обработки своихъ полей. Они согласны платить прежній поборъ въ 183 ливра или франка [1]).

Въ Восточныхъ Пиринеяхъ общинный совѣтъ, чтобы обезопасить сельское пастбище отъ чрезмѣрной потравы его скотомъ, наложилъ запретъ посылать скотъ на часть горъ съ 1 мая по 15 іюня, подъ страхомъ штрафа въ три лиры и тюремнаго заключенія. Но его запреты были нарушены нѣкоторыми частными лицами. Совѣтъ ходатайствуетъ о томъ, чтобы его рѣшенія удержаны были въ силѣ [2]).

Мысль объ охранѣ общинныхъ лѣсовъ отъ потравы ихъ скотомъ и о сокращеніи размѣра мірскихъ пользованій, путемъ корчеванія лѣсовъ и поднятія нови лицами, не принадлежащими къ числу уроженцевъ общины, также не разъ выступаетъ въ тѣхъ мемуарахъ, какія приходится получать комитету земледѣлія при Національномъ собраніи.

Въ особомъ докладѣ муниципальный совѣтъ Сенъ-Дени де-Кабанъ въ Ліоннэ, теперешнемъ департаментѣ Луары, ходатайствуетъ о запрещеніи всякихъ расчистокъ уроженцамъ чужихъ приходовъ. Въ жалобѣ говорится, что пришлые люди, вѣроятно снявшіе землю у мѣстнаго сеньёра, выгоняютъ ихъ скотъ и причиняютъ имъ всякое насиліе [3]).

Въ южной Франціи, въ Лангедокѣ, муниципальныя власти принимаютъ мѣры къ охраненію оливковыхъ деревьевъ отъ потравъ, производимыхъ пасущимся на мірскихъ земляхъ крестьянскимъ скотомъ. Нѣкоторые жители Сенъ-Боне приносятъ на это жалобу комитету, ходатайствуя о томъ, чтобы только участки, засаженные оливковыми деревьями, признаны были защитными [4]).

Знакомясь съ содержаніемъ различныхъ мемуаровъ, полученныхъ комитетомъ земледѣлія, мы находимъ подтвержденіе того факта, что въ нѣкоторыхъ частяхъ Франціи, напр. въ Менѣ, уцѣлѣли еще слѣды обширныхъ мірскихъ пользованій, принадлежащихъ въ нераздѣльности 16 приходамъ, входившимъ нѣкогда въ составъ графства Бофоръ. Уполномоченные отъ этихъ приходовъ собрались въ Бофорѣ, въ королевскомъ замкѣ, и установили здѣсь правила для дальнѣйшаго пользованія этими communeaux. Они высказались противъ раздѣла мірского поля и

---

[1]) Procès verbaux du Comité d'agriculture. Томъ I, стр. 448 и 449.
[2]) Ibid., стр. 389.
[3]) Ibid., стр. 499.
[4]) Ibid., стр. 351.

доводятъ объ этомъ до свѣдѣнія комитета земледѣлія [1]). О такихъ же пользованіяхъ, общихъ жителямъ нѣсколькихъ деревень и приходовъ, заходитъ рѣчь въ мемуарахъ отдѣльныхъ селъ Лотарингіи [2]). Мемуары, представленные комитету земледѣлія при Національномъ собраніи въ 1790 г., подтверждая свидѣтельства приходскихъ наказовъ, довольно полно раскрываютъ тѣ причины, по которымъ средневѣковой порядокъ мірского пользованія лѣсами, пастбищами и пустошью, вмѣстѣ съ паденіемъ надѣльной системы и развитіемъ болѣе интенсивнаго хозяйства самихъ сеньёровъ и ихъ фермеровъ, становится все болѣе и болѣе убыточнымъ для крестьянъ. Пользуясь возможностью выдѣлить изъ нераздѣльности по меньшей мѣрѣ треть общихъ угодій исключительно въ свою пользу, сеньёры обводятъ ее загородью, сдаютъ въ корчеваніе арендаторамъ, заводятъ на ней собственные пахатные и сѣнокосные участки—и продолжаютъ высылать свой скотъ на крестьянскія, т.-е. на остальныя двѣ трети общаго поля.

Муниципальныя власти одной общины, расположенной въ Вогезахъ, отчетливо описываютъ эти новшества. Крупные собственники и фермеры,—читаемъ мы въ ихъ письменномъ донесеніи, — окружаютъ плетнями и канавами свои луга, не давая никому доступа къ нимъ. Скотъ же свой они высылаютъ на земли бѣдняковъ, т.-е. на крестьянское поле. Тѣ же жалобы заявляютъ жители общинъ, расположенныхъ въ департаментѣ Верхней Гаронны [3]).

При надѣльной системѣ участки крестьянъ разсѣяны, какъ извѣстно, черезполосно на протяженіи всей территоріи селенія. Отсутствіе загородей не мѣшаетъ свободному перемѣщенію стадъ по „пару", служащему общимъ пастбищемъ; но стоитъ только допустить обращеніе тѣхъ или другихъ участковъ въ „защитные"— и всему прежнему порядку пользованія ставятся непреодолимыя преграды. Муниципальныя власти одной изъ общинъ департамента Мерты доводятъ до свѣдѣнія комитета, что многія частныя лица среди пахатныхъ земель возвели ограды и обратили въ луга прежнія нивы. Нерѣдко собственники, и не прибѣгая къ такимъ оградамъ, не пускаютъ крестьянскій скотъ на свои земли, имѣя въ виду возможность повторной уборки. Жители ряда селеній, принадлежащихъ къ округу Шалонъ-на-Сонѣ, обращаются въ комитетъ съ жалобой, что ихъ штрафуютъ за посылку скота на

[1]) См. засѣд. комит. 27 октября 1790 г. Ibid., стр. 615.

[2]) Ibid., стр. 504.

[3]) Ibid., стр. 556 и 572.

земли ихъ сосѣдей, хотя эти земли и лежатъ открытымъ полемъ. Лица, владѣющія ими, заявляютъ, что не потерпятъ потравы своихъ луговъ общественнымъ стадомъ, такъ какъ расчитываютъ на вторичную уборку [1]).

Сеньёры сплошь и рядомъ окружаютъ рвами свои луга и не пускаютъ на нихъ крестьянское стадо [2]). Что дѣлаютъ собственники земель, то позволяютъ себѣ, разумѣется, и фермеры, снявшіе эти земли въ аренду. Вотъ почему нѣкоторыя общины департамента Côte d'Or настаиваютъ на томъ, чтобы фермеры лишены были права пасти свой скотъ иначе, какъ въ предѣлахъ фермы, и одни крестьяне могли бы травить своимъ стадомъ не огороженные луга послѣ перваго сѣнокоса. Возведеніе оградъ крестьянство деревни разсматриваетъ, какъ одну изъ причинъ, по которой ему приходится сокращать количество рабочаго скота, къ явной невыгодѣ своего хозяйства [3]). Понятно, поэтому, что всякая попытка, дѣлаемая самими общинными властями и въ интересахъ администрируемаго ими селенія огородить луга съ цѣлью обезпечить возможность второго ихъ покоса, встрѣчаетъ отпоръ со стороны мѣстнаго населенія [4]).

При огораживаніи трудно сохранить прежніе порядки пастьбы общаго стада, и естественно желаніе, заявляемое отдѣльными собственниками, не ставить болѣе „подъ розгу" одного и того же пастуха всѣхъ овецъ селенія [5]), особенно если владѣльцу удалось завести лучшую ихъ породу, шерсть которой могла бы замѣнить англійскую. Разведеніемъ такого усовершенствованнаго овцеводства озабочено и правительство. Король не прочь отдать нѣсколько сотенъ арпановъ земли въ распоряженіе тому, кто, какъ Дельпортъ въ Булони, возьметъ на себя обязательство развести англійскую породу овецъ, шерсть которыхъ идетъ на фабрики Аббевилля [6]).

При такихъ условіяхъ заявленія въ родѣ слѣдующаго становятся понятными. Въ округѣ Барнодѣ владѣльцы трехсотъ и четырехсотъ денныхъ участковъ настаиваютъ на разрѣшеніи посылать свой бѣлый скотъ (bêtes blanches) на толоку и пустошь подъ присмотромъ особаго пастуха. Однохарактерное желаніе

---

[1]) Ibid., стр. 623 и 523.
[2]) См. жалобы на это селенія Водремонъ въ округѣ Шомонъ. Ibid., стр. 442.
[3]) Ibid., стр. 446 и 404.
[4]) Ibid., стр. 540.
[5]) Ibid., стр. 715.
[6]) Ibid., стр. 193, 207 и 341.

высказываетъ земельная собственница г-жа Гансенъ въ департаментѣ Мозеля; рѣчь и на этотъ разъ идетъ объ овцахъ [1]).

Если болѣе интенсивное хозяйство требуетъ защиты луговъ съ цѣлью обезпеченія вторыхъ сѣнокосовъ, то оно еще бережнѣе относится къ сохраненію лѣсныхъ насажденій; послѣдствіемъ этого является необходимость упраздненія выпаса въ рощахъ, отчего опять-таки въ убыткѣ оказываются крестьяне-воздѣлыватели. Въ мемуарахъ, направленныхъ въ комитетъ земледѣлія, какъ и въ наказахъ сельскихъ приходовъ, не разъ заходитъ рѣчь о томъ, чтобы вернуть крестьянамъ прежнее право посылать свой скотъ въ сеньёріальные лѣса, какъ и въ свои собственные, дѣлая изъятія только для тѣхъ, деревья которыхъ не достигли еще пятилѣтняго возраста [2]).

Новые порядки земельнаго и хозяйственнаго уклада, такимъ образомъ, плохо мирились съ сохраненіемъ системъ средневѣковыхъ открытыхъ полей, надѣловъ и общинныхъ угодій крестьянства. Мѣновое хозяйство, своимъ запросомъ на возможно большую доходность, а слѣдовательно и производительность почвы, дѣлало немыслимымъ дальнѣйшее существованіе свободнаго прогона стадъ, утилизаціи лѣса подъ пастбища, обращенія въ нихъ луговъ послѣ снятія первой травы, свободнаго въѣзда крестьянъ въ помѣщичьи лѣса за топливомъ и матеріаломъ для построекъ. Всѣ эти порядки, составлявшіе нѣкогда часть одного цѣлаго, самодовлѣющаго хозяйства помѣстья, разсчитаннаго не на поставку продуктовъ на отдаленные рынки, а на удовлетвореніе одного мѣстнаго спроса, стояли въ такой тѣсной связи между собою, что съ исчезновеніемъ одного изъ нихъ и остальные должны были придти въ упадокъ. Первой стала исчезать надѣльная система, съ характеризующими ее порядками открытаго поля. Помѣщики, желая дать возможно хозяйственную утилизацію своимъ участкамъ, стали обособлять ихъ отъ крестьянскихъ земель, возводя загороди, объявляя извѣстные лѣса защитными, отмежевывая въ свое исключительное пользованіе, въ силу такъ называемаго „тріажа“, часть ранѣе общихъ съ крестьянами угодій. Когда среди сельской территоріи поднялись первыя загороди и крестьянскій скотъ пересталъ бродить свободно по убраннымъ нивамъ и сѣнокосамъ, когда для него закрытъ былъ доступъ въ лѣса, крестьянину пришлось поневолѣ сократить размѣры своего хозяйства по причинѣ своей безлошадности и невозможности поднять безъ чужой помощи, не прибѣгая къ супряги „тяжелые плуги“

[1]) Ibid., стр. 421 и 704.

[2]) Ibid., стр. 335 и 351.

съ многоголовой упряжью. Мы видѣли, что наказы сплошь и рядомъ свидѣтельствуютъ о томъ, что у крестьянина не имѣется живого инвентаря въ достаточномъ числѣ. Чтобы сохранить нужное ему количество воловъ, коровъ и лошадей и развесть большее или меньшее число овецъ, спросъ на которыя все больше и больше предъявляетъ развивающееся въ странѣ шерстяное производство, крестьянинъ поставленъ въ необходимость обременять сельское пастбище чрезмѣрнымъ количествомъ скота, жертвовать порослью молодыхъ деревьевъ въ лѣсныхъ дачахъ, травимыхъ тѣмъ же скотомъ, противиться производству въ нихъ новыхъ расчистокъ и увеличенію ими площади посѣвовъ. Когда въ 1791 и 1792 гг. Національное собраніе пожелало узнать отъ избранныхъ совѣтовъ департаментовъ и ихъ исполнительныхъ органовъ, „директорій", въ какомъ состояніи находятся мірскіе пастбища и лѣса, со всѣхъ концовъ Франціи стали приходить однообразные отвѣты, удостовѣрявшіе, что и тѣ и другіе представляются въ самомъ жалкомъ видѣ, что пастбищамъ не хватаетъ травы, а лѣсамъ деревьевъ. Такъ напр., департаментъ Гаръ доводитъ до свѣдѣнія Національнаго собранія, что общины и лѣса болѣе или менѣе истреблены (dévastés) [1]). Общинныя земли нашего округа—пишутъ члены дистриктной или окружной директоріи Тюлля,—заросли сорными травами, кустарникомъ и могутъ служить только дурнымъ пастбищемъ. Современное состояніе общинныхъ земель—доносятъ члены директоріи департамента Аллье — самое печальное [2]).

Далеко не всюду уцѣлѣли общинныя земли; изъ многихъ департаментовъ получается отвѣтъ, что онѣ исчезли вовсе или уцѣлѣли лишь въ небольшомъ количествѣ.

Разумѣется, нѣтъ возможности сколько-нибудь точно опредѣлить размѣры той площади, на протяженіи которой сказались послѣдствія развитія мѣнового хозяйства—развитія, ускореннаго съ тѣхъ поръ какъ вывозъ хлѣба объявленъ былъ свободнымъ и изъ провинціи въ провинцію, и за предѣлы государства. Современники почему-то приводятъ двѣ цифры, которыхъ мы, къ сожалѣнію, контролировать не можемъ. Одна гласитъ, что количество мірскихъ земель опредѣляемо было Тюрго цифрой 8 милліоновъ гектаровъ [3]); но, къ сожалѣнію, у этого экономиста нельзя было найти ни одного мѣста, заключающаго въ себѣ подобное

---

[1]) Le partage des biens communaux, documents publiés par Bourgain, стр. 85.

[2]) Ibid, стр. 51 и 15.

[3]) Ibid., стр. 88, см. также протоколы комитета земледѣлія, томъ I, стр. 196, примѣчаніе.

утвержденіе. Другая цифра, встрѣчаемая въ административной перепискѣ того времени—та, что три четверти королевства уже порвали съ порядками надѣльно-мірского хозяйства [1]).

Не придавая ни малѣйшаго значенія только что приведеннымъ оцѣнкамъ, мы въ то же время полагаемъ, что природа того хозяйственнаго переворота, свидѣтелями котораго были дѣятели французской революціи, передана правильно тѣми мемуарами, какіе направлены были въ Учредительное собраніе членами департаментскихъ директорій и въ частности тѣмъ, который присланъ былъ изъ предѣловъ Бургундіи, въ то время вошедшей въ составъ департамента Котъ д'Оръ. То обстоятельство, что Бургундія долѣе другихъ провинцій оставалась страной крѣпостного права, а потому и сохранила всѣ особенности средневѣкового земельнаго уклада,—объясняетъ намъ причину, по которой въ ней рѣзче чѣмъ гдѣ-либо чувствовалась противоположность новыхъ порядковъ старымъ. Члены департаментской директоріи, вполнѣ сознавая исключительность ея положенія, говорятъ: „нельзя судить о нашихъ земельныхъ порядкахъ по тому, что имѣетъ мѣсто въ трехъ четвертяхъ королевства. Въ нихъ земельные участки объединяются въ сплошныя массы и образуютъ цѣльные домены или частныя владѣнія, огороженныя и потому способныя подчиниться всякаго рода хозяйственнымъ условіямъ. У насъ, наоборотъ, частныя владѣнія разбиты на такія мелкія доли, что община съ двумя тысячами арпановъ пахоти, луговъ и виноградниковъ содержитъ въ себѣ 8 тысячъ наслѣдственныхъ участковъ, сосредоточенныхъ въ рукахъ 30 или 40 собственниковъ. Эти участки разбросаны на протяженіи нѣсколькихъ льё. Такимъ образомъ „доменъ" или частное владѣніе въ какихъ-нибудь 30 арпановъ содержитъ въ себѣ отъ 200 до 300 наслѣдственныхъ участковъ, лежащихъ черезполосно съ другими частными владѣніями". Въ этихъ послѣднихъ словахъ, очевидно, мы имѣемъ характеристику порядковъ, близкихъ къ великорусскимъ. Каждый крестьянскій надѣлъ складывается изъ значительнаго числа дѣлянокъ, расположенныхъ въ отдѣльныхъ „конахъ" одного и того же селенія. Наоборотъ, въ той картинѣ сплошныхъ владѣній, лежащихъ въ одной межѣ и объединенныхъ загородями, которая якобы отвѣчаетъ порядкамъ, установившимся въ большей части государства, мудрено не признать торжество новаго хозяйственнаго уклада, возникшаго на почвѣ разложенія средневѣковой помѣстной или феодальной системы. При немъ

[1]) См. докладъ директоріи департамента Котъ д'Оръ отъ февраля 1790 г., стр. 61.

исчезаютъ разбросанныя по открытымъ полямъ дѣлянки или паи, совокупность которыхъ образуетъ крестьянскій надѣлъ. Невозможной является мірская утилизація пара подъ выпасъ крестьянскаго стада. Ненужными оказываются мірскія пастбища и теряется практика посылки каждымъ дворомъ своего скота въ общее стадо. Послѣднія двѣ черты прямо отмѣчены въ цитируемомъ нами мемуарѣ. Онъ заявляетъ, что въ трехъ четвертяхъ королевства нельзя уже встрѣтить общихъ стадъ и общественныхъ пастбищъ [1]).

Движеніе въ пользу упраздненія средневѣкового сельско-хозяйственнаго и земельнаго строя началось далеко за предѣлами Франціи. Этотъ фактъ хорошо извѣстенъ и составителямъ тѣхъ мемуаровъ отъ департаментскихъ совѣтовъ и директорій, разборомъ которыхъ мы заняты въ настоящее время. Они упоминаютъ объ Англіи и ея огораживаніяхъ, послѣдствіемъ которыхъ было упраздненіе системы открытыхъ полей. Они приводятъ примѣръ прусскаго короля Фридриха II, предписавшаго раздѣлъ общинныхъ земель, и даже примѣръ Ганноверскаго курфиршества, пошедшаго въ этомъ отношеніи по слѣдамъ Пруссіи. Но движеніе, о которомъ идетъ рѣчь, переброшено было и во Францію. Задолго до революціи оно сказалось въ Лотарингіи и Бретани. Для первой въ 1769 г. изданъ былъ эдиктъ, позволившій раздѣлъ части общинныхъ земель [2]). Экономисты сочувственно отнеслись къ этой практикѣ. Въ сохраненныхъ для насъ отрывкахъ изъ затерявшихся брошюръ, какъ и въ дошедшихъ до насъ трактатахъ, напримѣръ, графа д'Эсюиль, объ общинныхъ земляхъ 1779 г., упраздненію мірскихъ пользованій, приписываются самыя благодѣтельныя послѣдствія для земледѣлія. Въ Англіи производительность его увеличилась, по словамъ этихъ мемуаровъ, на одну треть; въ Пруссіи ростъ населенія вызванъ общинными раздѣлами; въ Лотарингіи число очаговъ увеличилось въ нѣкоторыхъ селеніяхъ болѣе чѣмъ въ два раза по той же причинѣ [3]). Въ Бретани, по словамъ мемуаровъ, присланныхъ комитету земледѣлія, сказываются уже выгоды, происходящія отъ сокращенія общинныхъ пользованій. Процвѣтаніе земледѣлія зависитъ отъ размноженія числа фермъ, раздѣляющихъ обширныя имѣнія на болѣе мелкія части; арпанъ земли подъ клеверомъ, люцерною и эспарцетомъ даетъ въ со-

---

[1]) Ibid., стр. 63.

[2]) См. мемуары избраннаго совѣта департамента Котъ д'Оръ отъ ноября 1791 г. (ibid., стр. 53) и мемуаръ избраннаго совѣта департаментъ Гаръ отъ декабря 1791 г., въ которомъ упоминается объ огораживаніяхъ, происшедшихъ въ Бретани.

[3]) Ibid., стр. 53 и 85.

рокъ разъ больше корма для скота, чѣмъ арпанъ подъ пастбищемъ. Послѣдствіемъ раздѣловъ можетъ быть размноженіе стадъ и увеличеніе количества удобренія [1]). Интересъ государства требуетъ окончательнаго раздѣла общинныхъ земель — пишетъ, въ свою очередь, директорія департамента Верхней Гаронны. Корчеваніе является однимъ изъ средствъ для обезпеченія благоденствія поденщика и ремесленника, а потому раздѣлъ общинныхъ угодій привязываетъ жителей къ почвѣ [2]).

Важнѣйшими недостатками мірского хозяйства директорія департамента Котъ д'Оръ признаетъ невозможность возведенія загородей, безъ чего немыслимо искусственное травосѣяніе; необходимость отказаться отъ повторной уборки луговъ, въ виду поступленія ихъ подъ общій выпасъ; чрезмѣрную затрату времени земледѣльца, сѣмянъ и навоза, въ виду вытаптыванія засѣяннаго поля скотомъ; неменьшую потерю въ площади посѣва, въ виду множества дорогъ, пересѣкающихъ общее поле и дающихъ каждому крестьянину доступъ къ своимъ дѣлянкамъ. Но наибольшее изъ всѣхъ золъ—это необходимость общаго стада и общаго выпаса. Ни для кого болѣе не тайна, — продолжаютъ тѣ же избранныя власти департамента,—что необходимо округлять владѣнія и упразднять общинныя земли, дабы лежащая подъ ними почва поступила въ обработку пахарей и существованію общаго стада положенъ былъ конецъ [3]).

Общественное мнѣніе требуетъ раздѣловъ — пишутъ члены окружной директоріи Тюлля;—принципы политической экономіи осуждаютъ порядки, послѣдствіемъ которыхъ является ограниченіе количества продуктовъ и задержка въ прогрессѣ сельскохозяйственной культуры [4]).

Общество земледѣлія въ Канѣ высказываетъ общіе принципы, распространяемые экономистами, когда говоритъ, что одна лишь собственность можетъ побудить неимущаго къ затратѣ своего труда на обработку почвы. Оно высказывается, поэтому, не за разверстку мірскихъ угодій въ долгосрочное пользованіе, а за окончательный ихъ раздѣлъ [5]). Такой раздѣлъ—думаютъ члены директоріи въ Монлюэль—одинъ можетъ обезпечить, если не изобиліе, то благосостояніе, классу неимущихъ. Сдѣлавшись собствен-

---

[1]) Совѣтъ департамента Гаръ. Ibid., стр. 185.
[2]) Ibid., стр. 88.
[3]) Ibid., стр. 61 и 63.
[4]) Ibid., стр. 51.
[5]) Ibid., стр. 45.

никами, они изберутъ своимъ постояннымъ мѣстожительствомъ тѣ села, въ которыхъ расположены ихъ владѣнія.

Дѣйствительное богатство народовъ зависитъ отъ размноженія числа жителей [1]). Директорія Бурга полагаетъ, что какъ общій интересъ государства, такъ и интересы частныхъ лицъ, требуютъ, чтобы собственность по возможности была раздѣлена, а это достигается съ упраздненіемъ мірскихъ угодій. Въ современныхъ условіяхъ одинъ богатый извлекаетъ выгоды изъ ихъ существованія, такъ какъ наибольшее количество скота сосредоточивается въ его рукахъ [2]).

Таковы обычные мотивы, которыми мѣстныя власти на протяженіи всей страны поддерживаютъ мысль о раздѣлѣ общинныхъ земель. Но единогласія на этотъ счетъ нельзя встрѣтить. Въ противность большинству, нѣкоторые департаментскія и окружныя директоріи, а также и частныя лица, высказываются въ пользу сохраненія мірскихъ земель. Если,—пишутъ члены директоріи въ Белэ, — предоставить бѣдному раздѣлить землю въ собственность, онъ не въ состояніи будетъ сохранить ее за собою и уступитъ ее богатому. Бѣдный болѣе богатаго использовалъ пока общинныя земли; никто, какъ онъ, производитъ тѣ очистки, которыя увеличили количество воздѣлываемыхъ земель. Нераздѣльность кажется намъ вполнѣ справедливой [3]).

Въ противоположность тѣмъ, кто доказываетъ, что всю выгоду отъ общинныхъ земель получаютъ только богатые, одинъ частный корреспондентъ комитета земледѣлія, называющій себя членомъ-сотрудникомъ земледѣльческихъ обществъ въ Эврэ и Парижѣ, пишетъ: „три четверти всѣхъ коровъ въ королевствѣ принадлежатъ батракамъ или поденщикамъ; если воспослѣдуетъ раздѣлъ общинныхъ земель, у насъ повторится то же, что въ Ганноверѣ, гдѣ поденщики поставлены были въ необходимость сбыть своихъ коровъ“. Въ Ганноверѣ раздѣлъ совершился нѣсколько лѣтъ тому назадъ по настоянію алчныхъ собственниковъ, убѣдившихъ правительство, что раздѣлъ необходимъ въ интересахъ всей страны; въ дѣйствительности же онъ только разорилъ батраковъ и вызвалъ общія жалобы, такъ какъ послѣдствіемъ было

[1]) Ibid., стр. 9 и 10.

[2]) Ibid., стр. 8 и 9. Развивая ту же мысль, совѣтъ департамента Арденнъ пишетъ: „богатый, посылая свой скотъ на мірскія земли, извлекаетъ изъ нихъ выгоду пропорціонально количеству принадлежащихъ ему головъ; наоборотъ, пролетарій, ничѣмъ не владѣющій въ приходѣ, снимающій у другихъ помѣщеніе для себя, только приноситъ вредъ общинному полю, прилагая трудъ своихъ рукъ къ тому, чтобы собирать на немъ торфъ или хворостъ“. Ibid., стр. 21.

[3]) Ibid., стр. 4 и 5.

внезапное сокращеніе числа воловъ. Вмѣсто того, чтобы дѣлить общинныя земли, слѣдовало бы въ законодательномъ порядкѣ предписать посадку на нихъ фруктовыхъ деревьевъ и разведеніе лѣса". Корреспондентъ комитета земледѣлія желалъ бы видѣть дальнѣйшее развитіе общиннаго начала во Франціи въ томъ смыслѣ, чтобы между членами міра производима была равномѣрная разверстка годовыхъ урожаевъ. Всѣ очаги или всѣ хозяйства должны участвовать въ одинаковой степени, какъ въ дѣлежѣ продуктовъ, такъ и той суммы, которая получается отъ продажи мяса. Такіе порядки, впрочемъ, не будутъ новшествомъ: они уже болѣе года держатся въ одной деревнѣ, принадлежащей къ общинѣ Эврэ. Такое пользованіе вызываетъ лишь общее довольство [1]).

Расходясь съ мнѣніемъ департаментской интеллигенціи, члены которой обыкновенно попадали въ составъ мѣстнаго управленія, сельскія общины нерѣдко высказывались за сохраненіе своихъ угодій въ прежней нераздѣльности. „Мы разослали циркуляръ всѣмъ муниципіямъ нашего округа",—пишутъ члены директоріи Серрилльи, спрашивая ихъ о томъ, желаютъ ли онѣ раздѣла? Почти всѣ отвѣтили, что считаютъ важнымъ, въ интересахъ бѣдной части населенія, сохранить общинныя земли; ихъ такъ мало и они такъ ничтожны, что при раздѣлѣ получились бы слишкомъ мелкіе участки. „Мы полагаемъ,—заключаютъ члены директоріи Серрилльи,—что надо подчиниться рѣшенію большинства общинъ" [2]).

Изъ другихъ мѣстностей, обыкновенно—тѣхъ, гдѣ общинныя земли не имѣютъ значительнаго протяженія, приходятъ однохарактерныя заявленія. Раздѣлъ не можетъ совершиться безъ разоренія жителей, — пишутъ мѣстныя власти Белэ [3]). Раздѣлъ общинныхъ земель неосуществимъ, — доносятъ члены директоріи Мулленъ. Нерѣдко ими пользуются жители нѣсколькихъ общинъ: раздѣлъ въ такомъ случаѣ оказался бы выгоднымъ лишь для расположенныхъ по близости къ дѣлимому полю. Распредѣлить только между бѣдными полученное отъ раздѣла нельзя, такъ какъ это было бы равносильно колебанію принципа собственности, а надѣлить ими всѣхъ невозможно, такъ какъ каждый не получилъ бы достаточно земли для прокормленія себя съ семьею [4]).

Особенно враждебно относятся къ мысли объ упраздненіи

---

[1]) Ibid., стр. 76.
[2]) Ibid., стр. 16.
[3]) Ibid., стр. 17.
[4]) Ibid., стр. 18.

мірскихъ угодій жители горныхъ мѣстностей. Директорія департамента Арденнъ пишетъ: „Разъ существуетъ обычай держать весь скотъ въ одномъ стадѣ, необходимо сохранить и общинный выпасъ. Далеко не доказано, что раздѣлъ имѣлъ бы благодѣтельныя послѣдствія и повелъ бы къ хозяйственнымъ улучшеніямъ; и не обращаясь къ нему, можно сдѣлать болѣе изобильными травою мірскія пастбища, унаваживая ихъ періодически. Если бы пастбищъ оказалось болѣе, чѣмъ нужно для удовлетворенія мѣстныхъ потребностей, часть ихъ могла бы быть сдана въ аренду [1]). Въ Аріежѣ власти стоятъ противъ раздѣла горныхъ пастбищъ и думаютъ, что интересъ земледѣлія требуетъ только упраздненія тѣхъ, которыя лежатъ въ долинѣ и могли бы подвергнуться лучшей обработкѣ при переходѣ въ частную собственность [2]) Въ департаментѣ Юры избранный совѣтъ высказывается противъ раздѣла [3]). Въ департаментѣ Геро два изъ четырехъ округовъ отличаются гористою мѣстностью; въ нихъ, по словамъ членовъ директоріи, раздѣлъ невозможенъ по той причинѣ, что почва подвижна, т.-е. при обработкѣ ея плугомъ можно было бы ждать наводненія [4]). Тѣ же причины приводятся противъ раздѣла горныхъ угодій въ департаментѣ Дромы, который вообще высказывается за упраздненіе общинныхъ пользованій. На горныхъ склонахъ надо сохранять лѣсъ и траву въ предупрежденіе несчастій [5]). Было бы опасно произвести раздѣлъ лѣсныхъ насажденій и горныхъ пастбищъ (montagnes noires)—пишутъ члены директоріи Белэ [6]). Вообще раздѣлъ не желателенъ при извѣстныхъ грунтахъ, въ однѣхъ мѣстностяхъ, какъ, напр. въ департаментѣ Эна,—болотъ, такъ какъ батраки и ремесленники находятъ въ нихъ средства къ пропитанію; не существуй болотъ—негдѣ было бы пасти ни коровъ, ни лошадей. Наименѣе зажиточные посылаютъ свой скотъ на эти болота и держатъ его на подножномъ корму съ весны до уборки сѣна, когда наступаетъ періодъ выпаса по скошеннымъ лугамъ и нивамъ; да и зимою бѣдные извлекаютъ для своего скота кормъ изъ болотъ [7]). За сохраненіе лѣсовъ въ нераздѣльности не на однѣхъ только горныхъ вершинахъ ратуютъ также многія мѣстныя власти, осо-

---

[1]) Ibid., стр. 26.
[2]) Ibid., стр. 30.
[3]) Ibid., стр. 112.
[4]) Ibid, стр. 102.
[5]) Ibid., стр. 72.
[6]) Ibid., стр. 4.
[7]) Ibid., стр. 4.

бенно когда рѣчь заходитъ о сосновыхъ рощахъ, по всей вѣроятности въ виду того, что онѣ сдерживаютъ пески [1]). Надо дѣлить не общинные лѣса, а продукты ихъ рубокъ,—пишутъ члены директоріи Манлюэль,—дабы обезпечить тѣмъ деревенскому населенію возможность полученія топлива и матеріала для починки усадебъ. Вообще сельское населеніе не высказывается такъ утвердительно насчетъ необходимости упразднить общинное владѣніе, какъ это дѣлаютъ за него члены исполнительныхъ коммиссій по округамъ и департаментамъ и избираемые совѣты. На крестьянъ, разумѣется, въ меньшей степени вліяютъ доктрины экономистовъ, и они не черпаютъ своихъ данныхъ изъ разсужденій писателей, вродѣ уже упомянутаго нами графа d'Essuiles [2]) или не менѣе извѣстнаго агронома аббата Розье [3]).

Крестьяне такъ или иначе высказываются о пользѣ или вредѣ раздѣловъ, смотря по тому, преобладаютъ ли въ сельскомъ обществѣ численно „пахари" или „батраки" и считаютъ ли послѣдніе выгоднымъ или невыгоднымъ для себя замѣну пастбищнаго пользованія поступающими въ ихъ собственность расчистками. Къ сожалѣнію, мы почти никогда не узнаемъ непосредственно народныхъ желаній, а видимъ ихъ только въ передачѣ, дѣлаемой совѣтами и директоріями округовъ и департаментовъ.

Въ рѣдкихъ случаяхъ въ нашемъ распоряженіи имѣются письма, посланныя на имя комитета земледѣлія или Національнаго собранія частными лицами, называющими себя членами тѣхъ или иныхъ общинъ, но не принадлежащими къ ихъ земледѣльческому населенію. Тѣмъ не менѣе и на основаніи этого матеріала можно придти къ заключенію, что вопросъ о сохраненіи или упраздненіи мірскихъ пользованій большинству казался спорнымъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ крестьяне рѣшительно высказывались противъ раздѣла. Сказанное особенно справедливо въ примѣненіи къ зажиточнымъ семьямъ, надѣленнымъ землею. Директорія департамента Мозеля заявляетъ, что „пахари" и земельные собственники съ ужасомъ отнеслись къ мысли о раздѣлѣ общинныхъ угодій въ частную собственность [4]). Наоборотъ, „батраки" иногда обращаются съ прямымъ ходатайствомъ объ ускореніи окончательной разверстки. Въ одной изъ общинъ департамента Верхней Марны, Lifol le Petit, на этой

---

[1]) Ibid., стр. 5.

[2]) Traité politique et économique des communes, Парижъ, 1779.

[3]) Извѣстный авторъ „Курса земледѣлія", въ 1771 и 1775 гг. редакторъ „Физическаго журнала".

[4]) Ibid., стр. 172.

почвѣ разгорается внутренняя вражда между обоими классами сельскаго населенія. Въ петиціи, направленной бѣднымъ населеніемъ общины, говорится, что тѣ, которые изъ съемщиковъ чужихъ земель теперь сдѣлались ихъ господами (разумѣются, очевидно, крестьяне оброчники, обращенные революціей въ собственниковъ), съ угрозою отнеслись къ тѣмъ, кто настаиваетъ на раздѣлѣ. „Никогда мы не допустимъ того,—говорятъ они,—чтобы общинныя пастбища были упразднены". Составители ходатайства объясняютъ ихъ враждебность къ затѣваемой реформѣ тѣмъ, что земельные собственники нуждаются въ пометѣ общаго стада и въ подножномъ кормѣ для него [1]). Пишущій эти строки, какъ можно судить изъ самаго ходатайства, не чуждъ нѣкоторой начитанности и не можетъ быть отнесенъ, поэтому, къ числу заурядныхъ поденщиковъ. Въ подкрѣпленіе той мысли, что раздѣлъ благотворенъ, онъ ссылается на Лотарингію и утверждаетъ, что благодаря переходу къ частной собственности улучшилось матеріальное положеніе ея батраковъ. По этой причинѣ не повторилось въ ней того революціоннаго движенія, какое въ другихъ частяхъ Франціи было вызвано желаніемъ крестьянъ овладѣть хлѣбными запасами [2]). Авторъ петиціи совершенно теряетъ изъ виду вліяніе, какое оказала на это движеніе провозглашенная правительствомъ свобода вывоза хлѣба. По словамъ окружного управленія Сенъ-Дизье (St.-Dizier) въ томъ же департаментѣ Верхней Марны, мнѣнія жителей насчетъ того, слѣдуетъ ли дѣлить, разнорѣчивы. Но среди этихъ расходящихся взглядовъ весьма опредѣленно выступаетъ желаніе воздѣлывателей (терминъ, смѣнившій собою столь обычное прежде прозвище „пахарей", (abourеurs) воспротивиться обращенію мірскихъ угодій въ воздѣлываемые плугомъ участки. Бѣдное населеніе общины въ свою очередь настаиваетъ на той мысли, что мірскія пастбища выгодны лишь для однихъ воздѣлывателей. Тѣ, кто поддерживаетъ мысль о сохраненіи прежней нераздѣльности, приводятъ слѣдующія соображенія: гдѣ имѣются обширныя пастбища, тамъ несомнѣнно земля неудобна для обработки. Вѣдь наши предки и завели эти пастбища потому, что находили свой доходъ болѣе обезпеченнымъ при наличности пастбищъ, чѣмъ при замѣнѣ ихъ пахотью. Если, тѣмъ не менѣе, ходатайства о производствѣ раздѣловъ стали болѣе частыми за послѣднее время, то объясняется это тѣмъ, что большинство населенія заставило воздѣлывателей присоединиться къ такому требованію. Передавая все это, члены директоріи не скрываютъ

[1]) Ibid., стр. 160 и 161.
[2]) Ibid., стр. 159.

своего сочувствія раздѣламъ, которые, по ихъ мнѣнію, одни способны установить равенство пользованія. Можно было бы думать, прибавляютъ они, что революція пролила свѣтъ на этотъ вопросъ, проникшій и въ крестьянскую среду. Въ то же время администраторы округа не считаютъ возможнымъ установить общій планъ для раздѣла всѣхъ мірскихъ земель въ округѣ [1]).

Намъ яснѣе представляются причины, по которымъ мѣстныя власти высказываются противъ подведенія всѣхъ формъ мірского пользованія подъ одинъ масштабъ, при чтеніи того письменнаго доклада, какой директорія Лангра представила по тому же вопросу комитету земледѣлія. Указывая на то, что земли частныхъ лицъ въ этой странѣ разсѣяны мелкими участками на значительномъ разстояніи другъ отъ друга, что въ переводѣ означаетъ господство въ данной мѣстности системы открытыхъ полей и составленныхъ изъ дѣлянокъ крестьянскихъ надѣловъ, члены директоріи признаютъ раздѣлъ мірскихъ земель неисполнимымъ на практикѣ. „Вѣдь послѣдствіемъ его было бы возведеніе загородей, чего у насъ не желаютъ. Еще одно обстоятельство ратуетъ въ пользу мірскихъ порядковъ. Большая часть земель расположена на горахъ, деревни заселены почти исключительно батраками. Безъ общинныхъ пользованій онѣ погибли бы отъ голода“ [2]).

Итакъ, не всюду на протяженіи одного даже департамента интересы бѣднаго люда требовали раздѣла общинныхъ земель; въ горныхъ мѣстностяхъ, живущихъ скотоводствомъ, сохраненіе пастбищъ обезпечивало и неимущимъ возможность держать корову и бо́льшее или меньшее число овецъ. Тѣ самыя причины, по которымъ бѣднѣйшее населеніе швейцарскихъ общинъ доселѣ дорожитъ возможностью высылать на альменду и альпу, кто корову, кто овцу, заставляли и французскихъ батраковъ воздерживаться отъ раздѣла горныхъ пастбищъ.

Но что неимѣющее земли населеніе обыкновенно стояло за наступленіе такихъ порядковъ, при которыхъ прежнія общинныя земли послужили бы къ надѣленію ихъ частной собственностью, доказательство тому мы не разъ находимъ въ частныхъ петиціяхъ, вродѣ слѣдующей. Одинъ житель общины Сенъ-Жюстъ Соважъ въ округѣ Эпернэ выражаетъ восторженныя чувства къ Національному собранію, сдѣлавшему возможнымъ раздѣлъ мірскихъ угодій въ частную собственность. „Теперь, говоритъ онъ, когда всѣ уравнены вами, неимущій въ состояніи засѣять хлѣ-

---

[1]) Ibid., стр. 156 и 157.

[2]) Ibid., стр. 154.

бомъ три арпана земли и прокормиться имъ цѣлую половину года" [1]).

То или другое отношеніе къ мірскому землевладѣнію въ значительной степени обусловливается самымъ протяженіемъ земель, лежащихъ въ нераздѣльности. Тамъ, гдѣ ихъ немного, замѣтно выступаетъ тенденція къ ихъ сохраненію и, наоборотъ. Такъ, совѣтъ департамента Луарэ полагаетъ, что раздѣлъ былъ бы невыгоденъ для земледѣлія, такъ какъ мірскихъ пользованій мало и общія пастбища даютъ возможность содержанія скота и полученія навоза. Благодаря этому, общинныя земли болѣе содѣйствуютъ полученію хорошихъ урожаевъ, чѣмъ могли бы сдѣлать это выкорчеванные участки, тѣмъ болѣе, что пастбища расположены въ дурномъ грунтѣ, который нельзя было бы съ удобствомъ подвергнуть обработкѣ. Большую выгоду отъ мірскихъ земель получаетъ бѣднѣйшее населеніе, которое находитъ въ нихъ возможность прокормить свой скотъ. Раздѣлъ обогатилъ бы только немногихъ частныхъ лицъ, въ ущербъ массѣ бѣдняковъ. Такимъ образомъ въ Луарэ господствуетъ среди батраковъ теченіе, совершенно обратное тому, которое мы отмѣтили въ другихъ департаментахъ болѣе богатыхъ общественными землями. Члены департаментскаго совѣта отражаютъ на себѣ вліяніе общественнаго мнѣнія, когда говорятъ, что общій регламентъ, предписывающій производство раздѣловъ, повелъ бы ко многимъ неудобствамъ во многихъ мѣстностяхъ. Никакое распоряженіе общинными землями не должно бы состояться иначе, какъ по почину общихъ собраній жителей отдѣльныхъ общинъ и по выслушаніи мнѣній окружныхъ и департаментскихъ директорій [2]). Если мы сопоставимъ эти заявленія съ тѣми, которыя идутъ изъ округа Монтаржиса, въ Провансѣ, въ которомъ общинныя земли имѣются въ большемъ числѣ, то намъ легко будетъ отмѣтить ту связь, въ какой обиліе или недостаточность мірскихъ угодій стоитъ къ требованію раздѣловъ. Въ Провансѣ,—пишетъ нѣкій Фери, купецъ, поселенный въ одной изъ общинъ Монтаржиса, не безъ труда передавая свои мысли безграмотной рѣчью,—множество земель лежатъ впустѣ, не принося урожая ни хлѣбами, ни травой. Ими овладѣли разжирѣвшіе богачи; имъ пріятнѣе, чтобы земля лежала необработанной. Мы не хотимъ, говорятъ они, допустить расчистки, такъ какъ она уноситъ съ собою нужный кормъ для нашего скота [3]).

---

[1]) Ibid., стр. 131.
[2]) Ibid., стр. 150.
[3]) Ibid., стр. 130.

Запросъ на производство раздѣловъ, какъ отмѣчаютъ изучаемые нами источники, усилился за послѣднія двадцать лѣтъ. Причина тому, по словамъ одного частнаго корреспондента комитета земледѣлія, Атенасъ изъ Нанта, лежитъ въ томъ, что цѣна на хлѣбъ сильно возросла, а это въ свою очередь объясняется свободой его продажи. Сеньёры и вообще люди сильные стали завладѣвать ландами и мірскими угодьями, несмотря на протесты подвластныхъ имъ людей. Они вовлекли крестьянство въ нескончаемые процессы. Никто болѣе сеньёровъ и лицъ зажиточныхъ не заинтересованъ въ ихъ раздѣлахъ. Крестьянство желаетъ сохраненія мірского пользованія, а между тѣмъ интересъ земледѣлія требуетъ окончательной разверстки. Высказываясь въ ея пользу, авторъ приводимаго мемуара желалъ бы использовать такую разверстку для надѣленія землею неимущихъ. Въ раздѣлъ поступили бы только лучшія земли. Ихъ слѣдовало бы разбить на мелкіе участки, которые могли бы быть воздѣлываемы трудомъ одной семьи; эти участки сдѣлались бы своего рода пожизненными „бенефиціями", подобными тѣмъ, какія раздаваемы были служилымъ людямъ при короляхъ первой династіи, т.-е. Меровингахъ. Сами приходы распредѣлили бы эти участки между отцами семействъ и вдовами, наиболѣе нуждающимися и наиболѣе добродѣтельными [1]).

Въ нашихъ рукахъ далеко не всѣ ходатайства, разсмотрѣніемъ которыхъ долженъ былъ заняться комитетъ земледѣлія, прежде чѣмъ высказаться въ томъ или иномъ смыслѣ по вопросу о сохраненіи или упраздненіи мірскихъ пользованій. Не всѣ мѣстныя власти откликнулись на его призывъ и произвели анкету по приходамъ. Многія, быть можетъ, и послали свои доклады, но эти документы затерялись и не дошли до насъ. Но по тѣмъ, которые уцѣлѣли и включены въ сборникъ г. Бурге, можно думать, что требованія раздѣловъ очень были распространены во Франціи въ 1791-мъ и 1792-мъ годахъ, и что Конвентъ поэтому, издавая извѣстный законъ 1793-го года, высказался заодно съ большинствомъ и въ особенности заодно съ бѣднѣйшей частью населенія. Раздѣла требуютъ не только департаментскія директоріи, напр. Канталя, Коррезъ, Майенны, Мерты, Па-де-Калэ, Луары и Шера, Уазы, Пюи-де-Домъ, Нижней Луары и Ландъ [2]), но и тѣ изъ мѣстечекъ и городовъ, которые владѣли нѣкоторыми подгородными участками въ нераздѣльности. Это можно сказать о Шамбонѣ въ Верхней Луарѣ и о Мартелѣ въ департаментѣ Ло. „Съ совѣта

---

[1]) Ibid., стр. 127.

[2]) Ibid., стр. 39, 47, 51, 53, 71, 132, 134, 135, 140, 164, 167, 175, 180, 186, 195.

и согласія всѣхъ нашихъ собственниковъ,—пишутъ члены муниципальнаго совѣта перваго изъ названныхъ городовъ, — мы обращаемся съ ходатайствомъ объ изданіи декрета, предписывающаго раздѣлъ общинныхъ земель. Одна секція, т.-е. подраздѣленіе нашего прихода, произвела уже такой раздѣлъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ; но рядъ лицъ безъ всякаго основанія оспариваетъ законность совершившагося. Одинъ сильный извлекаетъ выгоду для себя изъ общинныхъ земель, слабый же лишенъ этого преимущества. Мы умоляемъ васъ утвердить прежніе раздѣлы и объявить, что всякій, кто будетъ возставать противъ нихъ, подвергнется наказаніямъ, установленнымъ законами и требуемыми справедливостью". „У самыхъ воротъ нашего города—говорятъ муниципальныя власти Мартеля—лежитъ общинное поле въ три тысячи арпановъ; въ своемъ наказѣ избирателямъ городъ уже ходатайствовалъ объ его раздѣлѣ; муниципальныя власти, въ свою очередь, высказываются въ этомъ смыслѣ, прибавляя, что разнорѣчіе существуетъ только по вопросу о томъ, какъ произвести раздѣлъ, поголовно или пропорціонально суммѣ прямыхъ налоговъ, платимыхъ каждымъ изъ жителей [1]).

Особенно многочисленны были мірскія земли, принадлежавшія Сентъ-Омеру. Не найдется во Франціи города,—значится въ оффиціальномъ донесеніи окружной директоріи,—который бы владѣлъ такими обширными общинными имуществами. И тѣмъ не менѣе мѣстныя власти не предъявляютъ запроса на раздѣлъ общинныхъ земель, но только потому, что на долю каждаго въ этомъ случаѣ пришелся бы весьма небольшой участокъ. Въ принципѣ же мірскія пользованія встрѣчаютъ полное осужденіе. Горожане живутъ промыслами и торговлей; большинство ихъ, слѣдовательно, не нуждается въ общемъ пастбищѣ. Лучшее средство извлечь пользу изъ него—сдать его въ аренду, доходъ отъ которой поступилъ бы въ казну города [2]). Приведенный документъ ставитъ насъ, такимъ образомъ, лицомъ къ лицу съ самымъ зарожденіемъ того процесса, въ силу котораго мірскія земли, состоявшія въ фактическомъ пользованіи жителей, перешли въ разрядъ земель муниципальныхъ (terres des communes), т.-е. земель, съ которыхъ городъ или община получали доходъ, сдавая ихъ фермерамъ.

Требованіе раздѣла земель во многихъ мѣстностяхъ проявилось еще ранѣе революціи, а съ нею стало сказываться все

---

[1]) Ibid., стр. 119, 136 и 137.

[2]) Ibid., стр. 189.

съ большею и большею силой. Притязанія сеньёровъ на мірскія имущества, нескончаемые захваты участковъ, производимые ими въ общемъ полѣ, посылка арендаторами своего скота на крестьянскія пастбища, расчистка пустошей лицами, не принадлежавшими къ общинѣ, но пріобрѣвшими это право отъ сеньёра,— въ значительной степени объясняютъ поспѣшность, съ какою сельское населеніе спѣшило укрѣпить свои права переходомъ къ частной собственности. Многія общины, — жалуется директорія департамента Уазы,—не дожидаясь изданія закона и вопреки сдѣланнымъ имъ запретамъ и ожидающимъ ихъ преслѣдованіямъ со стороны мѣстнаго начальства, завладѣли мірскими землями и „очистками" и стали дѣлить ихъ между своими жителями; самая разверстка часто производима была неправильно, такъ какъ въ основаніе ея было положено не число жителей, а число собственниковъ. Но раздѣлившіеся не хотятъ и слышать о добавочномъ выдѣленіи участковъ тѣмъ, кто не хотѣлъ дѣлиться [1]). „Со всѣхъ сторонъ приходятъ требованія общинныхъ управленій насчетъ производства раздѣловъ; имъ хотятъ подвергнуть и лѣса, и пастбища. Заявленія подобнаго рода умножаются со дня на день. Окружныя директоріи завалены ими". Такими словами начинается письменное донесеніе, сдѣланное 27-го октября 1791 г. директоріей департамента Пюи-де-Домъ. Ошибочно было бы думать, однако, что даже тамъ, гдѣ, какъ напр. въ провинціи Артуа, дѣлежи начались уже давно,— не встрѣчалось и противодѣйствія раздѣламъ. На этотъ фактъ указываютъ, между прочимъ, въ своемъ донесеніи избранныя власти отдѣльныхъ округовъ департамента Па-де-Кале. Разрѣшеніе положитъ конецъ мірскому пользованію дано было еще провинціальными штатами Артуа, но многія общины отказывались перейти къ раздѣлу. Центральный комитетъ объясняетъ это тѣмъ соображеніемъ, что невозможно издать общее правило, равно обязательное для всѣхъ общинъ и касающееся способа извлеченія ими доходовъ изъ своихъ имуществъ. Все зависитъ отъ качествъ грунта, отъ протяженія мірскихъ земель и его отношенія къ числу жителей [2]).

Какъ бы въ подтвержденіе сказанному, избранныя власти департамента Нижнихъ Пириней пишутъ, что препятствіемъ къ раздѣлу, которому они лично сочувствуютъ, является слабая производительность земель, состоящихъ въ общемъ пользованіи [3]).

---

[1]) Ibid., стр. 180.
[2]) Ibid., стр. 120.
[3]) Ibid., стр. 197.

Сообщая, что мнѣнія весьма расходятся по вопросу о пользѣ раздѣловъ, окружная директорія Бурмона, въ департаментѣ Верхней Марны, говоритъ, что этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ такъ или иначе, сообразно качеству мірскихъ владѣній и способу прокорма скота въ той или въ другой мѣстности. При раздѣлѣ батракъ пріобрѣтаетъ возможность прокормить корову,— въ этомъ лежитъ его частная выгода; но общій интересъ государства можетъ только пострадать отъ раздѣла. Если при немъ каждому достанется меньше, чѣмъ нужно для прокорма его скота круглый годъ, то лучше сохранить общее пастбище. Разъ мірская пустошь настолько мала, что раздѣлившіе ее въ состояніи будутъ подвергнуть обработкѣ лишь ничтожные участки, напримѣръ въ 12 шаговъ длины и 6 шаговъ ширины каждый, то лучше не дѣлить, а сдать участокъ на 6 или 9 лѣтъ въ аренду въ пользу общины. Прежде чѣмъ дѣлиться, не мѣшаетъ принять во вниманіе, что послѣдствіемъ упраздненія мірскихъ пастбищъ будетъ вздорожаніе шерсти и мяса. Не лучше ли замѣнить раздѣлъ въ собственность—разверсткою мірскихъ земель въ долгосрочное пользованіе; иначе рискуешь тѣмъ, что въ полвѣка всѣ мірскіе участки сосредоточатся въ рукахъ трехъ или четырехъ семей [1]). Сторонники сохраненія мірской собственности, какъ и ея противники, не прочь выдвигать какъ общественные, такъ и государственные мотивы въ пользу или противъ перехода къ частной собственности. При сохраненіи общинныхъ земель, полагаютъ члены окружной директоріи Карантана, люди неимущіе привыкаютъ получать доходъ безъ особыхъ усилій, пользуясь возможностью даромъ посылать свой скотъ на подножный кормъ, а это развиваетъ въ нихъ любовь къ независимости (indépendance) и лѣность [2]). Человѣколюбіе—утверждаютъ съ другой стороны члены директоріи департамента Марны,—ратуетъ за сохраненіе богатыхъ травою пастбищъ въ прежней нераздѣльности. Есть основанія опасаться, при переходѣ къ частной собственности, что черезъ 20 лѣтъ они очутятся во владѣніи наиболѣе зажиточныхъ семей. Батраки же, при невозможности посылать свой скотъ въ общее стадо, принуждены будутъ разстаться и съ своимъ рабочимъ инвентаремъ, и съ землею [3]). Въ противность столь обычной картинѣ полуистребленныхъ мірскихъ лѣсовъ и общихъ пастбищъ, покрытыхъ самой бѣдной растительностью или заросшихъ бурьяномъ и кустарникомъ, мѣст-

---

[1]) Ibid., стр. 152, 153.
[2]) Ibid., стр. 142.
[3]) Ibid., стр. 148, 149.

ныя власти нѣкоторыхъ центральныхъ департаментовъ Франціи, въ томъ числѣ д-та Марны, рисуютъ намъ порядки раціональнаго пользованія общинными угодьями. Лѣса дѣлятся на дачи для годовыхъ рубокъ; одна четвертая часть поступаетъ въ резервъ. Ежегодно происходятъ посадки новыхъ деревьевъ, которыя также поступятъ со временемъ въ періодическую рубку. Одни луга идутъ въ покосъ или, еще чаще, сдаются въ аренду; другіе—служатъ пастбищемъ для общаго стада. Земли, годныя для обработки, поступаютъ въ наемъ, а пустошь остается въ общемъ пользованіи. То, что подлежитъ рубкѣ, дѣлится между всѣми жителями по числу усадьбъ, причемъ различаются полныя и половинныя хозяйства. Къ послѣднимъ относятъ вдовцовъ, вдовицъ и семьи, состоящія изъ малолѣтнихъ мальчиковъ и дѣвочекъ. Когда въ рубку поступаетъ строительный лѣсъ, то онъ дѣлится такимъ же порядкомъ; но при этомъ соблюдается, какъ правило, что лица, нуждающіяся въ постройкѣ дома или въ его ремонтѣ, до раздѣла продуктовъ рубки надѣляются необходимымъ матеріаломъ. Что касается до резерва, составляющаго четвертую часть всей лѣсной площади, то его рубятъ не раньше, какъ каждыя 30 или 40 лѣтъ. Снесенный лѣсъ продается съ публичныхъ торговъ, но лишь послѣ того, какъ выдѣлено будетъ количество, необходимое для постройки и ремонта церквей, дома для священника, колодцевъ и другихъ общественныхъ сооруженій. Вырученныя отъ продажи суммы идутъ на покрытіе долговъ общины. Департаментское правленіе высказывается за такую практику и на будущее время. Лѣса лучше сохраняются при нераздѣльности, — говоритъ оно, — нежели при дробленіи ихъ на мелкіе участки. Общины ревниво охраняютъ исключительное право своихъ уроженцевъ на пользованіе лѣсомъ. Въ однихъ общинахъ новые поселенцы должны ждать два или три года, чтобы получить свою часть въ лѣсныхъ рубкахъ. Въ другихъ—требуютъ отъ пришельцевъ особыхъ вносовъ, извѣстныхъ подъ названіемъ droits de bienvenue. Въ третьихъ — довольствуются тѣмъ, чтобы пришелецъ былъ сыномъ жителя общины или женился на его дочери. Вообще къ участію въ пользованіи мірскимъ лѣсомъ не допускаютъ тѣхъ, кто прожилъ въ общинѣ менѣе года и не несъ ея налоговыхъ тягостей. Съ пользователей дѣлаются вычеты на содержаніе лѣсной администраціи.

За лѣсомъ наиболѣе доходную статью общины составляютъ луга. Они сдаются въ аренду, но подъ условіемъ, что арендаторъ будетъ косить только разъ въ годъ. Въ однихъ мѣстно-

стяхъ договоръ съ нимъ возобновляется каждое лѣто; въ другихъ срокъ найма трехъ-шести-и десятилѣтній. Годныя подъ посѣвъ земли также поступаютъ въ наемъ. Суммы, получаемыя съ арендаторовъ луговъ и пашень, идутъ въ общинную казну и служатъ къ покрытію сельскихъ издержекъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ удержался, впрочемъ, порядокъ прямого пользованія и мірскими сѣнокосами. и мірскими пашнями. Они въ такомъ случаѣ дѣлятся на нѣсколько лѣтъ и поголовно. Особенно часты такіе порядки тамъ, гдѣ не мало ландъ. Многіе изъ получившихъ такіе участки производятъ повторные покосы; такіе же покосы нерѣдки и на протяженіи тѣхъ открытыхъ полей, которыя послѣ уборки поступаютъ подъ общій выпасъ.

Изъ того же источника мы узнаемъ, что нѣсколько общинъ нерѣдко совмѣстно владѣютъ однимъ и тѣмъ же пастбищемъ. Въ этомъ случаѣ между ними часто возникаютъ препирательства ведущія къ судебному процессу. Вызываются они тѣмъ, что травятъ пастбища скотомъ, главнымъ образомъ, близлежащія селенія. Департаментская администрація стоитъ за прекращеніе такой нераздѣльности. Она подаетъ голосъ также за то, чтобы лѣсныя рубки сдаваемы были въ аренду и доходъ отъ нихъ поступалъ въ общинную казну, а пустоши и невоздѣланные участки подвергались окончательному раздѣлу. Что же касается до прочихъ пользованій, то ихъ судьба должна быть рѣшена самими общинами, и притомъ не простымъ большинствомъ ихъ жителей, а двумя третями голосовъ [1]).

Въ департаментѣ Вара, выборныя власти котораго также высказываются за сохраненіе мірскихъ угодій, въ виду того, что на занятыхъ ими земляхъ успѣшное земледѣліе едва ли возможно, продолжаетъ держаться большое разнообразіе въ порядкахъ пользованія. Оно особенно рѣзко выступаетъ, когда рѣчь идетъ о поднятіи нови. Во многихъ общинахъ любой „заимщикъ“ можетъ поднять своимъ плугомъ сколько угодно земли. Размѣръ его пользованія опредѣляется фактической обработкой. На другихъ общинныхъ земляхъ запашка возможна только подъ условіемъ извѣстнаго платежа въ пользу прежняго сеньёра. Этотъ платежъ производится деньгами или продуктами и повторяется изъ года въ годъ, имя ему „dasque“ и champart. Обыкновенно онъ состоитъ въ вычетѣ извѣстной доли изъ урожая всѣхъ хлѣбовъ, кормовыхъ растеній и травъ, разводимыхъ на нови. Есть, наконецъ, общины, въ которыхъ расчистки производятся

---

[1]) Ibid., стр. 146-149.

не иначе, какъ по обсужденіи и въ силу рѣшенія общинныхъ совѣтовъ и съ согласія администраціи водъ и лѣсовъ. Общинные совѣты опредѣляютъ мѣсто производства корчевокъ, распредѣляютъ участки между жителями общины и лицами, владѣющими въ ней недвижимымъ имуществомъ. При этомъ они держатся разъ установленнаго порядка: получившіе землю подъ обработку обязываются платить за нее въ пользу общины деньгами или продуктами. Изъ приведеннаго описанія видно, что предъявляемое противъ мірского владѣнія обвиненіе въ томъ, будто оно препятствуетъ обращенію подъ обработку лежащихъ впустѣ земель, не находило основанія въ дѣйствительности. Указывая на это обстоятельство, мѣстныя власти департамента Вара признаютъ цѣлесообразнымъ сохранить мірскія земли, не приступая ни къ ихъ отчужденію, ни къ раздѣлу [1].

Но и по этому вопросу въ предѣлахъ одного и того же департамента не существуетъ единогласія между его властями: тогда какъ департаментская директорія высказывается противъ раздѣла, совѣтъ департамента, наоборотъ, возлагаетъ на Національное Собраніе надежду, что оно облегчитъ общинамъ возможность выйти изъ нераздѣльности. Вообще при сопоставленіи доводовъ за и противъ сохраненія мірского землевладѣнія, какіе приводятся въ административной перепискѣ 1790-го, 1791-го и 1792-го годовъ, приходишь къ тому заключенію, что утверждаемое въ одномъ мѣстѣ, прямо отрицается въ другомъ, каждый разъ конечно въ связи съ особенностями края, численностью его населенія, количествомъ и качествомъ мірскихъ угодій, спорностью предъявляемыхъ на нихъ правъ, захватомъ или отсутствіемъ захвата ихъ со стороны сосѣднихъ помѣщиковъ и арендаторовъ, расположеніемъ самихъ угодій на горныхъ покатостяхъ или, наоборотъ, въ долинахъ. Повидимому всѣ сходятся въ признаніи, что интересъ батраковъ требуетъ скорѣе раздѣла общинныхъ угодій, чѣмъ ихъ сохраненія. Высказываясь въ этомъ смыслѣ одна изъ общинъ департамента Верхней Соны настаиваетъ на томъ, что пока не послѣдуетъ раздѣла, мірскія угодья всегда будутъ въ пользованіи людей достаточно ловкихъ, чтобы овладѣть ими. Изъ года въ годъ возобновляются несогласія, раздоры и кулачныя расправы, поводъ къ которымъ даетъ присвоеніе этихъ земель. Обработанные участки, расположенные среди нихъ отнимаются на время у ихъ воздѣлывателей и снова возвращаются имъ. Все это мѣшаетъ упроченію правильной культуры. Земли,

---

[1]) Ibid., стр. 296 и 298.

поэтому, почти ничего не производятъ и останутся въ этомъ состояніи до тѣхъ поръ, пока сохранятъ природу общинныхъ земель; но стоитъ только раздѣлить ихъ въ собственность между тѣми, кто нуждается въ нихъ—и тѣ, къ кому онѣ отойдутъ станутъ воздѣлывать ихъ успѣшно, чувствуя себя хозяевами [1]).

Но если таково мнѣніе одной изъ общинъ департамента Верхней Соны, то его избранная администрація держится какъ разъ обратнаго взгляда; и для батраковъ, думаетъ она, раздѣлъ будетъ пагубенъ: онъ послужитъ преддверіемъ къ отчужденію людьми мало состоятельными доставшихся имъ долей и поведетъ къ концентраціи собственности [2]).

Въ департаментѣ Сены и Марны нѣкоторыя селенія, въ томъ числѣ Вендресъ, въ округѣ Мо, также обращаются къ Національному Собранію съ заявленіемъ, что мірскія земли являются для нихъ яблокомъ раздора. Уже восемнадцать лѣтъ тому назадъ произведенъ былъ раздѣлъ части ихъ; но этого раздѣла многіе не хотятъ признавать и требуютъ, чтобы послѣ смерти теперешнихъ пользователей ихъ участки перешли къ дворамъ лицъ, ранѣе другихъ вступившихъ въ бракъ; это, по словамъ просителей, болѣе всего отвѣчало бы справедливости. Община рѣшительно высказывается противъ того, чтобы мірскія земли стали когда-либо наслѣдственными. То соображеніе, что при переходѣ къ собственности возможна будетъ утилизація ихъ подъ пашни, повидимому нисколько не раздѣляется просителями, они, наоборотъ, желали бы возложить на корчевщиковъ извѣстные платежи за поднимаемую ихъ плугомъ землю.

Въ сосѣднемъ департаментѣ Сены и Уазы, наоборотъ, директорія одного изъ округовъ, Корбеля, полагая, что частная собственность создаетъ болѣе прочныя узы съ родиной, стоитъ за раздѣлъ и пускается въ длинныя вычисленія съ цѣлью доказать, что изъ 126 милліоновъ арпановъ, которые имѣются во Франціи, 50 лежатъ впустѣ и могли бы быть съ успѣхомъ обработаны; а такъ какъ во Франціи жителей 25 милліоновъ, то это означало бы, что на каждаго человѣка пришлось бы въ такомъ случаѣ два арпана воздѣлываемой земли [3]). Но въ томъ же департаментѣ оказываются и сторонники нераздѣльности. Одинъ изъ нихъ въ обращеніи къ Національному Собранію пишетъ: „мною, какъ я полагаю, вполнѣ доказано, что общинныя земли недѣлимы и не могутъ подлежать раздѣлу, ибо то, что обще всѣмъ, не

[1]) Ibid., стр. 219.
[2]) Ibid., стр. 217.
[3]) Ibid., стр. 232, 234, 235.

принадлежитъ никому. Я также увѣренъ въ томъ, что сохраненіе ихъ—въ интересахъ общаго блага, такъ какъ они служатъ поддержкой для земледѣлія и составляютъ священное достояніе бѣдныхъ; человѣчность требуетъ, поэтому, ихъ сохраненія". Въ томъ же департаментѣ директорія округа Бурдана пишетъ, 16-го декабря 1791-го года, что обычное заявленіе, будто раздѣлъ мірскихъ земель выгоденъ для лицъ невладѣющихъ землею (батраковъ), не имѣетъ серьезнаго основанія. Правда, временно они окажутся владѣльцами, но неотложная нужда заставитъ ихъ, какъ это бывало во всѣ времена, обратиться къ отчужденію. Земли эти уйдутъ изъ ихъ рукъ къ людямъ болѣе состоятельнымъ. Члены названной директоріи сомнѣваются даже въ томъ, чтобы замѣна пастбищнаго пользованія пахотью представляла большую выгоду [1]). Въ этомъ отношеніи они сходятся съ мнѣніемъ директоріи департамента Іонны, полагающей что слѣдовало бы не поощрять корчеваніе, а наоборотъ, сократить площадь земель, состоящихъ подъ посѣвомъ [2]).

Въ противность тѣмъ, кто поддерживаетъ требованіе раздѣла ссылкой на жалкое состояніе мірскихъ земель, мѣстныя власти Гурнэ, въ департаментѣ Нижней Сены, настаиваютъ на томъ, что ими являются тучныя пастбища, что молочный скотъ, питаемый ихъ травою, доставляетъ лучшее масло и т. п. Угодій такъ много, что на каждый дворъ приходится не менѣе трехъ арпановъ, надо сохранить за мірскими землями прежнее назначеніе, а не подвергать ихъ раздѣлу [3]).

Все чаще и чаще департаментскіе совѣты и директоріи признаютъ невозможнымъ изданіе общаго закона, примѣнимаго ко всѣмъ мірскимъ землямъ королевства. Условія неодинаковы—пишутъ члены избраннаго совѣта департамента Вогезовъ,—въ гористыхъ мѣстностяхъ и въ такихъ, которыя расположены въ равнинѣ. Въ первыхъ раздѣлъ является совершенно нежелательнымъ; иное дѣло—во вторыхъ [4]).

Но и изъ общинъ, расположенныхъ на ровной мѣстности и притомъ въ близкомъ разстояніи отъ столицы, раздаются голоса въ пользу сохраненія мірскихъ пользованій. Они приносятъ большую пользу жителямъ общинъ, по мнѣнію окружного управленія Монфоръ-Ламори, расположеннаго въ теперешнемъ округѣ Рамбулье. Большая часть жителей владѣетъ здѣсь небольшими

[1]) Ibid., стр. 241.
[2]) Ibid., стр. 322 и 323.
[3]) Ibid., стр. 278.
[4]) Ibid., стр. 312 и 313.

участками и нуждаются въ общинныхъ угодіяхъ для посылки своего скота; раздѣлъ отнялъ бы у бѣднѣйшихъ эту возможность [1]). Окружныя директоріи Версаля, Манта, Этампа, также стоятъ за сохраненіе мірской собственности. Они не желали бы подвергнуть раздѣлу даже болота, лѣса и ланды или пустоши. Осушеніе мѣстности легче произвести при сохраненіи общинныхъ порядковъ—полагаетъ директорія Манта. Мелкіе собственники могутъ разойтись между собою въ желаніи осушить болота: одни пойдутъ на производство необходимыхъ издержекъ, другіе воздержатся отъ нихъ, тогда какъ при нераздѣльности всѣ должны подчиниться разъ принятому рѣшенію [2]).

Что касается до Парижа, то самъ онъ, по мнѣнію департамента доменовъ и финансовъ, не заинтересованъ въ этомъ вопросѣ; тѣмъ не менѣе его директорія въ донесеніи отъ 7-го декабря 1791-го года подаетъ свой голосъ въ пользу сохраненія мірской собственности. Раздѣлъ, пишетъ она, могъ бы совершиться только съ большимъ трудомъ, такъ какъ ему не сочувствуютъ сельскіе приходы, вообще привязанные къ этому виду собственности; да и частныя лица нашли бы въ этомъ раздѣлѣ малую выгоду для себя. Желательно, чтобы общинныя имущества остались не только недѣлимыми, но и неотчуждаемыми, кромѣ случаевъ крайней необходимости [3]).

Избранныя власти Парижа выразили мнѣніе болѣе радикальной части населенія, а оно, какъ видно изъ сказаннаго, было неблагопріятно упраздненію мірской собственности.

Что же, спрашивается, побудило Конвентъ, также выражавшій собою радикальныя теченія,—остановиться на противоположномъ мнѣніи? Въ качествѣ догадки мы позволимъ себѣ привести слѣдующія соображенія, подкрѣпляя ихъ нѣкоторыми данными, почерпнутыми изъ административной переписки 1790-го, 1791-го и 1792-го годовъ.

Рядомъ съ проектами раздѣла общинныхъ земель довольно рано стали появляться предложенія объявить ихъ національною собственностью. Въ этомъ смыслѣ высказалась директорія округа Руана въ Нормандіи. Она выразила желаніе, чтобы Національное Собраніе издало законъ, объявляющій общинныя земли достояніемъ націи. Какъ таковыя, онѣ должны были поступить въ продажу съ публичныхъ торговъ; вырученныя деньги пошли бы на покрытіе государственныхъ издержекъ, общинамъ обезпечено

[1]) Ibid., стр. 246.
[2]) Ibid., стр. 249, 246, 242, 243, 244, 245.
[3]) Ibid., стр. 222, 223 и 224.

было бы только поступленіе четырехпроцентной ренты съ цѣны, вырученной отъ продажи мірскихъ земель. То же предложеніе сдѣлано было округомъ Монвилье, того же департамента Нижней Сены. Другіе округа, наоборотъ, поспѣшили высказаться: одни, какъ Гурнэ, за раздѣлъ между одними мелкими держателями, владѣльцами хижинъ (mazures); другіе, какъ Кодебекъ, за раздѣлъ на общихъ условіяхъ. Въ декабрѣ 1791-го года директорія департамента Нижней Сены, устранивъ предложеніе раздѣла, объявила себя за продажу мірскихъ земель съ публичныхъ торговъ [1]).

Съ тѣхъ поръ какъ надъ общинами повисла угроза, что мірскія земли будутъ у нихъ отобраны въ пользу націи, возникло новое побужденіе произвести раздѣлъ ихъ въ собственность между жителями. Въ теченіе 1792 г. поступающіе въ комитетъ земледѣлія письменные доклады отъ департаментскихъ директорій почти всѣ занимаются вопросомъ о томъ, на какихъ началахъ произвести раздѣлъ. Всѣ болѣе или менѣе сходятся въ томъ, что къ нему могутъ быть допущены только уроженцы общины [2]). Но какъ дѣлить между уроженцами, поголовно или пропорціонально суммѣ платимыхъ каждымъ дворомъ прямыхъ податей? На этотъ счетъ мнѣнія расходятся, но не настолько, чтобы нельзя было отмѣтить преобладающаго теченія, благопріятнаго поголовной разверсткѣ, когда предстоитъ дѣлить пустоши, и пропорціональной налоговымъ платежамъ, когда рѣчь заходитъ о пастбищахъ. Лѣса предполагается оставить въ нераздѣльности. Такимъ образомъ, полагаетъ большинство, можно одновременно достигнуть и надѣленія неимущихъ землею въ достаточномъ количествѣ, и обезпеченія земледѣльческимъ семьямъ возможности прокорма своего скота.

Конвенту предстоялъ выборъ между двумя схемами: націонализаціи мірскихъ земель, которой требовало меньшинство, или раздѣла ихъ на вышеуказанныхъ условіяхъ въ собственность между жителями общины. Громадное большинство округовъ и департаментовъ высказывалось въ этомъ послѣднемъ смыслѣ. Конвентъ сталъ на сторону большинства. Декретъ 10 іюня 1793-го года гласитъ: всѣ земли, принадлежащія общинамъ, какова бы ни была ихъ природа, подлежатъ раздѣлу, если онъ возможенъ. Эта оговорка, очевидно, имѣетъ въ виду тѣ случаи, когда отъ дѣлежа получились бы слишкомъ ничтожные участки. Общинные лѣса изъяты изъ числа дѣлимыхъ имуществъ. Если

---

[1]) Ibid., стр. 255, 256, 257 и 263.

[2]) См., напр., письменный докладъ директоріи округа Бельэ въ департаментѣ Энъ. Ibid., стр. 8.

тѣ или другія земли общины покрыты водою, раздѣлы должны послѣдовать послѣ осушки [1]). Изъ двухъ способовъ производства раздѣловъ, поголовнаго или пропорціональнаго обложенію, Конвентъ останавливается на первомъ. Такой раздѣлъ отвѣчаетъ запросу обдѣленныхъ землею батраковъ и разсчитанъ на скорѣйшее расширеніе площади посѣвовъ и луговъ. Статья первая секціи второй декрета гласитъ: раздѣлъ общинныхъ земель будетъ сдѣланъ поголовно между всѣми членами общины, имѣющими постоянное мѣстожительство, независимо отъ ихъ пола, независимо также отъ того, находятся ли они въ общинѣ или внѣ ея предѣловъ въ моментъ раздѣла. Земельные собственники, неживущіе въ общинѣ, не будутъ имѣть права участвовать въ раздѣлѣ. Участки, доставшіеся въ силу раздѣла, поступаютъ въ полную собственность [2]). Конвентъ принимаетъ во вниманіе тѣ опасенія, какія высказываемы были раньше общинными, окружными и департаментскими властями, насчетъ того, что бѣднѣйшее населеніе не въ состояніи будетъ удержать въ своихъ рукахъ доставшіеся ему по раздѣлу участки. Чтобы предупредить возможность концентраціи собственности, онъ запрещаетъ отчужденіе въ теченіе ближайшихъ десяти лѣтъ земель, перешедшихъ въ частную собственность по раздѣлу. Съ тою же цѣлью онъ объявляетъ, что эти участки не подлежатъ отчужденію за долги, даже въ томъ случаѣ, если послѣдніе заключены были до изданія закона [3]).

Декретъ 1793-го года считаетъ установленный имъ порядокъ раздѣла угодій обязательнымъ и для тѣхъ общинъ, у которыхъ имѣются особые обычаи, регулирующіе порядокъ разверстки. Всѣ эти обычаи признаются не имѣющими дальнѣйшей силы и значенія [4]).

Новый законъ отмѣняетъ всѣ предшествовавшіе ему порядки, а потому и ту систему тріажа или раздѣла лѣсныхъ и полевыхъ угодій, сеньёромъ съ крестьянами, какой предписанъ былъ въ послѣдній разъ закономъ 1669 г. Эти порядки были отмѣнены еще Учредительнымъ Собраніемъ 15 марта 1790 г. Конвентъ подкрѣпляетъ силу изданнаго Собраніемъ декрета. Хотя прежній сеньёръ и попадаетъ въ категорію постоянныхъ поселенцевъ общины, но, какъ лицо, ранѣе выдѣлившее свою часть изъ мірскихъ угодій, онъ исключается Конвентомъ изъ числа участниковъ въ раздѣлѣ общинныхъ земель [5]).

[1]) Ibid., стр. 728, секція 1-я, статьи 3, 4, 8.
[2]) Ibid., секція 2-я, статьи 1, 2 и 12.
[3]) Ibid., секція 2-я, статья 16.
[4]) Ibid., секція 2-я, статья 15.
[5]) Ibid., секція 2-я статья 11 и 10.

Мы видѣли, что изъ многихъ департаментовъ Комитетъ Земледѣлія и Національное Собраніе получили совѣтъ не принимать принудительныхъ мѣръ, а предоставить каждой общинѣ высказаться въ полной свободѣ за или противъ раздѣловъ. Конвентъ и въ этомъ отношеніи слѣдуетъ мѣстнымъ указаніямъ. Статья первая третьей секціи декрета объявляетъ, что раздѣлъ общинныхъ земель будетъ факультативнымъ.

Въ то же время законодатели Франціи не скрываютъ своего сочувствія переходу отъ совмѣстнаго владѣнія къ частной собственности, объявляя, что для производства раздѣла достаточно трети голосовъ всѣхъ тѣхъ гражданъ, которые имѣютъ право участія въ немъ [1]). Это наиболѣе революціонная изъ всѣхъ мѣръ, которыя были приняты Конвентомъ для упраздненія мірской собственности. Но что она сравнительно съ рѣшеніемъ русскихъ законодательныхъ палатъ, гласящимъ, что общины, никогда непроизводившія общихъ передѣловъ, считаются перешедшими къ частному землевладѣнію? Вся невѣроятность такого рѣшенія, его рѣзкое противорѣчіе съ элементарными требованіями гражданской свободы, бросается въ глаза, если мы примемъ во вниманіе, что частными передѣлами, такъ называемой „свалкой“ и „навалкой“ тяглъ, многія русскія селенія достигали того же равненія долей, какое преслѣдуетъ система періодическихъ передѣловъ.

Конвентъ обнаружилъ также готовность признать порядки совмѣстнаго пользованія нѣсколькихъ селеній, разъ будетъ доказано, что такое пользованіе существуетъ больше тридцати лѣтъ. Земли, отвѣчающія подобнымъ условіямъ, подлежатъ или не подлежатъ раздѣлу, смотря по тому, какъ на этотъ счетъ выскажутся общія собранія селеній, заинтересованныхъ въ раздѣлѣ. Другими словами—и къ нимъ примѣняется правило, что трети голосовъ достаточно, чтобы сдѣлать разверстку обязательной.

Изъ соціальнаго законодательства Конвента рѣдкая мѣра привлекала болѣе частыя и, въ общемъ, справедливыя нареканія, чѣмъ только что разсмотрѣнный декретъ. Эти нападки были вызваны тою его статьей, которая нарушала общій принципъ демократическихъ правительствъ — принципъ владычества большинства. Хотя такимъ образомъ судьба общинныхъ земель во Франціи была какъ бы предрѣшена, онѣ тѣмъ не менѣе удержались во многихъ частяхъ страны и по настоящій день, гдѣ—въ прежнемъ видѣ, предполагающемъ реальное пользованіе угодьями со сто-

---

[1]) Ibid., статьи 7 и 9 секціи 3-й.

роны мѣстнаго населенія, гдѣ — въ формѣ нераздѣльнаго достоянія общины, эксплуатируемаго ею обыкновенно при содѣйствіи арендаторовъ или фермеровъ. Это такъ называемыя муниципальныя земли (biens des communes). На возможность и пользу перевода мірскихъ земель въ категорію муниципальныхъ указываемо было, какъ мы видѣли, еще въ 1790 и въ слѣдующихъ годахъ членами окружныхъ и департаментскихъ директорій. Эволюція мірской собственности до нѣкоторой степени воспослѣдовала въ указанномъ ими направленіи.

Конвентъ расчитывалъ своимъ декретомъ обезпечить полное торжество началу частной собственности. Съ тѣхъ поръ прошло 117 лѣтъ—и мірское землевладѣніе далеко не является вполнѣ упраздненнымъ. Не позволяетъ ли намъ это обстоятельство отнестись съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ къ пророчеству, высказанному съ трибуны Государственнаго Совѣта главою правительства, что на разстояніи немногихъ десятковъ лѣтъ объ общинномъ землевладѣніи въ Россіи не будетъ болѣе и рѣчи?

Максимъ Ковалевскій.

УЗУРПАТОРЪ

Романъ Уильяма Дж. Лока.

XIX *).

Бонни сидѣлъ въ своемъ любимомъ уголкѣ, за рододендронами. Онъ только-что пришелъ туда, напившись полдничнаго чаю, который ему подали одному, въ гостиной. Здѣсь былъ единственный тѣнистый уголокъ въ саду, залитомъ яркимъ солнцемъ. Въ воздухѣ висѣлъ удушливый, гнетущій зной, какъ это часто бываетъ въ концѣ ряда погожихъ, ясныхъ дней, на смѣну которымъ идетъ гроза. Акація позади кресла, высокіе вязы у стѣны словно застыли: ни одинъ листикъ не шевелился. Измученное лихорадкой тѣло больного радовалось теплу, но въ то же время жара какъ-то странно разслабляла его. Онъ съ утра въ этотъ день чувствовалъ себя неважно, и только настойчивое требованіе его, чтобы лэди Алиція поѣхала и развлеклась, не оставаясь дома изъ-за него, заставило ее послѣ завтрака поѣхать въ гости къ сосѣдямъ, на садовый праздникъ. На маленькомъ столикѣ рядомъ лежали небольшой бюваръ и карандашъ; на начатомъ листкѣ было набросано нѣсколько стиховъ. Подъ ногами у Бонни лежалъ коверъ, который въ каждое солнечное утро торжественно разстилалъ здѣсь лакей. На колѣняхъ у него спалъ фоксъ-терьеръ Алиціи, подпирая спиною книгу, которую Бонни было лѣнь читать.

Зной точно поднимался отъ земли и окутывалъ Бонни, повергая его въ томно-блаженное состояніе. Въ сущности, судьба

*) См. іюль, стр. 205.

все-таки милостива къ нему. Теперь, когда онъ убѣдился, что нелѣпо было съ его стороны воображать, будто Джасперъ влюбленъ въ Алицію, онъ доказывалъ себѣ, что онъ—счастливѣйшій человѣкъ въ мірѣ. Откинувшись на спинку кресла, онъ смотрѣлъ вверхъ, на небо, и въ головѣ его звенѣли риѳмы. Со времени своего возвращенія онъ еще ни разу не писалъ стиховъ для Алиціи. Сегодня какъ разъ подходящій день для лѣнивыхъ грезъ. Риѳмы сами собой складывались въ тріолеты деревенской пѣсенки, съ періодически повторяющимся припѣвомъ, который заканчивался каждый разъ одной и тою же строчкой: „Долина Авильона".

Этотъ припѣвъ преслѣдовалъ его, и онъ началъ складывать тріолеты, для которыхъ годился бы этотъ припѣвъ. Первый тріолетъ звучалъ такъ музыкально, и самая идея маленькой поэмы такъ нравилась Бонни, что онъ уже старательно началъ подбирать дальнѣйшія строки. Откинувшись на спинку кресла, съ закрытыми глазами, онъ шевелилъ губами въ тактъ риѳмованнымъ строкамъ. Восхитительно было плести это изящное кружево поэзіи, пропитанной всѣми благоуханіями, исходящими отъ Алиціи, чистой и нѣжной, какъ она сама. Это будетъ шедевромъ въ своемъ родѣ. И вечеромъ онъ подаритъ ей эти стихи...

. . . . . .

„Вернешься легкою стопой
Въ долину Авильона..."

вполголоса декламировалъ Бонни.

Неожиданно фоксъ-терьеръ, лежавшій на его колѣняхъ, забарахтался, усиливаясь встать на ноги, соскочилъ на землю и замеръ на мѣстѣ, съ поднятой на воздухъ лапкой, заливаясь оглушительнымъ лаемъ. Бонни вздрогнулъ, неожиданно вернувшись изъ долины Авильона въ обыденный міръ, инстинктивно выбранилъ собачку и затѣмъ обратилъ взоръ свой въ ту сторону, куда смотрѣла она.

Онъ выпрямился въ креслѣ, держась руками за ручки его, изумленный и растерянный. Сердце его колотилось, какъ бѣшеное. Передъ нимъ стояла Витторія. Она только-что вошла черезъ калитку въ буксовой изгороди и стояла на дорожкѣ, усыпанной гравіемъ, не сводя съ него своихъ темныхъ бархатныхъ глазъ. На ней было черное платье и прежняя ея черная матросская шапочка. Волосы ея были растрепаны, башмаки и платье въ пыли, лицо измученное, загорѣлое, съ размазанными по немъ полосами пыли и грязи. Воротъ платья ея былъ разстегнутъ; въ

рукѣ она сжимала какой-то мокрый черный комочекъ, нѣкогда представлявшій собою пару перчатокъ. Видъ у нея былъ усталый, измученный, словно послѣ долгаго пути, но въ глазахъ свѣтилась рѣшимость отчаянія. Тѣмъ не менѣе она держалась прямо, какъ всегда, грудью впередъ, въ гордомъ сознаніи расцвѣта своей красоты. Солнце немилосердно жгло ей лицо. Она неожиданно наткнулась на Бонни и на минуту растерялась. Потомъ овладѣла собой и пошла черезъ лужайку, прямо къ его креслу.

— Bon Ami!—выговорила она жалобно.

Ошеломленный, онъ едва могъ выговорить:

— Боже мой! Вы ли это? Что̀ вы здѣсь дѣлаете?

— Я вошла тѣмъ ходомъ, черезъ который ходятъ торговцы—не черезъ большія ворота,—сказала она голосомъ, слегка хриплымъ отъ волненія.—Я заблудилась; отворила эту калитку и увидала васъ спящимъ. Тутъ залаяла собака и разбудила васъ.

— Уходите лучше обратно и дѣлайте то, за чѣмъ вы пришли. Намъ разговаривать не о чемъ.

Онъ все еще не могъ оправиться отъ неожиданнаго появленія этой запыленной ненавистной ему юной богини; не могъ объяснить себѣ ея прихода; смутно соображалъ, что для нея настали тяжелые дни, и она разыскиваетъ Джаспера-филантропа, въ надеждѣ получить отъ него пособіе.

— Я пришла просить у васъ позволенія повидаться и поговорить съ вами. Bon Ami,—смиренно пояснила она.—На одну минутку. Я всю дорогу шла пѣшкомъ изъ Лондона, чтобъ повидаться съ вами.

— Со мной?

— Что же другое могло привести меня сюда?

— И ради этого вы шли пѣшкомъ изъ Лондона, семьдесятъ миль? Но зачѣмъ же было идти пѣшкомъ? Есть желѣзная дорога.

— Я ушла изъ дому — изъ отеля Бомбони — третьяго дня ночью. По дорогѣ вспомнила, что забыла кошелекъ, но вернуться боялась — они могли услыхать и не пустить меня. У меня не было денегъ купить билетъ по желѣзной дорогѣ. Я и пошла пѣшкомъ.

— Присядьте. Вы, должно быть, устали, — холодно пригласилъ Бонни, указывая на стулъ, на которомъ обыкновенно сидѣла Алиція.

У нея вырвалось съ страстнымъ жестомъ:

— Я пошла бы пѣшкомъ на другой конецъ свѣта, лишь бы найти васъ, Bon Ami! Я не устала. Мнѣ нужно отъ васъ только доброе слово, Bon Ami.

Она нагнулась впередъ, робко положила свою руку на ручку его кресла и заглянула ему въ лицо.

— Какъ вы измѣнились, Bon Ami! Какъ вы нехорошо выглядите. О, это ужасно!

Голосъ ея оборвался рыданіемъ. Нервы не выдержали. Она кинулась ничкомъ на зеленый холмикъ дерна, окаймлявшій клумбу съ рододендронами, и заплакала, закрывая руками лицо.

— Это я довела васъ до этого—убила васъ—я недостойна жить—лучше бы я умерла!

Эти несвязные выкрики плачущей женщины, мучимой угрызеніями совѣсти, достигли, наконецъ, до слуха Бонни, и снова въ сердцѣ его закипѣла злоба. Онъ гнѣвно повернулся къ ней.

— Какое право вы имѣли явиться сюда? Я надѣялся, что никогда больше не увижу васъ. Вы видѣли, что я дуракъ, играли мною, а когда игра вамъ надоѣла, вернулись назадъ въ свой вертепъ и бросили меня. Вы все у меня взяли и швырнули мнѣ въ лицо. Какъ вы смѣете преслѣдовать меня и здѣсь? Какъ смѣете разговаривать со мной? Достаточно вы издѣвались надо мною. Я не желаю этого больше!

Онъ поднялся съ кресла, морщась отъ боли, нагнулся къ ней, скорчившейся на землѣ, и бросилъ ей на колѣни золотой.

— Вотъ деньги, для покупки чего-нибудь поѣсть въ деревнѣ и на обратный путь. Если желаете, можете считать это займомъ. Можете вернуть мнѣ эти деньги. Наконецъ, можете остаться здѣсь и отдохнуть. Мнѣ больше не о чемъ съ вами разговаривать. Прощайте.

Онъ круто повернулся и пошелъ, шатаясь отъ необычной торопливости. Но не сдѣлалъ онъ и трехъ шаговъ, какъ Витторія была уже передъ нимъ и руки ея ложились на его плечи.

— Не уходите, Bon Ami. Ради Бога, не уходите. Выслушайте меня. Одну минуту!

Въ страстномъ желаніи удержать его, она изо всѣхъ силъ давила его плечи.

Онъ шатался, какъ тростинка, подъ напоромъ этой юной силы, весь побѣлѣлъ, застоналъ... Тогда она наполовину поняла и выпустила его. Прижимая руки къ больному боку, онъ кое-какъ доплелся до кресла и упалъ въ него почти безъ чувствъ. Перепуганная она кинулась передъ нимъ на колѣни.

— Santa Madonna mia, что я надѣлала!

Видя, какъ онъ поблѣднѣлъ, она стала искать чего-нибудь, что могло бы замѣнить вѣеръ, и не найдя ничего лучшаго, сняла

съ себя шляпу. Черные волосы ея, распустившись, упали толстымъ жгутомъ ей на шею. Бонни отстранилъ ее.

— Это ничего,—пролепеталъ онъ.—Я раненъ въ грудь—навылетъ—и рана еще на зажила. Съ калѣками надо обращаться осторожнѣе. Вы не виноваты. Вы не знали. Мнѣ уже лучше—только болитъ чертовски.

Не вставая съ колѣнъ, она потянулась къ другому стулу за подушкой, и подложила ее подъ голову раненому. Онъ кивкомъ головы поблагодарилъ ее.

— Не безпокойтесь,—выговорилъ онъ.—Мнѣ нужно только отдохнуть немного. Еслибъ вы ушли...

— Не отсылайте меня, Bon Ami!—взмолилась она.—Не прогоняйте меня безъ слова прощенія.

— Я вѣдь ужъ сказалъ, что вы не виноваты. Да ничего особеннаго и не случилось...

— О! не за это. За другое. За все, Bon Ami. О, не смотрите на меня такими глазами. Я знаю, что заставила васъ много страдать; но вѣдь и я все время горѣла, какъ въ адскомъ огнѣ. Право, Bon Ami. Я сама не знаю, зачѣмъ я пришла сюда. Я была какъ сумасшедшая. Мнѣ казалось, что если я хоть разъ увижу васъ и попрошу у васъ прощенія, больше мнѣ ничего и не надо.

Онъ, содрогаясь, отдернулъ руку, которой она коснулась. Омерзительныя ассоціаціи мыслей дѣлали ее нечистой.

— Есть случаи, когда нельзя простить,—выговорилъ онъ сквозь зубы. Ступайте обратно къ избранному вами супругу и оставьте меня.

— Но у меня нѣтъ супруга, Bon Ami. Я чистая дѣвушка, и я любила васъ, любила васъ, все время любила!—страстно выкрикивала она.

Бонни провелъ рукой по лбу, растерянно озираясь вокругъ, какъ затравленный звѣрь. Витторія поняла, что преимущество на ея сторонѣ, и глаза ея вспыхнули страстью.

— Я ненавидѣла его, презирала его. Боже мой, Bon Ami, неужели вы думаете, что мнѣ онъ не казался презрѣннымъ. Меня пытались выдать за него насильно. Дядюшка Антонелли былъ въ его рукахъ: онъ задолжалъ ему, и у Джузеппе были документы, которыми онъ могъ въ конецъ погубить дядю; эти документы онъ угрожалъ передать неаполитанской Маффіи, если я не выйду за него замужъ. А Маффія послала бы агента убить дядю Антонелли. Вы не знаете, что такое итальянскія тайныя общества. Того и гляди, явится въ отель Бомбони неа-

политанецъ, съ рекомендательнымъ письмомъ. Какъ не принять его? Усядутся съ дядюшкой играть въ домино въ задней гостиной, пока Джузеппе караулитъ у дверей. А тамъ вдругъ, глядишь, гость уже всадилъ ножъ въ сердце дядюшки Антонелли. Джузеппе выведетъ его заднимъ ходомъ, а потомъ войдетъ изъ залы, найдетъ дядюшку мертвымъ и позоветъ полицію. — О! для нихъ это такъ же просто, какъ выпить стаканъ вина... Мнѣ ничего другого не оставалось, какъ согласиться. Но слова своего я не намѣрена была сдержать—о нѣтъ! Этого бы я не сдѣлала... Когда вы уѣхали, я оттягивала, сколько могла. Потомъ насъ таки обручили и подписали свадебный контрактъ. Джузеппе вернулъ дядюшкѣ компрометировавшія его бумаги. Такихъ договоровъ у насъ не нарушаютъ. На вчерашній день назначена была свадьба. Джузеппе простилъ бы дядюшкѣ долгъ и сдѣлался бы его главнымъ компаньономъ. Джузеппе купилъ мнѣ свадебный нарядъ, такъ какъ сама покупать его я не хотѣла. Настала ночь наканунѣ свадьбы. На другой день, черезъ нѣсколько часовъ, я должна была стать его женой. О, какой ужасъ, Bon Ami! Я вся дрожала въ постели, при одной мысли объ этомъ. Потомъ вдругъ вскочила, кое-какъ одѣлась, тихонечко, на цыпочкахъ, спустилась съ лѣстницы — а потомъ, когда очутилась на улицѣ, пустилась бѣжать. И такъ я шла всю ночь и весь вчерашній день, съ одной только мыслью въ головѣ: только бы увидать васъ, а тамъ—будь, что будетъ. И вотъ мы свидѣлись съ вами, Bon Ami, и вы должны простить меня.

Ея разсказъ былъ полонъ драматизма, итальянской живости и красочности рѣчи, выразительныхъ жестовъ; гибкій голосъ ея поминутно мѣнялъ интонацію. Этотъ разсказъ былъ такъ реалистиченъ, что Бонни ни на минуту не усомнился въ его правдивости. Въ немъ оживали забытыя эмоціи. Онъ усиленно боролся съ ними.

— Вы заставили меня выстрадать больше, чѣмъ когда-либо женщина заставляла страдать мужчину.

Витторія присѣла на корточки и печально глядѣла на него.

— Я знаю. Я разбила вашу жизнь, вы стали совсѣмъ другимъ. Лицо у васъ стало серьезное, суровое, и глаза уже не смѣются, и голосъ утратилъ звучность. Но неужели же вамъ никогда не приходило въ голову, что, можетъ-быть, и я люблю васъ? Кажется, я это достаточно часто показывала. Правда, не всегда, но иначе я не могла.

— У насъ, въ Англіи, есть на этотъ счетъ довольно скверный стишокъ—насчетъ лицемѣрія въ любви,—иронически усмѣх-

нулся Бонни.—Зачѣмъ же вы сбросили меня съ седьмого неба, когда я вамъ предложилъ лучшее, что̀ могъ предложить — если вы меня любили?

Она выразительно пожала плечами: характерный итальянскій жестъ.

— Я тогда сказала это въ шутку, Bon Ami. Это было наполовину правдой. Но только настоящей правдой это бы не стало. Я бы не допустила этого. Я звала васъ, просила васъ вернуться, чтобы сказать вамъ это. Но вы ушли, не стали слушать. Выскочили за дверь... Я думала—вы вернетесь. Всю ночь не ложилась. Но вы и на другой день не пришли—и на третій день. Тогда я испугалась и пошла къ вамъ на домъ. Мнѣ сказали, что вы пошли въ солдаты и не оставили адреса. Но я вѣдь сказала это въ шутку.

— Въ шутку? Неужели вы не понимали, что такимъ ужасомъ нельзя шутить, Витторія?

Онъ не могъ даже уяснить себѣ ея точки зрѣнія, такъ онъ былъ далекъ отъ нея. Непроходимыя дебри глубоко различныхъ духовныхъ и соціальныхъ инстинктовъ раздѣляли ихъ.

— Мнѣ хотѣлось помучить васъ. Мнѣ нравилось, когда вы сердились. Я больше всего любила васъ, когда глаза ваши сверкали гнѣвомъ.

Разговоръ, наконецъ, наладился, сталъ на рельсы. Дѣвушка сидѣла теперь на травѣ, опираясь на руку, и въ другой рукѣ держа шляпу, которой она обмахивалась, какъ вѣеромъ. Бонни не отвѣчалъ. Изъ отвратительныхъ, безформенныхъ обломковъ онъ силился возсоздать образъ женщины. Витторія бросила шляпу и взяла съ низенькаго столика носовой платокъ.

— Можно? Мой ужъ никуда больше не годится.

Бонни кивнулъ головой. Она отвернула лицо, спрятала его въ прохладномъ, чистомъ полотнѣ, усердно стирая пыль и, использовавъ насколько возможно платокъ, сунула его въ карманъ. Потомъ закинула руки за голову, вынимая шпильки, которыя она клала въ ротъ, разсыпала по плечамъ волны своихъ дивныхъ волосъ и ловко, проворными пальчиками, принялась укладывать ихъ на головѣ въ довольно аккуратную прическу. Бонни смотрѣлъ на нее, какъ очарованный. Быстрыя движенія ея поднятыхъ рукъ обрисовывали гибкія линіи ея молодого, цвѣтущаго тѣла; когда она закинула голову назадъ, въ растегнутый воротъ видна была упругая, полная шея. На щекахъ ея вновь выступилъ румянецъ; глаза снова стали мягкими, бархатными. Несмотря на слѣды усталости и дороги, не вполнѣ стертые съ

лица, она опять сіяла своею яркой, южной красотой. Когда она вколола послѣднюю шпильку въ волосы и осторожнымъ женскимъ прикосновеніемъ убѣдилась, что волосы, лежатъ хорошо, она застѣнчиво подняла свои стрѣльчатыя темныя рѣсницы.

— Ну что, я попрежнему, senza errore, напоминаю картину безупречнаго мастера?

У него духъ захватило отъ этой поразительной самоувѣренности. И невольно, не подумавши, онъ воскликнулъ:

— Клянусь небомъ, да!

— А! Вотъ теперь и вы опять стали похожи на того Bon Ami, котораго я любила!—радостно вскричала она.

Онъ перемѣнилъ позу въ креслѣ.

— Не вижу, куда все это можетъ привести насъ, Витторія,—началъ онъ.—Что̀ было, того ужъ не будетъ, и не можетъ быть. Вы это знаете не хуже меня. Но вы неспособны понять, что шутка для васъ была смертью для меня.

— Я понимаю. Я столько ночей думала надъ этимъ, столько слезъ пролила. Я всѣ глаза себѣ выплакала: удивляюсь, какъ это они еще блестятъ. Этого вы не понимаете. То, что казалось вамъ такимъ ужаснымъ, не казалось такимъ ужаснымъ мнѣ, потому что оно входило въ составъ моей повседневной жизни. Я не собиралась взаправду выйти замужъ за Джузеппе, но весь Неаполь, всѣ мои тамошнія подруги считали меня его невѣстой. А вѣдь я жила тамъ одною съ ними жизнью, Bon Ami. Помните, я вамъ говорила, что во мнѣ два человѣка. Но я любила васъ, Bon Ami, всѣмъ сердцемъ и всей душой,—и боялась признаться вамъ въ этомъ. Я столько натерпѣлась изъ-за васъ. Всякій разъ послѣ вашего ухода, или послѣ того, какъ мы гуляли съ вами, у насъ выходили ссоры; дядя Антонелли пытался даже бить меня, но я вырывала палку у него изъ рукъ—я, вѣдь, сильная Bon Ami—и, еслибъ онъ только коснулся меня, я бы убила его. Потомъ они отправили меня въ Неаполь, чтобъ разлучить съ вами, Bon Ami; но мнѣ было все равно—я знала, что вы меня любите. А когда вы пришли въ тотъ вечеръ и просили меня выйти за васъ—я была такъ счастлива, что даже Маффіи ни чуточки не боялась. А потомъ, точно бѣсъ въ меня вселился, и я сказала себѣ: „А ну-ка, дай-ка я посержу его!“ Я такъ любила васъ дразнить; бѣдной простенькой дѣвушкѣ было такъ удивительно, что она однимъ словомъ можетъ вывести изъ себя такого человѣка, какъ вы, Bon Ami. И кромѣ того, мнѣ хотѣлось сказать вамъ про Джузеппе, и...—о, Bon Ami, милый, милый Bon Ami, я и сама не знаю, зачѣмъ я такъ сказала.

Вѣдь меня всю трясло, я сгарала отъ любви къ вамъ. Еслибъ вы тогда вернулись, я закинула бы вамъ руки на шею и, всѣмъ на зло, ушла бы съ вами сейчасъ же—на улицу, хоть на край свѣта!

Она продолжала говорить. Бонни, съ неподвижнымъ лицомъ и мучительной тоскою въ глазахъ, смотрѣлъ въ одну точку — на вязы. Ея голосъ—этотъ низкій, звучный голосъ—словно сливался со всѣми ароматами нагрѣтыхъ солнцемъ травъ, съ душнымъ дыханіемъ знойнаго полдня, и обволакивалъ его опасными чарами. Онъ почти не вникалъ въ значеніе ея словъ: въ этомъ голосѣ была такая чарующая, манящая музыка.

— Будь это человѣкъ одного съ вами круга, Bon Ami, вѣдь тогда это не было бы ужасно, по крайней мѣрѣ не такъ ужасно?—неожиданно спросила она.

— Да,—отвѣтилъ онъ глухо,—не такъ ужасно.

— Но вѣдь Джузеппе былъ одного круга со мной. Я тогда еще не уяснила себѣ, что это значитъ для васъ.

— Для меня это было омерзительной грязью и ужасомъ несказаннымъ, — откликнулся онъ, быстро повернувшись и глядя ей прямо въ глаза. Она отвѣтила на взглядъ, нагнулась, слегка приблизила къ нему свое лицо.

— Клянусь вамъ, Bon Ami, спасеніемъ души моей матери, что въ цѣломъ мірѣ ни одинъ мужчина, кромѣ васъ, не цѣловалъ меня.

Бонни отстранилъ ее дрожащей рукой.

— Тссъ! — выговорилъ онъ слабымъ голосомъ. — Не надо говорить объ этомъ. Я еще не совсѣмъ здоровъ.

Витторія откинулась обратно на траву.

— Вы разлюбили меня?—печально спросила она.

— Упавшая звѣзда не можетъ снова засіять на небѣ, Витторія.

Она вздохнула. На травѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, лежалъ золотой, брошенный имъ ей на колѣни и упавшій, когда она вскочила. Витторія неожиданно замѣтила его, подняла и протянула Бонни. Монета лежала на ея раскрытой ладони. Ладони у нея были поразительно красивыя — розовыя, нѣжныя, въ ямочкахъ, какъ у ребенка. Онъ такъ часто цѣловалъ ихъ. При видѣ этой розовой нѣжной ладони въ немъ вспыхнула былая нѣжность, вспыхнуло безумье невозвратимыхъ прежнихъ дней.

— Я не могу взять это отъ васъ.

Онъ зажалъ монету въ ея пальчикахъ. И вздрогнулъ весь отъ этого прикосновенія.

— Вы должны—ради меня, Витторія. Вамъ надо подкрѣпиться пищей—и потомъ, вѣдь это же было бы безуміемъ идти обратно въ Лондонъ, пѣшкомъ.

— Я возьму, если вы прощаете меня.

— Да, я прощаю васъ. Мы оба не понимали другъ друга. Этимъ все сказано. Я радъ, что вы пришли: вы сняли тяжкое бремя съ моей души.

Оба смолкли. Вечеръ спускался на землю. Тѣни уже окутали бо́льшую часть дорожки, усыпанной гравіемъ, и только стѣна впереди, полузакрытая стволами вязовъ, еще купалась и горѣла въ жаркомъ солнечномъ свѣтѣ.

— Мнѣ пора идти—сказала Витторія.

— Какіе же у васъ планы? Что вы намѣрены дѣлать?

— Никакихъ плановъ. Я ни о чемъ и не думала. Мчалась, какъ безумная, только чтобъ увидать васъ.

— Ну, это было ваше итальянское „я".

Она засмѣялась, какъ-будто передъ нею лежало свѣтлое, безмятежное будущее.

— Я тоже такъ думаю. Но я не смѣла и надѣяться, что я могу быть такъ счастлива. Я думала: можетъ быть, я умру, поговоривши съ вами—и мнѣ было все равно. И теперь все равно—хоть сейчасъ умереть, не жалко.

— Но куда же вы пойдете—не назадъ же, въ отель Бомбони?

— Чтобъ они насильно повѣнчали меня? О нѣтъ! Я знаю мѣсто. Я обдумаю все это въ поѣздѣ.

Ей не хотѣлось говорить объ этомъ. Время было слишкомъ драгоцѣнно, чтобы тратить его на такіе пустяки. Коротко, но удивительно образно она разсказала ему, какъ она жила съ тѣхъ поръ, какъ они разстались. Она сознавала, что потеряла его. Отель Бомбони сталъ ей ненавистенъ. Она затосковала по солнцу. Хотѣлось быть хоть подальше отъ противнаго Джузеппе. Нѣсколько мѣсяцевъ она прожила въ Неаполѣ. Тамъ она не читала англійскихъ газетъ и не знала, что Bon Ami раненъ на войнѣ. Только когда она вернулась въ Лондонъ, мѣсяцъ тому назадъ, ей попалось въ газетѣ его имя, въ связи съ разборомъ его поэмъ. И вотъ, совсѣмъ недавно изъ рубрики литературныхъ новостей она узнала, какъ тяжко онъ былъ боленъ и гдѣ онъ теперь находится. Написала ему пять писемъ, но всѣ изорвала въ клочки. Послѣдніе дни она была какъ парализованная. Мысль о приближавшемся днѣ свадьбы угнетала ее, какъ смертный приговоръ. Они стерегли ее, ходили за ней по

пятамъ. Она чувствовала себя, какъ птица подъ взглядомъ змѣи.— Витторія вздрогнула.

— Слава Богу! Теперь все это кончилось. Я никогда больше не увижу отеля Бомбони.

Бонни молча слушалъ ее, глубоко взволнованный. Въ умѣ его бродила раздражающая забота о ней, о ея завтрашнемъ днѣ. Нельзя же дать ей такъ вернуться въ Лондонъ — одной, безъ друзей, безъ гроша въ карманѣ. Внезапно ему вспомнился Джасперъ. Ну, конечно, что можетъ быть лучше? Джасперъ уже съумѣетъ найти ей пристанище. Пусть она отыщетъ себѣ приличную комнату на ночь и завтра пойдетъ къ м-ру Веллакоту. Ему она можетъ слѣпо довѣриться.

— Онъ живетъ здѣсь — рукой подать. Я увижусь съ нимъ сегодня вечеромъ. Онъ удивительнѣйшій человѣкъ—точно земное Провидѣніе. Сдѣлайте все, какъ онъ вамъ скажетъ, Витторія. Я не усну спокойно, если вы не обѣщаете мнѣ этого.

— Я обѣщаю, Bon Ami, если это можетъ доставить вамъ удовольствіе.

Она сидѣла у его ногъ, счастливая и довольная, хоть и усталая, какъ только можно устать физически. Ноги ея горѣли и ныли. Каждый суставъ въ тѣлѣ ломило. За два дня и одну ночь она прошла семьдесятъ миль по пыльному, жесткому шоссе. И только прошлой ночью спала часа четыре въ какомъ-то овинѣ. Питалась она все это время хлѣбомъ и сыромъ, которые покупала въ придорожныхъ гостинницахъ на шиллингъ, случайно завалявшійся въ ея карманѣ. Но это ей было все равно. Она дошла до того блаженнаго состоянія самоуничиженія, когда женщина готова подостлать себя подъ ноги милому. И надежда на то, чего она не смѣла высказать, пѣла въ ея сердцѣ.

Бонни смотрѣлъ на нее и видѣлъ, что она стала еще красивѣе прежняго, если это возможно. Весь темный блескъ лѣтнихъ вечеровъ былъ въ ея глазахъ. Алый цвѣтокъ, распустившійся на солнцѣ, сталъ огненно-краснымъ отъ страсти. Впервые онъ видѣлъ лицо ея одухотвореннымъ любовью, стихійной, не краснѣющей, не знающей стыда. И зналъ, что она принесла ему дѣвственное сердце, и тѣло, и уста.

— Вамъ пора идти, Витторія, — выговорилъ онъ какъ-то неувѣренно.

— Я сама такъ думаю, — вздохнула она, и медленно поднялась на ноги.

— Прощайте.

— О нѣтъ! Не говорите такъ, Bon Ami.

— Да. Это—прости навсегда. Мы не увидимся больше, Витторія.

Радость сбѣжала съ ея лица.

— Почему, Bon Ami?

— Потому что, послѣ всего, что произошло между нами, мы не можемъ встрѣчаться ни какъ друзья, ни какъ враги, ни какъ любовники. Никакія отношенія между нами не возможны. Я женюсь на моей кузинѣ, лэди Алиціи Гарденъ.

Это говорилъ человѣкъ съ сѣрымъ лицомъ старика, а не юноша, еще жившій въ его сердцѣ. Онъ зналъ, что нужно нанести ударъ—и нанесъ его безпощадной рукой. Не сводя съ него глазъ, дѣвушка медленно подошла и присѣла на подножку его кресла, какъ нѣсколько дней тому назадъ Алиція.

— Вы любите ее?

— Искренно люблю—отвѣтилъ Бонни, глядя ей въ глаза, какъ онъ глядѣлъ бы въ глаза смерти.

— Вы лжете, Bon Ami. Во всю свою жизнь вы никого, кромѣ меня, не любили. Вы и теперь меня любите, и ни одной женщинѣ на свѣтѣ не отнять васъ у меня. Вы любите меня еще больше, потому что страдали изъ-за меня. Посмѣйте сказать, что вы не любите меня.

— Уходите!—крикнулъ онъ, потрясенный и блѣдный, инстинктивно отталкивая ее рукой.

Ударъ пришелся ей въ грудь. Она поймала руку и прижала ее къ своей юной груди, свободно колыхавшейся подъ легкой кофточкой. И сжимала его руку, словно клещами. Пожатіе его руки разбило всѣ затворы; страсть хлынула неудержимымъ потокомъ. Это была не женщина, а какой-то ураганъ. Она нагнулась къ нему, прижалась губами къ его губамъ... Вязы, небо, надвигающіяся вечернія тѣни, все поплыло, растаяло въ безконечныхъ глубинахъ горящаго агата... Бонни не противился. Время остановилось.

При звукѣ женскаго голоса, Витторія вздрогнула, вырвалась изъ его объятій и уже почти поднялась на ноги, когда изъ-за группы рододендроновъ неожиданно вышла дама; за нею слѣдовалъ мужчина.

XX.

Витторія вскочила и впилась въ непрошенныхъ свидѣтелей горящими глазами юной львицы. Бонни тоже всталъ и стоялъ, держась рукой за спинку кресла. Джасперъ, оправившись отъ изумленія и неожиданности, мягко коснулся руки Алиціи.

— Идемте. Я объясню вамъ, въ чемъ дѣло.

Но Алиція не слушала его. Она выпрямилась во весь ростъ, и въ свою очередь надменно разглядывала дѣвушку. Въ первый разъ въ жизни ей доводилось переживать такой кризисъ. Но у нея была, какъ она разъ призналась Джасперу, боевая натура. И, готовая къ бою, она не хотѣла его откладывать.

Бонни торопливо провелъ рукой по лбу и по кудрявымъ чернымъ волосамъ, выпрямился, насколько это позволяли ему слабость и болѣзнь, и гордо выдерживалъ взглядъ Алиціи. Но лицо у него было такое блѣдное и вдругъ какъ-будто похудѣвшее, что Джасперъ невольно перешелъ черезъ лужайку и сталъ съ нимъ рядомъ. Кругомъ ни звука. Тѣнь и тишина. Только верхушки вязовъ еще грѣлись въ лучахъ заходящаго солнца. Втеченіе нѣсколькихъ безконечныхъ секундъ двѣ женщины безмолвно боролись между собой—одна безъ шляпы, растрепанная, въ пыли, но все же дивная въ своей варварски-яркой красотѣ; другая высокая, изящная, безукоризненно одѣтая въ блѣдно-зеленое платье, съ изящнымъ токомъ, красиво сидѣвшемъ на царственно гордой головкѣ, хрупкая и тонкая, аристократка съ головы до ногъ, англичанка вплоть до легкаго пушка на нѣжныхъ щекахъ. Грудь южанки бурно вздымалась и опускалась подъ тонкимъ чернымъ лифомъ. Алиція повернулась къ Бонни, легкимъ движеніемъ зонтика указывая на Витторію.

— Можете вы представить меня нашей гостьѣ?—спросила она съ особой, тонкой интонаціей.

— Леди Алиція—это миссъ Витторія Антонелли. Нѣкогда я просилъ ее быть моей женой. И имѣлъ честь получить отказъ.

— Могу я узнать, повторили ли вы теперь ваше предложеніе?

— Я не свободенъ и не могъ бы этого сдѣлать, еслибъ даже у меня и было такое желаніе,—надменно отвѣтилъ Бонни.— Миссъ Антонелли явилась сюда разъяснить очень тягостное недоразумѣніе.

— А теперь, когда оно разъяснено?..

— У меня стало легче на душѣ, и я пойду тѣмъ путемъ, который указываетъ мнѣ честь.

— Только честь? Если только это васъ связываетъ, я возвращаю вамъ вашу свободу.

— Алиція, миссъ Антонелли, въ силу причинъ, которыя она сообщила мнѣ, прошла пѣшкомъ изъ Лондона семьдесять миль, чтобы сказать мнѣ то, что она мнѣ сказала. Она нуждается въ отдыхѣ и пищѣ. Когда мы останемся одни, я совершенно откро-

венно разскажу вамъ, что произошло. Не находите ли вы, что пора положить конецъ этому тягостному положенію?

— Есть только одинъ способъ положить ему конецъ,—отвѣтила Алиція.

— Я ухожу, — сказала Витторія, быстро огибая подножіе кресла и подходя къ Бонни.—Прощайте.

Она протянула руку, онъ далъ ей свою; она трижды торопливо поцѣловала ее и подняла на него глаза, полные горячей любви.

— Вы не рѣшитесь сказать, что вы не любите меня,— повторила она голосомъ, дрожащимъ отъ глубокаго волненія. Бонни не трогался съ мѣста; онъ весь дрожалъ мелкой дрожью.

Витторія повернулась и пошла; проходя мимо Алиціи, она бросила ей торжествующій взоръ.

— Стойте! — повелительно крикнула Алиція. И среди вечерней тишины это слово прозвучало до странности рѣзко. — Я уже сказала, что есть одинъ только способъ положить этому конецъ. И это надо сдѣлать сейчасъ. Я возвращаю вамъ—обратилась она къ Бонни,—ваше слово. Вы вольны выбирать. Выбирайте сейчасъ же.

Она никогда еще не переживала момента такого подъема, такого напряженнаго, захватывающаго драматизма. Романтизмъ, всегда присущій ея эмоціональной жизни, соединясь съ родовою и лично ей свойственной гордостью, вызвалъ нѣчто вродѣ героическаго экстаза. Алиція всегда любила быть участницею тонкихъ драмъ. Ея натура жаждала этого. И когда на пути у нея стала мелодрама, она не устояла противъ искушенія. Сквозь гнѣвъ и негодованіе пробивалось волнующее сознаніе собственной справедливости и великодушія. Кромѣ того, какъ истая женщина, она была до глубины души задѣта наглымъ ликованьемъ этой дѣвушки. Длить сомнѣніе, хотя бы только еще минуту, было нестерпимо.

Витторія остановилась. Бонни прижалъ руку къ сердцу. Обѣ женщины не сводили съ него глазъ. Онъ схватился за руку Джаспера и смотрѣлъ то на одну, то на другую. Фоксъ-терьеръ выбѣжалъ изъ-за рододендроновъ и сталъ, насторожившись, словно въ ожиданіи того, что должно случиться. Затѣмъ — Бонни выпустилъ руку Джаспера, шагнулъ впередъ и съ легкимъ стономъ, какъ будто застрявшимъ въ его горлѣ, упалъ къ ногамъ обѣихъ женщинъ. Къ которой онъ направлялся—никто изъ всѣхъ троихъ не могъ бы сказать.

Это паденіе было такимъ неожиданнымъ и жуткимъ, что

нѣсколько мгновеній царила мертвая тишина. Алиція первая вскрикнула и наклонилась къ лежащему; но, быстрѣе молніи, Витторія была уже на колѣняхъ около Бонни и поддерживала одной рукой его голову, а другой отстраняла соперницу.

— Оставьте его! Не трогайте его! Вы не имѣете права трогать его. Вы не любите его—не можете любить. Bon Ami—Боже мой—Bon Ami!

Джасперъ кинулся къ Бонни, разстегнулъ ему воротъ. Потомъ оглянулся черезъ плечо на леди Алицію, которая стояла блѣдная и растерянная.

— Я сбѣгаю въ домъ, принесу коньяку и пошлю за докторомъ.

Онъ исчезъ. Витторія нагнулась надъ безчувственнымъ юношей, не сводя съ него полныхъ ужаса глазъ. Алиція тоже нагнулась надъ нимъ и отерла пѣну съ губъ его носовымъ платкомъ, обшитымъ кружевами.

— Это только обморокъ,—неувѣренно прошептала она.

Но Витторія не слыхала. Она звала Бонни, шептала ему на ухо тревожныя, ласковыя слова. Другая женщина какъ будто не существовала для нея. Алиція рукой въ перчаткѣ коснулась ея руки; дѣвушка отстранила ее. Тогда Алиція положила руку ей на плечо.

— Я предоставила вамъ одинаковыя съ собою права,—выговорила она, очень мягко,—но помните, что я тоже люблю его.

Дѣвушка молча посмотрѣла на нее—и этого взгляда Алиція долго не могла забыть.

Джасперъ вернулся съ коньякомъ, опустился на колѣни возлѣ Бонни. Застывшее лицо юноши и его точно стеклянные глаза, на которые женщины не обратили вниманія, сразу подтвердили его догадку: опасенія смѣнились страшной увѣренностью. Онъ приложилъ руку къ сердцу юноши... Всѣ притаили дыханіе. Прошла минута нестерпимой напряженности. Джасперъ поднялся на ноги.

— Онъ умеръ.

Витторія повернула къ нему невыразимо трагическое лицо. Алиція словно застыла на мѣстѣ. Джасперъ взялъ ее за руку.

— Оставимъ ихъ на время однихъ,—сказалъ онъ; и она позволила ему увести себя. Она шла черезъ садъ, глядя впередъ сухими глазами. Въ ушахъ ея отдавались отчаянные крики и вопли другой женщины. Дрожь пробѣгала по ея тѣлу. Машинально она пыталась снять свои перчатки, не разстегивая ихъ, и разрывала нѣжную кожу. Они вошли въ домъ черезъ большое окно, потомъ прошли въ швейцарскую. У подножія лѣстницы

Алиція обернулась, гордая, прямая, настоящая знатная дама. Губы ея беззвучно выговорили: „Благодарю васъ, Джасперъ", и жестомъ она отпустила его. Онъ смотрѣлъ ей вслѣдъ: она поднялась на первую площадку и скрылась за поворотомъ лѣстницы.

Джасперъ вернулся назадъ. Въ домѣ никто еще ничего не зналъ. Кучеръ въ кабріолетѣ уже мчался за докторомъ. Джасперъ нашелъ Витторію на томъ же мѣстѣ; голова Бонни покоилась у нея на колѣняхъ. На дѣвушку мучительно жалко было смотрѣть. Когда Джасперъ дотронулся до нея и окликнулъ ее, она вздрогнула и крѣпче прижала къ себѣ голову юноши.

— Останьтесь здѣсь, — я приду за вами. Я знаю все, что нужно знать, и обѣщаю вамъ, что вы еще увидите его.

Онъ мягко, но рѣшительно разжалъ ея руки. Она безсильно откинулась назадъ и упала на траву, рядомъ съ мертвецомъ. Джасперъ поднялъ тѣло божественнаго юноши и на рукахъ понесъ его въ домъ.

Тутъ все стало извѣстно; началась суета, поднялись вопли и стоны. Леди Люксморъ помогла Джасперу положить на кровать тѣло Бонни. Въ нѣсколькихъ словахъ Джасперъ разсказалъ ей всю трагедію. Бѣдная старушка почти ничего не поняла. Она любила Бонни, какъ любили его всѣ, кто зналъ его. Она испытала въ жизни своей много горя. Ея единственный сынъ погибъ въ расцвѣтѣ силъ. Теперь ей казалось, что она второй разъ хоронитъ его.

Джасперъ поручилъ тѣло Бонни попеченіямъ женщинъ и вышелъ. За дверями его ждала Алиція. Она успѣла снять шляпу и перчатки. Лицо у нея было блѣдное, глаза ввалились, но слезъ въ нихъ не было.

— Эта дѣвушка?—было ея первымъ вопросомъ.

— Я иду къ ней—сказалъ Джасперъ.—Я съ самаго начала зналъ о ней.

— Онъ говорилъ, что она пришла пѣшкомъ изъ Лондона.

— Да.

— Она должна остаться здѣсь. Я велю приготовить ей комнату. Приведите ее сюда—тутъ все уже будетъ готово.

Джасперъ съ удивленіемъ глядѣлъ на нее.

— Вы благороднѣйшая изъ женщинъ! — вырвалось у него.

— Нѣтъ, — возразила она, глядя ему прямо въ глаза. — Я только пытаюсь быть справедливой. Могу я пойти къ нему?

Вмѣсто отвѣта, онъ отворилъ передъ нею дверь спальни. Она вошла и дверь затворилась. А онъ вернулся въ тихій уголокъ за рододендронами. Онъ уже былъ окутанъ августовскими

сумерками. Витторія попрежнему лежала на землѣ. Невдалекѣ валялась ея черная соломенная шляпа. Въ длинномъ индійскомъ креслѣ подушки еще сохраняли отпечатокъ тѣла Бонни. На землѣ возлѣ кресла лежалъ измятый листокъ бумаги; на тростниковомъ столикѣ — легкая шапочка Бонни, его портсигаръ и блокъ-нотъ съ положеннымъ поперекъ него карандашемъ. Витторія не шевелилась. Джасперъ взялъ блокъ-нотъ, увидалъ, что на листкѣ что-то написано и сунулъ его въ карманъ. Потомъ подошелъ къ Витторіи. Терпѣливо и нѣжно онъ втолковалъ ей, что ей слѣдуетъ остаться въ Грейбрукѣ, по крайней мѣрѣ на ночь. Помогъ ей встать. Отупѣвшая отъ горя, она послушно шла за нимъ. На полпути они встрѣтили экономку.

— Это — молодая барышня? — освѣдомилась она. — Ея сіятельство приказали мнѣ...

Джасперъ сдалъ ей на руки Витторію и присѣлъ на скамеечку подъ сикоморой, упершись локтями на колѣни и положивъ голову на руки. Бонни нѣтъ больше на свѣтѣ. Погасла молодая, прекрасная жизнь. Не вѣрилось какъ-то, умъ отказывался вѣрить. Бонни какъ-будто впервые узналъ на собственномъ опытѣ, что въ мірѣ есть смерть. И міръ, казалось, содрогнулся отъ отчаянія, отъ окутавшаго его великаго мрака. Бонни умеръ. Эти слова глухо и немолчно отдавались у него въ мозгу, какъ колокольный звонъ. Живая душа, такъ страстно влюбленная въ жизнь, несмотря на болѣзнь и пережитое горе, полная такого языческаго ужаса передъ смертью, ужъ не живетъ и не радуетъ своей веселостью. Голосъ поэта умолкъ. И музыки больше не будетъ. Непоправимое бѣдствіе постигло страну: Бонни умеръ. И Джасперъ, сидя подъ сикоморой, плакалъ какъ женщина.

Сумерки сгущались. Но было все такъ же жарко и душно; трудно было дышать. Темныя тучи низко нависли надъ деревьями. Вотъ сверкнула молнія, грянулъ громъ, и разразилась гроза. Джасперъ вернулся въ гостиную. Пріѣхалъ докторъ — и констатировалъ смерть. Сердце не выдержало. Ревматическая лихорадка вызвала осложненія въ кардіальной сферѣ. Очень прискорбно, что молодому человѣку пришлось перенести неожиданное потрясеніе эмоціональнаго характера, въ особенности при его исключительной чувствительности. Ужасно обидно! Такой геніальный юноша. Тяжкій ударъ для ея сіятельства... — Больше докторъ ничего не нашелся сказать. Джасперъ, обыкновенно очень терпимый, не огорчился, когда этотъ любитель общихъ мѣстъ откланялся и уѣхалъ. Оставшись одинъ, онъ подошелъ къ окну и долго стоялъ, любуясь грозой. Онъ вспоминалъ, какъ

Бонни радовался грому и молніи, увѣряя, что гроза веселитъ его, что отъ блеска и грохота кровь пляшетъ въ его жилахъ. Еще недавно, всего нѣсколько дней тому назадъ, онъ разсказывалъ имъ о страшной бурѣ на морѣ во время его обратнаго пути на родину, и такъ ярки, образны были его описанія этой „оргіи разбушевавшихся стихій"... А теперь глаза его не видятъ молніи, и уши не слышатъ грома, и кровь ужъ не пляшетъ въ его жилахъ.

Пришла горничная, отъ имени лэди Алиціи—просить Джаспера не уходить, такъ какъ она желаютъ видѣть его. Обѣдъ черезъ пять минутъ будетъ готовъ. Лэди Алиція надѣется, что м-ръ Веллакотъ извинитъ ее и лэди Люксморъ: къ обѣду онѣ выйти не могутъ. Джасперъ добросовѣстно усѣлся за столъ и даже дѣлалъ видъ, будто ѣстъ. Его посадили на то же мѣсто, на которомъ онъ сидѣлъ наканунѣ, вмѣстѣ со всѣми. Всего двадцать четыре часа тому назадъ Бонни сидѣлъ по правую руку его, на хозяйскомъ концѣ стола. У юноши былъ такой счастливый видъ. Въ первый разъ онъ былъ въ смокингѣ, заказанномъ въ Лондонѣ на деньги, выданныя по новенькой съ иголочки чековой книжкѣ, представлявшей собою огромную сумму—2.000 фунтовъ. Передъ самымъ обѣдомъ онъ вышелъ къ нимъ въ этомъ смокингѣ и тревожно допытывался у Джаспера и Алиціи, хорошо ли онъ сидитъ. А послѣ обѣда Джасперъ пожималъ руки обоимъ и отъ всего сердца молилъ Бога благословить ихъ союзъ.

Кофе подали въ библіотеку, гдѣ Джасперъ разрѣшилъ себѣ выкурить трубку. Здѣсь все дышало воспоминаніемъ о Бонни, проводившемъ тутъ бо̀льшую часть дня. Всюду видны были слѣды его хозяйничанья. Вотъ старое перо, брошенное поперекъ листа пропускной бумаги; вотъ вставочка, обкусанная, какъ у гимназиста — Бонни никакъ не могъ отдѣлаться отъ этой школьной привычки. Джасперъ спряталъ вставочку въ карманъ на память. Выкуривъ трубку, онъ вернулся въ гостиную и опять сталъ у окна. Гроза прошла, но дождь не переставалъ; на дворѣ была темная ночь. Онъ озабоченно подумалъ: не забыли ли внести въ домъ кресло Бонни — и тотчасъ же съ болью въ сердцѣ вспомнилъ, что теперь это уже не имѣетъ значенія.

Вошла Алиція. На ней было темное платье и отъ этого лицо ея казалось еще блѣднѣе. Онъ встрѣтилъ ее на серединѣ комнаты и ласково сжалъ ея холодную руку.

— Вы плакали? — выговорила она ровнымъ голосомъ. — Я хотѣла бы плакать — и не могу. Слезы облегчаютъ. Но меня какъ-будто кто-то заперъ внутри. Я сама не знаю, что со мной.

— Подождите. Все въ свое время. Будутъ и слезы. Видитъ Богъ, я хотѣлъ бы помочь вамъ.

— Кромѣ васъ, у меня никого нѣтъ на свѣтѣ. Слава Богу, что вы здѣсь!

Онъ страдалъ за нее, за это горе, не облегчаемое слезами.

— Всетаки, хорошо, дорогая, что мы любили его.

Что-то промелькнуло въ ея глазахъ; вѣки ея на мгновенье сомкнулись.

— Сядемте,—сказала она.—Я не успокоюсь, пока не узнаю всего, что было между ними. Разскажите мнѣ все, что знаете. Не пытайтесь щадить меня: это было бы недобросовѣстно и въ отношеніи меня, и въ отношеніи его.

Онъ глядѣлъ на нее съ изумленіемъ и восторгомъ.

— У васъ желѣзное сердце, Алиція.

— Это не такое достоинство, которымъ женщина могла бы гордиться,—вырвалось у нея съ непривычной горечью.

— Мужественная душа...—началъ было онъ. Но она перебила его:

— Разсказывайте, Джасперъ.

И онъ повѣдалъ ей все, что̀ зналъ самъ, всю печальную исторію любви поэта, отъ перваго своего знакомства съ Витторіей, за обѣдомъ съ Бонни въ отелѣ Бомбони, до послѣдней безумной ночи въ Грэтъ-Горамъ-Стритѣ. Алиція выслушала все съ неподвижнымъ лицомъ.

— Какъ вы думаете, зачѣмъ она пришла сюда сегодня?—спросила она, когда онъ окончилъ разсказъ.

Джасперъ досталъ изъ кармана газетную вырѣзку, присланную ему наканунѣ Кодби, и подалъ Алиціи.

— Зачѣмъ я не показалъ этого нынче утромъ Бонни!—упрекнулъ онъ себя.

— Кто изъ насъ больше виновенъ: вы ли, старавшійся избавить его отъ огорченія, или я, которая не сдѣлала этого? Кто изъ насъ больше любилъ его?

— Дорогая моя, я любилъ его, какъ отецъ или какъ старшій братъ. Вы любили его какъ женщина, которой предстояло стать его женой. Это не одно и то же.

— Вѣдь вы и изъ-за меня—даже главнымъ образомъ изъ-за меня—не показали ему этого.

— Ваши и его интересы были для меня—одно.

— Но въ душѣ вы всетаки думали, что эта дѣвушка была бы для него болѣе подходящей подругой, чѣмъ я.

— Нѣтъ, и тысячу разъ нѣтъ!—воскликнулъ онъ съ искрен-

нимъ убѣжденіемъ, и въ тотъ же мигъ трагическая увѣренность пронизала его мозгъ: ни одна изъ нихъ не годилась для Бонни. Каждая могла бы принести ему только гибель. Между тѣмъ Алиція продолжала, попрежнему ровнымъ, безстрастнымъ голосомъ:

— И, однако, вы знали, что они были всѣмъ другъ для друга; иначе, вы не увели бы меня оттуда, не сказали бы, что ихъ нужно оставить однихъ.

— Теперь она уже не могла причинить ему зла.

— Нѣтъ, не въ томъ дѣло: вы знали, что возлѣ него *ея* мѣсто, а не мое.

Джасперъ глубоко вздохнулъ. Вся его любовь къ ней была безсильна противъ этой убійственной логики; но онъ все же пытался смягчить обиду.

— Это былъ единственный способъ избѣжать мучительной сцены. Вы — знатная дама, умѣющая владѣть собой; она — недисциплинированная дѣвушка изъ народа, которая, все равно, стала бы предъявлять свои права.

Алиція грустно покачала головой.

— Вы безконечно добры, милый Джасперъ. Но передъ вами сейчасъ обнаженная женская душа, которой не обманешь. Вы— человѣкъ безусловно честный и справедливый. И притомъ человѣкъ сильной воли. Еслибъ вы чувствовали, что тутъ на первомъ планѣ должны стоять *мои* права, а не ея — ужъ конечно не Джасперъ Веллакотъ пошелъ бы на уступки. Будьте искренни, Джасперъ.

— Зачѣмъ настаивать? Зачѣмъ поворачивать ножъ въ ранѣ?

— Мнѣ надо, чтобъ все было ясно, между мною и имъ... Какъ ни была я ошеломлена тогда, я почувствовала это, и сказала вамъ: пусть она остается здѣсь. Теперь, когда вы мнѣ все разсказали, мнѣ все стало понятно. Я знаю, что̀ было у нея на душѣ, когда они разстались, что она пережила за время его отсутствія. Знаю, почему она убѣжала изъ дому въ ночь наканунѣ своей свадьбы, не захвативъ даже денегъ, чтобъ заплатить за билетъ. Когда-нибудь она разскажетъ мнѣ все это сама, но главное я уже знаю: она можетъ сообщить мнѣ только подробности. Напримѣръ, мнѣ неясно, откуда она узнала, что Бонни здѣсь. Очевидно, не отъ самого Бонни. Онъ не писалъ ей и отъ нея писемъ не получалъ.

— Клянусь душой, этого не могло быть!—горячо воскликнулъ Джасперъ. Онъ былъ безукоризненно честный человѣкъ.

— И потому сегодня протянулъ бы руку мнѣ—медленно

выговорила Алиція.—Вотъ почему мнѣ нужно оправдаться передъ нимъ. Она теперь въ его комнатѣ, возлѣ него. И останется тамъ. А я не могу плакать, Джасперъ.

— Подите въ библіотеку—тамъ столько его вещей...

— Я бы хотѣла лежать теперь мертвой возлѣ него!—Она приложила руки къ головѣ и вдругъ воскликнула, съ внезапно прорвавшейся страстью:

— О Господи! еслибъ не вы, еслибъ не возможность отвести душу съ вами, я бы съ ума сошла. Вы—единственный человѣкъ въ мірѣ, съ которымъ я могу теперь говорить.

— Боюсь, что я не съумѣлъ сказать вамъ ничего утѣшительнаго.

— Вы говорили, какъ можетъ говорить только самый преданный другъ. Я никогда этого не забуду.

Они продолжали бесѣдовать. О вчерашнемъ днѣ и о будущемъ. О поэмахъ Бонни. Джасперъ вспомнилъ про листокъ, вырванный имъ изъ блокъ-нота, и вынулъ его изъ кармана.

— Это, должно быть, послѣднія строки, написанныя имъ. Они вмѣстѣ наклонились надъ листкомъ. Въ заголовкѣ стояло: „Стихъ о прекрасной царицѣ Алиціи", а подъ нимъ—первый тріолетъ задуманной поэмы.

„Of all the queens, the queenliest one
Points out to me across the lake
A valley in Avilion".

(Изъ всѣхъ царицъ самая царственная указываетъ мнѣ черезъ озеро на долину Авильона.)

У Алиціи даже губы побѣлѣли.

— Это пророчество,—выговорила она беззвучно.

— Пророчество? Почему? Вѣдь, помнится, Авильономъ звался Островъ Блаженства—край Предѣла Желаній. Я помню, какъ-то у него съ Кодби былъ долгій разговоръ объ этомъ. Онъ думалъ о тѣхъ счастливыхъ дняхъ, когда вы будете мужемъ и женой.

— Вѣдь это въ Авильонъ плачущія королевы везли на лодкѣ тѣло умирающаго короля.

— Но легенда гласитъ, что онъ вернулся оттуда снова здоровымъ и сильнымъ, чтобы править міромъ. Это и имѣлъ въ виду нашъ милый мальчикъ,—настаивалъ Джасперъ, хватаясь за первый попавшійся аргументъ, чтобъ только утѣшить ее. Онъ взялъ съ сосѣдняго столика разрѣзной ножъ, аккуратно вырѣзалъ листокъ изъ блокъ-нота, аккуратно сложилъ его.

— Сохраните это, дорогая. Это ужъ во всякомъ случаѣ принадлежитъ только вамъ.

Алиція долго вглядывалась въ наскоро набросанныя строки. Потомъ покачала головой.

— Нѣтъ, не надо. — Она встала, подошла къ камину, на которомъ горѣли двѣ восковыя свѣчи подъ красными абажурами. Сняла одинъ абажурикъ, зажгла о свѣчу листокъ и не выпускала его, пока въ пальцахъ ея не осталось одной лишь узенькой бѣлой полоски. Бросивъ пепелъ въ каминъ, она спокойно повернулась къ Джасперу.

— Хотите взглянуть на него?

Онъ согласился. Они медленно прошли къ комнатѣ Бонни. У дверей Джасперъ остановился. Шепнулъ:

— Достаточно ли вы сильны, чтобы вынести это?

— Въ цѣломъ мірѣ нѣтъ, кажется, такой тяготы, которой я не могла бы снести.

Они вошли. Комната была слабо освѣщена. На полу, прикурнувъ у кровати, сидѣла Витторія. Обезсилѣвъ въ конецъ, она уснула, положивъ голову на руку. Алиція, неслышно ступая, прошла мимо нея, взяла лампу съ туалетнаго столика и, ставъ у кровати, недрогнувшей рукой освѣтила лицо усопшаго, ясные глаза котораго закрылись навѣки.

XXI.

Наступили дни спущенныхъ занавѣсей, затемненныхъ комнатъ и разговоровъ вполголоса. Жили словно подъ сурдинку, и это для всѣхъ было тягостно. Погода перемѣнилась. Небо было въ тучахъ, дождь часами шелъ не переставая, и это гармонировало съ общей угрюмостью настроенія. Промежутки яркаго солнечнаго свѣта казались диссонансомъ. На третій день поѣздъ привезъ изъ города въ Гейбрукъ много печальныхъ лицъ, въ томъ числѣ Кодби, который то и дѣло выбрасывалъ изъ глаза монокль, такъ какъ сквозь слезы все равно не могъ ничего разглядѣть.

Пріѣхала и Элиноръ Коррей, съ заплаканными, красными глазами. Алиція приняла ее въ свои объятія, шепча: „Моя бѣдняжка Элиноръ!“ Гостья разрыдалась у нея на плечѣ и, не выдержавъ, призналась во всемъ. Она все время убѣждала себя, что ѣдетъ, чтобы разыграть роль друга и утѣшительницы; но Алиція отнюдь не нуждалась въ утѣшеніи, и роли сразу странно перемѣнились. Появленіе на сценѣ дѣвушки съ мертвенно блѣднымъ лицомъ и темными глазами итальянки несказанно удивило

Элиноръ, несмотря на ея огорченіе. И, какъ только она нашла, что приличіе допускаетъ это, она спросила Алицію.

— Единственная женщина, которую онъ любилъ; единственная, которая любила его.—И, въ отвѣтъ на протестующій взглядъ Элиноръ, прибавила:—Нѣтъ, дорогая. Не будемъ обманывать себя. Фактамъ надо смотрѣть прямо въ лицо.

— И эти факты?

— Вы ихъ узнаете. Я разскажу вамъ все.—Какъ-нибудь зимнимъ вечеркомъ, у камина, когда мы обѣ въ состояніи будемъ говорить спокойно.

— Она красавица,—героически признала Элиноръ.

— Она—„Хіосское Вино“ и „Carmina amoris“.

— И вы оставили ее здѣсь, у себя? Изъ чего вы сдѣланы, милая женщина?

— Я сама спрашивала себя объ этомъ всю послѣднюю недѣлю,—сказала Алиція.

Больше Элиноръ ни о чемъ не разспрашивала. Теперь было не время для дружескихъ изліяній. Да и не требовалось особыхъ стараній, чтобы проникнуть въ грустную тайну сердца Алиціи. Достаточно было взглянуть на нее, чтобы понять, что ея безстрастіе только наружное. Элиноръ перешла къ общимъ воспоминаніямъ и пролила немало слезъ, затронувъ нѣжнѣйшія струны души своей старой пріятельницы.

Наконецъ, мучительный день пришелъ къ концу, и пріѣхавшіе проводить поэта до его послѣдняго пристанища, разъѣхались. Все, что оставалось отъ любимаго многими юноши, покоилось подъ мокрой травой, на крохотномъ кладбищѣ, окружавшемъ готическую колокольню, которую видно было изъ грейбрукскаго сада. И для Алиціи домъ ея сталъ полной пустыней. Послѣ грустнаго обѣда вдвоемъ съ лэди Люксморъ, во время котораго обѣ женщины только дѣлали видъ, что ѣдятъ, Алиція ушла къ себѣ наверхъ; она жаждала уединенія. Въ каминѣ пылалъ огонекъ, такъ какъ вечера послѣ дождливыхъ дней бывали прохладные. Все лѣто она работала по утрамъ въ этой комнатѣ; объ этомъ свидѣтельствовали аккуратно подклеенные документы, отчеты, образчики шерстяныхъ матерій, архитектурные чертежи, разбросанные среди изящной мебели, китайскаго фарфора, нѣжныхъ акварелей и множества дорогихъ бездѣлушекъ. На каминѣ стоялъ увеличенный съ карточки на фарфорѣ портретъ Бонни въ оправѣ стариннаго итальянскаго серебра; на столикѣ рядомъ лежали томики его стихотвореній, въ роскошныхъ переплетахъ, заказанныхъ по рисункамъ академика Эдори. Въ этой комнатѣ

было много такого, чѣмъ Алиція любила тѣшить свое тщеславіе. Она задумалась объ этомъ, сидя передъ огнемъ.

Вошла горничная съ пакетикомъ и запиской отъ мистера Веллакотта.

„Я заставилъ Бонда прописать вамъ снотворныя капли“,— писалъ Джасперъ.—„Пожалуйста, примите ихъ на ночь. Если вы не будете спать, вы заболѣете, а это было бы неблагоразумно. Будьте, какъ всегда, милой и доброй, и послушайтесь меня. Вашъ Д. В.“.

Она отдала пузырекъ горничной.

— Поставьте это въ спальнѣ. Я приму капли на ночь.

И отпустила ее, дивясь добротѣ и предусмотрительности Джаспера. Она никому, даже д-ру Бонду, не говорила о томъ, что она не спитъ по ночамъ. Какимъ образомъ онъ догадался? У этого человѣка геніальное чутье, умѣнье помочь ближнему и въ крупномъ, и въ мелочахъ. Можетъ быть въ мелочахъ онъ даже геніальнѣй, чѣмъ въ крупномъ, ибо въ нихъ-то и сказывается сердце. Два дня тому назадъ онъ привезъ изъ Лондона вещи Витторіи Антонелли — полный чемоданъ. Никто его не просилъ объ этомъ: самъ съѣздилъ и привезъ. И не разсказывалъ никому, какъ ему удалось отобрать эти вещи отъ обиженныхъ итальянцевъ. Такой ужъ онъ всегда — тихій и властный. Но самый тотъ фактъ, что, среди всѣхъ своихъ заботъ, Джасперъ нашелъ время подумать о гардеробѣ бѣдной дѣвушки, удивлялъ Алицію и немного смущалъ ее. Очевидно, у Джаспера кругозоръ шире, чѣмъ она предполагала.

Онъ спокойно и внимательно смотритъ жизни въ лицо и видитъ ее цѣликомъ, какъ она есть. А она видитъ въ ней только отдѣльные блестящіе кусочки. Эта комната—точно ея отраженіе. Всѣ ея филантропическія затѣи—не болѣе какъ изящныя бездѣлушки. Ея утонченныя эмоціи скользятъ, какъ ласточки, по поверхности чувства, лишь изрѣдка задѣвая крыломъ глубину. Въ дальнемъ углу—скамеечка для колѣнопреклоненій и налойчикъ, на которомъ лежитъ красиво иллюстрированный молитвенникъ. Она играла въ религіозность, какъ играла въ благотворительность, въ восторженное преклоненіе передъ искусствомъ и поэзіей. Какъ играла въ любовь. Именно это ужасающее сознаніе не давало ей спать по ночамъ и леденило холодомъ смерти ея женское сердце.

Потому что она *не любила* Бонни.

Она не знала, что такое любовь. Она принимала луну за солнце. Надо было явиться этой полу-дикаркѣ, чтобъ научить ее

азбукѣ любви и ошеломить ее, показавъ ей, что такое страсть. Рядомъ съ этой беззавѣтностью страсти то, что свѣтило блѣднымъ свѣтомъ въ ней самой, казалось такимъ ничтожнымъ. При яркомъ свѣтѣ солнца луна такъ блѣдна и жалка.

Подъ горячимъ, презрительнымъ взглядомъ дѣвушки, брошеннымъ въ отвѣтъ на заявленіе, что она, Алиція, тоже любитъ его, сразу завяли красивые цвѣты, подъ которыми она прятала свое сердце. Теперь ея душа была обнажена; ничто не мѣшало Алиціи заглянуть въ нее. Душа эта до сихъ поръ мучительно ныла отъ жестокаго взгляда, не дававшаго ей спать по ночамъ. Изсушалисьслезы, терялось нормальное выраженіе скорби о томъ, кто, по крайней мѣрѣ какъ родственникъ и близкій другъ, былъ невыразимо ей дорогъ. Всѣ эти дни тянулись для нея какъ кошмаръ. Никогда еще не чувствовала она себя такой одинокой. Она казалась самой себѣ радужнымъ мыльнымъ пузыремъ, который лопнулъ—и пересталъ существовать для окружающаго міра.

Только врожденная гордость и честность ея натуры спасали ее отъ полной прострацiи. Да, она тратила свою жизнь на милые пустячки, но вѣдь она способна и къ бо̀льшему, способна къ настоящему дѣлу. Эта врожденная гордость помогла ей сдѣлать то, что̀ она считала актомъ справедливости, не щадя самой себя. Эта же гордость заставила ее, презрѣвъ всѣ сплетни и пересуды, настоять на то̀мъ, что̀бы съ Витторіей въ ея домѣ обходились съ преувеличенной даже почтительностью. Гордость помогала ей сохранять маску спокойствія, безстрастія. И въ то же время, какъ истая женщина, Алиція ощущала мучительное наслажденіе, поворачивая ножъ въ своей ранѣ. Женщина—инстинктивная мученица.

У нея болѣла голова, горѣли глаза; златоглавый флакончикъ съ нюхательной солью, лежавшій у нея на колѣняхъ, рядомъ съ кружевнымъ носовымъ платкомъ, казался такой уморительной пародіей на лекарство. Она не могла усидѣть на мѣстѣ и стала бродить по комнатѣ. Долго, безъ слезъ, смотрѣла на фотографію Бонни, снятую уже послѣ его возвращенія. Раскрыла „Carmina amoris“, прочла нѣсколько страницъ. Сѣла и углубилась въ чтеніе... И вся эта жгучая страсть, которая раньше казалась ей такой дикой и непонятной, которую она осуждала, какъ безразсудную и ненормальную, теперь, когда у нея раскрылись глаза, представилась ей въ новомъ свѣтѣ. Ей вспомнилось, какъ она говорила Джасперу, прочитавъ „Хіосское вино“: „Каждый можетъ жить спокойной, разумной, правильной жизнью. По крайней мѣрѣ

пока онъ въ здравомъ умѣ... Отъ этой пьесы меня въ дрожь кидаетъ, словно я побывала среди сумасшедшихъ". Ей было мучительно стыдно вспомнить объ этомъ. И она до боли завидовала той, другой, для которой все это было такъ же реально, какъ солнце, грѣющее ея тѣло, какъ воздухъ, которымъ она дышетъ. Почему же она, Алиція, которой была открыта и доступна вся красота міра, прожила свою жизнь, не зная любви и страсти? Почему *онъ* не научилъ ее этому? Отвѣтъ на этотъ вопросъ еще обострилъ ея униженіе: она была не такая женщина, которую ему было бы интересно учить.

А на днѣ души шевелился мучительный, трагическій упрекъ. Насколько она лично виновата въ смерти Бонни?.. Прежде, чѣмъ принять на ночь сонныя капли, она упала на колѣни, моля Бога просвѣтить и поддержать ея смятенную душу.

Проснувшись на другое утро, она почувствовала себя физически бодрѣе. Сонъ подкрѣпилъ ее. Она одѣлась, позавтракала, приготовилась къ встрѣчѣ съ обыденностью. Какъ-нибудь надо же жить. Вышла въ садъ потолковать съ садовникомъ, у котораго накопилось много неотложныхъ вопросовъ. Погода была чудесная; чистый воздухъ и солнце невольно бодрили. Джасперъ, заглянувшій справиться о ея здоровьѣ, нашелъ ее на террасѣ, въ бесѣдѣ съ садовникомъ. Посидѣлъ минутъ десять и ушелъ писать письма, пообѣщавъ къ завтраку придти опять. Съ того, страшнаго вечера, они еще ни разу не завтракали и не обѣдали вмѣстѣ. Алиція опять занялась цвѣтами. Нѣсколько минутъ спустя она увидѣла Витторію, одѣтую, какъ для выхода, въ перчаткахъ и въ шляпѣ, подходившую къ ней съ другого конца террасы.

Алиція покончила разговоръ съ садовникомъ и пошла ей на встрѣчу. До сихъ поръ онѣ обмѣнивались, встрѣчаясь, поклонами; хозяйка справлялась иной разъ, не нужно ли чего-нибудь гостьѣ, но разговаривать имъ не приходилось. Теперь Витторія, видимо, искала разговора. Она заговорила первая:

— Я пришла проститься и поблагодарить васъ за вашу изумительную доброту.

— Зачѣмъ вамъ уѣзжать?—сказала Алиція.—Милости просимъ, оставайтесь здѣсь, пока вамъ это удобно.

— Единственное оправданіе моего присутствія исчезло.

Алиція только теперь замѣтила, какъ красивъ и звученъ голосъ Витторіи, какъ странно утонченны ея манеры. Ея послѣднія слова прозвучали такъ патетически. Теперь въ ея глазахъ не было уже ни недовѣрія, ни вызова: она стояла передъ Алиціей смиренная и печальная. Алиціи стало жалко дѣвушки.

— Мнѣ не хотѣлось бы отпустить васъ, не разспросивъ васъ о многомъ—о вашихъ планахъ на будущее—если вы позволите мнѣ.

— Вы такъ великодушны... Вы обращаетесь со мною, какъ съ лэди. Но я не лэди: я простая дѣвушка, мѣщанка...

— Полноте, милая. Передъ тѣмъ, что мы обѣ пережили, стушевывается разница положеній. Повѣрьте мнѣ, я знаю все, что мнѣ надо знать. Походимъ немного.

Онѣ медленно шли по террасѣ, рядомъ. Послѣ паузы Алиція продолжала:

— Я вовсе не хочу вмѣшиваться въ ваши дѣла. Но прежде, чѣмъ вы покинете мой домъ, мнѣ хотѣлось бы быть хоть сколько-нибудь спокойной за васъ... Что̀ вы намѣрены предпринять?

Витторія подняла на нее удивленные глаза.

— Я не понимаю. Почему васъ это интересуетъ? Развѣ вамъ не все равно, что со мной будетъ?

— Прежде всего — вы моя гостья и молоденькая дѣвушка. Я много старше васъ и чувствую нѣкоторую отвѣтственность. И потомъ—ради того, кто покоится тамъ...

Слезы хлынули изъ глазъ Витторіи. Она торопливо вытерла ихъ и подавила рыданіе, бормоча безсвязныя слова признательности. Теперь, когда она смирилась душой, она такъ остро чувствовала разницу не только общественнаго, но и духовнаго уровня ихъ обѣихъ. Она никогда раньше не видала вблизи знатной дамы-аристократки. И теперь робѣла передъ ней, и удивлялась, и восхищалась вполнѣ искренно. Въ лэди Алиціи былъ тотъ же неопредѣленный аристократизмъ, который она чутьемъ замѣтила и оцѣнила въ Бонни. Подобно ему, Алиція смотрѣла на все съ точки зрѣнія, недостижимой для нея, Витторіи. Въ Алиціи Витторія видѣла то же благородство и презрѣніе ко всему низменному, которыхъ не думала встрѣтить ни въ комъ, кромѣ него. Умственно стоявшая выше дѣвушекъ своего класса, она любила отзываться о женщинахъ презрительно и свысока—разумѣется, если ни одинъ мужчина, даже Бонни, не поддакивалъ ей въ это время, такъ какъ въ противномъ случаѣ она тотчасъ начинала чувствовать свою солидарность съ женщинами вообще и защищать ихъ. Но здѣсь передъ нею была женщина, стоящая, въ сравненіи съ нею, на недосягаемой высотѣ. Витторіи она казалась легендарной королевой, сошедшей на землю. Въ первое время дѣвушка была слишкомъ поглощена своимъ горемъ, чтобъ обращать вниманіе на окружающее. Какая-то внѣшняя сила оставила ее рядомъ съ дорогимъ, страстно любимымъ

усопшимъ—и она осталась, потому что ея мѣсто было возлѣ него. Чьи-то призрачныя руки подавали ей пищу, помогали одѣваться и укладывали ее въ постель; чьи-то фигуры, какъ во снѣ, разступались передъ нею, когда она шла въ комнату со спущенными занавѣсями, гдѣ лежалъ Бонни. Не сразу очнулась она отъ своего отупѣнія, начала видѣть и соображать. Лишь наканунѣ утромъ, проснувшись, она уяснила себѣ, что случилось, и гдѣ она, и поняла, съ какой изумительной добротой отнеслась къ ней женщина, которую она обидѣла и которую всѣ кругомъ почтительно называли: „ваше сіятельство". Поняла—и сгорѣла со стыда и на другой же день рѣшила уйти. Но до этой прогулки по террасѣ ей все же было неясно, изъ какихъ источниковъ вытекаетъ великодушіе ея соперницы. Тутъ только, въ первый разъ, она могла почувствовать и оцѣнить ту атмосферу, которою Бонни дышалъ отъ рожденія. Онъ былъ бѣденъ, но тѣмъ не менѣе, по неотъемлемому праву былъ своимъ въ этомъ мірѣ изящества и рыцарскихъ чувствъ. Сама природа предназначила ему въ жизненныя спутницы женщинъ чистыхъ душою и мыслью, благородныхъ въ каждомъ поступкѣ своемъ,—какъ та прекрасная женщина, что шла теперь рядомъ съ нею... И, невольно, она перенеслась мыслью въ отель Бомбони. Увидала ту грязь, куда онъ спустился, чтобы предложить ей свою любовь. Лэди Алиція—въ своемъ чудномъ саду; она—за конторкой засиженнаго мухами ресторанчика, съ Джузеппе на заднемъ планѣ. Ее бросило въ дрожь отъ контраста. Какъ она осмѣлилась полюбить его? Какъ осмѣлилась отказать ему? И тутъ только впервые она каждымъ фибромъ своего существа почувствовала, какимъ ужасомъ для него было ея признаніе, что она—невѣста Джузеппе.

На минуту она забылась въ своемъ горькомъ отчаяніи и слышала возлѣ себя только музыку ласковаго, нѣжнаго голоса. Потомъ, усиліемъ воли, овладѣла собой, и стала слышать не только музыку, но и слова—и лэди Алиція на своихъ ясныхъ высотахъ показалась ей еще болѣе далекой и недосягаемой.

— Вы видите, я знаю все—знаю и то, при какихъ обстоятельствахъ вы покинули вашъ домъ,—говорила Алиція.—Какъ же вы думаете теперь—вернуться обратно?

— Куда?

— Домой. Въ отель Бомбони. Вы возвращаетесь туда?

— О нѣтъ, нѣтъ—никогда въ жизни! Это слишкомъ ужасно. Слишкомъ грязно. Тамъ все, что было во мнѣ самаго гадкаго, самаго сквернаго, чего ему и знать бы не слѣдовало... О, за-

чѣмъ только я окунула его въ эту грязь! Это я виновница его смерти. Лучше бы онъ убилъ меня тогда... Но я такъ любила его. О, какъ я любила его!

Она обхватила руками одну изъ каменныхъ вазъ, украшавшихъ ступени террасы и разрыдалась, какъ безумная. Алиція обняла ее рукою, ласково успокаивая ее. Справившись съ собой, Витторія подняла на нее залитое слезами лицо.

— Не все ли равно, что будетъ со мною? Солнце, и луна, и всѣ яркія звѣзды погасли на небѣ.

— Вы сказали это такъ, какъ онъ бы сказалъ,—прошептала Алиція, пораженная словно отзвукомъ любимаго голоса. И въ первый разъ глаза ея наполнились слезами.

— Это потому, что я такъ любила его. Я помню всѣ слова, которыя онъ говорилъ мнѣ, помню звукъ каждаго слова.

— Вы любили честнаго человѣка и великаго поэта. Это уже утѣшеніе.

— И самую прекрасную душу, когда-либо созданную Богомъ!—воскликнула дѣвушка.

— Да,—сказала Алиція, съ изумленіемъ глядя на нее сквозь туманъ, застилавшій ея глаза, потому что слова эти были для нея откровеніемъ,—да, прекрасную душу. Вы разглядѣли его лучше, чѣмъ мы. Вы были ему ближе, чѣмъ мы всѣ.

— Ахъ нѣтъ! Это вы были ему ближе всѣхъ, милэди. Ему слѣдовало жениться на королевнѣ, достойной его.

— Ни одна женщина не была достойна его—ни даже вы, дорогая моя, несмотря на вашу красоту, и любовь къ нему, и умѣнье его понимать—но все же вы были самая подходящая.

Онѣ молча продолжали ходить по террасѣ. Алиція все еще не могла опомниться отъ своего изумленія. „Прекрасная душа". Какая это была правда! И нѣтъ словъ на человѣческомъ языкѣ, которыми бы можно было ярче выразить эту правду. Эта дѣвушка касалась звѣздъ въ то время, какъ она, Алиція, пресмыкалась на землѣ... Такъ каждая изъ нихъ унижала себя и возвышала другую.

Подошелъ лакей—доложить, что багажъ миссъ Антонелли уже свезенъ на станцію, какъ она приказывала. Поѣздъ отходитъ черезъ двадцать минутъ. До станціи ходьбы не больше десяти.

— Миссъ Антонелли хотѣла непремѣнно идти пѣшкомъ, миледи, — возразилъ лакей въ отвѣтъ на укоризненный взглядъ своей госпожи.

— Это я виновата — сказала Витторія, когда лакей отошелъ.—Я позволила себѣ распорядиться. Мнѣ пора идти.

— Но куда же?

— У меня есть знакомые, друзья, которые пріютятъ меня, пока я найду работу.

— Но какую работу? Вы должны мнѣ позволить помочь вамъ, дорогое дитя. Мы—я и м-ръ Веллакотъ—легко могли бы обезпечить васъ.

— М-ръ Веллакотъ вчера ужъ говорилъ со мной объ этомъ,—къ Витторіи уже снова вернулась ея независимость и самоувѣренность—и я отказалась. Онъ всячески убѣждалъ меня.

— Онъ удивительный человѣкъ—сказала Алиція.—Онъ обо всемъ успѣваетъ подумать. Но то, что вы отказались вчера, еще не причина, чтобы сегодня не согласиться. Позвольте мнѣ помочь вамъ—ради Bon Ami?

Она съ тоской заглядывала дѣвушкѣ въ глаза. Витторія смягчилась.

— Я не неблагодарная. Я буду думать о васъ, какъ о Мадоннѣ въ раю, до послѣдняго вздоха. Но у меня тоже есть своя гордость: это все, что мнѣ остается. Я ничего не могу принять отъ васъ; я буду работать и буду хранить себя чистой—для него. Я никогда больше не полюблю. Я буду нести кару за мои грѣхи—за мои тяжкіе грѣхи, миледи. Пока онъ лежитъ тамъ, подъ этимъ зеленымъ холмомъ, со мной не можетъ случиться ничего дурного.

Она была великолѣпна въ своей глубокой, страстной скорби. Алиція могла только выговорить:

— Хотите—хотите поцѣловать меня?

Она шагнула впередъ. Губы ихъ встрѣтились — и словно ледяная стѣна растаяла между ними: онѣ крѣпко обнялись и съ минуту сердца ихъ бились въ унисонъ.

— Вы обѣщаете давать мнѣ знать о себѣ, обѣщаете?

— Обѣщаю—сказала Витторія.

— Еще одно: почему бы вамъ не разрѣшить намъ заботиться, если не о вашемъ счастьѣ—ну, хоть о вашемъ комфортѣ?..

— Ваша любовь — вотъ все, что мнѣ нужно и что я могу принять отъ васъ.

Она еще разъ порывисто обняла Алицію и убѣжала. Алиція вошла въ комнаты, кинулась на первый попавшійся диванъ и плакала, плакала безъ конца. О чемъ—это вѣдомо только Богу, создавшему ея душу.

Перев. съ англійск. З. Журавская.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ЖИЛИЩНЫЙ ВОПРОСЪ НА ЗАПАДѢ И ВЪ РОССІИ

Вмѣстѣ съ общимъ ростомъ цѣнъ на предметы потребленія послѣ 1905 г. въ жизни нашихъ городовъ рѣзко обострился за послѣднее время квартирный вопросъ, и жалобы на плохія санитарныя условія и дороговизну квартиръ приняли такой же повсемѣстный характеръ, какъ и жалобы на дороговизну жизни. И удивительно, что борьба съ этимъ зломъ находится у насъ еще только въ зародышѣ, тогда какъ самое зло успѣло вырости до такихъ размѣровъ, что мы смѣло можемъ претендовать въ этомъ отношеніи на первое мѣсто въ ряду другихъ европейскихъ странъ.

Хотя жилищный вопросъ привлекаетъ къ себѣ общественное вниманіе вездѣ на Западѣ, но постановка его въ разныхъ странахъ различна. Наибольшей остроты этотъ вопросъ достигъ тамъ, гдѣ въ городахъ господствуетъ типъ домовъ-гигантовъ или такъ называемыхъ „наемныхъ казармъ" (Mietskaserne), съ большимъ количествомъ сдаваемыхъ квартиръ,—какъ напр. въ Германіи и Австріи. Наоборотъ, въ Англіи и Бельгіи распространенъ, даже среди рабочаго класса, типъ небольшихъ семейныхъ домовъ, особняковъ-коттэджей. Франція занимаетъ середину: въ ней еще не опредѣлился господствующій типъ построекъ, и въ однихъ городахъ преобладаетъ первый, въ другихъ—второй. Какова разница между ними, можно судить по слѣдующимъ цифрамъ. По переписи 1901 г., въ Англіи на одинъ домъ приходится, среднимъ числомъ, въ сельскихъ поселкахъ 4,6, въ городахъ—5,4 человѣка; рѣзкой разницы между тѣми и другими нѣтъ. Даже такой колоссальный городъ, какъ Лондонъ, не представляетъ рѣзкаго исключенія: на 4.536.541 человѣкъ населенія—безъ пригородовъ—

насчитывалось 571.768 жилыхъ строеній, т.-е. на одинъ домъ приходилось менѣе 8 человѣкъ (7,9). Иначе обстоитъ дѣло на континентѣ; здѣсь разница между плотностью населенія въ городскихъ и сельскихъ поселеніяхъ во много разъ больше. Такъ, въ Парижѣ на одинъ домъ приходится 34,5, въ Берлинѣ — 48, въ Вѣнѣ — 50 человѣкъ. Что касается нашихъ столицъ, то положеніе дѣлъ здѣсь представляется въ слѣдующемъ видѣ [1]).

	Москва 1902 г.	Петербургъ 1900 г.
Число застроенныхъ владѣній	16.880	9.643
Число жилыхъ строеній	38.553	23.988
Населеніе	1.059.923	1.248.122
На одинъ домъ приходится жителей. . .	28	52

Какъ видно отсюда, Петербургъ строится болѣе въ высь, а Москва— въ ширь; при почти одинаковой площади городской территоріи въ Москвѣ значительно больше и владѣній, и строеній, а на домъ приходится почти вдвое меньше жителей, чѣмъ въ Петербургѣ. Но если, по сравненію съ послѣднимъ, Москва не безъ основанія носитъ названіе большой деревни, то въ сравненіи съ Лондономъ она по справедливости должна назваться городомъ „наемныхъ казармъ", ибо въ ней дома заселены въ три съ половиною раза гуще, чѣмъ въ первомъ...

Что касается Петербурга, то по скученности населенія, приходящагося въ среднемъ на одинъ домъ, онъ занимаетъ *первое* мѣсто въ ряду всѣхъ западно-европейскихъ столицъ и можетъ быть названъ городомъ наемныхъ казармъ по преимуществу. Едва ли нужно доказывать, что это явленіе отнюдь не можетъ служить для насъ предметомъ гордости: подобный типъ построекъ заключаетъ въ себѣ много недостатковъ какъ въ моральномъ, такъ и въ гигіеническомъ отношеніи. На послѣднемъ международномъ жилищномъ конгрессѣ, который происходилъ въ Вѣнѣ лѣтомъ 1910-го года, главный докладчикъ Фуксъ и большинство ораторовъ рѣшительнымъ образомъ высказались въ пользу маленькихъ семейныхъ домовъ—Einfamilienhäuser. Въ тѣхъ государствахъ, гдѣ преобладаетъ типъ „наемныхъ казармъ", задачей жилищной реформы должно быть возвращеніе къ прежнему типу, распространеному и теперь въ Англіи. И только въ видѣ исключенія постройки съ массовыми квартирами могутъ быть допускаемы въ центрѣ городовъ, рядомъ со зданіями, гдѣ помѣщаются дѣловыя фирмы.

Но сравнительное положеніе нашихъ крупныхъ городовъ является невыгоднымъ и въ другомъ отношеніи. Хотя на Западѣ существуетъ

[1]) См. Статистическій Ежегодникъ г. Москвы за 1907—8 гг. и С.-Петербургъ по переписи 15 декабря 1900 г., вып. 3.

рѣзкая разница въ типѣ построекъ между Англіей и Бельгіей съ одной стороны, Германіей и Австріей — съ другой, но по степени густоты населенія, приходящагося на одну квартиру или комнату, она болѣе или менѣе сглаживается и всѣ эти страны имѣютъ передъ нами неоспоримое преимущество. Такъ, въ Лондонѣ на одну квартиру приходится въ среднемъ около 4,5 человѣка, въ Вѣнѣ—4,4, въ Берлинѣ — 4,0, въ Парижѣ — даже 2,7; незначительность послѣдней цифры объясняется тѣмъ, что въ Парижѣ сильно распространены единоличныя хозяйства, да и составъ французскихъ семействъ вообще меньше, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Въ остальныхъ европейскихъ столицахъ средняя густота населенія одной квартиры колеблется— отъ 4 до 4½ человѣкъ. У насъ соотвѣтственная цифра почти вдвое выше: въ Петербургѣ 8 человѣкъ, въ Москвѣ 8,6, несмотря на то, что наши столицы растутъ главнымъ образомъ за счетъ пришлаго, безсемейнаго населенія. Такимъ образомъ, въ то время какъ на Западѣ квартира является какъ бы мѣстомъ средоточія семейной жизни, у насъ она служитъ сборнымъ пунктомъ для самыхъ разношерстныхъ элементовъ.

Столь же неблагопріятное отношеніе получится и въ томъ случаѣ, если мы разсмотримъ распредѣленіе населенія по комнатамъ. Въ Лондонѣ и Парижѣ приходится, въ среднемъ, немного болѣе одного человѣка на комнату, въ Берлинѣ—1,3, а въ Петербургѣ—около двухъ. Современная западно-европейская статистика и общественная гигіена считаетъ квартиру *перенаселенной*, если на комнату приходится болѣе двухъ человѣкъ. Конечно, и въ Парижѣ, и въ Лондонѣ можно встрѣтить немало лицъ, которыя ютятся въ помѣщеніяхъ, неудовлетворяющихъ этимъ требованіямъ; но нигдѣ переполненіе не достигаетъ такихъ размѣровъ, какъ у насъ. Такъ напр. въ Петербургѣ, по переписи 1900 г., населеніе платныхъ, теплыхъ квартиръ размѣщалось слѣдующимъ образомъ. Въ квартирахъ, состоящихъ изъ одной или двухъ чистыхъ комнатъ (т.-е. не считая кухонь и прихожихъ), насчитывалось 46.401 комнатъ, съ 314.097 жильцами; на одну комнату приходится 4,4 человѣка. Если даже брать въ расчетъ кухни, то все же до нормы будетъ далеко: на комнату придется 2,6 человѣка. Въ квартирахъ, состоящихъ изъ 3—5 комнатъ,—а ихъ насчитывается 55.329, съ 479.871, жильцомъ,—на одну комнату приходится около 2,4 человѣка, а если присоединить кухни, то около 1,9 человѣка. Такимъ образомъ, изъ общаго числа населенія платныхъ квартиръ въ 927.301 человѣкъ *болѣе трети* живетъ въ крайне переполненныхъ помѣщеніяхъ и *болѣе половины* занимаетъ квартиры, близкія къ переполненію, т.-е. едва терпимыя. Лучше обстоитъ дѣло въ квартирахъ отъ 6 до 10 комнатъ, которыхъ насчитывается 11.919, съ

105.683 жильцами; но безусловно удовлетворительными и ихъ назвать нельзя, такъ какъ на одну комнату приходится въ нихъ болѣе одного человѣка. Вполнѣ удовлетворительны лишь самыя богатыя квартиры—отъ 11 комнатъ и болѣе, но ихъ имѣется всего лишь 1.716, съ населеніемъ въ 27.650 человѣкъ.

Изъ безплатныхъ жилыхъ помѣщеній обращаютъ на себя вниманіе квартиры, отводимыя для домовой прислуги — швейцарскія, дворницкія и т. п.: ихъ насчитывается 11.015, съ 13.690 комнатъ и населеніемъ въ 44.216 душъ, такъ что на одну комнату приходится 3,2 человѣка.

Итакъ, квартирныя условія нашихъ крупныхъ городовъ совмѣщаютъ въ себѣ крайности переполненія съ тѣми отрицательными сторонами, которыя присущи домамъ казарменнаго типа, т.-е. представляются неудовлетворительными вдвойнѣ. Нетрудно видѣть, что именно здѣсь кроется зародышъ многихъ серьезныхъ опасностей какъ въ моральномъ, такъ и въ гигіеническомъ отношеніи; въ частности этимъ объясняется, напр., широкое распространеніе среди населенія нашихъ крупныхъ городовъ всякаго рода эпидемическихъ заболѣваній. Даже упорство холерной эпидеміи и ея распространеніе изъ промышленныхъ центровъ въ деревни нужно приписать не только отсутствію канализаціи, но и крайней скученности и переполненію городскихъ жилищъ. Эта связь между эпидеміями и плохимъ состояніемъ квартирныхъ условій неоднократно констатировалась и на Западѣ, гдѣ уровень жизни народныхъ массъ несравненно выше. „Нездоровыя помѣщенія — замѣчаетъ Левассеръ въ своемъ послѣднемъ трудѣ по рабочему вопросу во Франціи [1]) — врачи считаютъ одною изъ серьезныхъ причинъ распространенія туберкулеза. Вычислено, что 38% общаго числа 101.496 смертныхъ случаевъ, вызванныхъ туберкулезомъ въ Парижѣ за десять лѣтъ, приходится на 5.263 дома, извѣстныхъ въ качествѣ нездоровыхъ... Въ свою очередь, холерная эпидемія наибольшее количество своихъ жертвъ унесла въ тѣхъ кварталахъ Парижа, гдѣ населеніе наиболѣе скучено — по винѣ ли домовладѣльцевъ, или по безпечности квартирантовъ“.

А между тѣмъ въ нашихъ крупныхъ городахъ и общія санитарныя условія много хуже, и скученность населенія достигла такихъ размѣровъ, какъ нигдѣ. Одною изъ главныхъ причинъ чрезмѣрнаго переполненія жилищъ въ нашихъ промышленныхъ центрахъ нужно считать не только низшій уровень средствъ къ существованію, но и чрезмѣрную дороговизну квартиръ. Наше общество уже привыкло къ тому положенію, что по относительнымъ размѣрамъ національнаго

[1]) „Les questions ouvrières et industrielles en France sous la troisième République“ 1907.

богатства, т.-е. по доходу, причитающемуся въ среднемъ на одного жителя, Россія занимаетъ одно изъ самыхъ послѣднихъ мѣстъ, и перестало, повидимому, удивляться самымъ нелестнымъ для насъ сравненіямъ. Но нельзя, по нашему мнѣнію, не считать удивительнымъ того факта, что стоимость жизни за послѣднее время стремится стать у насъ не только относительно, но и въ абсолютныхъ цифрахъ выше, чѣмъ въ Западной Европѣ, и въ частности квартиры обходятся нашему населенію дороже, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Въ теченіе 1905—1908 гг. департаментомъ труда англійскаго министерства торговли было произведено спеціальное изслѣдованіе сравнительнаго положенія рабочаго класса въ четырехъ промышленныхъ странахъ. На основаніи огромнаго матеріала, собраннаго этимъ изслѣдованіемъ [1]), можно придти къ заключенію, что наиболѣе дешевыми квартирами отличается Бельгія, затѣмъ идутъ Франція и Англія, а послѣднее мѣсто занимаетъ Германія. Если принять уровень квартирной платы въ Англіи за 100, то въ остальныхъ странахъ она выразится слѣдующими цифрами:

	Германія.	Франція.	Бельгія.
Провинціальные города	121	99	74
Столицы	116	95	60

Между тѣмъ, если мы возьмемъ для сравненія главные города Германіи и Россіи, то окажется, что въ Петербургѣ цѣны на квартиры стоятъ выше, чѣмъ въ Берлинѣ. Нижеслѣдующая таблица показываетъ (въ рубляхъ) стоимость квартиръ разной величины, предназначенныхъ исключительно для жилья, причемъ — для того, чтобы сдѣлать сравненіе возможно болѣе точнымъ — мы въ Петербургѣ беремъ квартиры безъ отопленія.

Число комнатъ въ квартирѣ:	Берлинъ.	Петербургъ.
1	108	155
2	175	249
3—5	375	441
6—10	1,102	1,109
11 и болѣе	3,250	3,108

Какъ видно изъ этихъ цифръ, взятыхъ нами изъ декабрьскихъ переписей 1900 г. [2]), квартиры отъ 6 до 10 комнатъ оплачиваются почти

---

[1]) См. Cost of Living of the Working Classes.—Report of an Enquiry by the Board of Trade into Working Class Rents, Housing and Retail Prices, together with the Standart Rates of Wages in certain occupations in the principal Industrial Towns of the United Kingdom, 1908. Cost of Living in German Towns, 1908. Cost of Living in French Towns, 1909. Cost of Living in Belgian Towns, 1910.

[2]) Относительно Берлина см. „Die Ergebnisse der Grundstücks-und Wohnungsaufnahmen im Jahre 1900“.

одинаково въ обоихъ городахъ, а квартиры въ 11 и болѣе комнатъ—въ Берлинѣ даже нѣсколько дороже, чѣмъ въ Петербургѣ. Квартиры средней величины, отъ 3 до 5 комнатъ, наоборотъ въ Петербургѣ дороже на 17,6%, а квартиры маленькія—въ одну или двѣ комнаты—почти въ полтора раза. Другими словами, дороговизна болѣе всего поражаетъ именно наименѣе обезпеченные слои населенія, рабочій классъ; на среднихъ слояхъ она отзывается значительно слабѣе, и совершенно не касается зажиточныхъ элементовъ. Неудивительно, поэтому, что нашъ рабочій, получающій къ тому же значительно меньшую плату, чѣмъ на Западѣ, не имѣетъ возможности обезпечить себя сколько-нибудь удовлетворительнымъ помѣщеніемъ. Въ Западной Европѣ рабочія семьи занимаютъ обыкновенно отдѣльныя квартиры, и разница между отдѣльными странами заключается лишь въ томъ, что напр. въ Англіи и Бельгіи эти квартиры помѣщаются въ особнякахъ-коттэджахъ, въ Германіи — преимущественно въ „наемныхъ казармахъ", а во Франціи распространены въ перемежку оба эти вида. У насъ рабочія семьи по большей части не имѣютъ самостоятельнаго очага, и населеніе квартиръ отличается гораздо бо̀льшею многочисленностью и разнородностью. На Западѣ идетъ рѣчь о томъ, изъ сколькихъ комнатъ состоитъ рабочая квартира — 2, 3, 4 или 5; въ Россіи же обладаніе даже одной комнатой, къ тому же обыкновенно въ чужой квартирѣ, нужно считать до извѣстной степени роскошью. Гораздо чаще приходится спрашивать, какую часть комнаты занимаетъ рабочее семейство. Обычно оно должно довольствоваться тѣмъ, что снимаетъ уголъ или каморку, рѣже—отдѣльную комнату; только незначительная ихъ часть въ состояніи снимать квартиру, пуская къ себѣ жильцовъ. На почвѣ вышеуказанной дороговизны квартиръ и скудости заработной платы и выросли въ нашихъ крупныхъ городахъ такъ называемыя угловыя или коечно-каморочныя квартиры,—явленіе, незнакомое Западной Европѣ и составляющее, можно сказать, нашу національную особенность. По переписи, произведенной весною 1899 г., въ Москвѣ оказалось 15,922 подобныхъ квартиры, съ населеніемъ въ 174,622 человѣка. Преобладающая часть ихъ—около 77%—состоитъ всего изъ одной комнаты, въ $9^1/_2$ аршинъ среднимъ числомъ въ длину и ширину, съ кухней, а между тѣмъ на каждую квартиру приходится... *около 11 человѣкъ*. Часть пространства, при помощи досчатыхъ перегородокъ, недоходящихъ до потолка, отводится для каморокъ, а остальное мѣсто занимается койками. Койки бываютъ или одиночныя, или двойныя. Послѣднія сдаются либо семейнымъ, либо постороннимъ и даже незнакомымъ лицамъ. Но и одиночныя койки также занимаются иногда двоими: одинъ спитъ на ней днемъ, а другой — ночью. Въ Петербургѣ, вмѣстѣ съ пригородами, насчитыва-

лось къ концу девяностыхъ годовъ болѣе 15 тысячъ угловыхъ квартиръ, гдѣ находили пріютъ до 250,000 человѣкъ. „Самой выдающейся чертой этихъ квартиръ, всегда обращавшей на себя особенное вниманіе санитарнаго надзора, — говоритъ д-ръ Рубель, — является чрезмѣрное переполненіе ихъ жильцами, мѣстами достигающее ужасающихъ размѣровъ. Ни квартирные хозяева, ни сами жильцы при размѣщеніи по комнатамъ никогда не соображаются съ объемомъ, съ кубическимъ содержаніемъ воздуха. Площадь пола служитъ единственнымъ мѣриломъ вмѣстимости, и квартира только тогда считается заполненной, когда уже ни въ какой уголокъ нельзя больше втиснуть ни одной койки. Нерѣдко даже, когда вся комната уже заставлена кроватями, избыточные жильцы помѣщаются въ узкихъ закоулкахъ между печью и стѣной, иногда даже прямо на полу, а въ исключительныхъ случаяхъ—какъ намъ привелось видѣть въ такъ называемой Вяземской лаврѣ—и подъ нарами; спятъ не только въ комнатахъ и кухнѣ, но и въ коррйдорахъ, узкихъ проходахъ, нерѣдко въ помѣщеніяхъ, совершенно лишенныхъ свѣта, въ углахъ, гдѣ невозможенъ никакой обмѣнъ воздуха. Въ той же самой комнатѣ, которая служитъ общей спальней, помѣщается нерѣдко и мастеръ-кустарь — портной, сапожникъ, туфельщикъ, шапочникъ, скорнякъ и др.; его верстакъ, убогій скарбъ, который служитъ матеріаломъ для его издѣлій, скарбъ, нерѣдко пріобрѣтенный на такъ называемомъ развалѣ Александровскаго рынка—все это помѣщается въ общей спальнѣ и несчастный обитатель угловой квартиры своими легкими поглощаетъ всю ту пыль и грязь, которая уже при легкомъ прикосновеніи густымъ столбомъ поднимается надъ всей этой ветошью. Никакихъ приспособленій для храненія убогой одежды углового жильца вы здѣсь не встрѣтите: платье, бѣлье, сапоги, тряпки — все со специфическимъ „запахомъ жилья“—развѣшано, наставлено, разбросано безпорядочно повсюду въ комнатѣ: на стѣнахъ, на полу, на койкахъ, подъ ними. Воздухъ въ этихъ квартирахъ настолько удушливъ, настолько „спертъ“, что даже въ лѣтнее время — при открытыхъ окнахъ — свѣжій человѣкъ, войдя съ улицы, съ трудомъ дышетъ. Для спанья служатъ большею частью простыя деревянныя кровати самаго примитивнаго устройства: 4—5 наскоро сколоченныхъ, часто нетесанныхъ досокъ укрѣпляются на поперечныхъ козлахъ—и кровать готова. Расположены онѣ обыкновенно вдоль стѣнъ, тѣсно примыкаютъ одна къ другой, такъ что изголовье одной приходится непосредственно у ножнаго конца другой; между стѣной и кроватью никакихъ промежутковъ не оставляется и даже у наружной стѣны, съ окнами, койки непосредственно прилегаютъ къ послѣдней“. И въ такой обстановкѣ на койкѣ помѣщается иногда по пяти и болѣе человѣкъ...

Какъ же бороться съ дороговизной и антигигіеничностью нашихъ жилищъ, какъ освободить квартиры отъ чрезмѣрной скученности и перенаселенности? Нѣтъ сомнѣнія, что прежде всего нужно выяснить размѣры зла и опредѣлить мѣсто его нахожденія—т.-е. ввести институтъ квартирной инспекціи, съ одновременнымъ изданіемъ надлежащихъ законодательныхъ нормъ, которыми бы опредѣлялся минимумъ условій, которымъ должны удовлетворять жилыя помѣщенія. Институтъ жилищной инспекціи былъ введенъ впервые во Франціи въ 1850 г., но практическаго значенія въ то время не пріобрѣлъ. Надлежащее развитіе онъ получилъ лишь въ Англіи, съ изданіемъ закона 1875 г. объ охранѣ общественнаго здравія (Public Health Act). Въ настоящее время онъ имѣетъ право гражданства уже въ большинствѣ государствъ Западной Европы. Въ этой области женскій трудъ находитъ себѣ въ послѣднее время все болѣе и болѣе широкое примѣненіе. Въ Англіи, по даннымъ 1907 г., насчитывалось 70 городовъ, гдѣ функціонировали 133 женщины въ качествѣ санитарныхъ инспекторовъ. Въ Стокгольмѣ при жилищной инспекціи состоятъ 3 женщины—ассистентки. Въ Нидерландахъ женщины также допускаются къ этой должности. Въ великомъ герцогствѣ Гессенскомъ имѣется въ виду назначить женщину на должность жилищнаго инспектора въ округѣ Вормсъ.

Само собою разумѣется, однако, что введеніе квартирной инспекціи и предъявленіе къ жилымъ помѣщеніямъ болѣе или менѣе серьезныхъ требованій должно сопровождаться усиленіемъ строительной дѣятельности; въ противномъ случаѣ оно можетъ повести къ неожиданнымъ и печальнымъ послѣдствіямъ. Такъ напр., недавно въ Петербургѣ распоряженіе градоначальника, касающееся санитарныхъ условій квартиръ съ угловыми жильцами и запрещающее отдачу въ наемъ помѣщеній, не соотвѣтствующихъ требованіямъ гигіены, вызвало, во-первыхъ, массовое удаленіе угловыхъ жильцовъ изъ занимаемыхъ ими квартиръ, во-вторыхъ—отказы, изъ боязни штрафа, въ сдачѣ такихъ помѣщеній въ домахъ, гдѣ раньше были угловые квартиранты. Ближайшимъ слѣдствіемъ этого явилось крайнее переполненіе городскихъ и частныхъ ночлежныхъ домовъ. Угловые жильцы цѣлыми семьями являлись въ полицейскіе участки съ просьбами указать имъ дома, гдѣ наемъ жилья былъ бы для нихъ возможенъ. На Пескахъ, въ районѣ нарвской и выборгской частей на этой почвѣ разыгрывались цѣлыя драмы; жены рабочихъ, выселенныхъ изъ опасныхъ по эпидеміи квартиръ, проводили дни въ трактирныхъ заведеніяхъ, вмѣстѣ съ дѣтьми, и оттуда нерѣдко изгонялись хозяевами. Для избѣжанія такихъ послѣдствій необходимо, чтобы въ распоряженіи населенія имѣлся болѣе или менѣе значительный запасъ под-

ходящихъ по цѣнѣ и удовлетворяющихъ требованіямъ гигіены квартиръ. Оздоровленіе жилищныхъ условій на Западѣ было достигнуто именно широкимъ развитіемъ строительной дѣятельности со стороны общинъ, государства и такъ называемыхъ строительныхъ товариществъ. Родиной строительныхъ товариществъ является Англія, гдѣ они развились изъ сберегательныхъ кассъ, обращавшихъ свои средства на выдачу ссудъ своимъ членамъ для постройки жилищъ. Въ 1908 г. подобныхъ обществъ—такъ называемыхъ Building Societies—насчитывалось здѣсь 1.633, съ 600.000 членовъ и съ капиталомъ въ 1.341.692.780 марокъ, составленнымъ изъ паевыхъ взносовъ, займовъ и вкладовъ. Въ теченіе года ими было выдано ссудъ на постройку жилищъ 164.889.720 марокъ, а возвращено 157.400.000 мар. Потребительными обществами было затрачено на постройку домовъ до 250 милл. марокъ, изъ коихъ немного болѣе половины—132 милл.—пошло на выдачу ссудъ членамъ съ означенной цѣлью, а остальныя—на сооруженіе собственныхъ домовъ, которые сдаются въ наймы [1]). Постройкой жилищъ занимаются также профессіональные рабочіе союзы и всякаго рода общества взаимопомощи (Friendly Societies). Сколько выстроено всѣми этими организаціями домовъ—сказать трудно, но во всякомъ случаѣ число это измѣряется многими десятками тысячъ, принимая во вниманіе, что господствующимъ типомъ жилищъ является здѣсь коттэджъ. Сверхъ того публичными корпораціями въ Англіи было затрачено болѣе 6.000.000 ф. ст. на покупку Slums (т.-е. грязныхъ и тѣсно застроенныхъ улицъ) и болѣе 4.000.000 ф. ст. на постройку новыхъ жилищъ. Одинъ Лондонъ израсходовалъ съ означенной цѣлью болѣе 30 милл. рублей; г. Бирмингамъ экспропріировалъ и выкупилъ болѣе 2.000 домовъ, изъ коихъ 1.200 уничтожено совсѣмъ, а остальные—оздоровлены и исправлены. Всего общинами по собственной иниціативѣ построено 30 большихъ домовъ съ образцовыми квартирами и 20.560 маленькихъ квартиръ съ 56.949 комнатами. Въ заключеніе упомянемъ еще о дѣятельности строительныхъ обществъ полу-благотворительнаго, полу-коммерческаго характера; въ Лондонѣ, напр., 10 подобныхъ ассоціацій устроили квартиры на 125.000 человѣкъ!

Въ Ирландіи публичными корпораціями выстроено 20.634 семейныхъ домовъ, которые сдаются въ наймы по цѣнѣ отъ 35 коп. до 70 коп. въ недѣлю. Правительство оказало имъ содѣйствіе выдачей въ займы 3.415.000 ф. ст. и кромѣ того, подобно органамъ мѣстнаго самоуправленія, выдаетъ имъ ежегодно субсидіи. Закономъ 1906 г. было вновь отпущено еще 4.250.000 ф. ст., которые выдаются ирланд-

---

[1]) См. Agenda für den VIII internationalen Genossenschaftskongress, 1910.

ской поземельной коммиссіей на очень льготныхъ условіяхъ ($3^1/_4$% включая погашеніе).

Въ Германіи, по даннымъ имперскаго страхового бюро, 40 учрежденій отъ старости и инвалидности, занимающихся страхованіемъ рабочихъ, затратили по конецъ 1907 г. 628,8 милліоновъ марокъ или 45% всего ихъ капитала на общеполезныя цѣли, причемъ изъ этихъ суммъ на постройку рабочихъ жилищъ приходится 195.753.000 марокъ. Общеполезная, т.-е. не гоняющаяся за полученіемъ барыша строительная дѣятельность основывается здѣсь, главнымъ образомъ, на самодѣятельности заинтересованныхъ лицъ; ипотечный кредитъ со стороны страховыхъ учрежденій оказывается прежде всего именно строительнымъ товариществамъ. На ихъ долю приходится 64% всей суммы ссудъ, выдаваемыхъ страховыми учрежденіями. Выдача отдѣльнымъ лицамъ, изъ числа застрахованныхъ, ссудъ на постройку собственныхъ домовъ не пользуется популярностью; на этотъ предметъ было выдано только 37 милл. м. или 19% общей суммы. Наименьшее значеніе имѣетъ выдача ссудъ работодателямъ на постройку домовъ для рабочихъ (5% всей суммы ссудъ, и при томъ на особыхъ условіяхъ). Обращаетъ на себя вниманіе также и дѣятельность государства. Въ Пруссіи, со времени изданія закона 13 августа 1895 г. объ „улучшеніи жилищныхъ условій рабочихъ, занятыхъ въ государственныхъ предпріятіяхъ, и низшихъ служащихъ“, израсходовано на этотъ предметъ въ общей сложности 104 милл. м., и въ 1909 г. вновь былъ принятъ законъ объ ассигнованіи еще 16 милл. м. съ той же цѣлью. Казна частью строитъ дома сама, частью—черезъ посредство строительныхъ товариществъ, выдавая имъ пособія. Первымъ способомъ было устроено до октября 1906 г. 11.000, вторымъ — 10.000 квартиръ; нѣсколько позже общее число устроенныхъ квартиръ исчислялось уже въ 27.000. Дома, при этомъ, оставались въ собственности государства; квартиры отдавались лишь въ наймы служащимъ и рабочимъ. Примѣру Пруссіи послѣдовало съ 1901 г. и общеимперское правительство; за время съ 1901 по 1 янв. 1909 г. въ распоряженіе министерства внутреннихъ дѣлъ было отпущено 33 милл. марокъ на постройку домовъ для рабочихъ и мелкихъ служащихъ.

Въ великомъ герцогствѣ Гессенскомъ законъ 1902 г. предоставляетъ государственной кредитной кассѣ выдавать общинамъ ссуды на постройку жилищъ для малоимущаго населенія. Община можетъ либо сама строить, либо ссудить полученныя деньги общеполезному строительному товариществу. Въ случаѣ постройки жилищъ самой общиной, касса выдаетъ ссуды въ размѣрѣ 100% суммы, необходимой для постройки зданія и пріобрѣтенія земельнаго участка,

въ случаѣ же постройки товариществомъ — въ размѣрѣ 90% указанной суммы. Процентъ за ссуду касса взимаетъ въ томъ размѣрѣ, въ какомъ деньги обходятся самому государству — до сихъ поръ отъ 3,6 до 3,7%; кромѣ того взимается еще ежегодно $^3/_4$% въ погашеніе ссуды. Въ первые четыре года дѣйствія закона общинами и строительными товариществами было выстроено 262 дома, съ 617 квартирами, на сумму въ 3 слишкомъ милл. марокъ. Всего въ Германіи насчитывалось къ 1 января 1908 г. 747 строительныхъ товариществъ, съ 147.229 членами, которыя устроили болѣе 40.000 квартиръ. Въ Бельгіи, со времени изданія закона 9 августа 1889 г., разрѣшившаго государственной сберегательной кассѣ затрачивать часть своихъ средствъ на оказаніе кредита тѣмъ обществамъ, которыя ставятъ своей цѣлью снабжать рабочее населеніе дешевыми жилищами, возникло по 1909 г., т.-е. за 20 лѣтъ, 200 новыхъ такихъ обществъ, и имъ было выдано 80.629.580 фр. въ видѣ ссудъ на постройку 42.600 домовъ.

Какъ видно изъ приведенныхъ выше данныхъ, непосредственная строительная дѣятельность государства пока еще ничтожна и то, что сдѣлано на Западѣ въ видахъ облегченія жилищной нужды, осуществлено главнымъ образомъ строительными товариществами, т.-е. организаціями, основанными на принципѣ коопераціи. Второе мѣсто послѣ нихъ занимаютъ городскіе муниципалитеты, дѣятельность которыхъ за послѣднее время сильно расширяется. Первоначальной и до сихъ поръ еще преобладающей формой участія ихъ въ этомъ дѣлѣ является постройка домовъ для городскихъ служащихъ и рабочихъ. Какъ указывалось на послѣднемъ международномъ жилищномъ конгрессѣ въ Вѣнѣ, перечисленіе городовъ, стремящихся удовлетворить жилищную потребность своихъ рабочихъ и служащихъ, не имѣло бы смысла, такъ какъ нужно было бы назвать всѣ германскія городскія коммуны. И дѣйствительно, едва ли можно указать городъ — не только въ Германіи, но и во всей Западной Европѣ, — который бы не заботился объ улучшеніи квартирныхъ условій своихъ служащихъ. За послѣднее время города—напр. Франкфуртъ, Ульмъ—начинаютъ строить дома и для болѣе широкихъ слоевъ населенія. Цюрихскій муниципалитетъ въ началѣ 1910 г. постановилъ отпустить 5.200.000 фр. на постройку городскихъ домовъ какъ для рабочаго класса, такъ и для среднихъ слоевъ. Въ Будапештѣ, гдѣ частная строительная дѣятельность ничего не сумѣла сдѣлать въ области мелкихъ и дешевыхъ квартиръ и гдѣ существовала страшная жилищная нужда, городское управленіе въ началѣ 1909 г. ассигновало 31 милл. кронъ на устройство городскихъ квартиръ. Изъ этой суммы уже израсходовано въ настоящее время 16 милл.

Серьезное значеніе въ дѣлѣ смягченія жилищной нужды имѣетъ также развитіе мѣстныхъ путей сообщенія, которые способствуютъ отливу населенія изъ центра на окраины и въ пригороды, не допуская, такимъ образомъ, чрезмѣрнаго вздутія квартирныхъ цѣнъ. Большое распространеніе, затѣмъ, получаетъ въ Западной Европѣ налогъ на такъ называемый незаслуженный приростъ земельной цѣнности, имѣющій своей цѣлью, кромѣ полученія дохода, еще борьбу съ земельной спекуляціей. Главной своей тяжестью онъ обрушивается именно на незастроенныя земли, которыя скопляются въ рукахъ разныхъ спекуляторовъ, искусственно сокращающихъ предложеніе въ расчетѣ на быстрое повышеніе цѣнъ въ будущемъ. Но все же центръ тяжести въ области жилищной реформы лежитъ въ настоящее время въ развитіи строительной дѣятельности со стороны общинъ и строительныхъ товариществъ. Наиболѣе серьезнымъ вопросомъ для послѣднихъ является раціональная организація кредита, такъ какъ имъ трудно достать въ требуемомъ размѣрѣ ссуды съ погашеніемъ на долгій срокъ и подъ невысокій процентъ. Этотъ вопросъ обсуждался на IX-мъ международномъ конгрессѣ по жилищному вопросу, происходившемъ лѣтомъ 1910-го года въ Вѣнѣ. По проекту главнаго докладчика, Раухберга, на помощь строительнымъ товариществамъ въ этомъ дѣлѣ должны придти государство и общины: они или сами выдаютъ такія ссуды, или выступаютъ въ качествѣ поручителей. Свое содѣйствіе государство можетъ оказывать непосредственно, учреждая „гарантирующій фондъ", или косвенно, разрѣшая государственнымъ кредитнымъ учрежденіямъ — сберегательнымъ кассамъ и т. п.—принять участіе въ этомъ дѣлѣ, подъ отвѣтственностью государства. Такъ какъ проведеніе этой кредитной операціи требуетъ единаго управленія, докладчикъ предлагалъ учрежденіе государственныхъ комитетовъ попеченія о жилищахъ. Этотъ проектъ Раухберга отчасти уже осуществленъ въ Австріи: парламентская коммиссія рейхсрата приняла законопроектъ, создающій „жилищный фондъ" и требующій отчисленія въ этотъ фондъ ежегодно по 6 милл. кронъ, до 1919 г., къ каковому сроку фондъ составитъ 54 милл. Этотъ фондъ и долженъ будетъ служить гарантіей для строительныхъ ссудъ.

Что касается постройки жилищъ самими общинами, то въ послѣднее время намѣчается тенденція превратить эту дѣятельность изъ случайной, какою она является до сихъ поръ, въ правильную и, такъ сказать, обязательную. Такъ напр., на третьемъ съѣздѣ представителей французскихъ городовъ, происходившемъ въ декабрѣ 1908 г., принята резолюція въ томъ смыслѣ, чтобы города строили дешевыя и здоровыя жилища, если не для всѣхъ, то по крайней мѣрѣ для

половины рабочихъ, не имѣющихъ осѣдлости, если будетъ ощущаться въ этомъ потребность.

При развитіи собственной строительной дѣятельности общинамъ, конечно, неизбѣжно приходится вступать въ столкновеніе съ интересами отдѣльныхъ собственниковъ, не желающихъ приводить свои дома въ состояніе, удовлетворяющее требованіямъ гигіены. Въ Англіи законы 1868, 1875 и 1882 гг. разрѣщаютъ мѣстнымъ властямъ, по указанію санитарной инспекціи, перестраивать непригодные дома и квартиры на средства собственниковъ, а въ случаѣ необходимости—даже очищать цѣлые кварталы, путемъ принудительнаго отчужденія. Третій съѣздъ представителей городовъ во Франціи высказался за то, чтобы муниципалитетамъ было предоставлено право принудительнаго отчужденія не только отдѣльныхъ домовъ, находящихся въ антисанитарномъ состояніи, но и цѣлыхъ группъ застроенныхъ участковъ и даже кварталовъ. Проектъ закона о такомъ отчужденіи уже внесенъ въ палату депутатовъ, и съѣздъ высказалъ въ своей резолюціи пожеланіе о скорѣйшемъ его разсмотрѣніи.

Въ заключеніе упомянемъ еще объ интересномъ опытѣ Новой Зеландіи. Въ Старомъ Свѣтѣ государство рѣшается (какъ напр. въ Германіи) выступить съ постройкой жилищъ только для своихъ служащихъ; здѣсь оно начинаетъ строить ихъ вообще для всякаго рода рабочихъ. Въ 1905 г. въ Новой Зеландіи былъ изданъ законъ, которымъ предоставляется министру общественныхъ работъ пріобрѣтать земли и выстраивать на нихъ жилища для рабочихъ. Рабочими, согласно этому закону, признаются мужчины или женщины, занятые въ какой-либо отрасли промышленности и получающіе заработную плату не свыше 200 ф. ст. въ годъ. Только для такихъ лицъ и разрѣшается строить жилища за счетъ государства, при чемъ требуется еще, чтобы претендентъ на квартиру не обладалъ самъ земельной собственностью. Стоимость постройки не должна превышать 350 ф. ст., если она сооружается изъ дерева, и 400 ф. ст., если изъ камня или кирпича. Наемная плата, уплачиваемая еженедѣльно, равняется 5% стоимости дома, съ присоединеніемъ 1% на страхованіе и 2% на уплату налоговъ.

Итакъ, всюду на Западѣ идетъ оживленная работа и только у насъ, въ Россіи—гдѣ жилищныя условія особенно неблагопріятны,—что-то ея не замѣтно. Это печальное явленіе объясняется подавленіемъ у насъ общественной иниціативы и самодѣятельности, а также тѣмъ, что отъ участія въ мѣстномъ самоуправленіи устранены именно тѣ элементы, которые наиболѣе заинтересованы въ борьбѣ съ жилищной нуждой: интеллигенція и рабочій классъ.

К. Пажитновъ.

БЕРЛИНЪ ВЕСНОЮ И ЛѢТОМЪ

Письмо изъ Берлина.

Небезызвѣстный въ Германіи художникъ Гансъ Балушекъ, спеціализировавшійся на берлинскихъ мотивахъ, выставилъ въ этомъ году картину подъ названіемъ „Весна". Въ этомъ названіи чувствуется ядовитый сарказмъ, не лишенный, впрочемъ, нѣкотораго оправданія. Мы видимъ на первомъ планѣ небольшой клочекъ земли, лишенной всякой растительности. Только въ лѣвомъ углу виднѣется желтый одуванчикъ, своимъ одиночествомъ еще сильнѣе подчеркивающій скудость окружающаго пейзажа. Около большого камня, спиной къ зрителю, усѣлся какой-то жалкій бродяга. Лица бродяги не видать, но по торчащимъ изъ-подъ помятаго котелка сѣдымъ волосамъ можно заключить, что это—человѣкъ пожившій и видавшій виды. Въ лѣвой рукѣ бродяга держитъ сигару и, сладко затягиваясь, пристально наблюдаетъ окружающую картину берлинской весны. Какова же эта картина? А вотъ какая.

Слѣва возвышаются шестиэтажные дома, линія которыхъ убѣгаетъ вдаль, образуя одну сторону улицы. На правой сторонѣ виднѣются дровяной складъ, шестиэтажная крѣпость какой-то фабрики, большая фабричная труба и нѣсколько домишекъ, разбросанныхъ безъ всякаго плана. На горизонтѣ—пересѣкающая улица, занятая огромной кирпичной постройкой, вокругъ которой стоятъ еще лѣса съ копошащимися на нихъ рабочими. По всей улицѣ ни клочка зелени, ни деревца, ни кустика. Все на обычный взглядъ до невыносимости тоскливо и уныло. И все-таки прелести этого столичнаго пейзажа очевидно привлекательны не только для бездомнаго бродяги, но и для виднѣющихся тутъ и тамъ „парочекъ", прогуливающихся и стоящихъ по различнымъ уголкамъ унылой мѣстности. Въ спертомъ воздухѣ каменныхъ коробокъ, именуемыхъ домами, дышется, повидимому, еще труднѣе, нежели здѣсь, на улицѣ.

Конечно, Балушекъ знаетъ Берлинъ, и его картина списана несомнѣнно „съ натуры". Тѣмъ не менѣе, если вамъ придется ее видѣть, то не совѣтую дѣлать на ея основаніи какихъ-либо заключеній распространительнаго характера. Уголокъ, нарисованный Балушекомъ, типиченъ, но типиченъ далеко не для всего Берлина и даже не для бо̀льшей его части. Правда, на востокѣ и сѣверѣ Берлина, гдѣ ютится преимущественно рабочее населеніе, такіе уголки попадаются не-

рѣдко, но и тамъ еще чаще встрѣтишь болѣе отрадныя картины. Нельзя сказать, чтобы все тутъ было идеально и не нуждалось въ улучшеніяхъ. Однако по сравненію съ тѣмъ, что приходится наблюдать въ другихъ столицахъ, особенно въ Петербургѣ и Москвѣ, здѣшніе виды приходится назвать образцовыми.

Но если для рабочихъ кварталовъ картина Балушека и можетъ служить правильнымъ отраженіемъ, то по отношенію къ западной части города этого совершенно нельзя сказать. Тутъ одна улица лучше другой. Особенно хороши мѣстности, которыя стали заселяться за послѣднія десять-пятнадцать лѣтъ. Здѣсь почти повсюду встрѣчаются восхитительныя зеленыя лужайки, рощицы, оставленныя или спеціально насажденныя по соображеніямъ гигіеническаго или эстетическаго характера. На лужайкахъ красуются рододендроны, азаліи, тюльпаны и всякаго рода другіе яркіе цвѣты. Все это находится въ образцовомъ порядкѣ, за которымъ слѣдитъ цѣлая армія садовниковъ. Чѣмъ ближе къ западу и югу, тѣмъ богаче и роскошнѣе всѣ эти насажденія. „Кульминаціоннымъ пунктомъ“ берлинской растительности является знаменитый Тиргартенъ, растянувшійся на площади въ 250 гектаровъ. Часть Тиргартена отведена подъ зоологическій садъ, служащій не только для нагляднаго изученія міра животныхъ, но и для прогулокъ. Дѣти абонентовъ проводятъ здѣсь, съ своими боннами, цѣлые дни. По воскреснымъ днямъ въ зоологическомъ саду перебываютъ десятки тысячъ людей. Выдается въ Тиргартенѣ еще „Розаріумъ“. Это прелестное мѣстечко возникло всего года два тому назадъ и находится почти въ серединѣ зеленаго моря. Здѣсь насажены различнѣйшіе виды розъ, постоянно привлекающихъ безчисленное множество любопытныхъ и знатоковъ. Вообще берлинская флора не лишена интереса, а превосходный ботаническій садъ, расположенный на юго-западѣ Берлина, хранитъ роскошные образцы растительности всѣхъ странъ міра.

Правда, русскому человѣку, въ особенности впервые очутившемуся за границей, трудно придти въ восторгъ отъ берлинской „природы“. Черезчуръ она культурна, подстрижена, лишена всякой свободы и непосредственности. Тѣмъ не менѣе мнѣ приходилось не разъ наблюдать, какъ наши русскіе туристы восхищаются берлинскими весенними и лѣтними видами. Вѣроятно это были не провинціалы, а жители европеизированнаго Петербурга.

Сравнительное обиліе растительности на берлинскихъ улицахъ и площадяхъ далеко, однако, не удовлетворяетъ самихъ берлинцевъ. Берлинецъ почти болѣзненно любитъ зелень и, гдѣ только возможно старается окружить себя растительностью. Земля, однако, въ Берлинѣ, какъ и во всякомъ большомъ городѣ, очень дорога и потому рѣдко

встрѣтишь большіе частные сады. За послѣднее время количество частныхъ садовъ стало быстро уменьшаться, что находится въ связи съ налоговой политикой. Дѣло въ томъ, что земли облагаются тутъ не по ихъ прибыльности, а по „общей цѣнности“ (allgemeiner Wert). Такимъ образомъ частные сады, не приносящіе владѣльцамъ никакой матеріальной выгоды, должны все-таки нести большіе расходы, тяжесть которыхъ для многихъ владѣльцевъ превышаетъ удовольствіе, доставляемое имъ цвѣтами и деревьями. Вотъ почему за послѣдніе годы можно было наблюдать цѣлый рядъ случаевъ, когда роскошные частные сады продавались для застройки доходными домами. Ничего не подѣлаешь: прибыль привлекательна.

Не имѣя возможности разводить сады, берлинецъ пріискиваетъ другія средства для удовлетворенія своей потребности въ зелени и цвѣтахъ. Для этой цѣли ему служатъ балконы, составляющіе обязательную принадлежность почти каждой берлинской квартиры, и притомъ не только выходящей на улицу, но и расположенной во дворѣ. Нѣтъ почти ни одного балкона, на которомъ не красовались бы ярко-красныя гераніи, привлекательно оживляющія сѣрую и бѣлую окраску берлинскихъ зданій. Когда впервые видишь такую улицу, то долго не можешь оторваться отъ картины, не лишенной своеобразной миловидности. Въ новыхъ кварталахъ не ограничиваются, впрочемъ, балконами и стараются засадить зеленью и тѣ небольшіе клочки земли, которыми располагаютъ во дворахъ. Свободными отъ зелени оставляются лишь двухсаженныя полосы, необходимыя для прохода. Все остальное мѣсто усаживается розами, сиренью, туей и т. д. Стѣны часто покрываются толщей дикаго винограда, плюща и другихъ вьющихся растеній.

Балконная и дворовая растительность все-таки не въ состояніи удовлетворить запросовъ берлинца. Не могутъ удовлетворить его и Тиргартенъ и другіе городскіе сады и рощицы. Поэтому берлинецъ пользуется каждымъ свободнымъ днемъ для того, чтобы очутиться на лонѣ природы и насладиться видами и воздухомъ окружающихъ Берлинъ лѣсовъ. Каждое воскресенье и въ любой праздникъ вы встрѣтите переполненные поѣзда, уносящіе сотни тысячъ берлинцевъ за городъ, ins Grüne. Ѣдутъ преимущественно въ Грюневальдъ, Ванзее, Потсдамъ, лежащіе на западѣ, и въ Трептовъ, Тегель, Грюнау, на востокѣ и сѣверѣ отъ города. Очень многіе отправляются и въ болѣе далекія мѣста, находящіяся на разстояніи часа и двухъ отъ Берлина. Пути сообщенія въ Берлинѣ вообще чрезвычайно удобны и дешевы, а потому поѣздки доступны каждому, располагающему среднимъ достаткомъ. Въ широкихъ размѣрахъ пользуются ими и рабочія организаціи. Почти всѣ онѣ устраиваютъ по одному или два Ausflug'а

за лѣто. Ausflug'и стали настолько обычнымъ и распространеннымъ явленіемъ, что вызвали даже особый родъ промышленности. На протяженіи двухъ или трехъ часовъ ѣзды вокругъ Берлина вы повсюду встрѣтите большіе загородные рестораны и кафе, живущіе исключительно доходами отъ праздничныхъ гостей. Въ этихъ ресторанахъ имѣются особыя кухни, въ которыхъ гости сами варятъ для себя кофе. Расчетливая нѣмка привозитъ изъ дому сухой кофе и гору бутербродовъ; отъ ресторатора требуется только горячая вода, молоко, посуда, столъ и стулья. Заваривъ кофе въ толстомъ пузатомъ кофейникѣ, нѣмцы часами просиживаютъ въ этихъ кафе подъ открытымъ небомъ, похлебывая и закусывая подъ звуки болѣе или менѣе сносной музыки. Молодежь, впрочемъ, не удовлетворяется столь прозаическимъ времяпровожденіемъ и спѣшитъ присоединить ко всѣмъ этимъ примитивнымъ удовольствіямъ еще удовольствіе, доставляемое хореографіей. Въ каждомъ такомъ ресторанѣ имѣются танцовальныя залы, которыя по праздничнымъ днямъ никогда не пустуютъ. Само собой разумѣется, что хозяева ресторановъ стараются использовать случай и взимаютъ съ танцоровъ значительную пеню. Собираются деньги не въ началѣ и не въ концѣ танца, а какъ разъ въ серединѣ его. Во время каждой польки, каждаго вальса распорядитель вдругъ поднимаетъ руку—и по этому сигналу музыка перестаетъ играть, а пары кружиться. Все застываетъ, точно въ зачарованномъ замкѣ, на который злой колдунъ насылаетъ сонъ. „Злой колдунъ", т.-е. распорядитель, останавливаетъ жизнь, конечно, не для того, чтобы проявить только свою злую волю. Ему нужно все это лишь для того, чтобы, пользуясь остановкой, собрать со всѣхъ „кавалеровъ" по полагающемуся пятачку. Какъ только сборъ заканчивается, рука вновь поднимается вверхъ и заснувшее царство оживаетъ.

Помимо танцовальныхъ залъ, при лѣтнихъ загородныхъ ресторанахъ устраиваются еще качели, карусели, горки, стрѣльбища, лотереи и т. д. Съ каждымъ годомъ количество загородныхъ ресторановъ растетъ, качество ихъ улучшается все больше и больше; повидимому капиталъ находитъ тутъ для себя очень выгодное помѣщеніе. Нашлись даже такіе (американскіе) предприниматели, которые не задумались затратить цѣлые милліоны (говорятъ о четырехъ) марокъ на то, чтобы обставить одинъ такой загородный ресторанъ по послѣднимъ требованіямъ эстетики и техники. Ресторанъ этотъ извѣстенъ подъ названіемъ Luna-Park и можетъ вмѣстить на своей территоріи 30 тысячъ человѣкъ. По этой территоріи разбросаны всевозможнѣйшія приманки. Вотъ передъ нами „горки", линія которыхъ тянется по продолговатой спирали, образуя въ общемъ путь въ шесть верстъ. Поѣзда изъ трехъ небольшихъ тележекъ бѣгаютъ по ихъ кру-

тизнамъ, доставляя острое наслажденіе своимъ пассажирамъ. При каждомъ спускѣ внизъ или подъемѣ вверхъ раздаются крики восторга, къ которому примѣшивается и нѣкоторый ужасъ, сладко щекочущій нервы. И какимъ восторгомъ блестятъ глаза счастливцевъ, достигшихъ предѣльнаго пункта этой бѣшеной поѣздки!.. Для городского жителя такія встряски составляютъ, очевидно, огромную потребность и неизъяснимое наслажденіе. Большимъ вниманіемъ пользуется далѣе, спускъ на лодкахъ съ высоты тридцати или сорока саженъ. Съ неимовѣрной быстротой лодка почти падаетъ въ воду, но не погружается, а скользитъ по ея поверхности, разбрасывая кругомъ дожди брызгъ. Немного дальше вы видите нѣчто въ родѣ большой полубочки или полушарія, въ которомъ помѣщается шесть или десять человѣкъ. Аппаратъ этотъ поставленъ на наклонную плоскость и въ силу инерціи стремится скатиться внизъ. На пути движенія онъ встрѣчаетъ барьеръ и катится вдоль него, вращаясь вокругъ самого себя. Не успѣли вы приспособиться къ этому вращенію, какъ аппаратъ достигаетъ конца перваго барьера и катится по второму, который имѣетъ противоположный уклонъ. Аппаратъ начинаетъ вращаться въ другую сторону— и вслѣдъ затѣмъ повторяется та же исторія. Нужно обладать крѣпкими нервами и здоровымъ сердцемъ, чтобы выдержать такую поѣздку въ теченіе хотя бы двухъ минутъ. Берлинцы дали этому аппарату названіе Wackeltopf, („качающійся горшокъ"), а юмористическіе журналы не преминули взять этотъ Wackeltopf, какъ символъ имперскаго курса, который тоже не отличается особой прямолинейностью. Впрочемъ въ имперскомъ Wackeltopf'ѣ очевидно больше удобствъ, и господа министры выдерживаютъ свое зигзагообразное путешествіе цѣлыми годами.

Идете дальше — и передъ вами цѣлая деревня, населенная выходцами изъ Каира. Они что-то лопочатъ на своемъ непонятномъ языкѣ и только слово „бакшишъ", пользующееся интернаціональной извѣстностью, даетъ ключъ къ пониманію экзотическихъ ораторовъ. Затѣмъ идутъ неизбѣжныя карусели, какіе-то нелѣпые вращающіеся дома, „зачарованные гроты", „волшебные круги", подвижныя лѣстницы, и т. д., до безконечности. Этотъ садъ-ресторанъ посѣщается не только по праздникамъ, но и въ будни. Посѣщаютъ его всѣ классы берлинскаго населенія, отъ рабочихъ до „золотой молодежи". Болѣе богатые посѣтители усаживаются на верхней террасѣ, гдѣ можно получить только вино. Столы здѣсь покрыты бѣлоснѣжными скатертями и украшены цвѣтами. Террасой ниже сидитъ элементъ, которому трата на вино не подъ силу, но который имѣетъ возможность оплачивать такъ называемое „настоящее пиво" (echtes Bier). Скатерти здѣсь ужъ не бѣлыя, а свѣтло-желтыя. Вы спу-

скаетесь еще ниже и передъ вами терраса, уставленная столами съ красными скатертями довольно сомнительной чистоты. Здѣсь можно получить и простое пиво (такъ называемое Helles). Въ прошломъ году „классовая дифференціація“ шла дальше и существовала еще одна терраса, гдѣ столы были совсѣмъ безъ скатертей. Теперь эта терраса исчезла. Ужъ не означаетъ ли это обстоятельство, что классовыя различія въ Германіи начинаютъ „стираться“?

Любовь къ зелени и стремленіе хоть на нѣсколько часовъ въ день окружить себя растительностью изрядно эксплуатируется не только за предѣлами городской черты, но и въ центрѣ самого города. Почти каждый болѣе или менѣе значительный ресторанъ или кафе имѣетъ свой „садъ“. Такой садъ состоитъ обыкновенно изъ олеандровъ, пальмъ, а то и просто туйи, посаженныхъ въ большія кадки и разставленыхъ по различнымъ угламъ и закоулкамъ ресторан-наго двора. Какъ ни жалокъ бываетъ такой „садъ“, тѣмъ не менѣе ни одинъ рестораторъ не преминетъ оповѣстить почтеннѣйшую публику большимъ плакатомъ, что садъ открытъ — и никогда, конечно, не ошибается въ своемъ разсчетѣ. Въ ресторанъ съ „садомъ“ публика идетъ охотнѣе и засиживается дольше. Помимо „садовъ“, берлинскіе рестораторы устраиваютъ лѣтомъ особыя веранды прямо на улицѣ. Въ Парижѣ, Брюсселѣ и другихъ большихъ европейскихъ городахъ подобные arrangements устраиваются обыкновенно такимъ образомъ, что стулья и столики ставятся прямо на панель, и проходящая публика ничѣмъ не отдѣлена отъ гостей. Въ Берлинѣ такого „безпорядка“ наблюдать не приходится. Здѣсь каждая вещь должна имѣть свое опредѣленное мѣсто и свои опредѣленныя границы. Поэтому каждая „веранда“ ограждена стѣною плюща или дикаго винограда; нерѣдко приходится наблюдать и рѣшетки, деревянныя, желѣзныя или каменныя. Вечеромъ на этихъ верандахъ зажигаютъ цвѣтныя садовыя лампы, и онѣ принимаютъ довольно красивый, привлекательный видъ. Лампы съ цвѣтными абажурами виднѣются, впрочемъ, и на балконахъ частныхъ домовъ, придавая имъ много уютности.

Ночная жизнь въ ресторанахъ и кафе развита въ очень большихъ размѣрахъ. Современный берлинецъ вообще любитъ развлеченія и обладаетъ достаточными средствами для того, чтобы цѣлыми часами просиживать въ „своемъ кафе“. Съ каждымъ годомъ страсть къ развлеченіямъ увеличивается, и увеселительныя предпріятія растутъ не по днямъ, а по часамъ. Лѣтъ десять тому назадъ можно было по пальцамъ пересчитать число берлинскихъ кафе съ оркестрами. Теперь самое плохенькое кофейное заведеніе имѣетъ своихъ музыкантовъ, развлекающихъ гостей до часу и до двухъ ночи. Вмѣстѣ съ тѣмъ растутъ театры, гдѣ развлеченіе преобладаетъ надъ всѣмъ

остальнымъ. Это, въ сущности, даже не театры, а просто большіе кафе, съ опереткой или „Варіетэ". Во время представленія публика куритъ, попиваетъ пиво и вообще ведетъ себя какъ въ любомъ ресторанѣ. Къ этого рода предпріятіямъ можно отнести и „ледяные дворцы" (Eispaläste), которыхъ теперь въ Берлинѣ три. Въ этихъ „дворцахъ" имѣются огромные залы съ ледяными катками, на которыхъ подъ звуки музыки скользятъ сотни конькобѣжцевъ. Вокругъ залъ тянутся столики и стулья съ нарядной публикой, занимающейся обычнымъ въ этихъ случаяхъ дѣломъ, т.-е. ѣдой, питьемъ и глазѣньемъ. Зрѣлище получается красивое, и публика съ удовольствіемъ проводитъ время въ свѣжемъ, морозномъ воздухѣ „дворцовъ".

Въ этой жадности къ развлеченіямъ сказывается избытокъ силъ, накопленный нѣмцами за послѣднія десятилѣтія. Въ первое время послѣ основанія имперіи нѣмцу вообще, а берлинцу въ частности, некогда было думать о весельѣ и забавѣ. Суровая дѣйствительность требовала непрерывнаго суроваго труда и заботъ, накладывавшихъ печать даже на внѣшнюю жизнь. Работа эта не осталась безуспѣшной. Имперія упрочилась, экономическія завоеванія превысили всѣ ожиданія, достатокъ населенія достигъ значительной высоты. И вотъ, когда средній бюргеръ почувствовалъ, что его существованіе обезпечено во всѣхъ отношеніяхъ, онъ сталъ думать объ отдыхѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о забавѣ. Появилась страсть къ роскоши; эстетическіе вопросы (не высшей эстетики, а эстетики платья, мебели, прически и т. п.) стали играть выдающуюся роль. Страсть эта не дошла еще до своего апогея, но уже теперь достигла такихъ размѣровъ, что нерѣдко выдающіеся дѣятели начинаютъ морализировать на тему о вредѣ роскоши. Не разъ на эту тему публично говорили императоръ и министры. Само собой разумѣется, что такія рѣчи ничуть не остановили общаго движенія къ наслажденію.

Впрочемъ, по существу, эта проповѣдь касается лишь того слоя народа, который получилъ названіе „верхнихъ десяти тысячъ". Широкая масса населенія далека отъ роскоши, хотя и не лишена сравнительнаго достатка. Эта масса не въ состояніи тратиться на загородныя прогулки и не можетъ проводить свой досугъ въ хожденіяхъ по кафе. Свое стремленіе къ природѣ и растительности эта масса удовлетворяетъ на совершенно особый ладъ, соединяя пріятное съ полезнымъ. Многіе изъ берлинской мелкоты снимаютъ на лѣто клочекъ незастроенной земли, на которомъ разводятъ огородъ или цвѣтникъ. Такихъ клочковъ земли вокругъ Берлина тысячи. На каждомъ изъ нихъ помѣщается небольшая крытая бесѣдка, служащая для защиты отъ дождя, а также для сохраненія необходимыхъ инструментовъ и орудій. Въ хорошую погоду бесѣдка играетъ роль „дачи"; владѣлецъ

проводитъ на ней съ семьей дни и ночи. Овощи и цвѣты, взращиваемые на этихъ клочкахъ, потребляются, большей частью; въ собственной семьѣ, но нерѣдко они идутъ и на продажу. Въ праздничные дни въ этихъ Laubenkolonien, какъ называютъ ихъ берлинцы, идетъ очень оживленная жизнь. Слышна музыка (чаще всего на грамофонѣ), раздается пѣніе, видны нарядныя женщины и дѣти. Осенью, когда все созрѣваетъ, начинается праздникъ жатвы (Erntefest). Отъ бесѣдки къ бесѣдкѣ протягиваются шнурки, къ которымъ прикрѣпляются разноцвѣтныя бумажныя ленты. Вѣтеръ колеблетъ бумажки, и издали все это кажется чрезвычайно красивымъ и уютнымъ. По вечерамъ устраиваются „факельцуги"; дѣти съ разноцвѣтными бумажными фонариками важно шествуютъ по „улицамъ" колоніи. Милая „идиллія" среди суровой общественной дѣйствительности!..

Но какъ, однако, непрочна и кратковременна эта идиллія?! Городъ растетъ съ неимовѣрной быстротой; на вчерашнихъ пустыряхъ сегодня громоздятся уже горы кирпича для новыхъ зданій. Съ каждымъ годомъ новые кварталы оттѣсняютъ область Laubenkolonien. Лѣтъ черезъ десять эта берлинская Spezialität исчезнетъ, можетъ быть, совершенно. Исчезнетъ ли вмѣстѣ съ тѣмъ стремленіе берлинца „сѣсть на землю"? Врядъ ли. Но это стремленіе будетъ удовлетворяться, вѣроятно, иначе. „Бесѣдка" явилась реакціей противъ каменной казармы города. Усилія реформаторовъ жилищнаго дѣла направлены теперь на то, чтобы найти „синтезъ" этихъ двухъ противоположностей. Появляются города-сады (Gartenstädte), товарищескіе поселки, число которыхъ вокругъ Берлина все увеличивается. Очень можетъ быть, что въ этихъ городахъ-садахъ будетъ найдено разрѣшеніе одной изъ важнѣйшихъ проблемъ общественной жизни.

Серьезная общественная жизнь обыкновенно замираетъ лѣтомъ. Парламенты не функціонируютъ, политическіе дѣятели разъѣзжаются по домамъ, партійныя организаціи занимаются лишь подведеніемъ итоговъ и выработкой плановъ для ближайшаго политическаго сезона. Литературные и художественные кружки также прекращаютъ свою дѣятельность. Зато усиливается жизнь въ картинныхъ галлереяхъ и выставкахъ. О музеяхъ не стану говорить, такъ какъ они, въ общемъ, извѣстны, и притомъ одинаковы и лѣтомъ и зимой. Что касается лѣтнихъ выставокъ, то на нихъ слѣдуетъ остановиться.

Лѣтнихъ художественныхъ выставокъ въ Берлинѣ двѣ [1]). Одна изъ нихъ называется „большою" (Grosse Berliner Kunstausstellung).

---

[1]) Въ прошломъ году основалась еще третья, но значеніе ея пока невелико.

Другая носитъ имя: Sezession. „Большая“ помѣщается въ центрѣ города, около Лертскаго вокзала (Lehrter Bahnhof). Она устроена въ 1886-мъ году и представляетъ собой съ внѣшней стороны длинное зданіе барачнаго вида, состоящее изъ желѣзнаго остова и стекла. Въ этомъ зданіи имѣется свыше шестидесяти залъ, и всѣ онѣ полны картинъ, статуй и архитектурныхъ моделей. Прогулка по этимъ безчисленнымъ помѣщеніямъ скорѣе утомительна, нежели пріятна. Изъ нѣсколькихъ тысячъ экспонатовъ обыкновенно только немногіе заслуживаютъ вниманія. Въ общемъ всѣ эти художественныя произведенія—не продукты свободнаго творчества, а исполненные заказы. Въ нихъ сказывается не то, что занимаетъ художника, а то, что интересуетъ заказчика или будущаго покупателя.

Выставка этого года мало отличается отъ тѣхъ, которыя мнѣ пришлось осматривать за послѣднія десять лѣтъ. Отмѣчу только наиболѣе интересное съ общественной точки зрѣнія. Изъ скульптурныхъ вещей выдается огромная фигура Эрнста Зегера названная имъ „нѣмецкій Михель“, конная статуя Петра Великаго (для города Риги) и такая же статуя Вильгельма II, сдѣланная извѣстнымъ Тюэлономъ (Tuaillons). „Нѣмецкій Михель“, представляющій собой, очевидно, нѣмецкій народъ, созданъ въ видѣ здоровеннѣйшаго парня, въ лѣвой рукѣ котораго—знаменитый ночной колпакъ, а правая поднята вверхъ и заканчивается здоровеннѣйшимъ кулакомъ, направленнымъ по неизвѣстному адресу. Въ этой трактовкѣ старой нѣмецкой темы сказалась вся эволюція, продѣланная Германіей за послѣднее десятилѣтіе. „Нѣмецкій Михель“ теперь уже не „спитъ“, не мечтаетъ о заоблачныхъ сферахъ и даже не отдается добродушно невиннымъ наслажденіямъ земной жизни. „Нѣмецкій Михель“ получилъ вкусъ къ власти и силѣ и не прочь показать любому забіякѣ тяжесть своего кулака.

Въ конныхъ статуяхъ особенно любопытны позы лошадей, въ которыхъ можно видѣть символическое изображеніе народовъ. Лошадь, на которой сидитъ Петръ, выступаетъ съ большимъ напряженіемъ. Всадникъ крѣпко натянулъ узду, не позволяя коню сдѣлать ни одного свободнаго шага. Это—настоящая Россія, и даже не петровская, а современная. Посадите вмѣсто Петра какую-нибудь болѣе современную фигуру, и характеръ статуи ничуть не измѣнится. Совсѣмъ иначе выступаетъ лошадь Вильгельма II. Она идетъ спокойнымъ шагомъ; всадникъ только для вида держитъ поводья, ничуть не думая или не рѣшаясь натягивать ихъ. Движеніе лошади опредѣляется не волей всадника, а ея собственнымъ усмотрѣніемъ. Всадникъ тутъ только

Характерной чертой ея является то, что она не имѣетъ жюри и принимаетъ картины и скульпторныя произведенія безъ всякаго контроля.

для вида, для декораціи, но отнюдь не для „управленія". Нѣмецкая лошадь—лошадь конституціонная, русская же не вышла еще изъ-подъ власти своего наѣздника.

Среди картинъ мнѣ бросились въ глаза тѣ, въ которыхъ отразились соціальныя проблемы современной Германіи. Недурно написана картина Фабіана, на которой изображенъ рабочій, толкающій тачку. Тачка тяжелая и одному человѣку, даже здоровому, съ ней не справиться. И вотъ, на помощь рабочему спѣшитъ жена, становится за спиной его и, напирая на спину, облегчаетъ мужу работу. Картина эта—не аллегорическая: такія сценки я наблюдаю ежедневно около одного изъ центральныхъ вокзаловъ Берлина. Тѣмъ не менѣе содержаніе картины символично. Въ ней сказалось безпомощное положеніе рабочей семьи передъ властью современнаго капитала. Рабочій не въ состояніи одинъ своимъ трудомъ заработать столько, сколько нужно для всей семьи. Эксплуатаціи по необходимости подвергается не только глава семьи, но и женщины, и дѣти. Безъ ихъ поддержки рабочая семья существовать не въ состояніи.

На другой картинѣ, нарисованной Келлеромъ, мы видимъ группу здоровеннѣйшихъ рабочихъ, изо всей силы налегающихъ на рядъ рычаговъ, которыми хотятъ своротить огромную каменную глыбу. Можетъ быть, рисуя свою картину, художникъ ни о чемъ другомъ не думалъ, какъ о томъ, чтобы передать на полотнѣ цѣлую гамму различныхъ мускульныхъ формъ. Но, глядя на эту картину, трудно отдѣлаться отъ мыслей и настроеній соціальнаго порядка. Развѣ каменная глыба, которую такъ трудно свернуть съ мѣста, не олицетворяетъ собой всю тяжесть современнаго капитализма, подъ которой стонетъ рабочій классъ? Онъ напрягаетъ всѣ усилія, чтобы сбросить съ себя эту тяжесть, но, пока что, ему удается только подложить рычагъ; стряхнуть съ себя тяжесть ему еще не дано.

Не имѣя возможности свергнуть иго, рабочіе начинаютъ роптать. Картина этого ропота очень удачно схвачена Вальцеромъ (Waltzer). На большомъ полотнѣ онъ нарисовалъ группу рабочихъ, выступающихъ въ угрожающей позѣ. Противника не видно, но всякій и безъ того знаетъ, по какому адресу направлены угрозы этихъ людей. Особенно удачна фигура „зачинщика"—верзилы съ холерическимъ темпераментомъ и огромными руками. Широкія кисти этихъ рукъ, заканчивающіяся большими скрюченными пальцами, чрезвычайно рельефно подчеркиваютъ центральный пунктъ рабочаго существованія. Безконечный трудъ, гдѣ рукѣ приходится участвовать больше, нежели какой-либо другой части тѣла,—вотъ судьба, выпавшая на его долю. Естественно, что руки достигаютъ огромныхъ размѣровъ, господствуя надъ всѣми остальными частями тѣла.

Современный рабочій борется, однако, съ своимъ противникомъ не только, и даже меньше всего, силой своей мускулатуры. Онъ давно уже научился пользоваться силами соціальнаго характера и прекрасно понялъ значеніе общественной организаціи. Эта сторона дѣла также нашла отраженіе на выставкѣ, въ картинѣ Зека (Seeck), изображающей рабочее собраніе. Въ огромномъ залѣ размѣстилось нѣсколько десятковъ рабочихъ (какъ видно—съ горныхъ заводовъ), среди которыхъ имѣются и молодые, и старики. Всѣ они внимательно прислушиваются къ тому, что говоритъ человѣкъ, стоящій на трибунѣ и разсказывающій имъ, вѣроятно, о тяжелой ихъ долѣ и о средствахъ освобожденія отъ нея. Судя по выраженіямъ лицъ, эти средства врядъ ли могутъ быть особенно воинственными; мы имѣемъ здѣсь дѣло, по видимому, не съ соціалъ-демократической сходкой, а съ собраніемъ какой-нибудь рабочей, „христіанской" организаціи. Объ этомъ говоритъ и большое распятіе, висящее на стѣнѣ, за спиной оратора.

Не лишена интереса картина Эриха Брунката, изображающая Христа только что снятымъ со креста и группу людей, стоящихъ на почтительномъ отдаленіи отъ распятаго. Эти люди одѣты въ современные костюмы, по всему видно, что художникъ хотѣлъ подчеркнуть или выразить настроенія современнаго христіанина. Не даромъ всѣ нарисованные имъ люди размѣстились такъ далеко отъ страдающаго Христа. Не даромъ на ихъ лицахъ рисуется только пассивное любопытство, но отнюдь не активное участіе. Развѣ это не характерно для современнаго христіанства?..

Этимъ я заканчиваю свой отчетъ о выставленныхъ на „большой" выставкѣ вещахъ. Все остальное, повторяю, неинтересно, въ особенности съ общественной точки зрѣнія. Добавлю лишь одно наблюденіе, сдѣланное мной при обходѣ выставочныхъ залъ. Присматриваясь ко всѣмъ полотнамъ и мраморамъ, поражаешься отсутствіемъ произведеній, отражающихъ экстатическія настроенія. Нѣтъ ни сценъ бѣшенаго веселья, ни сценъ раздирающаго душу трагизма, вообще никакихъ „крайностей". Всѣ настроенія умѣренныя, спокойныя, если хотите—гармоничныя, но не захватывающія. Не отразилась ли здѣсь сытость, столь свойственная среднему нѣмецкому бюргеру? Конечно,—да, ибо и вся-то выставка поддерживается элементами успокоившимися не только въ соціальномъ, но даже въ художественномъ отношеніи. На „большой" выставкѣ нѣтъ ищущихъ новыхъ путей для художественнаго выраженія новыхъ настроеній. Все это люди традиціи, прошлаго. Ихъ поощряютъ власть имущіе; императоръ пріобрѣтаетъ художественныя новинки только здѣсь. Кажется даже, что онъ только эту выставку и посѣщаетъ, не признавая новаторовъ и искателей, нашедшихъ пристанище въ „Сецессіонѣ".

„Сецессіонъ“ организовался въ 1893 г., именно для того, чтобы дать мѣсто новымъ теченіямъ, не находящимъ себѣ пріюта на „большой“ выставкѣ. И теперь все, что въ Берлинѣ имѣется молодого, смѣлаго, ищущаго, стремится попасть къ „отступникамъ“. Это замѣтно даже по внѣшнему виду. Когда, послѣ безчисленныхъ залъ „большой“ выставки, входишь въ небольшое зданіе „Сецессіона“, на одной изъ главнѣйшихъ улицъ западнаго Берлина, васъ прежде всего поражаетъ свѣжесть и яркость господствующихъ здѣсь красокъ. Конечно, многое и здѣсь не выше посредственности, но даже „сецессіонистская“ посредственность какая-то другая, нежели та, которая господствуетъ въ „большой“. На „большой“ преобладаетъ цеховой мастеръ; въ „Сецессіонѣ“ на первомъ мѣстѣ всетаки художникъ. И, въ общемъ, для эстетическихъ эмоцій девять небольшихъ залъ „Сецессіона“ даютъ больше, нежели нѣсколько десятковъ залъ „большой“. Отмѣчу и здѣсь лишь главныя произведенія завсегдатаевъ „Сецессіона“, т.-е. тѣхъ художниковъ, которые выставляются въ немъ изъ года въ годъ.

Сильное впечатлѣніе производятъ обыкновенно работы нынѣшняго президента Сецессіона, Ловиса Коринта. Это—блестящій талантъ, въ которомъ есть много схожаго съ Рубенсомъ. Правда, его вакхическія настроенія иногда отталкиваютъ своей чрезмѣрностью. Но даже и въ этихъ случаяхъ нельзя не удивляться силѣ его кисти и блеску его красокъ. Въ этомъ году онъ представленъ, къ сожалѣнію, очень слабо, всего двумя картинами и однимъ-двумя портретами. Но и этихъ вещей достаточно, чтобы получить достаточное представленіе о мощи этого художника.

Полной противоположностью Коринту является другой классикъ берлинскаго Сецессіона, Максъ Слефогтъ. Это художникъ нѣжныхъ, едва уловимыхъ переживаній, на картинахъ котораго чувствуется тонкая серебристая дымка, смягчающая всѣ рѣзкости очертаній. Слефогту отведена въ этомъ году цѣлая комната, и любители его нѣжной кисти досыта наслаждаются красочными симфоніями его полотенъ.

Въ другомъ отношеніи противоположенъ Коринту Мартинъ Бранденбургъ. Съ технической стороны онъ слабѣе Коринта и Слефогта, но его душа исполнена высокаго эстетическаго паѳоса. Нарисованный имъ распятый Христосъ поражаетъ зрителя своимъ трагизмомъ. Въ немъ нѣтъ ничего божественнаго; вы видите передъ собой не возвышенную мелодраму въ традиціонномъ вкусѣ, а полную глубокаго, истинно-трагическаго смысла картину реальной, человѣческой дѣйствительности.

Соціальные моменты современности отражаетъ въ „Сецессіонѣ“ обыкновенно упомянутый уже нами въ началѣ этого письма Гансъ

Балушекъ. Въ этомъ году можно отмѣтить еще Юліуса Паскина, извѣстнаго по своимъ рисункамъ въ „Симплицисимусѣ". Паскинъ облюбовалъ міръ, о которомъ Некрасовъ говоритъ въ своемъ стихотвореніи: „Убогая и нарядная". „Нарядныхъ", впрочемъ, на его картинахъ нѣтъ, а только „убогія", характерныя „безпокойной ласковостью взгляда и поддѣльною краской ланитъ". Всѣ отрицательные моменты во внѣшности „бѣлыхъ рабынь" выявлены у Паскина съ большой силой и не могутъ не навести тоски и ужаса на всякаго—какъ говорятъ въ Германіи,—„соціально мыслящаго" человѣка. „Порокъ" теряетъ здѣсь всю свою привлекательность, вызывая скорѣй отвращеніе и гадливость.

Художникомъ большой силы является Фердинандъ Годлеръ (Hodler). Онъ собственно швейцарецъ, но выставляется ежегодно въ Берлинѣ и другихъ нѣмецкихъ городахъ. У него своеобразная теорія рисунка и красокъ, которой онъ придерживается почти во всѣхъ своихъ произведеніяхъ. Эта теорія можетъ быть названа „эстетическимъ параллелизмомъ": она исходитъ изъ наблюденія, что между вещами, въ общемъ, больше сходства, нежели различій. Каждый листъ дерева почти тождественъ другому листу. Каждая сосна—точно копія другой сосны. И каждый человѣкъ въ извѣстномъ настроеніи почти равенъ другому въ томъ же настроеніи. Этотъ „параллелизмъ" Годлеръ и старается выставить на видъ въ своихъ картинахъ. Онъ рисуетъ, напримѣръ, „старость"—у него на картинѣ появляется пятеро сидящихъ рядомъ стариковъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ свою индивидуальность, но въ то же время и схожія параллельныя черты. Каждый изъ нихъ не просто повторяетъ другого, но дополняетъ, усиливая этимъ общее впечатлѣніе. Въ такомъ же видѣ Годлеръ нарисовалъ „ощущеніе", „ненависть" и т. д.

Помимо „параллелизма", особенностью Годлера является то, что онъ сторонникъ „чистыхъ" красокъ и пренебрегаетъ, по возможности, полутонами. Благодаря этому картины его рѣзко отличаются отъ другихъ и къ нимъ нужно сперва немного привыкнуть. Это и было причиной того, что его долго „не признавали". Лишь въ 1893-мъ году Годлеръ былъ причисленъ къ сонму „дѣйствительныхъ" художниковъ, а теперь онъ глава цѣлой школы.

Нельзя пройти молчаніемъ мимо двухъ небольшихъ скульптурныхъ вещицъ, выставленныхъ геніальнымъ каррикатуристомъ „Симплицисимуса", Томасомъ Теодоромъ Гейне. Одна изъ нихъ изображаетъ „дьявола", другая—„ангела". И тотъ, и другой нерѣдко фигурируютъ на каррикатурахъ художника и представляютъ собой совершенно своеобразную трактовку обитателей потусторонняго міра. Гейневскій „дьяволъ"—не элегантный гетевскій Мефистофель, а отвратительный

„чортъ“ народныхъ преданій. Короткія толстыя ноги, огромное брюхо, длинное узкое туловище, по бокамъ котораго болтаются длинныя загребистыя руки, небольшая головка съ злымъ и тупымъ взглядомъ— вотъ главнѣйшія черты „властителя ада“. Брюхо господствуетъ надъ всѣмъ остальнымъ. Въ немъ источникъ всѣхъ золъ, творимыхъ дьяволомъ. Чтобы удовлетворить *такое* брюхо, нельзя не сотворить множества безобразій.

Гейневскій дьяволъ сдѣланъ изъ черной бронзы. Ангела своего онъ отлилъ изъ посеребреннаго цинка. Ангельская „невинность“ подчеркнута этимъ очень рельефно. Еще въ большей степени подчеркнута „безплотность“ небожителя. Онъ состоитъ буквально изъ кожи да костей, безъ малѣйшаго признака мускуловъ. Общій видъ ангела таковъ, что не можетъ не вызвать улыбки. Ангельскіе идеалы перестали, повидимому, умилять современнаго нѣмца. Онъ подсмѣивается надъ ними, какъ надъ юродствомъ, неприличнымъ для „практическаго“ человѣка. Я нарочно наблюдалъ за выраженіемъ лицъ у публики—и почти у всякаго, подходившаго къ этой статуэткѣ, улавливалъ насмѣшливую гримасу. Дѣло ясное: въ современной Германіи „ангелы“ потеряли всякій кредитъ...

Посѣщаются обѣ выставки довольно охотно, особенно въ воскресенье. Само собой разумѣется, что обѣ выставки соединены съ кафе и рестораномъ, безъ которыхъ не обходится въ Берлинѣ ни одно предпріятіе, даже художественнаго порядка. Безъ пива или кофе нѣмецъ не въ состояніи заниматься или увлекаться ни искусствомъ, ни политикой, ни вообще чѣмъ бы то ни было. Буфету здѣсь повсюду отведено одно изъ наиболѣе почетныхъ мѣстъ.

Среди посѣтителей много иностранцевъ, въ томъ числѣ и русскихъ. Лѣтомъ иностранцы прибываютъ въ Берлинъ въ огромныхъ массахъ. За послѣдній отчетный мѣсяцъ зарегистрировано свыше семи тысячъ однихъ россіянъ. А въ это число входятъ только тѣ русскіе, которые останавливаются въ гостинницахъ и „пансіонахъ“. А сколько еще пріѣзжихъ, останавливающихся у родственниковъ или друзей и не входящихъ въ полицейскіе списки!?.

Большое число любознательныхъ иностранцевъ, пріѣзжающихъ лѣтомъ въ Берлинъ, натолкнуло предпріимчивыхъ людей на мысль устроить спеціальные экипажи для удобнаго и дешеваго объѣзда всѣхъ достопримѣчательностей столицы. Экипажи эти возникли лишь за послѣднія пять лѣтъ. Они открыты и представляютъ собой нѣчто въ родѣ огромной „линейки“, съ десятью, приблизительно, рядами постепенно повышающихся скамеекъ. Такое расположеніе необходимо для того, чтобы передній рядъ сѣдоковъ не закрывалъ вида для тѣхъ, кто сидитъ сзади, а также для того, чтобы голосъ чичероне

свободно доходилъ до каждаго пассажира. Чичероне имѣется въ каждомъ экипажѣ. Свои объясненія онъ даетъ не только во время остановокъ, но и на ходу. Много ли выносятъ туристы изъ такого молніеноснаго обзора—трудно сказать, но предпріятіе, по видимому, процвѣтаетъ и расширяется.

Съ позапрошлаго года въ Берлинѣ сталъ появляться еще особый типъ туриста—русскій учитель и русская учительница. Они не разъѣзжаютъ, а пѣшкомъ обходятъ главныя мѣстности, пользуясь услугами различныхъ русскихъ спеціалистовъ. Подъ руководствомъ послѣднихъ посѣщаются музеи, выставки, школы и другого рода просвѣтительныя учрежденія. Въ промежуткахъ между обходами имъ читаютъ лекціи о Берлинѣ или вообще о Германіи. И въ прошломъ году, и въ настоящемъ, пишущему эти строки пришлось читать нѣсколькимъ группамъ лекціи о политическомъ и соціальномъ строѣ Германіи. По вопросамъ, которые задавались послѣ лекціи, можно было убѣдиться, что экскурсанты чрезвычайно серьезно относятся къ своей задачѣ, стараясь извлечь изъ западной культуры какъ можно больше поучительнаго и интереснаго. Это стремленіе къ непосредственному знакомству съ Западомъ нельзя не признать отраднымъ и заслуживающимъ всяческаго поощренія. Не слѣдуетъ только ограничиваться однимъ учительскимъ сословіемъ. Очень желательно было бы, чтобы и другіе классы населенія (рабочіе, ремесленники, служащіе, низшіе чиновники и т. д.) также нашли средства для такихъ заграничныхъ поѣздокъ. Это способствовало бы сближенію народовъ, что, въ свою очередь, не осталось бы безъ вліянія на укрѣпленіе международнаго мира.

Р. Стрѣльцовъ.

ПИСЬМО ИЗЪ АМЕРИКИ

Въ основахъ традиціонной американской внутренней политики происходитъ самый существенный переломъ. То интенсивное партизанство, доходившее нерѣдко до фанатизма, которымъ она отличалась со времени организаціи новой республиканской партіи въ 1856-мъ году, за послѣднее десятилѣтіе постепенно утрачивало свою силу. Въ настоящее время многіе чрезвычайно важные государственные и общественные вопросы нерѣдко рѣшаются и въ конгрессѣ, и въ штатныхъ легислатурахъ совершенно неожиданными, случайными, свободными коалиціями людей изъ среды обѣихъ партій, руководимыхъ только

своими личными убѣжденіями. По мѣрѣ того, какъ стушевывалась принципіальная разница между республиканцами и демократами, слабѣла и партійная дисциплина; преобладающее значеніе получало отношеніе даннаго лица къ прогрессу и реакціи, къ либеральной или консервативной политикѣ вообще, независимо отъ того, какой партіей онъ былъ выбранъ. Внутренняя рознь въ средѣ самихъ партій, сдѣлалась, съ теченіемъ времени, сильнѣе, чѣмъ борьба между партіями, хотя руководившіе партійными организаціями вожаки и пытались всячески поддерживать эту искусственную борьбу, отчасти по традиціи, еще больше — для сохраненія собственнаго престижа и личныхъ выгодъ. Признаки такого новаго порядка вещей появились еще во время президентства Рузвельта, но ни онъ, ни самые активные прогрессисты того времени не сознавали, повидимому, значенія этого движенія, и оно окончательно оформилось и получило свою настоящую силу только за послѣдніе два года. Въ конгрессѣ, полномочія котораго закончились въ прошломъ году, и во многихъ штатныхъ легислатурахъ верхнія палаты, выбираемыя на болѣе долгіе сроки, оставались еще подъ вліяніемъ партійныхъ организацій, и значительная часть намѣченныхъ преобразованій не могла осуществиться, не смотря на прогрессивное настроеніе нижнихъ палатъ.

Ноябрскіе выборы прошлаго года существенно измѣнили личный составъ этихъ учрежденій: обѣ палаты и новаго (62-го) конгресса, и многихъ новыхъ штатныхъ легислатуръ считаются надежно прогрессивными, не смотря на партійныя аффиліаціи ихъ членовъ. Особенно пострадали старые реакціонные вожаки республиканской партіи, такъ называемая ея „старая гвардія". Альдричъ, Хэль, Дипью, Флинтъ и многіе другіе выбыли изъ федеральнаго сената; реакціонные элементы почти повсюду потерпѣли пораженіе, отдавъ федеральную палату представителей въ руки демократической партіи. Президентъ Тафтъ, хотя и выбранный республиканцами, но до сихъ поръ пытался стоять внѣ партійной борьбы и надѣялся провести довольно сложную реформаторскую программу при посредствѣ своей партіи, но его планы или подвергались консервативнымъ ограниченіямъ, или совсѣмъ отклонялись. Одною изъ главныхъ причинъ современнаго народнаго недовольства и политическаго броженія является вздорожаніе всѣхъ предметовъ первой необходимости, особенно съѣстныхъ припасовъ. Высокій таможенный тарифъ затрудняетъ ввозъ въ предѣлы Союза зерновыхъ хлѣбовъ и особенно муки, яицъ, масла, мяса и почти всѣхъ другихъ продуктовъ земледѣлія и скотоводства. Союзъ отдѣленъ отъ остального міра искусственными преградами, и это даетъ возможность дѣльцамъ распоряжаться его внутренними рынками, игнорируя всемірное торговое положеніе. Канада является огромной и дешевой производи-

тельницей именно этихъ продуктовъ, и ея благосостояніе основано главнымъ образомъ на ихъ выгодномъ экспортѣ. Въ то же время она ввозитъ массу разнаго мануфактурнаго товара, ограждаясь однако отъ Союза высокими пошлинами и давая въ этомъ отношеніи огромное предпочтеніе Англіи, своему главному въ настоящее время рынку для земледѣльческихъ продуктовъ, хотя американскій и ближе, и выгоднѣе.

Извѣстно, какъ внимательно относится современная Англія къ нуждамъ такихъ крупныхъ самоуправляющихся колоній, какъ Канада, Австралія, Южная Африка. Съ канадо-американскимъ торговымъ сближеніемъ она боролась долго и упорно. Между тѣмъ, торговый трактатъ, основанный на взаимныхъ уступкахъ, былъ бы, очевидно, крайне желателенъ и полезенъ и для Канады и для С.-А. Союза, такъ какъ они смежны и общія экономическія условія въ нихъ тождественны. Поэтому, не смотря на противодѣйствіе Англіи, скрытое, но искусное и сильное, цѣлые десятки лѣтъ, то оживляясь, то прекращаясь, шли переговоры о такомъ трактатѣ между правительствами Союза и Канады. Въ прошломъ году Тафтъ и Лорье, при посредствѣ спеціальныхъ коммиссій, пришли, наконецъ, къ соглашенію и заключили трактатъ взаимности, по видимому обоюдно выгодный и обѣщающій настоящую экономическую революцію въ торговыхъ сношеніяхъ между обѣими странами. Палата представителей конгресса одобрила этотъ трактатъ, но сенатъ не допустилъ его даже до голосованія. Классовые интересы, пользующіеся изолированностью Союза какъ рынка, оказались сильнѣе требованій народнаго благосостоянія, и положеніе дѣлъ, обезпечивающее эти интересы, было сохранено. Такъ какъ въ новомъ конгрессѣ въ нижней палатѣ преобладаетъ демократическая партія, то въ прежнія времена республиканецъ президентъ не имѣлъ бы ни малѣйшей надежды провести такую серьезную мѣру; но теперь прогрессивные элементы обѣихъ партій достаточно сильны въ обѣихъ палатахъ, чтобы превозмочь партійныя давленія и разсмотрѣть дѣло исключительно по его существу [1]). Хлѣбная спекуляція, причинявшая столько зла, удивительно присмирѣла въ послѣднее время. Свободный ввозъ канадскаго хлѣба окончательно уничтожитъ настоящую изолированность нашего рынка, и отниметъ возможность играть имъ по усмотрѣнію.

На самомъ порогѣ введенія въ нашу политическую жизнь новыхъ порядковъ трудно, конечно, предусмотрѣть всѣ измѣненія, которыя они введутъ въ нее; но и теперь уже очевидно, что вліяніе какъ индивидуальныхъ вожаковъ, такъ и партійнаго бича окажется существенно подорваннымъ, и свободной отъ партійныхъ оковъ критикѣ будетъ открыто гораздо болѣе широкое поле.

---

[1]) Трактатъ съ Канадой уже принятъ сенатомъ 22-го іюля.

Новыя прогрессивныя легислатуры въ нѣсколькихъ штатахъ подвергли все законодательство болѣе или менѣе радикальной переработкѣ. Въ Калифорніи, напримѣръ, новая легислатура перемѣнила и систему выборовъ, и полномочія исполнительной и законодательной властей, и всѣ старыя основанія законодательной процедуры. Принципъ прямыхъ народныхъ голосованій расширенъ настолько, что не осталось ни одной стороны управленія, къ которой онъ не могъ бы быть примѣненъ по требованію извѣстнаго процента избирателей. До сихъ поръ здѣсь голосовали за цѣлыя платформы, обыкновенно совмѣщавшія въ себѣ несогласимые между собою пункты; теперь избиратель получилъ возможность требовать народнаго голосованія не только по всякому отдѣльному принципіальному вопросу, но и относительно его практическаго разрѣшенія законодательнымъ путемъ.

Современное прогрессивное движеніе въ американской политикѣ, благопріятное, вообще, допущенію и привлеченію народныхъ массъ къ прямому разрѣшенію всякихъ политическихъ вопросовъ, въ частности ведетъ къ безпартійной, по возможности, постановкѣ новыхъ принциповъ самоуправленія и въ то же время пытается обуздать вліяніе политическихъ организацій, попадающихъ обыкновенно въ фатальную зависимость отъ чисто классовыхъ интересовъ. Возвращая иниціативу въ руки народа, оно стремится выработать такую систему, которая обезпечивала бы возможность немедленнаго и непосредственнаго народнаго воздѣйствія на органы власти, какъ исполнительные, такъ и законодательные. Широкая консолидація капитала и труда и ихъ организованная борьба создали въ странѣ новыя экономическія условія и новую политическую группировку разныхъ элементовъ населенія, а это, въ свою очередь, потребовало новыхъ формъ и методовъ самоуправленія. Я думаю, что Америка вступила въ активный, даже лихорадочно поспѣшный экспериментальный періодъ въ этомъ направленіи. Господствующими тенденціями должны стать, съ одной стороны, расширеніе прямого народнаго участія въ управленіи, съ другой—соотвѣтственное уменьшеніе полномочій и прерогативъ различныхъ органовъ власти. Населеніе Союза чрезвычайно пестро; народныя массы въ пятидесяти штатахъ стоятъ на весьма различныхъ уровняхъ политическаго, соціальнаго и даже умственнаго развитія. Также различны и соціальныя условія, какъ напр. семейное право, положеніе женщины, расовыя особенности, главныя занятія населенія. Работа, за которую нашъ народъ взялся повсемѣстно съ большимъ рвеніемъ, пойдетъ, конечно, разными путями, но всѣ они, такъ или иначе, поведутъ къ демократизаціи политики, къ болѣе активному въ ней участію народныхъ массъ, къ меньшему воздѣйствію профессіональнаго политиканства и стоящихъ за нимъ классовыхъ интересовъ.

Быстрая демократизація политической жизни не можетъ не оказать воздѣйствія и на экономическія условія, созданныя консолидаціей капитала и труда. Современное экономическое устройство раздѣлило населеніе на двѣ части—нанимателей и нанимающихся, находящихся въ состояніи постоянной, болѣе или менѣе острой борьбы между собою. Сущность этой борьбы сводится къ тому, что наниматель стремится платить за трудъ какъ можно меньше денегъ, а нанимающійся—исполнять какъ можно меньше труда. Капиталъ и трудъ сдѣлались съ теченіемъ времени свирѣпыми врагами, и въ результатѣ получилось опаснѣйшее уменьшеніе общей продуктивности. Тактика организованнаго труда всюду ограничиваетъ производительность своихъ членовъ возможнымъ при данныхъ условіяхъ трудового рынка минимумомъ; трудъ отказываетъ капиталу въ иниціативѣ рабочаго для усовершенствованія работы, а капиталъ не обращаетъ вниманія на личныя особенности рабочаго, стараясь только достигнуть наибольшей производительности его труда. Къ этому слѣдуетъ прибавить вообще низкій уровень производительности, вслѣдствіе отсутствія систематизированнаго знанія наилучшихъ пріемовъ и методовъ работы. Спеціализація различныхъ видовъ и подраздѣленій труда все увеличивается, но она не принесла съ собой точнаго обслѣдованія всего того, что именно необходимо для наибольшей продуктивности. Отсюда несоотвѣтственное вздорожаніе всѣхъ жизненныхъ потребностей и обостреніе борьбы съ одной стороны за повышеніе, съ другой — за пониженіе заработной платы. Необходимо, слѣдовательно, такое измѣненіе въ отношеніяхъ капитала и труда, которое подняло бы производительность до нормальнаго уровня, возвысило бы заработную плату и уменьшило бы стоимость жизненныхъ необходимостей. Необходима разумная кооперація нанимателя и рабочаго.

Такова, вкратцѣ, аргументація новаго, но поразительно быстро распространившагося экономическаго движенія, извѣстнаго подъ названіемъ „научной эффективности труда". Въ русскомъ языкѣ нѣтъ эквивалента англійскому слову efficiency, почему я и перевелъ его словомъ: „эффективность". П. Б. Струве предлагалъ замѣнить его словомъ „годность", но я считаю это выраженіе недостаточнымъ, такъ какъ англійское слово efficiency означаетъ *полную* годность, не только формальную, но и абсолютную. Новобранецъ, напримѣръ, можетъ быть „годенъ" къ военной службѣ, но отсюда еще не слѣдуетъ, что изъ него выйдетъ „эффективный" солдатъ.

Еще покойный Вильямсъ Джэмсъ, знаменитый профессоръ Гарвардскаго университета, въ статьѣ: „The Powers of Men", указалъ на то, что люди утилизируютъ только извѣстную, сравнительно небольшую фракцію своихъ нормальныхъ физическихъ и умственныхъ

силъ, и это неумѣнье ими всесторонне пользоваться чрезвычайно опасно для человѣчества, почему одною изъ главныхъ задачъ всякаго народа должно быть стремленіе поднять и расширить его жизненную энергію и разбудить дремлющія способности. Статья эта, появившаяся въ журналѣ „American Magazine", написана съ присущими этому глубокому мыслителю увлекательной силой, философской широтой взглядовъ, ясностью и обоснованностью тезисовъ. Она встрѣтила въ разныхъ концахъ Союза самой живой откликъ, доказавшій какъ ея своевременность, такъ и то, что возбужденные ею принципіальные вопросы уже давно изучаются многими изслѣдователями и активными работниками на разныхъ жизненныхъ поприщахъ, самостоятельно пришедшими къ тѣмъ же выводамъ, что и философъ въ своемъ кабинетѣ. Быстро образовалась обширная литература предмета, и также быстро выдвинулись его главные апостолы. Нѣсколько крупныхъ желѣзнодорожныхъ системъ, множество промышленныхъ предпріятій, даже городскія муниципальныя управленія, преслѣдуя одну и ту же цѣль поднятія эффективности труда, пытаются разрѣшить задачу практически, разными путями. Бостонскій адвокатъ Брандейсъ, пользующійся широкой національной популярностью, благодаря своей борьбѣ съ бывшимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Баллинджеромъ по поводу неправильныхъ распоряженій природными богатствами страны, далъ особенно сильный толчокъ движенію и сконцентрировалъ на немъ общественное вниманіе. Явясь противникомъ соединенныхъ желѣзныхъ дорогъ, требовавшихъ повышенія товарныхъ тарифовъ вслѣдствіе постояннаго возрастанія заработной платы, онъ показалъ, что имъ слѣдовало бы заняться улучшеніемъ своего управленія и поднятіемъ эффективности нанимаемаго ими труда, такъ какъ, при практикуемыхъ ими, отжившихъ свое время, способахъ дѣйствія, онѣ ежедневно теряютъ непроизводительно милліонъ долларовъ. Своей блестящей аргументаціей и подкрѣплявшей ее исторіей дѣятельности многихъ крупныхъ промышленныхъ предпріятій, въ томъ числѣ и самой большой по числу миль желѣзнодорожной сѣти, Брандейсъ не только настоялъ на безусловномъ отклоненіи всѣхъ притязаній желѣзныхъ дорогъ, но и навелъ на мысль о необходимости измѣнить отношенія капитала и труда. Газеты полны этими вопросами, и за послѣднее время не выходитъ ни одной книжки серьезныхъ ежемѣсячниковъ безъ одной, а то и нѣсколькихъ статей на ту же тему. Выступили на сцену знатоки дѣла, вдругъ ставшіе знаменитыми, и оно признано предметомъ первоклассной національной важности.

Главнымъ авторитетомъ и „отцомъ" всего движенія на практической почвѣ признается единогласно Фридрихъ Тэйлоръ, бывшій

президентъ общества гражданскихъ инженеровъ (American Society of Mechanical Engineers). Начавъ свою карьеру чернорабочимъ на небольшомъ желѣзодѣлательномъ заводѣ, онъ посвятилъ тридцать лѣтъ изученію вопроса, пройдя постепенно всѣ ступени и достигнувъ вершины своей профессіи. Двѣ его книги: „Управленіе заводомъ" (Shop management) и „Объ искусствѣ обработки металловъ" (On the art of cutting metals) имѣютъ огромное распространеніе и переведены на пять иностранныхъ языковъ. Въ связи съ нѣсколькими его отдѣльными статьями, онѣ даютъ цѣльную, стройную систему, которую онъ называетъ системой научнаго управленія (scientific management). Тэйлоръ думаетъ, что, при современныхъ условіяхъ труда, *человѣкъ* игнорируется въ рабочемъ, тогда какъ именно эта сторона и является главнымъ факторомъ успѣха. Необходимо прежде всего изучить человѣка, съ его индивидуальными особенностями, затѣмъ дать ему наиболѣе соотвѣтствующую имъ работу, и научить его дѣлать ее не по традиціи или безсознательно, а такими пріемами и движеніями, которые даютъ наилучшіе результаты. Во всякой работѣ, даже въ такой примитивно грубой, какъ нагрузка въ вагоны желѣзныхъ болванокъ, или подноска и кладка кирпича, внимательное изученіе и изслѣдованіе можетъ указать тѣ послѣдовательныя серіи движеній и напряженій, которыя, при одинаковой затратѣ силы, даютъ максимумъ работы. Какъ осязательный первоначальный примѣръ этой аксіомы, вѣроятно и натолкнувшій его на дальнѣйшія изслѣдованія и опыты, Тэйлоръ приводитъ именно нагрузку желѣзныхъ болванокъ. Въ самомъ началѣ своей трудовой жизни онъ терпѣливымъ и долгимъ наблюденіемъ достигъ того, что опредѣлилъ путь, при посредствѣ котораго средній рабочій въ то же число рабочихъ часовъ и при томъ же расходѣ мускульнаго напряженія, сталъ нагружать въ день вмѣсто $12^1/_2$ тоннъ—47. Онъ приводитъ длинный перечень другихъ, самыхъ разнообразныхъ родовъ работы, включая высшіе ремесленные, въ которыхъ имъ были достигнуты такіе же результаты. Онъ требуетъ, затѣмъ, установленія извѣстныхъ нормъ для дневной работы, извѣстнаго минимума для средняго рабочаго во всякомъ производствѣ, съ повышеніемъ заработной платы соотвѣтственно настоящему уровню производительности, и, кромѣ того, пропорціональнаго ея повышенія для всякаго излишка продуктивности, который можетъ получиться отъ индивидуальной иниціативы. Богатство и разнообразіе фактовъ, приводимыхъ Тэйлоромъ, убѣждаютъ въ томъ, что предлагаемая имъ система—не альтруистическая теорія, а результатъ, долголѣтняго опыта и детальнаго знанія предмета, нѣчто достижимое во всякой отрасли человѣческой дѣятельности. Идя по стопамъ Тэйлора, Эмерсонъ и Гантъ въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ, Гильбретъ—въ подряд-

номъ, Гоингъ—въ типографскомъ, десятки другихъ—въ разныхъ крупныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ подняли эффективность труда, а съ нею и заработную плату, превративъ отношенія капитала и труда изъ враждебныхъ въ сознательно кооперативныя. Эмерсонъ такъ радикально измѣнилъ отношеніе управленія упомянутой выше желѣзной дороги къ служащимъ и рабочимъ, что, по утвержденію обѣихъ сторонъ, не только стачки, но и сколько-нибудь серьезныя недоразумѣнія сдѣлались невозможными. Замѣчательные финансовые успѣхи этой дороги должны быть цѣликомъ приписаны лояльной коопераціи ея личнаго состава, начиная съ управляющихъ и кончая чернорабочими, и проистекающей отсюда эффективности труда и экономіи въ расходѣ матеріала, тогда какъ заработная плата на ней существенно повышена по всѣмъ отдѣламъ. Муниципальное управленіе города Чикаго организовало въ прошломъ году спеціальную коммиссію, на расходы которой ассигновано 30 тысячъ долларовъ, для изслѣдованія эффективности труда городскихъ служащихъ всѣхъ родовъ и для обученія ихъ новымъ пріемамъ по системѣ Тэйлора. Сотни торговыхъ и промышленныхъ предпріятій наняли особыхъ экспертовъ для реорганизаціи своихъ порядковъ на новыхъ началахъ. Успѣхъ ихъ повсемѣстенъ, часто блестящъ, и даваемый имъ соціологическій и статистическій матеріалъ весьма обширенъ и поучителенъ. Характернѣйшимъ признакомъ движенія является то, что ему одинаково симпатизируютъ и наниматели, и нанимающіеся. Анти-соціалисты и соціалисты встрѣтили его съ одобреніемъ; и тѣ, и другіе полагаютъ, что оно укрѣпитъ именно ихъ позиціи. Американскій соціалистъ, наперекоръ своему европейскому собрату-ортодоксу, безусловно вѣритъ во всякую кооперацію и думаетъ, что она не только не задерживаетъ, но и помогаетъ торжеству его основныхъ идей. Брандейсъ, сторонникъ понятія о необходимости и неизбѣжности частной собственности, полагаетъ, однако, что пришло время, когда владѣніе ею налагаетъ извѣстныя обязательства; отношенія капитала и труда должны быть основаны на болѣе цѣлесообразномъ и справедливомъ распредѣленіи плодовъ того и другого — распредѣленіи, одобряемомъ обѣими сторонами. Ихъ борьба страшно изнурительна для страны; нужно положить ей конецъ, американскій народъ усталъ отъ нея. Брандейсъ и другіе энтузіасты новаго движенія, число которыхъ растетъ съ каждымъ днемъ и большими скачками, думаютъ, что именно ему предназначено рѣшить громадную проблему. Насколько они правы, покажетъ близкое будущее, но и теперь уже не подлежитъ сомнѣнію, что совершаются серьезныя экономическія и соціологическія перемѣны во всей нашей жизни, перемѣны гораздо

болѣе важныя, чѣмъ демократизація политики, хотя шуму послѣдняя и производитъ во много разъ больше.

Еще полтора года тому назадъ [1]) я обратилъ вниманіе читателей „Вѣстника Европы" на тяжелое внутреннее положеніе Мексики. Съ тѣхъ поръ чаша народнаго терпѣнія тамъ переполнилась, и революція, начавшаяся еще въ прошломъ октябрѣ, охватила всю страну. Въ іюлѣ 1910 г. президентъ Діазъ былъ объявленъ переизбраннымъ на восьмой срокъ; его противникъ Франциско Мадеро, требовавшій соблюденія конституціи и недопущенія переизбранія исполнительныхъ властей долженъ былъ бѣжать за границу. Оппозиція была, повидимому, раздавлена съ обычной Діазу жестокостью — но народное недовольство было остро, и семейство Мадеро, очень многочисленное, очень богатое и вліятельное, оказалось въ состояніи возбудить вооруженныя возстанія въ нѣсколькихъ пунктахъ сразу. Правительство и справилось съ ними въ центрѣ страны, но на сѣверѣ они были болѣе или менѣе успѣшны. Штаты Чивава, Сонора и Коахила, смежные съ С. А. Союзомъ по всему слишкомъ тысячемильному протяженію его границъ съ Мексикой и составляющіе около трети всей территоріи республики, перешли почти цѣликомъ въ руки инсургентовъ; въ нѣсколькихъ другихъ правительственная власть была сильно подорвана. Армія Діаза оказалась плохой и ненадежной; всѣ происходившія сраженія и стычки носили, въ общемъ, очень неопредѣленный характеръ, и каждая сторона неизмѣнно приписывала себѣ побѣду. Инсургенты не только держались, но и усиливались, несмотря на то, что правительство объявило пріостановленіе конституціонныхъ гарантій и разстрѣливаетъ безъ суда не только плѣнниковъ, но и всѣхъ подозрѣваемыхъ въ соучастіи или даже сочувствіи. Отрицая оффиціально размѣры и значеніе революціи, оно, однако, пошло на уступки: министерство вышло въ отставку цѣликомъ, вызванъ изъ Парижа Лимантуръ, единственный сколько-нибудь популярный его членъ, обѣщана радикальная земельная реформа, отставка губернаторовъ, префектовъ и назначенныхъ правительствомъ городскихъ мэровъ [2]).

Не подлежитъ сомнѣнію, что и оружіе, и военные и съѣстные припасы инсургенты получаютъ почти цѣликомъ изъ Союза, который далъ мексиканской революціи и многихъ военныхъ вожаковъ, и массу волонтеровъ, авантюристовъ-головорѣзовъ. Безъ этой помощи революція не могла бы, вѣроятно, продержаться и одной недѣли. Американское общественное мнѣніе почти цѣликомъ на ея сторонѣ.

---

[1]) См. „Вѣстникъ Европы", январь 1910, „Письмо изъ Америки".

[2]) Какъ извѣстно изъ газетъ, Порфиріо Діазъ вышелъ въ отставку и удалился въ Европу въ маѣ, а 7-го іюня Мадеро совершилъ свой въѣздъ въ городъ Мексико, въ качествѣ главы временнаго правительства.

Правительство Діаза съ теченіемъ времени — онъ стоялъ у власти, вопреки конституціи, 34 года — обратилось въ откровенный абсолютизмъ, основанный на безпринципнѣйшей олигархіи и штыкахъ. Положеніе дѣлъ въ Мексикѣ вкратцѣ можно опредѣлить такъ: правительство противодѣйствуетъ всѣмъ самодѣятельнымъ культурнымъ начинаніямъ народа, умышленно поддерживаетъ глубокое невѣжество массъ, и сосредоточиваетъ всѣ свои усилія на кровавомъ „успокоеніи" всякой оппозиціи. Картина хорошо знакомая. Въ то же время, въ эксплоатацію обрабатывающей и желѣзнодорожной промышленности Мексики за послѣднія 20 лѣтъ вложено около милліарда европейскихъ и американскихъ долларовъ—послѣднихъ, по довольно точному исчисленію, не менѣе 700 милліоновъ. Этотъ милліардъ пользуется концессіями и привиллегіями, часто откровенно монополистическими, и систематически высасываетъ всѣ жизненные соки націи въ 17 милліоновъ; представители этого капитала находятся въ наилучшихъ отношеніяхъ съ правительствомъ Діаза, и, конечно, прежде всего и больше всего желаютъ продолженія настоящаго политическаго режима. Словомъ, мексиканскій народъ находится въ двойной кабалѣ: у домашняго политическаго абсолютизма и у иностраннаго экономическаго порабощенія, находящихся въ тѣсномъ союзѣ. Трудно сказать, противъ кого онъ болѣе озлобленъ: — противъ своихъ ли собственныхъ безсовѣстныхъ правителей, или противъ чужеземныхъ угнетателей. Во всякомъ случаѣ онъ отлично помнитъ французское нашествіе 1863-го года, и прекрасно сознаетъ силу своего сосѣда — С. А. Союза. За все время революціи инсургенты тщательнѣйшимъ образомъ избѣгали какого-либо насилія противъ иностранцевъ, несмотря на то, что они разбросаны по всей странѣ и совершенно беззащитны. Хотя инсургенты и раздѣлены на многое множество отдѣльныхъ бандъ, дѣйствующихъ на огромномъ пространствѣ и часто подъ предводительствомъ совершенно невѣжественныхъ людей, со стороны иностранцевъ не было серьезныхъ противъ нихъ протестовъ или жалобъ, и прокламаціи Мадеро неизмѣнно говорили о безусловной неприкосновенности иностранцевъ и ихъ собственности. Тѣмъ не менѣе, дѣловая дѣятельность пришла въ полный застой, рудники и фабрики пришлось закрыть; американскій капиталъ несетъ убытки, и страстно желалъ бы быстраго подавленія революціи. Казалось бы, американскому правительству не оставалось ничего иного, кромѣ терпѣливаго ожиданія исхода борьбы. Но Тафтъ не удовольствовался этимъ; нежданно-негаданно былъ объявленъ приказъ о мобилизаціи 20-тысячной арміи и о ея сосредоточеніи на мексиканской границѣ. Въ то же время всѣ свободныя военныя суда и на Тихомъ, и на Атлантическомъ побережьяхъ, съ значительными силами морской пѣ-

хоты и полнымъ снаряженіемъ для сухопутной высадки, были двинуты туда же. Секретъ былъ сохраненъ отлично; приказъ говорилъ только, что предполагаются маневры на большую ногу. Если Тафтъ поддался давленію вложеннаго въ мексиканскую промышленность американскаго капитала, разсчитывая, что осязательная угроза вооруженнаго американскаго вмѣшательства поможетъ Діазу быстро справиться съ революціей, то это оказалось ошибкой. Мексиканскій народъ, какъ и всѣ латинскія расы, чрезвычайно чувствителенъ ко всякой угрозѣ, оскорбляющей его національную гордость. Опасность иностраннаго вмѣшательства быстро объединила большинство сознательныхъ элементовъ населенія, но далеко не въ пользу правительства. Едва ли подлежитъ сомнѣнію, что Тафтъ дѣйствовалъ съ вѣдома и согласія Діаза, каковы бы ни были его собственные скрытые мотивы Оффиціальному объясненію, что военное министерство желало повѣрить правильность своихъ мобилизаціонныхъ плановъ и дать возможность старшимъ генераламъ арміи испытать свои силы въ командованіи крупными соединеніями всѣхъ родовъ оружія, никто не повѣрилъ ни въ Союзѣ, ни въ Мексикѣ. Для этого можно было выбрать и другое время, и другое мѣсто.

П. А. Тверской.

Лосъ Анжелесъ, Калифорнія.

ВОСПОМИНАНІЯ ФРАНЦУЗСКАГО ЖУРНАЛИСТА

Arthur Meyer. Ce que mes yeux ont vu. Préface de M. Émile Faguet. Paris, 1911.

Имя Артура Мейера хорошо извѣстно всѣмъ имѣвшимъ случай слѣдить за французскою журналистикою послѣднихъ тридцати лѣтъ. Типическій хроникеръ парижскаго свѣтскаго общества, предпріимчивый и ловкій газетный дѣятель, онъ съ начала восьмидесятыхъ годовъ стоитъ во главѣ весьма распространенной бульварной газеты „Gaulois“, въ качествѣ ея директора. И любопытнѣе всего, что, не смотря на свое еврейское происхожденіе, онъ считался надежнымъ союзникомъ клерикаловъ и монархистовъ, пріобрѣлъ большія связи и популярность среди консервативной аристократіи, былъ участникомъ буланжистскаго движенія противъ республики и дѣйствовалъ заодно съ антисемитами противъ Дрейфуса и дрейфусаровъ. Артуръ Мейеръ

стоялъ и продолжаетъ до сихъ поръ стоять за возстановленіе монархіи во Франціи; онъ былъ сторонникомъ имперіи послѣ ея крушенія, потомъ перешелъ къ роялистамъ и сдѣлался вѣрнымъ приверженцемъ принца Филиппа Орлеанскаго. Какъ журналистъ, онъ имѣлъ чрезвычайно широкій кругъ знакомствъ и сношеній, и воспоминанія его, даже въ той легкой фельетонной формѣ, какую придалъ имъ авторъ, представляютъ значительный интересъ для читателя.

Личная біографія Артура Мейера сама по себѣ довольно поучительна. Отецъ его, сынъ мелкаго эльзасскаго раввина, вынужденъ былъ добывать себѣ средства къ существованію разносною торговлею въ разныхъ мѣстахъ страны; случайно онъ попалъ въ Гавръ, остался тамъ, заработалъ нѣкоторую сумму денегъ и устроилъ мелочную лавку. Онъ рѣшилъ дать маленькому Артуру образованіе и помѣстилъ его въ мѣстное учебное заведеніе; шустрый мальчикъ успѣшно прошелъ курсъ ученья и съумѣлъ завязать прочныя связи съ товарищами, которые могли быть ему полезны въ жизни. Онъ посѣщалъ Школу Права въ Парижѣ, но не сдѣлался юристомъ. Одинъ изъ товарищей его по лицею, Альберъ Миллью̀, познакомилъ его съ своимъ отцомъ, основателемъ „Petit Journal", и тотъ поручилъ ему вмѣстѣ съ сыномъ организовать розничную продажу газеты въ провинціи. Порученіе было исполнено очень удачно. Это былъ для Мейера первый опытъ ознакомленія съ техникою журнально-издательскаго дѣла. Нѣкоторое время спустя, случайно встрѣтившійся съ нимъ въ кафе́ молодой человѣкъ предложилъ ему вмѣстѣ издавать ежемѣсячный журналъ и направилъ его съ этою цѣлью къ своему отцу, богатому коммерсанту, для переговоровъ о финансовой сторонѣ предпріятія. Въ нѣсколько минутъ дѣло было рѣшено, и молодые издатели съ энергіею принялись за организацію новаго журнала: „Nouvelle Revue de Paris".

Артуру Мейеру было тогда не болѣе двадцати-двухъ лѣтъ отъ роду. Онъ впервые получилъ возможность вступить въ непосредственныя сношенія съ извѣстными и даже знаменитыми писателями. Всѣ отнеслись къ нему съ большимъ вниманіемъ и сочувствіемъ, предполагая въ немъ солиднаго, хотя и юнаго, капиталиста-предпринимателя. Ему тотчасъ же обѣщали свое сотрудничество Эдмондъ Абу, Локруа, Анри де-Пэнъ, Жюль Кларти, Орельенъ Шолль, Луи Ульбахъ и другіе; Фейдо далъ ему свой новый романъ; Сарду, Дюма-сынъ, Ожье выразили ему свои наилучшія пожеланія. Но журналъ просуществовалъ недолго: коммерсантъ, давшій на него средства, внезапно обанкрутился. Между тѣмъ въ ресторанѣ, гдѣ собирались литераторы, бывали иногда и любознательные чиновники. Одинъ изъ нихъ, префектъ департамента Эры, Жанвье де-Ла-Моттъ, познакомившись съ Артуромъ Мейромъ и неожиданно пригласилъ его на постъ

начальника своей канцеляріи. Мейеръ отправился въ провинцію и совершилъ вмѣстѣ съ префектомъ избирательную поѣздку, для поддержки оффиціальныхъ кандидатовъ въ члены Законодательнаго Корпуса; но вскорѣ онъ вернулся въ Парижъ, такъ какъ „не чувствовалъ призванія къ административной карьерѣ". Онъ остался опять ни при чемъ и долженъ былъ съ благодарностью воспользоваться гостепріимствомъ Орельена Шолля, который далъ ему пріютъ у себя въ домѣ. Шолль представилъ его Эдмонду Тарбѐ, который какъ разъ въ это время подумывалъ объ основаніи новой газеты, способной конкурировать съ „Figaro".

Счастье вновь улыбнулось Мейеру. По предложенію Тарбѐ, онъ заинтересовался его дѣломъ, и вскорѣ оно устроилось какъ нельзя лучше. Для газеты придумано было отличное названіе—„Gaulois"; главное редакторство принялъ на себя Анри де-Пэнъ. Чтобы сразу пустить газету въ ходъ, надо было пріобрѣсти какой-нибудь сенсаціонный романъ. Смѣлые предприниматели рѣшились обратиться къ самому Виктору Гюго, который жилъ тогда изгнанникомъ на островѣ Гернсеѣ; Артуръ Мейеръ долженъ былъ устроить туда экспедицію при участіи Анри де-Пэна и Эдмонда Тексье. Пришлось нанять спеціальный пароходъ для переѣзда изъ Сенъ-Малò въ Гернсей, такъ какъ обычныя пароходныя сообщенія поддерживались только разъ въ недѣлю. Посольство было принято поэтомъ крайне любезно; Викторъ Гюго зналъ де-Пэна и Тексье какъ старыхъ литераторовъ, а неизвѣстнаго ему по имени Мейера принялъ за издателя-капиталиста, почему отнесся къ нему съ особенною благосклонностью: великій поэтъ—какъ замѣчаетъ авторъ—очень уважалъ деньги. Переговоры окончились быстро и вполнѣ удачно: Гюго обѣщалъ романъ „Труженики моря". Первые номера „Gaulois" были блестящи: они были украшены такими именами, какъ Францискъ Сарсэ, Эдмондъ Абу, Барбе д'Орвильи, Поль Феваль, Вейссъ, Дюма-сынъ. Самъ Артуръ Мейеръ получилъ въ свое завѣдываніе хронику городской и свѣтской жизни, театровъ и спорта. По собственному сознанію, онъ ничего не понималъ въ этомъ дѣлѣ и ежедневно бралъ уроки хроникерскаго искусства у Анри де-Пэна. Вскорѣ де-Пэнъ разошелся съ Тарбé, покинулъ „Gaulois" и основалъ собственную газету—„Paris-Journal"; Артуръ Мейеръ послѣдовалъ за нимъ.

Какъ журналистъ, Мейеръ аккуратно посѣщалъ тѣ кафе и рестораны, гдѣ бывали литературныя знаменитости Парижа, и мало-по-малу сталъ „садиться съ ними за одинъ столъ"; ему оставалось только имѣть съ кѣмъ-нибудь дуэль, чтобы окончательно санкціонировать свою принадлежность къ журнальной профессіи. Ему показали ядовитую статейку по его адресу въ сатирическомъ листкѣ; Артуръ Мейеръ по-

нялъ, что надо вызвать автора ея на дуэль, и роль секундантовъ охотно взяли на себя красавецъ и храбрецъ Жоржъ де-Геккеренъ—сынъ сенатора второй имперіи, убійцы Пушкина,—и „лучшій другъ“ Мейера, Анри де-Пэнъ. Дуэль имѣла серьезныя послѣдствія: Артуръ Мейеръ былъ тяжело раненъ и пролежалъ цѣлый мѣсяцъ въ постели. За то онъ имѣлъ утѣшеніе видѣть, какъ имъ интересуются многіе представители лучшаго общества, имена которыхъ тутъ же приводятся имъ. Къ нему заходили почти ежедневно блестящіе денди, такъ что его скромная комната въ четвертомъ этажѣ напоминала отдѣленіе моднаго клуба. Оправившись отъ болѣзни, онъ засталъ уже газету де-Пэна въ упадкѣ; дѣла ея разстроились, и онъ перешелъ въ „Soir“, гдѣ водворился Эдмондъ Абу. Когда, весною 1870-го года, образовался комитетъ плебисцита, Жанвье де-ла-Моттъ привлекъ Мейера къ участію въ его дѣятельности, въ качествѣ секретаря. Мейеръ присутствовалъ при пріемѣ комитета Наполеономъ III, который съ видимымъ удовольствіемъ выслушалъ сообщеніе о результатахъ плебисцита и затѣмъ поднялъ на руки наслѣднаго принца, съ словами: „привѣтствуемъ всѣ вмѣстѣ нашего маленькаго императора!“

Въ теченіе девяти слишкомъ лѣтъ, до 1879-го года, Артуръ Мейеръ не сотрудничалъ ни въ какой газетѣ, а занимался биржевыми дѣлами по порученію одной маклерской конторы; онъ рѣшилъ разбогатѣть, чтобы купить какую-нибудь газету и завѣдывать ею по собственному усмотрѣнію. Ежедневно въ восьмомъ часу утра онъ заходилъ къ Эмилю де-Жирардену, который непремѣнно хотѣлъ помочь ему въ осуществленіи его плановъ. Артуръ Мейеръ продолжалъ почти съ отцовскимъ чувствомъ слѣдить за судьбою „Gaulois“. Бывая у Руэра и въ его семьѣ, онъ встрѣчалъ тамъ одного изъ главныхъ сотрудниковъ этой газеты, Жюля Ришара, и періодически узнавалъ отъ него о положеніи ея дѣлъ. Газета шла отлично до паденія парижской коммуны, но потомъ растеряла своихъ подписчиковъ, такъ какъ издатель или директоръ ея, Эдмондъ Тарбé, упорно стоялъ за имперію и не съумѣлъ приспособиться къ измѣнившимся обстоятельствамъ. По настоянію Жюля Ришара, Артуръ Мейеръ вступилъ въ переговоры съ Тарбé, при участіи одного банкира, съ которымъ свелъ его Эмиль де-Жирарденъ. Соглашеніе состоялось, и Мейеръ сдѣлался, наконецъ, распорядителемъ „Gaulois“. Его представили принцу Наполеону, какъ убѣжденнаго бонапартиста; принцъ очаровалъ его, но въ тоже время озадачилъ своими республиканскими взглядами. „Видите ли, молодой человѣкъ,—сказалъ онъ ему, между прочимъ,—форма власти не имѣетъ значенія; нужно стоять за самую власть“. Въ сущности Артуръ Мейеръ понималъ, что въ газетномъ дѣлѣ успѣхъ дается не политикою и не партійнымъ направленіемъ, а литературною содержательностью и

отзывчивостью газеты, талантливостью и остроуміемъ ея сотрудниковъ и хроникеровъ. Въ этомъ отношеніи онъ выказалъ тонкій вкусъ, чутье и большое практическое умѣнье. Онъ постарался обезпечить газетѣ сотрудничество настоящихъ литераторовъ, хотя и молодыхъ, только начинающихъ, и во многихъ изъ нихъ онъ какъ будто предугадалъ будущія свѣтила. У него работали Октавъ Мирбо, Поль Буржѐ, Франсуа Коппѐ, Морисъ Баррѐсъ, Альберъ Сорель, Эмиль Фагѐ, Ришпенъ, Альберъ Вандаль, Ренэ Думи́, Поль Эрвье,—не говоря уже о давно извѣстныхъ, какъ Францискъ Сарсэ, Арсенъ Гуссэ, Эрнестъ Додэ. Въ его же газетѣ началъ свою карьеру будущій основатель газеты „Matin", Альфредъ Эдвардсъ. Въ виду явной непопулярности бонапартизма, Артуръ Мейеръ незамѣтно повернулъ газету въ сторону королевской партіи, и „Gaulois" сталъ органомъ того „лучшаго общества", съ которымъ всей душой стремился быть солидарнымъ новый издатель. Крупнѣйшій акціонеръ газеты, банкиръ, стоялъ за откровенное присоединеніе къ республикѣ и выхлопоталъ для Артура Мейера аудіенцію у Гамбетты. Мейеръ оказалъ неожиданное сопротивленіе: онъ наотрѣзъ отказался отъ свиданія съ Гамбеттой, отказался поддерживать выдвинутую имъ систему выборовъ по спискамъ и пожелалъ сохранить вѣрность роялистамъ. Банкиръ созвалъ акціонеровъ „Gaulois"; Мейеръ былъ устраненъ. Газета перешла въ руки Жюля Симона, который взялъ себѣ въ помощники отставного русскаго профессора, Ціона; но обычные читатели „Gaulois" были недовольны, и черезъ годъ акціонеры опять обратились къ Артуру Мейеру, который вслѣдъ затѣмъ совершилъ тріумфальное возвращеніе въ свою старую газетную резиденцію. Это было въ 1881-мъ году; Мейеръ былъ тогда еще сравнительно молодымъ человѣкомъ, — ему было около тридцати шести лѣтъ. Съ тѣхъ поръ онъ неизмѣнно оставался счастливымъ обладателемъ и хозяиномъ модной литературно-бульварной газеты, которой, повидимому, не вредила никакая конкурренція.

Артуръ Мейеръ съ грустью вспоминаетъ только одинъ эпизодъ, относящійся къ началу восьмидесятыхъ годовъ и едва не окончившійся для него трагически. Извѣстный антисемитъ Эдуардъ Дрюмонъ задѣлъ его въ книгѣ „La France juive", и Мейеръ счелъ себя обязаннымъ вызвать его на дуэль. Поединокъ состоялся на шпагахъ; Дрюмонъ нападалъ съ такою горячностью, что оба противника очутились слишкомъ близко другъ отъ друга и потеряли свободу дѣйствій; въ порывѣ боя Мейеръ невольно схватился лѣвою рукою за шпагу Дрюмона, а правою нанесъ ему тяжелую рану, чѣмъ грубо нарушилъ самыя элементарныя правила дуэли. Это была уже собственно не дуэль, а „ножовая расправа", какъ опредѣлилъ ее судъ, разсматривавшій это дѣло. Сознаніе возмутительной некорректности случившагося, было

убійственно для Мейера, и онъ готовъ былъ покончить съ собою; но его съ первой минуты поддержали дружескія симпатіи всего редакціоннаго персонала газеты, съ Анри де-Пэномъ во главѣ. Судъ отчасти оправдалъ Мейера и присудилъ его только къ небольшому денежному штрафу; но самый фактъ, давшій поводъ къ процессу, произвелъ на Мейера подавляющее впечатлѣніе. Позднѣе онъ сблизился съ Дрюмономъ, цѣнилъ въ немъ „великаго писателя и апостола", бывшаго во многомъ его единомышленникомъ, — хотя едва ли онъ могъ бы выяснить, въ чемъ заключалась общность идей, связывавшихъ проповѣдника антисемитизма съ Артуромъ Мейеромъ.

Директоръ „Gaulois" откровенно признается, что не получилъ въ свое время ни литературнаго, ни политическаго образованія, и что своими литературными свѣдѣніями и навыками онъ всецѣло обязанъ многолѣтнему сотоварищу по газетѣ, Анри де-Пэну. „Ежедневныя сношенія съ нимъ—говоритъ онъ—составляли для меня нѣчто въ родѣ обученія, котораго у меня раньше совершенно не было". У него былъ только одинъ талантъ, чрезвычайно цѣнный съ точки зрѣнія житейскихъ успѣховъ, — талантъ общительности и пріятнаго обращенія. Нельзя серьезно говорить о политическихъ или иныхъ идеяхъ Артура Мейера, какъ это дѣлаетъ Эмиль Фагѐ въ своемъ предисловіи. Въ качествѣ руководителя весьма распространенной газеты, Артуръ Мейеръ могъ играть и дѣйствительно игралъ активную роль и въ буланжистскомъ движеніи, и въ „патріотической" агитаціи по дѣлу Дрейфуса; но главы, посвященныя вопросамъ и событіямъ политики, представляютъ наименьшій интересъ въ его книгѣ. Артуръ Мейеръ былъ и остается хроникеромъ „лучшаго общества", наблюдателемъ и вѣрнымъ поклонникомъ установившихся свѣтскихъ понятій, обычаевъ и удовольствій— и въ этомъ смыслѣ онъ неизбѣжно долженъ былъ чувствовать себя прирожденнымъ консерваторомъ, рѣшительнымъ противникомъ республиканской демократіи. Онъ даже не пытается мотивировать и объяснять свои политическіе взгляды, ибо такихъ взглядовъ у него нѣтъ; у него есть только опредѣленныя симпатіи и антипатіи, въ истинномъ значеніи которыхъ онъ самъ, повидимому, не отдаетъ себѣ яснаго отчета. Такимъ образомъ, по странной ироніи судьбы, сынъ мелкаго еврейскаго торговца, знатокъ и любитель изящной свѣтской суеты, является защитникомъ сословно-монархическихъ традицій, выразителемъ стремленій и надеждъ французскихъ аристократовъ и клерикаловъ стараго типа.

Л. Слонимскій.

КРИТИЧЕСКІЕ НАБРОСКИ

„Достоевскій привелъ въ болото, надо искать иныхъ путей... Онъ оставилъ намъ въ наслѣдство Авгіевы конюшни психологіи... Достоевскій семенилъ дробной походкой петербургскаго обывателя. И россійская словесность засеменила вслѣдъ за нимъ. Таковъ непоправимый ущербъ, нанесенный имъ отечественному искусству“ („Ибсенъ и Достоевскій“, въ „Арабескахъ“ Андрея Бѣлаго, М. 1911).

„Въ русской, да, пожалуй, и во всей міровой литературѣ нѣтъ художника, который бы съ равной Достоевскому прозорливостью поставилъ и раскрылъ трагическую проблему индивидуализма“ (Вл. Кранихфельдъ, „Преодолѣніе Достоевскаго“, въ „Современномъ Мірѣ“, 1911, № 5).

„Достоевскій зажегъ на краю горизонта самые отдаленные маяки, почти невѣроятные по силѣ неземного блеска, кажущіеся уже не маяками земли, а звѣздами неба... Каждой судорогѣ нашего сердца онъ отвѣчаетъ: „знаю, и дальше, и больше знаю“... Онъ поставилъ будущему вопросы, которыхъ до него никто не ставилъ, и нашепталъ отвѣты на еще непонятые вопросы“ (Вячеславъ Ивановъ, „Достоевскій и романъ-трагедія“, въ „Русск. Мысли“, 1911, № 5—6).

Вотъ три характерныхъ цитаты изъ той весьма обширной литературы о Достоевскомъ, которая вызвана была въ нынѣшнемъ году тридцатилѣтіемъ со дня смерти великаго писателя и инсценировкой „Братьевъ Карамазовыхъ“ Московскимъ Художественнымъ Театромъ. Эти два обстоятельства необычайно оживили интересъ къ творчеству Достоевскаго и привели къ цѣлому ряду попытокъ разобраться въ немъ и опредѣлить его отношеніе къ современнымъ исканіямъ, художественнымъ, философскимъ и общественнымъ. Отвѣты получились не только разнообразные, но часто взаимно другъ друга исключающіе, какъ видно хотя бы по приведеннымъ выше выпискамъ.

Андрей Бѣлый, въ статьѣ крайне бранчливой, хотя кое въ чемъ мѣткой, видитъ въ Достоевскомъ великое зло, которое мы должны преодолѣть, если не желаемъ окончательно погибнуть. Возможность преодолѣнія онъ усматриваетъ въ двухъ направленіяхъ: либо въ движеніи „впередъ—къ Ничше“, либо въ движеніи „назадъ—къ Гоголю и Пушкину“. Въ этомъ рецептѣ кроется несомнѣнное недоразумѣніе, прежде всего потому, что ни тотъ, ни другой путь не уводятъ насъ отъ пути Достоевскаго. Ничше, по собственному его при-

знанію, выросъ въ значительной мѣрѣ на Достоовскомъ, и его концепція, въ основныхъ своихъ линіяхъ, есть только блестящее и могучее, своеобразное по формѣ и по примѣненіямъ, развитіе одной изъ возможностей, не только указанныхъ, но и ярко разработанныхъ Достоевскимъ. Отвѣтъ, влагаемый Вячеславомъ Ивановымъ въ уста Достоевскаго, можно представить, какъ обращаемый нашимъ писателемъ и къ нѣмецкому философу: „знаю, и дальше, и больше знаю". Что касается до пути Пушкина и Гоголя, то Достоевскій никогда не покидалъ тропы, проложенной для нашей литературы этими вѣчными свѣточами русскаго духа. Кто любитъ Достоевскаго, тотъ не можетъ не любить Пушкина. И за тридцать лѣтъ до того, какъ Андрей Бѣлый сталъ насъ звать на путь Пушкина, Достоевскій, на всероссійскомъ торжествѣ открытія памятника поэта въ Москвѣ, потрясъ сердца всѣхъ присутствовавшихъ, съ невѣдомою силою призывая познать въ Пушкинѣ нашего всеобщаго духовнаго отца.

Да и вообще, пора бы уже бросить эту манеру — натолкнувшись на огромное, хотя почему либо и неправящееся историческое явленіе, обрушиваться на него съ полемическимъ азартомъ и приглашать всѣхъ и каждаго забыть это явленіе начисто, сдѣлать видъ, какъ будто его никогда и не существовало. Относиться такъ къ Достоевскому—и безплодно, и невыгодно, и несправедливо. Вѣдь еслибы авторъ „Братьевъ Карамазовыхъ" и „Записокъ изъ Мертваго дома" сидѣлъ только въ болотѣ или въ Авгіевыхъ конюшняхъ, то онъ не могъ бы стяжать столь продолжительнаго признанія и вліянія и въ Россіи, и во всемъ мірѣ. Ясно, значитъ, что его отрицательныя стороны, если даже онѣ вѣрно подмѣчены, отнюдь его не исчерпываютъ; ясно, что рядомъ съ ними была настоящая, положительная, творческая сила. „Преодолѣть" Достоевскаго, конечно, надо, какъ и всякую стадію историческаго процесса, которая для того только и осуществляется, чтобы послужить ступенью къ достиженію новыхъ творческихъ возможностей. Но такое „преодолѣніе" покупается не тѣмъ, что мы станемъ ломать уже построенныя ступени, а тѣмъ, что, поднявшись на нихъ, станемъ строить новыя. Иными словами, „преодолѣетъ" Достоевскаго не тотъ, кто будетъ его только поносить, а тотъ, кто, овладѣвъ въ полной мѣрѣ данными въ его творчествѣ огромными достиженіями и заложенными въ немъ новыми возможностями, найдетъ въ себѣ силу двинуться дальше. Такого овладѣнія въ филиппикахъ Андрея Бѣлаго не усматривается, даже и охоты къ этому онъ не обнаруживаетъ.

О „преодолѣніи" Достоевскаго говоритъ и Вл. Кранихфельдъ. Въ его статьѣ есть нѣчто весьма цѣнное: это — призывъ понять До-

стоевскаго какъ опредѣленный моментъ въ историческомъ развитіи самосознанія нашей интеллигенціи. И самое „преодолѣніе“ авторъ понимаетъ, какъ дальнѣйшій шагъ въ этомъ развитіи. Къ сожалѣнію, это плодотворное заданіе соединяется у г. Кранихфельда съ крайней приверженностью къ безплоднымъ и даже вреднымъ въ такихъ случаяхъ схемамъ марксизма, и окончательный результатъ получается у него не только неудовлетворительный, но прямо даже ошеломляющій: „преодолѣніе“ Достоевскаго должно получиться, по мнѣнію г. Кранихфельда, на почвѣ классоваго сліянія интеллигенціи съ сознательнымъ рабочимъ пролетаріатомъ, представителемъ котораго въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“ является Смердяковъ. „Вотъ кому завѣщана загадка разверстыхъ безднъ. Вотъ въ чьей душѣ должна развернуться страшная борьба“. Правда, г. Кранихфельдъ тутъ же оговаривается, что въ душѣ Смердякова эта борьба не имѣетъ никакой надежды „на разрѣшающій исходъ“, но только потому, что у Смердякова „нѣтъ отточенной и заостренной мысли“. Дайте, значитъ, Смердякову мысль, т.-е. классовое самосознаніе, и мучительные вопросы Ивана Карамазова получатъ „разрѣшающій исходъ“. Въ высшей степени сомнѣваюсь, чтобы при такой степени пониманія или, вѣрнѣе, непониманія Достоевскаго могла быть хоть малая надежда на дѣйствительное „преодолѣніе“ его.

Статья Вячеслава Иванова написана вдумчиво и серьезно. Въ этомъ отношеніи рядомъ съ нею, пожалуй даже выше ея, я поставилъ бы небольшую статью Максимильяна Волошина (въ „Ежегодникѣ Императорскихъ Театровъ“) объ инсценированіи „Братьевъ Карамазовыхъ“—статью, обнаруживающую и тонкій вкусъ, и хорошее пониманіе Достоевскаго. Вячеславъ Ивановъ старается опредѣлить мѣсто, занимаемое романами Достоевскаго въ историческомъ развитіи романа, какъ литературной формы. Подъ перомъ нашего писателя романъ впервые вмѣстилъ въ свои формы чистую трагедію, сталъ трагедіей духа. Это — романъ катастрофическій, потому что все его развитіе спѣшитъ къ трагической катастрофѣ. Но если сценическая трагедія, по техническимъ условіямъ, требуетъ простыхъ линій одного дѣйствія, то повѣствовательная форма позволяетъ Достоевскому дать „какъ бы трагедію потенцированную, внутренно осложненную и умноженную въ предѣлахъ одного дѣйствія: какъ будто мы смотримъ на трагедію въ лупу и видимъ въ ея молекулярномъ строеніи отраженіе и повтореніе того же трагическаго принципа, какому подчиненъ весь организмъ. Каждая клѣточка этой ткани есть уже малая трагедія въ себѣ самой; и если катастрофично цѣлое—то и каждый узелъ катастрофиченъ въ маломъ. Отсюда тотъ своеобразный законъ эпическаго ритма у Достоевскаго, который обра-

щаетъ его созданія въ систему напряженныхъ мышцъ и натянутыхъ нервовъ, что дѣлаетъ ихъ столь утомительными и вмѣстѣ столь властными надъ нашей душой". Далѣе Вячеславъ Ивановъ отмѣчаетъ цѣлый рядъ любопытнѣйшихъ формальныхъ особенностей, которыя обусловлены въ произведеніяхъ Достоевскаго его трагическимъ міропониманіемъ, и наконецъ пытается охарактеризовать это міропониманіе по существу.

Къ сожалѣнію, статья г. Иванова написана необычайно отвлеченнымъ языкомъ и въ отвлеченныхъ категоріяхъ. Масса философскихъ терминовъ и схемъ, непрерывная цѣпь общихъ положеній—и почти полное отсутствіе указаній на конкретные факты изъ сочиненій Достоевскаго. Кто знаетъ этого писателя чуть не наизусть, тотъ самъ оживитъ схемы Вячеслава Иванова, вызывая изъ запаса своей памяти факты; но менѣе освѣдомленный читатель врядъ ли много вынесетъ изъ напряженнѣйшихъ отвлеченностей. Отсутствіе фактовъ и ихъ анализа крайне вредно еще и потому, что безъ нихъ всѣ обобщенія Вячеслава Иванова остаются висящими на воздухѣ, недоказанными догматическими утвержденіями—а между тѣмъ въ нихъ много спорнаго, особенно въ той части, которая разбираетъ міросозерцаніе Достоевскаго по существу. Допустимо, что по необходимости сжатая форма „публичной лекціи", въ которую г. Ивановъ отлилъ свои наблюденія надъ Достоевскимъ, заставила его только подразумѣвать весь конкретный матеріалъ. Но возможно, что обычная литературная манера этого писателя испортила бы дѣло и въ томъ случаѣ, еслибы его не такъ стѣсняли внѣшнія рамки: возможно, что широкій просторъ онъ использовалъ бы совсѣмъ на другое. И въ сжатой статьѣ Вячеславъ Ивановъ едва ли удержался бы отъ своего пристрастія къ нагроможденію фактовъ и символовъ, совершенно чуждыхъ его прямой темѣ, но кажущихся ему весьма содержательными и многозначительными. Много мѣста отведено, по всегдашней привычкѣ г. Иванова, античной миѳологіи, античнымъ воззрѣніямъ, хотя у Достоевскаго ничего общаго съ этой областью не было и никакого прямого или даже посредственнаго вліянія древности на Достоевскаго установить невозможно. Совершенно фальшиво надѣлять нашего писателя „Музой", да еще „похожею вмѣстѣ на обезумѣвшую Діонисову мэнаду и на другой ликъ той же мэнады—дочь Мрака, ловчую собаку богини Ночи, змѣеволосую Эриннію", и т. д. Ничего не объясняетъ также приравниваніе религіозныхъ переживаній Достоевскаго къ „чистымъ формамъ Діонисовой религіи", ибо Достоевскій шелъ не отъ Діониса, а отъ Христа, и, слѣдовательно, и объяснять его надо на христіанской почвѣ и на христіанскомъ матеріалѣ; если же есть родственныя черты между христіанствомъ и древней религіей Діониса, то это уже совсѣмъ другая тема,

и въ скупо-сжатой статьѣ о Достоевскомъ ей не мѣсто. Точно также, если Достоевскій дѣйствительно „во внутреннемъ процессѣ утраты и расточенія души своей“ почерпалъ силу для высшаго духовнаго преображенія, то при этомъ онъ „экстатически испытывалъ на дѣлѣ“ отнюдь не значеніе словъ Леопарди или Гете, цитируемыхъ г. Ивановымъ, а значеніе забытыхъ послѣднимъ, хотя и цитируемыхъ Достоевскимъ библейскихъ словъ о тѣхъ, кто, погубляя душу, обрѣтаетъ ее, и о сѣмени сгнивающемъ, чтобы дать плодъ. Но до такой степени далекъ Вячеславъ Ивановъ отъ тѣхъ конкретныхъ условій, на которыхъ созидалось творчество Достоевскаго, до такой степени онъ дома въ совсѣмъ другомъ мірѣ, что даже монастырскую нашу легенду о томъ, какъ Богоматерь „вошла въ пустынь и очертила ограду своей обители на будущія времена“, онъ старается сдѣлать для насъ понятной при помощи „древняго гимна“ о „многострадальной матери Деметрѣ“. Странная аберрація, весьма характерная для нашихъ экзотиковъ, которые, стремясь „къ завѣтной тайнѣ нашей народной стихіи“, не поймутъ Христа, если его не назвать Діонисомъ, не поклонятся Богоматери, если ее не приравнять къ Деметрѣ...

Эта погоня за экзотическими примѣрами, иногда неподходящими, за сходствомъ, часто мнимымъ, есть большое зло, въ корень подтачивающее навыкъ къ отчетливому мышленію и къ точному методу изслѣдованія. Вячеславъ Ивановъ, несомнѣнно, писатель широко и хорошо образованный; но, повидимому, это зло и на него оказало свое воздѣйствіе, заставивъ его подмѣнить сходствомъ генетическую связь даже тамъ, гдѣ рѣчь идетъ уже не объ иллюстрирующихъ примѣрахъ, а о прямыхъ источникахъ. Я разумѣю ту часть его статьи, гдѣ онъ пытается установить „литературныя предпочтенія и сродства“, вліявшія на Достоевскаго,—проще говоря, литературныя вліянія, подъ которыми сложилась писательская личность романиста. Этотъ вопросъ имѣетъ огромную историко-литературную цѣнность; безъ его рѣшенія мы не съумѣемъ понять настоящій смыслъ чрезвычайно многихъ и притомъ основныхъ страницъ въ романахъ Достоевскаго, не поймемъ центральнаго нерва всѣхъ его задачъ, и почему ставилъ онъ ихъ именно такъ, а не иначе. И не смотря на то, что о Достоевскомъ написано очень много, какъ разъ для рѣшенія этого вопроса ровно ничего не сдѣлано. Философствуютъ надъ Достоевскимъ—или, вѣрнѣе, по поводу его—и вкривь и вкось, а изучать его еще и не начинали. Особенно дорого, поэтому, что въ статьѣ Вяч. Иванова есть элементы не только философствованія, но и изученія. Къ сожалѣнію, именно глава о литературныхъ вліяніяхъ и вышла у него слишкомъ ужъ краткой, да и по существу она невѣрна, ибо, если не ошибаюсь, основана на невѣрномъ пріемѣ: вмѣсто того, чтобы

искать прямыхъ указаній па кругъ чтенія Достоевскаго, Вяч. Ивановъ строитъ догадки, опираясь на свои собственныя ассоціаціи идей, т.-е. считаетъ учителями Достоевскаго тѣхъ писателей, которыхъ напоминаютъ ему, Иванову, тѣ или другія страницы Достоевскаго.

Въ главу угла Вяч. Ивановъ ставитъ Руссо и Шиллера: на Руссо, будто бы, выросла у Достоевскаго „греза объ естественномъ раѣ близкихъ къ природѣ и отъ природы добрыхъ людей", „черезъ Руссо заинтересовался онъ и первыми соціалистическими системами". Шиллеръ помогъ развиться „диѳирамбическому восторгу" Достоевскаго. Далѣе Вяч. Ивановъ находитъ возможнымъ *„догадываться"*, что и изъ сочиненій Жоржъ-Зандъ „Достоевскій учился—чему?—мы бы сказали больше всего идейности въ композиціи романовъ, ихъ философической и идейной обостренности". Слѣдуютъ суммарныя указанія на вліяніе Бальзака, Диккенса, Гофмана и Жанъ-Поль-Рихтера, и наконецъ на связь Достоевскаго съ Пушкинымъ, Гоголемъ и Лермонтовымъ.

Я не имѣю здѣсь возможности развернуть этотъ огромный вопросъ во всей его сложности и многозначительности, но одинъ пунктъ мнѣ всетаки хочется хоть намѣтить. О вліяніи Руссо на Достоевскаго мы не имѣемъ ровно никакихъ свидѣтельствъ, да и существеннѣйшія черты Руссо либо совершенно чужды нашему писателю, либо выражены у него слабо и совсѣмъ въ другой окраскѣ. Не женевскій гражданинъ „заразилъ" Достоевскаго своимъ „паѳосомъ". Стоитъ только пробѣжать юношескія письма Ѳ. М., чтобы сразу увидать, кому несла его душа дань первыхъ восторговъ. Это—Шиллеръ, Викторъ Гюго, французскіе классики Корнель и Расинъ, которымъ, по его мнѣнію, и Шекспиръ могъ бы позавидовать. Вотъ писатели, которые помогли сложиться въ душѣ юноши изступленной мечтѣ о героизмѣ, благородствѣ, самоотверженномъ служеніи правдѣ, чести и справедливости, мечтѣ о красивой и прекрасной жизни, о великодушной борьбѣ со всѣмъ, что клеймитъ и безобразитъ жизнь. Къ этимъ вдохновляющимъ кумирамъ рано присоединилась Жоржъ-Зандъ; тутъ и „догадываться" нечего, а просто надо прочесть въ „Дневникѣ писателя" статьи по поводу смерти французской романистки, и тогда сразу станетъ ясно, чему и въ какой колоссальной мѣрѣ научила она нашего писателя. Вопіющее было противорѣчіе между золотой мечтой и безнадежной дѣйствительностью сначала угрюмаго отцовскаго дома, потомъ казармы инженернаго училища—и мечта, не пробуя даже бороться съ дѣйствительностью, унесла юношу въ страну волшебныхъ, воздушныхъ замковъ, въ одинокое и безудержное созиданіе фантастическаго міра, въ которомъ и люди, и самъ мечтатель, свободные отъ пятнающей и принижающей обусловленности реальнаго бытія, были прекрасны, чисты, трогательны,—словомъ, послушно

укладывались въ формы, которыхъ жаждало сердце, воспламененное великодушными сказками и оскорбляемое низменной дѣйствительностью. Перечтите „Бѣлыя ночи“, „Маленькаго героя“ и нѣкоторыя другія раннія произведенія Достоевскаго—и вы часто встрѣтитесь съ этимъ типомъ изступленнаго романтика-мечтателя, а въ цѣломъ рядѣ эпизодовъ этихъ повѣстей вы увидите, какъ будущій „жестокій талантъ“ невольно пока еще заставляетъ самую фабулу слушаться не столько „жестокихъ“ законовъ бытія, сколько кроткихъ велѣній романтической грезы.

Но острая впечатлительность и ясная сознательность скоро заявляютъ свои права. И во внѣшнемъ мірѣ, и въ собственной психикѣ Достоевскій видитъ бездны, непокорныя мечтѣ, оскорбительно издѣвающіяся надъ нею. И въ душѣ встаетъ мучительная дилемма: или отказаться отъ грезы и спуститься до уровня дѣйствительности, или поднять дѣйствительность до уровня требованій грезы. Третій выходъ—самоубаюкиваніе въ отвлеченной грезѣ, при активной низости или малодушномъ попустительствѣ на практикѣ, не созданъ для людей чуткаго сердца и глубокой совѣсти. Первый же опытъ, опытъ Макара Дѣвушкина, показываетъ, что отрѣшиться отъ грезы нельзя, но и осуществить ее въ жизни Макарамъ не дано. Что же дѣлать?

Въ это самое время успѣхъ „Бѣдныхъ людей“ вводитъ Достоевскаго въ кружокъ Бѣлинскаго, гдѣ тоже мечтаютъ о преображеніи жизни и убѣждены, что преображеніе это сейчасъ и полностью осуществится при помощи программы утопическаго соціализма. Вотъ новое могущественное вліяніе на Достоевскаго, подготовленное вовсе не Руссо и пришедшее не черезъ Руссо, а если ужъ нужно тутъ какое-нибудь имя, то это должно быть имя Жоржъ-Зандъ. Вотъ какъ самъ Достоевскій перечисляетъ тѣхъ, „двигателей человѣчества“, которые тогда покорили его: „прежде всѣхъ Жоржъ Зандъ, теперь совершенно забытый Кабетъ, Пьеръ Леру и Прудонъ, тогда еще только начинавшій свою дѣятельность... Фурье уже далеко не такъ уважался“.

Коммунизмъ былъ пережитъ Достоевскимъ глубоко и страстно,—фактъ, доселѣ не выдвинутый съ достаточной яркостью и какъ слѣдуетъ не оцѣненный, но неоднократно и категорически засвидѣтельствованный самимъ Достоевскимъ. „Мы еще задолго до парижской революціи 48-го года,—вспоминаетъ онъ,—были охвачены обаятельнымъ вліяніемъ этихъ идей. Я уже въ 46-омъ году былъ посвященъ во всю *правду* этого грядущаго „обновленнаго міра“ и во всю *святость* будущаго коммунистическаго общества еще Бѣлинскимъ“... „Я страстно принялъ тогда все ученіе его“... „Всѣ эти убѣжденія о безнравственности самыхъ основаній (христіанскихъ) современнаго общества, о безнравственности религіи, семейства; о безнравственности права

собственности; всѣ эти идеи объ уничтоженіи національностей во имя всеобщаго братства людей, о презрѣніи къ отечеству, какъ къ тормазу во всеобщемъ развитіи, и проч. и проч., все это были такія вліянія, которыхъ мы преодолѣть не могли и которыя захватывали, напротивъ, наши сердца и умы *во имя какого-то великодушія*". Достоевскій нисколько не преувеличиваетъ силы своего увлеченія коммунизмомъ, и именно въ формахъ указанныхъ имъ писателей. Достаточно самаго поверхностнаго знакомства съ ученіемъ Пьера Леру, чтобы поразиться, какіе глубокіе слѣды въ самыхъ категоріяхъ всего мышленія Достоевскаго оставило это ученіе на всю его жизнь.

Итакъ, основная черта психики Достоевскаго—великодушная мечта о преображенномъ мірѣ,—усмотрѣла первое свое воплощеніе въ Шиллерѣ и французскихъ классикахъ, затѣмъ отождествила себя съ вдохновеніями Жоржъ Зандъ и пророчествами французскихъ коммунистовъ. Но, впитавъ много живительныхъ соковъ изъ всѣхъ этихъ источниковъ, Достоевскій вполнѣ и окончательно слиться ни съ однимъ изъ нихъ не могъ, а съ коммунизмомъ впослѣдствіи вступилъ даже въ ожесточенную борьбу, подсказанную, однако, расхожденіемъ не въ конечной цѣли, а въ путяхъ и средствахъ. Къ „обновленному міру" стремился Достоевскій до конца дней своихъ, но утверждалъ послѣ каторги, что вся программа коммунизма ведетъ не къ обновленію, а къ погибели міра, ибо хочетъ вытравить изъ человѣческой натуры тѣ самые инстинкты и тѣ идеи, которыми жива жизнь. Доказать психологическую фальшь коммунистическаго міровоззрѣнія, вскрыть его корни и довести до конца всѣ его послѣдствія, выяснить пораллельно психологическую природу и устои истиннаго идеализма, народолюбія и человѣколюбія—вотъ что было основнымъ нервомъ литературной дѣятельности Достоевскаго, въ которой онъ раскрылъ неимовѣрныя высоты и бездны доступнаго ему сердцевѣдѣнія.

Слѣдя за этой стадіей въ развитіи Достоевскаго, мы сталкиваемся съ третьей категоріей литературныхъ источниковъ, повліявшихъ на окончательную формулировку исконной его мечты о преображенномъ, обновленномъ мірѣ, не оскорбляющемъ завѣтнѣйшихъ зововъ нашего сердца. Разумѣю его необычайно обширныя изученія богословія, восточнаго и западнаго. Результатомъ этихъ изученій явилась проповѣдь особаго міровоззрѣнія, которое Достоевскій именовалъ народнымъ русскимъ православіемъ. Но въ его концепціи христіанства такъ своеобразно и органически переплелись элементы всѣхъ міропониманій, черезъ которыя онъ прошелъ съ дѣтства въ поискахъ правды и радости, что усвоенная имъ традиціонная терминологія, роднящая, по первому впечатлѣнію, его проповѣдь съ нѣкоторыми исторически сложившимися шаблонами и схемами, только мѣшаетъ уловить истинную

сущность его системы. Разобраться въ этой причудливой и крайне сложной ткани — дѣло весьма трудное и требующее огромныхъ и детальныхъ изученій. Но это была бы работа и облагораживающая, и плодотворная, и въ высшей степени своевременная.

С. Адріановъ.

ПАМЯТИ ВАСИЛІЯ ОСИПОВИЧА КЛЮЧЕВСКАГО

Въ лицѣ Василія Осиповича Ключевскаго Россія потеряла человѣка съ ярко выраженной индивидуальностью и крупнымъ талантомъ: своеобразный творческій умъ и научная пытливость соединялись въ немъ съ глубокимъ чутьемъ исторической дѣйствительности и съ рѣдкимъ даромъ художественнаго ея воспроизведенія.

Русская историческая наука многимъ обязана Ключевскому и, конечно, не замедлитъ надлежащимъ образомъ оцѣнить его заслуги и разобраться въ той массѣ мыслей, наблюденій и выводовъ, которые онъ съ такимъ мастерствомъ расточалъ на своихъ лекціяхъ и въ своихъ научныхъ трудахъ, всегда возбуждая умственную дѣятельность слушателей или читателей, часто очаровывая ихъ яркостью образовъ и оживленностью своей рѣчи. Но передъ еле закрывшейся могилой великаго историка и слишкомъ свѣжимъ воспоминаніемъ о тяжелой утратѣ, всесторонняя оцѣнка его личности, его трудовъ и его дѣятельности была бы преждевременна; легче отмѣтить, хотя бы въ самыхъ краткихъ и бѣглыхъ чертахъ, нѣсколько важнѣйшихъ особенностей его научнаго міровоззрѣнія и, не входя въ подробное изученіе ихъ генезиса, указать на то вліяніе, которое онѣ оказали на его пониманіе общаго хода нашей исторіи.

Старѣйшій нашъ университетъ, въ который Ключевскій поступилъ въ самомъ началѣ шестидесятыхъ годовъ, давно уже сталъ центромъ напряженной исторической работы; но въ то время, когда Ключевскій началъ посѣщать лекціи московскихъ профессоровъ, онъ уже не засталъ въ ихъ средѣ ни Грановскаго, ни Кудрявцева; онъ мало слушалъ и Ешевскаго, который читалъ свой курсъ древней и средней исторіи съ большими перерывами. Соловьева, напротивъ, Ключевскій узналъ въ цвѣтѣ силъ и студентомъ третьяго курса сталъ записывать его лекціи. Внимательно вслушиваясь въ его „говорящее размышленіе“, даровитый студентъ старался ухватиться за нить развиваемыхъ имъ мыслей и не замѣчалъ его отрывистой рѣчи: онъ чув-

ствовалъ, что съ нимъ бесѣдуетъ человѣкъ съ стройнымъ и цѣльнымъ міросозерцаніемъ и съ выработаннымъ, столь же цѣльнымъ взглядомъ на ходъ русской исторіи, крупные факты которой онъ всегда разсматривалъ при свѣтѣ общихъ историческихъ идей. На лекціяхъ своего учителя, большого поклонника Гизо, Ключевскій научился цѣнить его общіе взгляды: онъ сроднился съ мыслью о „закономѣрности" историческихъ явленій и привыкъ изучать ихъ въ „естественной и необходимой" ихъ связи между собою и въ ихъ органическомъ развитіи; на тѣхъ же лекціяхъ онъ знакомился, конечно, и съ исторіей русскаго государства, а отчасти и съ „исторіей сословій", не говоря о цѣломъ рядѣ болѣе частныхъ замѣчаній, вводившихъ его въ изученіе нашего прошлаго. И впослѣдствіи онъ продолжалъ думать, что для того, чтобы „идти прямо и твердо въ своей работѣ, каждый изслѣдователь русскаго прошедшаго долженъ начинать съ того, чѣмъ кончилъ Соловьевъ свою рѣчь о томъ же", и что Соловьевъ, „какъ маякъ, еще долго будетъ служить первымъ указателемъ пути даже для того, кто далеко разойдется съ нимъ въ своихъ послѣднихъ выводахъ".

Ключевскій, дѣйствительно, во многомъ разошелся съ Соловьевымъ, и прежде всего въ исходныхъ положеніяхъ, а не только въ „послѣднихъ выводахъ": онъ исходилъ изъ другой соціологической оцѣнки историческихъ факторовъ и иначе строилъ историческій процессъ.

Съ соціологической точки зрѣнія, не чуждой, впрочемъ, и Соловьеву, Ключевскій представлялъ себѣ человѣческое общежитіе такимъ же фактомъ мірового бытія, какъ и жизнь окружающей насъ природы, а возникновеніе, ростъ и смѣну подобнаго рода союзовъ, со всѣми условіями и послѣдствіями ихъ жизни, называлъ историческимъ процессомъ. Съ той же соціологической точки зрѣнія Ключевскій различалъ и „предметы историческаго изученія": подобно тому, какъ соціологи дѣлятъ свою науку на соціальную статику и соціальную динамику, и нашъ историкъ полагалъ, что исторія должна изучать „строеніе общества", свойства и дѣйствія созидающихъ и направляющихъ его силъ" и слѣдить за выработкой человѣка и человѣческаго общежитія, за его „успѣхами" или его „прогрессомъ"; но тогда какъ Соловьевъ, подобно Боклю, сталъ указывать на возростающее вліяніе „духовныхъ силъ" въ исторіи, Ключевскій, слѣдуя иному соціологическому направленію, обращалъ особенное вниманіе на матеріальные факторы. Съ такой соціологической точки зрѣнія Ключевскій не могъ придавать идеямъ того значенія, какое приписывалъ имъ Соловьевъ [1]).

---

[1]) Впрочемъ, въ извѣстной рецензіи своей на книгу Щапова о соціально-педагогическихъ условіяхъ умственнаго развитія русскаго народа (1870 г.), Ключевскій обнаружилъ, повидимому, иное отношеніе къ „исторіи интеллектуальной жизни":

Ключевскій полагалъ, что историкъ, занимающійся исторіей общества, а не отдѣльныхъ личностей и ихъ идей, интересуется плодами личнаго творчества лишь съ точки зрѣнія ихъ „дѣеспособности"; лишь послѣ того, какъ личная идея стала общественнымъ, историческимъ фактомъ, т.-е. когда она выходитъ изъ предѣловъ личнаго существованія и дѣлается общимъ достояніемъ, и не только общимъ, но и обязательнымъ, т.-е. общепризнаннымъ правиломъ или убѣжденіемъ, она заслуживаетъ вниманія историка; лишь добившись общаго признанія и ставъ руководительницей политики, законодательства или хозяйственнаго оборота, она можетъ быть признана „историческимъ явленіемъ". Слѣдовательно, историку приходится сосредоточивать свое вниманіе на изученіи болѣе видныхъ факторовъ историческаго развитія, т.-е. экономическихъ и соціальныхъ отношеній, а также политическаго строя. Въ позднѣйшее время, кажется, самъ Ключевскій ввелъ, однако, существенную оговорку въ такое пониманіе: заявляя, что „умственный трудъ и нравственный подвигъ всегда останутся лучшими строителями общества, самыми мощными двигателями человѣческаго развитія", онъ сталъ придавать „чисто методологическое значеніе" изученію фактовъ „политическихъ и экономическихъ", т.-е. настаивалъ преимущественно на извѣстномъ порядкѣ изученія историческихъ факторовъ, по мѣрѣ того, какъ они входятъ въ общій историческій процессъ, а не въ соотвѣтствіи съ ихъ послѣдующимъ значеніемъ. Съ такой точки зрѣнія Ключевскій долженъ былъ, однако, признать, что историкъ „идетъ отъ слѣдствій къ причинамъ, отъ явленій къ силамъ", т.-е., что онъ долженъ пользоваться фактами „экономическими и политическими" (да и многими другими) и для изученія исторіи идей, разумѣется—тѣхъ, которыя имѣли историческое значеніе; самъ онъ принималъ во вниманіе такое требованіе, когда утверждалъ, напримѣръ, что исторія задаетъ каждому народу „работу надъ своей собственной природой", т.-е. „работу надъ самимъ собою", не осуществимую, конечно, безъ руководящихъ „идей" или „идеаловъ"; или когда высказывалъ, что „энергія личнаго матеріальнаго интереса возбуждается не самымъ этимъ интересомъ, а стремленіемъ обезпечить личную свободу, какъ внѣшнюю, такъ и внутреннюю, умственную и нравственную", и что „эта послѣдняя на высшей ступени своего развитія выражается въ сознаніи общихъ интересовъ и въ чувствѣ нравственнаго долга дѣйствовать на пользу общую".

Въ пониманіи „процессовъ", образующихъ исторію, Ключевскій также нѣсколько разошелся съ Соловьевымъ: вышедши изъ западни-

---

развитіе ея „совершается вообще правильнѣе другихъ сферъ жизни"... „по существу она проще и легче для изученія въ сравненіи съ исторіей общественной жизни"...

ческой школы, онъ началъ свою научную дѣятельность въ то время, когда борьба ея съ славянофилами уже значительно ослабѣла, и могъ свободно пользоваться взглядами и выводами ученыхъ, принадлежавшихъ къ разнымъ направленіямъ. Самъ Ключевскій, говоря о современныхъ ему теченіяхъ, замѣтилъ, что, хотя одни изучаютъ „генезисъ и развитіе политическихъ формъ и соціальныхъ отношеній", а другіе—„ростъ національныхъ преданій и обычаевъ, духъ и бытъ народа", но различіе ихъ взглядовъ не имѣетъ принципіальнаго значенія; напротивъ, онъ признавалъ такія направленія лишь „простымъ раздѣленіемъ труда въ работѣ надъ однимъ и тѣмъ же предметомъ" и, значитъ, считалъ возможнымъ пользоваться выводами обоихъ; не придерживаясь исключительно ни того, ни другого, онъ могъ почерпать изъ обоихъ то, что ему казалось нужнымъ для выработки своего собственнаго пониманія нашего прошлаго. Дѣйствительно, Ключевскій пополнилъ схему, принятую Соловьевымъ: сохранивъ, конечно, понятіе о государствѣ, но приписывая большое значеніе и „народности"—началу, на которомъ въ то время уже сходились сторонники разныхъ теченій,—онъ ввелъ ее въ свое построеніе русской исторіи. Такимъ образомъ, онъ сосредоточилъ свое вниманіе на выясненіи двухъ процессовъ: изучая одинъ изъ нихъ, онъ слѣдилъ за тѣмъ, какъ понятіе о государствѣ вырабатывалось въ практикѣ жизни и выяснялось въ сознаніи народа; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не упускалъ изъ виду и того, какъ, въ связи съ ростомъ государства, завязывались и сплетались основныя нити, образовавшія своей сложной тканью нашу народность.

Естественно, что, подъ вліяніемъ своей соціологической оцѣнки историческихъ факторовъ, а отчасти и вышеуказаннаго пониманія „процессовъ" исторіи, Ключевскій долженъ былъ преимущественно интересоваться тѣми элементами въ жизни русскаго общества, которые онъ называлъ „политическими, соціальными и экономическими" фактами; принимая во вниманіе ученіе о народности, онъ, впрочемъ, не считалъ возможнымъ изучать исторію „политическихъ и общественныхъ формъ" безъ заполнявшаго ихъ содержанія, т.-е. внѣ ихъ связи съ соціальной жизнью, составомъ общества, борьбою классовъ и тому подобными процессами; онъ ставилъ ихъ, въ свою очередь, въ тѣсную зависисимость отъ „экономическихъ отношеній" и въ особенности отъ „производительности народнаго труда", но не упускалъ, однако, изъ виду и обратной зависимости „фактовъ экономическихъ" отъ „политическихъ", особенно замѣтной въ моменты напряженнаго развитія военныхъ силъ нашей страны.

Въ самомъ дѣлѣ, въ большинствѣ главнѣйшихъ трудовъ Ключевскаго можно подыскать не мало примѣровъ того соціологическаго

интереса, съ какимъ онъ относился къ „политическимъ, соціальнымъ и экономическимъ фактамъ“ русской исторіи. Въ студенческой работѣ, посвященной обозрѣнію сказаній иностранцевъ о Россіи, онъ уже обратилъ преимущественное вниманіе на тѣ свѣдѣнія, какія они сообщали о географіи страны, о нѣкоторыхъ явленіяхъ государственной и общественной жизни, а также о „матеріальной“, но не о нравственной ея сторонѣ, „гораздо менѣе открытой для посторонняго глаза“; съ того времени онъ не переставалъ изучать тѣ же категоріи фактовъ. Въ другой работѣ, также предпринятой, вѣроятно, подъ вліяніемъ своего учителя, Ключевскій, правда, занялся критическимъ разборомъ матеріала, который, казалось бы, имѣлъ очень мало отношенія къ такимъ процессамъ, а именно обратился къ изслѣдованію древне-русскихъ житій святыхъ; но онъ приступилъ къ ознакомленію съ ними въ надеждѣ найти въ нихъ обильный и свѣжій источникъ для выясненія того участія, какое монастыри принимали въ колонизаціи сѣверовосточной Руси — и только въ виду особенностей самыхъ источниковъ, долженъ былъ измѣнить постановку своей темы. И въ послѣднемъ случаѣ, однако, онъ не упускалъ изъ виду соціологической точки зрѣнія, при изученіи, напримѣръ, той среды, въ которой зародилась литературная форма житій, ея типическихъ чертъ и послѣдующихъ ея превращеній, распространенія житій въ обществѣ, а также того воздѣйствія, какое „древне-русскій читатель оказывалъ на біографа“. Во всякомъ случаѣ, въ позднѣйшихъ своихъ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ Ключевскій преимущественно сосредоточивалъ свое вниманіе на исторіи учрежденій и соціально-экономическихъ отношеній, касаясь иногда и другихъ темъ въ статьяхъ и рѣчахъ болѣе случайнаго происхожденія.

Въ связи съ принятою имъ соціологической точкой зрѣнія и интересомъ къ народности, Ключевскій, при изученіи учрежденій, гораздо болѣе Соловьева обращалъ вниманіе на соціальныя и экономическія отношенія. Въ капитальномъ своемъ трудѣ о боярской думѣ, напримѣръ, онъ довольно рѣзко обнаружилъ такое именно свое отношеніе къ исторіи учрежденій: проводя различіе между ихъ содержаніемъ и формою, онъ полагалъ, что историкъ не можетъ изучать ихъ безъ выясненія наполнявшаго форму матеріала, такъ какъ въ противномъ случаѣ не пойметъ, почему одинъ и тотъ же „порядокъ“ въ разныхъ условіяхъ получалъ различное значеніе. Тотъ же взглядъ онъ примѣнилъ и къ спеціальному изученію боярской думы: онъ интересовался не тѣмъ, „откуда взялись формы, свои онѣ или чужія“, а тѣмъ, „какое туземное содержаніе влилось въ нихъ и переработало ихъ“; онъ изучалъ „соціальную исторію думы“ „въ связи съ исторіей общества“, въ связи съ „процессомъ образованія верхнихъ его слоевъ“;

онъ подчеркивалъ вліяніе соціальнаго состава управленія на развитіе боярской думы и слѣдилъ за образованіемъ московской правительственной аристократіи, бывшей политическою силой, но не властью, права которой были бы пріобрѣтены оружіемъ или ограждены закономъ; онъ выяснилъ также перемѣны въ соціальномъ и правительственномъ составѣ думы, постепенное превращеніе ея въ центральный органъ управленія, ея законодательное значеніе, а также ея перерожденіе изъ аристократическаго совѣта въ бюрократическое учрежденіе, вплоть до замѣны ея сенатомъ. Тотъ же интересъ къ соціально-политической исторіи Ключевскій проявилъ и въ своихъ извѣстныхъ статьяхъ о „составѣ представительства на земскихъ соборахъ древней Руси". Тонкій анализъ ихъ соціальнаго состава привелъ его и къ новому выводу касательно характера самаго учрежденія; онъ пришелъ къ заключенію, что „основнымъ принципомъ" представительства на земскихъ соборахъ XVI-го вѣка было, въ сущности, „представительство по должностному правительственному положенію, а не по общественному выбору", что, впрочемъ, не помѣшало ему отмѣтить въ составѣ послѣдняго изъ соборовъ того же вѣка „выборныхъ представителей уѣздныхъ дворянскихъ обществъ". Кромѣ того, связавъ исторію земскихъ соборовъ XVI в. съ исторіей земскихъ учрежденій, онъ выяснилъ происхожденіе и значеніе представительства въ XVI вѣкѣ, какъ „высшей формы поруки въ управленіи": онъ показалъ, что правительство, созывая соборъ, стремилось „обезпечить себѣ дружное и усиленное содѣйствіе всѣхъ мѣстныхъ обществъ", должностные представители которыхъ, „поручившись за исполнимость соборнаго приговора, должны были принять на себя и провести въ мѣстныя общества отвѣтственное его исполненіе".

Въ другихъ работахъ Ключевскій принялся за изученіе соціально-экономическихъ, а не соціально-политическихъ отношеній: уже до появленія статей о земскихъ соборахъ онъ выступилъ съ замѣчательными изслѣдованіями по исторіи прикрѣпленія крестьянъ и крѣпостного права, паденіе котораго произвело на него сильное впечатлѣніе. Вмѣсто того, чтобы сводить процессъ прикрѣпленія къ исторіи мѣръ, предпринимаемыхъ московскимъ правительствомъ, Ключевскій впервые выяснилъ значеніе возраставшей частной зависимости владѣльческаго крестьянина отъ землевладѣльца, обусловленной, главнымъ образомъ, экономическими отношеніями, и обратилъ особенное вниманіе на то, какимъ образомъ движеніе холопства въ сторону крестьянства встрѣтилось съ противоположнымъ движеніемъ крестьянства въ сторону холопства и какъ этотъ двойной процессъ завершился первой ревизіей и привелъ къ образованію крѣпостнаго состоянія.

Въ разысканіяхъ подобнаго рода Ключевскій долженъ былъ, ко-

нечно, натолкнуться на цѣлый рядъ проблемъ, касавшихся чисто экономической исторіи Московской Руси и до того времени очень мало затронутыхъ въ нашей исторіографіи: онъ обратилъ серьезное вниманіе, напримѣръ, на одинъ изъ самыхъ основныхъ и труднѣйшихъ вопросовъ экономической исторіи, а именно, на вопросъ о цѣнности денегъ, и попытался опредѣлить отношеніе покупательной силы или мѣновой цѣнности нашего рубля XVI—XVII вв. къ современной и постепенное ея паденіе, совершившееся, впрочемъ, не безъ нѣкоторыхъ колебаній.

Такой же соціологическій интересъ къ „политическимъ, соціальнымъ и экономическимъ фактамъ" въ ихъ совокупности Ключевскій обнаружилъ, наконецъ, и въ своемъ „Курсѣ русской исторіи". Въ введеніи къ нему онъ заявляетъ, что имѣетъ въ виду заняться „соціологическимъ" изученіемъ ея, какъ „мѣстной исторіи" и будетъ излагать „факты политическіе и экономическіе съ ихъ разнообразными слѣдствіями и способами проявленія и — только, ничего болѣе". И дѣйствительно, въ своихъ лекціяхъ онъ обращаетъ большое вниманіе на ходъ колонизаціи и ея результаты, на „политическія и общественныя формы", на внутреннія политическія отношенія, на составъ общества, на то положеніе и взаимное отношеніе, какое устанавливалось между соціальными классами подъ вліяніемъ экономическихъ и иныхъ условій, и т. п.

„Соціологическое изученіе" русской исторіи Ключевскій понималъ, однако, не въ смыслѣ абстрактнаго разсмотрѣнія „политическихъ, соціальныхъ и экономическихъ фактовъ": по примѣру Соловьева исходя изъ мысли о „связи явленій", о томъ, что „въ исторіи, какъ и въ природѣ, ничто не дѣйствуетъ одиноко, особнякомъ", онъ давно уже обратилъ вниманіе на многообразіе историческаго процесса; при изученіи того, а не иного сочетанія „политическихъ, соціальныхъ и экономическихъ фактовъ" онъ стремился комбинировать свою соціологическую точку зрѣнія съ собственно исторической и, подобно Соловьеву, но съ большею послѣдовательностью оттѣнялъ „своеобразность" русской исторіи. Вообще обнаруживъ такое стремленіе уже въ одной изъ своихъ статей, писанныхъ лѣтъ сорокъ тому назадъ, по поводу „соціально-педагогическихъ условій умственнаго развитія русскаго народа", онъ болѣе систематично проводитъ его, напримѣръ, въ „Боярской Думѣ" и особенно въ „Курсѣ русской исторіи".

Въ самомъ пониманіи задачъ мѣстной исторіи, какое Ключевскій предлагаетъ въ началѣ своего „Курса", онъ высказываетъ такой именно взглядъ на „соціологическое изученіе" нашего прошлаго: онъ полагаетъ, что „мѣстная исторія" даетъ готовый и обильный матеріалъ и для „исторической соціологіи", т.-е. для ученія о „строеніи

общества", и для знакомства съ „законами движенія" людского общежитія, съ тѣмъ, „при какихъ условіяхъ извѣстный элементъ его двигаетъ человѣчество впередъ по пути мірового прогресса и когда задерживаетъ его движеніе"; но онъ признаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что „отдѣльная исторія извѣстнаго народа можетъ быть важна своеобразностью своихъ явленій", т.-е. своеобразіемъ сочетаній ея элементовъ, хотя бы они, порознь взятые, и были сходны съ элементами другихъ исторій, и что, слѣдовательно, „научный интересъ исторіи того или другого народа опредѣляется количествомъ своеобразныхъ мѣстныхъ сочетаній и вскрываемыхъ ими свойствъ тѣхъ или иныхъ элементовъ общежитія". Съ такой двойственной точки зрѣнія Ключевскій приступаетъ и къ изученію русской исторіи. Она представляетъ сравнительно простые процессы, „въ которыхъ можно достаточно отчетливо разглядѣть работу историческихъ силъ, дѣйствіе и значеніе различныхъ пружинъ, входившихъ въ сравнительно несложный составъ нашего общежитія"; но она отличается и „своеобразнымъ сочетаніемъ дѣйствовавшихъ въ ней условій народной жизни".

Итакъ, „своеобразіе" нашей исторіи Ключевскій понимаетъ прежде всего въ смыслѣ своеобразнаго сочетанія хотя бы и сходныхъ съ другими элементовъ русской жизни, и характеризуетъ каждый ея періодъ особаго рода сочетаніемъ ихъ, отличнымъ отъ того, какое они получали въ другомъ. Въ зависимости, напримѣръ, отъ различія въ комбинаціяхъ между элементами государственной власти, соціальной жизни и производительности народнаго труда, обусловленныхъ частью мѣстными условіями колонизаціи, частью „внѣшними обстоятельствами", Ключевскій и построяетъ въ своемъ „Курсѣ" общій ходъ нашей исторіи: онъ полагаетъ, что колонизація, которую, впрочемъ, не упускалъ изъ виду и его предшественникъ, была „основнымъ" ея фактомъ и что всѣ другіе ея факты стояли въ близкой или отдаленной связи съ колонизаціей; онъ заявляетъ, что „этотъ фактъ и служитъ основаніемъ плана курса". Ближайшую съ нимъ связь онъ усматриваетъ и въ нѣкоторыхъ „политическихъ и экономическихъ фактахъ": онъ полагаетъ, что Русь съ VIII-го до XIII-го вѣка была „днѣпровской, городовой, торговой", съ XIII-го до середины XV-го вѣка— „верхневолжской, удѣльно-княжеской, вольно-земледѣльческой", съ середины XV-го до второго десятилѣтія XVII-го вѣка — „великой, московской, царско-боярской, военно-земледѣльческой", наконецъ, съ начала XVII-го до середины XIX-го вѣка—„всероссійской, императорско-дворянской, съ крѣпостнымъ хозяйствомъ, земледѣльческимъ и фабрично-заводскимъ".

Въ предлагаемой имъ періодизаціи русской исторіи, Ключевскій, какъ видно, остался вѣренъ своей первоначальной концепціи истори-

ческаго процесса: онъ разсуждаетъ о своеобразномъ сочетаніи „политическихъ, соціальныхъ и экономическихъ фактовъ“, но не удѣляетъ въ немъ особаго мѣста для „идей“, несмотря на то, что самъ высоко цѣнитъ развитіе національнаго самосознанія и процессъ образованія исторической личности русскаго народа, которые нельзя сводить къ однимъ только внѣшнимъ проявленіямъ его дѣятельности, не нарушая цѣлесообразности и непрерывности ея эволюціи. Впрочемъ, въ указанномъ выше смыслѣ, Ключевскій принимаетъ во вниманіе и „интеллектуальные факторы“, дѣйствовавшіе въ русской исторіи, особенно позднѣйшей. Хотя вмѣсто древней религіи восточныхъ славянъ онъ и говоритъ только о ихъ „миѳологіи“, да и касается ея лишь въ связи съ слѣдствіями колонизаціи, хотя онъ и не останавливается на подробномъ разсмотрѣніи вліянія христіанской и византійской культуры на древнерусскую жизнь и довольствуется преимущественно изученіемъ церковныхъ уставовъ русскихъ князей и вліяніемъ церкви на гражданскій бытъ и политическій порядокъ, лишь мимоходомъ упоминая объ „успѣхахъ гражданственности и просвѣщенія“ въ средѣ „господствующаго класса“, но въ другихъ случаяхъ онъ отмѣчаетъ и роль идей въ нашемъ историческомъ развитіи. Ключевскій ставитъ, напримѣръ, возвышеніе московскихъ князей въ зависимость отъ отношенія ихъ къ русской церкви и замѣчаетъ, что имъ удалось успѣшно собрать въ своихъ рукахъ „матеріальныя, политическія силы русскаго народа“ благодаря дружному содѣйствію добровольно соединившихся его духовныхъ силъ; онъ слѣдитъ за ростомъ „политическаго самосознанія великорусскаго общества“, за развитіемъ московской политической теоріи, приведшей къ рѣзкому отдѣленію московскаго государя отъ всего остальнаго общества и къ „идеѣ подданства“,—словомъ, за образованіемъ того „кодекса политическихъ понятій, которымъ такъ долго жила потомъ Московская Русь“. Дальше онъ указываетъ на „національныя и религіозныя связи, спасшія общество въ смутное время“, и останавливается на характеристикѣ тѣхъ двухъ направленій „въ умственной жизни русскаго общества“, которыя сложились подъ вліяніями греческимъ и западнымъ и, въ борьбѣ другъ съ другомъ, „всего болѣе оживляли вялую общественную жизнь, направляемую темной, тяжелой и пустой государственной дѣятельностью, какая, съ нѣкоторыми перерывами, томительно длилась до половины XIX вѣка“. Вслѣдъ за тѣмъ, онъ замѣчаетъ, что въ XVII-мъ вѣкѣ русская мысль „тронулась и пыталась повлечь за собой застоявшуюся жизнь“, а „въ пробужденіи простодушной вѣры русскихъ людей того времени въ науку и довѣрчивой надежды съ ея помощью все исправить“ усматриваетъ „главный нравственный успѣхъ въ дѣлѣ подготовки реформы Петра Великаго“ и руководящія начала его собственной

преобразовательной дѣятельности. Онъ полагаетъ, наконецъ, что такое влеченіе, неравномѣрно дѣйствуя на разные классы русскаго общества, нарушало прежнее „духовное согласіе, господствовавшее въ немъ вопреки соціальной розни“, но „та же вѣра, поддерживала насъ и послѣ преобразователя всякій разъ, когда мы, изнемогая въ погонѣ за успѣхами западной Европы, готовы были упасть съ мыслью, что мы не рождены для цивилизаціи, и съ ожесточеніемъ бросались въ самоуничиженіе“. Итакъ, по мѣрѣ пристальнаго изученія позднѣйшихъ періодовъ нашей исторіи, Ключевскій все болѣе подчеркиваетъ значеніе „идей“ въ ея ходѣ, что и даетъ ему возможность отмѣчать новыя различія въ сочетаніяхъ элементовъ русской жизни, характеризующихъ данный періодъ ея развитія.

Нельзя не замѣтить, однако, что Ключевскій часто придаетъ понятію о „своеобразіи русской исторіи“ еще болѣе узкое значеніе: при изученіи ея „хода“ онъ едва ли даже не преимущественно интересуется индивидуальнымъ характеромъ даннаго сочетанія элементовъ, въ его зависимости отъ „встрѣчи“ данныхъ условій мѣста и времени, а не только сходствомъ каждаго изъ элементовъ, отдѣльно взятаго, съ другими; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обращаетъ вниманіе на такой же характеръ субъекта развитія—носителя этого сочетанія, и не упускаетъ изъ виду своеобразія нѣкоторыхъ изъ главнѣйшихъ составныхъ его элементовъ и частей изучаемаго имъ цѣлаго. Самъ Ключевскій указываетъ, напримѣръ, на то, что изслѣдователь мѣстной исторіи встрѣчаетъ ея моменты и условія „въ своеобразныхъ сочетаніяхъ и при невиданныхъ имъ внѣшнихъ обстоятельствахъ“ и что они, слѣдовательно, „внѣ даннаго мѣста, неповторимы“; что отдѣльные народы, принимавшіе наиболѣе замѣтное участіе въ историческомъ процессѣ, раскрываютъ природу человѣчества съ разныхъ сторонъ и особенно ярко проявляютъ ту или другую силу ея; что народъ становится въ государствѣ не только политической, но и исторической личностью, съ болѣе или менѣе ясно выраженнымъ національнымъ характеромъ и сознаніемъ своего мірового значенія и это сознаніе возрастаетъ по мѣрѣ усиливающагося вліянія его на другіе народы. Такую точку зрѣнія Ключевскій готовъ былъ, конечно, приложить и къ изученію русской исторіи; самъ онъ говоритъ, что „научная цѣль“ его Курса будетъ достигнута, если ему удастся дать изображеніе русскаго народа, „какъ исторической личности“. И дѣйствительно, онъ слѣдитъ за тѣмъ, въ какихъ именно условіяхъ мѣста и времени этотъ народъ дѣйствовалъ, какъ его жизнедѣятельность надолго сосредоточилась въ великорусскомъ племени, каковъ былъ его характеръ и какіе именно люди всего болѣе двигали его исторіей, какія „внѣшнія обстоятельства“ или историческія событія оказывали вліяніе на его прошлое, какую

роль онъ игралъ среди другихъ европейскихъ націй и т. п. Съ такой точки зрѣнія Ключевскій, въ сущности, пытается отмѣтить и тѣ историческіе моменты, которые придаютъ каждому изъ періодовъ нашей исторіи своеобразный характеръ, отличный отъ соотвѣтствующихъ періодовъ въ исторіи другихъ народовъ.

Въ собственно историческомъ пониманіи древняго, кіевскаго періода нашей исторіи Ключевскій расходится, однако, съ Соловьевымъ. Вмѣсто того, чтобы говорить о родовомъ бытѣ древней Руси, сходномъ съ древнимъ патріархальнымъ бытомъ другихъ народовъ, нашъ историкъ выясняетъ тѣ мѣстныя условія и „внѣшнія обстоятельства", подъ вліяніемъ которыхъ онъ разлагался и роды взаимно сближались между собой; въ зависимости отъ того именно положенія, какое заняли восточные славяне на „круговой водной дорогѣ, опоясавшей всю Европу", онъ объясняетъ возникновеніе тѣхъ древнѣйшихъ торговыхъ городовъ на Руси, которые укрѣплялись подъ вліяніемъ печенѣжскихъ набѣговъ и главнѣйшіе изъ которыхъ стали политическими центрами областей, образовавшихся не изъ племенныхъ союзовъ, а изъ торговыхъ округовъ. Онъ замѣчаетъ также, что и норманны-варяги появились извнѣ на томъ же большомъ водномъ и торговомъ пути не въ томъ видѣ, въ какомъ они являлись на западѣ: они проникли сюда въ качествѣ вооруженныхъ купцовъ, пробиравшихся черезъ Русь въ богатую Византію, а не пиратовъ, и, осѣдая въ русскихъ городахъ, усиливали собою тотъ туземный классъ „военно-торговой аристократіи", изъ которой выдѣлился князь и образовалась его дружина. Онъ приходитъ къ заключенію, что въ то время „внѣшнія и внутреннія отношенія въ торгово-промышленномъ мірѣ русскихъ городовъ сложились въ такую комбинацію, въ силу которой охрана границъ страны и ея внѣшней торговли стала ихъ общимъ интересомъ, подчинившимъ ихъ князю кіевскому и сдѣлавшимъ кіевское варяжское княжество зерномъ русскаго государства". Въ связи съ такимъ явленіемъ и съ „внѣшними обстоятельствами" Ключевскій разсматриваетъ и дальнѣйшіе процессы подчиненія старинныхъ „городовыхъ областей" кіевскимъ князьямъ, превратившимъ свою вооруженную силу въ политическую власть и объединившимъ подъ нею, посредствомъ очередного княжескаго владѣнія, восточныхъ славянъ въ одно „земское цѣлое". Онъ выясняетъ, какимъ образомъ кіевская Русь стала „колыбелью русской народности".

Вообще, настаивая на „своеобразіи" русской исторіи, Ключевскій не считаетъ возможнымъ стирать ея особенности и въ „удѣльные вѣка": онъ и тутъ исходитъ именно изъ того положенія, какое заняло великорусское племя въ „гидрографическомъ узлѣ" верхневолжской Руси и изъ ея колонизаціи, оказавшей вліяніе на обра-

зованіе понятія о князѣ, какъ о личномъ собственникѣ удѣла. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ менѣе Соловьева склоненъ подчеркивать сходство княжескаго удѣла-вотчины съ феодальными порядками; онъ, конечно, замѣчаетъ все болѣе усиливавшееся распаденіе верхневолжской Руси „на мелкія тѣла, въ строѣ которыхъ, съ наивнымъ безразличіемъ, элементы государственнаго порядка сливались съ нормами гражданскаго права", и готовъ признать въ юридическомъ значеніи самого удѣльнаго князя, соединявшаго въ своемъ лицѣ государя и верховнаго собственника земли, черты сходства съ феодализмомъ; но онъ не усматриваетъ его ни въ процессѣ возникновенія такого смѣшенія, ни въ отношеніяхъ князя къ его боярамъ и вольнымъ слугамъ: отношенія ихъ были лично-служебными, такъ же, какъ отношенія черныхъ людей были лично поземельными [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, считая возвышеніе московскихъ князей изъ среды удѣльныхъ державцевъ, потерявшихъ прежнее значеніе, залогомъ собиранія элементовъ верховной власти и будущаго государственнаго единства московской Руси, онъ указываетъ на ту „встрѣчу" благопріятныхъ условій и обстоятельствъ, благодаря которой оно стало возможнымъ, хотя сами московскіе Даниловичи, за исключеніемъ развѣ Дмитрія Донского, и не выдавались какими-либо особыми личными качествами. Изучая такой процессъ, да и то отношеніе, какое въ продолженіе XIV вѣка установилось среди сѣвернаго населенія къ московскому княжеству и его „хозяевамъ-вотчинникамъ", руководившимъ народной обороной, онъ настаиваетъ на томъ, что ихъ государство развивалось въ связи съ внѣшнимъ расширеніемъ ихъ территоріи и стало складываться подъ гнетомъ внѣшняго ига и въ національной борьбѣ съ нимъ.

Въ изображеніи слѣдующаго періода русской исторіи, начинающагося со времени вступленія Ивана III на великокняжескій столъ, Ключевскій обнаруживаетъ то же стремленіе оттѣнить ея особенности. „Основной фактъ" нашей исторіи XV—XVI вв. онъ усматриваетъ, напримѣръ—въ отличіе отъ Соловьева,—въ превращеніи московскаго княжества въ „національное великорусское государство", а не въ общемъ процессѣ смѣны родовыхъ отношеній между князьями—отношеніями государственными. Московское государство образовалось изъ великорусскаго племени благодаря стремленію къ политическому единству на народной основѣ, слагавшемуся подъ вліяніемъ той борьбы, которую оно вело на „два фронта: на западѣ—за національное единство, на юго-востокѣ—за христіанскую цивилизацію, тамъ и

[1]) Въ своей „Боярской Думѣ" Ключевскій рѣзче подчеркиваетъ землевладѣльческое значеніе боярства въ удѣльное время, но первый томъ его „Курса" вышелъ болѣе двадцати лѣтъ послѣ изданія „Боярской Думы".

здѣсь—за свое существованіе". Такимъ образомъ, „оборона государства отъ внѣшнихъ враговъ" становилась тѣмъ „высшимъ интересомъ", который не допускалъ окончательнаго разрыва враждовавшихъ общественныхъ силъ, заставляя ихъ противъ воли дѣйствовать дружно: „подъ руководствомъ командира" каждый становился или солдатомъ, оборонявшимъ отечество, или работникомъ, который долженъ былъ кормить тѣхъ, кто его обороняетъ. Впрочемъ, въ то время верховная власть, съ неопредѣленнымъ, т.-е. неограниченнымъ пространствомъ ея дѣйствія и съ нерѣшеннымъ вопросомъ объ отношеніи къ собственнымъ органамъ, именно къ главному изъ нихъ—къ боярской аристократіи, не могла еще достигнуть внутренняго государственнаго единства: даже Иванъ Грозный, съ его „настоящимъ великорусскимъ умомъ", сознавъ себя національнымъ государемъ, „на половину своего самосознанія остался удѣльнымъ вотчинникомъ" и больше задумывалъ, чѣмъ сдѣлалъ для того, чтобы завершить образованіе „національнаго великорусскаго государства". Да и въ позднѣйшее время „вотчинно-династическій взглядъ на государство" не совсѣмъ утратился: онъ послужилъ одною изъ основныхъ причинъ смуты и только въ смутное время, впервые глубоко затронувшее политическое сознаніе русскихъ людей, они „опытомъ убѣдились, что государство, по крайней мѣрѣ нѣкоторое время, можетъ быть безъ государя, но ни государь, ни государство не могутъ обойтись безъ народа".

Все болѣе входя въ область „автобіографіи", Ключевскій сильнѣе Соловьева обнаруживаетъ, наконецъ, ту же наклонность выдвигать „своеобразіе" нашей исторіи и въ своемъ пониманіи новаго ея періода,—времени, когда русскіе государи завершили собираніе всей русской народности и государственная территорія вобрала въ себя всю русскую равнину. Въ своей характеристикѣ этого періода нашъ историкъ придаетъ особенно важное значеніе международному положенію страны: „неестественное отношеніе внѣшней политики государства къ внутреннему росту народа", который въ развитіи своихъ силъ отставалъ отъ задачъ, становившихся передъ государствомъ вслѣдствіе ускореннаго внѣшняго роста,—таковъ, по его мнѣнію, главный фактъ, оказавшій существенное вліяніе и на соотношеніе остальныхъ фактовъ того времени—политическихъ, соціальныхъ и экономическихъ; онъ обусловилъ стѣсненіе „внутренней свободы народа", усиленіе соціальнаго неравенства и ухудшеніе въ положеніи трудящихся классовъ. Съ такой точки зрѣнія Ключевскій даетъ сжатую характеристику послѣдняго періода нашей исторіи; различая во внѣшней политикѣ того времени два момента—оборонительный и наступательный, онъ приходитъ къ слѣдующей формулѣ: „по мѣрѣ того, какъ усиливалось напряженіе внѣшней оборонительной борьбы, усло-

жнялись спеціальныя государственныя повинности, падавшія на разные классы общества, и по мѣрѣ того, какъ оборонительная борьба превращалась въ наступательную, съ верхнихъ общественныхъ классовъ снимались ихъ спеціальныя повинности, замѣняясь спеціальными сословными правами, и скучивались на низшихъ классахъ; но по мѣрѣ того, какъ росло чувство народнаго недовольства такимъ неравенствомъ, правительство начинало подумывать о болѣе справедливомъ устройствѣ общества".

Въ связи съ такимъ пониманіемъ „хода дѣлъ" въ новый періодъ нашей исторіи Ключевскій допускаетъ еще одно характерное уклоненіе отъ схемы Соловьева: онъ начинаетъ этотъ періодъ съ начала XVII-го вѣка, а не съ эпохи преобразованій, и такимъ образомъ еще болѣе сглаживаетъ кажущійся разрывъ между временемъ до и послѣ реформы. Въ своемъ построеніи, однако, Ключевскій не только усиливаетъ, но и измѣняетъ взглядъ Соловьева: не начиная новаго періода съ эпохи преобразованій Петра Великаго, новѣйшій нашъ историкъ не разрываетъ тѣсной ея связи съ предшествующимъ нашимъ развитіемъ, и, значитъ, не приписываетъ реформѣ того чрезмѣрнаго значенія, которое будто бы состояло въ „крутомъ поворотѣ на западъ" и въ „заимствованіи плодовъ европейской цивилизаціи". Онъ подчеркиваетъ не только значительную зависимость реформы отъ времени, наступившаго послѣ смуты, но отмѣчаетъ и то, что явилось, „сверхъ чаянія", въ качествѣ „непредвидѣнныхъ" послѣдствій.

Въ самомъ дѣлѣ, Ключевскій полагаетъ, что XVII-ый вѣкъ весь былъ эпохой, подготовлявшей реформу Петра Великаго, и что „его программа была вся готова еще до начала дѣятельности преобразователя" и даже шла „дальше того, что онъ сдѣлалъ". Послѣ тщательнаго изученія реформы, онъ приходитъ къ заключенію, что Петръ сберегъ въ себѣ „слишкомъ много допетровскаго царя" и многое взялъ изъ старой Руси: государственныя силы, верховную власть, право и сословія, иногда, впрочемъ, соединяя элементы старины въ новыя сочетанія, или раздѣляя слитые. У Запада онъ заимствовалъ лишь техническія средства для устройства арміи, флота, государственнаго и народнаго хозяйства и правительственныхъ учрежденій, не всегда сохраняя западно-европейскіе образцы въ прежнемъ ихъ видѣ и „передѣлывая ихъ на московскій ладъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, нашъ историкъ не упускаетъ изъ виду и того, что преобразованія Петра „направлялись условіями его времени, до него не дѣйствовавшими", что они частью были созданы имъ самимъ, частью вторгнулись въ его дѣло со стороны. Съ такой точки зрѣнія Ключевскій вскрываетъ и своеобразіе реформы: въ томъ именно видѣ, въ какомъ она произошла, реформа зависѣла прежде всего отъ

„сѣверной“ войны и ея случайностей. Сѣверная война была „главнымъ движущимъ рычагомъ“ реформы; она указала порядокъ реформы, сообщила ей темпъ и самые пріемы ея осуществленія. Реформа, по своему исходному моменту и по своей конечной цѣли, была военно-финансовая; всѣ остальныя мѣры оказались либо неизбѣжными слѣдствіями, либо подготовительными средствами къ достиженію главной цѣли; факты, вытекавшіе изъ этого двойственнаго значенія реформы, коснулись всѣхъ классовъ, отозвались на всемъ народѣ. На ряду съ своеобразными обстоятельствами, при которыхъ преобразователю приходилось дѣйствовать, Ключевскій указываетъ и на своеобразіе его личности: онъ не мало посвятилъ труда выясненію ея особенностей. Хотя онъ и полагаетъ, что реформа „сама собою вышла изъ насущныхъ нуждъ государства и народа“, но не упускаетъ изъ виду и того, что эти нужды были „почувствованы властнымъ человѣкомъ съ чуткимъ умомъ и сильнымъ характеромъ, талантами, дружно совмѣстившимися въ одной изъ тѣхъ исключительно счастливо сложенныхъ натуръ, какія, по неизвѣданнымъ еще причинамъ, отъ времени до времени появляются въ человѣчествѣ“. Такою личностью онъ признаетъ Петра Великаго, предпринявшаго борьбу деспотизма съ народомъ и съ его косностью, но не чуждаго мысли, что его военно-финансовая реформа, въ своемъ продолженіи, должна стать соціально-экономической и быть направленной къ усиленію производительныхъ силъ страны, съ помощью общественной самодѣятельности. Нашъ историкъ не забываетъ отмѣтить и тѣ послѣдствія, которыя „сверхъ чаянія“ непредвидѣнно возникали изъ реформы и оказывались, или въ извѣстной мѣрѣ благотворными для русской жизни, или, напротивъ, зловредными искаженіями, хотя бы, напримѣръ, того стремленія поднять производительность народнаго труда средствами европейской культуры, которое, по смерти преобразователя, „превратилось въ усиленную фискальную эксплоатацію и полицейское порабощеніе самого народа“.

Пристально всматриваясь въ ходъ реформы, Ключевскій, какъ видно, сильно подчеркиваетъ своеобразное вліяніе внѣшнихъ обстоятельствъ на внутреннія преобразованія и ограничиваетъ ихъ значеніе, а также и роль самого преобразователя; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ признаетъ, что самъ Петръ „проникся мыслью о народномъ благѣ, какъ никто изъ нашихъ царей“, и не отрицаетъ того новаго историческаго момента, который его реформа отчасти обусловила: изъ забытаго Европой арьергарда, оберегавшаго тылъ европейской цивилизаціи, Россія стала государствомъ, впервые дѣятельно вступившимъ, какъ органическій членъ, въ семью европейскихъ державъ.

Итакъ, въ своемъ построеніи послѣдняго періода нашей исторіи

Ключевскій сливаетъ время до и послѣ реформы; но онъ все же придаетъ ей особаго рода значеніе и отмѣчаетъ весьма важное вліяніе ея на послѣдующее наше развитіе. Долго остановившись на характеристикѣ преобразованій и ихъ послѣдствій, онъ не успѣлъ съ той же индивидуализирующей точки зрѣнія разсмотрѣть своеобразіе дальнѣйшаго хода русской исторіи; онъ довелъ изображеніе ея лишь до того времени, когда „дворцовое государство преемниковъ Петра I получило видъ сословно-дворянскаго", а „правовое народное государство было еще впереди и не близко".

Такимъ образомъ, въ своемъ общемъ курсѣ, Ключевскій преимущественно придерживается собственно историческаго пониманія нашего прошлаго, въ значительной мѣрѣ соподчиняя ему ту соціологическую точку зрѣнія, съ которой онъ приступилъ къ своимъ изслѣдованіямъ по исторіи учрежденій и соціально-экономическихъ отношеній. Для такого именно пониманія онъ и пользуется соціологическимъ методомъ изученія фактовъ русской исторіи. Въ самомъ дѣлѣ, Ключевскій изучаетъ историческую личность русскаго народа въ ея развитіи, оттѣняетъ зависимость хода нашей исторіи отъ „встрѣчи" разнаго рода условій, отъ мѣстныхъ особенностей и отъ „внѣшнихъ обстоятельствъ", даже какъ будто подчеркиваетъ сравнительно бо̀льшее съ теченіемъ времени вліяніе послѣднихъ и не упускаетъ изъ виду историческихъ лицъ, „по неизвѣданнымъ еще причинамъ отъ времени до времени появляющихся въ человѣчествѣ"; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ все же продолжаетъ примѣнять „соціологическій методъ" къ изученію причинъ и послѣдствій этихъ фактовъ: онъ не столько описываетъ ихъ, сколько изслѣдуетъ, какимъ образомъ они возникли и, въ особенности, какое вліяніе они оказали на жизнь русскаго общества, на его „строеніе" и его „движеніе". Съ такой точки зрѣнія нашъ историкъ изучаетъ, напримѣръ, и основаніе кіевскаго княжества, и образованіе великорусскаго московскаго государства, и политическую, а также соціальную борьбу, наступившую въ смутное время, и эпоху преобразованій, въ особенности военно-финансовую реформу, оказавшую „глубокое дѣйствіе на складъ общества и на дальнѣйшій ходъ событій", и многія другія менѣе крупныя явленія нашей исторіи.

Въ задачи настоящей замѣтки не входитъ разсмотрѣніе болѣе частныхъ, но не менѣе цѣнныхъ наблюденій и выводовъ, которые Ключевскій высказываетъ чуть ли не на каждой страницѣ своихъ трудовъ, всегда освѣщенныхъ творческою мыслью и богатыхъ свѣжимъ фактическимъ содержаніемъ; но и сказаннаго, можетъ быть, достаточно для того, чтобы напомнить главнѣйшіе принципы его соціологическихъ и собственно историческихъ изысканій и дать почувство-

вать, что его научная дѣятельность составляетъ цѣлую эпоху въ нашей исторіографіи.

Все шире и глубже охватывая русскую историческую дѣйствительность въ ея цѣлостности, Ключевскій много сдѣлалъ для научной ея конструкціи и для послѣдующей ея разработки: онъ обладалъ слишкомъ яркой индивидуальностью и слишкомъ творческимъ воображеніемъ, чтобы ограничиться накопленіемъ „прочно поставленныхъ фактовъ". Онъ высказалъ не мало блестящихъ гипотезъ и построеній; ими онъ всего болѣе будилъ нашу историческую мысль и двигалъ ее впередъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда она подвергала критикѣ его собственныя предположенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ Ключевскій умѣлъ „говорить" не только отвлеченными формулами или „сухими" фактами, но и мастерскими картинами и живыми образами; они подсказываютъ читателю многое, что онъ не могъ бы воспринять изъ строго размѣренной рѣчи кабинетнаго ученаго; они даютъ чувство прошлой жизни и заставляютъ переживать историческую дѣйствительность, а переживаніе ея облегчаетъ дѣятельное, иногда даже новое пониманіе того, что было. Ключевскій не довольствовался, однако, такими результатами: самъ глубоко переживая и прошлыя судьбы нашей родины, и соціальныя реформы шестидесятыхъ годовъ, и тяжелую политическую борьбу послѣднихъ лѣтъ, онъ думалъ, что исторія отечества должна имѣть также прикладную цѣль для дѣтей его; своими трудами онъ хотѣлъ содѣйствовать тому, чтобы каждый изъ насъ былъ „хоть немного историкомъ" и могъ „стать сознательно и добросовѣстно дѣйствующимъ гражданиномъ". И едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что онъ въ значительной мѣрѣ достигъ своей цѣли: читая его исторію русской народности, каждый изъ насъ чувствуетъ, что онъ живетъ не только въ ея прошломъ, но и для ея будущаго...

А. Лаппо-Данилевскій.

ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Поспѣшное введеніе западнаго земства.—Борьба націоналистовъ съ чехами.—Націоналистическая дѣятельность архимандрита Виталія.—Услуги, оказываемыя духовенствомъ.—Особая политика Почаевской лавры и архіепископа волынскаго Антонія.—Благодарное вниманіе предсѣдателя совѣта министровъ къ духовенству.—Сомнительные успѣхи націоналистовъ на выборахъ.—„Націонализмъ“ и любовь къ родинѣ.

Если для всей Россіи существуетъ твердая формула: „сначала успокоеніе, затѣмъ реформы“, то для западныхъ губерній вышло наоборотъ: „пусть хоть выйдетъ и неспокойство, но введемъ здѣсь реформу“. Странная, дѣйствительно, реформа! Нарушила основные законы, оскорбила верхнюю и нижнюю палаты и, надѣлавъ столько внезапнаго, непріятнаго и страннаго шума вверху, проскочила въ жизнь какъ-то бокомъ, съ судорожной торопливостью, и теперь внизу производитъ сумятицу, муть, споры, раздоры. При общей замедленности и омертвѣніи общественно-государственной жизни въ высокой степени любопытна лихорадочная ускоренность введенія земской реформы. Спѣшитъ и волнуется высшая администрація, заражено безпокойной суетливостью среднее и низшее начальство, поспѣшно привлечено къ работѣ духовенство, озабочены правые землевладѣльцы, охвачены тревожной дѣятельностью „націоналисты“. Такъ и мерещатся чьи-то дрожащія руки, которыя спѣшатъ кое-какъ водворить реформу, пристроить ее, воткнуть чахлыми корнями въ землю...

„Новое земство, — пишетъ корреспондентъ изъ Каменецъ-Подольска,—вводится съ исключительной быстротой и энергіей“. „Изъ Игуменскаго уѣзда (Минской губерніи) еще въ маѣ сообщали „Сѣверо-Зап. Голосу“: „Самымъ интереснымъ явленіемъ подготовленія выборовъ—это спѣшность, съ которой производятся всѣ работы. Въ настоящее время всѣ списки избирателей составлены, напечатаны и опубликованы. Избирательные съѣзды и собранія будутъ происходить между 8 и 22 іюля. А уже на другой или на третій день послѣ выборовъ, 23 или 24 іюля, состоится первое чрезвычайное земское собраніе, гдѣ организованы будутъ новыя учрежденія и произведены выборы должностныхъ лицъ. Такимъ образомъ, уже къ 1-му августа Игуменскій уѣздъ обогатится новымъ выборнымъ земствомъ. Въ ожиданіи этого принимаются мѣры къ ликвидаціи существующихъ „полуземствъ“: составляются инвентарныя описи имуществамъ для сдачи ихъ новой управѣ. Все это дѣлается спѣшно, съ расчетомъ все закончить къ

1-му августа". И повсюду такъ. Лѣтнія каникулы—обычное время отдыха бюрократіи—нисколько не ослабили хода реформы въ западныхъ губерніяхъ. Энергіи оказалось такъ много, что исполненіе наскоро составленной программы еще болѣе ускорено ретивыми исполнителями. „Русскія Вѣдомости" сообщаютъ: „Правительство настолько торопитъ съ производствомъ выборовъ въ западное земство, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, какъ Волынской и Подольской, они закончатся ранѣе назначеннаго срока—22 іюля. Въ виду того, что, согласно ст. 16-й указа 14-го марта, на дополнительныхъ выборахъ гласные избираются по относительному большинству голосовъ, въ настоящее время нельзя сомнѣваться, что въ теченіе іюля земскія собранія повсюду будутъ сформированы, и пресловутое земство по 87-й ст. станетъ реальностью".

Итакъ—„скорѣе, скорѣе, возможно скорѣе". Поспѣшность эта ни для кого не представляется загадочной. Всякому понятно, что стремительность введенія земства въ западныхъ губерніяхъ имѣетъ одну главную причину: пусть Государственная Дума и Государственный Совѣтъ, собравшись осенью, призадумаются, увидѣвъ, что новыя земскія учрежденія уже укрѣпились въ населеніи вѣтвистыми корнями и что уничтоженіе ихъ будетъ для населенія затруднительной, болѣзненной и убыточной операціей. Въ правомъ, націоналистическомъ лагерѣ, впрочемъ, этой увѣренности и не скрываютъ. „Дѣло сдѣлано,—писалъ „Кіевлянинъ", не безъ угрозы, въ концѣ іюня;—надежды на то, что Государственная Дума, увидавъ воочію, что введенное земство никуда не годится, отмѣнитъ законъ, введенный по 87-й статьѣ, и этимъ разрушитъ все дѣло—напрасны. Что бы ни постановили законодательныя палаты, гласные и управы, избранные на три года, три года и будутъ дѣйствовать". Здѣсь, слѣдовательно, съ одной стороны, какъ бы подразумѣвается, что едва ли законодательныя палаты рискнутъ воспользоваться своимъ правомъ для возстановленія нарушенной законности, а съ другой стороны недвусмысленно подчеркивается, что, въ случаѣ упрямства Государственной Думы и Государственнаго Совѣта, не постѣснятся и вновь обойтись безъ нихъ, т.-е. найти новый обходъ закона. Откровенность, едва ли пріятная для высшей бюрократіи. Но суть дѣла освѣщается ею съ достаточной опредѣленностью.

Сознательно ставить себя въ такое рискованное положеніе, при которомъ легко потерять остатки довѣрія и популярности въ населеніи, можно только тогда, когда поставлена серьезная карта, сулящая при выигрышѣ укрѣпленіе въ населеніи того же довѣрія и той же популярности, такъ какъ безъ нихъ существованіе власти всегда эфемерно. Какъ въ отрубно-хуторской реформѣ была постав-

лена ставка на „сильнаго мужика“, такъ теперь выдвинута карта на „національизмъ“. Нѣсколько странно, что при той громадной, неотложной потребности въ основныхъ реформахъ, которую ощущаетъ общественно-политическая жизнь страны, правительство занимается отдѣльными, раскидчивыми опытами рискованнаго характера, — но все же любопытно, какіе результаты получаются въ населеніи отъ подобныхъ опытовъ.

Фатальнымъ образомъ, подобно казенной хуторской реформѣ, земская реформа при первомъ приближеніи къ населенію породила споры, раздѣленіе, антиобщественное разложеніе въ обывательской средѣ. „Дѣйствующій земскій избирательный законъ, — говоритъ „Кіевская Мысль“,—устанавливаетъ куріи не только по національностямъ, но и по сословіямъ—гласные отъ крестьянскихъ обществъ, а также по имуществу: полные цензовики участвуютъ въ избирательныхъ собраніяхъ непосредственно, неполные—черезъ уполномоченныхъ, избираемыхъ въ первомъ или во второмъ избирательныхъ съѣздахъ. Всего по каждому уѣзду, считая и крестьянъ, созывается восемь различныхъ избирательныхъ съѣздовъ и собраній“. Задача общественныхъ учрежденій—объединять населеніе на общихъ интересахъ, расширять умственный горизонтъ обывателя, прививать ему общественные навыки; а такая выборная система, несомнѣнно, должна ссорить и разъединять, особенно, если населеніе подходитъ къ общественному дѣлу впервые. Такъ оно и случилось при выборахъ въ западныхъ губерніяхъ. „Мысль избирателя,—говоритъ „Кіевская Мысль“,—направленная земскимъ положеніемъ по пути національныхъ, сословныхъ и имущественныхъ дѣленій, продолжаетъ и дальше создавать различныя перегородки, особенно по мѣстностямъ, и окончательно загоняетъ молодое земское дѣло въ искусственныя, безжизненныя клѣточки. Полные цензовики-землевладѣльцы рѣзко отмежевываются отъ владѣльцевъ неземельныхъ имуществъ, нѣмцы—отъ русскихъ, избиратели одного мѣстечка—отъ избирателей другого. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ происходитъ дѣленіе на избирателей сѣверной и южной его частей. Такъ, въ первомъ избирательномъ съѣздѣ Житомірскаго уѣзда землевладѣльцы, избравъ часть уполномоченныхъ по числу составленныхъ ими полныхъ цензовъ, разъѣхались, заявивъ, что до выбора уполномоченныхъ отъ домовладѣльцевъ имъ нѣтъ дѣла. Они не знали, или не хотѣли понять, что въ каждомъ избирательномъ съѣздѣ и собраніи должны быть прежде всего земскіе избиратели, интересующіеся равномѣрнымъ удовлетвореніемъ земскихъ нуждъ всѣхъ частей уѣзда, а не только землевладѣльцы и домовладѣльцы, ничего не желающіе знать дальше нуждъ своего угла. Насколько смутно нѣкоторые избиратели понимаютъ свои общественныя права и обязан-

ности—видно изъ отчета о послѣднемъ собраніи Деміевскихъ избирателей. Многіе изъ нихъ никакъ не могли понять, что они должны выбирать уполномоченныхъ совмѣстно со всѣми другими неполными цензовиками уѣзда. Имъ кажется, что законъ долженъ былъ установить особую курію для Деміевки, особую для Святошина, особую для каждаго мѣстечка и села Кіевской губерніи".

Отбрасывая всѣ побочныя сомнѣнія, администрація идетъ къ своей главной цѣли: къ поддержанію „національизма". Однако и это дѣло двигается довольно шероховато. Уже самая классификація на „русскихъ" и „нерусскихъ" оказалась нелегкой въ губерніяхъ со смѣшаннымъ населеніемъ. „Въ Минской губерніи, — говоритъ корреспондентъ „Рѣчи", — много споровъ вызываютъ вопросы о причисленіи тѣхъ или иныхъ лицъ къ русской или польской куріямъ. Такъ напримѣръ, землевладѣлица имѣнія „Заславль" Минскаго уѣзда, Беатриса Протасевичъ, ходатайствовала передъ минской уѣздной управой о томъ, чтобы ее включили въ русскую курію на томъ основаніи, что она не полька, а русская. Г-жа Протасевичъ—дочь Гартинга, служившаго полковникомъ въ русской арміи. Гартингъ—выходецъ изъ Голландіи временъ Петра Великаго, при чемъ Гартинги отнесены были къ числу русскихъ даже правительствующимъ сенатомъ, куда отецъ Беатрисы Протасевичъ обращался съ ходатайствомъ. На основаніи опредѣленія сената, послѣдовавшаго очень давно, было куплено ею и имѣніе „Заславль", какъ лицомъ русскаго происхожденія. Уѣздная управа не нашла возможнымъ включить землевладѣлицу Протасевичъ въ русскую курію, такъ какъ: 1) Беатриса Протасевичъ — исповѣданія римско-католическаго, 2) говоритъ по-польски и 3) весь укладъ ея жизни — чисто польскій". Другой корреспондентъ сообщаетъ, что всѣ бѣлоруссы-католики отнесены къ польской куріи. Очевидно, главнымъ признакомъ при опредѣленіи національности признано вѣроисповѣданіе. Однако, въ одной корреспонденціи изъ Минской губерніи говорится: „Тяжелой оказалась задача заполненія „русской" куріи, въ которую, въ виду отсутствія русскаго элемента, зачисляли по всѣмъ уѣздамъ и нѣмцевъ, и магометанъ, и поляковъ", Къ сожалѣнію, корреспондентъ не приводитъ фактическихъ подробностей этой любопытной путаницы. Интересно также, что малорусское населеніе, языкъ котораго до сихъ поръ подвергается стѣсненію и которое вообще во многихъ случаяхъ администраціей тщательно отдѣляется отъ „господствующаго" племени, при выборахъ въ западное земство получило молчаливое признаніе и уравненіе въ правахъ: малороссы причислены къ русской куріи, и побѣды ихъ на выборахъ привѣтствуются „націоналистами". Смѣшеніе идетъ еще дальше. Къ русскимъ „націоналистамъ" весьма

желали присоединить чеховъ. Особенно стали ухаживать за ними въ Острожскомъ уѣздѣ, гдѣ „націоналистамъ“ и „правымъ“ нужно было провести своихъ видныхъ лицъ и гдѣ чехи составляли по количеству голосовъ значительную силу. Пущены были въ ходъ и ласки, и угрозы. Въ „Кіевлянинѣ“ г. Шульгинъ обратился къ чехамъ съ такимъ предупрежденіемъ: „Будьте осторожнѣе, господа, вы рискуете очень многимъ. Этою зимою правительство внесло въ Госуд. Думу законопроектъ объ ограниченіи въ Волынской губерніи землевладѣнія и права аренды лицами иностраннаго происхожденія. Проектъ этотъ пока не касается чеховъ. Не касается въ томъ предположеніи, что чехи — друзья русскаго народа и что они, получивши на русской землѣ пріютъ, достатокъ и богатство, не забыли своего долга благодарности по отношенію къ народу, гостепріимно ихъ пріютившему. Но чехи, если не желаютъ быть близорукими и не желаютъ сами себѣ вырыть яму, не должны раздражать и возстанавливать противъ себя окружающее ихъ море“. Къ тѣмъ-же чехамъ направилъ свое увѣщаніе и архимандритъ Почаевской лавры о. Виталій. „Мы ожидали, — пишетъ въ своемъ пастырскомъ посланіи о. Виталій, — что, помня, какъ волынцы когда-то, подъ предводительствомъ святаго своего князя Федора Острожскаго, грудью и кровью своею защитили васъ отъ нашествія нѣмецкаго, вы и сами отплатите волынцамъ тѣмъ-же: поможете имъ избавиться отъ нѣмецкаго нашествія на Волынь и благоустроить край черезъ мирную и дружную земскую работу. Но вотъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, подговоренные недобрыми людьми, чехи пошли въ союзъ съ нѣмцами и богатыми землевладѣльцами противъ простого русскаго народа. Такъ случилось уже въ Ровенскомъ и Острожскомъ уѣздахъ. Народъ русскій пока еще мало ознакомился съ земскимъ дѣломъ, и обидѣть его на первый разъ очень легко. Но мы взываемъ къ вашему братскому чувству: не обижайте, не идите противъ братьевъ“. Корреспондентъ „Русскихъ Вѣдомостей“ дѣлаетъ къ этимъ строкамъ маленькое поясненіе: „Такъ какъ, однако, на съѣздѣ среднихъ землевладѣльцевъ Острожскаго уѣзда 27-го іюня, при 75-ти чехахъ и 47-ми русскихъ, нѣмцевъ было только 5 человѣкъ, то обвиненіе чеховъ въ союзѣ съ нѣмцами падаетъ само собою: онъ практически чехамъ былъ совершенно ненуженъ. Столь-же несостоятельнымъ представляется обвиненіе ихъ въ союзѣ съ богатыми землевладѣльцами: послѣдніе не входятъ въ составъ избирательнаго съѣзда среднихъ землевладѣльцевъ“. Сознавая, вѣроятно, слабость приведенныхъ аргументовъ, о. Виталій переходитъ въ своемъ посланіи къ болѣе убѣдительнымъ: „Помните еще: 1) о выдѣленіи рускимъ правительствомъ поляковъ въ отдѣльную курію и 2) внесенный въ Госуд. Думу законъ о воспрещеніи нѣмцамъ пріобрѣтать землю

на Волыни. Слушая недобрыхъ людей и выступая противъ русскаго народа, вы сами наталкиваете правительство, чтобы и васъ оно выдѣлило, и я слышалъ самъ отъ вашихъ представителей, что выступленіями, подобными ровенскому и острожскому, чехи добьются себѣ только лишь причисленія къ инороднымъ. Къ вашему благоразумію взываемъ, господа чехи, — слѣдуетъ, послѣ угрозъ, снова елейный призывъ; — не поддавайтесь искушенію временно взять верхъ, не портите добрыхъ братскихъ отношеній, которыя еще питаетъ къ вамъ русскій народъ. Исправьте ошибку, сдержите неразумныхъ, не обирайте братьевъ, не идите противъ нихъ".

Получается новое неожиданное освѣщеніе нашего доморощеннаго „націонализма": уже недостаточно принадлежать къ православію или можно даже не принадлежать къ нему, но главное, непремѣнно требуется голосовать за кандидатовъ изъ лагеря „правыхъ націоналистовъ". Если чехи согласны дать этому лагерю свои голоса, то имъ все прощается, они „братья", они равноправны, они въ одной куріи съ „русскими". Если-же нѣтъ, то правительство можетъ перевести ихъ въ разрядъ лицъ „иностраннаго происхожденія": ихъ сдѣлаютъ „инородцами", ихъ отчислятъ въ особую курію, имъ органичатъ права, имъ воспретятъ, какъ „нѣмцамъ", пріобрѣтать землю на Волыни, а можетъ быть даже, какъ евреямъ, и устроятъ нѣчто вродѣ погрома (не даромъ звучитъ какая-то смутная угроза въ словахъ г. Шульгина: „Чехи, если не желаютъ сами себѣ вырыть яму, не должны раздражать и возстанавливать противъ себя окружающее ихъ море").

Чѣмъ-же провинились чехи? Отчего на нихъ оказалось обращеннымъ такое настойчивое вниманіе „націоналистовъ"? Первый проступокъ совершенъ ими въ Ровенскомъ уѣздѣ. „Съѣзды мелкихъ собственниковъ для выбора уполномоченныхъ въ избирательныя собранія, — сообщаютъ „Русскія Вѣдомости", — начались ранѣе всего въ Волынской губерніи. Здѣсь по нѣкоторымъ уѣздамъ въ русскую избирательную курію входятъ также чехи и нѣмцы. Мелкіе собственники этихъ послѣднихъ національностей обнаружили гораздо большій интересъ къ земскимъ выборамъ, чѣмъ русскіе: напримѣръ въ Ровенскомъ уѣздѣ на съѣздѣ мелкихъ собственниковъ изъ 100 внесенныхъ въ списки избирателей каждой національности явилось чеховъ—90, нѣмцевъ — 65, а русскихъ — только 20. Поэтому, несмотря на преобладаніе русской мелкой собственности въ Ровенскомъ уѣздѣ, на съѣздѣ избирателей, владѣющихъ не менѣе одной пятой ценза, оказалось 34 чеха, 34 русскихъ и 18 нѣмцевъ. Націоналистовъ среди этихъ избирателей было всего человѣкъ пятнадцать. Въ результатѣ полный провалъ націонализма. Столпъ ровенскаго союза русскаго народа, Буховичъ, получилъ всего 15 избирательныхъ шаровъ. Избранными

въ уполномоченные оказались 12 чеховъ, 8 русскихъ крестьянъ, 8 нѣмцевъ, всѣ—кандидаты такъ называемой „земской партіи", т.-е. партіи антинаціоналистовъ. Почаевская лавра, усиленно агитировавшая среди мелкихъ избирателей русскаго происхожденія, не могла примириться съ такими результатами выборовъ: по ея указанію русскіе избиратели обратились по телеграфу съ жалобою къ предсѣдателю совѣта министровъ и къ волынскому губернатору на пристрастное якобы отношеніе къ русскимъ выборщикамъ предсѣдателя избирательнаго съѣзда, Андро. Между тѣмъ г. Андро служитъ предводителемъ дворянства по назначенію отъ правительства и былъ выставленъ при выборахъ въ Госуд. Думу кандидатомъ отъ союза русскаго народа". Слѣдовательно, вся вина чеховъ заключалась въ томъ, что они, во-первыхъ, оказались отзывчивѣе русскаго населенія къ земскому дѣлу, а во-вторыхъ, отдали свои голоса русскимъ, принадлежащимъ къ „земской партіи", а не къ ставленникамъ „націоналистовъ" и „союза русскаго народа".

Въ Острожскомъ уѣздѣ дѣло оказалось сложнѣе. „Аналогичный съ ровенскимъ, — разсказываютъ „Русскія Вѣдомости",—образовался составъ избирательныхъ съѣздовъ мелкихъ собственниковъ въ Острожскомъ уѣздѣ. Но здѣсь предводитель дворянства, г. Борисовъ, не пожелалъ навлекать на себя жалобы Почаевской лавры и рѣшилъ вступить въ борьбу съ чехами, дѣйствуя противъ нихъ изморомъ. На собраніе собственниковъ, владѣющихъ не менѣе одной десятой ценза, явилось 145 чеховъ, 5 нѣмцевъ и 35 русскихъ. Требовалось избрать 24-хъ уполномоченныхъ. Націоналисты потребовали 18 мѣстъ для себя, соглашаясь отдать 6 мѣстъ чехамъ. Послѣдніе же требовали себѣ 17 мѣстъ, отдавая 1 мѣсто нѣмцамъ и 6 русскимъ. Г. Борисовъ, предсѣдательствуя на съѣздѣ, долго систематически отказывался ставить на баллотировку чеховъ и 23-го іюня тянулъ выборы въ теченіе всего дня, вечера и ночи, до 4-хъ часовъ утра 24-го іюня. За все это время избрано было только 7 уполномоченныхъ. По возобновленіи 24-го іюня баллотировки чехи стали уже проявлять уступчивость, и когда къ 7-ми часамъ вечера выборы закончились, то избранными оказались 11 русскихъ правыхъ крестьянъ, 12 чеховъ и 1 нѣмецъ. Успѣхъ такого „измора чеховъ" побудилъ г. Борисова примѣнить ту же тактику 27-го іюня на съѣздѣ въ г. Острогѣ мелкихъ собственниковъ, владѣющихъ не менѣе одной пятой ценза. На этотъ съѣздъ прибыли 75 чеховъ, 47 русскихъ (изъ нихъ 37 правыхъ) и 5 нѣмцевъ. Открывъ съѣздъ въ 10 часовъ утра, г. Борисовъ предложилъ чехамъ и нѣмцамъ столковаться съ правыми русскими насчетъ числа уполномоченныхъ отъ тѣхъ и другихъ. Чехи сразу же оказали сопротивленіе, заявивъ предсѣдателю съѣзда, что здѣсь—не

предвыборное собраніе, что они пріѣхали на съѣздъ для выборовъ, а не для переговоровъ, въ которые вступать съ правыми они отказываются. „Въ такомъ случаѣ—сидите, пока не одумаетесь",—рѣшилъ г. Борисовъ. И вотъ, избиратели, оторванные въ столь горячее время отъ сельскихъ работъ, сидѣли въ полномъ бездѣйствіи съ 10 часовъ утра до 12 часовъ ночи; г. Борисовъ не находилъ возможнымъ начать баллотировать. Въ 12 часовъ ночи русскіе правые избиратели не выдержали дальнѣйшей отсидки и, видя, что чехи не хотятъ вступать съ ними въ разговоры, ушли изъ залы, послѣ чего г. Борисовъ закрылъ съѣздъ. На второй день избиратели собрались къ 12-ти часамъ дня и приготовились къ дальнѣйшей отсидкѣ. Но тутъ обнаружилось нѣчто неожиданное. Г. Борисовъ оказался еще раннимъ утромъ уѣхавшимъ въ Житоміръ, а его замѣститель въ качествѣ предсѣдателя съѣзда, мѣстный мировой посредникъ, не явился. Неизвѣстно, что послѣдовало бы дальше, еслибы чехи продолжали ждать. Можетъ быть, они и досидѣлись бы до открытія выборовъ. Но у чеховъ не хватило выдержки для сидѣнія безъ предсѣдателя; потянуло земледѣльцевъ къ ихъ полямъ и, просидѣвъ 28-го іюня только съ 12 часовъ до 3 часовъ дня, стали они разъѣзжаться по домамъ. Этимъ положеніе разрѣшилось. Г. Борисовъ доложилъ волынскому губернатору, что выборщики разъѣхались, не произведя выборовъ. Губернаторъ, признавая, что надо назначить съѣздъ вторично, но что, съ другой стороны, для этого уже не осталось времени, обратился къ кіевскому генералъ-губернатору за соотвѣтствующимъ разъясненіемъ. Послѣдній разъяснилъ, что съѣздъ въ Острогѣ долженъ считаться несостоявшимся и что избирательное собраніе русской куріи, назначенное на 2-е іюля, можетъ происходить безъ уполномоченныхъ отъ собственниковъ одной пятой ценза. Генералъ-губернаторъ, впрочемъ, прибавилъ, что онъ сообщитъ о такомъ случаѣ сенату".

Вотъ эти неудавшіеся выборы и навлекли на чеховъ неудовольствіе архимандрита Виталія, г. Шульгина и другихъ лидеровъ мѣстнаго „націонализма". Однако, внушенія, убѣжденія и угрозы подѣйствовали, на чеховъ слабо. Когда были назначены вторичные выборы, — они все же были назначены, по предложенію изъ Петербурга,—чехи проявили ту же настойчивую линію поведенія. На вторично назначенные выборы 6-го іюля они явились группой въ 87 человѣкъ и снова оказались въ большинствѣ. „На съѣздъ,—говоритъ „Кіевская Мысль",—явилось 152 избирателя, изъ нихъ 90 убѣжденныхъ земцевъ, остальные—неопредѣленные и націоналисты. Мировой посредникъ Ивашкевичъ, замѣняющій г. Борисова, видя неминуемый провалъ націоналистовъ, предпринялъ рядъ суровыхъ мѣръ.

Записавъ присутствующихъ, онъ удалился на часъ въ другую комнату и потомъ появился съ готовымъ протоколомъ, коимъ исключалъ изъ собранія 33-хъ избирателей земской партіи, якобы изъ-за недостаточности представленныхъ ими удостовѣреній о личности. Онъ отвергнулъ паспортъ Могге на томъ основаніи, что въ спискѣ онъ поименованъ Могге Раймъ, а не Раамъ; не призналъ довѣренность, подписанную именемъ и фамиліей довѣрительницы безъ прибавленія отчества, хотя присутствующіе старосты и ручались за достовѣрность подписи. Тождественную довѣренность жены союзника онъ призналъ дѣйствительной. Отъ довѣрителей-земцевъ онъ требовалъ метрическія брачныя свидѣтельства, отъ предъявителей паспортовъ—купчія ихъ крѣпости. Союзниковъ призналъ безъ всякихъ удостовѣреній, а также допустилъ на собраніе одного націоналиста, находящагося подъ слѣдствіемъ по обвиненію въ кражѣ. 90 земцевъ потребовали отъ г. Ивашкевича соблюденія справедливости. Получивъ отказъ, они покинули залъ, заявивъ, что не желаютъ содѣйствовать издѣвательству надъ закономъ. За ними послѣдовало 17 крестьянъ. Ушедшими послана депутація къ генералъ-губернатору и жалоба губернатору на дѣйствія г. Ивашкевича. Въ уѣздѣ наблюдается крайнее возбужденіе". А послѣ ухода чеховъ выборы все же состоялись и дали въ результатѣ 19 правыхъ уполномоченныхъ.

„Благодаря бо́льшему интересу чеховъ къ земскимъ выборамъ сравнительно съ русскимъ населеніемъ,—говоритъ другая газета,—„чешское засилье" проявилось не только въ Острогѣ. На выборахъ земскихъ гласныхъ по русской куріи 5-го іюля въ Дубенскомъ уѣздѣ изъ 83-хъ избирателей 43 человѣка оказались чехи. Въ результатѣ—опять провалъ націоналистовъ; прошли преимущественно сторонники земской группы, въ томъ числѣ 7 чеховъ. Мы не удивимся,—прибавляетъ газета,—узнавъ осенью, что министерство вноситъ поправку о выдѣленіи избирателей-чеховъ въ особую курію съ незначительнымъ числомъ гласныхъ въ составѣ земскаго собранія".

Что случится въ будущемъ—неизвѣстно, но, несомнѣнно, уже и теперь національная и классовая рознь сѣется въ шести западныхъ губерніяхъ весьма успѣшно. Особенно усердствуетъ духовенство. Нынѣшнее духовенство вообще изумительно отзывчиво на желанія правительства. Какъ только въ верхахъ бюрократіи зародится какой-либо проектъ „спасенія" Россіи, духовенство, и высшее, и низшее, горячо проникается имъ. Недавно приходилось намъ отмѣчать, что въ видахъ торжества казенной земельной реформы нѣкоторые священники съ церковной каѳедры говорили проповѣди о преимуществахъ отрубно-хуторского хозяйства. Теперь духовенство въ западныхъ губерніяхъ энергично проповѣдуетъ казенный націонализмъ. Вотъ, напримѣръ,

отчетъ черносотенной газетки „Жизнь Волыни“, чуждый ироніи, въ которой „правые“ обычно обвиняютъ оппозиціонную печать. „Вчера въ городскомъ театрѣ,—пишетъ газетка,—состоялись выборы гласныхъ по Житомірскому уѣзду отъ русской куріи. Передъ началомъ выборовъ преосвященнѣйшимъ Фаддеемъ былъ отслуженъ въ фойе театра молебенъ. Послѣ молебна преосвященнѣйшимъ Фаддеемъ было сказано подобающее случаю слово. Владыка указалъ, что въ земство надо выбирать прежде всего людей честныхъ. Честнымъ же вполнѣ можно назвать только того, кто сохранилъ вѣру въ Бога, такъ какъ стремленіе къ Божеству составляетъ природное качество человѣка. Поэтому невѣрующій человѣкъ тѣмъ самымъ уже извращаетъ свою природу и нѣтъ увѣренности, что при всѣхъ жизненныхъ обстоятельствахъ онъ твердо пойдетъ по тому пути, по которому онъ долженъ идти. Затѣмъ,—сказалъ владыка,—надо выбирать такихъ людей, которые сохранили любовь къ отечеству и искренно любятъ русскій народъ. Есть такіе люди, которые говорятъ, что отечества не должно быть, что всѣ люди должны брататься между собой. Но такой односторонній взглядъ совершенно невѣренъ. Существуетъ изреченіе, что „подъ Седаномъ (во время франко-прусской войны) побѣдилъ народный учитель“, и на основаніи этого нѣкоторые утверждаютъ, что въ просвѣщеніи заключается все. Ученый Фулье говоритъ по этому поводу, что нѣмцы въ эту войну побѣдили не благодаря своей просвѣщенности, а своимъ патріотизмомъ и дисциплиной. Затѣмъ тотъ же Фулье говоритъ, что во Франціи съ развитіемъ просвѣщенія увеличилось число преступленій. Этимъ опровергается другое изреченіе, что „если будутъ открыты вездѣ школы, то закроются тюрьмы“. Такимъ образомъ,—закончилъ владыка,—въ земскіе гласные надо выбирать людей вѣрующихъ и искренно любящихъ русскій народъ“.

До чего можно увлечься въ стремленіи услужить правительству! Представитель христіанской религіи, гдѣ идеаломъ воздвигнута братская любовь всѣхъ народовъ („не будетъ ни эллина, ни іудея“), представитель церкви, въ храмахъ которой ежедневно возглашается на ектеніяхъ моленье о „мирѣ всего міра“, публично говоритъ, что „брататься всѣ люди не могутъ“, что „такой односторонній взглядъ совершенно невѣренъ“ и что важнѣе всего „патріотизмъ и дисциплина“, такъ какъ съ ними, подобно нѣмцамъ, можно побѣждать враговъ. Епископъ упускаетъ изъ виду, что „невѣрный, односторонній взглядъ“ принадлежитъ Христу, а проповѣдь воинствующаго патріотизма и дисциплины въ разныя времена велась полуязыческими, завоевательными государствами.

Но духовенству западныхъ губерній, въ разгарѣ услужительной работы, некогда задумываться надъ логичностью своихъ поступковъ.

Изъ Балтскаго уѣзда, Подольской губерніи, сообщаютъ: „передъ земскими выборами по крестьянской куріи епископъ подольскій Серафимъ разослалъ духовенству конфиденціальную бумагу отъ 8-го мая о значеніи и важности выборнаго земства, съ предписаніемъ дѣйствовать такъ, „чтобы въ земство попали по преимуществу русскіе люди". Рекомендуются испытанныя мѣры: „непосредственное участіе въ выборахъ" (для имѣющихъ цензъ), „внушеніе" своимъ прихожанамъ и подготовка ихъ въ „желательномъ" направленіи, „торжественные молебны", чтеніе „поученія" самого владыки, командировка въ волости на выборы „болѣе рѣчистыхъ" священниковъ и, наконецъ, наблюденіе. Послѣднее организовано по инстанціямъ: приходскій священникъ сообщаетъ полную характеристику выборщиковъ уѣздному протоіерею, а протоіереи—владыкѣ; „о лицахъ же, совершенно для дѣла нежелательныхъ, немедленно сообщать владыкѣ". На каждый уѣздъ было назначено изъ приходскихъ іереевъ по нѣскольку агитаторовъ, которымъ при указѣ консисторіи было выслано по 50 рублей на разъѣзды по своему району для подготовки крестьянъ къ выборамъ".

Еще энергичнѣе работа Почаевской лавры. Выше было уже упомянуто увѣщаніе чеховъ архимандритомъ Виталіемъ. Духовный пастырь работаетъ все лѣто, не покладая рукъ. „Житомірская газета „Волынь"—сообщаютъ „Русскія Вѣдомости",—напечатала въ нумерѣ отъ 5-го іюня секретное предписаніе архимандрита лавры Виталія всѣмъ настоятелямъ волынской епархіи. Документъ этотъ, съ помѣткою: „Волынскій предвыборный русскій комитетъ. Мая 17-го дня 1911 г.", начинается словами: „Согласно распоряженія владыки предлагается вамъ"... А предлагается слѣдующее: 1) незамедлительно дать точный и обстоятельный отзывъ о выбранномъ на волостномъ сходѣ вашего прихода кандидатѣ въ гласные, не находится ли онъ подъ вліяніемъ евреевъ или поляковъ; внушить кандидату, чтобы онъ, пріѣхавъ на выборы, направлялся прямо на общую крестьянскую квартиру при монастырѣ, а гдѣ нѣтъ монастырей, при соборѣ; 2) дать такія же характеристики всѣхъ мелкихъ и крупныхъ землевладѣльцевъ вашего прихода; 3) объяснить мелкимъ землевладѣльцамъ всю важность ихъ участія въ выборахъ, указывая, что число уполномоченныхъ отъ нихъ можетъ даже превысить число крупныхъ владѣльцевъ; 4) настоять, чтобы мелкіе русскіе землевладѣльцы прихода за два дня до избирательнаго съѣзда были уже въ уѣздномъ городѣ и тамъ справились въ соборной церкви, гдѣ будетъ предвыборное собраніе русскихъ, и на то собраніе непремѣнно явились, „чтобы тамъ всѣмъ русскимъ обсовѣтоваться, какъ дѣйствовать и за кого подавать голоса". Всѣ требуемыя характеристики избирателей и прочія сообщенія предписывается сообщать по адресу: Почаевъ, канцелярія архіепископа.

Священникамъ внушается, что если они все это исполнятъ, то „земство изъ надежныхъ волостныхъ гласныхъ, изъ мелкихъ землевладѣльцевъ и хорошихъ русскихъ помѣщиковъ будетъ настоящее русское, народное“.

Изъ многихъ другихъ корреспонденцій и телеграфныхъ сообщеній вырисовывается кипучая дѣятельность Почаевской лавры въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ. Разсылались листки и брошюры, разъѣзжали духовные агитаторы, въ лавру зазывали и подвозили крестьянъ и мелкихъ выборщиковъ, кормили, обучали, наставляли ихъ. Словомъ, организаціонная работа шла съ такой планомѣрной энергіей, что впору позавидовать монашеской дѣятельности хотя бы и самимъ соціалъ-демократамъ. Кромѣ архимандрита Виталія, немало труда приложено и архіепископомъ волынскимъ Антоніемъ, перу котораго принадлежатъ предписанія низшему духовенству и „націоналистическія“ поученія населенію. По словамъ газетъ, П. А. Столыпинъ, обратился къ высокопреосвященному Антонію съ письменной благодарностью за „поученіе, полное убѣдительности и вѣрнаго истолкованія осуществляемой нынѣ земской реформы“.

Въ этихъ любезностяхъ и комплиментахъ ничего нѣтъ удивительнаго: они естественны и логичны. Висѣть въ воздухѣ безъ реальнаго сочувствія какихъ-либо группъ населенія правительство не можетъ. А всякій дѣлается особенно зоркимъ, когда нужда въ чемъ-либо становится жгучей. Не слѣдуетъ изумляться и тому, что правительство, изъ приневскихъ тумановъ, усмотрѣло для своихъ усталыхъ и ослабшихъ ногъ кусочекъ твердой почвы на далекой волынской землѣ. Не удивительна, при такомъ положеніи вещей, и слѣдующая газетная замѣтка: „13-го іюля происходило засѣданіе синода, посвященное обсужденію вопроса, могутъ ли священники быть избираемы въ члены и предсѣдатели земскихъ управъ въ юго-западномъ краѣ, при проведеніи тамъ въ жизнь закона о земскомъ самоуправленіи. Такой вопросъ синоду былъ предложенъ со стороны предсѣдателя совѣта министровъ, П. А. Столыпина. Разрѣшеніе его требовало спѣшности. Запросъ П. А. Столыпина докладывалъ оберъ-прокуроръ В. К. Саблеръ. Ему, какъ члену объединеннаго кабинета, пришлось выступить въ защиту предоставленія священникамъ этихъ правъ“. Въ предложеніи предсѣдателя совѣта министровъ не трудно усмотрѣть, съ одной стороны, актъ благодарности къ дѣятельному духовенству западныхъ губерній, съ другой—желаніе закрѣпить новыя земства, при посредствѣ послушнаго духовенства, за правительствомъ. Оказывается, однако, что предсѣдатель совѣта министровъ увлекся, какъ это въ послѣднее время стало съ нимъ случаться довольно часто, и снова нарушилъ чувство мѣры. Неожиданный отпоръ получился какъ разъ отъ

того лица, къ которому было направлено благодарное благоволеніе П. А. Столыпина. „Всѣ члены синода,—говоритъ газетная замѣтка,—съ нетерпѣніемъ ждали выступленія руководителя синодской работы, архіепископа волынскаго Антонія. Архіепископъ Антоній произнесъ большую рѣчь, въ которой указалъ на невозможность священникамъ всецѣло отдаваться земской работѣ. У священника,—говорилъ онъ,—есть иная, болѣе высокая задача. Онъ долженъ служить церкви и заботиться о духовномъ развитіи паствы. Я не могу примириться съ мыслью, что пастырямъ церкви въ новой для нихъ роли земскихъ работниковъ придется уйти отъ дѣлъ церкви и подчиниться гражданской власти хотя бы въ лицѣ губернатора. У меня не укладывается въ головѣ представленіе, какъ это священникъ въ роли члена управы будетъ у губернатора съ докладомъ.—Послѣ незначительныхъ выступленій нѣкоторыхъ членовъ синода, собраніе почти единогласно постановило предоставить священникамъ право принимать участіе въ земской работѣ въ качествѣ гласныхъ, отклонивъ въ то же время предложеніе П. А. Столыпина о предоставленіи священникамъ права быть членами и предсѣдателями земскихъ управъ".

Здѣсь чувствуется не только уколъ предсѣдателю совѣта министровъ, но и какая-то глубокая внутренняя политика волынскаго іерарха, — политика, какъ-будто даже враждебная государственному давленію и смутно намекающая на желаніе самостоятельно руководить населеніемъ и приближать его больше къ церкви, чѣмъ къ государству. Не нужно забывать, что изъ той же Почаевской лавры вышелъ о. Иліодоръ, надѣлавшій уже своимъ неповиновеніемъ и странными церковно-демагогическими дѣйствіями много непріятностей свѣтскому начальству. Почаевская лавра давно уже ведетъ особую агитацію среди низшаго населенія. И при нынѣшнихъ выборахъ дѣятельность ея не вполнѣ совпадаетъ съ видами правительства. Вотъ что пишутъ газеты: „Нельзя не отмѣтить, что выборная политика Почаевской лавры въ одномъ, очень существенномъ пунктѣ, повидимому не соотвѣтствуетъ видамъ правительства. Западное земство является со стороны правительства ставкою на крупныхъ русскихъ землевладѣльцевъ; участіе мелкихъ собственниковъ въ выборахъ немало смущаетъ правительство, и оно принимаетъ мѣры, чтобы послѣдніе не являлись на выборы въ слишкомъ большомъ числѣ: выборы назначены на рабочую пору, по слухамъ—непремѣнно на будніе дни и т. д. Почаевская же лавра, напротивъ, предписываетъ священникамъ постараться двинуть массы мелкихъ собственниковъ къ избирательнымъ урнамъ, въ надеждѣ, что мелкіе землевладѣльцы помогутъ создать настоящее русское народное земство. Идеалы Почаевской лавры, такимъ образомъ, повидимому, оказываются демократичнѣе правительственныхъ".

Отбросивъ, однако, нѣкоторыя смутныя стремленія Почаевской лавры, слѣдуетъ признать, что въ главныхъ точкахъ ея дѣятельность угодна и полезна именно правительству. О всемъ остальномъ духовенствѣ западныхъ губерній это можно сказать безъ всякихъ оговорокъ. И, разумѣется, кабинетъ, въ общемъ, не ошибается, помѣщая сюда свои теплыя симпатіи.

Какихъ же, въ концѣ концовъ, достигла результатовъ объединенная духовно-казенная энергія при выборахъ въ западное земство? Въ настоящую минуту, когда пишутся эти строки, выборы еще не закончены, и общаго итога подвести нельзя. Но уже многое выяснилось, и эти результаты не особенно радостны для „націоналистовъ". Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ „націонализмъ" былъ совсѣмъ слабо оборудованъ и потерпѣлъ полное крушеніе. Въ главномъ его прибѣжищѣ, Волынской губерніи, итоги вышли такіе: „Въ настоящее время,—сообщаютъ „Русскія Вѣдомости",—можно констатировать, что изъ 12-ти уѣздовъ Волынской губерніи на выборахъ по русской куріи націоналисты прошли въ 4-хъ уѣздахъ: Луцкомъ, Староконстантиновскомъ, Изяславскомъ (Заславльскомъ) и Острожскомъ. Въ остальныхъ восьми уѣздахъ побѣдили сторонники земской группы и безпартійные. При такихъ результатахъ уѣздныхъ выборовъ націоналисты не имѣютъ шансовъ быть въ большинствѣ въ волынскомъ губернскомъ земскомъ собраніи". Газета высказываетъ, далѣе, любопытное предположеніе: „Исходъ земскихъ выборовъ на Волыни едва ли можетъ удовлетворить волынскихъ націоналистовъ, и весьма возможно, что ихъ главари въ глубинѣ души начинаютъ теперь желать, чтобы законодательныя учрежденія ликвидировали всю эту неудавшуюся затѣю съ насажденіемъ націоналистическаго земства на Волыни, отвергнувъ осенью проектъ положенія о западномъ земствѣ".

Послѣднее, къ сожалѣнію, едва ли случится. Если судить по хуторской земельной реформѣ и по сдѣланнымъ уже „націоналистическимъ" шагамъ, бюрократія послѣднихъ лѣтъ упряма въ своихъ достиженіяхъ, несмотря на видимыя ошибки. Къ тому же, съ точки зрѣнія правительственнаго самочувствія, вѣроятно лучше шаткія, гниловатыя дощечки подъ административной пятой, чѣмъ печальная и явная пустота. Грустно, но вполнѣ возможно, что за частичными опытами воспослѣдуютъ болѣе широкіе шаги, и на подгнившія дощечки сомнительнаго „націонализма" вслѣдъ за казенными вожаками выдвинута будетъ, такимъ или инымъ способомъ, значительная часть избирателей...

Досадно и печально также и то, что вздутымъ, крикливымъ „націонализмомъ" монополизирована и скомпрометирована въ Россіи среди гражданъ и обывателей естественная любовь къ своему народу, къ

своей странѣ. Возлѣ нашихъ „истинно-русскихъ“ и воинственныхъ „націоналистовъ“ иному простому, мирному обывателю почти стыдно, почти неприлично сказать про себя, что онъ тоже русскій и любитъ свой народъ, свой языкъ, свою страну. А вдругъ его смѣшаютъ съ „націоналистами“ и „истинно-русскими“!

Если чуточку отойти отъ шума, творимаго черносотенными бандами и дружинами „націоналистовъ“, то, разумѣется, вопросъ дѣлается простымъ и яснымъ. Истинная любовь къ своей націи вовсе не требуетъ вражды къ чужой національности. Она прежде всего ищетъ и желаетъ, чтобы въ родной средѣ шла энергичная внутренняя работа творчества, созиданія, достиженія. О такой любви нѣтъ надобности кричать на перекресткахъ. Нужно просто работать, мирно, тихо и напряженно. Такъ и дѣлали подлинные національные герои, творцы и созидатели. Въ тишинѣ народные геніи создавали то, что̀ затѣмъ двигало впередъ всю націю, составляя ея гордость и не только не вызывая вражды въ сосѣднихъ народностяхъ, но способствуя и ихъ духовному обогащенію новыми цѣнностями.

„Націонализмъ“ противенъ и вреденъ именно своимъ вывернутымъ, извращеннымъ патріотизмомъ. Онъ направляетъ задорную, враждебную дѣятельность на окружающія народности, сѣетъ племенную злобу и, въ концѣ концовъ, заставляетъ народъ пожинать печальные плоды „націоналистическаго“ усердія. Опасенъ такой „націонализмъ“, когда онъ пускаетъ корни въ населеніи, и еще опаснѣе, если его кладутъ въ основу внутренней политики. Всякое сложное государство представляетъ семью народностей; ссорить народности другъ съ другомъ, однимъ потакать даже въ корыстныхъ стремленіяхъ, другихъ утѣснять даже въ законныхъ правахъ — это значитъ день за днемъ вносить въ собственную страну государственное разложеніе. Невеселые дни предстоятъ Россіи, если она надолго вступитъ на сомнительный путь „націонализма“.

И. Жилкинъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

Историческія параллели.—Отношеніе власти къ земскимъ выборамъ прежде и теперь.—Массовое исключеніе слушательницъ женскаго медицинскаго института.—Министерство народнаго просвѣщенія и совѣтъ петербургскаго университета.—Новыя правила о родительскихъ комитетахъ.—Post-scriptum.

Когда страна вступаетъ на новый путь, раскрывающій передъ нею новые, широкіе горизонты, сравненіе настоящаго съ прошлымъ возбуждаетъ, обыкновенно, чувство радостнаго удовлетворенія: вспоминаются минувшія невзгоды, пережитыя униженія, прекратившіяся нарушенія справедливости и права. Инымъ, къ несчастію, является положеніе современной Россіи. Все чаще и чаще приходится наблюдать, вмѣсто движенія впередъ, не только возвращеніе къ печальному и безславному прошлому, но и обостреніе худшихъ его сторонъ. Земство никогда не обрѣталось у насъ въ авантажѣ: только-что вступивъ въ жизнь, оно сдѣлалось предметомъ подозрѣній, подверглось недоброжелательному надзору, испытывало стѣсненія всякаго рода. Бывали случаи закрытія земскихъ учрежденій, высылки земскихъ дѣятелей — но не было или почти не было одного: административнаго давленія на земскіе выборы, съ цѣлью способствовать или помѣшать избранію тѣхъ или другихъ лицъ и этимъ путемъ добиться желаннаго состава собранія и управы. Конечно, объясняется это не столько уваженіемъ къ земству, сколько невысокой оцѣнкой его значенія: его не считали опаснымъ, не находили нужнымъ отливать его въ заранѣе предрѣшенную форму, зная, что ничто не помѣшаетъ игнорировать его настроеніе и идти въ разрѣзъ съ его желаніями. И всетаки система невмѣшательства приносила несомнѣнную пользу: благодаря ей земство могло внести много новаго въ русскую жизнь, проявить творчество не казеннаго типа, содѣйствовать политическому пробужденію общества. Свобода выборовъ, хотя и ничѣмъ не обезпеченная, а только терпимая, сдѣлала свое дѣло, сдѣлала его не смотря на неизбѣжную примѣсь личныхъ счетовъ и мелкопартійныхъ интригъ, не смотря на косность и индифферентизмъ окружающей среды.

Прямо противоположную картину представляютъ земскіе выборы, происходящіе теперь, на основаніи указа 14-го марта, въ Западномъ краѣ. Лихорадочный интересъ, съ которымъ относится къ нимъ центральное правительство, вызываетъ усиленную выборную агитацію, руководимую мѣстными властями. Губернаторы объѣзжаютъ уѣзды,

устраиваютъ совѣщанія, поддерживаютъ энергію своихъ подчиненныхъ; предводители дворянства, въ Западномъ краѣ служащіе по назначенію, обнаруживаютъ усердіе, иногда не знающее предѣловъ; рука объ руку съ администраціей идетъ духовенство, идутъ „добровольцы“ изъ разныхъ союзовъ. И что во всемъ этомъ нѣтъ ничего случайнаго—доказательствомъ тому служитъ оглашенная недавно въ печати бесѣда начальника главнаго управленія по дѣламъ мѣстнаго хозяйства съ сотрудникомъ одной газеты. Представитель министерства внутреннихъ дѣлъ оказывается освѣдомленнымъ о личныхъ свойствахъ кандидатовъ въ гласные; онъ знаетъ, кто изъ нихъ можетъ считаться благонадежнымъ. Это значитъ, что о каждомъ выдающемся избирателѣ собираются свѣдѣнія — а въ провинціи подобная процедура сплошь и рядомъ достаточна для того, чтобы внушить „спасительный страхъ“, парализующій волю. И отъ кого идутъ эти свѣдѣнія, какого довѣрія они заслуживаютъ? Самое добываніе ихъ не влечетъ ли за собою поощреніе худшихъ инстинктовъ — мстительности, зависти, желанія выслужиться, обратить на себя благосклонное вниманіе начальства? И безъ того уже эти инстинкты разыгрываются, въ послѣднее время, во всю, часто составляя единственный или главный цементъ „союзовъ“ всякаго рода; неужели нужно было придавать имъ новое распространеніе, новую силу? Всегда и вездѣ чреватое бѣдами, понятіе о „благонадежности“ становится особенно опаснымъ именно тогда, когда насаждается на почвѣ мѣстнаго самоуправленія. Предоставленныя самимъ себѣ, мѣстныя хозяйственныя учрежденія—когда страна обладаетъ центральнымъ политическимъ представительствомъ—меньше всего расположены питать вражду между партіями, между направленіями. Въ правильной постановкѣ и успѣшномъ исполненіи мѣстныхъ хозяйственныхъ задачъ одинаково заинтересованы всѣ классы, всѣ слои населенія; вносить сюда представленіе объ овцахъ и козлищахъ, заботиться о первыхъ въ ущербъ послѣднимъ, воздвигать для однихъ искусственныя преграды, искусственно облегчать для другихъ доступъ къ вліянію и власти—значитъ извращать самый смыслъ самоуправленія, отклонять его отъ истиннаго его призванія, дѣлать его источникомъ и орудіемъ раздора. Сильно грѣшатъ, съ этой точки зрѣнія, самыя основы западнаго земства, установленныя указомъ 14-го марта — и еще больше грѣшитъ обстановка, при которой оно проводится въ жизнь. Чего стоитъ одно активное выступленіе православнаго духовенства, не только допускаемое, поощряемое, но предписываемое свѣтскою и церковною властью! Какое впечатлѣніе, и не на однихъ только иновѣрцевъ, должны производить угрозы непослушнымъ, открыто расточаемыя видными представителями клира [1])! Не-

[1]) См. выше, „Провинціальное Обозрѣніе“.

ужели мало того, что духовенство вовлечено въ политику открытіемъ передъ нимъ дверей въ Государственную Думу — и нужно еще сдѣлать его участникомъ мѣстныхъ распрей?.. Чрезвычайно характерно желаніе, высказанное на дняхъ предсѣдателемъ совѣта министровъ— желаніе, чтобы священнослужители могли занимать должности предсѣдателей и членовъ земскихъ управъ, т.-е. служить не только временно, но постоянно проводниками правительственныхъ стремленій. Слишкомъ далеко идущимъ это желаніе показалось даже архіепископу волынскому, руководителю Почаевской лавры, давно обратившейся въ агитаціонный центръ, воспитавшей о. Виталія и о. Иліодора. Онъ не могъ не понять всю несовмѣстимость церковнаго служенія съ непрерывной свѣтской работой—хотя, повидимому, основаніемъ отрицательнаго его отвѣта послужила не столько сущность дѣла, ожидавшагося отъ пастырей-администраторовъ, сколько подчиненность ихъ губернатору, какъ представителю свѣтской власти.

Насколько можно судить по фактамъ, оглашеннымъ въ печати, соединенныя усилія правительства, духовенства и правыхъ партій— единственныхъ, организація которыхъ не встрѣчала препятствій и, въ большинствѣ случаевъ, прямо вызывалась властью,—не вездѣ привели къ цѣли. Есть уѣзды, въ которыхъ „націоналисты" всѣхъ оттѣнковъ понесли рѣшительное пораженіе. Здѣсь, по всей вѣроятности, земство окажется „въ черномъ тѣлѣ"; сложившееся вопреки желаніямъ власти, оно должно ожидать съ ея стороны противодѣйствія, явнаго или скрытаго, но во всякомъ случаѣ крайне неблагопріятнаго для земскихъ начинаній. Трудно ожидать, чтобы избранники такого земства были утверждены администраціей—а между назначенной управой и независимо настроеннымъ собраніемъ неизбѣжно должны возникать конфликты. Иною, въ этомъ отношеніи, будетъ участь земствъ покорныхъ и „пріятныхъ"—но населенію едва ли отъ того будетъ лучше. Добившись побѣды съ бою, благодаря поддержкѣ со стороны, и разсчитывая на нее и въ будущемъ, „націоналистическія" собранія и управы не замедлятъ обострить рознь между различными слоями населенія, никому, въ сущности, не принося особой пользы. Отсутствіе самостоятельности, скудость дарованій, недостатокъ иниціативы—отличительныя черты нашихъ „націоналистовъ", прошедшихъ и настоящихъ; печальная роль, которую они играли при каждомъ удачномъ для нихъ поворотѣ политическаго колеса—и играютъ теперь въ Государственной Думѣ,—устраняетъ сомнѣніе въ томъ, чѣмъ они явятся на мѣстахъ, въ спеціально приспособленномъ для нихъ земствѣ... Не оправдываетъ ходъ выборовъ и тѣхъ увѣреній, которыми правительство пыталось мотивировать и оправдать поспѣшное, торопливое введеніе земства въ шести западныхъ губерніяхъ. Въ широкихъ слояхъ на-

селенія обнаружилось значительное равнодушіе къ реформѣ, которую старались представить отвѣчающею пламеннымъ его желаніямъ. Въ девяти уѣздахъ волынской губерніи, напримѣръ, средніе собственники использовали только 14%, во всѣхъ двѣнадцати уѣздахъ кіевской губерніи—только 18% принадлежащихъ имъ цензовъ. Конечно, этому могло способствовать назначеніе выборовъ въ самый разгаръ полевыхъ работъ, вызванное все тою же торопливостью, т.-е. желаніемъ создать поскорѣе „совершившійся фактъ", импонирующій Государственной Думѣ и Государственному Совѣту; но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что немалую долю вліянія на абсентеизмъ избирателей оказало и самое существо указа 14-го марта.

Настоящая цѣль этого указа обрисована довольно ясно въ одной изъ послѣднихъ статей „частнаго изданія". Вводя земство въ западномъ краѣ, правительство, по словамъ „Россіи", хотѣло „обезпечить русскому населенію возможность вести земскую работу такъ, чтобы не находиться въ тяжелой зависимости отъ поляковъ, являющихся въ краѣ носителями и проводниками всепольской идеи... Путемъ закона интересы русскаго населенія уравновѣшивались съ тѣми особо выгодными условіями, въ которыхъ въ данный моментъ находились поляки". Болѣе чѣмъ сомнительно существованіе такихъ условій, болѣе чѣмъ загадочна роль, которую „всепольская идея", ничѣмъ не „уравновѣшенная", могла бы сыграть въ земскомъ самоуправленіи—но для насъ теперь достаточно отмѣтить, что въ основу западнаго земства, по словамъ оффиціозной, т.-е. въ этомъ отношеніи хорошо освѣдомленной газеты, съ самаго начала была положена политическая задняя мысль, совершенно неумѣстная въ земскомъ дѣлѣ. Неправильная исходная точка неизбѣжно приводитъ къ неправильнымъ результатамъ. Внеся политику въ организацію западнаго земства, правительство осталось вѣрнымъ самому себѣ, внеся ее и въ самое его осуществленіе. Добившись реформы внѣ-законнымъ путемъ, связавъ съ нею, до извѣстной степени, свое право на существованіе, министерство П. А. Столыпина рѣшилось дѣйствовать per fas et nefas и при проведеніи ея въ жизнь, не разбирая средствъ, не чуждаясь никакихъ союзниковъ. Въ ладахъ съ служеніемъ „націонализму" оказалось, въ данномъ случаѣ, личное самолюбіе.

Другая параллель съ прошлымъ напрашивается сама собою по поводу постановленія министра народнаго просвѣщенія, которымъ исключено сразу отъ 1.100 до 1.200 слушательницъ женскаго медицинскаго института. Исторія нашей высшей школы за послѣдніе полвѣка полна всевозможныхъ экстраординарныхъ мѣропріятій—но даже

между ними едва ли можно найти нѣчто аналогичное съ послѣднимъ распоряженіемъ г. Кассо. Массовыя кары примѣнялись обыкновенно въ самый разгаръ смуты и мотивировались необходимостью возстановить внѣшній порядокъ; исключеніе почти всѣхъ слушательницъ женскаго медицинскаго института—ихъ осталось въ немъ только *двадцать семь* [1])—состоялось въ каникулярное время, при полномъ спокойствіи въ мірѣ учащихся, при отсутствіи всякаго повода ожидать возобновленія волненій. Къ какимъ софизмамъ, при подобной обстановкѣ, приходится прибѣгать присяжнымъ апологетамъ власти, объ этомъ даютъ понятіе слѣдующія слова „Россіи": нельзя „доказать, что удаленіе слушательницъ женскаго медицинскаго института сдѣлано министромъ противъ ихъ желанія. Несмотря на всѣ предоставленныя имъ льготы, онѣ не пожелали заниматься и, слѣдовательно, не имѣютъ основанія быть недовольными и освобожденіемъ ихъ отъ званія слушательницъ, которому онѣ придавали такъ мало цѣны". Такихъ геркулесовыхъ столбовъ рѣдко достигаетъ даже своеобразная... смѣлость, свойственная, вообще, аргументаціи нашихъ казенныхъ перьевъ. Каковы бы ни были побужденія, которыми руководилось, въ теченіе послѣдняго семестра, большинство слушательницъ медицинскаго института, съ желаніемъ или рѣшимостью вовсе прекратить занятія, вовсе отказаться отъ дальнѣйшаго пребыванія въ институтѣ они не имѣли ничего общаго. Говорить о томъ, что правительственнымъ распоряженіемъ слушательницы *освобождены* отъ ненужнаго имъ, недостаточно цѣнимаго ими званія — все равно что приписывать забастовавшему рабочему намѣреніе вовсе, навсегда, отказаться отъ работы. Дешевая иронія дурного тона менѣе всего умѣстна въ такую минуту, когда сотни молодыхъ существъ переживаютъ истинно-трагическое положеніе. Неужели господамъ, пишущимъ подъ диктовку, трудно понять, сколько горя и лишеній перенесли въ прошедшемъ— и во всякомъ случаѣ должны были бы еще перенести въ будущемъ— слушательницы медицинскаго института, не посѣщавшія его въ минувшее полугодіе? Не говоря уже о томъ, что нелегко прервать изученіе любимаго предмета, какъ тяжело должна была отразиться на курсисткахъ неизбѣжная отсрочка въ окончаніи курса, необходимость найти средства существованія на лишніе полгода, можетъ быть на цѣлый годъ! На все это онѣ шли сознательно и твердо, хотя, конечно, не безъ мучительной внутренней борьбы; все это было достаточнымъ возмездіемъ за забастовку, если и считать ее требующею возмездія. Что же сказать о совершенномъ крушеніи ихъ надеждъ, о совершен-

[1]) Изъ бесѣды исполняющаго обязанности директора института съ сотрудникомъ газеты „Рѣчь" видно, что изъ этихъ двадцати семи остаются въ институтѣ, собственно говоря, только 12 слушательницъ, такъ какъ пятнадцать осенью оканчиваютъ курсъ.

номъ закрытіи если не для всѣхъ, то для многихъ изъ нихъ, будущаго, къ которому онѣ такъ страстно и такъ упорно стремились? Нужно надѣяться, что передъ ними опять откроется широкая дорога, что мѣрѣ, принятой г. Кассо, не суждена долговѣчность; но въ данную минуту положеніе застигнутыхъ ею лицъ не таково, чтобы служить предметомъ оффиціознаго издѣвательства...

Присмотримся, однако, поближе къ юридической сторонѣ принятой мѣры. Формальнымъ для нея основаніемъ послужило, безъ сомнѣнія, постановленіе совѣта министровъ отъ 10-го декабря прошлаго года. „Озабочиваясь скорѣйшимъ возобновленіемъ въ „учебныхъ заведеніяхъ правильныхъ занятій"—сказано въ этомъ постановленіи,—„совѣтъ министровъ, на основаніи ст. 158 учрежденія министерствъ, призналъ необходимымъ поручить главнымъ начальникамъ подлежащихъ вѣдомствъ безотлагательно распорядиться исключеніемъ изъ учебныхъ заведеній тѣхъ учащихся, которые обнаружили упорное нежеланіе подчиняться закону и установленнымъ для учебныхъ заведеній правиламъ". Статья 158-ая, на которую ссылается совѣтъ министровъ, гласитъ: „въ обстоятельствахъ чрезвычайныхъ, требующихъ высшаго разрѣшенія, когда не можетъ оно быть отлагаемо безъ важнаго вреда или государственнаго ущерба, министры уполномочиваются дѣйствовать всѣми ввѣренными имъ способами, не ожидая сего разрѣшенія". Остается ли въ силѣ эта статья теперь, при новомъ государственномъ строѣ, послѣ существенныхъ измѣненій, внесенныхъ, въ 1905 и 1906 гг., въ основные законы, можно ли, въ виду Высочайшаго повелѣнія 27-го августа 1905-го года, считать исключеніе учащихся однимъ изъ „способовъ дѣйствія, ввѣренныхъ министрамъ"—этихъ вопросовъ, превосходно разобранныхъ и отрицательно разрѣшенныхъ въ недавнихъ статьяхъ г. Э. Понтовича („Право", №№ 26 и 27), мы здѣсь касаться не будемъ; намъ достаточно показать, что для распоряженія г. Кассо статья 158-ая основаніемъ служить не можетъ. Для ея примѣненія безусловно необходима наличность *чрезвычайныхъ обстоятельствъ*, грозящихъ *важнымъ вредомъ* или *государственнымъ ущербомъ*. Если въ декабрѣ, когда въ высшей школѣ шли или должны были идти полнымъ ходомъ учебныя занятія, когда только что начинались волненія среди учащихся, и былъ — чего мы не признаемъ, — поводъ ссылаться на чрезвычайныя обстоятельства, на опасность отсрочки въ принятіи вызываемыхъ ими мѣръ, то совершенно невозможной подобная ссылка является теперь, во время лѣтнихъ вакацій, за два мѣсяца до начала учебнаго года, при отсутствіи какого бы то ни было periculum in mora. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что осенью обычное теченіе жизни въ женскомъ медицинскомъ институтѣ возстановилось бы само собою и забастовка отошла бы въ область

безобидныхъ воспоминаній... Неприложимымъ къ новому положенію дѣлъ оказывается и самое постановленіе совѣта министровъ. *Безотлагательное* исключеніе нарушителей порядка оно признаетъ нужнымъ какъ средство возобновленія правильныхъ занятій—а теперь занятія прерваны и еще нѣсколько времени должны оставаться прерванными вслѣдствіе наступленія вакаціоннаго времени. Совѣтъ министровъ говоритъ объ исключеніи „тѣхъ изъ учащихся, которые" и т. д.—т.-е. отдѣльныхъ лицъ—а министръ народнаго просвѣщенія исключаетъ сразу болѣе тысячи курсистокъ, изъ числа которыхъ многія, безъ сомнѣнія, ничѣмъ не „обнаруживали нежеланія подчиняться закону" и не посѣщали институтъ по причинамъ, не имѣвшимъ ничего общаго съ забастовкой. Никакихъ свѣдѣній о слушательницахъ, подвергшихся карѣ, министерствомъ предварительно собрано не было [1]); „виновность" была установлена не отдѣльно по отношенію къ каждой изъ нихъ, а en bloc, путемъ простого вычитанія нѣсколькихъ единицъ изъ общей суммы.

Такова формальная сторона вопроса; нужно ли говорить о его существѣ, объ опасности, грозящей дѣлу женскаго образованія, объ оскудѣніи, грозящемъ медицинской профессіи, безъ того уже слишкомъ слабо представленной въ Россіи? Событія прошедшей зимы повлекли за собою поразительное уменьшеніе числа желающихъ поступить въ женскій медицинскій институтъ; о скоромъ пополненіи пробѣла, образовавшагося вслѣдствіе массоваго исключенія слушательницъ, нельзя, слѣдовательно, и думать. Да и можетъ ли быть парализовано дѣйствіе удара, постигшаго заразъ такое громадное число учащихся? Кто возьмется опредѣлить, сколько между ними было лицъ, способныхъ оказать важныя услуги наукѣ или поднять уровень народнаго здоровья?.. Глубокое отвращеніе возбуждаютъ, поэтому, усилія газетныхъ добровольцевъ очернить пострадавшихъ и, тѣмъ самымъ, отстоять правоту власти. Ссылаясь на одинъ, плохо доказанный случай и голословно увѣряя, что аналогичныхъ фактовъ—тысячи, „Новое Время" утверждаетъ, что забастовка „помогла неучащимся курсисткамъ прекрасно устроить свои дѣла въ матеріальномъ отношеніи": забѣгая впередъ, пользуясь тѣмъ, что для студентовъ еще на наступило свободное время, онѣ „смѣло брали на себя обязанности эпидемическихъ врачей". „Легко себѣ представить—восклицаетъ газета,—объектомъ какихъ экспериментовъ становится несчастное населеніе, вынужденное прибѣгать къ ихъ помощи". На чемъ же, однако, основано предположеніе, что не окончившій курса студентъ лучше под-

---

[1]) См. бесѣду и. д. директора женскаго медицинскаго института съ сотрудникомъ „Рѣчи" въ № 192 этой газеты.

готовленъ къ борьбѣ съ эпидеміей, чѣмъ не окончившая курса слушательница медицинскаго института? Все зависитъ здѣсь отъ свойствъ и способностей даннаго лица. Пишущему эти строки хорошо извѣстны случаи, когда курсистки, временно работавшія въ деревнѣ, оставляли по себѣ въ населеніи самую лучшую память. Подвигами учащейся молодежи, безъ различія между женской и мужской, полна, за послѣднюю четверть вѣка, исторія холерныхъ эпидемій. Конечно, замѣна врача неокончившими курса кандидатами въ врачи не можетъ считаться явленіемъ нормальнымъ—но оно объясняется недостаточною численностью нашего медицинскаго персонала, т.-е. такимъ зломъ, устранить которое меньше всего могутъ массовыя увольненія учащихся медицинѣ. Говорить о „маргариновыхъ препаратахъ", которыми „щедро надѣляетъ" Россію женскій медицинскій институтъ, могутъ только тѣ, для кого интересы „начальства" дороже интересовъ народной массы...

Немногимъ лучше положеніе, занятое октябристской печатью. „Г. Кассо—читаемъ мы въ „Голосѣ Москвы"—прибѣгнулъ къ суровой, но законной и логичной мѣрѣ: не желаете учиться — потрудитесь освободить школу... Правительство вступило на правильный путь, оставивъ всякое кокетничанье съ учащейся—вѣрнѣе, не учащейся—молодежью". Восторженнымъ хвалителямъ „суровости" не мѣшало бы вспомнить, къ чему она приводила въ недавнемъ прошломъ. Въ чемъ другомъ, а въ „кокетничаньѣ" съ молодежью наше правительство упрекнуть нельзя. Кромѣ короткихъ, очень короткихъ моментовъ, когда оно пыталось сочетать значительную долю строгости съ гораздо менѣе значительной долей снисходительности, оно постоянно, и въ до-конституціонное, и въ послѣ-конституціонное время, держалось, въ примѣненіи къ высшей школѣ, политики „твердой руки"—и постоянно терпѣло неудачи. Безплодной оказалась, двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, даже такая крайняя мѣра, какъ отдача студентовъ въ солдаты; безплоднымъ было широкое примѣненіе къ „неучащимся" административной высылки, практиковавшееся въ теченіе полувѣка и опять достигшее, въ послѣдніе мѣсяцы, громадныхъ размѣровъ. Послѣднее распоряженіе г. Кассо отличается отъ непосредственно ему предшествовавшихъ только небывалымъ до сихъ поръ количествомъ лицъ, *сразу* постигнутыхъ невзгодой; но если подвести итоги гекатомбамъ, принесеннымъ на почвѣ постановленія 10-го декабря, то получится цифра еще болѣе поразительная. А гдѣ результаты?...

Говоря, пять мѣсяцевъ тому назадъ, о положеніи дѣлъ въ высшей школѣ, мы выразили увѣренность, что возстановленіе правильнаго хода занятій тѣсно связано съ прекращеніемъ дѣйствія чрезвычайныхъ, внѣ-законныхъ мѣръ, принимаемыхъ въ видахъ успокоенія, но

приводящихъ къ прямо противоположнымъ результатамъ. Для насъ совершенно понятно, поэтому, ходатайство совѣта с.-петербургскаго университета объ отмѣнѣ мѣръ, предписанныхъ, въ январѣ нынѣшняго года, совѣтомъ министровъ, и объ ускореніи пересмотра дѣлъ объ уволенныхъ изъ университета студентахъ. Отвѣтъ на это ходатайство на-дняхъ опубликованъ во всеобщее свѣдѣніе. Въ с.-петербургскомъ университетѣ, по словамъ министерства, „попыткамъ насильственнаго проведенія такъ называемой забастовки не было противопоставлено никакихъ заранѣе выработанныхъ учебнымъ начальствомъ мѣръ. Совѣтъ университета только лишній разъ выказалъ свою полную безпомощность въ борьбѣ съ безпорядками, и относительное спокойствіе въ университетѣ, дозволившее возобновить прерванное было чтеніе лекцій, довести весеннее полугодіе до конца и произвести установленныя испытанія, было возстановлено исключительно лишь благодаря мѣропріятіямъ внѣшней полицейской власти, противъ которыхъ возражало университетское начальство, считая закрытіе университета единственнымъ средствомъ для сохраненія порядка". Приведя, затѣмъ, содержаніе ходатайства совѣта, правительственное сообщеніе продолжаетъ: „совершенно, повидимому, не интересуясь необходимой выработкой дѣйствительныхъ мѣръ для установленія надзора за учащимися и предупрежденія безпорядковъ, совѣтъ озабоченъ лишь скорѣйшимъ дозволеніемъ студенческихъ сходокъ и возвращеніемъ въ университетъ лицъ, уволенныхъ за безпорядки. Вслѣдствіе этого, министерство народнаго просвѣщенія, совершенно не усматривая въ ходатайствѣ с.-петербургскаго университета залога правильнаго теченія университетской жизни и опасаясь даже, что его удовлетвореніе привело бы немедленно къ повторенію тѣхъ явленій, которыя позорятъ нашу высшую школу, отклонило это ходатайство за полной его преждевременностью, съ повтореніемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, своего предложенія озаботиться, на случай новыхъ попытокъ къ производству безпорядковъ въ с.-петербургскомъ университетѣ въ предстоящемъ академическомъ году, принятіемъ всѣхъ мѣръ, способныхъ парализовать старанія зачинщиковъ безпорядковъ и забастовокъ, дабы послѣдніе не оказались лишній разъ хозяевами въ университетѣ, гдѣ самоуправленіе даровано учащимъ, но не учащимся".

Насколько это сообщеніе касается прошедшаго, оно не можетъ быть названо точнымъ и полнымъ. Неужели возстановленію „относительнаго спокойствія" въ петербургскомъ университетѣ способствовали только „мѣропріятія внѣшней полицейской власти"? Неужели весеннее полугодіе могло бы быть „доведено до конца" безъ самоотверженныхъ усилій профессоровъ, образующихъ совѣтъ университета? И можно ли

утверждать, что закрытіе, на короткій срокъ, университета — параллельно съ устраненіемъ главныхъ поводовъ къ безпорядкамъ, т. е. съ разрѣшеніемъ студенческихъ собраній и съ предоставленіемъ репрессій исключительно университетскому суду — не оказалось бы самымъ лучшимъ, самымъ дѣйствительнымъ средствомъ умиротворенія учащейся молодежи? Гдѣ основанія для увѣренности, что ходатайство, возбужденное совѣтомъ с.-петербургскаго университета, вызвано „отсутствіемъ интереса къ предупрежденію безпорядковъ"? Развѣ нельзя предположить, на оборотъ, что оно внушено именно такимъ интересомъ? Несомнѣнно только одно: мнѣніе совѣта о средствахъ обезпечить, въ будущемъ учебномъ году, спокойное теченіе занятій существенно расходится съ мнѣніемъ министерства народнаго просвѣщенія. Но развѣ такое разномысліе можетъ быть вмѣнено въ вину совѣту? Развѣ имъ можетъ быть оправдываема угроза, подразумѣваемая въ правительственномъ сообщеніи, открыто высказанная оффиціозной газетой? „Какъ бы тяжка ни была операція оздоровленія высшей школы" — читаемъ мы въ передовой статьѣ „Россіи", — „она необходима, а когда она будетъ произведена, тогда можно говорить и о возвращеніи невинно пострадавшихъ, и о прощеніи раскаявшихся смутьяновъ". И такъ, операція все еще не окончена? Предстоитъ ея продолженіе, можетъ быть ея обостреніе? И на неопредѣленное время откладывается даже актъ простѣйшей справедливости — возвращеніе „*невинно* пострадавшихъ?"...

Дополнительный свѣтъ на настроеніе министерства народнаго просвѣщенія бросаютъ новыя правила о родительскихъ комитетахъ при среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, распубликованныя одновременно съ отвѣтомъ на ходатайство совѣта с.-петербургскаго университета. Читая ихъ, можно подумать, что главная ихъ цѣль—помѣшать образованію родительскихъ комитетовъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ объяснить запрещеніе созывать „выборныя совѣщанія"—т. е. собранія, на которыхъ избираются члены родительскихъ комитетовъ,—позже 15-го сентября? Почему нельзя было продлить этотъ срокъ хотя бы на мѣсяцъ, т. е. выждать возвращенія въ городъ бо̀льшаго числа лицъ, дѣти или родственники которыхъ учатся въ среднихъ школахъ? Это было тѣмъ болѣе необходимо, что для дѣйствительности собранія требуется присутствіе не менѣе двухъ третей всѣхъ постоянно живущихъ въ городѣ родителей и опекуновъ учащихся. Для дѣйствительности вторичнаго собранія, созываемаго въ замѣнъ несостоявшагося вслѣдствіе недостаточнаго числа прибывшихъ членовъ, требуется обыкновенно меньшій процентъ участниковъ; новыя правила и для него установляютъ тотъ же минимумъ (двѣ трети) и тѣмъ значительно уменьшаютъ вѣроятность успѣха выборовъ. Родителей, сознательно слѣдящихъ за

обученіемъ своихъ дѣтей и понимающихъ значеніе родительскаго комитета, не всегда и не вездѣ много; не всѣ, притомъ, свободно располагаютъ своимъ временемъ—и при требованіи двухъ третей даже большинство можетъ быть обречено на бездѣйствіе небрежностью или равнодушіемъ меньшинства. Этого мало: выборы производятся по классамъ, и для дѣйствительности ихъ опять-таки требуется присутствіе двухъ третей родителей или опекуновъ, какъ будто бы интересъ родителей исчерпывался классомъ, гдѣ въ данную минуту находятся ихъ дѣти, какъ будто бы имъ было неизвѣстно положеніе дѣлъ въ классахъ, черезъ которые уже прошли ихъ дѣти, и безразлично положеніе дѣлъ въ классахъ, черезъ которые послѣднимъ предстоитъ пройти. А если выборы членовъ комитета состоятся менѣе, чѣмъ въ двухъ третяхъ всѣхъ классахъ, то комитетъ, на основаніи новыхъ правилъ, вовсе образоваться не можетъ! Затруднено и избраніе предсѣдателя комитета и его замѣстителя, требованіемъ для него *абсолютнаго* большинства голосовъ, нелегко достижимаго въ собраніи, члены котораго мало знакомы между собою. Присутствовать на экзаменахъ и посѣщать уроки могутъ только предсѣдатель комитета и его замѣститель, но не иначе, какъ съ разрѣшенія попечителя. Вѣнцомъ всей этой регламентаціи является послѣдній параграфъ правилъ: „въ случаѣ вреднаго направленія дѣятельности родительскаго комитета попечитель округа немедленно доводитъ объ этомъ до свѣдѣнія министра, которому принадлежитъ право закрыть комитетъ". Что такое „вредное направленіе", какимъ путемъ обнаруживаетъ его попечитель округа, какъ удостовѣряется въ его существованіи министръ—все это остается неизвѣстнымъ. Не ясно ли, что въ глазахъ нынѣшняго вѣдомства народнаго просвѣщенія родительскіе комитеты—печальный остатокъ смутнаго времени, едва терпимое зло, которое желательно свести на нѣтъ или ограничить возможно меньшими размѣрами?

P. S. Наше обозрѣніе было уже сдано въ печать, когда въ газетахъ появилось слѣдующее правительственное сообщеніе.

„Послѣ рождественскихъ вакацій профессорами женскаго медицинскаго института не было возобновлено чтеніе лекцій, а совѣтомъ института не было принято никакихъ мѣръ для возобновленія правильнаго теченія учебной жизни. Когда же совѣту института министерствомъ народнаго просвѣщенія было предложено озаботиться возобновленіемъ занятій, совѣтъ отказался принять какія бы то ни было для этого мѣры, и лишь впослѣдствіи, благодаря настоятельнымъ требованіямъ министерства, занятія въ институтѣ всетаки возобновились 18-го апрѣля и продолжались, при минимальномъ количествѣ слуша-

тельницъ (менѣе 30 изъ общаго числа ихъ), до конца полугодія, продленнаго совѣтомъ института до 15-го іюля. Однако, и тогда нѣкоторая часть профессорскаго состава вовсе не возобновила занятій по своимъ курсамъ. Въ виду того, что профессора института, существующаго главнымъ образомъ на ассигнованія изъ суммъ государственнаго казначейства (139,000 руб.), состоятъ на дѣйствительной государственной службѣ, и что посему подобное отношеніе ихъ къ служебному долгу безусловно недопустимо, министромъ народнаго просвѣщенія предложено начальству спб. учебнаго округа поставить о семъ въ извѣстность всѣхъ членовъ совѣта, на которыхъ возлагалась отвѣтственность за будущее института, а членамъ совѣта, которые не прочитали въ теченіе всего весенняго полугодія, съ января по іюль, ни одной лекціи и не вели клиническихъ занятій, а именно ординарнымъ профессорамъ Левину, Тилле, Хлопину и экстраординарнымъ профессорамъ Чистовичу, Виноградову и Савваитову, предложить теперь же подать прошенія объ отставкѣ, дабы министерство могло освободить ихъ отъ обязанностей, которыя они не пожелали выполнять".

Итакъ, женскому медицинскому институту грозитъ опасность громаднаго уменьшенія не только числа учащихся, но и числа учащихъ. Особенное вниманіе обращаютъ на себя послѣднія слова сообщенія, свидѣтельствующія о томъ, что „пріемъ ироніи," употребленный, какъ мы видѣли, оффиціозомъ, получилъ оффиціальную санкцію: въ газетѣ шла рѣчь объ „освобожденіи" слушательницъ отъ занятій, въ правительственномъ сообщеніи говорится объ „освобожденіи" профессоровъ отъ ихъ обязанностей... Чрезвычайно характерны свѣдѣнія о нѣкоторыхъ изъ числа „освобожденныхъ" профессоровъ, приведенныя въ бесѣдѣ и. о. директора института съ сотрудникомъ „Всеобщей Газеты". Оказывается, что профессора Хлопинъ и Тилле все время считались самыми правыми по направленію. Оба эти профессора — члены медицинскаго совѣта; первый изъ нихъ состоитъ начальникомъ врачебно-санитарной части въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Проф. Чистовичъ состоитъ на службѣ въ военно-медицинской академіи... Недостаткомъ прямолинейности министръ народнаго просвѣщенія, очевидно, не страдаетъ. Самыя экстраординарныя мѣры принимаются имъ даже безъ предварительнаго сношенія съ учрежденіями и лицами, противъ которыхъ онѣ направлены. Ближайшее будущее становится все болѣе и болѣе мрачнымъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Международные кризисы и дипломатія. — Конфликты и волненія изъ-за Марокко.— Французскія ошибки и германскія увлеченія.—Британскія рѣчи и франко-германскіе переговоры.—Балканскія и персидскія дѣла.—Возобновленіе англо-японскаго союза.—

Давно уже не было такого напряженнаго и тревожнаго политическаго настроенія въ Европѣ, какъ въ послѣднее время. Самые жгучіе международные вопросы вновь поставлены на очередь; все рѣзче высказывались воинственныя чувства въ журналистикѣ разныхъ странъ, лихорадочно велись какіе-то таинственные переговоры между кабинетами великихъ державъ, и передовыя культурныя націи серьезно готовились къ возможнымъ событіямъ и катастрофамъ.

Съ трехъ сторонъ угрожала опасность общему миру: на Балканахъ затянувшійся албанскій кризисъ разстроилъ отношенія между Турціею и Черногоріею и вызвалъ военно-политическія замѣшательства, изъ которыхъ дипломатія не нашла еще разумнаго исхода; старые счеты между Франціею и Германіею всплыли наружу и значительно обострились по поводу марокскихъ дѣлъ; наконецъ, неожиданное возвращеніе бывшаго шаха въ Персію создаетъ для насъ крупныя затрудненія въ Азіи.

Разумѣется, всѣ другіе вопросы отступили на задній планъ передъ перспективою франко-германскаго конфликта. Кризисы въ Албаніи и Персіи имѣютъ болѣе мѣстное значеніе и не могутъ особенно волновать Европу, тогда какъ споръ Германіи съ Франціею непосредственно задѣваетъ интересы всего культурнаго міра. Французы соблазнились выгодами фактическаго преобладанія въ Марокко и затѣяли крайне рискованное и сложное предпріятіе, которое пока не приноситъ имъ ничего, кромѣ огорченій и расходовъ; а соперники безжалостно отравляютъ имъ всякій успѣхъ, назойливо предъявляютъ свои требованія и протесты, активно вмѣшиваются въ ходъ событій и періодически возбуждаютъ обостренныя пререканія, дающія публикѣ поводъ безпокоиться за ближайшее будущее. Не возникнетъ ли война изъ-за Марокко? Это мучительное опасеніе постоянно волнуетъ умы съ тѣхъ поръ, какъ выяснился истинный международный характеръ французскаго предпріятія. На первыхъ порахъ французы думали устроить въ Марокко нѣчто въ родѣ протектората, совмѣстно съ Испаніею, и въ этомъ смыслѣ заключенъ былъ съ нею трактатъ 3-го октября 1904 г.,

съ согласія и одобренія Англіи; но вмѣшалась Германія—и территоріальная неприкосновенность Марокко подъ властью султана была признана тринадцатью державами, подписавшими соотвѣтственный дипломатическій актъ въ Алжесирасѣ 8-го апрѣля 1906 г. За Франціею и Испаніею оставлено только право участвовать въ мѣрахъ по обезпеченію безопасности страны и, въ случаѣ надобности, держать съ этою цѣлью свои военно-полицейскіе отряды въ опредѣленныхъ пунктахъ, для охраны жизни и имущества своихъ подданныхъ, по соглашенію съ султаномъ. Франція заручилась тогда дружбою и расположеніемъ султана и стала дѣйствовать въ Марокко отъ его имени; по приглашенію Мулай-Гафида она освободила Фецъ отъ осаждавшихъ его кабиловъ и заняла городъ своими войсками. Такъ какъ султанъ не располагаетъ достаточными силами и средствами для охраненія порядка и безопасности въ странѣ, онъ по необходимости принимаетъ услуги такихъ могущественныхъ и богатыхъ союзниковъ и покровителей, какъ французы. Съ своей стороны, Испанія, заинтересованная ближайшимъ образомъ въ судьбѣ Марокко не только по соображеніямъ географическаго сосѣдства, но и по давнимъ политическимъ и торгово-промышленнымъ связямъ, считаетъ своимъ долгомъ не отставать отъ Франціи въ заботахъ о благополучіи марокककской имперіи, и тотчасъ послѣ оккупаціи Феца французами посланы были испанскія войска для занятія порта Лараша и города Эль-Ксара, въ восточной части Марокко. Французы негодовали по поводу такого коварнаго вмѣшательства Испаніи; вліятельныя парижскія газеты, въ томъ числѣ и „Temps", доказывали, что испанцы поступили незаконно, что они не имѣли ни формальнаго, ни нравственнаго права занимать какую-либо часть владѣній султана. Полемика противъ недавнихъ друзей и союзниковъ принимала отчасти непріязненный и злобный оттѣнокъ; французскіе патріоты не стѣснялись въ отзывахъ о слабосильномъ сосѣднемъ государствѣ, вздумавшемъ соперничать съ Франціею; взаимное раздраженіе проявлялось нерѣдко въ крупныхъ инцидентахъ и столкновеніяхъ на мѣстѣ между представителями обѣихъ національностей. Испанскіе отряды не допускали французовъ въ предѣлы занятой ими мѣстности и задерживали даже офицеровъ и консульскихъ агентовъ Франціи, послѣ чего мадридское правительство, конечно, представляло свои извиненія; дипломатическіе конфликты кое-какъ улаживались, но тонъ газетной полемики не понижался. Неожиданно, въ самый разгаръ этихъ споровъ, появляется германское военное судно въ гавани Агадиръ, значительно южнѣе Лараша — подъ предлогомъ защиты германскихъ подданныхъ, двухъ представителей фирмы Маннесманъ, которыхъ, впрочемъ, никто не обижалъ. Этотъ шагъ Германіи напомнилъ французамъ, что испанцы

не находятся въ одиночествѣ, что за ними стоятъ болѣе крупные претенденты и что формальными доводами нельзя отдѣлаться отъ предъявленныхъ притязаній. Присутствіе германской канонерки въ марокскихъ водахъ было краснорѣчивымъ доказательствомъ того, что Германія желаетъ имѣть свою долю участія въ дѣлахъ Марокко и что она несогласна предоставить французамъ распоряжаться въ этой странѣ, хотя бы по приглашенію и отъ имени султана.

По внѣшнимъ признакамъ слѣдовало заключить, что дипломатіей молчаливо поставленъ теперь вопросъ о раздѣлѣ и прочной оккупаціи Марокко, и что каждая изъ заинтересованныхъ державъ уже намѣтила свою долю добычи. Французскіе дипломаты и публицисты продолжаютъ упорно отстаивать формальную правоту и безкорыстіе Франціи. Французы дѣйствуютъ въ Марокко не иначе, какъ съ согласія и по уполномочію султана, авторитетъ и независимость котораго признаны существующими международными договорами, подписанными и Испаніею, и Германіею. Французы берутъ на себя скромную роль союзниковъ и помощниковъ Мулай-Гафида: они не претендуютъ ни на какую часть его территоріи и заботятся лишь о водвореніи порядка въ ея предѣлахъ—тогда какъ Испанія заняла извѣстные пункты не только безъ вѣдома и согласія султана, но и вопреки прямымъ протестамъ его представителя въ Танжерѣ, а Германія прислала военный корабль къ берегамъ Марокко также безъ предварительныхъ сношеній съ мѣстною властью. Такимъ образомъ, французы въ точности соблюдали принципъ неприкосновенности правъ шерифа и ни въ чемъ не нарушали постановленій алжесирасскаго акта, а испанцы, какъ и нѣмцы, совершенно забывали о султанѣ. Въ оффиціозномъ „Temps“ нѣсколько разъ помѣщались полемическія статьи противъ соперниковъ, подъ заглавіемъ: „А султанъ?“ или „Забытый султанъ“.

Нечего и говорить, что этотъ способъ разсужденія ужъ слишкомъ простъ. Кто же повѣритъ, что французское правительство жертвуетъ людьми и деньгами на оккупацію Марокко изъ одного уваженія къ авторитету и законнымъ правамъ Мулай-Гафида? Для дѣятелей республики было бы слишкомъ странно хлопотать о правахъ и интересахъ марокскаго шерифа и ссориться изъ-за нихъ съ культурными европейскими націями. Каждый понимаетъ, что ссылки на независимость и авторитетъ султана—только пустыя слова или условныя дипломатическія отговорки, которымъ нельзя придавать никакого реальнаго значенія. Въ дѣйствительности марокскій шерифъ потерялъ всякій авторитетъ въ глазахъ туземнаго населенія съ тѣхъ поръ, какъ онъ обратился къ французамъ за помощью противъ непокорныхъ мѣстнымъ племенъ. О независимости не можетъ быть и рѣчи, когда и военная поддержка, и финансовыя средства получаются отъ ино-

земцевъ. Мулай-Гафидъ не можетъ уже обойтись безъ французскаго покровительства; французскія войска не могутъ удалиться изъ Марокко, потому что съ удаленіемъ ихъ водворилась бы анархія и европейскіе пришельцы подверглись бы опасности погрома или истребленія. Если-же временная оккупація поневолѣ превращается въ постоянную или долгосрочную, то номинально независимое государство становится фактически зависимымъ или вассальнымъ, и на дѣлѣ устанавливается нѣчто въ родѣ протектората, всѣ выгоды котораго достаются державѣ-покровительницѣ. Сами французы не отрицаютъ, что такое именно положеніе является неизбѣжнымъ для Марокко. Зачѣмъ же замалчивать этотъ естественный ходъ вещей и прикрывать его фразами о неприкосновенности правъ султана? Оказывается, что испанцы совершенно вѣрно истолковали смыслъ французскихъ военныхъ дѣйствій въ предѣлахъ Марокко, придавъ имъ значеніе оккупаціи, срокъ которой не можетъ быть опредѣленъ въ точности; поэтому они, въ видѣ противовѣса, рѣшились занять часть территоріи, которая въ силу договора 3-го октября 1904-го года подлежитъ испанскому вліянію. Въ этомъ договорѣ обозначены границы двухъ „зонъ" — французской и испанской; что же удивительнаго въ томъ, что испанцы вздумали водвориться въ предѣлахъ своей предположенной „зоны", не заботясь о формальныхъ основаніяхъ такого рѣшенія? Вѣдь и французская оккупація не предусмотрѣна ни договоромъ 1904-го года, ни алжесирасскимъ актомъ 8 апрѣля 1906 г. Какъ бы то ни было, чисто формальные доводы французскихъ публицистовъ представлялись мало убѣдительными по существу и не могли повліять на рѣшенія и намѣренія заинтересованныхъ государствъ.

Съ другой стороны, образъ дѣйствій Германіи вызывалъ справедливые упреки и недоумѣнія. Берлинскій кабинетъ имѣлъ много поводовъ и случаевъ откровенно высказывать свои взгляды и формулировать свои требованія по марокскому вопросу. Въ февралѣ 1909-го года германское правительство, послѣ долгихъ переговоровъ, заключило съ Франціею сдѣлку, въ силу которой французамъ предоставлялась свобода дѣйствій въ охранѣ ихъ политическихъ интересовъ и въ упроченіи внутренняго мира и порядка, подъ условіемъ отказа отъ всякихъ экономическихъ привилегій для отдѣльныхъ націй и съ обязательствомъ поддерживать промышленные и торговые интересы нѣмцевъ, какъ и прочихъ иностранцевъ. Французы обязывались, между прочимъ, привлекать нѣмцевъ къ участію въ тѣхъ предпріятіяхъ, которыя могутъ имъ достаться, и этотъ принципъ устройства международныхъ промышленныхъ ассоціацій примѣнялся не только въ Марокко, но и въ французскомъ Конго. Соглашеніе 8-го февраля 1909-го года вполнѣ отчетливо опредѣляетъ марокскіе интересы Германіи, какъ исклю-

чительно экономическіе, и въ то же время признаетъ, что Франція имѣетъ въ Морокко „особые политическіе интересы, тѣсно связанные съ упроченіемъ порядка и внутренняго мира, которымъ германское правительство не будетъ препятствовать". Если берлинская дипломатія съ тѣхъ поръ измѣнила свои воззрѣнія, то ничто не мѣшало ей сообщить объ этой перемѣнѣ въ обычной корректной формѣ и вступить въ соотвѣтственные переговоры, чтобы устроить новое соглашеніе взамѣнъ прежняго; но послать военное судно въ открытый мирный портъ, съ явною цѣлью угрозы или демонстраціи, безъ всякихъ предварительныхъ переговоровъ—значило прямо дѣлать кому-то вызовъ, намекать на примѣненіе силы, указывать на оружіе въ подкрѣпленіе своихъ требованій. А требованія были пока неизвѣстны; ихъ еще не было, и вызовъ былъ по меньшей мѣрѣ преждевременный. Всякое заявленіе Германіи и безъ того выслушивается съ достаточнымъ вниманіемъ, и въ Берлинѣ, конечно, не могли сомнѣваться въ томъ, что голосъ германской дипломатіи будетъ выслушанъ съ подобающимъ уваженіемъ, хотя бы онъ не сопровождался никакими угрожающими жестами. Простое дипломатическое заявленіе или предложеніе могло бы послужить началомъ обоюдныхъ кабинетныхъ совѣщаній и привело бы къ извѣстнымъ практическимъ результатамъ, не возбудивъ никакого шума и не затронувъ чужихъ патріотическихъ чувствъ и интересовъ. Переговоры могутъ идти болѣе или менѣе успѣшно, содержаніе ихъ можетъ измѣняться, они могутъ даже быть отложены на нѣкоторое время безъ всякаго ущерба для общаго спокойствія и мира,—между тѣмъ какъ посылка военнаго судна въ беззащитный пунктъ спорной территоріи есть уже дѣйствіе, ставящее на карту вопросы чувствительнаго національнаго самолюбія и международнаго соперничества. Отправивъ хотя бы ничтожную канонерку въ Агадиръ, Германія сразу и безъ малѣйшей къ тому надобности заняла воинственную позицію, затрудняющую ея свободу дѣйствій; она не можетъ отозвать свое судно по требованію другихъ державъ, ибо это противорѣчило бы ея достоинству и правиламъ военной чести; она должна поневолѣ проявить нѣкоторую послѣдовательность и твердость до конца, не думая о послѣдствіяхъ. А послѣдствія могутъ уже не зависѣть отъ доброй воли Германіи. Легко предположить, что британское правительство, въ отвѣтъ на посылку германскаго судна въ Агадиръ, послало бы туда пару своихъ броненосцевъ. Это не было бы нисколько враждебнымъ актомъ относительно Германіи; съ формальной стороны это было бы дѣйствіе вполнѣ правильное и цѣлесообразное, но въ какое положеніе оно поставило бы Германію? Въ концѣ концовъ нѣмцамъ пришлось бы убрать свою канонерку, но внѣшнему авторитету Германіи нанесенъ былъ бы

страшный ударъ, котораго она долго не могла бы забыть. Нужно ли, полезно ли для берлинской политики рисковать въ такой мѣрѣ репутаціею и жизненными интересами германской имперіи?

Къ сожалѣнію, въ современной Германіи еще крѣпко держатся традиціи „желѣзнаго канцлера", и значительная часть общественнаго мнѣнія съ патріотическимъ восторгомъ встрѣтила „мужественный" шагъ правительства относительно Марокко. Въ нѣмецкой печати, не только консервативной, но и либеральной, стали раздаваться возгласы и рѣчи, какихъ нельзя было ожидать по поводу посылки небольшого военнаго судна въ марокккскія воды. Старые, почтенные публицисты, ученые и парламентскіе дѣятели, сотрудники популярныхъ газетъ и журналовъ, заговорили вдругъ такимъ языкомъ, точно Германія проснулась отъ долгой спячки и возстала во всемъ блескѣ своего могущества, готовясь къ великимъ подвигамъ. Нація, въ лицѣ своего правительства, громко и твердо заявила свое право руководящаго участія во всѣхъ международныхъ дѣлахъ и вопросахъ, гдѣ бы они ни возникали, и это есть будто бы новый фактъ, наполняющій гордостью сердца нѣмецкихъ патріотовъ. Нѣкоторые доходили до утвержденія, что Германія, съ ея трехмилліонною арміею, имѣетъ полную возможность диктовать Франціи свою волю и что пора уже проникнуться этимъ сознаніемъ и начать дѣйствовать въ этомъ духѣ. Странныя патріотическія похвальбы вытекали отчасти изъ недоразумѣнія: многіе смѣшиваютъ силу и величіе съ грубостью. Показывать сосѣду, ни съ того, ни съ сего, бронированный кулакъ и грозить имъ въ пространство, послѣ мирныхъ бесѣдъ и наканунѣ дружескихъ совѣщаній—это проявленіе грубости, а не сознательной культурной силы. Нѣмцы привѣтствуютъ грубый, некорректный и рискованный поступокъ, принимая его за актъ политическаго могущества. Грубые пріемы политики сохранились отъ временъ Бисмарка, но внутренній смыслъ, практическая расчетливость и глубокое національное содержаніе бисмарковской дипломатіи ускользнули отъ пониманія новѣйшихъ поклонниковъ и подражателей „желѣзнаго канцлера".

Самообольщеніе нѣмецкихъ патріотовъ, впрочемъ, продолжалось недолго. Диктовать волю французамъ, при помощи канонерки въ Агадирѣ, не пришлось, такъ какъ Англія дала понять, что будетъ дѣйствовать, въ случаѣ надобности, заодно съ Франціею. А съ британскимъ флотомъ пока еще рано состязаться Германіи. Англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, сэръ Эдуардъ Грей, своевременно довелъ до свѣдѣнія германскаго правительства, что Англія не считаетъ законнымъ и согласнымъ съ международными трактатами пребываніе германскаго военнаго судна въ гавани Агадира. Германія приняла это сообщеніе къ свѣдѣнію, но не сдѣлала изъ него никакого прак-

тическаго вывода. Въ британскомъ парламентѣ, 6-го іюля (нов. ст.), премьеръ Асквитъ, въ отвѣтъ на запросъ Бальфура, заявилъ, что „въ Марокко создалось новое положеніе, при которомъ британскіе интересы могутъ быть затронуты болѣе непосредственно, чѣмъ это было до сихъ поръ“, и что при предстоящемъ дипломатическомъ обсужденіи Англія должна будетъ имѣть въ виду „какъ охрану этихъ интересовъ, такъ и исполненіе договорныхъ обязательствъ по отношенію къ Франціи“. Несмотря на это краснорѣчивое и категорическое предупрежденіе, германская дипломатія ни въ чемъ не измѣняла своей тактики, и только вмѣсто канонерской лодки въ Агадирѣ появился крейсеръ. Одинъ изъ наиболѣе выдающихся членовъ кабинета, Ллойдъ-Джорджъ, убѣжденный сторонникъ миролюбія въ международныхъ отношеніяхъ, произнесъ, затѣмъ, обстоятельную политическую рѣчь на банкетѣ лордъ-мэра, данномъ 21-го іюля въ честь лондонскихъ банкировъ. Онъ не называлъ ни Германіи, ни Франціи, но сдѣлалъ яркую характеристику тѣхъ условій и задачъ, которыя могутъ даже мирную Англію заставить взяться за оружіе. „Для высшихъ и важнѣйшихъ интересовъ не только этой страны, но и всего міра,—говорилъ онъ, между прочимъ,—необходимо, чтобы Британія при всѣхъ случайностяхъ сохраняла свое мѣсто и свой престижъ между великими державами міра. Ея могущественное вліяніе долго было въ прошедшемъ и будетъ еще вѣроятно въ будущемъ незамѣнимымъ для дѣла человѣческой свободы. Оно неоднократно способствовало избавленію континентальныхъ націй отъ подавляющихъ бѣдствій и даже отъ національной гибели, и эта услуга слишкомъ часто забывается. Мы готовы на великія жертвы для сохраненія мира; ничто не оправдывало бы нарушенія международной доброжелательности, кромѣ развѣ вопросовъ крупнѣйшаго національнаго значенія. Еслибы намъ навязано было положеніе, при которомъ миръ могъ бы быть сохраненъ только отказомъ отъ великой и благодѣтельной роли, принадлежащей Британіи послѣ вѣковыхъ усилій героизма и усовершенствованія, и еслибы тамъ, гдѣ затронуты ея жизненные интересы, стали смотрѣть на Британію свысока, какъ будто въ совѣтѣ націй она не принимается уже въ расчетъ, то скажу рѣшительно, что миръ на такихъ основаніяхъ и достигнутый такою цѣною былъ бы невыносимымъ униженіемъ, котораго не стерпѣла бы великая страна, какъ наша. Національная честь не составляетъ партійнаго вопроса. Безопасность нашей великой международной торговли—не партійный вопросъ. Миръ народовъ вѣрнѣе всего будетъ обезпеченъ, если всѣ націи установятъ по справедливости, каковы должны быть условія общаго мира. И дѣйствительно, народы начинаютъ лучше понимать другъ друга, болѣе основательно оцѣнивать чужіе взгляды и точки

зрѣнія, проявлять больше готовности спокойно и безстрастно обсуждать свои разногласія. И потому я увѣренъ, что въ теченіе предстоящаго года ничего не случится такого, что̀ помѣшаетъ канцлеру казначейства на этомъ же мѣстѣ спокойно отвѣтить на обычный тостъ лорда-мэра за продолжающійся ростъ общественнаго благосостоянія". Наконецъ, спеціально о мароккскомъ кризисѣ высказался вновь глава кабинета, въ засѣданіи палаты общинъ 27-го іюля. „Очевидно,—сказалъ Асквитъ, — этотъ вопросъ о Марокко дошелъ до такого пункта, когда онъ становится все болѣе затруднительнымъ и долженъ вызывать тревогу, если не найдено будетъ рѣшеніе. Между Франціею и Германію происходятъ въ настоящее время собесѣдованія, въ которыхъ мы не участвуемъ. Они касаются предмета, который можетъ не затрагивать британскихъ интересовъ. Мы не можемъ высказывать о нихъ опредѣленное сужденіе прежде, чѣмъ мы узнаемъ ихъ результатъ. Но мы желаемъ, чтобы эти бесѣды привели къ рѣшенію достойному и удовлетворительному для обѣихъ сторонъ,— къ рѣшенію, которое ни въ чемъ не нарушило бы британскихъ интересовъ. Въ самомъ Марокко вопросъ представляетъ массу затрудненій, но внѣ Марокко, въ другихъ мѣстахъ африканскаго запада, мы не думали бы вмѣшиваться въ территоріальныя соглашенія, признаваемыя разумными тѣми, которые ближе всего въ нихъ заинтересованы. Сообщенія о томъ, что мы вмѣшивались въ франко-германскіе переговоры или пытались вліять на нихъ — это вредныя басни; въ нихъ нѣтъ и тѣни основанія. Мы полагали справедливымъ съ самаго начала установить для общаго свѣдѣнія, что если не достигнуто будетъ рѣшеніе, соотвѣтствующее намѣченнымъ пожеланіямъ, мы сочтемъ себя обязанными принять активное участіе въ обсужденіи вопроса. Это будетъ нашъ долгъ, какъ подписавшихъ алжесирасскій актъ, и это можетъ быть нашимъ обязательствомъ въ виду соглашенія 1904 года съ Франціей; это можетъ также оказаться нашимъ долгомъ для защиты британскихъ интересовъ, которые могли бы быть непосредственно задѣты дальнѣйшими событіями. Въ извѣстные моменты мы не были увѣрены, что это понято какъ слѣдуетъ, но теперь мы знаемъ положительно, что недоразумѣній нѣтъ. Заявленіе, которое я сдѣлалъ здѣсь же болѣе трехъ недѣль тому назадъ, и рѣчь, произнесенная потомъ канцлеромъ казначейства въ другомъ мѣстѣ, уяснили, кажется, съ достаточною опредѣленностью, что мы не требуемъ для себя ни преобладанія, ни привилегированнаго положенія, а претендуемъ лишь на положеніе стороны заинтересованной въ могущихъ произойти событіяхъ, заинтересованной въ разрѣшеніи настоящаго кризиса. По нашему мнѣнію, было бы большою ошибкою предоставить событіямъ идти безпрепятственно и допустить, чтобы подтвержденіе интересовъ,

которые мы тамъ имѣемъ, вызвало удивленіе и неудовольствіе въ тотъ именно моментъ, когда это подтвержденіе сдѣлалось бы уже какъ нельзя болѣе настоятельнымъ и необходимымъ. Я думаю, что мы предупредили эту возможность. Мы сильно желаемъ, чтобы происходящіе переговоры имѣли благополучный конецъ, и въ интересахъ общей пользы я могу только просить палату не вдаваться въ обсужденіе предметовъ спора". Рѣчь Асквита была единодушно одобрена всѣми партіями парламента. Вождь оппозиціи Бальфуръ заявилъ, что „строго обдуманная и осторожная декларація премьера не требуетъ ни комментаріевъ, ни критики". „Разногласія между англійскими политическими партіями—продолжалъ онъ,—не нарушаютъ общаго согласія, когда дѣло идетъ объ интересахъ страны. Если кто-нибудь предполагаетъ, что насъ можно вычеркнуть изъ карты Европы, потому что мы переживаемъ внутреннія затрудненія, то онъ совершенно ошибается относительно чувствъ англійскаго народа и парламентской оппозиціи". Ораторъ рабочей партіи, Рамзай Макдональдъ, указалъ на серьезность сообщенія премьера и повторилъ, при общихъ рукоплесканіяхъ палаты, что иностранныя націи не должны ни въ какомъ случаѣ расчитывать на ослабленіе британскаго духа и національнаго единства подъ вліяніемъ внутреннихъ несогласій. „Взгляды рабочей партіи извѣстны,—прибавилъ онъ:—англійская партія труда, вмѣстѣ съ рабочими партіями Франціи и Германіи, будетъ до послѣдняго момента употреблять всѣ усилія для сохраненія мира".

Внушительныя британскія рѣчи заставили германскую дипломатію отказаться отъ предъявленія какихъ-либо спеціальныхъ требованій и притязаній относительно Марокко. Вмѣсто марокскихъ дѣлъ заговорили о „компенсаціи" въ другомъ мѣстѣ, объ исправленіи или округленіи германскихъ колоніальныхъ владѣній въ западной Африкѣ, въ сосѣдствѣ съ французскою областью Конго. За что предполагается компенсація? Очевидно, за отказъ отъ участія въ раздѣлѣ ожидаемой добычи въ Марокко и за предоставленіе этой страны въ распоряженіе Франціи. Но, какъ видно изъ британскихъ заявленій, Англія рѣшила не допустить занятія какой-либо части марокской территоріи нѣмцами, и слѣдовательно французы не имѣютъ повода вознаграждать Германію за вынужденное отреченіе отъ предпріятія, оказавшагося для нея недоступнымъ.

Переговоры приняли крайне странное направленіе. Берлинскій кабинетъ надѣется получить отъ Франціи какія-то территоріальныя уступки взамѣнъ обѣщанія перестать безпокоить ее по поводу Марокко,—и правительство французской республики какъ будто соглашается на этотъ удивительный торгъ, чтобы избавиться отъ тяжелыхъ и опасныхъ придирокъ могущественной сосѣдки. Другими сло-

вами, Германія откровенно требуетъ „отступнаго“, и Франція готова удовлетворить это поразительное по цинизму требованіе. Но Германія разъ уже получила крупныя экономическія выгоды за свой отказъ отъ политическихъ интересовъ въ Марокко, и эта сдѣлка закрѣплена февральскимъ соглашеніемъ 1909-го года, не потерявшимъ еще своей законной силы. Какъ же понять теперь вторичное требованіе компенсаціи за тотъ же отказъ отъ вмѣшательства въ политическія дѣла Марокко? Неужели достаточно послать куда-нибудь ничтожное военное судно, чтобы пріобрѣсть право не считаться съ существующими договорами и заявлять притязаніе на добычу, на правахъ побѣдителя? И гдѣ гарантія, что на этотъ разъ германская дипломатія добросовѣстно исполнитъ свое обязательство и дѣйствительно перестанетъ придумывать новые поводы для споровъ и конфликтовъ съ Франціею?

Было бы крайне печально, еслибы этотъ новый видъ пріобрѣтательной политики имѣлъ успѣхъ и утвердился въ современной Европѣ, благодаря безцеремонной смѣлости однихъ и робкой уступчивости другихъ. По всей вѣроятности, берлинскимъ дипломатамъ нуженъ только приличный выходъ изъ затрудненія, созданнаго необдуманною посылкою военнаго судна въ Агадиръ. Очень можетъ быть, что совѣщанія французскаго посла Камбона съ германскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, Кидерленъ-Вехтеромъ, въ Берлинѣ, какъ и бесѣды германскаго посла фонъ-Шена съ министромъ де-Сельвомъ въ Парижѣ, приведутъ къ компромиссу, одинаково безобидному для обѣихъ сторонъ.

Мучительныя волненія въ Албаніи, связанныя съ непосильными тягостями для пограничной Черногоріи, уже нѣсколько разъ казались близкими къ благополучной развязкѣ, но затѣмъ опять возобновлялись съ прежнею силою, вслѣдствіе упорнаго нежеланія военной турецкой партіи сдѣлать необходимыя и въ сущности безразличныя для Порты уступки. Въ послѣднее время мирные переговоры съ возставшими дѣятельно велись турецкимъ посланникомъ въ Цетинье, при постоянномъ личномъ содѣйствіи и посредничествѣ короля Николая; центромъ этой трудной дипломатической работы служила Подгорица, гдѣ находились и представители непокорныхъ, бѣдствующихъ малиссоровъ. Послѣ долгихъ хлопотъ и усилій были выработаны и приняты турецкимъ правительствомъ такія основы соглашенія, противъ которыхъ трудно что-нибудь возразить по существу съ точки зрѣнія албанцевъ; единственнымъ матеріаломъ для сомнѣній и критики остается лишь вопросъ о степени довѣрія къ турецкимъ властямъ, отъ которыхъ будетъ зависѣть исполненіе данныхъ обѣщаній. А обѣщанія даны довольно широкія и щедрыя, въ двѣнадцати пунктахъ, и 20-го

іюля (2 авг.) они были оффиціально сообщены албанскимъ уполномоченнымъ. Порта предлагаетъ малиссорамъ: амнистію повстанцамъ, вернувшимся на родину; отбываніе воинской повинности въ предѣлахъ Албаніи; замѣщеніе должностей мѣстныхъ чиновниковъ албанцами; сложеніе недоимокъ; освобожденіе отъ всякихъ налоговъ въ теченіе двухлѣтняго срока; разрѣшеніе носить оружіе; устройство школъ на счетъ казны; проведеніе дорогъ въ области малиссоровъ; возстановленіе разрушенныхъ жилищъ и церквей; денежное пособіе пострадавшимъ семьямъ; сверхъ того, предполагается выдать каждому малиссору при возвращеніи на родину по одному фунту и ежедневно выдавать по полукилограмму маиса каждому ѣдоку до будущей жатвы. Уже изъ этихъ предложеній можно видѣть, что турки серьезно желаютъ не только наружнаго успокоенія, но и внутренняго удовлетворенія албанцевъ, и что близорукая жажда возмездія и суровой расправы уступила мѣсто соображеніямъ разумной государственной расчетливости и дальновидности.

Что касается Персіи, то происходящія въ ней событія представляются еще пока неясными; видно только одно—что хроническіе безпорядки и замѣшательства, при отсутствіи всякаго плана и единства въ управленіи, позволили бывшему шаху Мухамеду-Али предпринять экспедицію съ цѣлью возстановленія своей власти при помощи вооруженнаго сброда, преимущественно изъ туркменъ и курдовъ. Говорили, что Мухамедъ-Али, имѣвшій пребываніе въ Одессѣ, выѣхалъ съ семействомъ за границу для леченія и находился будто-бы въ послѣднее время въ Маріенбадѣ; но въ дѣйствительности онъ подъ чужимъ именемъ, съ подложнымъ паспортомъ и съ фальшивой бородой, проѣхалъ до Баку, а оттуда успѣлъ нанять за дорогую цѣну русскій пароходъ, который доставилъ его въ Гумешъ-Тепе, близъ Астрабада. Какъ не замѣтили этого таинственнаго и притомъ весьма выдающагося путешественника русскія власти—понять трудно.

Иностранная печать подозрѣваетъ русское правительство или, вѣрнѣе, мѣстную русскую администрацію въ секретномъ содѣйствіи планамъ Мухамеда-Али. Подозрѣніе это представляется мало правдоподобныхъ уже потому, что бывшій шахъ потерялъ право на довѣріе даже среди самыхъ реакціонныхъ элементовъ русскаго общества и возстановилъ противъ себя одинаково всѣ партіи своими неоднократными вѣроломствами, клятвопреступленіями и жестокостями. Возвращеніе его въ Персію не могло считаться полезнымъ и желательнымъ ни для Россіи, ни для какой-либо другой державы: оно предвѣщаетъ лишь хроническія междоусобія, наиболѣе пагубныя для европейскихъ поселенцевъ и для интересовъ торговли и промышленности. Притомъ оффиціально установлено, что наше правительство нѣ-

сколько разъ обращалось къ Мухамеду-Али съ совѣтами воздержаться отъ участія въ интригахъ, направленныхъ противъ существующаго строя въ Персіи, такъ какъ въ противномъ случаѣ онъ будетъ лишенъ получаемой имъ значительной ежегодной пенсіи. Послѣ того какъ Мухамедъ-Али успѣлъ завладѣть Астрабадомъ и вторгнуться съ своими отрядами внутрь страны, представители Россіи и Англіи въ Тегеранѣ сообщили персидскому правительству, что обѣ державы останутся вполнѣ нейтральными по отношенію къ дальнѣйшему ходу событій, относящихся уже всецѣло къ сферѣ внутреннихъ дѣлъ Персіи. Попытка бывшаго шаха отнять престолъ у своего малолѣтняго сына едва ли можетъ вызывать сочувствіе въ какомъ-либо классѣ туземнаго населенія, еслибы даже его личная репутація не была столь печальна; но повсюду имѣются толпы хищниковъ, готовыхъ прикрыть свои вождѣленія какимъ-нибудь громкимъ именемъ или знаменемъ—и эти элементы настолько еще сильны и живучи въ Персіи, что успѣхъ поддерживаемаго ими претендента не выходитъ изъ предѣловъ возможнаго.

При пересмотрѣ союзнаго трактата между Англіею и Японіею въ текстъ его внесена была весьма важная поправка, имѣющая особенное значеніе для Соединенныхъ Штатовъ. Установленное договоромъ обязательство каждой изъ союзныхъ державъ выступить въ защиту другой въ случаѣ посторонняго нападенія отпадаетъ относительно тѣхъ государствъ, съ которыми Англія (или Японія) заключила договоръ о всеобщемъ арбитражѣ. Такъ какъ Англія связана подобнымъ договоромъ съ Соединенными Штатами, то она не можетъ участвовать въ войнѣ японцевъ съ американской республикою, и англичане, какъ и американцы, избавляются отъ непріятной перспективы вооруженнаго столкновенія въ зависимости отъ случайностей, касающихся одной Японіи. Новый союзный трактатъ теряетъ, такимъ образомъ, значительную долю своей дѣйствительной силы. Онъ подписанъ 13-го іюля и заключенъ на десятилѣтній срокъ.

РУДОЛЬФЪ ГАНСЪ БАРЧЪ

Австрія начала давать свой вкладъ въ нѣмецкую литературу всего только съ начала прошлаго столѣтія. Раньше, со временъ реформаціи до Іосифа II-го, страна томилась подъ гнетомъ іезуитовъ, съумѣвшихъ

захватить въ свои руки воспитаніе ея императоровъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, все управленіе. Они низвергли матеріальное благосостояніе и умственное развитіе Австріи съ высоты, на которой она находилась во время успѣховъ протестантизма, и, такимъ образомъ, являются виновниками ея нравственнаго и матеріальнаго упадка. Въ то время, когда въ Германіи литература процвѣтала и развивалась, въ Австріи печатались почти исключительно молитвенники, кухонныя книги, толкователи сновъ и исповѣдные листки. Въ первой половинѣ XIX-го вѣка выступили на сцену Грильпацеръ, Анастазіусъ Грюнъ (Ауэрспергъ), Ленау; но только революція 1848 г. пробудила въ Австріи народную жизнь. Въ послѣднее время Австрія выдвинула двухъ лучшихъ народныхъ поэтовъ, двухъ настоящихъ знатоковъ деревни, глубоко чувствовавшихъ ея нужды, горести и радости: Розеггера и Анценгрубера.

Не только въ Австріи, но и вообще въ Германіи, писатели, точно уставъ рисовать одни сложные типы и жизненныя условія, обратились къ болѣе узкому, но еще не исчерпанному кругу провинціальнаго города и деревни, изображая ихъ безъ прежней идеализаціи, относясь къ нимъ болѣе реально и трезво. Своеобразныя условія провинціальной жизни въ Австріи, разнообразіе народонаселенія, необыкновенная живописность природы, отсутствіе оффиціально-одобренныхъ взглядовъ на вещи—все это способствуетъ развитію талантовъ, какихъ появилось немало въ послѣднее десятилѣтіе.

Среди молодыхъ австрійскихъ писателей самымъ крупнымъ и своеобразнымъ талантомъ безусловно является Рудольфъ Гансъ Барчъ. Онъ родился въ Грацѣ, въ 1873 г.; воспитывался въ военной обстановкѣ. Въ одномъ изъ дѣйствующихъ лицъ своего романа: „Дѣти Гайндля“ („Haindlkinder“), Мэдартусѣ Хиргейстѣ, который передъ выпускнымъ экзаменомъ бѣжитъ изъ школы и дѣлается бродягой изъ любви къ свободѣ, изъ стремленія къ ближайшему общенію съ природой, Барчъ изобразилъ тѣ чувства, которыя волновали его молодую душу, томившуюся подъ строгой дисциплиной. По выходѣ изъ военнаго училища, онъ съѣздилъ въ Италію, затѣмъ нѣкоторое время посѣщалъ университетъ, что развило въ немъ склонность къ занятію историческими вопросами и вмѣстѣ съ тѣмъ позволило ему всесторонне изучить австрійскаго студента.

Послѣ производства въ офицеры, Барчъ долженъ былъ служить въ провинціи. Однообразное обученіе новобранцевъ и вся окружающая обстановка такъ его томили, что онъ, недолго думая, испросилъ аудіенцію у императора Франца-Іосифа и просилъ опредѣлить его къ такому дѣлу, которое дало бы ему возможность заниматься далѣе наукой и искусствомъ. Просьба его была исполнена; онъ былъ причисленъ къ военному архиву въ Вѣнѣ.

Первой попыткой литературнаго труда молодого офицера былъ сборникъ пѣсенъ и лирическихъ стихотвореній, изданный имъ на собственный счетъ и анонимно. Стихи эти прошли совершенно незамѣченными. Не больше успѣха имѣли и его драмы; тогда онъ обратился къ роману.

Работая въ архивѣ и изучая современныя внутреннія условія австрійской политической жизни, Барчъ пришелъ къ заключенію, что разгадку ихъ слѣдуетъ искать въ революціи 1848 г., когда политическій идеализмъ учащейся молодежи такъ ярко вспыхнулъ и такъ быстро погасъ.

Свой первый романъ, въ которомъ описывается судьба одного изъ студентовъ-вождей революціоннаго движенія, Барчъ назвалъ: „Распадъ Австріи... 1848 г.“ (Als Oesterreich zerfiel... 1848) и, пользуясь интересомъ, съ которымъ въ послѣднее время накинулись на историческіе мемуары, издалъ ее не подъ своимъ именемъ, а въ видѣ воспоминаній стараго дѣятеля 1848 г. Особеннаго успѣха и эта книга не имѣла, но общественное вниманіе она уже привлекла, и сильный талантъ ея автора обнаружился въ изобиліи прямо изъ жизни выхваченныхъ типовъ молодыхъ борцевъ за свободу.

Въ 1905-мъ году, въ извѣстномъ южно-нѣмецкомъ журналѣ „März“, сталъ печататься романъ Барча: Zwölf aus der Steiermark („Двѣнадцать штирійцевъ“), сразу поставившій автора въ первые ряды современныхъ нѣмецкихъ писателей.

Романъ этотъ, собственно говоря, не имѣетъ опредѣленнаго героя или, скорѣе, героемъ его является родной городъ автора — Грацъ. Въ этомъ чудномъ городѣ горъ, садовъ и виноградниковъ, образуется союзъ двѣнадцати молодыхъ людей—студентовъ, поэтовъ, музыкантовъ,—воплощающихъ въ себѣ почти всѣ соціальные, политическіе, національные вопросы, волнующіе Австрію за послѣднее время. Вся эта молодежь стремится къ радостямъ жизни. Общество искателей счастья заинтересовываетъ жену профессора университета, Элизу Карминель, женщину недюжинную во всѣхъ отношеніяхъ, томящуюся отъ пустоты окружающаго ея общества, не находящую отвѣта на запросы своей души въ кругу подобныхъ ея мужу, корректно-сухихъ, холодныхъ, оффиціальныхъ профессоровъ и ученыхъ. Сначала молодежь ея боится, считаетъ ея присутствіе помѣхой и стѣсненіемъ, но, мало-по-малу обаятельная, серіозная и добрая женщина завоевываетъ всѣхъ и становится центромъ кружка. Всѣ они ею увлекаются, каждый согласно своему характеру и темпераменту. Не избѣгаетъ и она этой судьбы: страницы, посвященныя ея любви къ одному изъ двѣнадцати, Отмару Кантиленеру, можно назвать лучшими во всемъ произведеніи. Казалось бы, что при сильномъ, горячемъ темпераментѣ

Барча, ему должны были бы удаваться именно страстныя, сильно-эротическія сцены; тѣмъ поразительнѣе мягкость, съ которой онъ описываетъ глубокое, но скорѣе нѣжное, чѣмъ страстное чувство. Лиризмъ его высказывается здѣсь вполнѣ, никогда не переходя въ слащаво-сентиментальный тонъ, такъ часто встрѣчающійся именно въ нѣмецкой литературѣ. Элиза Карминель всѣми силами своей души и талантовъ помогаетъ молодымъ мечтателямъ въ ихъ поискахъ за счастьемъ. Каждый изъ нихъ понимаетъ его по-своему, но всѣ сходится въ одномъ: истинное счастье можетъ заключаться только въ борьбѣ за достиженіе свободы, и за внутреннее освобожденіе души человѣческой.

Это стремленіе къ освобожденію красной нитью проходитъ черезъ всѣ произведенія Барча; всѣ они—гимны свободѣ. За нее бьются на баррикадахъ его перваго романа; противъ насилія Наполеона ведется борьба въ его двухъ историческихъ очеркахъ; въ его разсказахъ изъ временъ рококо осмѣивается все вычурное, неестественное, а въ его трехъ большихъ, романахъ изъ современной жизни его герои стремятся къ внутренней свободѣ, которая для Барча является самымъ важнымъ, самымъ драгоцѣннымъ, благомъ.

И двѣнадцать молодыхъ штирійцевъ находятъ наконецъ свое счастіе въ служеніи идеѣ. Поэтъ и мечтатель, Отмаръ Кантиленеръ, послѣ чуднаго, краткаго сна любви къ Элизѣ Карминель, дѣлается докторомъ и весь отдается дѣятельному, плодотворному служенію своимъ ближнимъ; еврей музыкантъ, Бинштокъ, такъ горячо хотѣвшій быть нѣмцемъ, оттолкнутый грубой нетерпимостью, остается вѣрнымъ нѣмецкому искусству; словенецъ Земляричъ, живя въ кругу двѣнадцати, увлекается ихъ идеалами, сокровищами нѣмецкой культуры, забываетъ даже собственный народъ—но когда въ 1897 г. на улицахъ Граца разъяренная толпа нѣмцевъ, городскихъ обывателей и студентовъ, съ дикой яростью бросилась бить солдатъ боснійскихъ полковъ, это отрезвляетъ молодого словенца. Чувства его въ эту критическую минуту Барчъ изображаетъ слѣдующими словами: „Всѣмъ существомъ своимъ Земляричъ преклонялся передъ чистой, возвышенной стороной нѣмецкой культуры; грубое насиліе, несправедливость, слѣпая ненависть сразу его оттолкнули и отрезвили. Онъ ушелъ къ своему народу. Если этотъ народъ дѣйствительно такъ несчастенъ, такъ отверженъ, такъ унылъ, какъ его изображаютъ дерзкіе враги, то, чтобы спасти его отъ нужды и смерти, необходимы люди свободные, кроткіе, любящіе. Мы очистимъ отъ сорныхъ травъ славянскую душу и насадимъ въ ней чудные сады. Мы поднимемъ духъ народа и до тѣхъ поръ будемъ стремиться быть великими, пока онъ не будетъ имѣть дѣйствительно великихъ людей и благодаря имъ достигнетъ настоя-

щей, непобѣдимой силы душевной". И Земляричъ возвращается къ крытымъ соломою хаткамъ, къ холмамъ, покрытымъ виноградниками. Народу, погруженному въ тяжкія думы, онъ приноситъ пробужденіе, мужество, утѣшеніе и твердую надежду на будущее. Въ Люблянахъ онъ нашелъ зачатки благосостоянія и робкій расцвѣтъ высшаго образованія—и онъ увѣровалъ въ себя и въ свой маленькій народъ. У нѣмцевъ онъ всему научился, но для нѣмцевъ онъ былъ навсегда потерянъ.

Дружеское отношеніе къ славянству проявляется почти во всѣхъ сочиненіяхъ Барча. Онъ видитъ слѣды славянства всюду. Какъ историкъ, онъ не боится утверждать, что славянское населеніе—это соль земли въ Австріи; оно всегда тамъ было, всѣ же остальные — пришельцы, подъ гнетомъ которыхъ только какъ бы исчезала, страдая, славянская раса. Въ жилахъ многихъ изъ самыхъ завзятыхъ германцевъ течетъ богатая славянская кровь и бьется горячее славянское сердце. Оно бьется и въ Барчѣ, бьется въ каждомъ словѣ того гимна молодости, жизни, идеаламъ, который онъ создалъ въ своихъ „Двѣнадцати Штирійцахъ". Честность и правда чувствуются здѣсь въ каждомъ словѣ. До Барча никто, быть можетъ, такъ смѣло и правдиво не характеризовалъ современныхъ австрійскихъ настроеній.

Успѣхъ „Двѣнадцати Штирійцевъ" ободрилъ Барча. Въ 1908 г. онъ напечаталъ большой романъ „Дѣти Гайндля" и сборникъ мелкихъ новеллъ: „Умирающій рококо". Въ 1909 г. вышелъ въ свѣтъ его романъ „Elisabeth Kött", въ 1910 г. еще сборникъ новеллъ: „Горько-сладкіе любовные разсказы". Кромѣ романовъ и новеллъ, Барчъ написалъ два военно-историческихъ этюда: „Народная война въ Тиролѣ" и „Офицеры Щилля", сюжеты которыхъ заимствованы изъ войнъ Наполеона въ 1809 г. Начало дѣйствія романа „Дѣти Гайндля" происходитъ въ Вѣнѣ. Но Барчъ — поэтъ лѣсовъ, полей, провинціи; большой городъ его пугаетъ и отталкиваетъ. Мастерски онъ изобразилъ только вѣнскій парламентъ, въ которомъ младшій изъ братьевъ Гайндль, Рупертъ, произноситъ зажигательную рѣчь о безпомощности рабочаго, о необходимости обезпеченія его старости—одну изъ тѣхъ рѣчей, гдѣ бьется сердце самого автора, высказывается весь тотъ глубокій интересъ, съ которымъ онъ относится къ современнымъ соціальнымъ вопросамъ.

Въ этомъ романѣ Барчъ хотѣлъ дать психологію вѣнца и широкими мазками нарисовать жизнь средней мѣщанской вѣнской семьи, сопоставивъ старую Вѣну—въ лицѣ родителей, съ молодою—въ лицѣ троихъ сыновей. Каждый изъ братьевъ Гайндль представляетъ собою вполнѣ законченный, опредѣленный типъ; они всѣ разными путями,

сознательно или безсознательно, стараются освободить свою индивидуальность, свое нравственное *я*.

Очень удачны типы стариковъ Гайндль, въ особенности отца. Мягкій, безхарактерный, добродушный, склонный къ радостямъ чисто-матеріальнымъ, полный оптимизма, любитель традиціонныхъ праздниковъ, традиціонныхъ кушаній въ эти праздники, знатокъ и любитель вѣнской старины, онъ служитъ вѣрнымъ олицетвореніемъ стараго вѣнскаго обывателя. Передъ глазами читателя воскресаетъ старая Вѣна, временъ рококо, населеніе которой, чувственно-веселое, музыкально высоко-одаренное, вѣками жило безъ политической и религіозной свободы, легкомысленно предаваясь наслажденію жизнью. Старшій сынъ Гайндля не особенно борется противъ этого теченія и позволяетъ ему увлечь себя. Средній и младшій гораздо болѣе современны; интереснѣе всего судьба средняго, который достигаетъ внутренней свободы и равновѣсія только послѣ преступныхъ заблужденій и тяжкихъ укоровъ совѣсти.

Романъ этотъ не имѣлъ шумнаго успѣха „Двѣнадцати Штирійцевъ". Онъ не такъ блестяще написанъ, отъ него вѣетъ мягкой меланхоліей, красотой и тишиной осенняго лѣса; онъ весь пропитанъ глубокой, нѣжной любовью къ родинѣ.

Слѣдующій большой романъ Барча, „Елизавета Кеттъ", написанъ какъ бы однимъ взмахомъ пера, однимъ порывомъ сильнаго, все на своемъ пути сокрушающаго темперамента. Героиня романа — драматическая актриса. Талантъ ея открылъ и помогъ ему развиться одинъ изъ двѣнадцати штирійцевъ. Изъ Граца она попадаетъ въ Вѣну. Талантъ ея растетъ съ каждымъ днемъ, но чѣмъ выше она поднимается, тѣмъ болѣе убѣждается, что истинное искусство не тамъ, на подмосткахъ образцоваго столичнаго театра. Въ зенитѣ своей славы она бросаетъ все, уходитъ въ странствующую труппу, чтобы искать отвѣта на тѣ высшіе запросы, которые она предъявляетъ искусству. Она стремится силой искусства облагородить массы, найти новые пути для современнаго театра—но, сломленная борьбой, разочарованіями, самою жизнью, умираетъ на рукахъ своихъ друзей. Какъ въ калейдоскопѣ проходитъ передъ нами цѣлый рядъ мужскихъ типовъ. Именно только проходитъ; яркая, сильная личность героини дѣлаетъ ихъ только аксессуарами въ ея жизни. Ея единственная любовь, единственная цѣль—искусство и безотчетное стремленіе куда-то впередъ, гдѣ скрыта послѣдняя, идеальная его разгадка.

Насколько всестороннимъ можетъ быть талантъ Барча—видно изъ его двухъ сборниковъ новеллъ, „Умирающій рококо" — рядъ граціозныхъ, полныхъ музыки и веселья, легкихъ, маленькихъ новеллъ. А между тѣмъ, отъ первой, героемъ которой является Моцартъ, до по-

слѣдней, гдѣ выступаетъ Наполеонъ, вездѣ подъ граціозной маской чувствуется разложеніе очаровательнаго, но къ дѣйствительной жизни совершенно неспособнаго общества. Вездѣ прорываются лучи свободы; веселые маркизы еще танцуютъ, но замки ихъ уже пылаютъ; новыя силы берутъ верхъ и безпощадно сокрушаютъ все старое и негодное.

„Горько-сладкіе любовные разсказы" менѣе удачны. Хороши только двѣ новеллы: „Превращенія Вюрфеля" и „Поцѣлуи въ Троицынъ день", въ особенности вторая. Сюжетъ самый незамысловатый, почти тривіальный: веселый музыкантъ, капельмейстеръ Гиммельмайеръ, рано утромъ, въ Троицынъ день, открылъ у себя первый бѣлый волосъ. Открытіе это приводитъ въ ужасъ легкомысленнаго весельчака, и онъ бѣжитъ искать утѣшенія за городъ. Судьба награждаетъ его множествомъ поцѣлуевъ и помогаетъ сдѣлать доброе дѣло, послѣ чего онъ вечеромъ спокойно и счастливо засыпаетъ, забывъ свой бѣлый волосъ. Все въ этой новеллѣ поетъ, цвѣтетъ, играетъ; природа одѣла свой лучшій уборъ, солнце сіяетъ и грѣетъ. Молодой задоръ такъ и бьетъ ключемъ, манитъ изъ тѣсной душной комнаты въ лѣсъ, за городъ. Пахнетъ троицыными березками, душистой травой; на душѣ дѣлается тепло и весело, на минуту забываешь тяжкія думы, непрестанныя заботы нашего безпокойнаго, вѣка.

Барчъ—безусловно баловень современной нѣмецкой критики. И неудивительно: онъ внесъ новый элементъ въ нѣмецкую литературу—молодежь, студенчество, но не чопорныхъ, условныхъ корпорантовъ, которые съ поступленіемъ въ университетъ, какъ заведенныя маріонетки, продѣлываютъ съ какою-то умопомрачительной тупостью предписанныя традиціей дуэли, коммерши и т. п., а живыхъ, полныхъ вѣры во все прекрасное. Они могли бы быть русскими студентами по непосредственности чувствъ, по простотѣ жизни и скромности матеріальныхъ требованій.

Критика находитъ—и это очень вѣрно,—что въ сочиненіяхъ Барча всегда слышатся звуки Моцарта и Шуберта, этихъ двухъ типичныхъ представителей австрійской музыки. Дѣйствительно, проза его обладаетъ удивительнымъ ритмомъ; подчасъ, читая ее, кажется, что слышишь, подъ аккомпаниментъ менуэта Моцарта или безыскусственной пѣсни Шуберта. Невольно передъ глазами возстаетъ картина Рѣпина: „Какой просторъ", гдѣ беззаботная, молодежь идетъ навстрѣчу волнамъ и бурямъ жизни.

Темпераментъ Барча порой только ужъ слишкомъ бурной волной несется черезъ его произведеніе; мысли сталкиваются, безпорядочно перегоняя другъ друга, увлекаютъ его въ области, чуждыя сюжету, и тѣмъ портятъ гармонію разсказа. Сердечная теплота вполнѣ искупаютъ эти незначительныя ошибки темперамента.

Барчъ—лирикъ въ полномъ значеніи этого слова; послѣ первой неудачной попытки онъ стихотвореній болѣе не издавалъ, но въ его произведеніяхъ часто попадаются прелестные стихи, да и самая его проза полна лирическихъ красотъ. Въ своихъ описаніяхъ природы онъ близокъ къ Тургеневу. Съ природой онъ сжился вполнѣ и отожествляетъ ее съ человѣкомъ, что придаетъ его описаніямъ необыкновенно яркій колоритъ и позволяетъ создавать изъ самыхъ избитыхъ мотивовъ, какъ напр. описаніе ночи въ развалинахъ, новыя, чудныя картины. Психологіи женскаго сердца Барчъ касается какъ бы вскользь, отдавая всѣ свои силы описанію борьбы души за свободу. Его идеалъ—„жизнь, вполнѣ и безвозвратно отданная и всецѣло посвященная какому-нибудь великому дѣлу". Онъ самъ говоритъ, что счастливъ только тогда, когда пишетъ, когда чувствуетъ въ себѣ всѣ радости и скорби человѣчества, переживаетъ тысячи жизней и подобно своей героинѣ, Елизаветѣ Кеттъ, повторяетъ: впередъ, впередъ на пути къ совершенству въ искусствѣ. Отъ такого писателя можно ожидать еще много прекраснаго въ будущемъ.

Н. Вилькъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

— Письма Л. Н. Толстого. Собранныя и редактированныя П. А. Сергѣенко. Томъ второй, 1855—1910 гг. М., 1911.
— У Л. Н. Толстого въ послѣдній годъ его жизни. Дневникъ В. Ѳ. Булгакова. (Библіотека Л. Н. Толстого, подъ редакціей П. И. Бирюкова, № 4). М., 1911.
— К. Леонтьевъ. О романахъ гр. Л. Н. Толстого. М., 1911.

Названныя здѣсь книги занимаютъ замѣтное мѣсто въ литературѣ о Толстомъ. Второй томъ переписки Льва Толстого, конечно, долженъ бы былъ привлечь наибольшее вниманіе, если бы онъ не повторялъ, въ ухудшенномъ видѣ, всѣхъ недостатковъ перваго тома, о которомъ намъ приходилось уже говорить. Собранныя здѣсь письма, едва ли не всѣ, уже были въ печати, но составитель не счелъ нужнымъ дать никакихъ на этотъ счетъ указаній. Трудно даже понять, въ чемъ состояла его „редакція", если не въ размѣткахъ для переписчика разныхъ страницъ книгъ и газетъ. Всего во второмъ томѣ напечатано около 280 писемъ. Но почти нигдѣ нѣтъ ни малѣйшихъ поясненій, при какихъ обстоятельствахъ появилось то или иное письмо, даже тамъ, гдѣ это безусловно необходимо. Въ письмѣ № 309, напр.,

рѣчь идетъ о книгѣ Страхова, съ многими мѣстами которой Толстой полемизируетъ. Но такъ какъ составитель не указалъ, о какой, книгѣ говоритъ Толстой, то все письмо остается совершенно неяснымъ. Или: въ коротенькой запискѣ 1897 г. въ редакцію „Русской Мысли", Толстой рекомендуетъ — и очень горячо — стихи какого-то крестьянина. Зная, какъ недовѣрчиво и враждебно уже въ это время Толстой относился къ стихотворству, читатель, конечно, заинтересованъ, что̀ именно могло такъ поразить Л. Н.,—но ни малѣйшей помощи „редакторъ" переписки читателю не оказываетъ. Примѣромъ небрежности редакціи можетъ служить и то, напр., что письмо Л. Н. „эсперантистамъ" отнесено къ 1874-му году, когда „эсперанто" еще и не существовалъ. Стиль письма рѣзко расходится съ письмами семидесятыхъ годовъ, такъ что остается только предположить, что „редакторъ" не прочелъ его: иначе оно не попало бы до такой степени не на свое мѣсто. Бо̀льшая часть второго тома отведена письмамъ, написаннымъ послѣ 1880-го года. Предыдущей порѣ, когда развертывалась главная литературно-художественная дѣятельность Л. Н., отведено только 60 страницъ. Такъ какъ писемъ послѣдняго періода жизни Л. Н. опубликовано уже очень много и въ первомъ томѣ переписки, а появляющіяся теперь во второмъ томѣ уже извѣстны, большею частью, по недавнимъ книгамъ и газетамъ, то этотъ второй томъ по существу гораздо менѣе интересенъ, нежели первый, а небрежность изданія производитъ прямо оскорбительное впечатлѣніе.

Въ сравненіи съ неряшествомъ г. Сергѣенка трогаетъ дневникъ В. Ѳ. Булгакова, секретаря Толстого, любовнымъ желаніемъ сохранить для будущаго даже мелкія черты и черточки личной и нравственной физіономіи великаго писателя. Дневникъ относится къ послѣднему году жизни Толстого, разрѣшившемуся его бѣгствомъ изъ Ясной Поляны, и по соображеніямъ деликатности авторъ не опубликовываетъ около одной шестой части своихъ записей. Только немногія мѣста отдаленно намекаютъ на трагическія переживанія Л. Н., созданныя условіями жизни въ Ясной Полянѣ и непорванной связью ея съ организованной государственностью. Вотъ маленькая сценка на прогулкѣ, одна изъ многихъ. „Стадо на лугу. Подходитъ мальчишка-пастухъ, безъ шапки.— Ваше сіятельство, дозвольте на вашемъ лугу стадо пасти.—А стадо уже на барскомъ лугу.—Это не мой лугъ, я не хозяинъ,—отвѣчаетъ Л. Н. и ѣдетъ дальше". Приводятся въ дневникѣ кое-гдѣ рѣзкія разногласія Л. Н. съ окружающими по вопросамъ землевладѣнія, пользованія трудомъ слугъ и т. п. Но опредѣленно о причинахъ, подготовившихъ разрывъ, ничего не говорится. Однако, и уцѣлѣвшая часть дневника не бѣдна содержаніемъ. Съ большимъ усердіемъ г. Булгаковъ записывалъ теоретическіе взгляды Л. Н., высказывавшіеся имъ

по разнымъ поводамъ; но прелесть дневника не въ этихъ записяхъ, а въ преданной наивности, съ какою ихъ авторъ заносилъ въ дневникъ чисто мимолетныя и на первый вглядъ мелкія черточки, замѣчанія, остроты, казусы, въ совокупности которыхъ живо рисуется житейская физіономія Л. Н. и проявленія его непосредственной натуры, въ отвѣтъ на впечатлѣнія. Авторъ дневника велъ корреспонденцію Л. Н. и отвѣчалъ за него на многія письма. Онъ отмѣчаетъ иногда характеръ этихъ писемъ. Какой-то революціонеръ начинаетъ письмо обращеніемъ: „Великій братъ". „Мое положеніе такое — замѣтилъ Л. Н.—что не хотятъ обращаться просто „милостивый государь„ или „любезный Левъ Николаевичъ", а обязательно хотятъ придумать что-нибудь необыкновенное—и выходитъ всякая чепуха". Эти докучныя письма и докучныя лица, праздное любопытство и празднословіе посѣтителей, изводившее Л. Н., такъ и рисуетъ отзывъ его о разговорахъ какой-то барыни: „прелюбодѣяніе слова". Разсказъ г. Булгакова о томъ, какъ грубо и неделикатно вела себя публика съ Л. Н., когда ему приходилось быть на народѣ (при его поѣздкахъ по желѣзной дорогѣ), производитъ тяжелое впечатлѣніе. Какъ уже указано, лично Толстой былъ гораздо шире „толстовства", и записи его преданнаго ученика,—не проникшагося, однако, сухостью доктрины,—какъ нельзя лучше подтверждаютъ это. Въ противорѣчіяхъ Толстого его моральной доктринѣ живетъ подлинная сущность его личности. Подъ впечатлѣніемъ разсказовъ какого-то сибиряка о китайцахъ, онъ вдругъ говоритъ о томъ, что китайцы работаютъ медленнѣе русскихъ: „это хорошо. Перерабатывать не нужно. Есть человѣческое достоинство тѣла,—есть духовное достоинство,—а это тѣлесное—и его не нужно нарушать"... (154). Горячій врагъ пьянства и поклонникъ трезвости, онъ спрашиваетъ: „Были у Ивана Иваныча (Горбунова)? Онъ все листки о пьянствѣ... Я вспомнилъ того мужичка—помните, мы ѣхали? Вотъ бы написать. Да только это будетъ уже въ пользу пьянства. Удивительно милый былъ"... и повторяетъ при воспоминаніи о добродушномъ пьяномъ человѣкѣ: „какъ же не любить пьяныхъ? Не совсѣмъ пьяныхъ, а такъ, немного"... (318) Подъ впечатлѣніемъ виртуознаго исполненія Шопена у Л. Н. вырывается восклицаніе: „вся эта цивилизація,—пусть она исчезнетъ, но музыку—жалко!" (83). Аэропланы онъ оцѣнилъ съ точки зрѣнія мужика, прежде всего спрашивающаго при всякомъ неслыханномъ новшествѣ: „по чемъ съ души?" „Первое, что бросается въ глаза при введеніи этихъ аэроплановъ и летательнымъ снарядовъ, это то, что на народъ накладываются новые налоги. Это—какъ иллюстрація того, что при извѣстномъ нравственномъ общественномъ состояніи никакое матеріальное улучшеніе не можетъ быть въ пользу, а во вредъ" (128). И Л. Н. не приметъ авіатора,

просящаго у него бесѣды „о любимомъ“ дѣлѣ, чувствуя въ немъ рекламиста. И вмѣстѣ съ тѣмъ, противникъ цивилизаціи и ея ухищреній, онъ вдругъ увлеченъ кинематографомъ и собирается писать для него пьесы (144). Онъ горячо ратуетъ противъ укрѣпленія общинной земли за отдѣльными общинниками—и неожиданно употребляетъ аргументъ національнаго характера. „Нарушается принципъ,—тотъ, что земля — Божья и не можетъ быть предметомъ частной собственности... Англичанину-то это нравится, да мнѣ-то, русскому, не нравится!“ (232). Разсказы о Швейцаріи заставляютъ его, противника государственности, какъ таковой, на минуту отрѣшиться отъ доктрины и на замѣчаніе, что тамъ не допустятъ отказовъ отъ воинской повинности, возразить: „Да имъ хоть есть что̀ защищать насиліемъ: это ихъ порядокъ, которымъ они пользуются. А кому же нужно защищать нашъ безпорядокъ?“ (272). Живой юморъ, чуждый сухому и черствому „толстовству“, часто искрится въ записяхъ г. Булгакова. Великолѣпны передаваемые г. Булгаковымъ отзывы Толстого о нѣкоторыхъ литературныхъ и другихъ дѣятеляхъ. Анекдотъ о художникѣ В., который, нарисовавъ изображеніе Богородицы и глядя на него, все восклицалъ: „честное слово, я въ нее вѣрю!“—настроилъ Л. Н. на веселый ладъ: „ясно, что онъ вовсе въ нее не вѣрилъ!“ — „Онъ не философъ, а литераторъ“—отозвался Толстой о довольно модномъ нынѣ, посѣтившемъ его, писателѣ:—„одни думаютъ для себя, другіе думаютъ для публики. Такъ онъ думаетъ для публики“ (78). Разсказы о посѣтителяхъ Толстого (Андреевѣ, Короленкѣ, скульпторѣ Трубецкомъ и др.) любопытны, какъ разсказы очевидца. Интересны также тамъ и сямъ въ дневникѣ разсѣянныя воспоминанія о сношеніяхъ съ Толстымъ разныхъ лицъ. При переговорахъ графини С. А. Толстой съ Побѣдоносцевымъ объ изданіи полнаго собранія сочиненій Л. Н., всесильный оберъ-прокуроръ синода говорилъ ей: „Я, графиня, въ вашемъ мужѣ ума не признаю: умъ — гармонія, а у него все углы“. С. А. возразила: „позвольте въ такомъ случаѣ, Константинъ Петровичъ, напомнить вамъ изреченіе Шопенгауера: умъ—это фонарь, который человѣкъ несетъ передъ собой, а геній — солнце, освѣщающее всю вселенную“ (261). Побѣдоносцевъ, конечно, не убѣдился. Г. Булгаковъ передаетъ также нѣкоторыя неподражаемыя черты наивности и непосредственности генія, которыя чаруютъ въ Толстомъ. „Никакъ не могу привыкнуть къ мысли, что я старикъ. И это же научаетъ смиренію. Удивляешься, почему съ тобой говорятъ съ такимъ уваженіемъ, тогда какъ ты мальчишка—ну просто мальчишка! Вотъ какимъ былъ, такимъ и остался!“ (235). Рядомъ съ такими самопризнаніями Л. Н. рисуютъ его и такія мелкія черты, какъ программа его верховыхъ прогулокъ, отъ которой онъ отступалъ очень рѣдко: „вы-

ѣхать по дорогѣ, скоро свернуть съ нея въ лѣсъ или поле, въ лѣсу пробираться по самымъ глухимъ тропинкамъ, переѣзжать рвы и заѣхать такимъ образомъ очень далеко; затѣмъ заблудиться и, наконецъ, тогда искать дороги въ Ясную, спрашивая объ этомъ у встрѣчныхъ, плутать, пріѣхать утомленнымъ" (200)... Все это мелочи и детали, но изъ нихъ въ концѣ концовъ слагается представленіе о живомъ лицѣ.

Статьѣ Леонтьева о романахъ Толстого, написанной еще въ 1890-мъ году, предпосланъ хвалебный о немъ очеркъ г. Александрова. Здѣсь приведенъ, между прочимъ, слѣдующій отзывъ Толстого о другѣ Каткова и его вдохновителѣ (1888 г.): „Его повѣсти изъ восточной жизни прелесть. Я рѣдко что̀ читалъ съ такимъ удовольствіемъ. Что касается его статей, то онъ въ нихъ все точно стекла выбиваетъ; но такіе выбиватели стеколъ, какъ онъ, мнѣ нравятся". Никакого выбиванія стеколъ въ статьѣ Леонтьева о Толстомъ, однако, нѣтъ. Леонтьевъ анализируетъ стиль Толстого и ополчается противъ проявленія у него излишествъ натурализма, въ видѣ чрезмѣрнаго обилія хотя и выхваченныхъ изъ жизни и наблюденія деталей и черточекъ, иногда ненужныхъ ни для обрисовки характера, ни для движенія дѣйствія. Въ „Войну и миръ" Толстой, по мнѣнію Леонтьева, въ значительной части перенесъ душевныя переживанія и манеру мыслить и говорить людей своего времени. Въ этомъ отношеніи „Анна Каренина" кажется Леонтьеву произведеніемъ гораздо болѣе цѣльнымъ и гармоническимъ. Этюдъ несомненно интересенъ, но что касается заявленій г. Александрова о томъ, что статья Леонтьева есть литературный завѣтъ поколѣніямъ русскихъ писателей, „для которыхъ она должна бы стать настольной книгой" — то на этотъ разъ „бьетъ стекла" для вящщей славы единомышленника, поклонника, „государственнаго бича", уже самъ г. Александровъ. Дѣло въ томъ, что художественные критеріи Леонтьева совсѣмъ не связаны съ его поклоненіемъ государственному бичу и требованіями церковности и религіозности, въ недостаткѣ которыхъ онъ упрекаетъ жизнь, изображенную въ „Аннѣ Карениной", и самого Льва Толстого, впрочемъ—весьма сдержанно. Онъ стоитъ на точкѣ зрѣнія психологическаго реализма и умѣло пользуется ею для объективнаго анализа произведеній Толстого; но въ сказанномъ имъ о Толстомъ нѣтъ никакихъ чрезвычайныхъ откровеній.

— С. Ашевскій. „Бѣлинскій въ оцѣнкѣ его современниковъ". Спб., 1911. Ц. 1 р. 25 к.

„Предлагаемая читателю книга—читаемъ въ предисловіи—задается цѣлью показать, какъ цѣнили величайшаго русскаго критика его современники, начиная съ представителей старшаго поколѣнія, до-

жившихъ до появленія въ печати первыхъ статей Бѣлинскаго, и кончая представителями младшаго поколѣнія, только что выступившими при жизни Бѣлинскаго на поприще самостоятельности. Что касается Бѣлинскаго въ оцѣнкѣ потомства, то этому вопросу будетъ посвящена особая книга".

Авторъ пересмотрѣлъ громадную литературу о Бѣлинскомъ и его современникахъ и тщательно выбралъ изъ нея все, что говоритъ объ отношеніяхъ ихъ къ великому критику, личныхъ и частью литературныхъ. Собранный матеріалъ распредѣленъ въ такія рубрики: 1) Бѣлинскій въ оцѣнкѣ журналистовъ, критиковъ и публицистовъ, 2) Бѣлинскій въ оцѣнкѣ художниковъ слова, 3) Бѣлинскій въ оцѣнкѣ друзей и 4) Бѣлинскій въ оцѣнкѣ читателей. Въ приложеніи напечатана поэма Некрасова: „Бѣлинскій", не включенная въ такъ называемое полное собраніе стихотвореній Некрасова, и данъ указатель личныхъ именъ. Можно было бы кое-что возразить противъ нѣсколько искусственнаго распредѣленія матеріала: напр., почему въ отдѣлъ „художниковъ слова" отнесенъ такой другъ Бѣлинскаго, какъ Кольцовъ, а Тургеневъ попалъ только въ рубрику „друзей", и т. п. Но это, конечно, не существенно, лишь бы связь между Бѣлинскимъ и даннымъ лицомъ была представлена болѣе или менѣе исчерпывающимъ образомъ. Въ этомъ отношеніи книга г. Ашевскаго заслуживаетъ полной признательности: мы не замѣтили въ ней существенныхъ пропусковъ, и каждый изучающій Бѣлинскаго не разъ обратится къ ней за справками. Въ общемъ книга, однако, суховата и слишкомъ внѣшне освѣщаетъ отношенія разныхъ лицъ къ Бѣлинскому. Мы узнаемъ, что такой-то такъ-то тогда-то бранилъ или возносилъ Бѣлинскаго; но самаго интереснаго въ отношеніяхъ замѣчательнаго писателя къ его современникамъ—въ какой мѣрѣ вліяли они другъ на друга, какъ сплетались или расходились ихъ міровоззрѣнія — этого авторъ почти не касается. Вслѣдствіе этого книга лишена обобщающаго взгляда, и рѣшительно все равно, въ какой послѣдовательности ее читать: это — только сборникъ историко-литературныхъ справокъ, иногда очень обстоятельныхъ и интересныхъ. — Ч. В—скій.

— В. Анучинъ. „Разсказы и сказанія". Книга первая. „Сказанія". Спб., 1911 г.

Въ этой книжкѣ десять коротенькихъ, поэтично пересказанныхъ легендъ, сюжеты которыхъ заимствованы изъ восточнаго фольклора. Авторъ—по спеціальности этнологъ, хорошо знающій Сибирь. Онъ вѣрно и красочно передаетъ мѣстный колоритъ народныхъ сказаній. Всѣ легенды трактуютъ одну и ту же, характерную для востока идею борьбы добра и зла, съ разными варіаціями. Человѣку свой-

ственно беззавѣтное стремленіе къ идеалу („Туда, къ лучезарному царству"). Человѣчество само причиной царящаго въ мірѣ зла... Гибнутъ его великодушные избранники въ непосильной борьбѣ со зломъ („Могила Сартактая"). Въ роковой борьбѣ добра со зломъ, послѣднее пока побѣждаетъ („Вѣчный скиталецъ", „Такмакъ"). Но, не находя средствъ для побѣды надъ зломъ, гибнущіе люди вѣрятъ въ конечное торжество добра, безъ сожалѣнія отдаютъ ради этой мечты свою жизнь („Жертва Басайны")... Таковы варіанты восточныхъ представленій о борьбѣ двухъ враждующихъ стихій.

Обработка сказаній сдѣлана г. Анучинымъ тщательно, любовно, съ осторожнымъ, внимательнымъ отношеніемъ къ народному творчеству. Въ легендахъ сохранены собственныя имена героевъ и весь типичный складъ народной психологіи, а также „цвѣтистый" стиль народной рѣчи. Задача автора была тѣмъ болѣе трудна, что онъ поставилъ себѣ цѣлью передать легенды, для большей поэтичности, размѣренной рѣчью. Одна изъ легендъ написана бѣлыми стихами, остальныя—ритмической прозой. Стихи слабѣе прозы. Послѣдняя, въ общемъ, очень благозвучна, хотя и не безъ грѣховъ: мѣстами, для сохраненія размѣра, допущено насиліе надъ грамматикой, отчего иногда получаются досадныя двусмысленности. Такихъ погрѣшностей больше всего въ первомъ, наиболѣе слабомъ разсказѣ (напр.: „Низко поникъ *головою идущій*"). Но все же задачу г. Анучина нужно признать удачно исполненною. Богатая, таинственная Сибирь живетъ въ его легендахъ и волнуетъ.

Заключительная картина изъ „Такмака" можетъ дать представленіе о красотѣ сибирскихъ легендъ въ обработкѣ г. Анучина. Стиленъ и трогателенъ образъ Такмака, превращеннаго богами, за сыноубійство, въ утесъ и обреченнаго „отъ вѣка до вѣка сидѣть надъ могилой сына". „Давно это было. Люди не помнятъ, когда это было, но и донынѣ свѣтлый, какъ слеза, ручеекъ бурлитъ межъ обломками скалъ на могилѣ Кизяма, донынѣ стоитъ по горамъ вѣчно-зеленый лѣсъ, донынѣ кипятъ незамерзающіе потоки и донынѣ сидитъ подъ утесомъ, надъ могилою сына, окаменѣлый старый Такмакъ,—*чтобъ вѣдали люди про страшное дѣло, чтобъ помнили заповѣдь неба.* Восходитъ солнце и заходитъ—мелькаютъ дни. Благоухаютъ весенніе цвѣты и отцвѣтаютъ и засыпаются снѣгомъ—проходятъ года. Нарождаются племена и умираютъ народы—минуютъ вѣка. А онъ, старый Токмакъ, стоитъ недвижно и не знаетъ: что—время?"—Е. Колтоновская.

— Х. Н. Бяликъ. „Пѣсни и поэмы". Авторизированный переводъ съ еврейскаго языка и введеніе Вл. Жаботинскаго. Спб., 1911 г. Цѣна 2 р.

Бяликъ примыкаетъ къ группѣ еврейскихъ писателей, пользующихся для своихъ произведеній древне-еврейскимъ языкомъ. Группа

эта немногочисленна, не получила еще окончательнаго признанія даже въ родномъ національномъ кругу, и со стороны трудно говорить что-либо о будущемъ *новой* національной литературы, пользующейся, какъ средствомъ выраженія, какъ орудіемъ творческой мысли, *древнимъ* національнымъ языкомъ. Сомнѣнія—обычный спутникъ національнаго возрожденія, и устраняются они лишь фактомъ появленія крупныхъ дарованій. Новая еврейская литература на „языкѣ пророковъ" въ лицѣ Бялика несомнѣнно пріобрѣла одинъ изъ такихъ „фактовъ". Это живо чувствуется сразу по ознакомленіи съ произведеніями еврейскаго поэта, хотя бы только въ переводѣ, тщательно и любовно сдѣланномъ, но, конечно, далеко не передающемъ достоинствъ подлинника. Бяликъ „заговорилъ на языкѣ пророковъ такъ, словно бы со временъ Деборы до нашихъ дней гдѣ-то въ невѣдомой землѣ непрерывно жила и развивалась еврейская рѣчь въ устахъ матерей и малютокъ, борцовъ и мужей совѣта, горемыкъ и влюбленныхъ". Онъ сдѣлалъ эту рѣчь современною, но онъ сдѣлалъ еще больше: онъ перенесъ въ современность древній еврейскій паѳосъ. Его произведенія—точно живой, колышащійся листъ, воздушная, трепещущая арка, соединяющая, по видимому несоединимое: первозданныя библейскія настроенія и современную еврейскую дѣйствительность. Произведенія эти—точно пѣсни древняго пророка, раздавшіяся въ еврейской чертѣ осѣдлости. Паѳосъ Бялика, грознаго, суроваго, карающаго обличителя, весь обращенъ внутрь, въ сторону еврейскаго народа. Внѣ родного народа для поэта не существуетъ ничего: сіянье солнца представляется ему „ненужнымъ", когда страдаетъ его народъ; благо этого народа — для него единственное оправданіе жизни и всего мірового порядка. Но это „благо" не дается внѣшними условіями; оно созидается творческими усиліями самого народа. Цѣлью народа должно быть не существованіе, каково бы оно ни было, а существованіе достойное, внѣ котораго нѣтъ жизни, нѣтъ будущаго для народа. Особенно характерно и отчетливо такое міровоззрѣніе поэта сказывается въ одномъ изъ лучшихъ его произведеній: „Сказаніе о погромѣ". Поэтъ рисуетъ мрачныя картины погрома.

. . . Встань и пройди по городу рѣзни,
И тронь своей рукой, и закрѣпи во взорахъ
Присохшій на стволахъ и камняхъ и заборахъ
Остылый мозгъ и кровь комками: *то—они*...
Пройди къ развалинамъ, къ зіяющимъ проломамъ,
Къ печамъ, что въ дребезги разбиты, словно громомъ,—
Вскрывая черноту нагого кирпича,
Глубоко врылся ломъ крушительнымъ тараномъ,
И тѣ пробоины подобны чернымъ ранамъ,
Которымъ нѣтъ цѣленья и врача.

Эти мрачныя картины вызываютъ у поэта не только вполнѣ естественное, законное и въ извѣстной мѣрѣ успокоивающее негодованіе противъ тѣхъ, кто явился виновникомъ этого бѣдствія; поэтъ находитъ въ своемъ сердцѣ болѣе глубокое, острое, трагическое чувство гнѣва противъ тѣхъ, кто такъ имъ любимъ и кто не нашелъ въ себѣ силы достойно встрѣтить тяжелое испытаніе.

И загляни ты въ погребъ ледяной,
Гдѣ весь табунъ во тьмѣ сырого свода,
Позорилъ женъ изъ твоего народа...
И посмотри туда: за тою бочкой,
И здѣсь, и тамъ, зарывшися въ сору,
Смотрѣлъ отецъ на то, что было съ дочкой,
И сынъ на мать, и братья на сестру...
. . . . . и крикнуть не посмѣли,
И не сошли съ ума, не посѣдѣли
И глазъ себѣ не выкололи...
И если вновь отъ пытокъ и стыда
Изъ этихъ жертвъ опомнится иная—
Уже предъ ней вся жизнь ея земная
Осквернена глубоко навсегда;
Но выползутъ мужья ихъ понемногу—
И въ храмъ пойдутъ вознесть хваленья Богу;
И если есть межъ ними *коганимъ*,
Иной изъ нихъ пойдетъ спросить раввина:
Достойно ли его святого чина,
Чтобъ съ нимъ жила *такая*—слышишь? съ нимъ!

Для Бялика день погрома не только „день траура“; это—„день срама“ для еврейскаго народа. „Сказаніе о погромѣ“ было принято еврейскимъ обществомъ какъ „ударъ молота“, и не даромъ идеологи сіонизма считаютъ эту поэму „отправной точкой новой эры“ въ настроеніяхъ еврейскаго народа. Устами Бялика еврейскій народъ отказался отнынѣ навѣки отъ

Жизни безъ надежды, затхлой, топкой, грязной,
Мертвенно-свинцовой, жалко-безобразной—
Жизни пса, что рвется на цѣпи, голодный...

Далъ Бяликъ своему народу и образецъ, которому онъ долженъ слѣдовать. Въ своихъ „Мертвецахъ Пустыни“ онъ изобразилъ людей, которые ради лучшей доли народной возстали противъ самого Бога. Господь „обрекъ ихъ на сонъ безъ исхода“, но ихъ жизнь и ихъ дѣло остались, какъ „великій урокъ и память для рода и рода“.

Поэзія Бялика не исчерпывается мотивами гнѣва, кары и грядущей судьбы народной; его музѣ свойственны и нѣжныя мелодіи любви, и трогательное любованіе красотами природы родной Волыни, гдѣ протекли его дѣтство и юность. Превосходны его „Въ полѣ“, „Мотылекъ“, „Изъ зимнихъ пѣсенъ“.

Къ книгѣ приложено обширное введеніе Вл. Жаботинскаго, въ которомъ даны біографія Бялика и характеристика его произведеній.

— Проф. Мих. Грушевскій. „Очеркъ исторіи украинскаго народа". Спб., 1911 г. Цѣна 2 р. 50 коп.

Третье изданіе извѣстной книги проф. Грушевскаго вышло дополненнымъ и измѣненнымъ. Переработкѣ и дополненіямъ подверглось, главнымъ образомъ, изложеніе исторіи XVII—XIX вѣковъ; въ этой части книги прибавлено нѣсколько новыхъ главъ, основные вопросы, касающіеся указанной эпохи, анализированы глубже и освѣжены новыми матеріалами. Историческія воззрѣнія автора остались безъ измѣненія; непрерывность историческаго процесса въ жизни украинскаго народа отъ Кіевскаго періода и до нашихъ дней аргументируется полно и доказательно; движенія, предшествовавшія расцвѣту казачества, изображены выпукло и ярко, но центръ вниманія автора перенесенъ въ эпоху недолгаго казацкаго строительства украинской государственности и въ послѣдовавшій затѣмъ періодъ упадка украинской автономно-полической жизни, смѣнившейся продолжающимся донынѣ культурно-національнымъ возрожденіемъ. Книгу, строго научную, но разсчитанную на большого читателя, такое перенесеніе центра вниманія оживило и приблизило къ современности; это нельзя не поставить въ заслугу автору, чутко относящемуся къ запросамъ дня и къ широкой читательской массѣ. Расширивъ содержаніе своей книги указанными главами, проф. Грушевскій въ то же время сократилъ ее, совершенно опустивъ обширную главу, заключавшую въ себѣ обзоръ современнаго положенія украинскаго народа и украинскаго движенія. Пропускъ этой главы, содержащей въ себѣ моменты больше политико-публицистическіе, чѣмъ научно-историческіе, можно признать правильнымъ; современныя украинскія отношенія съ каждымъ годомъ усложняются разнообразными привходящими моментами, и ихъ анализъ долженъ найти мѣсто не въ общемъ историческомъ курсѣ, хотя бы и доведенномъ до нашихъ дней, а въ другой книгѣ, со спеціальной задачей. Перу проф. Мих. Грушевскаго и принадлежитъ такая книга: „Освобожденіе Россіи и украинскій вопросъ". Полно и всесторонне разсмотрѣны въ ней тѣ вопросы, отъ включенія которыхъ въ свой „Очеркъ" авторъ отказался.—М. Славинскій.

— Борисъ Веселовскій. „Исторія земства". Томы III и IV. Спб., 1911 [1]).

Колоссально большой трудъ, изумительно кропотливый подборъ матеріала, масса цифръ и безчисленное множество именъ — таково

[1]) О первыхъ двухъ томахъ сочиненія г. Веселовскаго въ нашемъ журналѣ (1909 г. № 4) была помѣщена подробная статья покойнаго В. С. Голубева.

общее впечатлѣніе четырехтомной „Исторіи земства“ г. Веселовскаго. Шагъ за шагомъ слѣдя за развитіемъ земской дѣятельности и условій, въ которыхъ она протекала съ момента образованія земскихъ учрежденій и вплоть до самыхъ послѣднихъ дней, авторъ использовалъ все, что только было возможно,—главнымъ образомъ, текущую литературу предмета: журнальныя статьи, газетныя передовицы, отчеты о засѣданіяхъ земскихъ собраній и самыя разнообразныя корреспонденціи. Въ этомъ, конечно, большая заслуга г. Веселовскаго. Почти непрерывно, въ теченіе всего времени его существованія, земство было боевымъ явленіемъ русской дѣйствительности. А потому, въ систематическомъ изслѣдованіи исторіи земства, само собою разумѣется, нельзя игнорировать журнальнаго и газетнаго матеріала. Но въ этомъ же коренится и основной недостатокъ труда г. Веселовскаго. Наряду съ утвержденіями, принципіально обоснованными, и съ мыслями, строго продуманными, имъ занесено въ исторію и закрѣплено то, что высказывалось и въ публицистикѣ, и въ земскихъ собраніяхъ болѣе или менѣе случайно, порою какъ возраженіе для возраженія.

Вообще г. Веселовскій лишній разъ подтвердилъ, что современнику нельзя писать исторію. Для исторіи необходима недоступная современнику даль перспективы. Большее, что можетъ дать современникъ, какъ бы онъ ни стремился къ объективизму—это матеріалы по исторіи, но не исторію. Съ особенной яркостью отсутствіе у г. Веселовскаго перспективы отразилось на той легкости, съ которою онъ проводитъ черезъ всѣ четыре тома свою основную мысль о роли и значеніи въ земствѣ такъ называемаго „третьяго элемента“. Повторяя слова А. И. Новикова, онъ говоритъ: „съ усложненіемъ земской жизни, особенно сказавшимся съ середины девятидесятыхъ годовъ, вліяніе спеціалистовъ-наемниковъ становится все больше и въ настоящее время центръ тяжести земской организаціи, земства, лежитъ не въ выборныхъ людяхъ, а въ третьемъ элементѣ“. Казалось бы, прежде чѣмъ произнести такой суровый, уничтожающій приговоръ надъ земскимъ *самоуправленіемъ*, автору надлежало, по меньшей мѣрѣ, установить, кого именно онъ объединяетъ понятіемъ земскаго „третьяго элемента“. Но искать у него уясненія этого вошедшаго въ обиходъ термина было бы безполезно. Одно съ ясностью вытекаетъ изъ постояннаго возвращенія автора къ „третьему элементу“: по г. Веселовскому, ядро „третьяго элемента“, т.-е. центра тяжести земства, составляютъ даже не земскіе учителя и не земскіе врачи, а статистики и земская канцелярія. Если таковъ результатъ личныхъ наблюденій г. Веселовскаго, то спорить съ нимъ не приходится. Будучи самъ земскимъ статистикомъ, онъ, быть можетъ, дѣйствительно

въ кругѣ своихъ непосредственныхъ наблюденій видѣлъ только такихъ выборныхъ земскихъ людей, которые, съ „усложненіемъ земской жизни", отдали дѣло въ руки „спеціалистовъ-наемниковъ". Но обобщать личныя наблюденія пишущему исторію, во всякомъ случаѣ, рискованно. Есть у г. Веселовскаго и еще одна предвзятость, кстати сказать блестяще опровергаемая имъ самимъ приводимыми фактами: желаніе свести эволюцію внутренней земской жизни къ шаблонамъ классовой борьбы.

Наибольшій интересъ представляетъ третій томъ. Съ яркостью встаютъ передъ читателемъ и моментъ возникновенія земства, и реакція восьмидесятыхъ годовъ, и наростаніе въ земствѣ конституціонной идеи въ эпоху Сипягина, Плеве и начала освободительнаго движенія. Въ четвертомъ томѣ подведены итоги послѣ конституціоннаго поворота въ земствѣ. Вторая часть четвертаго тома посвящена историческимъ обзорамъ отдѣльныхъ земствъ. Здѣсь увидятъ свои фамиліи чуть не всѣ земскіе дѣятели.—В. К.-К.

— Н. М. Цитовичъ, проф. университета. Св. Владиміра. „Сельское общество, какъ органъ мѣстнаго управленія". Кіевъ, 1911.

Сельское общество въ настоящее время служитъ низшей единицей какъ мѣстнаго управленія, такъ и сословнаго крестьянскаго самоуправленія. Бремя государственныхъ повинностей, возложенныхъ по закону на сельское общество, падаетъ, поэтому, исключительно на крестьянъ, владѣющихъ землей на надѣльномъ правѣ. Остальное сельское населеніе, за рѣдкими и незначительными изъятіями, не привлекается ни къ удовлетворенію ближайшихъ нуждъ мѣстнаго благоустройства, ни къ исполненію низшихъ полицейскихъ обязанностей. Подобный порядокъ явно несправедливъ и вредно отражается на интересахъ мѣстнаго благоустройства и управленія. По мысли проф. Цитовича, реформа сельскаго общественнаго устройства должна отдѣлить административное сельское общество отъ общества земельнаго и дать первому изъ нихъ безсословное устройство. Это положеніе, развиваемое авторомъ въ трехъ первыхъ главахъ его книги, уже высказывалось и въ прессѣ, и въ земскихъ собраніяхъ, и въ правительственныхъ коммиссіяхъ. Заслуга проф. Цитовича—въ томъ, что онъ далъ ему надлежащее обоснованіе. Данныя, заключающіяся въ трудахъ редакціонныхъ коммиссій 1859—60 гг., коммиссіи ст.-секр. Каханова, губернскихъ совѣщаній девяностыхъ годовъ, совѣщанія о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности и редакціонной коммиссіи ст.-секр. Стишинскаго, до сихъ поръ еще не были разработаны. Въ книгѣ проф. Цитовича они систематизированы и сведены въ одно цѣлое. Недостаточно выяснена только финансовая сторона защищае-

мой авторомъ реформы. Въ числѣ источниковъ дохода сельскихъ обществъ имѣются такіе, которые безспорно принадлежатъ поземельнымъ общинамъ. Сюда относятся различнаго рода оброчныя статьи и угодья, капиталы, образовавшіеся отъ продажи мірскихъ земель или отъ ихъ отчужденія на общеполезныя надобности. Доходы съ этихъ имуществъ сельскія общества тратятъ безразлично и на нужды мѣстнаго управленія и благоустройства, и на удовлетвореніе непосредственныхъ потребностей поземельной общины (наемъ пастуховъ, полевыхъ и лѣсныхъ сторожей, пріобрѣтеніе производителей и т. д.) Казалось бы, въ этомъ несправедливо только то, что, въ силу возложенныхъ на нихъ административныхъ обязанностей, поземельныя общины бываютъ вынуждены обращать свои частные доходы на нужды мѣстнаго управленія. Проф. Цитовичъ судитъ, повидимому, иначе: онъ полагаетъ, что „интересъ сельскаго общества, какъ органа мѣстнаго управленія, оказывается въ данномъ случаѣ ничѣмъ не огражденнымъ отъ посягательствъ на него сельскаго общества, какъ поземельной общины, т.-е. союза, по существу, частно-хозяйственнаго". Онъ предлагаетъ различать имущества, принадлежащія административному обществу, отъ имуществъ, принадлежащихъ общинѣ поземельной, но не указываетъ признаковъ, по которымъ должно быть проведено это раздѣленіе. — Послѣдняя глава разбираемой книги посвящена критикѣ внесеннаго правительствомъ въ Государственную Думу законопроекта о поселковомъ управленіи. Реформа сельскаго общества этимъ законопроектомъ, по справедливому замѣчанію проф. Цитовича, не доводится до конца. Поселковое управленіе, согласно правительственному законопроекту, вводится обязательно лишь въ поселеніяхъ, приближающихся къ городскому типу; въ остальныхъ его введеніе ставится въ зависимость отъ ходатайства мѣстнаго населенія. Въ мѣстностяхъ, гдѣ поселковаго управленія не предполагается, законопроектъ оставляетъ въ качествѣ низшей административной единицы поземельныя общества и сходы домохозяевъ, т.-е. тѣ же сельскія общества. Районъ дѣйствія поселковаго управленія вездѣ ограничивается территоріей усадебной осѣдлости. Этимъ предположеніямъ правительственнаго законопроекта проф. Цитовичъ противополагаетъ принципъ западнаго административнаго права: вся, безъ исключеній, территорія государства должна быть распредѣлена между низшими административными единицами. Затрудненіе при проведеніи этого принципа представляютъ имѣнія крупныхъ владѣльцевъ. Исключать ихъ изъ системы мѣстнаго управленія, а слѣдовательно и освобождать отъ расходовъ, съ нимъ связанныхъ — несправедливо, присоединять къ поселеніямъ мелкихъ владѣльцевъ—опасно. Въ послѣднемъ случаѣ представляются двѣ одинаково нежелательныя возможности: или мелкіе владѣльцы,

пользуясь началомъ подоходности обложенія, будутъ удовлетворять свои нужды преимущественно за счетъ крупнаго владѣльца, или послѣдній, въ силу экономическихъ или иныхъ отношеній, подавитъ своимъ вліяніемъ самостоятельность мѣстнаго населенія. Считаясь съ этимъ затрудненіемъ, авторъ предлагаетъ, по примѣру западнаго права, выдѣлять крупныя имѣнія въ самостоятельныя административныя единицы. Въ австрійскомъ законодательствѣ, гдѣ этотъ вопросъ особенно подробно разработанъ, на владѣльцевъ такихъ имѣній возлагаются и обязательные расходы на мѣстное благоустройство, и исполненіе, лично или черезъ замѣстителей, низшихъ, полицейскихъ обязанностей. Проф. Цитовичъ въ своихъ предположеніяхъ не идетъ такъ далеко: по его мысли обязанности владѣльцевъ имѣній, выдѣленныхъ въ самостоятельныя административныя единицы, должны быть ограничены денежными расходами. Падающія на такія имѣнія низшія полицейскія обязанности должны быть переданы должностнымъ лицамъ ближайшихъ поселеній. Съ послѣднимъ мнѣніемъ нельзя не согласиться: въ русской деревнѣ, гдѣ вообще „форменныя фуражки" склонны къ превышенію власти, лучше не возлагать на крупныхъ владѣльцевъ полицейскія обязанности, хотя бы и самыя низшія.—Д. К.

— Л. Дымша. Холмскій вопросъ. Спб., 1910. Съ приложеніемъ 6 статистич. таблицъ и 1 карты края.

„Холмскій вопросъ" весьма широко разработанъ г. Дымшею; книга читается съ большимъ интересомъ. Вопросъ о выдѣленіи Холмщины изъ Царства Польскаго имѣетъ длинную исторію. Онъ былъ возбужденъ впервые непосредственно вслѣдъ за 1863 г. и съ тѣхъ поръ поднимался по разнымъ поводамъ восемь разъ, но, по тѣмъ или инымъ соображеніямъ, постоянно отклонялся. Нынѣ разсматриваемый проектъ возникъ по частной иниціативѣ Холмскаго Богородицкаго Братства и получилъ законодательное движеніе, несмотря на отрицательное отношеніе къ нему высшей мѣстной власти — варшавскаго ген.-губернатора. Знаменательно, по словамъ автора, то, что, пока власть въ государствѣ твердой рукой оберегалась бюрократіей, такіе съ государственной точки зрѣніи безцѣльные и вредные проекты каждый разъ отклонялись. Но бюрократическая власть стала теперь въ такое положеніе, что должна создавать предлоги для промедленія въ осуществленіи конституціоннаго манифеста—и такимъ предлогомъ, вполнѣ пригоднымъ, является поддержаніе искуственной борьбы между національностями, населяющими имперію. Эта борьба можетъ переложить отвѣтственность за явно несостоятельную мѣру на народное представительство—и вотъ, при наличности подобныхъ условій, появился проектъ, внесенный въ Гос. Думу. „Весь проектъ—говоритъ авторъ—

носитъ на себѣ отпечатокъ дѣланности и агитаціи, а не вѣрности и правды". Правительство не повѣрило даже мѣстному ген.-губернатору, а „примкнуло къ мнѣнію мѣстныхъ агитаторовъ и силою вещей должно было воспринять въ свой законодательный матеріалъ и историческую неправду, и фактическія невѣрности, и несуществующіе факты". Далѣе авторъ весьма тщательно доказываетъ, что ни историческія условія, ни этнографическія данныя, ни статистика населенія, ни государственные и мѣстные интересы, ни международные акты, опредѣляющіе границы Царства Польскаго, не оправдываютъ проектъ выдѣленія Холмщины. Цѣль законопроекта указана ясно самими его составителями: „конечно, сама по себѣ мѣра эта не можетъ обезпечить русскіе національные интересы въ Холмской Руси", но „самый фактъ такого выдѣленія произведетъ ободряющее впечатлѣніе на все русское православное населеніе Холмской Руси". Не реальная государственная необходимость положена, слѣдовательно, въ основу законопроекта, а лишь желаніе „произвести *ободряющее впечатлѣніе*" на *часть* мѣстнаго населенія. Авторъ видитъ въ этомъ явное „расширеніе той пропасти, которую русское правительство, въ единеніи съ „истинно-русскими націоналистами", роетъ между двумя націями", безсознательно работая „pour le Roi de Prusse". Итакъ—подводитъ итоги авторъ,—съ какой бы стороны мы ни посмотрѣли на Холмскій проектъ, „съ точки ли зрѣнія реальныхъ государственныхъ интересовъ, нуждъ и потребностей мѣстнаго населенія, со стороны ли публичнаго права и гарантированныхъ манифестомъ правъ гражданскаго равноправія жителей этого края, съ точки ли зрѣнія историческаго прошлаго и неудавшихся опытовъ обрусенія,—всюду и вездѣ одинъ отвѣтъ: это законодательное предположеніе ни государству, ни краю, ни мощи, ни силѣ имперіи никакой пользы принести не можетъ, только неминуемый вредъ возбужденія національной и религіозной борьбы на мѣстахъ". Въ Холмскомъ вопросѣ, по мнѣнію автора, данъ разительный примѣръ не государственной, а „узко-націоналистической политики", которая, „не считаясь съ условіями дѣйствительной жизни, приводитъ законодательную работу къ извѣстному уже гнилостному болоту, въ которомъ такъ недавно увядала внутренняя сила и внѣшняя мощь имперіи".

П. М.

Въ теченіе іюля мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Архимедъ, Гюйгенсъ, Лежандръ, Ламбертъ. — О квадратурѣ круга. Съ прилож. исторіи вопроса, сост. проф. Ф. Рудіо. Пер. съ нѣм. Изд. т-ва „Матезисъ". Одесса, 1911 г. Цѣна 1 р. 20 к.

Блюменталь, Ф. М. — Обществ. борьба съ туберкулезомъ въ Зап. Европѣ и Америкѣ. Часть первая. Изданіе второе. Москва, 1911 г

Больцано, Б. — Парадоксы безконечнаго. Пер. съ нѣм. Изданіе т-ва „Матезисъ". Одесса, 1911 г. Цѣна 80 коп.

Браунъ, Ф., проф. — Мои работы по безпроволочной телеграфіи и по электрооптикѣ. Пер. съ нѣм. Изданіе т-ва „Матезисъ". Одесса, 1910 г. Цѣна 70 коп.

Бречкевичъ, М. В. — Введеніе въ соціальную исторію княжества Славіи, или Западнаго Поморья. Юрьевъ, 1911 г. Цѣна 2 р.

Гаммъ Давидъ.—Самоучитель нѣмецкаго языка. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. Москва, 1811 г. Цѣна 60 коп.

Гонкуры, Э. и Ж. — Братья Земганно. Изд. „Сфинкса". Москва, 1911 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Горбуновъ-Посадовъ, И. — Малымъ ребятамъ. Книжки 1-я, 2-я, 3-я, 4-я, 5-я, 6-я, 7-я и 8-я. Изданіе „Посредника". Москва, 1911 г. Цѣна по 3 коп.

Гурса, Э. — Курсъ математическаго анализа. Томъ I. Перев. съ франц. Москва, 1911 г. Цѣна 6 руб.

Долгополовъ, Нифонтъ.—Памяти Л. Н. Толстого. Астрахань, 1911 г. Цѣна 15 коп.

Евдокимовъ, А. А.—Кооперативный сбытъ продуктовъ сельскаго хозяйства въ Россіи. Харьковъ, 1911 г. Цѣна 1 р.

Ефремовъ, Сергій.—Історія Українського письменства. Видавництво „Український учитель". Спб. Ціна 2 карб.

Зубрилинъ, А. А.—Ленъ и обработка его на волокно. Изданіе И. Горбунова-Посадова. Москва, 1911 г. Цѣна 4 коп.

Келеръ, В. В.—Стихи. Москва, 1911 г.

Кольраушъ, Ф. Л. д-ръ. — Введеніе въ дифференціальное и интегральное исчисленіе. Пер. съ нѣм. Спб., 1911 г. Цѣна 2 р.

Кисель, А. А., и *Майзель*, И. Е. — Развитіе и воспитаніе дѣтей отъ года до 14 лѣтъ. Изд. 2-ое. Москва, 1911 г. Цѣна 25 коп.

Кисель, А. А., и *Майзель*, И. Е. — Грудной ребенокъ, вскармливаніе и уходъ за нимъ. Изд. 2-ое. Москва, 1911 г. Цѣна 25 коп.

Лоджъ, Оливеръ. — Міровой эфиръ. Пер. съ англ. Изд. т-ва „Матезисъ". Одесса, 1911 г. Цѣна 80 коп.

Лопатинъ, Л. М. — Положительныя задачи философіи. Часть I. Область умозрительныхъ вопросовъ. Москва, 1911 г. Цѣна 2 р.

Мамлокъ, Л. — Стереохимія. Пер. съ нѣм. Изд. т-ва „Матезисъ". Одесса, 1911 г. Цѣна 1 р. 20 к.

Маріолинъ, А. Д.—Въ полосѣ ликвидаціи. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Маргуліесъ, Д. Н. д-ръ.—Человѣкъ и его мѣсто въ природѣ. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р.

Модестовъ, А.—Какъ получать хорошіе урожаи хлѣбовъ. Изданіе И. Горбунова-Посадова. Москва, 1911 г. Цѣна 3 коп.

Гюи-де-Мопассанъ.—Хорля и др. разск. Пер. съ франц. Изд. „Шиповника". Спб. Цѣна 1 р.

Гюи-де-Мопассанъ. — Наше сердце. Пер. съ франц. Изд. „Шиповника". Спб. Цѣна 1 р.

Мищенко, Л. Л. — Благодатные острова. Изданіе ежемѣсячнаго журнала „Свѣтлый Лучъ". Спб. 1911 г. Цѣна 25 к.

Немировичъ-Данченко, Вас.—Въ морѣ. Изд. т-ва И. Д. Сытина. Цѣна 1 р.

——— Монахъ. Изд. т-ва И. Д. Сытина. Москва. Цѣна 1 р.

Орловъ, А. И.—Паскаль, его жизнь и труды. Изданіе „Посредника". Москва, 1911 г. Цѣна 10 к.

Павликъ, М.—Переписка Михайла Драгоманова З Мелітономъ Бучинським. У Львові. 1910 г. Ціна 4 корон.

Планкъ, М. — Отношеніе новѣйшей физики къ механистическому міровоззрѣнію. Пер. съ нѣм. Изданіе т-ва „Матезисъ". Одесса, 1911 г. Цѣна 25 коп.

Поповъ, Н. М. — Соврем. эпидемія школьныхъ самоубійствъ въ Россіи. Клиническіе матеріалы. Казань, 1911 г. Цѣна 80 коп.

Раевскій, С. Н.—Къ постройкамъ стараго Петербурга. Спб. 1911 г.

Ремизовъ, Алексѣй.—Томъ третій. Изд. „Шиповника". Спб. Цѣна 1 р. 25 к.

Смитъ, Александръ. — Введеніе въ неорганическую химію. Пер. съ англ. Вып. II. Изд. т-ва „Матезисъ". Одесса, 1911 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Маркъ Твэнъ. — Избранные разсказы. Книга первая. Перев. съ англ. Изд. „Шиповника". Спб. Цѣна 1 р. 25 к.

Толстой, Л. Н. — Изд. „Посредника": 1) Смиреніе. Москва, 1911 г. Цѣна 7 коп.; 2) Мысль. Москва, 1911 г. Цѣна 10 коп.; 3) Слово. Москва, 1911 г. Цѣна 7 коп.; 4) Недѣланіе. Москва, 1911 г. Цѣна 7 коп.; 5) Плоды просвѣщенія. Москва, 1911 г. Цѣна 8 коп.; 6) Власть тьмы. Москва, 1911 г. Цѣна 8 коп.; 7) Самоотреченіе. Москва, 1911 г. Цѣна 10 коп.; 8) Корыстолюбіе. Москва, 1911 г. Цѣна 7 коп.; 9) Насиліе. Москва, 1911 г. Цѣна 10 коп. 10) Гнѣвъ. Москва, 1911 г. Цѣна 10 коп.; 11) Усиліе. Москва, 1911 г. Цѣна 7 коп.; 12) Ложныя вѣры. Москва, 1911 г. Цѣна 7 коп. 13) Гордость. Москва, 1911 г. Цѣна 7 коп.; 14) Жизнь въ настоящемъ. Москва, 1911 г. Цѣна 7 коп.; 15) Тщеславіе. Москва, 1911 г. Цѣна 7 коп.; 16) Тунеядство. Москва, 1911 г. Цѣна 10 коп.; 17) Ложная наука. Москва, 1911 г. Цѣна 10 коп.; 18) Излишество. Москва, 1911 г. Цѣна 7 коп.; 19) Душа. Москва, 1911 г. Цѣна 7 коп.; 20) Богъ. Москва, 1911 г. Цѣна 7 коп.; 21) Одна душа во всѣхъ. Москва, 1911 г. Цѣна 7 коп.; Любовь. Москва, 1911 г. Цѣна 10 коп.; 22) Половая похоть. Москва, 1911 г. Цѣна 7 коп.; 23) Грѣхи, соблазны, суевѣрія. Москва, 1911 г. Цѣна 7 коп.; 24) О вѣрѣ. Москва, 1911 г. Цѣна 10 коп.

Ф. Юр.—Стихотворенія. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р.

Федосѣевъ, П. И.—Непонятная. Изд. „Сфинкса". Москва, 1911 г. Цѣна 1 р.

Фурнье. — Два новыхъ міра. Пер. съ англ. Изд. т-ва „Матезисъ". Одесса, 1911 г. Цѣна 80 коп.

Шевченко, Т. Г.—Кобзарь. Въ переводѣ И. А. Бѣлоусова. Москва, 1911 г. Цѣна 1 р.

Штокъ, А., и *Штелеръ*. А.—Практическое руководство по количественному неорганическому анализу. Пер. съ нѣм. Изд. т-ва „Матезисъ". Цѣна 1 р. 20 к.

Шубертъ, Г., проф. — Математическія развлеченія и игры. Пер. съ нѣм. Изд. т-ва „Матезисъ". Одесса, 1911 г. Цѣна 1 р. 40 к.

— Вопросы колонизаціи. Періодич. сборникъ. № 9. Спб., 1911 г. Цѣна 2 р. 50 к.

— Виды на урожай хлѣбовъ и травъ въ Симбирской губерніи на 15 іюня 1911 г. Симбирскъ, 1911 г. Цѣна 25 коп.

— Доклады Олонецкой губ. зем. управы губ. зем. собранію сессіи 1910 года. Петрозаводскъ, 1911 г.

— Журналы Олонецкаго губ. зем. собранія сессіи 1910 года. Петрозаводскъ, 1911 г.

— Землеустройство (1907—1910 гг.). Изданіе гл. упр. земл. и земледѣлія. Спб. 1911 г.

— Збірникъ математично-природописно-лікарськоі секциі наукового товариства імени Шевченка. Томъ XIV. У Львові, 1910 г. Ціна 5 корон.

— Збірник етнографічнии. Томъ XXIX. Етнографічні матеріяли З угорськоі Руси. Т. V. У Львові, 1910 г. Ціна 4 кор.

— Изданія „Посредника“ № 88. Какъ лучше разводить кормовую вику? Сост. Н. Григоровъ. № 83. Бѣлое перо и др. легенды. №№ 235 и 270. Божій міръ. № 240. С. Т. Семеновъ. Нужды и недостатки крестьянскихъ обществъ. № 301. С. Т. Семеновъ. Сума переметная. № 337. Добрая душа. По Ф. Коппе изложила Е. Б. № 348. Козыревъ. Школа № 448. Путеводная звѣзда. Сборникъ стихотвореній. Сост. И. Горбуновъ-Посадовъ. № 451. А. Додэ. Два отца. № 559. Житіе св. Варвара, бывшаго прежде разбойникомъ, преп. Серапіона, Виталія и св. Таисіи. № 718. Л. Н. Толстой. Крейцерова соната. № 838. Ф. Коппе. Свѣтлый день. № 855. А. С. Пушкинъ. Цыганы. „Свободное воспитаніе“. № 8. „Маякъ“, № 4.

— Колебаніе курсовъ всѣхъ процентныхъ бумагъ, котирующихся на Петербургской биржѣ за послѣдніе 7 лѣтъ. Спб. Цѣна 1 р.

— Народное образованіе въ Елисаветградскомъ уѣздѣ, Херсонской губ. въ 1909 году. Елисаветградъ, 1910 г.

— Народное образованіе въ Елисаветградскомъ уѣздѣ Херсонской губ. въ 1910 году. Елисаветградъ, 1911 г.

— Отчетъ о состояніи учебныхъ заведеній кавказскаго учебнаго округа за 1910 годъ. Тифлисъ, 1911 г.

— Протоколы засѣданій Бердянскаго уѣзднаго земскаго собранія за 1910 г., съ приложеніями. Бердянскъ, 1911 г.

— Русская математическая библіографія. Вып. I. Подъ ред. проф. Д. М. Синцова. Изд. т-ва „Матезисъ“. Одесса, 1910 г. Цѣна 60 коп.

— Руководство для таксировки грузовъ. Спб. 1911 г.

— Современныя настроенія. Штрихи волгаря. Симбирскъ, 1911 г. Цѣна 10 коп.

Труды Харьковскаго общества сельскаго хозяйства. Вып. II. Отчетъ сѣти опытныхъ полей по культурѣ картофеля въ Харьковской губерніи. Харьковъ, 1911 г.

Статистика за редовния военен наборъ прѣзъ 1905 и 1906 година. София, 1911 г.

— Федьковича Осипа Юрія писана. Томъ V. У Львові, 1910 г. Ціна 5 корон.

ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Текущая статистика смертныхъ казней. — Оппозиціонность слѣва и революціонныя проявленія справа. —Іеромонахъ Иліодоръ.—„Нажимъ“ на законъ и факты одного съ нимъ порядка. — Сознанная и признанная надзаконность.—Ея кровавые результаты. — „Потѣшные“. — Отъ сокольской гимнастики возвратъ къ кантонистамъ.— Столкновеніе между директоромъ кіевскаго корпуса и г. Юзефовичемъ.—Изъ курьезовъ губернаторской литературы.

По подсчету „Рѣчи“, съ 1-го іюня по 1-е іюля военно-окружными судами постановлено было въ разныхъ городахъ имперіи 13 смертныхъ приговоровъ. Наибольшее количество приговоровъ состоялось въ Иркутскѣ—7. Затѣмъ слѣдуютъ: Красноярскъ—5 и Варшава—1. Всего приговорено къ смертной казни за первое полугодіе текущаго года 93 человѣка. Казнено за это время 29, изъ нихъ въ іюнѣ—2. Итакъ, работа палача продолжается и выразилась, въ теченіе полугода, въ закономѣрномъ лишеніи жизни двадцати девяти человѣкъ.

Палачъ „работалъ“ закономѣрно. Его удѣлъ—всеобщее презрѣніе, но юридически онъ безупреченъ. Закономѣрно ли дѣйствовала власть, измѣнявшая подсудность, приводившая въ движеніе аппаратъ законовъ военнаго времени и утверждавшая смертные приговоры? Формально, по буквѣ исключительныхъ положеній—вѣрнѣе, по тому пониманію ихъ буквы, которое обратило исключенія въ норму,—власть тоже дѣйствовала закономѣрно. По мысли же, заложенной въ русское законодательство, въ томъ числѣ и въ законы чрезвычайные,—нѣтъ, ибо за эти полгода не было ни одного случая революціонно-политическаго террора, ни по цѣли, ни по обстановкѣ посягательствъ. Были грабежи, нападенія на винныя лавки, на волостныя правленія и на поѣзда желѣзныхъ дорогъ. Были убійства въ тюрьмахъ. Были тяжкіе случаи нарушенія дисциплины въ войскахъ. Всѣ эти преступленія, однако, не выходили изъ границъ обычной уголовной преступности. Въ нихъ не было и тѣни проявленія революціи. Смертныя казни, слѣдовательно, не имѣли того единственнаго оправданія, которое извѣстно нашему закону. Двадцать девять казней въ теченіе перваго полугодія 1911-го года не были террористическимъ отвѣтомъ на революціонный терроръ. Онѣ были одностороннимъ „бытовымъ явленіемъ“ нашей современности—или отвѣтомъ на факты прошлаго, или кровавой угрозой въ счетъ будущаго.

Тѣхъ революціонныхъ проявленій, для подавленія которыхъ недавно строились тысячи висѣлицъ, въ настоящее время нѣтъ и слѣда.

Слѣва есть только оппозиціонность: глухое недовольство, все болѣе наростающее, и молчаливый протестъ, уже успѣвшій стереть партійныя различія лѣвыхъ партій. Въ этомъ отношеніи искать иллюстрацій не приходится. Блестящимъ образомъ засвидѣтельствовали и то, и другое хотя бы выборы въ западное земство. Здѣсь не было ни кадетовъ, ни трудовиковъ, ни народныхъ соціалистовъ, ни соціалъ-демократовъ, а была слѣва одна „земская партія", противополагавшая себя союзу русскаго народа и націоналистамъ. Что это за партія—неизвѣстно. Имѣетъ ли она написанную программу—тоже. Повидимому, ни общеполитической программы, ни партійной организаціи у западно-русской „земской партіи" не существуетъ. Уже одно ея наименованіе свидѣтельствуетъ, что это есть простое, молчаливо сложившееся единеніе людей вокругъ реальнаго земскаго дѣла,—единеніе, протестующее противъ того, что желала бы видѣть въ западномъ земствѣ правящая власть и съ нею вмѣстѣ союзники и націоналисты.

Но если нѣтъ революціонныхъ проявленій слѣва, это не значитъ, чтобы ихъ не было вовсе. Внутренняя суть революціи—въ сознательномъ и открытомъ отрицаніи повиновенія закону. По самому общему опредѣленію, революціонеръ есть тотъ, кто ставитъ свою волю выше закона и стремится законъ себѣ подчинить. Для революціи, правда, кромѣ стремленій нужны дѣйствія, но насильственный ихъ характеръ не составляетъ исчерпывающаго признака понятія революціи. Насильственный характеръ революціонныхъ дѣйствій обыкновенно предполагается, ибо существующій государственный порядокъ, въ общемъ правилѣ, добровольно не сдается. Но государство можетъ, по разнообразнымъ причинамъ, пассивно относиться къ проявленіямъ революціи—и тогда они, отнюдь не утрачивая своей революціонности, также могутъ проходить безъ насилія. Въ періодъ, непосредственно предшествовавшій 17-му октября 1905-го года, политическая забастовка и ежедневные повсемѣстные митинги были несомнѣнными проявленіями не готовившейся, а уже наступившей и охватившей всю страну революціи: дѣйствующаго закона и обязанности повиноваться ему въ сознаніи бастовавшихъ и митинговой толпы тогда не существовало. И, однако, массовыхъ насилій не совершалось, потому что утратившее вѣру въ свои силы государство не рисковало вступать въ борьбу. Время массовыхъ насильственныхъ дѣйствій наступило позже, когда прошло состояніе паралича власти, съ одной стороны, а съ другой — революція, переоцѣнившая свой успѣхъ, рѣшила нанести послѣдній, какъ тогда говорилось, ударъ.

Справа въ настоящій моментъ наблюдается цѣлый рядъ такихъ проявленій, которыхъ иначе, какъ революціонными, назвать нельзя.

Но „работа“ палача — не для этихъ проявленій. Они не только для нея, но и вообще для карательныхъ воздѣйствій—недосягаемы. „Всемѣрная полнота власти“ передъ ними склоняется. Если въ періодъ, предшествовавшій 17-му октября, революціонныя проявленія слѣва развивались при попустительствѣ власти, то сейчасъ такія же проявленія справа развиваются при ея содѣйствіи, порою, правда, вынужденномъ. Самое крупное и характерное изъ революціонныхъ проявленій справа — то, что совершается сейчасъ въ Царицынѣ и на Волгѣ и что связывается съ именемъ іеромонаха Иліодора. Для о. Иліодора ничего, кромѣ его „я“, не существуетъ. Для толпы, которая его окружаетъ, онъ выше всего. Въ своихъ проповѣдяхъ, гораздо болѣе политическихъ, нежели религіозныхъ, онъ отводитъ себѣ лишь второе мѣсто—служителя и хранителя идеи государственнаго абсолютизма. Но онъ ей служитъ и ее охраняетъ отнюдь не считаясь съ государственной волею, поскольку выраженіемъ государственной воли служатъ нормы закона. Онъ считается исключительно съ волею собственнаго „я“, съ своимъ пониманіемъ идеи, и властно требуетъ подчиненія именно этому пониманію. Какъ писалъ корреспондентъ „Русскаго Слова“, въ глазахъ иліодоровцевъ есть одно противоположеніе: Иліодоръ, и его враги. Его „враги“: синодъ, губернаторы, исправники, жандармы и безразлично смѣшиваемые съ ними интеллигенты, армяне, мусульмане, евреи и „жидовская печать“. Іеромонахъ Иліодоръ не первый возвелъ себя въ надзаконное положеніе хранителя идеи абсолютизма. Въ этомъ смыслѣ онъ только типичный представитель нашего черносотенства и продолжатель Дубровина, правыхъ членовъ Думы, генерала Думбадзе, архіепископа Антонія и объединенныхъ дворянъ. Но онъ отъ словъ—петицій, резолюцій, рѣчей съ думской каѳедры, приказовъ по гор. Ялтѣ и пастырскихъ поученій — перешелъ къ дѣлу. Онъ даже не угрожаетъ. Онъ уже никого не убѣждаетъ и не проситъ. Онъ организовалъ толпу и дѣйствуетъ. Сравнительно съ Дубровинымъ, который въ 1905 и 1906 гг. тоже дѣйствовалъ, особенность Иліодора—въ его признанномъ правѣ быть учителемъ народа и проповѣдникомъ.

Побѣда, одержанная „смиреннымъ монахомъ“ надъ совѣтомъ министровъ и синодомъ, не прошла безслѣдно. И онъ самъ, и окружающая его толпа утвердились въ сознаніи его надзаконной правоты. Для него и для его послѣдователей теперь окончательно рухнули всякіе авторитеты. Говорятъ, что окружающую о. Иліодора и разъѣзжающую съ нимъ по Волгѣ толпу составляютъ преимущественно женщины, старики и подростки и что потому нѣтъ основанія придавать серьезнаго значенія иліодоровщинѣ. Едва ли это вѣрно. Для толпы нужно только ядро: изъ кого бы оно ни состояло, толпа станетъ расти сама, какъ

катящійся комъ снѣга. Для сцѣпленія же ядра въ иліодоровщинѣ есть все, что притягиваетъ мало культурныхъ людей: смѣлая и открытая политическая проповѣдь на религіозной подпочвѣ, сдобренная ненавистью къ инородцамъ и иновѣрцамъ, и, главное, обаяніе человѣка, который надъ всѣми взялъ верхъ и все можетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ явленіе контръ-революціонное, иліодоровщина восприняла въ себя революціонное настроеніе. Тому же корреспонденту одинъ изъ царицынцевъ, бывшій иліодоровецъ, говорилъ: „Сейчасъ трудно узнать Иліодора. Іеромонахъ очень перемѣнился. Приспособился къ обстоятельствамъ. Когда онъ явился сюда, то всѣхъ насъ привлекъ своимъ неистовымъ обличеніемъ властей, синода, мѣстныхъ капиталистовъ-пауковъ. Вспомните, что это было время, когда митинги и собранія были запрещены, газеты придавлены. Негдѣ было проявиться свободному чувству негодованія. Вотъ почему мы полюбили о. Иліодора и, дѣйствительно, были готовы защищать его. Мы прощали ему его странности и всѣ безобразія. На этомъ чувствѣ, можно сказать, былъ построенъ его монастырь. Всѣ помогали и жертвовали, ибо видѣли въ о. Иліодорѣ обличителя пороковъ властей и капиталистовъ“...

Газеты полны разсказовъ о столкновеніяхъ на волжскихъ пароходахъ между Иліодоромъ и пассажирами. Наиболѣе существенное въ этихъ разсказахъ — властный тонъ Иліодора по адресу полиціи и пароходной администраціи. Послѣ безобразныхъ по грубости словъ, сказанныхъ имъ г-жѣ Георгіевской, онъ немедленно распорядился: „узнайте черезъ полицію фамиліи этихъ двухъ женщинъ и запишите всѣхъ, кто тутъ возбуждаетъ толпу“. Когда явилась полиція, Иліодоръ потребовалъ высадить съ парохода шесть человѣкъ, „возбуждающихъ толпу“. Агенту пароходства онъ объявилъ, что если указываемые имъ шесть пассажировъ не будутъ высажены, то онъ не ручается за ихъ безопасность. Въ этомъ требованіи ему было отказано. Но отказъ былъ переданъ газетами не просто, какъ то, что безъ малѣйшихъ сомнѣній должно было имѣть мѣсто, а съ яснымъ намекомъ на геройскій поступокъ мѣстной полиціи. Для отказа потребовалось прибытіе полиціймейстера. Необходимость же высадить самого Иліодора, какъ единственнаго человѣка, возбуждавшаго толпу, никому и въ голову не приходила. Также властно держалъ себя Иліодоръ при столкновеніи съ пассажиромъ, который въ отвѣтъ на его грубый окрикъ, сказалъ: „что онъ — сумасшедшій, что ли?“ И также точно не потерпѣвшій, а виновникъ столкновенія вышелъ побѣдителемъ. „Иліодоръ — сообщалось въ газетныхъ телеграммахъ — потребовалъ разыскать пассажира, установить его личность, составить протоколъ и высадить съ парохода. Полиція и почитатели Иліодора

приступили къ обыску. Лицомъ, усомнившимся въ умственныхъ способностяхъ іеромонаха, оказался помощникъ командира одного изъ морскихъ пароходовъ общества „Кавказъ и Меркурій", который немедленно былъ высаженъ съ парохода. Иліодоръ обѣщалъ по возвращеніи въ Царицынъ расправиться съ оскорбителемъ. Полиція составила протоколъ".

При выходѣ на пристань въ Казани Иліодоръ, замѣтивъ, что изъ собравшейся публики кое-кто не снялъ шапокъ, крикнулъ: „шапки долой — Русь идетъ!" Въ рѣчи, сказанной имъ въ Хвалынскѣ при встрѣчѣ съ епископомъ Гермогеномъ, онъ далъ объясненіе этому надменно-властному окрику: онъ точно формулировалъ поставленную имъ себѣ политическую задачу и вмѣстѣ съ тѣмъ ясно подчеркнулъ, зачѣмъ, для чего и по какому психологическому закону собралъ толпу паломниковъ. Не для молитвы онъ ѣздилъ съ паломниками въ Саровъ. „Мы ѣдемъ,—говорилъ онъ,—подымать Поволожье на защиту русскаго дѣла. Въ жизни часто наблюдается такое явленіе: когда собирается толпа народа, среди нея разгорается споръ, гдѣ побѣждаетъ обычно тотъ, кто всѣхъ перекричитъ. Въ такіе моменты не разсуждаютъ, кто правъ, кто виноватъ; кто окажется въ общей разноголосицѣ сильнѣе, на сторонѣ того правда, на томъ останавливается взоръ всѣхъ людей. Въ настоящее время люди раздѣлились на нѣсколько партій. Одни кричатъ: подайте намъ новаго идола; другіе взываютъ: подайте намъ конституцію; третьи требуютъ республику. Побѣждаетъ, конечно, тотъ, на чьей сторонѣ сила. Ради этого съ шумомъ и крикомъ совершаемъ мы свой подвигъ. Пусть врагамъ нашимъ это не нравится, пусть насъ упрекаютъ за это, — мы будемъ дѣлать свое святое дѣло такъ же, какъ начали: именно, съ шумомъ и крикомъ". „Еп. Гермогенъ—такъ заканчивается газетная телеграмма изъ Царицына отъ 16-го іюля — въ длинной рѣчи громилъ безбожную интеллигенцію и сектантовъ и заявилъ, что онъ вполнѣ раздѣляетъ высказанные Иліодоромъ взгляды".

П. А. Столыпинъ, когда то нужно для торжества его „я", производитъ „нажимъ" на законъ—въ ставкѣ на сильныхъ, или для обезпеченія выборныхъ успѣховъ очередной по симпатіямъ партіи, или въ борьбѣ съ общественной самодѣятельностью, или для проведенія отвергнутаго законодательными учрежденіями проекта, или для исключенія изъ университета студентовъ. Въ его распоряженіи „полнота власти", и онъ можетъ ограничиваться „нажимомъ", — толкованіемъ и разъясненіемъ закона. Генералы Думбадзе и Толмачевъ, гг. Хвостовъ, Муратовъ и т. д., не имѣя власти законъ разъяснять, съ нимъ просто не считаются, поскольку онъ стѣсняетъ ихъ темпераментъ и желанія. Для этого они имѣютъ завѣренную опытомъ фактическую возможность. Въ Острожскомъ уѣздѣ, Волынской губерніи, невѣдомый

доселѣ уѣздный предводитель дворянства по назначенію, г. Борисовъ, вычеркнулъ изъ избирательныхъ списковъ, безъ всякаго законнаго основанія, 180 владѣльцевъ ценза и на запросъ по этому поводу губернатора съ гордостью отвѣтилъ: „поступилъ такъ потому, что слѣдую велѣніямъ своей совѣсти и сознанію долга оберечь населеніе и будущее земство отъ засилія инородцевъ-чеховъ". Когда же исключенные имъ избиратели были возстановлены въ правахъ, и г. Борисовъ во время избирательнаго собранія увидѣлъ, что шансы націоналистовъ стоятъ плохо,—онъ, очевидно снова „слѣдуя велѣніямъ своей совѣсти", систематически отказывалъ въ исполненіи законнѣйшаго требованія поставить на баллотировку намѣченныхъ кандидатовъ, затянулъ собраніе до глубокой ночи и закрылъ. Въ Царицынѣ и на Волгѣ іеромонахъ Иліодоръ бранится направо и налѣво, выгоняетъ изъ церкви дамъ, носящихъ модныя платья, разжигаетъ дикія страсти толпы и, прекрасно понимая, что и для чего дѣлаетъ, требуетъ содѣйствія со стороны полиціи. Если всѣ эти факты не суть явленія совпадающія, то они все же одного порядка. Психологическое единство ихъ—внѣ сомнѣнія. Причинная зависимость—гораздо полнѣе, чѣмъ это кажется на первый взглядъ. „Правовая анархія"—гидра ползучая и всегда безудержно ползущая.

Сознаніе надзаконности своего положенія и признаніе этой надзаконности со стороны органовъ власти, со стороны высшихъ—недосказанно-молчаливое, со стороны низшихъ—большею частью совершенно откровенное: вотъ основныя, типичныя черты всѣхъ, сдѣлавшихся чуть не повседневными, случаевъ самовольныхъ и самоуправныхъ дѣйствій, совершаемыхъ офицерами. Когда въ шестидесятыхъ годахъ создавалось пореформенное военно-уголовное законодательство, высшими государственными учрежденіями было положено немало труда на ясное и послѣдовательное проведеніе того начала, что внѣ службы и внѣ тѣхъ спеціальныхъ отношеній, которыя во имя службы возникаютъ между военнослужащими, воинскіе чины всѣхъ степеней никакого особаго положенія въ государствѣ не занимаютъ, что они такіе же граждане, какъ и подданные, не носящіе военнаго платья, и потому обязаны повиноваться общему для всѣхъ закону. Это начало продолжаетъ съ прежней ясностью стоять на бумагѣ. Но изъ сознанія тѣхъ, для кого обязательно класть его въ основу внѣслужебнаго поведенія, оно вылетѣло. Факты, порой курьезные, вродѣ требованія юноши-офицера высадить изъ желѣзнодорожнаго вагона пассажира, дабы для него очистить мѣсто, но нерѣдко и кровавые,—у всѣхъ въ памяти, и мы не станемъ ихъ перечислять. Остановимся на нѣкоторыхъ, наиболѣе позднихъ.

Въ Тавастгузскомъ ратгаузскомъ судѣ недавно слушалось дѣло, въ числѣ свидѣтелей по которому были вызваны два русскихъ офицера. Передъ допросомъ ихъ судья, по словамъ газеты „Visi Suotemar", предложилъ офицерамъ принести установленную присягу. Свидѣтели-офицеры заявили, что они согласны принести присягу только въ томъ случаѣ, если всѣ члены суда выслушаютъ присягу стоя. Судъ отклонилъ это предложеніе. Эту замѣтку мы прочли въ „Рѣчи". Чѣмъ разрѣшился инцидентъ—газета не сообщала. Но нельзя сомнѣваться въ томъ, что офицеры не сдались и что если судья сообщилъ по начальству о ихъ совершенно недопустимомъ вмѣшательствѣ въ правила и порядокъ дѣйствующаго въ Финляндіи судебнаго процесса, то самое большее, что они услышали — это сдѣланное для виду замѣчаніе, содержавшее въ себѣ гораздо болѣе одобренія, нежели порицанія. И несомнѣнно также, что офицеры, выходя изъ засѣданія суда, мыслили, а пожалуй и говорили: „финляндцевъ надо учить уваженію къ святости присяги и къ чести военнаго мундира". Они навѣрное гордились, чувствуя себя иниціаторами раскрытія не замѣченной никѣмъ новой крамолы въ финляндскихъ судахъ. Имѣли ли они для всего этого основанія? Основаній законныхъ они, конечно, не имѣли, но основаній житейскихъ—сколько угодно. Не будетъ вовсе невѣроятнымъ, если инцидентъ въ тавастгузскомъ ратгаузскомъ судѣ послужитъ поводомъ для предъявленія финляндскому сейму требованія измѣнить судопроизводственныя правила и обязать судъ выслушивать присягу свидѣтелей стоя, или, еще проще—для измѣненія этихъ правилъ генералъ-губернаторскимъ распоряженіемъ. Преслѣдованіе, возбужденное одесскимъ градоначальникомъ противъ А. Е. Бродскаго за „присвоеніе" христіанскаго имени, окончилось оправдательнымъ приговоромъ. Слѣдовательно, по авторитетному признанію судебной власти, ничего запрещеннаго не было въ томъ, что г. Бродскій называлъ себя Аркадіемъ, а не Арономъ. Но иниціатива ген. Толмачева, тоже открывшаго никѣмъ ранѣе не замѣчавшуюся крамолу, въ полной мѣрѣ восторжествовала. При выборахъ 1910-го года у всѣхъ одесскихъ евреевъ-избирателей производилась повѣрка именъ. А затѣмъ не замедлилъ явиться и запретъ, въ видѣ циркуляра о томъ, что евреи не имѣютъ права именоваться христіанскими именами. Когда тотъ же ген. Толмачевъ закрылъ акушерскіе курсы, учрежденные и содержимые евреемъ для евреекъ — это былъ актъ незаконный. Но иниціатива и тутъ не пропала. Нынѣ состоялось уже распоряженіе о распространеніи процентной нормы для евреевъ на повивальные институты, гдѣ бы и кѣмъ бы они ни были учреждены.

Въ вагонѣ трамвая и желѣзной дороги, на улицѣ, въ театрѣ, въ ресторанѣ, офицеры „учатъ" обывателей. Вмѣшается городовой—они

переносятъ „учебу“ на него. Само собою разумѣется, что роль самозванныхъ блюстителей порядка и насадителей желательныхъ, съ надзаконной точки зрѣнія, нравовъ и убѣжденій взяли на себя не всѣ офицеры русской арміи. Но явленіе стало столь распространеннымъ, что не обобщать его нельзя. Правда, и среди другихъ россійскихъ обывателей есть немало охотниковъ и любителей „учить“. Ихъ „ученіе“, однако, никогда не встрѣчаетъ властнаго содѣйствія, и чуть оно коснется городового, хотя бы городовой былъ кругомъ неправъ, за нимъ всегда слѣдуетъ если не дѣло о сопротивленіи, то штрафъ въ порядкѣ охраны. „Слушаться!“ „Не смѣть разсуждать!“ „Не разговаривать!“— таковы обычныя основы „ученія“, идущаго отъ офицеровъ. При неуспѣхѣ „ученія“ словомъ—наказаніе: ударъ кулакомъ, чаще шашкой, или револьверный выстрѣлъ. Въ вагонѣ поѣзда между студентомъ Б. и капитаномъ М. произошелъ споръ на политической почвѣ. Споръ закончился тѣмъ, что капитанъ разрубилъ студенту голову. Сообщая этотъ фактъ, газетная телеграмма гласила: „Рана угрожаетъ жизни. Студентъ помѣщенъ въ больницу. Офицеръ прослѣдовалъ дальше“. Прослѣдовалъ ли бы „дальше“ студентъ, если бы не капитанъ ему, а онъ капитану разрубилъ голову?.. „Ты что же, мерзавецъ, не знаешь развѣ правилъ, что въ вагонахъ трамвая курить воспрещается!“ — крикнулъ въ Курскѣ пассажиръ-офицеръ старику-купцу, который, собираясь выйти изъ вагона, вынулъ папиросу. Купецъ возразилъ. Офицеръ съ бранью вырвалъ папиросу и столкнулъ купца съ площадки вагона. Упавшій купецъ, поднимаясь, сказалъ: „Такъ могъ только сдѣлать человѣкъ невоспитанный и, во всякомъ случаѣ, не офицеръ“. Немедленно послѣдовала кара: офицеръ ударилъ купца шашкой, отсѣкъ ухо и нанесъ рану въ шею („Всеобщая Газета“, № 662). Въ Калугѣ извозчикъ отказалъ офицеру везти троихъ. Призванный городовой „осмѣлился“ стать на сторону извозчика. Онъ сказалъ, что извозчикъ правъ: „возить троихъ не полагается“. Офицеръ за это ударилъ городового. Когда затѣмъ городовой пришелъ въ офицерское собраніе, другой офицеръ его два раза ударилъ по лицу за то, что на окрикъ: „ты пьянъ!“—онъ отвѣтилъ: „никакъ нѣтъ, ваше благородіе, отъ роду не пью“.

Въ извѣстномъ трагическомъ эпизодѣ нанесенія тяжкихъ ранъ поручикомъ Кугатовымъ конторщику Полякову,—эпизодѣ, который имѣлъ мѣсто въ Царицынѣ весною нынѣшняго года,—самое характерное то, что раны были нанесены въ полицейскомъ участкѣ. Поляковъ былъ виноватъ: въ пьяномъ видѣ онъ грубо оскорбилъ жену г. Кугатова. Когда онъ сталъ убѣгать, г. Кугатовъ бросился за нимъ, стрѣлялъ въ него. Хотя и въ уличной стрѣльбѣ по оскорбителю есть полный составъ преступнаго самоуправства, но оно такого рода, что

легко можетъ быть отнесено на счетъ естественнаго раздраженія и минутно захватившей человѣка жажды мщенія. Во всякомъ случаѣ, въ этотъ моментъ въ лицѣ г. Кугатова дѣйствовалъ человѣкъ, у котораго въ карманѣ оказался револьверъ — человѣкъ, быть можетъ, излишне горячій, но не офицеръ, толкаемый сознаніемъ своего надзаконнаго положенія. Уличные выстрѣлы были безрезультатны. На нихъ пришли полицейскіе; Полякова задержали и увели въ участокъ. Для обиженнаго, съ момента ареста Полякова, существовало одно право: право требовать суда и наказанія оскорбителя по судебному приговору. Для поручика же Кугатова раскрылись двери полицейскаго участка, и онъ явился туда для личной надзаконной расправы. Придя въ участокъ, онъ „потребовалъ", чтобы привели къ нему Полякова. „Требованіе это было тотчасъ исполнено" — писалъ корреспондентъ, вовсе не задаваясь вопросомъ, почему, полицейскіе чины его исполнили. Окончивъ расправу, поручикъКугатовъ „приказалъ" взять безчувственнаго Полякова и удалился. Обращаясь къ низшимъ органамъ полицейской власти, офицеры не просятъ и не заявляютъ: они „требуютъ" и „приказываютъ". Эти термины вошли въ обиходъ и обывательскаго, и оффиціальнаго языка.

Въ дѣлѣ мичмана фонъ-Зона—тѣ же основныя черты. Флотскій офицеръ на берегу, хотя бы и въ далекомъ и дикомъ становищѣ, никакой властью не обладаетъ. Онъ—туристъ, и только. Но мичманъ фонъ-Зонъ смотрѣлъ на себя иначе. Онъ съѣхалъ съ „Бакана" поохотиться. Охота не состоялась. Случайно фонъ-Зонъ встрѣтился съ судовладѣльцемъ, который ему разсказалъ о кражѣ у него барометра, бинокля и другихъ вещей. Мичманъ вызвался отыскать похищенное и сейчасъ же приступилъ къ розыску. О томъ, что на производство розыска надо имѣть право и что онъ этимъ правомъ не обладаетъ— ему и въ голову не приходило. Мѣстный представитель власти—староста — и заподозрѣнный крестьянинъ, по первому его требованію, это право за нимъ признали. Первый привелъ заподозрѣннаго, второй сталъ оправдываться. Въ дальнѣйшемъ розыскѣ фонъ-Зонъ пошелъ на квартиру почтово-телеграфнаго чиновника. Здѣсь тоже признали его право спрашивать про похищенное и выпроводили только тогда, когда онъ послѣ „служебныхъ" дѣйствій—по словамъ газеты „Архангельскъ"—„окончательно разошелся и сталъ дѣлать дѣвицамъ недвусмысленныя предложенія". Въ концѣ концовъ, мичманъ фонъ-Зонъ убилъ крестьянина Матрехина и пятилѣтнюю дѣвочку. Но стрѣлялъ онъ не въ нихъ: онъ стрѣлялъ въ избитаго имъ рукояткой револьвера старосту—и стрѣлялъ, „возмущенный" ослушаніемъ старосты. Цитированная газета передаетъ, что въ моментъ стрѣльбы фонъ-Зонъ былъ въ состояніи полнаго опьяненія. Съ точки зрѣнія той оцѣнки

факта, которая насъ интересуетъ, если это и имѣетъ значеніе, то какъ разъ обратное. Почему староста, видя передъ собой пьянаго, не принялъ мѣръ къ обезоруженію мичмана, какъ онъ сдѣлалъ бы навѣрное въ отношеніи „штатскаго"? Желая предаться разврату, мичманъ фонъ-Зонъ и для этого потребовалъ содѣйствія отъ старосты. И староста покорно выразилъ готовность содѣйствовать, но не имѣлъ лишь къ тому возможности. „Радъ бы всей душой, ваше благородіе,— сказалъ онъ мичману,—да у насъ нѣтъ здѣсь такого заведенія". Въ этомъ отвѣтѣ фонъ-Зонъ и усмотрѣлъ „возмутившее" его „ослушаніе"...

Намъ не разъ приходилось касаться затрагиваемаго сейчасъ больного вопроса. Послѣ войны и во время революціоннаго взрыва офицерскій корпусъ переживалъ критическіе дни. Престижъ офицерскаго званія упалъ и даже въ собственныхъ глазахъ офицеровъ поколебался. Въ войскахъ былъ некомплектъ. Военныя училища имѣли огромное число свободныхъ вакансій. Нужно было поднять привлекательность военной службы. Нужно было поддержать престижъ тяжелой и во многомъ неблагодарной службы офицеровъ въ глазахъ населенія. И эта задача была понята военнымъ министерствомъ. Но въ средствахъ ея разрѣшенія, какъ и во всемъ, вскрытомъ войной и революціей, размахъ маятника далеко вышелъ за предѣлы разумнаго и цѣлесообразнаго. Не обезпеченіе правового положенія офицеровъ внутри арміи сдѣлалось центромъ мѣропріятій перваго рода, а украшенія одежды и надзаконныя привилегіи въ жизни офицера внѣ казармъ. Вмѣстѣ съ измѣненіемъ простой формы на мишурно-блестящую было, правда, увеличено содержаніе и доведено до нормы безбѣднаго существованія. Въ отношеніи обезпеченія правового положенія офицеровъ не только не сдѣлано ничего, но, напротивъ, теперь еще болѣе, чѣмъ до войны, господствуетъ въ арміи принципъ начальническаго полновластія. Какъ яркую иллюстрацію мѣръ второго рода, напомнимъ отмѣченный въ свое время въ „Вѣстникѣ Европы" (1907 г., ноябрь, стр. 450) приказъ и. д. начальника 3-ьей туркестанской бригады. Поводомъ для приказа послужилъ слѣдующій случай. Сартъ Ахметжановъ, „отстраненный" подпоручикомъ К., „осмѣлился нанести" (въ ковычкахъ подлинныя слова приказа) подпоручику ударъ; подпоручикъ К. выхватилъ шашку и причинилъ сарту „незначительную" рану. „Изъ этого случая усматриваю,—объявилъ и. д. начальника бригады въ приказѣ, распубликованномъ въ „Ферганскихъ Обл. Вѣд.",—что гг. офицеры во ввѣренной мнѣ бригадѣ плохо владѣютъ оружіемъ. Обращая на это вниманіе гг. командировъ батальоновъ, требую, чтобы ими были приняты надлежащія мѣры къ обученію гг. офицеровъ владѣнію присвоеннымъ имъ оружіемъ".

Вмѣстѣ съ этими мѣрами, офицерство было введено въ страстный

круговоротъ политики. На офицерской молодежи результатъ не могъ не сказаться. Сколько уже молодыхъ офицеровъ, вступая въ жизнь, имѣютъ на своей совѣсти кровь! За что предстоятъ каторжныя работы юношѣ-мичману? Кѣмъ станутъ въ будущемъ офицеры, надменно отказавшіеся принести присягу въ тавастгузскомъ судѣ? Увеличилась ли, однако, этой цѣною боевая сила арміи?...

Исключительно многогранный фактъ нашей современности—„потѣшные". Создались „потѣшные" прямо съ изумительной быстротой. Ничто не движется у насъ съ такой черепашьей медленностью, какъ всякія реформы по учебной части. А тутъ дѣло, захватившее сразу и среднюю и низшую школы, и не посѣщающихъ школу дѣтей, въ какой-нибудь годъ вдругъ выросло изъ ничего въ сложную и большую организацію. Давно ли привозилъ въ Петербургъ изъ Екатеринославской губерніи мѣстный инспекторъ начальныхъ училищъ первую „роту" дѣтей, обученныхъ солдатской маршировкѣ? Не прошло и двухъ лѣтъ—и, по свѣдѣніямъ черносотенныхъ газетъ, „потѣшныхъ", сформированныхъ въ „роты" и „батальоны", уже насчитываются десятки тысячъ. Свыше шести тысячъ отборныхъ изъ нихъ были привезены въ іюлѣ на царскій смотръ.

Но далеко не одна быстрота созданія „потѣшныхъ" вызываетъ изумленіе. Въ дѣлѣ, которое, при данной ему постановкѣ, должно неминуемо переломать весь школьный строй и въ тѣснѣйшей зависимости отъ котораго будетъ стоять здоровье и умственная подготовка подростающаго поколѣнія, — законодательныя учрежденія оказались совершенно въ сторонѣ. Ихъ не спрашивали и никакого законопроекта о „потѣшныхъ" имъ не представляли. Всѣ мелочи школьной организаціи — опредѣленіе числа недѣльныхъ уроковъ по каждому предмету, продолжительность каникулъ, описаніе форменной одежды—составляютъ у насъ предметъ опредѣленій закона. Для созданія же „потѣшныхъ", частью въ стѣнахъ школы, частью внѣ ея стѣнъ, частью между стѣнами школъ разнаго типа, закона не понадобилось. Оказались достаточными инструкціи. Передъ нами, напримѣръ, лежитъ гораздо болѣе широкая, чѣмъ ея наименованіе, инструкція „по обученію военному строю и гимнастикѣ", утвержденная попечителемъ кіевскаго учебнаго округа. И инструкціи, впрочемъ, появились значительно позже „потѣшныхъ" ротъ и батальоновъ.

Если не вовсе, то въ большой мѣрѣ въ сторонѣ отъ „потѣшныхъ" оказалось и правительство—по крайней мѣрѣ въ лицѣ объединенной центральной власти. Все лѣто „потѣшные" были предметомъ вниманія прессы. При этомъ чаще всего мелькало въ телеграммахъ, за-

мѣткахъ и корреспонденціяхъ имя полковника Назимова, разъѣзжавшаго по всей Россіи, производившаго смотры и отбиравшаго достойныхъ вызова въ Петербургъ. Можно было еще встрѣтить имена двухъ-трехъ попечителей учебныхъ округовъ и столькихъ же директоровъ гимназій, проявлявшихъ въ дѣлѣ энергію—повидимому личную, но отнюдь не планомѣрно вытекавшую изъ какихъ-либо общихъ распоряженій по учебному вѣдомству. Именъ же предсѣдателя совѣта министровъ и министра народнаго просвѣщенія, въ связи съ шумомъ, поднятымъ вокругъ „потѣшныхъ", ни въ послѣднее время, ни раньше слышно не было. Вложили ли они въ дѣло свою иниціативу, сочувствуютъ ли ему, или нѣтъ, и въ какой степени отвѣтственность за него на нихъ падаетъ — неизвѣстно. Кое-что приходилось еще слышать и читать о сочувственныхъ разсужденіяхъ синода. А затѣмъ все сплошь—о командирахъ того или другого полка и о начальникахъ той или другой дивизіи, сформировавшихъ „свои" потѣшныя роты, о коммиссіяхъ при главномъ штабѣ, о совѣщаніяхъ при управленіи генеральнаго штаба и т. д. Всѣ распоряженія по организаціи петербургскаго смотра и по размѣщенію въ Петербургѣ „потѣшныхъ" исходили отъ междувѣдомственнаго комитета, предсѣдателемъ котораго былъ начальникъ генеральнаго штаба, генералъ Жилинскій, а участниками — генералъ Лешъ и полковникъ Назимовъ. Приказъ о томъ, чтобы въ Ялтѣ занятія съ „потѣшными" велись ежедневно, былъ подписанъ не мѣстнымъ начальникомъ учебныхъ заведеній, а генераломъ Думбадзе. Словомъ, дѣло, какъ-то само собою создавшееся, тоже какъ-то само собою оказалось въ рукахъ строевого военнаго начальства. Въ военномъ вѣдомствѣ есть цѣлая система военно-учебныхъ заведеній. Военное вѣдомство, какъ таковое, не чуждо педагогическаго дѣла. Но дѣло „потѣшныхъ" миновало начальство военно-учебное. Его ведутъ начальники строевые.

На какія средства существуютъ и будутъ существовать „потѣшные"? И инструкція, утвержденная попечителемъ кіевскаго учебнаго округа, и „Положеніе о подготовкѣ къ военной службѣ въ учебныхъ заведеніяхъ и внѣ ихъ", составленное коммиссіей подъ предсѣдательствомъ генерала Леша, обходятъ этотъ вопросъ полнымъ молчаніемъ. Но у „потѣшныхъ" есть инструкторы и учителя. Имъ, очевидно, платятъ деньги. Кто и изъ какихъ источниковъ? На улицахъ Петербурга всю зиму можно было видѣть дѣтей въ фуражкахъ по формѣ полковъ, съ игрушечными шашками черезъ плечо. Кѣмъ и на чей счетъ заведены эти фуражки и шашки? На какія средства привезены были въ Петербургъ пять тысячъ дѣтей и подростковъ, хотя бы и по удешевленному тарифу? Одесская городская дума ассигновала на поѣздку „потѣшныхъ" въ Петербургъ десять тысячъ рублей, петербургская городская

управа, не созывая думы, на продовольствіе ихъ—шесть тысячъ. По обычной губернаторской логикѣ, ассигновка земствомъ или городомъ двадцати пяти рублей на портретъ Толстого вызываетъ неизбѣжный протестъ по непосильности расхода для мѣстнаго населенія и по явному нарушенію тѣмъ его интересовъ. Одесская же десятитысячная ассигновка и петербургская шеститысячная, конечно, опротестованы не были. Но можно ли вести дѣло въ расчетѣ на то, что управы будутъ самовольно распоряжаться городскими средствами, или что всѣ органы мѣстнаго самоуправленія въ Россіи уподобятся по составу одесской городской думѣ? Да и какъ быть, пока они еще не уподобились? Какъ быть съ отнесеніемъ расходовъ на государственныя средства, пока законодательныя учрежденія не вотировали закона и кредита? Въ телеграммѣ изъ Новгорода отъ 23-го іюля сообщалось: „Мѣстные потѣшные уѣхали въ Петербургъ. *Командиръ выборскаго полка* по телеграфу *потребовалъ* отъ городской управы триста рублей на расходы по перевозкѣ потѣшныхъ". Можно ли вести дѣло на основѣ столь „упрощеннаго" распорядительства городскими деньгами?

Дѣло „потѣшныхъ" началось съ сокольской гимнастики и съ заботы о физическомъ развитіи учащихся, а кончается возвратомъ къ печальной памяти военнымъ кантонистамъ. Что можно сказать противъ правильно поставленной и приспособленной къ дѣтскому и юношескому возрасту гимнастики и противъ физическихъ упражненій на свѣжемъ воздухѣ, противъ подвижныхъ игръ и даже противъ маршировки? Но съ задачами, которыя поставлены „потѣшнымъ", ни школьная гимнастика, ни физическое развитіе учащихся не имѣютъ ничего общаго. Напрасно было бы искать корни нашихъ нынѣшнихъ „потѣшныхъ" у чешскихъ соколовъ, или въ „потѣшныхъ" петровскаго времени. Они гораздо ближе. Нынѣшніе „потѣшные"—въ чистомъ видѣ продуктъ „истинно-русской" современности. Ихъ корни—въ проектѣ той „истинно-русской" школы, которую въ 1908-мъ году упорно пропагандировалъ извѣстный генералъ Богдановичъ [1]).

По положенію, составленному коммиссіей ген. Леша, цѣль учрежденія „потѣшныхъ" — подготовка къ военной службѣ. Подготовка состоитъ: „а) въ укрѣпленіи религіозности, любви къ Царю и Отечеству, уваженія къ законности и порядку и въ ознакомленіи съ основами воинской дисциплины; б) въ подготовкѣ къ военному строю и физическомъ развитіи; в) въ пріобрѣтеніи качествъ, необходимыхъ рядовому бойцу въ полѣ". Кіевская инструкція даетъ и конкретный перечень того, что должны усвоить дѣти „попутно съ прохожденіемъ военнаго строя": „1) Кто Государь Императоръ и Наслѣдникъ пре-

---

[1]) См. „Вѣстникъ Европы" 1908 г., октябрь, стр. 852.

стола. 2) Малый титулъ Государя Императора. 3) Когда и какіе высокоторжественные дни. 4) Что такое солдатъ и его назначеніе. 5) Что такое присяга. 6) Что такое знамя. 7) Въ чемъ заключается сущность военной дисциплины. 8) Какъ титуловать изъ строя своихъ начальниковъ, попечителя учебнаго округа, командующаго войсками и генералъ-губернатора". Слѣдовательно, въ программу включены строй и все то, что на солдатскомъ языкѣ называется словесностью. Унтеръ-офицеры, подъ наблюденіемъ мѣстныхъ старшихъ военныхъ начальниковъ, будутъ укрѣплять религіозность въ дѣтяхъ, учить ихъ уваженію къ законности и вбивать имъ въ головы правила титулованія и уставные афоризмы о знамени, о солдатѣ, о дисциплинѣ. Они же будутъ вести занятія гимнастикой, конечно — гимнастикой военной, ибо другой не знаютъ, — т. е. заставлять дѣтей въ десять лѣтъ дѣлать упражненія, разсчитанныя на солдатскій организмъ! Мы невольно написали „будутъ". А вѣдь должны были писать въ настоящемъ времени. Кіевская инструкція утверждена—значитъ она дѣйствуетъ. Въ газетахъ уже сообщались печальные результаты гимнастическихъ экспериментовъ какого-то бомбардира надъ школьниками...

Что станетъ съ наукой въ школѣ—легко себѣ представить. Что внесетъ въ школьный обиходъ „наблюденіе" за подготовкой къ военной службѣ старшихъ военныхъ начальниковъ—тоже. И сейчасъ болѣе дефектовъ, нежели совершенства въ нашей школьной организаціи. Къ нимъ прибавится разновластіе. Но въ полковыхъ „потѣшныхъ" ротахъ и дружинахъ разновластія не будетъ. Судьба ихъ менѣе сложна. Онѣ быстро обратятся въ школы солдатскихъ дѣтей и усвоятъ всѣ прелести этого сохранившагося пережитка давнихъ лѣтъ.

Удовлетворятъ ли „потѣшные" конечной цѣли ихъ образованія: цѣли высказываемой—поднятію боевой силы арміи и цѣли скрываемой, но явно чувствуемой—проникновенію въ молодежь черносотенныхъ идеаловъ? Для насъ совершенно несомнѣненъ отрицательный отвѣтъ на обѣ половины вопроса. Петровскихъ временъ, когда „потѣшными" было положено основаніе первыхъ полковъ постоянной арміи, теперь, черезъ двѣсти лѣтъ, не возродить. Жизнь стала сложнѣе, и люди стали иными. Другія качества теперь необходимы „рядовому бойцу". Игрой въ солдатики ни любви къ родинѣ и казеннаго патріотизма не развить, ни запросовъ правовой личности не вытравить... Въ кіевской инструкціи, между прочимъ, говорится: „Военная выправка, маршировка придаютъ молодымъ людямъ извѣстную молодцеватость, ловкость, гибкость движеній, что не останется безъ вліянія и на моральной сторонѣ, поддерживая въ молодыхъ людяхъ извѣстную самоувѣренность, самодовольство, сознаніе собственнаго достоинства, извѣстный хорошій задоръ". Задоръ ли, самодовольство ли нужны въ со-

временной войнѣ? Не нуженъ ли, прежде всего, сознательно относящійся къ себѣ, къ другимъ и къ своимъ обязанностямъ человѣкъ?..

Рѣдкій за много времени можно привести примѣръ, когда торжествующей черной сотнѣ не повезло, когда надзаконное домогательство столпа черносотенства встрѣтило не одно общественное возмущеніе, но и оффиціальный отпоръ. Этотъ примѣръ—столкновеніе между извѣстнымъ кіевляниномъ, г. Юзефовичемъ, и директоромъ кіевскаго кадетскаго корпуса, ген. Семашкевичемъ. Въ сущности, никакого столкновенія, въ обычномъ смыслѣ слова, не было, а было служебное сообщеніе генераломъ Семашкевичемъ г. Юзефовичу постановленія, которымъ воспитательный комитетъ корпуса, „воспретилъ кадетамъ посѣщать квартиру проживающаго въ гор. Кіевѣ отст. д. с. с. Юзефовича, за исключеніемъ случаевъ, когда кадеты будутъ съ родителями посѣщать г. Юзефовича“.

Съ общественной точки зрѣнія, конечно, всего интереснѣе было бы знать мотивы этого воспрещенія. Но они въ печать не проникли. Приходится, однако, вѣрить, что комитетъ корпуса имѣлъ достаточно серьезные мотивы. По крайней мѣрѣ, изъ „Русскаго Инвалида“ узнаемъ, что ихъ призналъ „вполнѣ удовлетворительными“ начальникъ главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній и что судъ чести изъ девяти генераловъ, собранный по приказанію военнаго министра для разрѣшенія вопроса о принятіи ген. Семашкевичемъ вызова на поединокъ, сдѣланнаго г. Юзефовичемъ, единогласно постановилъ: „Генералъ-лейтенантъ Семашкевичъ никакого оскорбленія дѣйствительному статскому совѣтнику Юзефовичу не наносилъ, такъ какъ всѣ его дѣйствія относительно г. Юзефовича были строго корректны; при чемъ, будучи по долгу службы обязанъ принять нѣкоторыя воспитательныя мѣры въ отношеніи кадетъ, посѣщавшихъ квартиру дѣйствительнаго статскаго совѣтника Юзефовича, онъ проводилъ эти мѣры съ возможной деликатностью въ отношеніи г. Юзефовича“.

Изъ отдѣльныхъ эпизодовъ черносотенной кампаніи въ защиту г. Юзефовича наиболѣе любопытный представляетъ собою телеграмма, посланная изъ Кіева академистами университета и политехникума и членами патріотическаго общества русской молодежи на имя генералъ-инспектора военно-учебныхъ заведеній, великаго князя Константина Константиновича. Пока „Земщина“, „Русская Рѣчь“ и „Двуглавый орелъ“, по свидѣтельству „Русскаго Инвалида“, печатали бранныя и клеветническія статьи, академисты—чего стѣсняться „смѣлымъ“ молодымъ людямъ, изощрившимся въ борьбѣ съ крамолой!—рекомендовали великому князю „обратить самое серьезное вниманіе на воз-

мутительное постановленіе учебнаго комитета кіевскаго кадетскаго корпуса, направленное противъ всѣми любимаго и уважаемаго друга молодежи, Юзефовича". Несмотря на рѣшительность тона и на „высокое" званіе „студентовъ-академистовъ" и членовъ „патріотическаго общества русской молодежи", телеграмма не имѣла успѣха. Генералъ-губернаторомъ была объявлена ея авторамъ слѣдующая резолюція генералъ-инспектора: „Если директоръ корпуса, человѣкъ долго прослужившій на педагогическомъ поприщѣ, пользующійся моимъ довѣріемъ, опытный педагогъ, нашелъ нужнымъ провести принятую мѣру, то, несомнѣнно, у него были причины вѣскія, вызванныя обстоятельствами, вѣроятно неизвѣстными подписавшимъ телеграмму. Кромѣ того, прошу указать этимъ лицамъ на неподобающую форму обращенія ко мнѣ со столь категорической просьбой, „обратить самое серьезное вниманіе на возмутительное постановленіе" и т. д.".

Но и послѣ этого черная сотня не унывала. Увѣренная въ своей конечной побѣдѣ, она пустила слухъ, что генералъ Семашкевичъ переводится на должность директора полтавскаго корпуса. Главное управленіе военно-учебныхъ заведеній объявило въ „Русскомъ Инвалидѣ", что „появившіеся слухи о предстоящемъ якобы переводѣ генералъ-лейтенанта Семашкевича, въ связи съ дѣломъ г. Юзефовича, изъ Владимірскаго Кіевскаго кадетскаго корпуса въ какое-либо другое военно-учебное заведеніе—лишены всякаго основанія".

Кѣмъ былъ для Россіи и для всяго міра нашъ недавній великій покойникъ — Л. Н. Толстой? Какъ охарактеризовать его личность и дѣятельность? Онъ былъ художникомъ слова — это признано оффиціально. Но еще чѣмъ — ибо художественное творчество всего Толстого не охватываетъ? Еще онъ былъ „антигосударственнымъ и антиобщественнымъ интеллигентомъ". Этотъ перлъ принадлежитъ тверскому губернатору, г. Бюнтингу, и состоящему подъ его предсѣдательствомъ губернскому по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствію.

Бѣжецкая, тверской губерніи, городская дума, въ засѣданіи 19-го ноября прошлаго года, желая почтить память Л. Н. Толстого, постановила: назвать именемъ Толстого одну изъ улицъ города, учредить въ реальномъ училищѣ стипендію его имени, для чего открыть добровольную подписку, и поставить его портретъ въ залѣ думскихъ засѣданій. Черезъ полгода дума получила извѣщеніе отъ губернатора, что ея постановленіе присутствіемъ отмѣнено, по слѣдующимъ мотивамъ: „Переименованіе улицы именемъ Толстого вызываетъ измѣненіе городского плана, а учрежденіе стипендіи имени Толстого и постановка его портрета не соотвѣтствуютъ мѣстнымъ пользамъ и нуждамъ".

Вмѣстѣ съ тѣмъ, присутствіе нашло, „что бѣжецкая городская дума чествовала Толстого не какъ художника слова, но какъ антигосударственнаго и антиобщественнаго интеллигента“...

Почему переименованіе, скажемъ, „мѣщанской“ или „конюшенной“ улицы въ „толстовскую“ вызываетъ недопустимое измѣненіе городского плана — это относится къ области обычныхъ и привычныхъ губернаторскихъ тайнъ, когда они дѣлаютъ „нажимъ“ на земское или городовое положеніе. Города постоянно мѣняютъ названія улицъ, и само собою разумѣется, что если бы вопросъ шелъ о присвоеніи улицѣ имени напримѣръ, бывшаго губернатора, или имени осчастлившаго городъ своимъ посѣщеніемъ министра, то „недопустимое“ было бы безъ малѣйшей задержки допущено. Почему учрежденіе стипендіи имени Толстого, къ тому же не на городской счетъ, а на средства, собранныя по подпискѣ, и постановка его портрета „не соотвѣтствуютъ“ мѣстнымъ пользамъ и нуждамъ,—въ этомъ кроется такая же точно и столь же привычная тайна Полишинеля. Но характеристика Толстого, какъ „антигосударственнаго и антиобщественнаго интеллигента“, есть нѣчто новое и настолько замѣчательное, что мы не рискуемъ привести губернаторскую экскурсію въ область научно-литературной критики безъ указанія источника, откуда ее заимствовали. Мы ее прочли въ „Рѣчи“. Корреспондентъ газеты, полагаемъ, имѣлъ полное основаніе закончить свое письмо словами: „П. А. Столыпинъ долженъ былъ бы указать тверскому присутствію, что деликатныя порученія надо исполнять умнѣе, а не столь пошехонскимъ способомъ, вызывающимъ лишь всероссійскій смѣхъ“...

Издатель М. М. Ковалевскій. Редакторъ К. К. Арсеньевъ.

ИЗВѢЩЕНІЯ

I. — Отъ Высочайше учрежденной Коммиссіи по постройкѣ памятника А. С. Пушкину въ С.-Петербургѣ.

Состоящая при Императорской Академіи Наукъ Высочайше учрежденная Коммиссія по постройкѣ памятника А. С. Пушкину въ С.-Петербургѣ, желая наглядно ознакомить русское общество съ задачами проектируемаго ею Пушкинскаго Дома и имѣя въ виду усилить средства на сооруженіе его, устраиваетъ въ Москвѣ, съ 1 декабря 1911 г. по 1 февраля 1912 г., выставку, посвященную исторіи жизни и творчества русскихъ писателей XIX вѣка. На выставкѣ этой будутъ представлены выдающіеся дѣятели на поприщѣ русскаго художественнаго слова, критики и публицистики отъ Державина до Чехова включительно.

Программа выставки намѣчена въ слѣдующихъ чертахъ:

I. Портреты: писателей, критиковъ и публицистовъ, въ разные періоды ихъ жизни; лицъ имъ близкихъ и крупнѣйшихъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей ихъ времени.

II. Скульптура.

III. Картины: 1) Писатели въ семейномъ кругу или въ иной обстановкѣ,—современныя и позднѣйшія; 2) Мѣстности, связанныя съ именами писателей; 3) Могильные памятники.

IV. Рукописи.

V. Экземпляры современныхъ каждому писателю изданій его сочиненій въ современныхъ же обложкахъ и переплетахъ.

VI. Иллюстраціи къ произведеніямъ.

VII. Каррикатуры.

VIII. Вещи, принадлежавшія писателямъ.

IX. Театръ (типичные представители различныхъ эпохъ его развитія).

X. Миніатюры (какъ иллюстрація костюмовъ эпохи).

XI. Виньетки изданій 1810—1840-хъ годовъ.

Принявъ на себя порученіе Коммиссіи организовать Комитетъ по устройству упомянутой выставки, я обращаюсь отъ лица Коммиссіи и Комитета выставки ко всѣмъ лицамъ, которыя сочувствуютъ задачамъ предположенной выставки, съ просьбою придти на помощь присылкою предметовъ, подходящихъ къ программѣ ея, или же указаніемъ на то, гдѣ таковые находятся.

По всѣмъ вопросамъ, связаннымъ съ устройствомъ выставки, можно обращаться до 1 октября 1911 г.: 1) въ С.-Петербургѣ въ Высочайше учрежденную Коммиссію по постройкѣ памятника А. С. Пушкину; 2) въ Москвѣ, къ Алексѣю Александровичу Бахрушину (Лужнецкая у., свой домъ); 3) въ Одессѣ, къ профессору Императорскаго Новороссійскаго университета Борису Васильевичу Варнеке; 4) въ Казани, къ профессору Императорскаго Казанскаго университета Нестору Мемноновичу Петровскому; 5) въ Симбирскѣ, къ директору гимназіи Борису Николаевичу Некрасову; 6) въ Саратовѣ, къ директору Радищевскаго Музея Петру Николаевичу Боеву; 7) въ Орлѣ, къ кн. Константину Владиміровичу Кекуатову, и 8) въ Харьковѣ, къ редактору газеты „Утро", Анатолію Андреевичу Жмудскому, а послѣ 1 октября 1911 г. исключительно къ Алексѣю Александровичу Бахрушину.

Членъ Коммиссіи А. Бахрушинъ.

II.—Отъ С.-Петербургскаго Фрёбелевскаго Общества для содѣйствія первоначальному воспитанію.

Совѣтъ С.-Петербургскаго Фрёбелевскаго Общества постановилъ объявить конкурсъ на соисканіе преміи Общества за лучшій разсказъ для дѣтей *до-школьнаго возраста* на слѣдующихъ условіяхъ:

1) Разсказъ предназначается для дѣтей отъ *четырехъ* до *семи* лѣтъ. 2) По простотѣ изложенія и замысла разсказы должны быть вполнѣ доступны дѣтямъ этого возраста. Поддѣлка подъ дѣтскій языкъ не допускается. 3) Объемъ разсказа долженъ быть не болѣе одного печатнаго листа. 4) За лучшій разсказъ — будетъ выдана премія въ размѣрѣ *пятисотъ* рублей. 5) Первое изданіе премированнаго разсказа принадлежитъ Обществу и печатается имъ въ количествѣ *десяти тысячъ* экземпляровъ. 6) Срокомъ представленія рукописей назначается 1 октября 1911 года. 7) Рукописи должны быть безъ имени автора, но съ девизомъ; имя автора, а также адресъ его должны заключаться въ особомъ, приложенномъ къ рукописи, запечатанномъ конвертѣ съ тѣмъ же девизомъ. Рукописи, не удовлетворяющія условію, изложенному въ этомъ пунктѣ, на конкурсъ не допускаются. 8) Рукописи слѣдуетъ доставлять въ Канцелярію Совѣта (С.-Петербургъ, Эртелевъ пер., № 12). 9) О результатѣ конкурса, который предполагается въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1912 года, будетъ объявлено тогда же въ наиболѣе распространенныхъ газетахъ. 10) Рукописи, не удостоенныя преміи, можно будетъ получать обратно въ теченіе *двухъ мѣсяцевъ* по объявленіи о результатахъ конкурса. По истеченіи этого срока рукописи, не взятыя авторами, подлежатъ уничтоженію. Возвращеніе рукописей по почтѣ Совѣтъ на себя не принимаетъ.

III.—Отъ Особаго Комитета по Высочайше разрѣшенной всероссійской подпискѣ на памятникъ педагогу Константину Дмитріевичу Ушинскому.

Россія будетъ строить свой первый народный педагогическій памятникъ. Повсемѣстно съ глубокимъ уваженіемъ будетъ вспоминаться имя стойкаго борца за народную школу, за нравственно свободнаго учителя, за педагогическую науку. Среди тьмы народнаго невѣжества и борьбы мелкихъ страстей повсюду прозвучитъ завѣтъ К. Д. Ушинскаго „сдѣлать дѣтей нашихъ лучше насъ", и быть можетъ дѣйствительно придетъ то время, когда потомки наши, по словамъ Ушинскаго, будутъ съ удивленіемъ вспоминать, какъ мы долго пренебрегали дѣломъ воспитанія и какъ много страдали отъ этой небрежности. Возбуждая вѣру въ будущее русской педагогической науки, положивъ первый фундаментъ нашей педагогической психологіи и горячо выясняя необходимость широкаго антропологическаго образованія для педагоговъ, Константинъ Дмитріевичъ Ушинскій оставилъ глубокій слѣдъ въ исторіи нашего просвѣщенія. Его основныя мысли о воспитаніи стали такъ же близки сердцу всѣхъ кто думаетъ о будущемъ нашей родины, какъ еще до сихъ поръ близко сердцу нашихъ дѣтей его „Родное Слово". Родина теперь должна открыто и громко признать славу своего великаго сына. Памятникъ Ушинскому наглядно покажетъ, какъ дороги русской землѣ его завѣты.

Надо вѣрить, что недостатокъ пожертвованій не заставитъ надолго откладывать осуществленіе этого дѣла. Всенародный памятникъ Ушинскому будетъ вѣчнымъ символомъ нашей вѣры въ силу просвѣщенія.

Этотъ памятникъ долженъ быть живымъ и пробуждающимъ жизнь. Подъ его сѣнью должна рости педагогическая работа и зрѣть научная мысль.

Пожертвованія принимаются Комитетомъ (Спб., Педагогическая Академія, Лиговская д. 1), а также въ редакціи журнала „Вѣстникъ Европы".

Предсѣдатель: почетный-президентъ Педагогической Академіи генералъ отъ инфантеріи А. Н. Макаровъ; товарищи предсѣдателя: президентъ Педагогической Академіи, членъ Государственнаго Совѣта профессоръ А. В. Васильевъ; членъ Государственнаго Совѣта профессоръ М. М. Ковалевскій; членъ Комитета профессоръ Женскаго Медицинскаго Института В. И. Вартановъ; секретарь: вице-президентъ Педагогической Академіи профессоръ А. П. Нечаевъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГА ВОСЬМАЯ.—АВГУСТЪ.

СТРАН.

I. ЯНТАРОВЪ.—Повѣсть.—I-X.—**А. Тырковой** 3
II. ИЗЪ КАЗИМІРА ТЕТМАЙЕРА.—Стихотвореніе **Н. Л.** 76
III. ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.—XI-XIV.—**Е. Ѳ. Юнге** . . 78
IV. НА ИТАЛЬЯНСКІЙ МОТИВЪ.—***.—***.—Стихотворенія **М. Ватсонъ**. 109
V. ЖЕРТВА МОРЯ.—Легенда.—**С. Лаврентьевой** 111
VI. ИСКАНІЕ.—Стихотвореніе **Конст. Диксонъ** 119
VII. РЕЛИГІОЗНЫЯ ГОНЕНІЯ ПРИ ОБНОВЛЕННОМЪ СТРОѢ.—**А. С. Пругавина** 121
VIII. ПЕРЕМѢНА.—Разсказъ.—**Виктора Гофмана** 137
IX. ВЕСНОЙ.—Стихотвореніе **Алексѣя Липецкаго** 144
X. ОТРИЦАТЕЛЬНЫЯ ТЕНДЕНЦІИ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ.—I-VI.—**В. В.** 146
XI. ПИСЬМА И. С. ТУРГЕНЕВА КЪ ПОЛИНѢ ВІАРДО.—Перев. съ франц. **М. Славинской** 175
XII. ОЧЕРКИ СОЦІАЛЬНАГО БЫТА ФРАНЦІИ.—**Максима Ковалевскаго** 204
XIII. УЗУРПАТОРЪ.—Романъ Уильяма Дж. Локъ.—XIX-XXI.—Перев. съ англ. **З. Журавской** 256
XIV. Хроника.—ЖИЛИЩНЫЙ ВОПРОСЪ НА ЗАПАДѢ И ВЪ РОССІИ.—**К. Пажитнова** 286
XV. БЕРЛИНЪ ВЕСНОЮ И ЛѢТОМЪ.—Письмо изъ Берлина.—**Р. Стрѣльцова** 299
XVI. ПИСЬМО ИЗЪ АМЕРИКИ.—**П. А. Тверского** 313
XVII. ВОСПОМИНАНІЯ ФРАНЦУЗСКАГО ЖУРНАЛИСТА.—**Л. З. Слонимскаго**. 323
XVIII. КРИТИЧЕСКІЕ НАБРОСКИ.—**С. А. Адріанова**. 329
XIX. ПАМЯТИ ВАСИЛІЯ ОСИПОВИЧА КЛЮЧЕВСКАГО.—**А. Лаппо-Данилевскаго** 337
XX. ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Поспѣшное введеніе западнаго земства.—Борьба націоналистовъ съ чехами.—Націоналистическая дѣятельность архимандрита Виталія.—Услуги, оказываемыя духо-

СТРАН.

венствомъ.—Особая политика Почаевской лавры и архіепископа волынскаго Антонія.—Благодарное вниманіе предсѣдателя совѣта министровъ къ духовенству.—Сомнительные успѣхи націоналистовъ на выборахъ. — „Націонализмъ“ и любовь къ родинѣ. — **И. В. Жилкина** 354

XXI. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Историческія параллели. — Отношеніе власти къ земскимъ выборамъ прежде и теперь. — Массовое исключеніе слушательницъ женскаго медицинскаго института. — Министерство народнаго просвѣщенія и совѣтъ петербургскаго университета.—Новыя правила о родительскихъ комитетахъ.—Post-scriptum. 369

XXII. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Международные кризисы и дипломатія. — Конфликты и волненія изъ-за Марокко. — Французскія ошибки и германскія увлеченія.—Британскія рѣчи и франко-германскіе переговоры.—Балканскія и персидскія дѣла.—Возобновленіе англо-японскаго союза 381

XXIII. РУДОЛЬФЪ ГАНСЪ БАРЧЪ.—**Н. Вилькъ** 392

XXIV. ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Письма Л. Н. Толстого, собр. и редакт. П. А. Сергѣенко, т. II. — С. Ашевскій. „Бѣлинскій въ оцѣнкѣ его современниковъ“. — **Ч. В—скій.** — В. Анучинъ, „Разсказы и сказанія“, кн. первая, „Сказанія“. — **Е. Колтоновской.**—Х. Н. Бяликъ. „Пѣсни и поэмы“, авторизированный перев. съ еврейскаго языка и введеніе Вл. Жаботинскаго. — **М. Славинскаго.**—Борисъ Веселовскій. „Исторія земства“, т. III и IV.—**В. К.-К.**—Н. М. Цитовичъ, проф. унив. св. Владиміра. „Сельское общество, какъ органъ мѣстнаго управленія“.— **Д. К.**—Л. Дымша. Холмскій вопросъ, съ прил. 6 стат. табл. и 1 карты.—**П. М.**—Новыя книги и брошюры 399

XXV. ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ. — Текущая статистика смертныхъ казней. — Оппозиціонность слѣва и революціонныя проявленія справа.—Іеромонахъ Иліодоръ.—„Нажимъ“ на законъ и факты одного съ нимъ порядка.—Сознанная и признанная надзаконность. — Ея кровавые результаты. — „Потѣшные“.—Отъ сокольской гимнастики возвратъ къ кантонистамъ. — Столкновеніе между директоромъ кіевскаго корпуса и г. Юзефовичемъ. — Изъ курьезовъ губернаторской литературы 417

XXVI. ИЗВѢЩЕНІЯ 434

XXVII. ОБЪЯВЛЕНІЯ 439

XVIII. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Мемориальный фонд Московской обл. библиотеки

НОВОСТЬ

духи, о-де-колонъ

Адорабль

пріятный нѣжный и стойкій запахъ.

Т-во парф. фабр. С. И. ЧЕПЕЛЕВЕЦКІЙ съ С-ми.

МОСКВА.

Поставщикъ Двора Его Императорскаго Величества

И. И. КАРПОВЪ

СКЛАДЪ

фотографическихъ и физическихъ приборовъ и принадлежностей.

СПБ., Михайловская ул., д. 1—7, Европейской гостин.

Большой выборъ **фотографическихъ** аппаратовъ на разныя цѣны: 2 р. 50 к.—5 р.—7 р. и выше до 500 руб. Всѣ **принадлежности** для фотограф. любителей. Въ отдѣлѣ **„Забава и Дѣло“: Физическіе приборы** по электричеству и магнетизму для земскихъ и народныхъ школъ, жел. дор., училищъ, семейн. физическ. кабинетовъ. Всѣ приборы функціонируютъ правильно и являются точными копіями большихъ. **Цѣны внѣ конкурренціи** отъ 25 коп. до 5 руб., 12 руб. и выше. **Проэкціонные фонари** и **картины** къ нимъ. **Кинематографы, стереоскопы, фонографы.**

Прейсъ-курантъ **„Забава и Дѣло“** высылается безплатно—прочіе выйдутъ въ концѣ іюля.

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ

Т-ва „Бр. А. и И. Гранатъ и К°“.

СЕДЬМОЕ СОВЕРШЕННО ПЕРЕРАБОТАННОЕ И ЗНАЧИТЕЛЬНО РАСШИРЕННОЕ ИЗДАНІЕ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ПРОФЕССОРОВЪ

Ю. С. Гамбарова, В. Я. Желѣзнова, М. М. Ковалевскаго, С. А. Муромцева (†) и К. А. Тимирязева.

ВЫШЕЛЪ 6-ой ТОМЪ.

Въ первыхъ **шести** томахъ помѣщено 153 художеств. прилож. **въ цѣлую страницу,** въ т. ч. **разборныя модели** по анатоміи, 30 репродукцій въ краскахъ и 25 англійскихъ геліогравюръ— Rembrandt Intaglio.

Около 40 том. по 2 р. 50 к. въ изящн. полукожанномъ переплетѣ по рисунк. акад. жив. **Л. О. Пастернака — 3** р. За перес.—по дѣйств. стоимости.

Географическія карты государствъ и русскихъ губерній **составляются** спеціально для этого изданія членомъ Парижскаго географическаго Общества и сотрудникомъ Гашетовскаго географическаго бюро въ Парижѣ **Д. А. Анитовымъ,** при участіи членовъ того же бюро **В. Гюо, М. Шено, Г. Багге** и др., **гравируются въ Парижѣ,** и **составятъ особый томъ-атласъ** *съ подробнымъ указаніемъ названій.* Подписавшіеся до 1912 г. получатъ томъ атласъ безплатно.

РАЗСРОЧКА 1 р. 75 к. въ мѣсяцъ и при подпискѣ **2** р., при подпискѣ выдаются вышедшіе тома, а остальные по мѣрѣ выхода.

Первые 4 тома вышли повторнымъ (8-мъ) изданіемъ.

Словарь будетъ законченъ приблизительно въ четыре года.

Подробные иллюстрированнные проспекты высылаются **безплатно.**

По желанію, тома словаря доставляются **для ознакомленія.**

Т-во „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°“

Москва, Больш. Никитская, 5-б. | **Одесса,** Софіевская, 23.
С.-Петербургъ, Моховая, 37. | **Саратовъ,** Кокуевскій пер., 18.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Великая реформа. Русское общество и крестьянскій вопросъ въ прошломъ и настоящемъ. Т. VI. Москва, 1911.

Этимъ томомъ заканчивается превосходное изданіе, получившее, въ короткое время, весьма широкое распространеніе. Часть статей, вошедшихъ въ его составъ, посвящена изложенію самыхъ положеній 19-го февраля (статья А. Э. Вормса) или освѣщенію особенно важныхъ сторонъ реформы (общинное землевладѣніе—А. А. Мануилова, надѣлы — В. И. Анисимова, крестьянское самоуправленіе—А. А. Корнилова); другія слѣдятъ за ея исполненіемъ и доходятъ до близкаго къ намъ или настоящаго времени. Эта часть книги—единственная, не вполнѣ соотвѣтствующая первоначальному плану; но это произошло не по винѣ редакторовъ. Мы узнаемъ изъ предисловія къ шестому тому, что двѣ статьи (В. Г. Тана и С. Н. Прокоповича) не могли быть доставлены по обстоятельствамъ, независящимъ отъ авторовъ, а третьею (Н. С. Русанова, „Крестьяне въ міросозерцаніи передовой интеллигенціи послѣ 19-го февраля") редакція должна была пожертвовать вслѣдствіе настоятельной просьбы издательства, въ виду условій, въ которыя поставлена русская печать. Такова судьба русской литературы: ни одно крупное предпріятіе, разъ что оно идетъ противъ теченія, не обезпечено отъ случайностей, грозящихъ ему если не крушеніемъ, то болѣе или менѣе чувствительнымъ ущербомъ. Нѣкоторымъ—конечно, недостаточнымъ—утѣшеніемъ служитъ то, что немного лѣтъ тому назадъ такое изданіе, какъ „Великая реформа", было бы у насъ совершенно невозможно.

Владиміръ Соловьевъ. Россія и вселенская церковь. Перев. съ французскаго Г. А. Рачинскаго. Москва, 1911. Цѣна 2 р. 25 коп.

Владиміръ Соловьевъ. Русская идея. Перев. съ франц. Г. А. Рачинскаго, Москва, 1911. Ц. 75 коп.

Первый сборникъ издательства „Путь". О Владимірѣ Соловьевѣ. Москва, 1911. Ц. 1 р. 50 коп.

Всѣ три названныя выше книги появились въ свѣтъ благодаря московскому издательству „Путь", оказавшему этимъ большую услугу русскому обществу. Что Владиміра Соловьева не забываютъ, о томъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, списокъ посвященныхъ ему статей, приложенный къ книгѣ: „О Владимірѣ Соловьевѣ"—статей, число которыхъ постоянно растетъ, и не въ одной только русской литературѣ. Тѣмъ не менѣе нельзя не привѣтствовать всякую попытку дополнить извѣстное намъ о Соловьевѣ и бросить новый свѣтъ на ту или другую сторону его дѣятельности. Обѣ книги, переведенныя г. Рачинскимъ, только теперь становятся доступными широкой русской публикѣ: онѣ вышли въ свѣтъ болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ, но за границей, на французскомъ языкѣ, и распространеніе ихъ въ Россіи долго было сопряжено съ большими препятствіями. До какой степени оно своевременно—объ этомъ можно судить по выдержкамъ изъ „Русской идеи", приведеннымъ въ внутреннемъ обозрѣніи настоящей книжки нашего журнала. Что касается до сборника „О Владимірѣ Соловьевѣ", то въ его составъ вошли, между прочимъ, статьи одного изъ ближайшихъ друзей покойнаго, кн. Е. Н. Трубецкого, и такихъ родственныхъ ему по духу писателей какъ С. Н. Булгаковъ, Н. Бердяевъ, В. Эрнъ. Особенно интересны статьи кн. Трубецкого: „Личность В. С. Соловьева" и „Влад. Соловьевъ и его дѣло". Къ нѣкоторымъ мыслямъ автора, представляющимся намъ особенно спорными, мы постараемся возвратиться.

Г. С. Петровъ. Около пустого колодца. Сборникъ статей. Москва, 1911. Ц. 1 рубль.

Статьи, вошедшія въ составъ этого сборника, были, по всей вѣроятности, первоначально напечатаны въ газетахъ. Ежедневная печать предъявляетъ свои требованія, существенно отличныя отъ тѣхъ, которымъ должна удовлетворять книга; переходъ изъ одной формы въ другую не можетъ, поэтому, не отзываться и на содержаніи. То, что въ газетѣ дѣйствовало именно своею сжатостью, своею отзывчивостью на вопросы минуты, въ книгѣ легко можетъ оказаться недостаточно отдѣланнымъ, неполнымъ, недосказаннымъ. До извѣстной степени это примѣнимо и къ статьямъ Г. С. Петрова, соединеннымъ въ одно цѣлое; но многія изъ нихъ, благодаря яркому, своеобразному таланту автора, всетаки производятъ большое впечатлѣніе. Назовемъ, для примѣра, „Догнивающій валежникъ", „Потѣха и дѣло", „Мухоловы", „Стреноженные", „Безводная пустыня". Нѣкоторые очерки, и далеко не послѣдніе по достоинству, имѣютъ отчасти беллетристическій характеръ („Смятыя розы", „Пропащій человѣкъ"; въ послѣднемъ, впрочемъ, вымыселъ, повидимому, смѣшанъ съ значительною долею дѣйствительности). Очень интересна статья, посвященная Максиму Горькому („Капрійскій Заточникъ"). Общее настроеніе книги—бодрое и бодрящее, что такъ цѣнно въ переживаемое время. Особенно ясно оно выразилось въ статьяхъ, посвященныхъ участившимся въ послѣднее время самоубійствамъ.

А. Я. Ефименко. Элементарный учебникъ русской исторіи. Курсъ эпизодическій. Для младшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній и городскихъ училищъ. Съ 44 рисунками и 5 раскрашенными картами. Спб., 1911. Ц. 75 коп.

Если не упускать изъ виду условія, которымъ долженъ удовлетворять, въ настоящее время, учебникъ по русской исторіи, чтобы быть допущеннымъ въ учебныя заведенія, то книгу г-жи Ефименко можно признать вполнѣ соотвѣтствующею своему назначенію. Многое, особенно въ новѣйшей исторіи, едва затронуто или стушевано, но не совсѣмъ обойдены молчаніемъ мрачныя стороны картины, нѣтъ тенденціозныхъ славословій, нѣтъ извращеній дѣйствительности. Заканчивается книга кончиной императора Александра II-го. Достоинство книги увеличивается обиліемъ хорошо исполненныхъ рисунковъ и картъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ въ 1911 г.

(Сорокъ-шестой годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ НАУКИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ,

издаваемый **М. М. КОВАЛЕВСКИМЪ**, подъ редакціей **К. К. АРСЕНЬЕВА**,

при ближайшемъ участіи:

И. В. ЖИЛКИНА, М. М. КОВАЛЕВСКАГО, Н. А. КОТЛЯРЕВСКАГО, В. Д. КУЗЬМИНА-КАРАВАЕВА, А. А. МАНУИЛОВА, Д. Н. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКАГО, А. С. ПОСНИКОВА, М. А. СЛАВИНСКАГО, Л. З. СЛОНИМСКАГО и К. А. ТИМИРЯЗЕВА.

Кромѣ текста въ прежнихъ размѣрахъ, журналъ будетъ давать снимки съ портретовъ выдающихся дѣятелей и съ замѣчательныхъ художественныхъ произведеній.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ:	По полугодіямъ:	По четвертямъ года:
Безъ доставки, въ Конторахъ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.
Въ Петербургѣ и Москвѣ, съ доставкою	16 » — »	8 » — »	4 » — »
Въ друг. городахъ, съ перес.	17 » — »	8 » 50 »	4 » 25 »
За границей, въ госуд. почтов. союза	19 » — »	9 » 50 »	4 » 75 »

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

въ Главной Конторѣ журнала, Моховая, 37; въ книжныхъ магазинахъ: М. М. Стасюлевича, В. О., 5 л., 28; К. Риккера, Невскій, 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій, 20; Т-ва М. О. Вольфъ, Невскій, 13, и въ Гост. Дворѣ.

ВЪ КІЕВѢ:

въ книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ МОСКВѢ:

въ Отдѣленіи Конторы журнала: Большая Никитская, д. 5, въ книжн. магаз. Н. И. Карбасникова, на Моховой, и въ конторѣ Н. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ ОДЕССѢ:

въ книжн. магаз. «Образованіе», Ришельевская, 12; въ книжн. магаз. «Одесскихъ Новостей», Дерибасовская, 20; въ книжн. магаз. «Трудъ», Дерибасовская, 25.

ВЪ ВАРШАВѢ:

въ книжномъ магазинѣ «С.-Петербургскій Книжный Складъ» Н. П. Карбасникова.

Примѣчаніе. — 1) Почтовый адресъ долженъ быть написанъ четко и заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію и точное названіе мѣста жительства и губерніи; если въ мѣстѣ жительства подписчика *нѣтъ почтоваго учрежденія, гдѣ допускается выдача журналовъ, необходимо указать ближайшее почтовое учрежденіе, гдѣ таковая выдача производится* — 2) Перемѣна адреса должна быть сообщена Главной Конторѣ журнала *не позже 26-го числа каждаго мѣсяца, съ указаніемъ прежняго адреса;* перемѣна адреса, поступившая въ Контору послѣ 26-го, дѣлается лишь со слѣдующаго очередного номера. За перемѣну адреса городского на иногородный уплачивается одинъ рубль; въ остальныхъ случаяхъ (съ иногороднаго на иногородный, иногороднаго на городской) за перемѣну адреса никакой платы не взимается. — 3) Жалобы на неисправность доставки посылаются исключительно въ Главную Контору журнала и, согласно циркуляру Почтоваго Департамента, *не позже полученія слѣдующей книжки журнала.* Жалобы, поступившія позже этого срока, равно какъ и жалобы на неполученіе книжки, *вслѣдствіе несвоевременнаго заявленія о перемѣнѣ адреса,* оставляются Конторою безъ вниманія. — 4) При доплатной подпискѣ необходимо указывать свой точный адресъ и фамилію, а также и *прежній адресъ,* если предшествовавшая взносу книжка получалась подписчикомъ по иному адресу. — 5) Подписныя квитанціи высылаются Главною Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. (можно и почтовыми марками).

РЕДАКЦІЯ и ГЛАВНАЯ КОНТОРА „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ":

Моховая, 37.

МОСКОВСКОЕ ОТДѢЛЕНІЕ: Б. Никитская, 5.